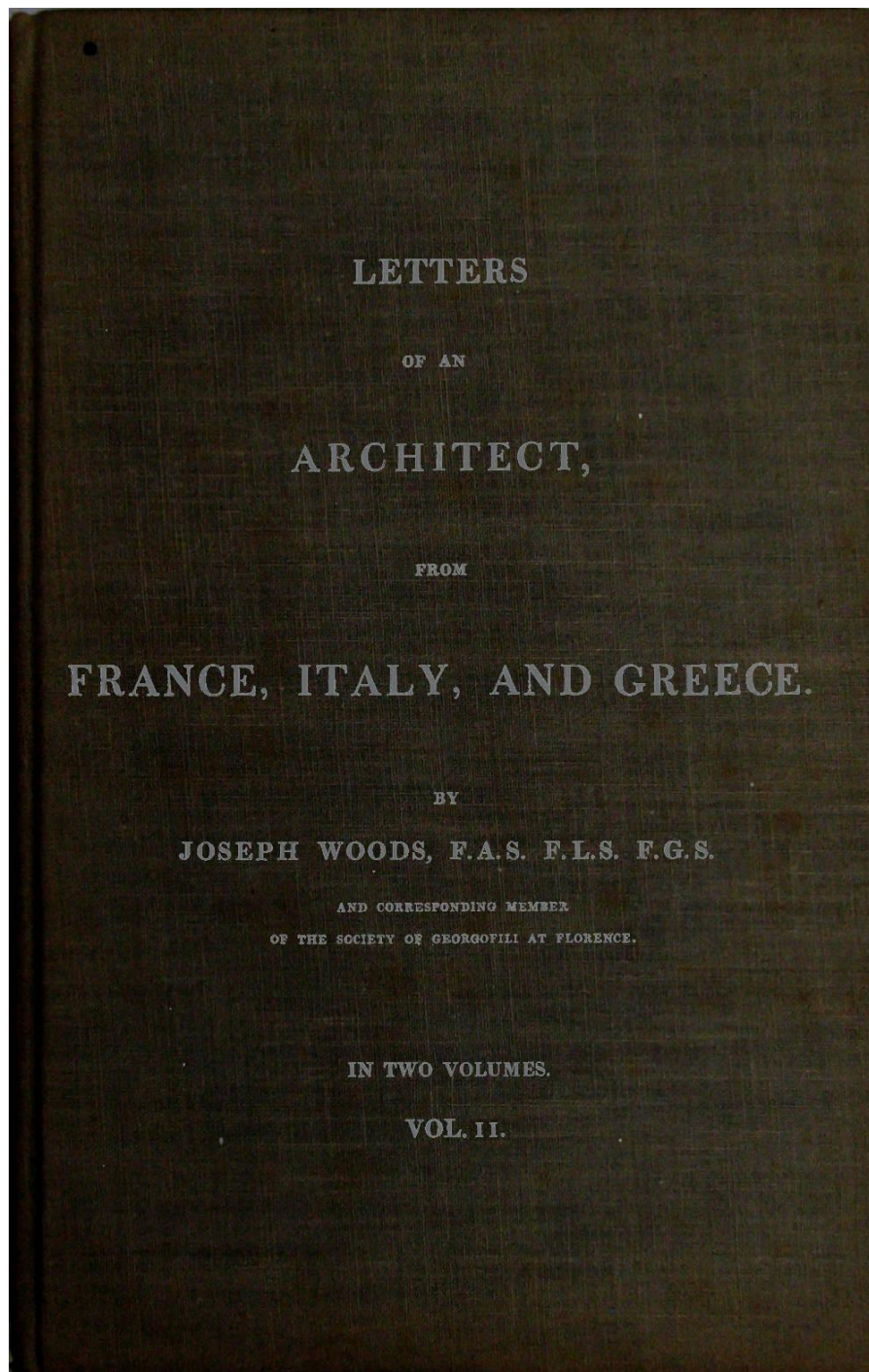

Письма архитектора из Франции, Италии и Греции. Том 2 [из 2]

Джозеф Вудс

Электронная книга проекта "Гутенберг" из писем архитектора из Франции, Италии и Греции. Том 2 [из 2]

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Письма архитектора из Франции, Италии и Греции. Том 2 [из 2]

Автор: Джозеф Вудс

Дата выхода: 12 января 2021 г. [Электронная книга № 64272]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторские права: Соня Шерманн и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПИСЬМА АРХИТЕКТОРА ИЗ ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ И ГРЕЦИИ". ТОМ 2 [ИЗ 2] ***

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

А. Б. Клейтон дель по эскизам Дж. Вудса

W^m. Скульптор Миллер.

Руины на Палатине По направлению к Большому цирку.

ПИСЬМА АРХИТЕКТОРА ИЗ ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ И ГРЕЦИИ.

АВТОР: ДЖОЗЕФ ВУДС, Ф.А.С. Ф.Л.С. Ф.Г.С., ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ ОБЩЕСТВА ГЕОРГОФИЛОВ ВО ФЛОРЕНЦИИ.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ II.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ

ДЖОН И АРТУР АРЧИ, 61 год, КОРНХИЛЛ.

1828.

Дж. Мак'Крири, Тукс Корт,

Чансери-лейн, Лондон.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ТОМ II.

БУКВА XXXI.

РИМ.

Стена Тарквиния Великого, 1.—Цирк Саллюстия, 1.—Храм Венеры Эрицины, 2.—Вилла Милиция, 2.—Фонтана Термини, 2.—Санта—Мария—делла—Виттория, 2.—Бани Диоклесиана, 3.—Церковь Сан—Бернардо, 3.—Санта—Мария—дельи—Анджели, 4.—Женский монастырь, 5.—Аггер Сервия Туллия, 5.—Церковь Санта—Бибьена, 5.—Храм Минервы Медики, 5.—Колумбарий семьи Арунтия, 5.—Храм Венеры и Купидона, 6.—Арка Долабеллы и Силана, 6.—Сан—Стефано—Ротондо, 6.—Навичелла, 7.—Церковь Санта—Мария—ди—Навичелла, 7.—Церковь Санти—Джованни—э—Паоло, 7.—Нимфеум, 8.—Церковь Сан—Грегорио, 8.—Часовня Святого Андрея, 8.—Септизоний, 8.—Большой цирк, 9.—Авентин, 9.—Церковь Санта Саба, 9.—Монте Тестаччо, 9.—Место захоронения, 10.—Пирамида Кая Цестия, 10.—Арка Сан-Лаззаро, 10.—Мраморная страда, 10.—Мадам Лукреция, 10.—Церковь Сан-Марко, 10.—Палаццо ди Венеция, 11.—Ринуччини, 11.—Алтьери, 11.—Дория, 11.—Скьярра, 11.—Монте Читорио, 12.—Солнечный обелиск, 12.—Палаццо Джиджи, 12.

ПИСЬМО XXXII.

ТРАСТЕВЕРЕ —СТЕНЫ.

Церковь Сан—Карло—нель—Корсо, 13.—Джезу—э—Мария, 13.—Палаццо Рондадини, 13.—Мавзолей Августа, 13.—Рипетта, 13.—Палаццо Боргезе, 14.—Церковь Сан—Агостино, 14.—Сан—Луиджи—де—Франчези, 14.—Палаццо Мадама, 14.—Пьяцца Навона, 15.—Портик церкви Сан—Панталео, 15.—Палаццо Браски, 15.—Пасквин, 16.—Церковь Санта—Мария—дель—Анима, 16.—Церковь Санта—Мария—делла—Паче, 16.—Монастыри, 16.—Кьеза—Нуова, 17.—Оратория Сан—Филиппо Нери, 17.—Сан—Джованни—де—Фиорентини, 17.—Мост Сант—Анджело, 17.—Мавзолей Адриана, 17.—Больница Спирито—Санто, 18.—Порта—ди—Спирито—Санто, 18.—Церковь Сант—Онофрио, 18.—Палаццо Корсини, 19.—Фонтана-ди-Понте-Систо, 20.—Церковь Тринита-де-Пеллегрини, 20.—Монте-ди-Пьета, 20.—Ботанический сад, 20.—Фонтана Паолина, 20.—Сан-Пьетро-ин-Монторио, 20.—Темплетто Браманте, 21.—Санта-Чечилия, 21.—Изола Тиберина, 22.—Храм Эскулапа, 22.—Палаццо Маттеи, 22.—Сан-Карло-а-Катинари, 22.—Санта-Мария-сопра-Минерва, 22.—Статуя нашего Спасителя, 23.—Порта-дель-Пополо, 23.—Стены, 23.—Муро торто, 23.—Порта Пиа, 23.—Преторианский лагерь, 24.—Порта Сан-Лоренцо, 24.—Порта Маджоре, 24.—Акведуки, 24.—Театр кастренсе, 25.—Порта Сан-Джованни, 25.—Порта Латина, 25.—Порта Сан-Себастьяно, 25.—Порта Сан-Паоло, 26.

ПИСЬМО XXXIII.

ОКРЕСТНОСТИ РИМА.

Пейзажи Рима, 27.—Казино Рафаэля, 27.—Вилла Боргезе, 28.—Вилла Понятовски, 28.—Вилла Джулия, 28.—Аква ацетоза, 29.—Памятник Святому Андрею, 29.—Понте Молле, 29.—Торре ди Квинто, 29.—Гробница Овидия, 30.—Вилла Мадама, 30.—Монте Марио, 30.—Валле д'Инферно, 30.—Порта Анжелика, 31.—Вилла Альбани, 31.—Понте Саларио, 31.—Понте Ламентано, 32.—Священная гора, 32.—Акведуки, 32.—Торре Пиньяттаро, 35.—Деградация римской архитектуры, 36.—Руины, состоящие из сетчатой работы, 36.—Торре дельи Скьяви, 37.

ПИСЬМО XXXIV.

ОКРЕСТНОСТИ РИМА.

Термы Каракаллы, 39.—Большие залы, 39.—Гробница Сципионов, 40.—Арка Друза, 41.—Гробница Марса, 41.—Церковь Домине кво вадис, 42.—Церковь Святого Себастьяна, 42.—Катакомбы, 42.—Сполиарий, 43.—Очень древняя гробница, 43.—Цирк Каракаллы, 43.—Храм Чести и добродетели, 44.—Храм Бури, 44.—Храм Вакха в Каффарелли, 45.—Грот Эгерия, 45.—Храм Редикулус, 46.—Гробница Цецилии Метеллы, 47.—Аппиева дорога, 48.—Рома Веккья, 48.—Римские дороги, 48.—Римские храмы, 49.—Тре Фонтане, 49.—Вилла Памфили, 49.—Мастерские (Канова), 50.—Торвальдсон, 50.—Фрагменты Вейи, 51.

ПИСЬМО XXXV.

ТИВОЛИ.

Кампанья, 52.—Озеро Тартари, 52.—Озеро Сольфатара, 53.—Понте Лукано, 54.—Памятник Плавту, 54.—Гробницы Серени, 54.—Вилла Адриана, 54.—Этап в Тиволи, 57.—Фигуры святых и Богов, 57.—Храм Весты, 57.—Опус инкертум, 57.—Церковь Святого Георгия, 59.—Водопад, 59.—

Виллы, 60.—Вилла Горация, 61.—Вилла Q. Вар, 61.—Циклопические стены, 62.—Вилла В. Басса, 64.—Ветриано, 64.—Карьеры травертина, 64.—Акведуки, 65.—Каскателли, 66.—Золотая Аква, 66.—Храм мира, 67.—Храм Тоссе, 67.—Вилла Мецената, 67.—Храм Геркулеса, 67.—Портик Геркулеса, 67.—Вилла д'Эсте, 67.

ПИСЬМО XXXVI.

СУБЬЯКО—ПАЛЕСТРИНА.

Акведуки, 68.—Дорога в Вико Варо, 70.—Вилла Сифакс, 70.—Вико Варо, 70.—Рокка Джоване, 70.—Лиценца, 71.—Фон Бандузи, 71.—Вилла Горация, 72.—Монастырь СанКозимато, 72.—Долина Анио, 72.—Субьяко, 73.—Термы Неро, 73.—Монастырь Санта Сколастика, 74.—Монастырь Святого Бенедикта, 74.—Дорога в Палестрина, 75.—Генеццано, 75.—Палестрина, 76.—Храм Фортуны, 76.—Циклопические стены, 77.—Храм Солнца, 77.—Вилла Константина, 78.—Римская мостовая, 78.

ПИСЬМО XXXVII.

ТУСКУЛУМ—АЛЬБАНО—ОСТИЯ.

Процессия за дождем, 79.—Мыс Святого Петра, 79.—Фраскати, 79.—Грот Феррата, 80.—Тускулум, 80.—Мондрагоне, 81.—Гробница Л. В. Корвина, 81.—Рокка дель Папа, 81.—Монте Каво, 82.—Триумфальная улица, 82.—Вилла Домициана, 83.—Вилла Помпея, 83.—Озеро Альбано, 83.—Эмиссарио, 84.—Термы Дианы, 84.—Термы в Альбано, 85.—Гробница Куриатов, 85.—Остатки Аппиевой дороги, 85.—Ариция, 85.—Озеро Неми, 85.—Неми, 86.—Веллетри, 86.—Перекрестки дорог, 87.—Кора, 87.—Храм Геркулеса, 87.—Храм Кастора и Поллукса, 88.—Вазы, найденные в Марино, 88.—Остия, 90.—Мал Ария, 90.—Порт Траяна, 91.—Морской берег, 92.—Вейи, 92.—Габии, 93.—Сильва сакра, 94.—Неттуно, 94.—Анций, 94.—Ардеа, 94.

ПИСЬМО XXXVIII.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ФЛОРЕНЦИЮ.

Спутники в путешествии, 95.—Церковь в Монте—Рози, 96.—Непи, 96.—Чивита кастеллана, 96.—Поэтический труженик, 97.—Отриколи, 97.—Нарни, 97.—Терни, 97.—Каскад, 98.—Сомма, 102.—Сполето, 102.—Храм Клитумна, 103.—Фолиньо, 104.—Перуджа, 104.—Фрасимена, 105.—Кортон, 106.—Грот Пифагора, 106.—Ареццо, 106.—Церковь Пьеве, 106.—Часовня в соборе, 107.—Последствия хрупких опор, 108.—Убийство, 108.

ПИСЬМО XXXIX.

МОДЕНА—ПАРМА—МАНТУЯ—ФЕРРАРА.

Сады Боболи, 110.—Кашине, 110.—Сравнение Флоренции и Рима, 110.—Прогулка в Болонью, 111.—Вулкан, 111.—Кипящий источник, 112.—Кафедральный собор в Модене, 113.—Итальянская готика, 113.—Реджо, 113.—Санта—Мария—ди—Консоляционе, 113.—Парма, 114.—Кафедральный собор, 114.—Баптистерий, 114.—Картины Кореджо, 114.—Церковь Стекката, 114.—Академия, 115.—Дворец, 115.—Язык, 115.—По, 116.—Мантуя, 116.—Кафедральный собор, 116.—Палаццо дель Те, 117.—Церковь Святого Себастьяна, 117.—Сан—Андреа, 117.—Рыбный рынок, 118.—Понте—ди—Лаго—Скуро, 118.—Феррара, 119.—

Кафедральный собор, 120.-Эхо, 120.-Путешествие в Имолу, 121.-Фаэнца, 121.-Рафаэль, 121.- Сельское хозяйство и т.д. 122.

ПИСЬМО XL.

РАВЕННА.

Равенна, 124.—Церковь Сан-Витторе, 124.—Спирито Санто, 125.—Церковь Санта Агата Маджоре, 125.—Монограммы, 126.—Сан Джованни делла Сагра, 126.—Сан Франческо, 127.—С. Ароллинаре nuova, 127.—С. Аполлинаре в Класе, 127.—Баптистерий, 128.—Санта Мария в Космедиме, 129.—С. Витале, 129.—Гробница Галлы Плацидии, 130.—Гробница Теодориха, 131.—Дворец Теодориха, 132.—Библиотека и музей, 133.—Гробница Данте, 133.— Кафедральный собор, 133.—Кампанила, 133.—Сосновый лес, 133.—Римини, 134.—Мост Августа, 134.—Арка Августа, 134.—Кафедральный собор, 135.—Недостаток патриотических чувств у итальянцев, 136.—Сенегалья, 137.—Анкона, 137.—Арка Траяна, 137.—Кафедральный собор, 138.—Санта Мария делла Пьяцца Коллегиата, 138.—Лорето, 139.—Пьяцца, 139.— Церковь, 139.—Святой дом, 139.—Аптекарская лавка, 140.—Проповедь, 140.—Чудеса, 142.— Путешествие в Мачерату, 142.—Театр, 143.—Апеннины, 143.—Возвращение в Рим, 144.— Римские забавы, 146.

БУКВА XLI.

АКАДЕМИИ.

Схема английской академии, 147.—Английская академия, 148.—Римская академия, 149.— Милиция, 149.—Наставление молодому архитектору, 155.

БУКВА XLII.

СПЕКУЛЯЦИИ В РИМЕ.

Использование кирпича, 163.—Республиканские здания, 163.—Развитие орнамента, 165.— Характер итальянцев, 168.—Разделение труда в Риме, 169.—Рим, столица мира, 169.— Чистилище, 172.—Современное состояние Италии, 172.

ПИСЬМО XLIII.

НЕАПОЛЬ.

Любовь к искусству в Италии, 174.—Путешествие в Неаполь, 174.—Убитый почтальон, 175.— Террачина, 176.—Фонди, 177.—Итри, 177.—Гробница Цицерона в Моле, 177.—Капуя, 177.— Гостиница в Неаполе, 178.—Дворцы, 178.—Королевский дворец, 178.—Театр Сан—Карло, 178.—Кастелло нуово, 178.—Дворец Студий, 179.—Кафедральный собор, 179.—Церковь Санта—Реститута, 181.—Часовня Сан—Дженнаро, 181.—Джероломини, 182.—Церковь Святого Павла, 182.—Часовня Сангро, 182.—Церковь Сан—Доменико Маджоре, 183.—Санта—Кьяра, 183.—Тринита маджоре, 184.—Аннунциата, 184.—Сан—Пьетро ад арам, 184.—Санта—Мария— дель—Кармине, 184.—Кровь святого Януария, 185.—Неаполитанская жизнь, 186.—Монеты, 187.— Сравнение Рима и Неаполя, 189.—Тоledo, 190.—Виды из Неаполя, 190.—Чияя, 190.—Капо ди Монте, 191.—Королевский отель Повери, 191.

ПИСЬМО XLIV.

ОКРЕСТНОСТИ НЕАПОЛЯ.

Грот Паузилиппо, 192.—Поццуоли, 193.—Храм Юпитера Сераписа, 193.—Храм Нептуна, 196.—Амфитеатр, 197.—Сольфатара, 197.—Озеро Аньяно, 198.—Грот дель Кане, 198.—Вилла Цицерона, 199.—Монте нуово, 199.—Арко Феличе, 199.—Кума, 199.—Амфитеатр, 199.—Озеро Ахерон, 199.—Храм Тритола, 200.—Термы Нерона, 200.—Озеро Лукрин, 200.—Озеро Авернус, 200.—Мост Калигулы, 201.—Основания колонн в море, 201.—Кампанский путь, 201.—Ла Мергеллина, 202.—Санта—Мария—дель—Парто, 202.—Холм Паузилиппо, 202.—Гробница Вергилия, 202.—Экскурсия в Байи, 203.—Школа Вергилия, 203.—Капо Мизено, 204.—Драгонара, 204.—Елисейские поля, 204.—Писцина мирабиле, 204.—Центо камарель, 204.—Гробница Агриппины, 204.—Храм Геркулеса, 204.—Храм Венеры генитрикс, 205.—Храм Меркурия, 205.—Храм Дианы, 205.—Руины в Байе, 205.—Камальдоли, 206.—Экскурсия в Помпеи, 207.—Геркуланум, 208.—Торре дель Греко, 208.—Башня Аннунциата, 208.—Помпеи, 208.—Понте делла Мадделена, 209.—Старая Капуя, 209.—Казерта, 210.

ПИСЬМО XLV.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АФИНЫ.

Путешествие в Бари, 211.—Взятые на службу грабители, 212.—Фоджа, 214.—Бари, 214.—Кафедральный собор, 215.—Церковь Сан—Никола, 215.—Нормандская церковь в Бари, 215.—Резиденция в Бари, 216.—Путешествие в Отранто, 216.—Лечче, 218.—Архитектурный стиль, 218.—Отранто, 219.—Оливковые деревья, 219.—Путешествие на Корфу, 220.—Современные греческие здания, 220.—Греческая одежда, 220.—Почва Корфу, 221.—Путешествие в Санта—Мауру, 222.—Агионези, 222.—Санта—Маура, 224.—Левкас, 224.—Путешествие в Патры, 225.—Путешествие в Востицу, 226.—Путешествие в Коринф, 227.—Древности в Коринфе, 228.—Путешествие в Афины, 228.

ПИСЬМО XLVI.

АФИНЫ.

Греческие квартиры и образ жизни, 229.—Топография, 230.—Илисс, 231.—Кефис, 231.—Природа скалы, 232.—Эффект первоклассных постановок, 232.—Обзор объектов в путешествии, 233.—Прибытие в Афины, 234.—Памятник Лисикрату, 234.—Башня ветров, 234.—Портик рынка, 234.—Стоа, 234.—Гимнасий, 234.—Храм Тесея, 234.—Расположение зданий, 235.—Греческие храмы, 235.—Изразцы, 237.—Внешняя роспись, 237.—Сравнение греческих и римских орнаментов, 239.

ПИСЬМО XLVII.

АКРОПОЛЬ.

Пропилеи, 241.—Храм Победы без крыльев, 241.—Очень древние сооружения, 246.—Способ отделки, 246.—Парфенон, 246.—Состояние религиозных зданий, 247.—Последствия взрыва, 248.—Природа карьеров пентелийского мрамора, 251.—Желание заполучить фрагменты, 253.—Храм Эректа, 254.—Храм Минервы Полиас, 257.—Храм Пандроса, 257.

ПИСЬМО XLVIII.

ДРУГИЕ ДРЕВНОСТИ АФИН.

Сравнение Рима и Афин, 259.—Стены Акрополя, 261.—Грот Пана, 261.—Большой антаблемент, 261.—Более древние стены, 262.—Хорагические памятники, 262.—Театр Вакха, 262.—Одеум, 262.—Храм Юпитера Олимп, 262.—Прогресслисты, 263.—Арка Адриана, 265.—Ареопаг, 266.—Пникс, 266.—Памятник Филопаппу, 266.—Стадион Ирода Аттика, 267.—Мост через Илосс, 267.—Гробницы, 267.—Академия, 268.—Колония, 268.—Лицей, 268.—Турецкая архитектура, 268.—Греческие церкви, 269.

ПИСЬМО XLIX.

ОКРЕСТНОСТИ АФИН.

Пирей, 271.—Гробница Фемистокла, 271.—Мунихия, 271.—Фалерус, 272.—Экскурсия к Дафне, 272.—Письменная скала, 273.—Соленые ручьи, 273.—Экскурсия в Гимет, 274.—Климат Афин, 275.—Новогреческий, 275.—Образ жизни, 278.—Танцующие дервизы, 279.—Греческий карнавал, 280.—Греческая одежда, 281.—Школы в Греции, 285.

БУКВА L.

ЭКСКУРСИЯ По АТТИКЕ.

Храм Юпитера Панэллинского в Эгине, 287.—Сравнение греческих и английских пейзажей, 288.—Храм Минервы в Суниуме, 289.—Остатки в Торике, 289.—Марафонская равнина, 290.—Руины в Рамне, 291.—Возвращение в Афины, 292.—Чума, 292.

БУКВА LI.

ПУТЕШЕСТВИЕ Из АФИН На МАЛЬТУ.

Храм близ порта Эгина, 295.—Подгавро, или Эпидавр, 296.—Иеро, 296.—Театр, 297.—Нафплия, 298.—Тиринс, 298.—Аргос, 298.—Руины Микен, 299.—Руины Немеи, 301.—Прибытие в Коринф, 301.—Базилика, древний Сикион, 302.—Путешествие в Патры, 303.—Единственная Медуза, 303.—Греческие горы, 303.—Землетрясение, 304.—Римский акведук в Патрах, 305.—Карантин, 305.—Путешествие на Мальту, 305.

БУКВА LII.

Мальта.

Карантин, 307.—Архитектура Мальты, 308.—Церковь Сан—Джованни Баттиста, 309.—Церковь Сан—Агостино, 309.—Церковь Сан-Доменико, 309.—Дворец, 310.—Караульное помещение, 310.—Библиотека, 310.—Лестницы, 310.—Побелка, 311.—Деревенские церкви, 311.—Деревни, 311.—Резиденция, 311.—Язык, 312.—Рисунки Лузьери, 312.—Кельтская древность, 312.—Холмы, 312.—Чума, 313.—Собор в Читта Веккья, 314.—Грот Святого Павла, 315.—Боскетто, 315.—Скачки, 315.—Мальтийское платье, 315.—Правительство, 316.

БУКВА LIII.

СИРАКУЗЫ—КАТАНИЯ.

Трабакколо, 317.—Агуста, 317.—Сиракузы, 318.—Храм Минервы, 318.—Кафедральный собор, 318.—Храм Дианы, 319.—Аретуза (фонтан), 319.—Колоннада без острова, 319.—Амфитеатр, 319.—Латоми, 319.—Парадизо, 319.—Ухо Дионисия, 319.—Театр, 320.—Укрепления, 320.—Эпиполис, 320.—Акведуки, 321.—Другие Латоми, 321.—Монастырь капуцинов, 321.—Кладбище, 321.—Катакомбы, 321.—Фонтан Циана, 321.—Храм Юпитера, 321.—Кофейни и люди, 321.—Путешествие в Катанию, 322.—Катания, 323.—Музей принца Бискари, 323.—Дон Марио, 324.—Бани, 324.—Театры, 324.—Амфитеатр, 324.—Круглая камера, 324.—Кафедральный собор, 325.—Музей Кавалерии. Джоени, 325.—Музей барона Рикуперо, 325.—Музей в бенедиктинском монастыре, 325.—Лава, 325.—Экскурсия на вершину Этны, 326.

БУКВА LIV.

ТАОРМИНА—МЕССИНА—ПАЛЕРМО.

Этна, 329.—Путешествие из Катании, 329.—Таормина, 330.—Театр, 330.—Гробницы, 331.—Готический дверной проем, 332.—Путешествие в Мессину, 332.—Кафедральный собор, 333.—Церковь Санта—Мария Аннунциата, 334.—Сан—Джованни Баттиста, 334.—Горы Калабрии, 334.—Сперонара, 334.—Путешествие в Палермо, 335.—Палермо, 336.—Сравнение различных видов, 336.—Мнения Сицилийцы в отношении своих древностей, 337.—Замок Зиса, 338.—Кастедду, 338.—Кафедральный собор, 339.—Сан-Никколо делла Кальса, 340.—Ботанический сад, 341.

БУКВА LV.

AGRIGENTUM—SELINUS—SEGESTA.

Путешествие в Агриджент, 342.—Белли Фрати, 342.—Королевский лес Бусамбры, 342.—Волокнистый карбонат извести, 343.—Наступление ручьев, 343.—Гиргенти, 344.—Оратория Фалариса, 344.—Храм Юноны, 345.—Храм Согласия, 345.—Храм Геркулеса, 345.—Храм Юпитера, 346.—Гробница Терона, 347.—Храм Эскулапа, 347.—Храм Кастора и Поллукса, 347.—Храм Юпитера Полиея, 348.—Слюдяной мрамор, 348.—Кафедральный собор, 348.—Теплый ветер и теплые источники в Шакке, 348.—Путешествие в Селинус, 349.—Храмы в Селинусе, 349.—Своеобразные капители, 350.—Древние каменоломни, 352.—Путешествие в Сегесту, 352.—Храм в Сегесте, 352.—Театр, 353.—Алькамо, 353.—Партенико, 353.—Кафедральный собор в Монреале, 354.—Орlando Фуриозо, превращенный в фарс, 354.—Экскурсия в Чефалу, 355.—Кафедральный собор, 356.—Дом Рожера, 356.—Циклопические сооружения, 356.—Термини, 356.—Путешествие в Неаполь, 357.

БУКВА LVI.

POMPEI.

Жилые помещения в Помпеях, 358.—Солдатские казармы, 359.—Крытый театр, 360.—Большой театр, 361.—Большой двор и храм Геркулеса, 361.—Ионический портик, 362.—Школы, 363.—Храм Исиды, 363.—Храм Эскулапа, 363.—Форум, 364.—Суды, 365.—Базилика, 365.—Храм Венеры, 366.—Портик Евмахии, 367.—Храм Меркурия, 368.—Перерыв, с количеством алтарей, 368.—Храм Юпитера, 368.—Триумфальные арки, 369.—Амфитеатр, 369.—Частные дома, 369.—Картины, 370.—Гробницы, 371.—Виллы, 372.—Мозаики, 373.—Указания на средства

заклучения и наказания, 373.—Пантеон, 374.—Бани, 374.—Дом поэта—трагика, 375.—Дом Фуллера, 375.

БУКВА LVII.

НЕАПОЛЬ—ПЕСТУМ.

Тосканцы и неаполитанцы, 376.—Вилла Галла, 377.—Путешествие в Пестум, 377.—Храм Нептуна в Пестуме, 378.—Базилика, 379.—Амфитеатр, 379.—Театр, 379.—Своеобразный стиль столицы, 379.—Храм Цереры, 380.—Другие фундаменты, 380.—Стены и ворота, 380.—Соляные источники, 380.—Гробницы, 381.—Кафедральный собор в Салерно, 381.—Древний баптистерий в Ночера, 382.

БУКВА LVIII.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ И ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА ТАМ.

Неаполитанский веттурины, 383.—Путешествие в Рим, 383.—Анкур, 384.—Дворец Теодориха, 384.—Канцелярия с мертвыми письмами, 385.—Резиденция в Риме, 385.—Итальянская проповедь, 386.—Проповедь капуцинов, 386.—Катехизирование, 386.—Церковь Кановы, 387.—Переправа через Тибр, 387.—Развлечения и иллюминации в честь визита императора в Рим, 387.

БУКВА LIX.

ПУТЕШЕСТВИЕ ФЛОРЕНЦИЯ—ПИЗА.

Путешествие во Флоренцию, 389.—Ассизи, 389.—Храм Коринфского ордена, 389.—Кафедральный собор, 389.—Церковь и монастырь Святого Франциска, 389.—Санта Мария дельи Анджели, 390.—Хижина святого Франциска, 390.—Резиденция во Флоренции, 390.—Свод, 391.—Академия, 391.—Пьетре дюре, 391.—Монте Асенарио, 392.—Пратолино, 392.—Путешествие в Ливорно, 392.—Ливорно, 393.—Пиза, 393.—Своеобразный стиль архитектуры, 393.—Кафедральный собор, 393.—Баптистерий, 396.—Кампо Санто, 397.—Падающая башня, 397.—Церковь Санта Мария делла Спина, 397.—Домашняя архитектура, 398.—Бани, 398.—Пизанское дерево, 398.

БУКВА LX.

ШКОЛЫ.

Ланкастерские школы во Флоренции, 399.—Ланкастерские школы в Сиене, 401.—Арифметика, 402.—Школы в Альберго де Повери, 403.—Школы Братства Кристиани, 404.—Римляне и карфагеняне, 404.—Пирог с начинкой в Риме, 405.—Пирог с начинкой во Флоренции, 405.—Конкурсы, 406.—Коллегио Романо, 407.—Учреждение во Флоренции, 407.—Тосканская система образования, 408.

БУКВА LXI.

ЛУККА—ДЖЕНОА.

Лукка, 409.—Кафедральный собор, 409.—Святой Михаил, 410.—С. Фреддиано, 411.—Санта-Мария-форис-портам, 411.—С. Джусто, 412.—С. Кристофоро, 412.—Прогрессивные даты, 412.—

Собор в Пистойе, 412.—Сан—Андреа, 413.—Баптистерий, 413.—Собор в Прато, 413.—Крепостные стены Лукки, 413.—Бани Лукки, 413.—Лес чесночных деревьев, 414.—Прато Фиорито, 414.—Дорога через горы в Модену, 415.—Бурый уголь в Гивиццано, 415.—Виареджо, 415.—Римские бани в Массачукколи, 415.—Ла Беттона, 416.—Монте—Симоне, 416.—Леса на Апеннинах, 416.—Школа среди Апеннин, 416.—Пламя в Биригацце, 416.—Путешествие в Каррару, 416.—Мраморные карьеры, 417.—Кафедральный собор, 417.—Школа скульптуры, 417.—Леричи, 418.—Порто Венере, 418.—Спецкий залив, 418.—Путешествие в Геную, 418.—Генуя, 420.—Собор в Генуе, 420.—С. Сир, 420.—Церковь Святой Аннунциаты, 420.—Санта—Мария—ди—Кариньяно, 420.—Статуя Святого Себастьяна работы Пьюджета, 420.—Церковь Святого Амвросия, 421.—Церковь Святого Стефана, 421.—Гробница Дориа, 421.—Дворцы, 421.—Богадельня в Генуе, 421.—Путешествие в Турин, 422.—Турин, 422.—Кафедральный собор, 423.—Часовня Санто—Сударио, 423.—Сан—Филиппо, 423.—Сан—Лоренцо, 424.—Церкви поменьше в Турине, 424.—Арсенал, 424.—Театр, 424.—Дворцы, 424.—Ботанический сад, 425.—Суперга, 425.—Арка Августа в Сузах, 426.—Прогулка по горе Сени, 427.—Кафедральный собор в Шамбери, 428.—Древности в Экс, 429.—Путешествие в Женеву, 429.

ПИСЬМА АРХИТЕКТОРА.

ПИСЬМО XXXI.

РИМ.

Рим, май 1817 года.

Наша нынешняя прогулка должна включать в себя большую трассу, чем предыдущая. Мы проходим через Пьяцца Барберини и по Виа ди Сан-Базилио, которая вскоре выведет нас за пределы населенного района города, и англичанин начинает чувствовать себя в деревне, хотя и за городскими стенами. Вот Вилла Людовизи, но попасть на нее трудно; поэтому мы поворачиваем направо и на Вилло делле Фьямме входим в сады, которые, подобно тем, через которые проходил Аладдин в "Тысячи и одной ночи", не разделены заборами друг от друга, а просто охраняются со стороны дороги. Первое, что бросается в глаза, — это фрагмент стены из больших камней, которая, как говорят, является остатком стены, построенной Тарквинием Гордым, которая сама по себе была восстановлением более прочной каменной кладки той, что была впервые возведена Сервием Туллеем, чтобы включить Квиринал в контур Рима. Чуть дальше мы отчетливо прослеживаем форму цирка Саллюстия, который занимает продолжение котловины между Пинцианским и Квиринальским холмами; а рядом с ним, но неравномерно в параллельном направлении, находится ряд арок и подпорок, поддерживающих холм; но фрагмент Тарквиния Великого, по-видимому, не имеет ничего общего ни с цирком, ни с этими подпорами. Это мелочь сама по себе, но ее древность придает ей интерес, и, как говорят, в результате раскопок было обнаружено еще больше. На некотором расстоянии, вдоль подножия вышеупомянутых сооружений и недалеко от цирка, мы достигаем Храма Венеры Эрицины (пусть антикварию спорят о названии, я использую то, под которым его обычно различают). Основная часть состоит из круглого куполообразного помещения, почти погребенного под землей и мусором, который сошел с холма выше, с небольшой полукруглой нишей и двумя квадратными нишами с каждой стороны, две из которых открыты и ведут внутрь здания. Главный вход

осуществляется из небольшого вестибюля с помощью большой арки; и соответствующая арка с аналогичным вестибюлем открывается в глубокую камеру или придел храма; обе эти арки прерывают линию изгиба купола. Этот и другие фрагменты изобилуют сетчатыми работами.

Выйдя из виноградников и перейдя длинную улицу Порта Пиа, мы можем пойти по Виа дель Макао, чтобы взглянуть на дом, построенный под руководством Милиции; но, хотя он был способным писателем по архитектуре, хорошим архитектором он не был.

Нашим следующим объектом будет Фонтан Термини, вода в котором называется Феличе, по имени Сикста Пятого, до его возведения на понтификат; поскольку им вода была проведена из Колонны в Рим, и этот фонтан был возведен под руководством Фонтаны. Вы будете удивлены как количеством воды, так и архитектурой этих римских фонтанов. Здесь четыре ионические колонны с тремя нишами в межколоннах, из которых вытекает вода; и пока архитектурная композиция хороша, но вверху есть пьедестал, сделанный самых непропорциональных размеров, чтобы вместить крупные буквы надписи, а над ним что-то вроде круглого фронтона и другие украшения, которые вызывают отвращение. Скульптура в нишах большая и бросающаяся в глаза, но безвкусная, а два прекрасных египетских льва из базальта, украшающие нижнюю часть, являются наиболее достойной частью композиции. Даже они плохо используются из-за того, что в них вставлены маленькие трубки, через которые они неловко выбрасывают немного воды.

Санта-Мария-делла-Виттория совсем рядом, на Страда-ди-Порта-Пиа, если не одна из красивейших, то, по крайней мере, одна из богатых церквей Рима. Он был построен Карло Мадерно, который использовал сицилийский алебастр темно-коричневого цвета, который не является хорошим материалом для архитектуры, и украсил его позолотой и орнаментами. Существует даже предлог сделать двери из этого алебастра, что является дурным тоном. Двери должны быть либо деревянными, либо металлическими. Одной только двери гробницы, которая, как предполагается, открывается только раз в два-три года, может быть разрешено быть мраморной. Церковь посещают не столько из-за ее архитектуры, сколько из-за некоторых прекрасных картин Доменикино, Гверчино и Гвидо;^[1] и Санта-Тереза из мрамора работы Бернини, которая, как говорят, является его шедевром. Предполагается, что святой умирает в экстазе божественной любви, но фигуре нужна природа, и смерть - это ухмыляющийся ангел с позолоченным дротиком. Под главным алтарем (который очень богат и очень уродлив) сохранились кости какой-то святой женщины, я забыл, кого именно, покрытые восковым изображением, и это весело одетое в бело-голубой атлас; потому что, как рассудительно заметил священник, который водил меня по церкви, скелет был черным и неприятным предметом, совершенно не соответствующим внешнему виду такого элегантного алтаря.

Теперь мы переходим к термам Диоклесиана, остатки которых более значительны, чем от любых других древних терм. В этих руинах до сих пор сохранились две церкви, одна из которых посвящена Сан-Бернардо. Это небольшое круглое здание, расположенное как раз под углом к внешней ограде, но все древние украшения исчезли, за исключением голых панелей купола, которые были покрыты современной штукатуркой. Он состоит из восьмиугольников и маленьких квадратов. По окружности тридцать два восьмиугольника, что делает их слишком маленькими, особенно в верхней части. Порядок в этом храме, возможно, слишком высок по сравнению со зданием. *Архитравный карниз*, которым он заканчивается, едва ли имеет размеры хорошего архитрава, а затем идет купол и его панели без какого-либо промежутка. Сравнение этого с

Пантеоном, где порядок слишком мал, может привести нас к правильным пропорциям. Чтобы избежать затрат на резьбу, орнаменты нанесены на штукатурку или были плохо выполнены, либо выцвели. Хоры образуют глубокую нишу, арочный проем которой, возможно, чересчур высок, но не настолько, чтобы прерывать круглый карниз ордена. Эффект органа и голосов хора, доносившихся из этой ниши, показался мне особенно прекрасным. Из монастыря позади мы видим остатки театра, и иногда можно попасть в сад, в котором он находится, но там мало что заслуживает внимания. Другое круглое здание, соответствующее этому, используется как зернохранилище.

Главным объектом, сохранившимся в этих банях, является большой зал, ныне преобразованный в церковь Санта-Мария-дельи-Анджели. Это было исполнено под руководством М. А. Буонарроти, который сделал главный вход в конце. Ванвितелли, последний из знаменитых архитекторов Италии, заново открыл древний вход сбоку и, объединив круглый вестибюль с главной комнатой и пристроив хоры на противоположной стороне, увеличил длину церкви в этом направлении. Четыре боковые ниши были заполнены, а длина, или то, что сейчас составляет ширину, увеличена за счет открытия в них двух других камер. В своем нынешнем состоянии большой зал с двумя дополнительными комнатами образует трансепт; но поскольку этот зал во всех отношениях является главной особенностью здания, он, безусловно, должен был образовывать неф, и изменение было неразумным. Мы не ожидаем особой чистоты вкуса во времена Диоклесиана, однако детали ни в коем случае не вызывают презрения, а масштабность и смелость деталей создают впечатление великолепия.

Первая комната, в которую мы сейчас входим, представляет собой круглый вестибюль, где наклонные арки четырех проемов особенно неприятны, потому что они очень велики по сравнению со зданием; некоторые схемы арок в большом зале также неприятны, но сам зал - благородное помещение, и производит полный эффект своих больших размеров. От этих больших и простых частей возникает удовольствие, которое невозможно описать и о котором я тщетно стремлюсь сообщить вам. Старая работа, как правило, отличается от современных дополнений; действительно, не было приложено никаких усилий, чтобы в точности скопировать антикварную. Из основных колонн четыре имеют коринфский орнамент и четыре составных капителя; и, по-видимому, так было изначально, хотя сами колонны сейчас сделаны частично из гранита, а частично из оштукатуренного кирпича. Сводчатый потолок побелен и не имеет украшений, за исключением медных шишечек, к которым в древности подвешивались лампы.

Основание церкви было приподнято, потому что оно было влажным; мы удивляемся, почему его не следовало осушить, поскольку ситуация находится на возвышенности. Нынешняя нехватка высоты - ощутимый недостаток; я думаю, она не превышает двух третей ширины и, возможно, первоначально составляла не более трех четвертей. Я бы ни в коем случае не пытался в этом архитектурном стиле подражать пропорциональной высоте готики, особый характер которой требует большого возвышения; но высота не должна *казаться* меньше ширины, и поэтому, вероятно, должна немного превышать ее. Если она больше этой величины, ее следует увеличить в достаточной степени, чтобы высота стала характеристикой помещения, размером, который в первую очередь производит впечатление на наблюдателя. Промежуточные пропорции уступали бы и тем, и другим; полумеры терпят неудачу не только в архитектуре.

Из церкви мы можем посетить женский монастырь, любясь как его древними фрагментами, так и современной архитектурой. Он представляет собой большую площадь, центр которой

украшен несколькими благородными кипарисами, а окружающие его монастыри, как говорят, являются творением месье Анджело. Расположение кухонного дымохода в этом монастыре мне очень понравилось; это глубокое углубление, освещенное двумя окнами, а печи расположены посередине. Помимо общего дымохода для отвода пара и т.д., есть несколько дымоходов поменьше для отвода дыма.

Продолжая путь от этих бань до конца Виа дель Макао, мы находим в винограднике земляную насыпь, которая, как говорят, является частью *башни* Сервия Туллия, а ряд арок, тянувшихся к воротам Сан-Лоренцо, является частью Марцианского акведука, по которому сейчас проходит Аква Феличе; но я оставляю акведуки и ворота для будущего письма и перейду к церкви Санта-Бибьена, где есть несколько древних колонн и статуя святого работы Бернини. Ею многие восхищались, но, как и многими другими работами этого художника, она терпит неудачу из-за отсутствия кажущейся легкости и незатейливости натуры. Через ворота, которые не всегда открыты, мы можем пройти на территорию, содержащую руины, обычно называемые храмом Минервы Медики, возвышающиеся среди артишоков и брокколи. Главное сохранившееся здание представляет собой большой куполообразный десятиугольный зал, форма, не распространенная в римских древностях, с девятью большими нишами, каждая из которых занимает почти всю свою соответствующую сторону, десятая - дверной проем; и окном над каждой. Купол частично разрушен, а оставшаяся часть пробита во многих местах, что свидетельствует о том, что древняя конструкция была образована ребрами, стремящимися к центру, в то время как промежутки между ними завалены щебнем. Есть остатки других смежных комнат. Вся территория заросла чечевицей и другими кустарниками и растениями. Он образует живописный объект, но кажется невозможным определить его примитивное назначение.

Рядом с этим находится Колумбарий, или усыпальница семьи Арунтий. Вы можете подумать, что между гробницей и голубятней мало сходства, но это название возникло из-за маленьких углублений по сравнению с голубятнями, в которых хранятся погребальные урны. Я полагаю, что это самое совершенное из всех сохранившихся и доступных произведений в Риме, но редко кто-то мешает выставлять его, и я пока не смог получить допуск. Мы покидаем этот виноградник сразу за воротами Маджоре и, проходя под прекрасно построенной кирпичной аркой акведука Клавдия, продолжаем нашу прогулку к Храму Венеры и Купидона, который стоит в саду монастыря. Почти все это осталось стоять в большой нише. Сохранились остатки кирпичной облицовки и несколько других оснований стен, немного возвышающихся над землей. Разрушенные опоры и арки древних акведуков, выставленные в этих садах, пожалуй, более интересны, чем фрагмент храма. Под этим подразумевается церковь святого креста, которую я уже описывал вам, как церковь Санта-Кроче в Иерусалиме, и Кастренсе-Анфитеатро, которую я имею в виду описать вместе с городской стеной, частью которой она является. Затем мы проходим под стеной среди рядов деревьев, по дерну, ныне покрытому *гортензией* *анемоны*, к церкви Святого Иоанна Латеранского, останавливаясь по пути, чтобы взглянуть на Триклиний и Скала Санта. Миновав эти объекты, мы прибываем в баптистерий Константина; обелиск, который является самым большим в Риме, и больницу; прекрасное заведение, но, согласно римской теории, подвержено болезням почти в такой же степени, как и более крупное вместилище в Санто-Спирито, которое находится под Ватиканом и недалеко от Тибра, хотя оно находится на возвышенности и проветривается. Отсюда мы пойдем по узкому, извилистому и малолюдному переулку, который приведет нас под древнюю арку Долабеллы и Силана, консулов при Августе в 763 году от основания Рима. Он был сделан из травертина, но при

Нероне его облицовали кирпичом, чтобы по нему можно было перенести часть воды Клавдии с Килианского холма на Палатин.

Церковь Сан-Стефано-ротондо - любопытное сооружение, которое, как предполагают некоторые, было храмом Фавна или Клавдия; другие говорят, со всеми видимыми основаниями, что это был вовсе не храм; но когда они продолжают утверждать, что это был рынок, я следую им с меньшей уверенностью. Корпус, или наиболее возвышенная часть, состоит из круглой стены, поддерживаемой двадцатью колоннами и двумя опорами. Колонны не все одинакового размера, но в среднем имеют расстояние примерно в четыре диаметра друг от друга и около восьми с половиной в высоту. Архитрав, фриз и карниз, соединенные вместе, образуют своего рода архитрав, возможно, в полтора диаметра; тем не менее, он не выглядит настолько подавленным огромной стеной наверху, как дают нам основания ожидать имеющиеся у нас гравюры. Каким бы несовершенным и ущербным оно ни было, оно, возможно, могло бы послужить уроком, что стена, поднимающаяся непосредственно над архитравом круглой колоннады, не производила бы неприятного эффекта; и что при таком простом расположении высоты, равной ширине, было бы вполне достаточно. В настоящее время здание сильно пострадало из-за проходящей посередине стены, по-видимому, поддерживающей крышу; но на самом деле оно столь же бесполезно, сколь и уродливо. Эта стена открыта снизу, с тремя арками, опирающимися на боковые стены, и двумя коринфскими колоннами. Капители круглой колоннады ионические, разнообразные, но все плохие, как и основания всех форм. Две средние колонны очень изящные, с хорошими основаниями и коринфскими капителями. Предполагается, что поперечная стена не была частью первоначального здания, но никто не знает, когда она была пристроена. Эту центральную часть окружает двойной проход, разделенный рядом колонн, которые меньше, чем колонны первого круга, и расположены не так, чтобы иметь какое-либо соответствие с ними. Внешний контур представляет собой простую стену, но часть второго придела разделена на часовни. Это полностью построенное из чужих трофеев здание, и немногочисленные реставрации выполнены с треском; обстоятельства, которые благоприятствуют идее, что оно было возведено во времена Константина. Слишком плохо для нас, чтобы верить в более раннюю дату, а после него в Риме было построено лишь несколько общественных зданий, если вообще были какие-либо, за исключением церквей. Благочестие или суеверие того времени, по-видимому, продолжало воздвигать их в самые мрачные и несчастливые периоды падения Италии; и все же, по-видимому, даже религиозных структур было недостаточно с начала четвертого и до конца седьмого века, когда начали складываться новый характер и новые отношения.

На очень небольшом расстоянии от церкви Сан-Стефано находится Навичелла, мраморная ладья, поставленная Львом Десятым перед церковью, которая получила от нее свое название, но где Лев нашел ее, я не могу вам сказать. Церковь была спроектирована Рафаэлем; ряд из пяти арок образует своего рода портик, над которым возвышается неф, соответствующий по ширине трем из этих арок и заканчивающийся фронтоном. Простота дизайна и его очевидное соответствие внутренней структуре производят приятный эффект; но вместо одного большого окна в конце нефа Рафаэль ввел три маленьких, среднее из которых круглое, и они, к сожалению, портят композицию. Джулио Романо был нанят для росписи внутренних фриз.

Покинув Навичеллу, мы можем посетить церковь Санти Джованни э Паоло, украшенную, как и многие другие, античными колоннами из гранита имрамора как в портике, так и в нефе. Я уже упоминал о древностях, хранящихся в монастыре. Продолжая нашу прогулку по аллее сбоку от

церкви, мы проходим между массивными фундаментами, а в прилегающем саду находятся значительные остатки, в основном, я полагаю, акведука Нерона, который является ответвлением Клавдиева. Пиранези помещает здесь Нимфеум Нерона, с которым он объединяет Виварий, построенный Домицианом; предполагается, что здесь также стоял дом Скавра, и эти фрагменты могут быть частями одного или другого, а возможно, и обоих. Выйдя из этого переулочка, мы поворачиваем налево и поднимаемся к церкви Сан-Грегорио, перед которой находится один из тех дворов, или атриев, которыми, как вы знаете, я всегда восхищаюсь; но в этом нет ничего особенно хорошего, кроме общего расположения. Главным объектом здесь является не церковь, а примыкающая к ней часовня, посвященная святому Андрею, которая является одной из трех объединенных вместе, но не имеющих связи с церковью. Эта часовня украшена двумя фресками (не говоря уже о второстепенных предметах), одна из которых изображает бичевание святого Доменикино, а другая - его поклонение кресту, предшествующее его мученической смерти, Гвидо. С ними все в порядке, но они начинают страдать.

Спускаясь от церкви Сан-Грегорио на юго-запад, мы достигаем южного угла Палатина, где раньше стоял Септизоний. Он был разрушен Сикстом Пятым, а колонны и, вероятно, некоторые другие материалы использовались в Ватикане. Антиквары предположили из названия, что здесь, должно быть, использовались семь последовательных порядков, не отражая того, что три порядка создавали бы вид семи зон или полос. Сначала пьедестал, на котором расположено целое, образующее сплошную массу; затем ряд колонн и пустот; затем еще одна сплошная масса, состоящая из антаблемента первого порядка и продолжающегося цоколя и пьедесталов второго. Четвертая зона должна была бы состоять из колонн второго порядка и пустот между ними; эти открытые полосы всегда отличались по характеру и внешнему виду от сплошных, каким бы составом они ни были составлены. Пятая часть антаблемента и пьедесталов, как и раньше, или, если пьедесталов не было, только за счет антаблемента. Эти сплошные зоны выглядели бы полосатыми по горизонтали тенями от молдингов, в то время как колонны придавали бы открытым полосам вид полосатых по вертикали. В-шестых, колонны третьего порядка. В-седьмых, антаблемент и все, что могло бы венчать здание, и это расположение в точности соответствует представлению, которое мы имеем о здании по старым гравюрам.

В этой части и вдоль юго-западной стороны холмов остатки Палатина очень значительны и состоят из высоких опор и протяженных арок, но все следы декоративной архитектуры исчезли. Здесь также мы находим все, что можно увидеть о Большом цирке, *то есть* общую форму, которой благоприятствует естественная форма местности между Палатинским и Авентинским холмами. Я не буду занимать вас какой-либо длинной диссертацией о древнем цирке или о малоизвестном боге Консусе, которому он был посвящен. Вы знаете, что Генеральная форма, несмотря на имя, был продолговатый, с одной полукруглой концы; другой конец был не прямой, а немного изогнутой и наклонной, чтобы как можно поставить друг колесницы, которые начали из него, в равной степени выигрышном положении, и *спина* не была поставлена как раз в центре, или в точности параллельны сторонам, но таким образом, чтобы сформировать дороге то и дело уже, как колесницах проследовали в цепи. Несколько обломков каменной кладки и фрагменты почти погребенных арок, фундаментов сидели, - вот и все, что осталось. А теперь, оставив термы Каракаллы и гробницу Сципионов ради сюжетов будущего письма, мы пересечем Авентин, холм, разделенный на две вершины, на которых находятся две церкви Санта-Приска и Санта-Саба, а также разрушенный женский монастырь, откуда открывается

прекрасный вид на Рим и который сам по себе является очень живописным объектом. В обеих этих церквях сохранились древние колонны; в путеводителе сказано, что в церкви Санта-Саба их двадцать пять, две из которых сделаны из черного порфира. В нефе я нашел четырнадцать человек, не все одинаковые. Большинство капителей ионические, но разного размера, некоторые довольно хорошо выполнены, но сильно деградировали; другие изначально плохие; некоторые просто вытеснены и никогда не были закончены: одна коринфская, а другая составная. Говорят, что в стене есть и другие постройки, но они, должно быть, очень маленькие. Около алтаря есть две колонны, которые, кажется, сделаны в основном из кварца, но с пятнами роговой обманки, и две из мрамора с темными прожилками, но что подразумевается под черным порфиром, я не знаю. Те, что из темного мрамора, имеют составные капители, которые, по словам Уггери, сделаны из змеевика, но я не особенно их разглядывал. Передняя часть представляет собой галерею небольших колонн, стоящих на высокой стене без украшений. Контраст *пикантен*, но, возможно, более заметен там, где форма круглая, как на обратной стороне Санти Джованни и Паоло.

При спуске с Авентина мы видим Монте Тестаччо как на ладони. Это холм высотой 260 футов, сложенный из черепков. Луга, на которых он стоит, являются собственностью римского народа и местом проведения многих его празднеств. Один из них образует место захоронения еретиков, как раз под пирамидой Кая Цестия. Кто именно соорудил для себя такую заметную гробницу, точно не установлено; но эта работа, продолжавшаяся триста тридцать дней, не производит впечатления какого-либо большого представления о великолепии; тем не менее, она имеет высоту 113 футов и, несомненно, образует огромную массу каменной кладки. Внутри есть камера, до которой не всегда можно добраться из-за воды. При раскопках у основания пирамиды было найдено несколько фрагментов колонн, две из которых были сложены вместе и закреплены по углам здания. Я понятия не имею, как они применялись изначально, поскольку, по-видимому, нет достаточных полномочий для обеспечения двора и прилегающего портика. Эти луга и гора предлагают некоторое развлечение ботанику весной; особенно гора почти покрыта орхидеями, среди которых наиболее многочисленны *Ophrys apifera* и *tenthredinifera*, а также *Orchis papilionacea*. Я нашел здесь также *Ophrys hiulca* и *arachnitis* из римской флоры.

Наш следующий объект - кирпичная арка Сан-Ладзаро, через которую проходит дорога, хотя она засыпана почти до основания. У подножия холма есть несколько фундаментов, которые, по-видимому, принадлежали одному и тому же зданию, но что это было, никто не знает.

Отсюда мы направляемся к началу Марморатской страды, древнего Мраморного озера Литтус, названного так, как говорят, потому, что здесь обычно высаживали мрамор, привезенный из разных стран; очень неутешительная причина для такого прекрасного названия. Справа ведет тропинка вверх по холму, и можно различить некоторые фрагменты старины, особенно значительную часть древнего карниза, встроенного в стену. Если мы продолжим этот верхний путь, то пройдем мимо церквей Сант-Алессιο и Санта-Сабина и спустимся к Большому цирку. Другой тянется вдоль берега Тибра, и мы можем заметить другие фундаменты на холме; а в реке, если вода низкая, некоторые следы Сублициусского моста.

Возвращаясь к Корсо, мы можем пройти мимо колоссального женского бюста, который вполне мог бы составить компанию Церере доктора Кларка, в вестибюле публичной библиотеки Кембриджа. Предполагается, что это Исида, но римляне называют ее мадам Лукреция. Он стоит на маленькой улочке, которая получила свое название от фигуры и которая выходит на площадь

Сан-Марко. Я не упоминал церковь, которая дала название этой площади, среди базилик, но, тем не менее, она заслуживает некоторого внимания. Фасад двухэтажный, с тремя арками в каждой, аккуратный и нетронутый. Он был возведен в 1468 году при Павле II Джулиано ди Маджано вместе с прилегающим большим дворцом. Внутри неф отделен от боковых нефов двадцатью колоннами, покрытыми сицилийской яшмой; они поддерживают арки, а на значительной высоте над ними проходит карниз. В верхней части находится ряд окон с полукруглыми головками, а затем плоский потолок с квадратными сундуками. Худшая часть этой композиции находится в пространстве между капителями колонн и карнизом, которое совершенно неумело обработано. В конце находится полукруглая трибуна, украшенная мозаикой.

Главный фасад Венецианского дворца обращен к площади Пьяцца. Он обладает атмосферой солидного массивного величия и защищенности, которые неплохо сочетаются друг с другом, но других достоинств у него нет.

На этой площади также находится Палаццо Ринуччини с пятью равными окнами спереди; небольшое, но вызывающее всеобщее восхищение сооружение. Углы плохи; отделка наверху очень плохая; консоли, расположенные неравномерно для размещения окон, производят плохой эффект; дверной проем голый и убогий; и все детали плохие; но при всех этих недостатках эффективность простоты в сочетании со справедливым распределением основных частей такова, что я, как и все остальные, признаю, что это очень красивое здание.

Вернувшись на несколько шагов к церкви иезуитов, мы обнаруживаем Палаццо Алтьери, огромное здание, когда-то знаменитое своей коллекцией картин, но теперь они разбросаны. Фасад, ведущий к Виа делла Галла, очень хорош, или, по крайней мере, народные массы в порядке. Тот, что ведет к Пьяцца дель Джезу, переполнен и намного хуже.

Двигаясь по Корсо, мы находим огромное здание, которым никто не восхищается, - Палаццо Дориа; комнаты внутри тоже не красивы, но коллекция картин очень хороша. Красоте дворца Шарра сильно вредит его вызывающий восхищение дверной проем, который не хорош ни сам по себе, ни вообще не подходит для своего места. В остальном общее распределение здания хорошее, а отдельные части имеют правильные пропорции. Внутри находится коллекция картин, небольшая, по крайней мере, по сравнению со многими другими в Риме, но чрезвычайно красивая. На верхнем этаже находятся две прекрасные квартиры, оформленные, возможно, в довольно тонком вкусе, но в целом очень элегантные. Последняя комната основного люкса представляет собой золотую раму, покрытую драпировкой. Он, конечно, не может соперничать с великолепием регулярной архитектуры, но все же представляет собой приятное и элегантное разнообразие в интерьере, где общий характер носит скорее изящество и легкость, чем солидность.

Покинув его, мы можем дойти до Монте-Читорио, возвышенности всего в несколько футов, которую вряд ли можно было бы заметить, если бы название не привлекало внимания. Говорят, что его производят на руинах театра Статилия Тавра. На вершине находится большое здание с тем же названием, в котором находятся суды. Выпуклость передней части вредит его эффекту. Архитектор оставил или, скорее, изготовил некоторые подоконники на концах здания и некоторые другие части из больших каменных массивов неправильной формы. Я не могу понять его мотивов.

Перед этим зданием находится солнечный обелиск, который Август привез из Египта и установил на Марсовом поле в качестве гномона солнечных часов. Он был найден погребенным и сломанным в 1748 году, но не ремонтировался и не возводился заново до 1789 года. Высота самого обелиска составляет 68 футов, и он лучше, потому что установлен проще, чем большинство других в Риме; действительно, пьедестал похож на древнеримский, но современные люди не могли довольствоваться добавлением немного металла наверху.

Я поведу вас в Палаццо Джиджи не для того, чтобы полюбоваться внешней архитектурой, которая не имеет особых достоинств, кроме размера, или посмотреть коллекции, хотя там есть несколько прекрасных картин и несколько древних статуй, отреставрированных Кановой, но для того, чтобы увидеть сами комнаты, которые очень красивы. Один из них, в частности, войдет в число самых красивых номеров (небольших размеров) в Европе. Он имеет 40 футов 9 дюймов в длину, 17 футов 9 дюймов в ширину и около 28 футов в высоту, с пилястрами на непрерывном цоколе и сводчатым потолком с арками наверху. Межпластинчатые балки врезаны в бухту; углы, как входящие, так и выступающие, украшены яркими цветочными венками; лепнина и орнаменты центральных панелей белые на желтовато-коричневом фоне.

Этим дворцом я завершаю свое письмо, снова приведя вас в окрестности площади Испании. Наша следующая экскурсия должна быть в Трастевере.

ПИСЬМО XXXII.

ТРАСТЕВЕРЕ—СТЕНЫ.

Рим, май 1817 года.

Я завершил свое последнее выступление обещанием или, возможно, мне следовало бы сказать угрозой совершить прогулку по Трастевере, которую я сейчас собираюсь совершить. Однако я не буду полностью перескакивать через промежуточную территорию, а буду подбирать все, что встретится по пути; и сначала я отвезу вас в Сан-Карло на Корсо; церковь, которая издали выглядит лучше, чем вблизи, потому что общая форма фасада напоминает греческий храм, увенчанный фронтоном, но при приближении мы обнаруживаем так много изломов и углов, пронизывающих карниз, фронтон и все остальное, что теряется вся красота дизайна: интерьер хорош, но в Риме есть другие, получше в том же роде. Еще одна церковь на Корсо - церковь Иисуса и Марии. Ни в коем случае не одна из самых больших или богатых церквей в этом городе, однако священник, сопровождавший меня, заверил меня, что потратил 7000 крон, собранных исключительно за счет добровольных пожертвований, на возведение алтаря и иное украшение одной из боковых часовен; и нет причин не доверять его информации. Он был посвящен божественной Мадонне Аджудо, и отец подарил мне ее фотографию.

Недалеко отсюда находится Палаццо Рондадини, знаменитое не само по себе, а двумя изысканными гирляндами из фруктов и листьев из белого мрамора, встроенными в стену двора. На очень небольшом расстоянии находится Мавзолей Августа, первоначально обширное круглое сооружение, состоящее из концентрических кругов, поднимающихся все выше по мере

приближения к середине и образующих череду террас, украшенных деревьями,^[2] как мы узнаем из медалей, представляющих его. Внешний круг, или, возможно, круги, в настоящее время разрушены; и у нас есть только центральная часть, сложенная из обломков, с облицовкой сетчатой работы, а верхняя часть превращена в амфитеатр для демонстрации фейерверков и боев быков. Что находится ниже, я не знаю. Пироли привел раздел, который представляет его почти твердым.

Нашим следующим шагом будет Рипетта, курорт небольших барков, которые плавают по Тибру. Большая лестница ведет вниз к воде, и паром, если вам будет угодно, доставит вас на пешеходную дорожку через несколько лугов, что позволит совершить более приятную, но несколько более долгую прогулку до Ватикана. Длинная череда улиц, которая ведет нас к мосту Сан-Анджело, является одной из самых неприятных из главных улиц Рима. В нем мы находим великий Палаццо Боргезе, имеющий форму, как вам сказали, клавесина, однако не из-за какого-либо пристрастия к этой форме, а для того, чтобы приспособить его к форме пола. Внешне он не имеет никаких архитектурных достоинств, кроме размера. На каждом этаже есть свой мезонин, расположение которого было бы удобно в большом отеле для независимого размещения нескольких семей, но при этом требуется единство королевской резиденции. Некоторые люди восхищаются этим двором, но мне он не очень нравится; он окружен арками, опирающимися на соединенные колонны; в этом сооружении нет ни прочности опоры, ни легкости и изящества одной колонны.

Но кто думает об архитектуре, в то время как живопись здесь демонстрирует все ее великолепие. Коллекция огромна, но более того, картины удивительно прекрасны. *Снятие с креста*, хотя и выполненное до того, как Рафаэль обрел богатство и силу цвета, представленные в его последних картинах, по замыслу и экспрессии может сравниться со всем, что он когда-либо делал. Я не должен начинать с этой темы; критические замечания о картинах, если они не превосходны, ничего не стоят, и поскольку я не могу надеяться, что мои выдержат первое затруднительное положение, я не стану подвергать их последнему обвинению.

Церковь Сан-Агостино не заслуживает похвалы за свою архитектуру, но в ней есть несколько прекрасных гверчино и голова Исаяи работы Рафаэля, которой многие восхищаются. В монастыре находится библиотека старых книг (в Риме нет новых), которая открыта для публики каждое утро с восьми до двенадцати, за исключением праздничных дней.

Из Сан-Агостино мы можем посетить Сан-Луиджи-де-Франчези, который очень богат и довольно красив (я говорю о внутренней части, о внешней стороне римских церквей, которые я редко критикую). Купол возвышается на той же высоте, что и своды нефа, его диаметр варьируется от угла к углу. Его достоинства заключаются в удивительно прекрасном Франческо Бассане, художнике, о котором обычно мало думают в Риме, но на это действительно стоит посмотреть из-за характера голов; и часовне, содержащей копию Санта-Чечилии Рафаэля работы Гвидо и украшенной фресками Доменикино.

Мы проходим мимо Палаццо дель Гуверно, *то есть* полицейского управления, богатого, но некрасивого здания, бывшего Палаццо Мадама, и мимо Сапиенцы, о котором я уже рассказывал вам кое-что, и можем пройти через церковь Сан-Джакомо дельи Спаньоли на Пьяцца Навона, к древнему цирку Агоналис, или, скорее, к цирку Александра Севера, форму которого он сохранил. Останков не видно, но, вероятно, некоторые из них можно было бы найти в подвалах окружающих домов, если бы стоило их поискать. В этом длинном проеме мы можем

полюбоваться церковью Санта-Аньезе, примыкающим к ней палаццо Памфили и Палаццо Браски, которое я вам вкратце опишу; но из последнего видно мало.

Внутри площади украшениями являются три фонтана; середина состоит из большой скалы с изображениями рек, поднимающихся из большого бассейна; скала пробита в обоих направлениях, но на вершине установлен обелиск высотой пятьдесят один фут, который был найден в цирке Каракаллы. Этот абсурд является предметом восхищения Бернини, который, как говорят, сам так стыдился этого, что поднимал жалюзи в своем экипаже всякий раз, когда проезжал мимо Пьяцца Навона, чтобы не видеть этого. Здесь иногда устраивают гонки, и, как говорят, людям они нравятся еще больше, потому что резкий поворот в одном конце, происходящий на твердом асфальте, часто приводит к серьезным авариям. Если это так, то в Риме все еще сохранилось что-то от отвратительного вкуса гладиаторов времен империи, но я надеюсь, ради чести человеческой природы, что это неправда.

Недавно к церкви Сан-Панталео был пристроен портик, в котором был воспроизведен ионический ордер афинского храма Эректа; но лепнина внутри спирали слишком сильно выражена, а углубление, разделяющее ее складки, слишком глубокое; эти недостатки совершенно портят эффект. Кроме того, это приказ очень своеобразного характера, подходящий не для каждой ситуации.

Неподалеку находится дворец Браски, огромных размеров, построенный из превосходного светлого кирпича с каменными украшениями. Фундамент был заложен, по словам Уггери, именно таким образом. После того, как траншеи были вырыты, вода была введена на глубину около фута, и камни и жидкий раствор были брошены в беспорядке и образовали одну сплошную массу, из которой впоследствии были возведены стены. Согласно тому же автору, этот метод распространен в Риме, и, безусловно, нынешнее здание делает честь этой практике.

Несмотря на неправильную форму и не очень удачные детали, в Риме, пожалуй, нет здания, которое больше походило бы на дворец. Когда я вошел в зал в первый раз, в зале разворачивалась карета. Лестница очень благородная и богатая мрамором; ступени опираются на арки, опирающиеся на колонны, и эти арки не представляют собой полукруги с вертикальным дополнением к нижней части, чтобы компенсировать разную высоту, на которой расположены колонны, а изогнуты непосредственно от нижней колонны, а также от верхней; касательная у каждой пружины вертикальная. Эффект грандиозный, но расположение неудовлетворительное, и я никогда не видел ничего подобного на открытой лестнице более чем в один этаж, где ступени были слишком широкими, чтобы их можно было хорошо закрепить, вставив в стену. В некоторых недостроенных залах хранится коллекция древнего мрамора, гордостью которой является изысканная колоссальная статуя Антиноя, найденная в Палестрине. На втором этаже тоже есть картины, но я не смог получить допуск.

Под углом к этому дворцу стоит изуродованный сундук под названием Пасквин, древнееместилище пуль против правительства и видных личностей; но он больше ничего не говорит, хотя название сохранилось.

Если мы продолжим нашу прогулку в задней части Пьяцца Навона, то найдем церковь Санта-Мария-дель-Анима, названную так по изображению Мадонны с двумя маленькими фигурками, преклонившими перед ней колени, олицетворяющими две души верующих. Таким образом, казалось бы, что это должно быть *делле аниме*. Простенки очень тонкие, и особенность церкви в

том, что боковые нефы такие же высокие, как и средние. Эффект хороший, и мы можем быть уверены, что он обусловлен расположением, поскольку глаз не обманывается в восхищении ни богатством орнамента, ни красотой деталей. Алтарная часть работы Джулио Романо, прекрасная картина, но сильно почерневшая.

Рядом с этим находится церковь Санта-Мария-делла-Паче, которая снаружи имеет большой полукруглый дорический портик со спаренными колоннами. Кажется, нет никаких причин для такого соединения, а все остальные детали неисправны. Здесь находятся Сивиллы Рафаэля, которые, хотя и утратили кое-что из своей первоначальной ценности со временем и ретушью, все еще являются прекрасными фресками; в этой церкви также сохранилось небольшое количество очень красивого *орнамента чинкве ченто*. Здесь также сохранилось несколько фресок Альбано.

Клуатры - проект Браманте; они образованы арками между колоннами и пьедесталами внизу; а колонны, поддерживаемые небольшими опорами, и отдельно стоящие колонны над венцом арки образуют галерею наверху. Эффект не вызывает отвращения, однако, когда колонны таким образом размещены на арках (если такая вольность вообще допустима), лучше оставить их очень маленькими и поставить по две в каждом пространстве.

В этом квартале города также стоит Кьеза Нуова, богатая и уродливая. В алтарной части Рубенс написал одну картину внутри другой; Мадонна с Младенцем отделены позолоченной рамкой от фигур, которые их обожают и которые, следовательно, кажутся обожающими картину. Рядом с ним находится Оратория Сан-Филиппо Нери, куда вы пойдете только в том случае, если захотите увидеть, как плохо можно потратить большую сумму денег.

Прежде чем перейти Тибр, мы можем посетить церковь Сан-Джованни-де-Фьорентини, начатую Микеланджело Буонарроти, но продолженную либо Джакомо делла Порта, либо Сансовино, поскольку неизвестно, кто из них был задействован. Я бы скорее приписал это Сансовино, поскольку Джакомо делла Порта более запутан в своей аранжировке. Над карнизом возвышается продолжающийся пьедестал, из которого вырастает свод во главе с фургон с прорезанными в нем окнами; и если бы на этом своде были архитектурные элементы, а не побелка, как это есть на самом деле, расположение и пропорции произвели бы хороший эффект.

Мост Сант-Анджело был возведен Адрианом, заново возведен Климентом VII и украшен или обезображен ничего не значащими статуями Бернини при Клименте IX. Я не знаю, всегда ли следует отвергать фигуры на балюстрадах домов или мостов, но на самом деле они редко выглядят хорошо. Этот мост состоит из трех больших арок и двух арок поменьше с каждой стороны, большая из которых дает проход к реке только на ее обычном уровне и образует водный путь длиной 178 футов. Глубина в сводах большую часть года составляет около 22 футов, согласно Пиранези, у которого я взял эти размеры. В августе она опускается до 17 футов. Во время зимних паводков она поднимается до 34 футов, а в 1750 году поднялась до 43 футов. Общая ширина ручья под мостом в обычных случаях составляет 248 футов, но он может достигать более 400, не выходя из берегов. Я не знаю его скорости, но, похоже, это довольно быстрое течение.

Прямо напротив моста стоит Мавзолей Адриана. Август построил свою гробницу для себя и своей семьи, включая слуг и иждивенцев, и для этой цели, по-видимому, необходимо большое

здание, если не сказать роскошное. Предполагается, что Адриан построил его, со всем эгоизмом деспотизма, только для себя. Адриан никогда не будет моим героем; у него не было высоких и великодушных чувств; но даже он, на своей огромной вилле в Тиволи, имел некоторое представление о своих ближних, их нуждах и благополучии. Достаточно осталось от духа свободы, чтобы убедить его, что его слава была тесно связана с их использованием и выгодой, в то время как Людовик XIV. в Версале, кажется, все его мысли начинались и заканчивались в нем самом. То, что осталось от этого обширного захоронения, состоит из подвала площадью 253 квадратных футов с круглой башней в центре, диаметром около 192 футов. Эта круглая часть сейчас представляет собой просто мессу, но, как говорят, когда-то она была богато украшена мрамором и статуями и окружена великолепным кольцом из прекрасных колонн, которые до сих пор можно увидеть в церкви Святого Павла. Несмотря на эти доказательства, сам факт весьма сомнителен.

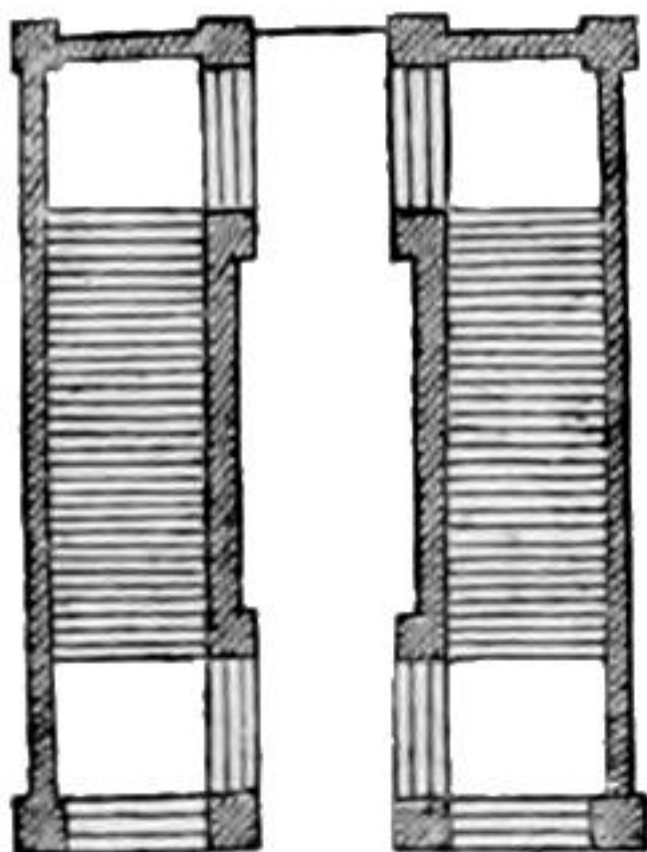
Святой Григорий увидел ангела на вершине этого мавзолея в 593 году, и от этого здание получило название Кастелло ди Сант Анджело. Возможно, правильнее было бы сказать, что название происходит от фигуры ангела из бронзы, посвященной этому событию или традиции, которая сейчас величественно венчает здание. Эта статуя была установлена только во времена Бенедикта XIV, но ей предшествовала статуя, выполненная из мрамора Рафаэлло ди монте Лупо.

В этом замке демонстрируются знаменитые фейерверки 28 и 29 июня, в праздники святых Петра и Павла, первоначально спроектированные Микеланджело. Первый полет ракет составляет 4500 штук, и они образуют сплошной огненный покров. Выставка заканчивается через час и не задерживается на полночи. На выставках такого рода и в продолжительных развлечениях в театрах и на балах кажется, что в английском характере есть что-то такое, что побуждает нас осушить чашу удовольствия до дна.

А теперь, вместо того чтобы подниматься к Ватикану, мы пойдем налево, по улице, мимо больницы Спирито Санто, где смертность пациентов, как говорят, составляет один к трем, но я подозреваю, что есть обстоятельства, которые делают сравнение такого рода очень ошибочным; и к воротам, которые теперь носят то же название и разделяют две части города. Это было начато Микеланджело и так и не было закончено и, вероятно, никогда не будет; то, что построено, имеет хороший характер, но следует, не знаю почему, изогнутой линии, тогда как прямая была бы лучше. Поэтому мы не сразу продолжаем наш путь по длинной улице под названием Лунгара, а сворачиваем к Сан-Онофрио, церкви, возведенной примерно в середине пятнадцатого века, где мы видим несколько фресок Доменикино, достойных лучшего сюжета, чем легенда о святом Иерониме; прекрасную Мадонну работы Леонардо да Винчи; и гробницу Тассо. Здесь же находилась могила Барклая, автора "Аргенис"; и, возможно, гробница все еще существует, но камня, отмечавшего ее, больше нет, потому что, как сказал мне священник, это *былароба спурка*. Я не знаю, что он имел в виду.

Теперь мы возвращаемся к Лунгаре, длинной улице, параллельной Тибру, с несколькими хорошими домами, или, как их здесь называют, дворцами, среди которых Фарнезина, которую я уже описывал, и Корсини, которая действительно заслуживает этого названия. Он простирается более чем на 200 футов вдоль улицы, представляя на основном этаже ряд из семнадцати окон. Несмотря на свои размеры, он некрасив. Вход, однако, поистине великолепен. Проходя через просторный вестибюль, мы оказываемся у подножия лестницы, которая, расходясь вправо и влево, возвращается в центр, оставляя под собой пространство для проезда карет. Здесь

замечательная коллекция картин, которую я не стану пытаться перечислять, и прекрасная библиотека, открытая для публики с девяти до двенадцати значительную часть года, но в последнее время не особо посещаемая, как, возможно, вы заключите, когда я скажу вам, что в ней четыре экземпляра первого тома "Афин" Стюарта и ни одного второго или третьего, а когда заходит незнакомец, библиотекари, кажется, выполняют свою работу неохотно. Когда-то в Риме можно было найти много вещей подобного рода, но сейчас ни одна из них не соответствует духу.

За дворцом находится Вилла, ибо, как я уже говорил, в Италии этот термин применяется к земле, а не к зданиям. Он восхитительно расположен на склоне Яникула, но вся эта часть находится под ужасным вменением пагубной арии.

Выйдя из этого дворца, мы можем спуститься к Понте Систо, древнему Яникуленсису, но нынешнее здание, я полагаю, полностью современное. С другой стороны находится одноименный фонтан. Вода журчит из отверстия в стене, образующего заднюю часть арочного углубления, в вазу чуть ниже, по краям которой она стекает, и падает в бассейн на дне. Архитектура неплохая, но главное падение должно было произойти первым. Несколькими шагами дальше находится церковь Сантиссима Тринита, известная картиной Гвидо, изображающей Троицу. Если бы голова Божества предназначалась для головы Моисея, она была бы общепризнанно возвышенной, но попытка изобразить этот предмет всегда должна вызывать разочарование или отвращение.

Рядом с этим находится Монте-ди-Пьета, государственное учреждение для выдачи денег под залог и, возможно, в какой-то степени напоминающее наши сберегательные кассы.

Мы снова возвращаемся по мосту и, поднимаясь по мельницам, питаемым из фонтана Паолина, попадаем в ботанический сад, в котором очень мало растений.^[3] Он расположен прямо над фонтаном, который на самом деле изливает реку. Здесь три равные арки, выпускающие столько же равных потоков воды, и две поменьше, только с изливом в каждой. Над этими арками возвышается огромный чердак, на котором размещена надпись, и все это увенчано чем-то вроде фронтового орнамента, очень похожего на орнамент Фонтана Феличе, несколько больше и значительно хуже. Все достоинство этого напитка состоит в большом количестве воды; но говорят, что она не очень хороша. Я не знаю точно, берется ли она из озера Браччано или из источников в той местности. Она чистая и яркая, питает фонтаны и вращает мельницы, для чего применяется почти исключительно, как и любая другая вода.

Короткая прогулка приведет нас к церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио, возвышающейся на выступающей части Яникулума и открывающей великолепный вид, включающий почти все предметы старины Рима, которые только можно охватить каким-либо общим видом; и почти весь современный город с его куполами и дворцами; Тибр; семь холмов, или, скорее, шесть, потому что отсюда глаз не может различить Виминал, три из которых покрыты садами и виноградниками; Монте Тестаччо; большую часть стен и местность за ними; Монте Альбано; и город Виминал. Апеннины.

Сама церковь имеет два фасада, каждый из которых представляет собой по одной пилястре на каждом углу здания. Нижний включает в себя большой и красивый дверной проем, верхний - единственное круглое окно. Простота такого расположения делает его превосходящим большинство церковных фасадов в Риме. Он был построен около 1500 года на средства Изабеллы Испанской, жены Фердинанда Четвертого.

В этой церкви когда-то находилось произведение современного искусства "Преображение" Рафаэля, ныне находящееся в Ватикане после своего путешествия в Париж; и там до сих пор находится картина "Бичевание", выполненная Себастьяном дель Пьомбо по эскизу Микеланджело. Это замечательная картина, но, как и все фрески, в ветхом состоянии.^[4]

В крытой части монастыря, примыкающего к этой церкви, находится знаменитый Храм Браманте, построенный на том месте, где был распят святой Петр; а отверстие, в котором стоял

крест, показано точно в центре нынешнего здания. Это небольшое круглое сооружение, окруженное перистилем из шестнадцати дорических колонн, и этот круг колонн с пьедесталом и ступенями, ведущими к нему, прекрасен. Все имеет хорошие пропорции и находится на своем месте, но верхняя часть здания не очень хороша. Части внутри портика переполнены и запутанны, а внутри почти нет красоты.

От Сан-Пьетро мы спускаемся к церкви Санта-Мария-ин-Трастевере и к церкви Сан-Гризогоно, которые я вам описал.

Собор Санта-Чечилия выполнен в похожем стиле, со старинными колоннами и первоначально плоским потолком, но теперь его заменили низким эллиптическим сводом, оставив место только для очень низких окон. Расположение неприятно само по себе, и тем более из-за несоответствия нижним частям; небольшой арке можно придать видимость легкости, которая никоим образом не может быть сохранена в непрерывном своде. Ряд колонн, поддерживающих такой свод, поэтому всегда выглядит недостаточным. Статуя святого вызывает всеобщее восхищение.

Теперь мы покинем Трастевере и пройдем по мосту Цестия, ныне Святого Варфоломея, на остров, который также посвящен этому святому; от древнего моста сохранились значительные остатки. Он был построен в 788-м году существования Рима, но восстановлен в 368 году христианской эры. В женском монастыре на острове мы находим восковой бюст одного из монахов, который был другом Кановы, выполненный этим художником. Оно превосходно выполнено и раскрашено, как природа, но спокойствие открытых голубых глаз олицетворяет смерть, а не жизнь. В саду того же монастыря и с берега чуть ниже него вы можете увидеть небольшие остатки храма Эскулапа, который был построен в форме корабля. Что-то в этой форме все еще можно различить, а также часть змеи. Храм Весты, устье большой Клоаки и Понте Ротто объединяются в прекрасную композицию, если смотреть с оконечности острова. Перейдя другой рукав Тибра, по мосту Кватро Капи, на опорах которого сохранились некоторые фрагменты римского моста Фабрициуса, построенного в 733 году, мы можем посетить Палаццо Маттеи, которое я заметил не из-за его архитектуры или картин, хотя в нем собрана прекрасная коллекция, а из-за огромного количества барельефов, встроенных в стены. Из них получился бы интересный музей, если собрать их вместе в таком месте, где их было бы хорошо видно; но здесь, помимо того, что они подвержены воздействию непогоды, они почти утрачены как отдельные объекты и лишают той красоты, которая есть в архитектуре. В нижнем дворе есть несколько ценных фрагментов архитектурного орнамента, построенных в том же стиле, и, в частности, два полукруглых окна, богатая листва которых, занимающая большую часть проема, показывает, что древние знали, как создать эффект, несколько сходный с ажурными узорами на наших готических окнах, а в некоторых отношениях превосходящий его, несколько не отступая от характера их собственной архитектуры.

Я не упомянул церковь Сан-Карло-а'Катинари, которая, однако, является прекрасной церковью в форме греческого креста, или, скорее, перевернутого латинского креста, поскольку хоры образуют более длинные рукава, чем другие, и даже они, будучи почти равными ширине купола, несколько слишком глубокие. Позолота и орнамент пятнистые, но фрески Доменикино очень хороши, однако им нет равных в Сант-Андреа.

По дороге домой мы можем заглянуть в церковь Санта-Мария-сопра-Минерва, перед которой стоит невзрачный маленький обелиск, установленный на спине слона. Церковь была построена

около 1370 года, и в ней сохранилась значительная часть работ того периода, но это всего лишь разновидность малопонятной готики. В этой церкви находится знаменитая статуя нашего Спасителя, поддерживающего свой крест, работы Микеланджело. Милиция называет его хулиганом, которым, однако, он не является; хотя действие довольно сильное. Выражение головы с некоторых точек зрения прекрасно и даже возвышенно; но не во всех одинаково; мышцы большие и дряблые.

В пристроенном монастыре находится библиотека, считающаяся одной из богатейших в Италии; она была основана кардиналом Казанаттой, который оставил значительную сумму на ее содержание, но, как и все остальное в Риме, она на столетие отстает от Лондона и Парижа, а *Index expurgatorius* является большим врагом всех публичных библиотек.

Дав вам отчет о том, что находится внутри этого великого города, я перейду к стенам, которые его окружают, начиная с Porta дель Пополо, поскольку небольшая часть между ним и рекой не представляет интереса. Эти ворота, согласно путеводителям, были перестроены по проекту Микеланджело и выполнены под руководством Виньола; но они никуда не годятся, и часть их более древняя, поскольку отверстия во внешних башнях, ныне засыпанные, но, очевидно, сделанные для того, чтобы добраться до металлических скоб, скреплявших камни вместе, свидетельствуют о древности нижней части.

Поворачивая направо, стена, укрепленная контрфорсами и арочными нишами, образует опору Пинчийского холма. В этой части мы находим черепаху Муро, большую квадратную массу, расположенную под углом в контуре и соответствующую по конструкции стенам, то есть она сложена из бутового камня с облицовкой из сетчатого туфа. Он значительно нависает над его основанием. Внизу нет отверстия, но сверху, по-видимому, были углубления и арки, соответствующие таковым в стене. Антиквары не пришли к единому мнению относительно того, что это было. За ними у нас есть башни и завесы более современной работы, возведенные в качестве городских стен. Кое-где встречается очень неровный фундамент, который, возможно, относится к более раннему времени, а в одном или двух местах встречаются мраморные блоки и другие более убедительные признаки древних сооружений.

Ворота Пиа были открыты Пием Четвертым в 1561 году. Проект принадлежал Микеланджело, но он так и не был закончен, а если бы и был, то не был бы красивым. Здесь, в качестве украшения, мы видим палаты с развешанным над ними бельем, которые, как говорят, представляют собой тапик и полотенце для парикмахера и были задуманы М. А. Буонарроти как упрек своему работодателю в низком происхождении; но если история правдива, то это гораздо более суровый упрек самому М. Анджело; но это крайне маловероятно.

После этого мы различаем внешнюю форму преторианского лагеря, а стена простая и без башен. В одном месте в верхней части видны арки и следы стен, выступающих под прямым углом. После этого начинаются ворота с одной большой аркой внизу и шестью маленькими арками вверху. Затем идут ворота Сан-Лоренцо, построенные в том же стиле, возможно, Аврелианом, и отремонтированные в 403 году *присамых непокоренных князьях*, Аркадии и Гонории, о чем свидетельствует надпись. Внутри находится арка акведука Аква Марсия, которую последовательно ремонтировали Август, Тит и Каракалла. Над аркой по фронтому расположены камни, и одна из древних надписей проходит горизонтально поперек этих камней. Стены по-прежнему кирпичные, с множеством башен, пока мы не достигаем угла у Porta Маджоре, где в стены впадают несколько древних акведуков. Porta Маджоре построена

из больших блоков травертина и в древности состояла из двух арок, как это было обычно в городских воротах, и трех ниш, украшенных изнутри карнизами и фронтонами, по одной между входами и по одной с каждой стороны. Предполагается, что в первом случае он образовал часть акведука, впоследствии проложенного в городских стенах; и если бы из пяти арок акведука три были засыпаны, а две промежуточные остались открытыми, получилось бы аналогичное устройство. Сейчас открыта только одна арка, и та, которая была заделана, по-видимому, не совсем соответствует ни по высоте, ни по направлению той, через которую проходит дорога. В древности через него протекали два ручья, Анио новус и Клаудия, и с тех пор через него протекает Аква Феличе. Три большие надписи воздают должное Клавдию, Веспасиану и Титу. К северу от этих ворот в городскую стену впадают еще три ручья. Два верхних - Джулия и Тепула, сложенные из щебня, которые опираются на постройки Марсии в Пеперино. Еще одна наполовину погребенная, предположительно Анио ветус, видна внизу. Я надеюсь, что в следующей прогулке смогу дать вам некоторое представление об этих акведуках. Справа, когда вы выходите из ворот, вы обнаруживаете стену, образованную древним акведуком за счет заполнения арок; это также видно изнутри, где из сада, в котором находится храм Венеры и Купидона, вы можете проследить значительную часть различных сооружений.

Немного отойдя от этих акведуков, вы подходите к остаткам амфитеатра, часть контура которого застроена стенами; он состоит из ряда коринфских колонн с арками между ними, полностью кирпичных, и небольшого фрагмента второго ряда; кирпичная кладка выполнена довольно хорошо, но ни в коем случае не равна кирпичной кладке храма Редикул. Примечательно, что кирпичи для арок уложены по центру, значительно ниже центра изгиба. Они краснее и длиннее остальных.

В этой части по контуру стены сохранились различные следы старых фундаментов, а ближе к воротам Сан-Джованни сохранились некоторые сетчатые сооружения. Эти ворота полностью современные, и архитектура их не требует какого-либо внимания. Совсем рядом с ними находятся другие ворота, которые были заделаны. После этого стены из очень ветхой кирпичной кладки подпираются контрфорсами разного времени, и кое-где видны следы старой кладки стен или гробниц. Здесь, когда я составлял свои заметки (в мае 1817 года), я встретил беднягу, который искал, не удастся ли ему случайно найти что-нибудь съедобное, среди овощных отбросов, которые садовники выбросили за стены. Я дал ему два баека, за что он был чрезвычайно благодарен и поцеловал мне руку. Мне совершенно не хотелось отказываться от обычного выражения благодарности, но я вполне почувствовал грязь. Это может послужить доказательством того, до какого состояния довели здешних людей неудачи или, по крайней мере, большой дефицит как урожая, так и урожая в прошлом году.

Следующие ворота - ворота Латина, которые закрыты. Прямо из стен виден фрагмент кирпичного здания в стиле храма Редикул, но дорического ордера, с двумя кирпичными полуколоннами. В одном месте среди старых построек пеперино, поддерживающих стену, есть признаки, указывающие на облицовку мрамором или травертином.

На небольшом расстоянии находятся ворота Сан-Себастьяно, нижняя часть которых сложена из прямоугольных мраморных блоков, хорошо подогнанных друг к другу. Эта выступающая часть нынешних стен находится далеко за пределами древнего контура, и характер работ сильно отличается от ворот Сан-Лоренцо или Порты Маджоре, но имеет большее сходство с воротами

дель Пополо. Над мрамором возвышаются квадратные башни, выложенные кирпичом, но самая высокая часть круглая.

Между этим зданием и воротами Сан-Паоло, помимо обычной или, возможно, большей, чем обычно, части включенных фрагментов, многие из которых, вероятно, были гробницами, у нас есть следы более недавних работ и укреплений современности. За воротами Сан-Паоло под стенами нет дороги, и я не пытался найти дорогу через виноградники к берегам Тибра. Однако внутри они представляют собой серию открытых арок, ведущих к Монте Тестаччо и *Прати дель Пополо Романо*.

ПИСЬМО XXXIII.

ОКРЕСТНОСТИ РИМА.

Рим, май 1817 года.

Услышав о мрачной и безлюдной Кампанье, вы, возможно, вообразили, что в городе нет приятных прогулок, но если у вас сложилось такое представление, вы сильно ошибаетесь. Местность вокруг Рима чрезвычайно благоприятна для приятных пейзажей; местность пересекают несколько долин небольшой ширины, каждая из которых ограничена крутыми берегами средней высоты, с вершины которых открывается вид на плавно изменяющуюся линию Монте-Альбано и далекие Апеннины. Один из них, Монте-Велино, до сих пор покрыт снегом. Леонесса удерживала его долгое время; но самая высокая вершина этой части цепи, которая называется Гран-Сассо, возвышающаяся почти на 9000 футов, не видна ни из одного места вблизи Рима. Все эти точки Апеннин находятся на территории Неаполя. Каждая долина имеет почти плоское дно, образующее богатые луга, которые зимой очень влажные, и многие из них временами затопляются. Везде, где искусство вмешивалось в украшение этих склонов, или где рос какой-нибудь естественный участок леса, эффект получается в высшей степени приятным, особенно если вдобавок вершину венчают какие-нибудь живописные руины. Иногда, когда глаз поднимается выше этих склонов, такие особенности обогащают ближний пейзаж, в то время как длинные линии древних акведуков придают интерес к ближнему расстоянию; но следует признать, что такое расположение местности дает мало преимуществ и что общий характер необработанной наготы далек от приятного.

В этом письме я проведу вас по Порте дель Пополо, и наш первый визит будет в дом или казино, где когда-то жил Рафаэль. Он стоит в саду у самых стен и лишен архитектурных украшений, но представляет собой хороший объект, чему немало способствуют леса виллы Боргезе, простирающиеся за ней. Внутри находится комната, украшенная самыми прекрасными маленькими фантазиями, какие, как можно предположить, могли бы возникнуть в уме Рафаэля, и которые он мог бы с удовольствием проследить по мере их возникновения, не прикладывая к ним никакого труда и не работая над каким-либо заранее разработанным планом. Кучка восхитительных маленьких херувимчиков украли стрелы Купидона, который изображен спящим, и забавляются стрельбой по мишени; есть также четыре пули с женскими головками, одна из

которых особенно красива. Другие фигуры, сидящие среди арабесок, в высшей степени грациозны, и во всем так много жизни и природы, что смотреть на них одно удовольствие.

Возвращаясь отсюда, мы проходим на виллу Боргезе через ворота, опоры которых скопированы с двух гробниц, которые, как предполагалось, отмечали вход на виллу Адриана недалеко от Тиволи. Их венчают два орла с прекрасным, широким, благородным характером. Сама вилла представляет собой сад или место для развлечений, как говорят, три мили в окружности, с тенистыми дорожками, которые мы находили восхитительными еще 4 февраля, и высокими каменными соснами, разбросанными по более открытым участкам. Эти деревья и кустарники являются наиболее важными составляющими красоты этого места. Здесь есть красивое озеро, значительное разнообразие местности и пейзажей; и несколько зданий, возможно, не очень красивых сами по себе, но подчеркивающих общий характер этого места. Искусство появляется повсюду, но не навязчиво и без притворства. Верхнее казино, если и не красиво снаружи, производит, по крайней мере, богатое и великолепное впечатление. Общее расположение хорошее, но крыши не очень ухожены, а середина слишком высока; в реальности это выглядит лучше, как и большинство этих чрезмерно украшенных фасадов, чем на рисунке или гравюре, потому что художник почти всегда делает орнаменты слишком заметными. Галерея внутри представляет собой благородное помещение, около 65 футов в длину, 30 в ширину и 33 в высоту; отделка выполнена в золотых и белых тонах с шоколадным и голубым оттенками. Когда-то здесь была великолепная коллекция антиквариата, но она была приобретена французским правительством и теперь составляет большую часть коллекции Лувра. Фигуры Бернини сохранились, но они слишком вычурны, чтобы понравиться; в разных комнатах есть также несколько пейзажей и других полотен, не представляющих особой ценности, но сами апартаменты имеют красивые пропорции и удачно расположены. Возвращаясь почти к Порта дель Пополо, а оттуда продолжая путь по Виа Фламиния, мы находим Виллу Понятовски, очень приятную и содержащую немало антиквариата, но не представляющую большой ценности; здесь множество причудливых капителей, вариаций коринфского стиля, некоторые из которых хороши, но больше плохих или безразличных.

Чуть дальше находится Вилла Джулия, которую я уже описал; и есть еще одно здание простой и приятной архитектуры, приписываемое Антонио Сангалло, также принадлежащее вилле или винья Джулия. Рядом с ними улица, называемая Виа дель Арко Скуро, ведет к Аква Ацетоза, минеральному источнику на берегу Тибра, у которого очень сильный привкус чернил. Я также упомянул часовню святого Андрея работы Виньолы, которая является следующим объектом в "следовании по дороге". Незадолго до прибытия на Понте Молле мы находим еще одну часовню святого Андрея, или, скорее, памятник, установленный на том месте, где, согласно традиции, Пий II в 1463 году встретил голову апостола по прибытии в Рим. На квадратном цоколе, высота которого, вероятно, несколько превышает его ширину, находится небольшое строение с колоннами в каждом углу, дверным проемом между ними на каждой грани и фронтоном наверху; все четыре фасада совершенно одинаковы. Над ним находится восьмиугольный барабан очень небольшой высоты и небольшой чешуйчатый купол, увенчанный крестом. Композиция проста и приятна для маленькой вещи, но она не подойдет для большой.

Понте Молле, древний мост Мильвиус, является самым верхним из древних мостов Рима через Тибр. Первоначально он был построен в 645 году от основания Рима; но сомнительно, чтобы что-то, что мы видим, сохранилось от того периода. Тем не менее, в опорах есть какие-то древние работы, которые легко отличить от более поздней кладки арок, приписываемой

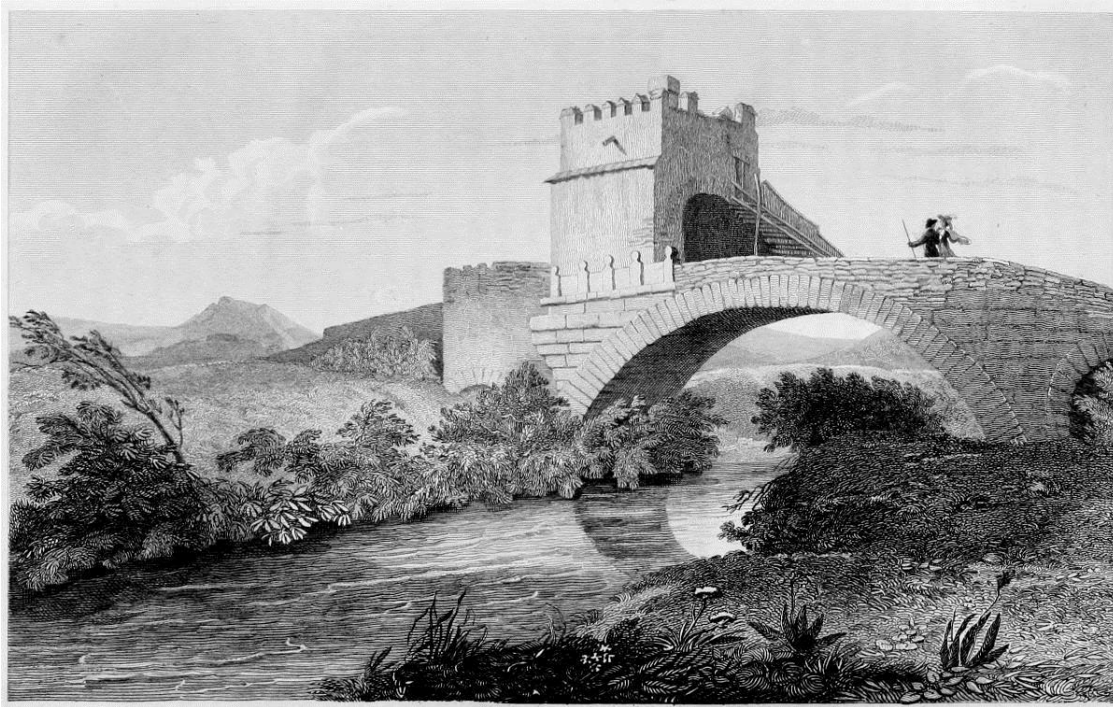
Николаю V. До 1805 года она была перегружена неудобной башней на одном конце; но поскольку в то время дорога была повреждена наводнением, дорогу выпрямили и сделали более удобной, а башню превратили в своего рода триумфальную арку; но красотой она не может похвастаться. Перейдя мост, мы свернем по правой дороге вверх по холму, который тянется вдоль долины Тибра. На расстоянии примерно двух миль мы снова спускаемся, и дорога врезается в холм, показывая, что он состоит из гравия, состоящего в основном из округлой гальки глинистого известняка; у подножия находится Торре ди Квинто, стоящая не на этом гравии, а на пресноводном известняке, подобном травертину или отложениям озера Тартар, с аналогичными признаками образования на камышах, ветках и т. Д. Это опять же вулканический туф, очень неравномерный по веществу и поверхности. Нижняя часть известняка включает многочисленные фрагменты этого туфа, но в верхней части слоя их нет. Сама башня относится к средневековью.

За небольшой долиной, которая следует за ней, мы находим отрог из такого же известняка, покоящийся на туфе. Мы не можем отчетливо видеть этот проход под массой лавы, или пеперино, или туфо, который образует следующий холм, но по его положению мы можем предположить, что это так. Эта масса образует обрыв, возможно, в некоторых местах высотой 100 футов, непосредственно над дорогой, которая здесь пересекает долину; она проявляет значительную тенденцию к образованию перпендикулярных трещин. Дно этого слоя обнажается в трех разных местах; в первом оно покоится на известковом гравии, подобном тому, что на противоположном холме; во втором - на мягковатом однородном песчанике, вулканического происхождения или нет, я не могу сказать; в третьем - на мягком пеперино, сильно отличающемся от массы выше или от чего-либо еще по соседству. Во всех них линия разделения совершенно четкая. Грот, усыпальница семьи Назо, обычно называемая гробницей Овидия, вырублена в песчанике. Она украшена древними росписями по штукатурке. Чуть дальше находятся другие гробницы значительных размеров; одна из них, по-видимому, представляла собой пирамиду или конус на квадратном основании. Другой был круглым снаружи, с двенадцатью или, возможно, одиннадцатью нишами и дверью, и греческим крестом внутри. Третий представляет собой просто фундамент, почти на одном уровне с равниной. Еще дальше находится другая пирамидальная гробница, которую я не посещал.

Удовлетворив здесь наше любопытство, мы возвращаемся той же дорогой к Понте Молле; затем, держась правого берега реки и пройдя через несколько виноградников еще правее, мы поднимаемся на холм к Вилле Мадама. Здание, которое так и не было достроено, обращено своей стороной к склону холма; глубокая лоджия перед садом украшена картинами Джулио Романо, который также является известным архитектором виллы. Эта глубокая лоджия, возможно, слишком сложная по своей форме, тем не менее очень элегантна, а с расположенной за ней террасы сада открывается прекрасный вид на Кампанию. Сейчас все запущено.

Между этим городом и Римом мы можем пересечь Монте-Марио, названный так не по имени римского полководца, а по вилле на вершине, принадлежавшей когда-то некоему Марио Меллини. Это самый высокий холм в непосредственной близости от Рима, и с великолепной террасы, затененной кипарисами, открывается великолепный вид как на город, так и на сельскую местность, от Апеннин до Средиземного моря. Если вместо того, чтобы следовать по дороге из этого места в Рим, мы немного свернем вправо, то окажемся в Долине Ада. Получил ли он свое название от злой арии или от того, что кишел разбойниками, я не берусь решать. Это,

конечно, не из-за характера пейзажа, который представляет собой зеленуюединенную долину, петляющую между крутыми лесистыми берегами небольшой возвышенности. Если бы не ботаника, я бы никогда здесь не побывал. Мы снова въезжаем в Рим через ворота Анжелика.

А.Б. Клейтон Дэл. по эскизам Дж. Вудса

Эдвардс. Лепить

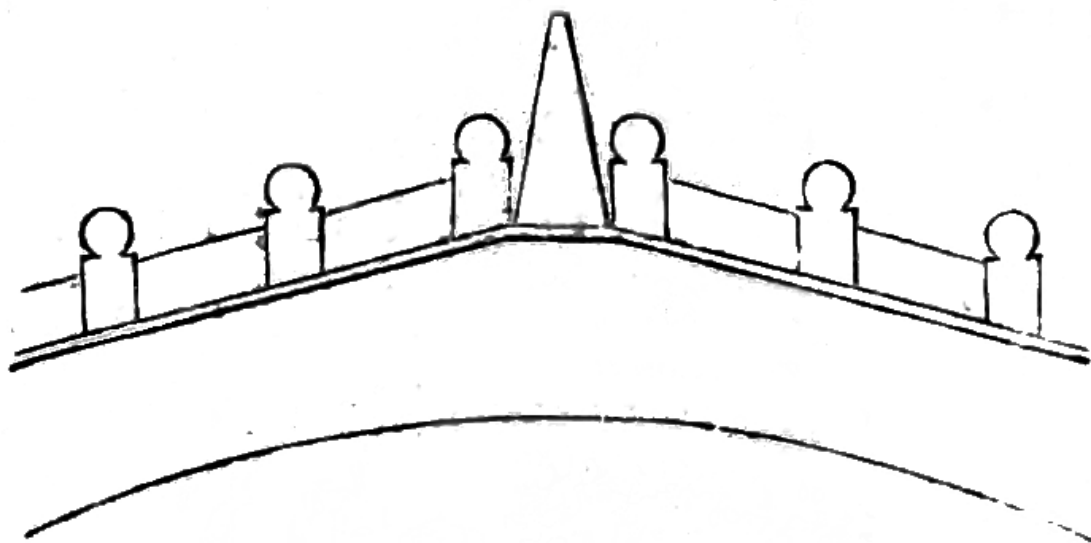
Ponte Salaria.

Лондон. Опубликовано издательством J & A. Arch, Корнхилл. 1-го марта 1828 года.

Наша следующая прогулка будет проходить от Porta Salaria, на дороге к которой первым объектом является Вилла Альбани. Первый этаж главного здания представляет собой ряд из десяти ионических пилястр, и в каждой промежуточной пилястре находится арка, поддерживаемая двумя небольшими колоннами. Вверху расположены два ряда окон, верхние из которых круглые; и коринфские пилястры. Распределение крыльев в точности такое же, как в нижней части центра, но в меньшем масштабе. Следует признать, что массивы имеют правильные пропорции и тонко расположены; это приписывается кардиналу, для которого была построена вилла. Но детали плохи; за это отвечает архитектор. Внутри большой салон представляет собой очень богатое и красивое помещение, около 60 футов в длину, 20 в ширину и 30 в высоту. Кабинеты, пожалуй, слишком маленькие, но это красивые комнаты, в каждой из которых горит одна лампочка. Напротив находится кафе, где есть открытая полукруглая галерея с дорическими пилястрами и одиннадцатью арками на дорических колоннах, расположенных так же, как в главном здании. И здесь общие пропорции хороши, а детали плохи. Есть и другие здания поменьше, которые я не буду описывать подробно; и в мои планы не входит пытаться описать великолепную коллекцию мрамора, которая находится на этой вилле. Они рассказывают вам о сотнях людей, увезенных французами, из которых, по-моему, одиннадцать

были восстановлены, но их число по-прежнему огромно. Виды с этой виллы великолепны, и я не раз видел из этих садов Апеннины, освещенные заходящим солнцем, в изысканной красоте.

Говорят, что Понте Саларио был разрушен Тотилой и восстановлен Нарсесом, но надписи, посвященные этим событиям, были утрачены в 1798 году, когда мост был перерезан отступающими неаполитанцами. Он состоит из одной большой арки, возможно, шириной 90 футов, и двух маленьких, одна из которых сейчас засыпана. Древняя работа, по-видимому, была сделана пеперино, ремонт выполнен из травертина, кирпича и щебня. Некоторые камни парапета все еще сохранились; они сформированы таким образом,

середина представляет собой что-то вроде пирамиды. За этим мостом находится гробница, превращенная в башню, и дорога ведет нас к месту древней Фидены; но, перейдя реку, я повернул направо и держался берега, образующего долину, до самого Понте Ламентано, где большая кирпичная арка, изображенная выше, а также арка самого моста имеют вид римской постройки.

Вместо того, чтобы переходить этот мост, мы можем повернуть на несколько шагов по дороге налево, до Священной горы, интересной своим местом в римской истории, но сама по себе не являющейся местом, отчетливо отмеченным ни природой, ни искусством. Прямо у его подножия находятся остатки двух гробниц; одна из них, представлявшая собой великолепное сооружение, окруженное круглой колоннадой, была изобретательно присвоена народом Рима Менению Агриппе. При жизни он был там, чтобы рассказать свою притчу плебеям, и, следовательно, он, должно быть, был похоронен там. Однако в этом фрагменте не сохранилось ни колонн, ни чего-либо особо интересного. Другой еще более разрушен.

Несмотря на их крайне ветхое состояние, эти фрагменты делают прогулки по Риму очень интересными. Они встречаются в изобилии во всех направлениях, главным образом на востоке Тибра, но в некоторых местах их гораздо больше, чем в других, и дают полную свободу воображению строить догадки об их древних формах и предназначении; ибо, хотя о некоторых из них высказывается несколько предположений, в лучшем случае это всего лишь догадки, и девять десятых фрагментов не содержат никаких вероятных предположений о том, чем они

могли быть. Большая часть из них, несомненно, была гробницами, но кого именно и к какому периоду, забыто.

Я часто мечтаю о сносной карте окрестностей, на которой было бы показано расположение различных объектов нашего любопытства, особенно древностей, и мне кажется сильной чертой неповоротливости современного Рима, что работой, столь чрезвычайно желанной, так полностью пренебрегли. Я говорю полностью, ибо жалкая карта Лация Сиклера не стоит упоминания. Я не чувствую нужды ни в чем большем, чем в попытках проследить акведуки. Древних было одиннадцать, а именно: Aqua Appia, 442 г. н.э.; Anio vetus, 481 г.н.э.; Aqua Tepula, 628 г.н.э.; Aqua Marcia, 640 г.н.э.; Aqua Julia, 721 г.н.э.; Aqua Virginis, 735 г. н.э.; Aqua Alsietina, 753 г.н.э.; Aqua Claudia, Anio novus, Aqua Trajana и Aqua Sabatina; две последние находятся на западной стороне озера Тайбер. Из этих акведуков все еще сохранился Aqua Virginis, в Аква Феличе, возможно, содержится вода, которая ранее транспортировалась по каналу Аква Тепула, а Аква Паолина заменяет Аква Альсетина. На ранней части своего пути эти акведуки имели несколько ответвлений для получения различных припасов; и другие ответвления внутри города и вблизи него для распределения воды: общее количество воды превышало 10 000 *квинариев*, или, как говорит Пиранези, 14 000, но сколько было этих квинариев, я полагаю, достоверно неизвестно. Полени рассматривает его как трубу, диаметр которой равен кольцу для пальца хорошего размера, или примерно трем четвертям дюйма. Не очень точная мера, а если бы и была, то, поскольку мы не знаем, на какой глубине под обычной поверхностью были размещены эти трубы, или о каких-либо других данных, по которым можно определить скорость воды, она была бы слишком несовершенной, чтобы позволить нам составить приемлемое суждение о предполагаемом количестве. Квинарий мог быть диаметром монеты с таким названием, или это могло быть название меры жидкости, равной пяти четвертям *секстария*, а секстарий равен примерно пинте; но тогда нам нужно время, в течение которого такая мера была предоставлена. Согласно Форчеллини, и он цитирует Фронтину, квинарий - это труба диаметром в пять *квадрантов*, а квадранс, согласно тому же источнику, составляет четверть фута. Это было бы абсурдно, и древние останки показывают, что в среднем сечение каждого водотока не могло превышать площади в десять квадратных футов. Таким образом, квинарий - это пять четвертей чего-то, это, кажется, все, что можно сказать наверняка. Круглое отверстие диаметром в три четверти дюйма на глубине четырех футов от поверхности, которое всегда поддерживается на одном и том же уровне, будет выбрасывать пятьдесят один кубический дюйм в секунду.^[5]

Большинство акведуков соединяются друг с другом недалеко от Порта Маджоре. К этому числу можно добавить Aqua Virginis, которая входит в Рим недалеко от Виллы Боргезе, и Trasteverine, которые находятся в одиночестве, и современную Asqua Felice. Этот последний проходит вдоль стены от этих ворот до Порта Сан-Лоренцо, а затем, покидая стену, направляется к Чертозе. Поэтому я проведу вас к воротам Маджоре, а затем расскажу, что можно увидеть за ними; но прежде чем мы подъедем к воротам, особенно если мы пойдем со стороны Святого Иоанна Латеранского, мы увидим значительные остатки ответвления Клавдиевой реки, построенной, как нам сказали, Нероном для проведения воды к Палатину; а незадолго до прибытия к воротам под ней проходит переулок, ведущий к церкви Санта-Кроче, и у нас есть полная возможность осмотреть его. Он сложен из красивого кирпича, по крайней мере, такова облицовка, и предназначен для ворот, поскольку состоит из одной большой арки посередине и двух маленьких арок, расположенных одна над другой, с каждой стороны; и там были архитектурные украшения. Древний водоток протекает наверху, над этими верхними арками; но в настоящее

время есть еще один, как бы подвешенный в верхней части большой арки и проходящий у основания верхних боковых арок, который, я полагаю, является ответвлением от современной Аква Феличе; по крайней мере, только из него она теперь может получать свою воду. Я уже упоминал вам об остатках, связанных со стеной возле Порты Маджоре, если смотреть изнутри города; о трех каналах, которые проходят над воротами, и четырех, которые входят в стену слева, когда вы выходите из ворот. Самая низкая и древняя, Аква Аппиа, входит в город, по словам Пиранези, немного справа от ворот и вьется над Авентином; но она почти повсюду зарыта, и я не видел ее ни в одном месте в Риме, если только это не самая низкая из них у Порты Маджоре, на что, по-видимому, указывает план Пиранези; но обычно считается, что она принадлежит Анио ветус. Те, что проходят над воротами, - это Aqua Claudia и Anio novus. Вдоль стены их сопровождает ряд арок более древнего происхождения, но я не могу сказать, что с ними может случиться потом. Возле Порты Маджоре нет ряда арок, соединяющихся с каким-либо из четырех более ранних акведуков, и я не смог с уверенностью определить их на большем расстоянии. Мы действительно видим многочисленные остатки акведуков, длинные ответвления которых бросаются в глаза; они вьются по обширной равнине без какой-либо видимой причины из-за неровностей их хода, которые тем более примечательны, что иногда пересекают друг друга; и это обстоятельство, добавленное к их количеству и их изуродованному состоянию, затрудняет их отслеживание или назначение каждой арки, которая ей принадлежит. Высота, несомненно, является очень важным показателем, но для этого требуется тщательное выравнивание и измерение различных деталей. Материалы являются дополнительным руководством. В трех из них, которые вместе входят в стену возле Порты Маджоре, два верхних водотока, предположительно Джулия и Тепула, сложены из кирпича и щебня; нижний, у Аква Марсия, сложен из квадратных блоков пеперино, иопорный пирс также имеет такую конструкцию. Говорят, что, когда в 729 году нашей эры была возведена Юлия, к ней была пристроена Тепула. Я не понимаю, что подразумевается под этим выражением, поскольку вода учитывается отдельно, и мы все еще видим их отдельные каналы, но, к сожалению, это ставит под сомнение дату нынешних останков; без чего мы могли бы сделать очень близкое приближение к периоду возведения этих зданий из щебня; между 612 годом н.э., датой Марсии, и 627 годом н.э., датой Тепулы. Из сохранившихся фрагментов некоторые сделаны из камня, другие из кирпичной кладки, но проследить за сохранностью первых невозможно; и хотя два или три иногда опираются на один ряд арок, в других местах почти у каждой, кажется, есть отдельный ряд. Любопытно проследить за этими ремонтными работами, выполненными пятнадцать столетий назад; выполнение кирпичной кладки в большинстве случаев, или, возможно, во всех, показывает, что они были явно сделаны до эпохи Константина, и основные реставрации, по всей вероятности, имели место при постройке верхних водотоков. Обычно они состоят из кирпичных арок, встроенных в древние каменные, иногда опирающихся на старые опоры, но чаще снесенных до земли, а в некоторых случаях была засыпана вся арка или внизу остался только дверной проем. Иногда эта внутренняя отделка была полностью или частично разрушена; иногда первоначальная каменная кладка исчезла, поскольку владельцу участка понадобились кирпичи или квадратные камни. В одном месте древние опоры были полностью погребены под более поздней кирпичной кладкой; но кирпичная кладка была разрушена, а первоначальная каменная кладка убрана, что представляет собой очень необычный и, на первый взгляд, совершенно необъяснимый вид; в других частях все обвалилось, очевидно, без этих кирпичных пристроек, поскольку ряд параллельных насыпей отмечает положение поверженных опор.

Продолжая движение по дороге к Пренесте, древней Виа Лабикана, на некоторое расстояние, с этими акведуками и фрагментами акведуков справа, и наблюдая за другим, пересекающим долину на гораздо более низком уровне, возможно, соединенную с самым низким водотоком (Анио ветус) у Порты Маджоре, мы прибываем в Торре Пиньяттара, которая, как говорят, является могилой Елены, матери Константина. Здесь был найден другой большой порфировый саркофаг, находящийся сейчас в Ватикане, на месте первого, о котором я уже упоминал, в церкви Санта-Констанца. Скульптура далека от совершенства, но она лучше, чем предыдущая. Говорят, что в наше время его отремонтировали за счет 20 000 крон, в противном случае его можно было бы считать слишком хорошим для эпохи Константина. Сама башня представляет собой круглое кирпичное здание значительных размеров, с двумя внешними этажами, каждый из которых состоит из восьми арок. В части, противоположной нынешнему входу, была большая внешняя ниша, и несколько выступающих камней образуют карниз или, возможно, перистиль над нижним рядом арок. Вероятно, в нем никогда особо не вызывало восхищения ни дизайн, ни исполнение. Купол, который его покрывает, построен из глиняных горшков, отсюда здание и получило свое название Пиньяттара, что означает "пипкин".

Действительно хороших вещей в римской архитектуре, от которых нам что-то осталось, сравнительно очень мало. Храм Весты скорее греческий, чем римский. Затем у нас есть три колонны Юпитера Статора; три Юпитера Тонана; храм Антонина и Фаустины; храм Марса Ультора и портик Пантеона, все шесть относятся к коринфскому ордену, и у нас нет ничего особо ценного из других. Кроме того, здесь есть великолепные фрагменты, и, в частности, некоторые мраморные украшения на форуме Траяна дают представление о его красоте и совершенстве. Но нет другого здания, которое можно было бы рассматривать как образец. Возведения четырех первых императоров, как правило, были выдержаны в хорошем стиле, и чувство правильного вкуса и чувствования существовало до времен Траяна. При этом императоре произведения Аполлодора явно превосходят большинство зданий, предшествовавших его времени, но художник и чистота искусства были уничтожены Адрианом. Некоторые следы красоты остались при Севере, но они постепенно теряются между ним и Константином. Обычный деревенский каменщик в Англии сделал бы такой же хороший проект, нарисовал бы архитектуру с такой же правдивостью и корректностью и выполнил бы орнаменты, включая скульптуру, так же, как художники, нанятые Константином. Степень деградации, до которой опустилось изобразительное искусство в тот период, является весьма примечательным явлением в истории человеческого разума; ибо империя, хотя и была разорвана и страдала во многих частях, все еще была велика и могущественна; и как для отдельных людей, так и для общества, искусство, должно быть, все еще применялось. Однако архитекторы времен правления Константина не могли найти рабочих, которые могли бы придать лепнине правильный изгиб или даже сохранить ее прямую линию или сформировать ровную поверхность.

За башней Пиньяттара находится множество небольших руин, в основном из щебня, с облицовкой из сетчатого туфа, как раз такого типа, который, по описанию Витрувия, рассчитан на восемьдесят лет; однако, не будучи очень толстыми, эти стены пережили, вероятно, двадцать таких периодов. Большинство из этих зданий были прямоугольными, но есть одно круглое кирпичное здание, а также фрагмент, построенный из больших блоков пеперино, вероятно, раннего периода, и некоторые постройки *opus incertum*. Съехав с дороги в Пренесте и повернув налево, я миновал другой участок акведука, не возвышающийся над более возвышенными частями Кампании, но из его положения я должен заключить, что он не той же работы, что и

аналогичный участок, который я перед этим оставил справа. Останки обоих сложены из щебня. Нибби предполагает, что это "Аква Александрина". Некоторое время спустя, возвращаясь в Рим, я подъехал к большому круглому зданию, расположенному на древней Виа Пренестина, дороге, которой сейчас мало кто пользуется, под названием Торре дельи Скьяви, или иначе храм Надежды. Это большое круглое кирпичное здание с куполом; с двумя рядами выступов для карнизов и признаками крупной лепнины основания. Кирпичная кладка не очень хороша. Внутри есть четыре ниши, две небольшие арочные ниши, одна побольше, а напротив последней - дверной проем. Он имеет лучший дизайн, чем Торре Пиньяттара, и перед ним был портик, так что это была почти миниатюра Пантеона. На куполе сохранились остатки лепнины, следы орнаментов и даже фигур. По-видимому, ряд этих фигур окружал купол в месте перехода, а над ними большое овал, эти восемь арок(все расписано) и другие украшения. Все слишком обветшало, чтобы мы могли судить о результате или установить срок исполнения. Некоторые фигуры святых, явно более поздние, чем только что упомянутые картины, доказывают, что он использовался как христианская церковь, как это было и в случае с Торре Пиньяттарой. Купол освещен, как и в том здании, за счет использования горшков. Фундамент показывает, что у него был портик, который, как и у Пантеона, содержал большие ниши с каждой стороны от входа в здание. Внизу находится круглый свод, опирающийся на центральную опору. По соседству можно проследить несколько фрагментов стен и остатков фундаментов, и многие здания, должно быть, были значительных размеров. Есть одно устройство, которое встречается здесь и в других местах несколько раз; внизу находятся два, три или даже четыре параллельных свода, каждый из которых иногда разделен поперечной стеной на две части; и столько же камер наверху, которые также были сводчатыми. В каждом из нижних сводчатых помещений, по-видимому, была дверь в одном конце и никакого другого отверстия; верхние помещения в большинстве случаев слишком разрушены, чтобы мы могли определить, какими они были; но в одном из них у Торре дельи Скьяви, самом совершенном, которое я видел, сохранилось достаточно, чтобы довольно определенно сказать, что ни наверху, ни внизу не было ни двери, ни окна; ни камина, ни лестницы, ни ниш ни для статуй, ни для мертвых тел, ни для погребальных урн, ни каких-либо отложений воды. Что бы это могло быть?

Чуть поодаль находится фрагмент другого круглого здания, такой же работы, но меньшего размера и более разрушенного, а также более погребенного под руинами. Осталось достаточно, чтобы показать, что купол был рифленным, с небольшим скруглением по углам каждой канавки: канавки были в некоторой степени закруглены внизу. Снаружи он сделан из сетчатого туфа и, кажется, был квадратным. На расстоянии нескольких шагов находится здание, построенное из кирпича, снизу восьмиугольное, а сверху из щебня, наружное покрытие которого исчезло. На его части построена башня, резиденция — не помню, кого; какого-то дворянина или разбойника, имена, которые в средние века в Риме казались синонимами. Она тоже куполообразная. Внутри находятся четыре ниши, три углубления и дверь; и здесь мы замечаем, что внизу был круглый свод и центральная опора, как и в главном здании. В одной из ниш сохранились рельефные орнаменты на лепнине. С одной стороны находятся несколько дополнительных построек, но между ними и круглой частью не было двери, соединяющей их. Есть много других фрагментов, но эти - самые совершенные. Эту группу руин иногда называют Roma Vecchia, но есть еще одна Roma Vecchia, более значительная, на Аппиевой дороге, о которой я расскажу вам в моей следующей прогулке.

Возвращаясь в Рим, мы находим небольшое здание очень аккуратной кирпичной кладки, отчасти в стиле храма Редикула, о котором в моей следующей прогулке также будет рассказано, но в худшем вкусе, а потому, вероятно, позже. У него высокий фриз, украшенный арками, еще одно доказательство упадка искусства.

ПИСЬМО XXXIV.

ОКРЕСТНОСТИ РИМА.

Рим, май 1817 года.

Начав с Порты дель Пополо и следуя в направлении солнца, я последовательно вывел вас через разные ворота; но теперь мы выйдем через ворота Святого Себастьяна и вернемся через ворота Сан-Джованни, которые будут предшествовать им в обычном порядке. Прежде чем подойти к воротам, мы встречаемся с тремя заслуживающими внимания объектами, которые, хотя и находились внутри стен, были расположены слишком далеко, чтобы их можно было включить в наши предыдущие прогулки. Первое из них - это огромные руины Терм Каракаллы. Общий план римских *терм*, по-видимому, представлял собой большое прямоугольное центральное здание, расположенное в просторном помещении, окруженное постройками меньшего размера, а с одной стороны этого двора находился большой открытый театр, или, скорее, *пещера*. Это расположение может быть прослежено в трех, которые существуют наиболее точно; по остальным у нас недостаточно материалов, чтобы решить, было ли оно принято или нет; и мы заключаем об этом только по аналогии. Это очень заметно в Термах Каракаллы, только *пещеране* полукруглая, а имеет форму половины стадиона, или цирка. Руины этих бань очень значительны и впечатляют своей огромной квадратной массой; а внутри огромные груды кирпича и щебня придают им торжественный характер, с которым идеально гармонирует глубокая, неподвижная синева итальянского неба, хотя оттенки руин насыщенные и яркие. Как бы часто мы ни посещали их, мы всегда с неизменным удовольствием прогуливаемся среди их массивных сооружений. Большая центральная камера, похоже, как и большой зал, все еще сохранившийся в термах Диоклесиана, была перекрыта сводчатыми сводами. Вероятно, это был первый случай использования паховых арок, покрывающих пространство сколь-нибудь значительной протяженности, и поскольку не может быть никаких сомнений в том, что столь поразительной новинкой будут восхищаться и повторять, мы не удивлены, обнаружив ее во всех более поздних термах. Верно, что Палладио вводит это расположение в свои планы всех бань, но в этом, как и в некоторых других случаях, он, по-видимому, восполнил недостатки одной, приспособив к ней части другой, без достаточных полномочий. Большое центральное здание было составлено изнутри из двух больших дворов с колоннадами, по одному на каждом конце, и обширных залов, а также множества небольших помещений между ними и по каждой стороне от них; по-видимому, с каждой стороны внешнего круга зданий были другие здания, расположенные по кругу, и на каждом конце было восьмиугольное помещение, имеющее вид входного зала. Говорят, что в одном из них был найден знаменитый *Торо Фарнезе*, но я считаю этот факт сомнительным. В той части, которая сейчас сохранилась, мы находим горизонтальные линии, которые, вероятно, обозначают расположение мраморных карнизов, и множество

других указаний на убранные пристройки: мы прослеживаем также трубы в стене в разных местах, некоторые, очевидно, предназначались для отвода дыма, в то время как другие должны были подавать воду.

1826.

Компания Conte di Velo провела раскопки значительной части этих ванн. Было найдено множество фрагментов скульптуры и архитектуры, а также огромное количество кусков разноцветного мрамора. Белый мрамор для архитектуры был пентелическим. На глубине шести или восьми футов был обнаружен древний мозаичный пол, а еще ниже находятся несколько любопытных сооружений из стен и трубопроводов, смысл которых я не понимаю. На выставке во французской академии было несколько прекрасных рисунков всех сделанных здесь открытий с полной реставрацией здания; в некоторых частях они были очень удачными, в других - очень сомнительными. Художник тщательно запомнил некоторые сравнительно незначительные раскопки, проведенные французской академией, и даже не упоминает имени графа ди Вело, благодаря которому ему удалось привлечь внимание к своим рисункам.

1817.

Древние римляне не разрешали хоронить своих умерших в черте города, или, если есть несколько исключений, они были предоставлены им очень бережной рукой, и современный город уничтожил могилы на Марсовом поле, за исключением нескольких крупных. Гробница Сципионов находится без древних стен, в противоположном направлении, но внутри стен Аврелиана. Надпись была обнаружена здесь еще в 1616 году, но антиквары, остановившие свой выбор на здании значительно дальше, как надгробнице Сципионов, были единодушны во мнении, что это, должно быть, подделка, и только в 1780 году владелец *Виньи*, работая над расширением своего погребя, раскопал древние раскопки и нашел замечательный саркофаг, который сейчас находится в Ватикане, и множество других табличек с надписями, которые исключают все сомнения. По-видимому, первоначально это была каменоломня в пуццолане или, что более вероятно, в туфо, прежде чем ее использовали в качестве гробницы. Древний вход образован аркой пеперино, украшенной полуколоннами, и это почти вся каменная кладка раннего периода. Некоторые пристройки из кирпича и туфо, по-видимому, были сделаны позже; а еще более поздние постройки в стиле каменной кладки, соответствующем стилю цирка Каракаллы, были перенесены через него или вдоль одной его стороны. Обвал земли не только засыпал, но и полностью уничтожил все следы древнего входа; а небольшое казино для виноградаря, одно из тех небольших сооружений, которые так часто сооружаются на древних гробницах, еще больше скрывало от наблюдателя любой объект, представляющий интерес; несколько фрагментов старых каменных построек слишком часто встречаются в Кампанье, чтобы привлекать к себе внимание.

Прямо перед тем, как миновать стены, мы находим Арку Клавдия Друза, построенную сенатом в 745 году н.э., за восемь лет до христианской эры, и украшенную, как сказано, трофеями германских побед. Над аркой, обращенной к городу, можно заметить признаки фриза и архитрава, а также лепнину карниза, но короны нет: сохранились также остатки небольшого

фронтон, едва перекрывающего проем арки. Все это принадлежит первоначальному зданию и легко отличимо от проложенного над ним акведука Каракаллы, для выполнения которого, по-видимому, было необходимо сократить внутреннюю часть сооружения почти до ключевого камня арки. На внешней стороне расположены две мраморные колонны Составного ордера. Сохранился архитрав этих зданий, но ничего над ним нет, а все остальное здание было очищено от мраморного покрытия, которым оно когда-то было покрыто.

Я уже описывал вам ворота Святого Себастьяна. Сразу после его прохождения вы входите в виноградник справа, чтобы увидеть, как вам сказали, *Сеполькро ди Марте*; он имеет аккуратную кирпичную кладку; кирпичи на внешней облицовке обрезаны до острых краев, как и в некоторых других зданиях, которые я вам опишу: внутри мы находим простой свод во главе с фургонном, с небольшими кессонами в лепнине, но без каких-либо других украшений; и ниши для погребальных урн. За этим следуют другие фрагменты, все из гробниц, поскольку сейчас мы находимся на Аппиевой дороге или поблизости от нее. Были даны названия, но не подтвержденные авторитетом, и руины в основном представляют собой просто груды щебня, которым невозможно придать никакую форму. Однако некоторые из них больше и содержат сводчатые помещения, другие имеют куполообразную форму. Действительно, форма, протяженность и материалы более совершенных останков различаются, но было бы утомительно перечислять их. На левой стороне дороги, напротив одной из них, имеющей значительное сравнительное значение и ранее приписывавшейся Сципионам, находится маленькая церковь *Domine quo vadis*, названная так потому, что святой Петр, сбежав из римской тюрьмы, встретил здесь нашего Спасителя, несущего свой крест; и в этих словах, поскольку он предпочитал латынь еврейскому, сирийскому или греческому, спросил его, куда он направляется. Наш Спаситель ответил, что он будет распят во второй раз. Святой Петр, похоже, понял намек и вернулся, чтобы принять мученичество, которого от него требовали. Этого нет в Деяниях Апостолов, но на этот счет мы не менее твердо верим; и более того, вам показан отпечаток стопы нашего Спасителя на камне, на котором он стоял. По крайней мере, было политично вплести все эти мелкие обстоятельства в историю святого Петра; они соединились со всеми самыми ранними впечатлениями о римлянах и легко связаны с идеей о том, что святой Петр был епископом Рима, и о вытекающем отсюда высшем достоинстве и авторитете этой церкви.

В архитектуре церкви Святого Себастьяна нет ничего, что привлекло бы ваше внимание; но в подземной часовне находится прекрасный бюст святого работы Бернини, полный экспрессии; и здесь же находится вход в самые обширные катакомбы Рима. Они состоят из кривых извилистых проходов в туфо и пуццолане, в три этажа, которые, поскольку уровни не всегда точно сохраняются, те, кто хочет усилить впечатление от чудесного, легко превращают в семь. Ниши для тел представляют собой простые квадратные углубления, примерно в длину человеческого тела, и как раз достаточно большие, чтобы вместить его; но есть несколько больших, образующих арку, на дне которой было помещено тело: везде, где встречаются эти большие арочные ниши, есть небольшое помещение, грубые стены которого были покрыты штукатуркой. Однако я не рискну утверждать, что здесь нет оштукатуренных комнат без ниш, но эти два обстоятельства обычно сочетаются. Они утверждают, что нашли здесь тела 174 000 мучеников. Самой по себе коллекции достаточно, чтобы снабдить реликвиями всю Европу.

Чуть дальше находится Сполиарий, или Мутаторий; или, согласно Палладио, это храм, или что угодно еще, что вам заблагорассудится. Обычно предполагалось, что он служил какому-то

назначению, зависящему от цирка Каракаллы, с которым он, однако, не имеет никакого отношения. Он состоит из круглого здания, окруженного внутренним двором. Центральное здание образовано круглой стеной с восьмиугольной опорой посередине, поддерживающей свод; все это, несомненно, образует подвал большого куполообразного зала наверху, которого больше не существует. Работа выполнена из щебня, который внутри свода облицован кирпичами, уложенными регулярно, но с большим количеством строительного раствора; свод полностью сложен из щебня. В средней опоре есть ниши, и ее восьмиугольная форма кажется несущественной, поскольку свод возвышается над описанным внутри него кругом. Окружающая двор стена построена из чередующихся слоев кирпича и камня, или, скорее, из туфо, поскольку она вряд ли заслуживает названия каменной. Внутри него сохранились остатки опор, сложенных только из кирпича, и есть некоторые остатки сводов, которыми было перекрыто промежуточное пространство, образуя непрерывную аркаду вокруг трех сторон двора, или, возможно, всех четырех, но та, что со стороны дороги, полностью разрушена. Рядом с внешней стороной этого двора находится гробница, долгое время приписываемая семье Сервилиев, но поскольку истинное место захоронения этой семьи с тех пор было найдено на значительном расстоянии и определено по надписям, оно остается без названия. Снаружи и внутри он имеет квадратную форму и перекрыт не обычным сводом, а пирамидально, по принципу *пудомы*. Однако в некоторых проемах есть грубые арки; проход проходит по всему зданию в толще стен. Вся конструкция, безусловно, очень необычна и, по-видимому, относится к глубокой древности, но я не могу претендовать на то, чтобы назвать вероятную дату.

По этим остаткам мы переходим к Цирку Каракаллы, хотя и не потому, что он был построен этим императором, поскольку, вероятно, относится к гораздо более позднему периоду, но из медалей было известно, что Каракалла построил цирк, и антиквары не могли сказать, где его найти, в то время как здесь у них был цирк без названия. Кто бы их ни построил, это очень интересные руины, потому что они более точно, чем какие-либо другие, отражают устройство древнего цирка. Окружающие стены построены так же, как и во дворе мутатория, с чередующимися слоями кирпича и мелких камней; продолжающийся свод, который поддерживал сиденья, сделан из щебня, но в верхней части установлены большие глиняные вазы для облегчения работы. Линия *Карцеров* которая образует квадратный конец, если я могу так вольно использовать слово *квадрат*, расположена наклонно по отношению к боковым стенкам и изогнута сама по себе, чтобы все колесницы были равны при старте; а *позвоночник* по аналогичной причине не проходит ни по середине арены, ни точно параллельно одной из ее сторон, но расположен так, что проход становится уже по ходу движения. В полукруглом конце находятся *Триумфальные ворота*,^[6] через которые победитель покинул цирк. Обелиск, который сейчас украшает Пьяцца Навона, когда-то украшал корешок этого места.

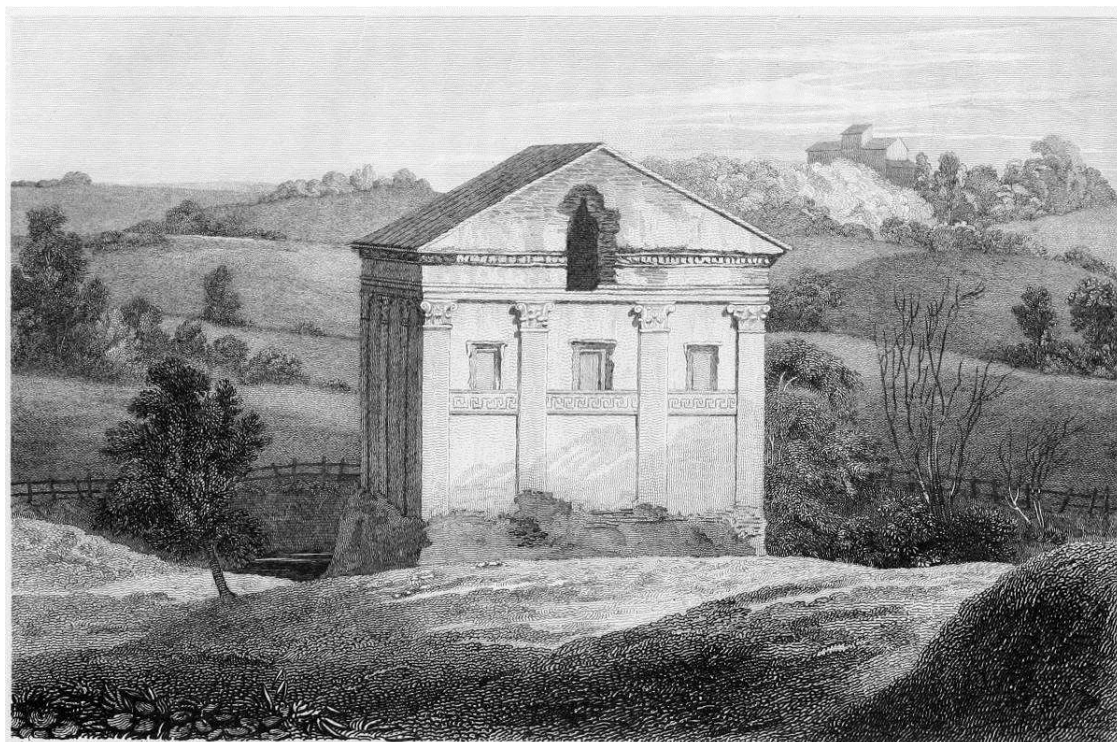
Над этим цирком возвышаются различные руины, из которых мы можем насчитать пять отдельных фрагментов, каждый на некотором расстоянии друг от друга; и длинная терраса, частично опирающаяся на своды, на одну из которых вы все еще находите вход. Штукатурка все еще сохранилась, и мы наблюдаем нарисованные линии, очень аккуратно и правильно нанесенные вокруг панелей, из которых были удалены украшения посередине: из того, что осталось, мы можем заключить, что все было хорошо закончено. Предполагалось, что некоторые из этих фрагментов зданий принадлежат храму Чести и Добродетели, построенному Марцеллом после завоевания Сицилии, в 544 году от Рождества Римлян; однако этому нет и тени доказательств, и стиль строительства из щебня, облицованного кирпичом, похож на стиль имперских времен.

Теперь мы немного свернем с дороги, чтобы посетить некоторые памятники старины, которые находятся на отшибе слева, в небольшой долине под названием Каффарелли или поблизости от нее. Первое, с чем мы встречаемся, прямо на вершине холма, - это маленькое сооружение, называемое Храмом Бури. В Риме есть несколько небольших зданий, покрытых своего рода сводами, которые французы называют *dos d'ane*, но я не знаю, есть ли у нас соответствующий английский термин. Щебень и строительный раствор, из которых он состоит, по-видимому, были уложены на доски, поднимающиеся треугольной формы, и, когда их уберут, они будут поддерживаться исключительно цементом. Это маленькое здание - одно из них. Говорят, что она была воздвигнута в 547 г. н.э. (до 206 г. н.э.) П. К. Сципионом вследствие обета, который он дал, когда его застигла буря при возвращении из Испании; и я наблюдал две гробницы, одну из которых я вам только что описал, крыша которой построена по тому же принципу, в форме усеченной пирамиды; обе очень ветхие. Я склонен приписывать всем трем высокую древность, вероятно, такую же высокую, как та, которая по традиции приписывается храму Бури; но я должен заметить, что лишь небольшая часть этого здания может по какой-либо возможности претендовать на это название: пристройки были сделаны в разное время. Самая старая часть образована из щебня, из фрагментов лавы; более поздняя (и эти стены построены вплотную к другим) - из щебня из туфо, облицованного сетчатой кладкой, и с тех пор на вершине был возведен жилой дом, который сейчас находится в руинах. Чуть поодаль находится здание, называемое Храмом Вакха, или, по Уггери, и некоторыми другими, Храмом Чести и Добродетели. Четыре коринфские колонны довольно хорошего дизайна и мастерства формируют фасад, но они расположены на большом расстоянии друг от друга и увенчаны жалким архитравом. Над ним находится то, что можно рассматривать как огромный фриз, который, как и карниз, сделан из кирпича. С одной стороны находится фрагмент стены из чередующегося кирпича и туфо, не вплотную примыкающий к стене храма и не параллельный ей. Стены нынешнего здания полностью кирпичные, по крайней мере, в том, что касается облицовки; и при переоборудовании его в церковь промежутки между колоннами были заполнены плохо построенной стеной из кирпича и фрагментов камня. Первоначальная кирпичная кладка аккуратная и качественная, но кирпичи не обрезаны до острых краев, как в некоторых других примерах. Внутри ряд камней, выступающих из стен, образует ряд выступов, поддерживающих плоские кирпичные арки: над каждым чередующимся камнем находится пилястра, а внизу, вероятно, были колонны, так что это была комната, украшенная двумя архитектурными образцами. На своде сохранилось несколько лепных панелей, а вдоль подпружинивания расположен ряд трофеев со значительным рельефом. Одни колонны принадлежат зданию старого времени, но здание в своем первоначальном виде, вероятно, было не намного раньше Константина, а возможно, и позже: изменения и превращение в церковь не зафиксированы; мы только видим факт. Что-то было сделано в 1634 году, но я не знаю, что именно.

Ниже, в долине, находится Грот нимфы Эгерии, пещера, возможно, первоначально образованная природой на склоне холма, но расширенная и приданная правильности с помощью искусства, а мягкая порода повсюду покрыта кирпичом и сетчатой обработкой. По-видимому, он был сформирован в симметричное здание, украшенное нишами, в одной из которых, в конце грота, находится фрагмент мужской статуи. Запас воды невелик, но свод и стены, покрытые прекрасным *Adiantum Capillus Veneris*, показывают общую влажность почвы.

Продолжая спускаться по долине, мы встречаемся с храмом Редикулуса: основная часть сооружения сложена из щебня, но облицована очень аккуратной кирпичной кладкой, в которой горизонтальные поверхности кирпичей были затерты или срезаны, чтобы освободить место для

раствора, когда внешние края почти соприкасались, как в гробнице, называемой гробницей Марса, и в некоторых других рядом с мутаториумом, о которых я особо не упоминал. Я не заметил, чтобы в результате этого процесса был разбит какой-либо кирпич, эффект, который, я думаю, несомненно последовал бы, если бы современный архитектор руководил таким процессом. Сзади у него есть коринфские пилястры, которые являются наиболее заметной частью, листва капителей которых также вырезана из кирпича. С одной стороны находятся части двух восьмиугольных колонн, утопленных в стену, в то время как другая сторона простая. В нем есть окна; и многие украшения вокруг них и на карнизе, а также полоса, украшенная резьбой, которая окружает здание между пилястрами, по-видимому, были вылеплены из глины перед обжигом. Есть явные следы портика, обращенного к ручью, который орошает долину, так что все вместе, должно быть, образовывало законченный маленький простильный храм. Внутри свод, отделяющий подвал от того, что при таком предположении было бы полом храма, разрушен; и в этом подвале, на западной стороне, или торце, находится ряд небольших арок, которые, по словам некоторых антикваров, не являются частями здания, а были возведены для кормления скота. Поскольку, однако, следы подобных арок можно наблюдать при строительстве стены с южной стороны, поверхность которой разрушена, я подозреваю, что они предназначались для размещения погребальных урн. Какова бы ни была цель возведения, в Риме есть несколько зданий аналогичного расположения, и поэтому, вероятно, они предназначались для аналогичного объекта. Предполагалось, что большинство из них были храмами, но я полагаю, что все они содержат упоминания в подвальной истории (ибо у каждого есть подвальная история) о том, что их использовали как места захоронения после сожжения: тем не менее, они не расположены сразу на больших дорогах, как это обычно делалось с гробницами, и не существует какой-либо определенной гробницы, в которой эта форма была принята. Это маленькое здание, вероятно, имело такой же правильный дизайн и такое же законченное исполнение, как и любое из них; и по счастливому стечению обстоятельств оно сохранилось лучше всего.

А. Б. Клейтон Дэл. по эскизам Дж. Вудса

Эдвардс. Скульптор.

Храм Редикулуса.

Лондон. Опубликовано J & A. Arch. Корнхилл, 1^{марта} 1828 г.

Возвращаясь на Аппиеву дорогу и поднимаясь по гребню холма, вдоль которого она тянется на несколько миль, мы подходим к Могиле Цецилии Метеллы, жены Красса; вероятно, богатого Красса, поскольку после всех допущений о личном богатстве, римской роскоши и показухе мы все еще, несмотря на надпись, не можем поверить, что такой мол мог быть воздвигнут для захоронения костей одной женщины. Обширный квадратный цокольный этаж сложен из щебня, образованного фрагментами пеперино, с большими блоками травертина, встроенными в массу, чтобы объединяться с облицовкой из травертина и поддерживать ее, которая когда-то покрывала все здание целиком, но от которой остались только эти облицовочные блоки. Говорят, что в этой части есть три небольшие камеры (входа в которые, однако, я не смог обнаружить), и в одной из них был найден саркофаг, который сейчас находится во дворе Палаццо Фарнезе. Круглая часть здания резко поднялась, насколько мы можем судить по остаткам, из этой квадратной массы, без какой-либо подготовки, согласовывающей изменение формы: эта верхняя круглая часть образует башню диаметром около 60 футов, стены которой имеют толщину 20 футов внизу и больше вверху, поскольку отверстие уменьшается кверху в конической форме. Уггери относит 87 французских футов ко всему диаметру и только 20 футов к круглой камере; возможно, он прав: я ее не измерял. Как и все другие руины любого значения, этот был превращен в крепость, или, скорее, стал частью большого замка, во время войн римских баронов и был пристанищем семьи Гаэтани. Эти сыны грабежа и разграбления, похоже, мало беспокоились о мал арии. После того, как они покинули этот памятник и готическую крепость, в состав которой он впоследствии был включен, могилы стали очень частыми. Крепость занимает как раз выступ холмистой гряды, протянувшейся по прямой линии от Альбано и, очевидно, образованной потоком лавы, и рядом с ней находятся значительные каменоломни, которые снабжают Рим брусчаткой.

Самой простой формой древней усыпальницы была квадратная или круглая башня, небольшой высоты или размера, на квадратном цоколе. Фрагменты белого мрамора сохранились в достаточном количестве, чтобы показать, что большая часть гробниц, должно быть, была покрыта этим материалом, но по большей части существующие руины представляют собой просто нечеткие груды щебня. Некоторые из них сделаны из кирпича, но обычно они большей протяженности и более сложных форм, с куполами и арками; и, вероятно, относятся к более позднему времени. Эти погребальные камеры расположены в одну линию по обе стороны Аппиевой дороги, но чуть дальше мы находим большое количество фрагментов, разбросанных на значительном протяжении и называемых Roma Vecchia.

В Риме есть несколько зданий, более или менее похожих на то, что я выше описал под названием храм Редикула. Многие из них имеют явные следы портика из четырех колонн: одна из них имеет высоту в два порядка, и есть другие незначительные отличия; но в целом наблюдается поразительное сходство как в дизайне, так и в исполнении. Облицовка равномерно выложена очень аккуратной кирпичной кладкой, и, вероятно, все они относятся почти к одному периоду. В этой Римской Веккии их три (поскольку существует не одна Римская

Веккия); еще четыре рядом с современной дорогой в Неаполь, одна из которых была названа храмом Фортуны Мулиебрис, и две или три - за воротами Сан-Лоренцо.

За Римской Веккией мы снова встречаемся с гробницами и фермерским домом, большинство стен которого кажутся древними. Рядом с ним находилась великолепная пирамидальная гробница, окруженная в своем первоначальном состоянии арками и, вероятно, колоннадой. Я направился к огромной круглой массе, служившей подвалом какого-то просторного мавзолея; к сожалению, она была заперта, и я не смог найти никого в маленьком коттедже, которым она в настоящее время увенчана, кто позволил бы мне войти. Затем, покинув Аппиеву дорогу, хотя и отмеченную еще дальше линией гробниц, и перейдя современную дорогу, ведущую в Альбано и Неаполь, я снова оказался среди рядов тех акведуков, о которых я уже дал вам некоторое описание. Марана, или Аква-Крабра, протекает здесь среди них по вершине небольшого холма и пересекает в некоторых местах обе линии акведуков. В Италии римские дороги ни в коем случае не повторяют ту прямую линию, которая характерна для них в Англии. Когда проводились эти работы, наша страна представляла собой лес; Италия была высоко возделана и разделена на частные владения, и это, возможно, во многих случаях привело к изгибам как дорог, так и акведуков: действительно, трудно объяснить резкие повороты последних каким-либо другим принципом. По бокам от этих акведуков есть и другие руины, занимающие значительную площадь, но ни одно из них не указывает на какое-либо важное здание. Здесь есть своды, купола и арки, а также одна из тех огромных ниш, которые так часто встречаются в римских развалинах; там весь конец здания или гораздо большая его часть были сделаны полукруглыми и покрыты половиной купола. В банях подобные большие ниши часто стоят совершенно изолированными, но там, где они находятся в описанном выше месте, они, по-видимому, одно время рассматривались как убедительное доказательство того, что здание, к которому они принадлежали, было храмом, и вряд ли что-либо признавалось храмом, там сохранилось достаточно, чтобы показать, что такой ниши не существовало. К сожалению, до нас дошли лишь разрозненные фрагменты римских храмов, но представляется вероятным, что такое расположение действительно сформировало в них самое обычное завершение. Ничего подобного нет ни в одном греческом храме; но хотя римляне в значительной степени заимствовали религиозные обряды греков, они, должно быть, почерпнули что-то из других источников. Их квадратные кельи (а не продолговатые, как в греческих зданиях), их ниши, их своды, их круглые храмы и сделанные в них окна, возможно, были унаследованы от этрусков вместе со многими суеверными обрядами и гаруспиками, которые, как учит нас история, произошли от этого народа.

Поскольку я уже упоминал базилику, я не найду ничего, что можно было бы описать, кроме ворот Сан-Паоло. Есть место под названием Тре Фонтане, где есть три церкви, а в одной из них три источника теплой воды, или, скорее, я полагаю, один источник с тремя отверстиями. Предание этого места гласит, что здесь был обезглавлен святой Павел; что там, где упала его голова, пробился теплый источник; что он забил; и там, где он упал во второй раз, поднялся другой источник, но не такой теплый, как первый; он снова забил; и дал начало третьему источнику, который был почти холодным. Однако разница настолько мала, что я убедил английского джентльмена, который был со мной, что тот, кого называют самым теплым, на самом деле самый холодный. Как я ненавижу эти нелепые дополнения к истории, которая сама по себе не невероятна! Великая церковь длинная и низкая, с некоторыми заостренными сводами. Храм, в котором находится источник, красив внутренне, но лучше всего выглядит

восьмиугольная церковь работы Виньолы, которая возвышается в очень изящной пирамидальной форме.

Я уже рассказывал вам кое-что о западном берегу Тибра во время моей первой прогулки, куда я возвращался мимо Монте-Марио и Долины Инферно. Единственное, что осталось на этой стороне, - это вилла Памфили, которая является одной из самых больших в Риме; то есть не сам дом, а территория и сады. По дороге находятся остатки древнего акведука, которые часто привозят для поддержки современной Аква-Паолины. То, что по-английски мы назвали бы виллой, но что здесь известно под названием *казино*, вряд ли можно назвать красивым, и все же оно радует, а террасы и плоский сад внизу, частично врезанный в холм, фрагменты архитектуры, фонтаны, роции высоких каменных сосен и виды в обоих направлениях делают это место, в которое вы охотно возвращаетесь снова и снова. Обстановка дома выбрана неудачно. Гордостью художника было противодействовать природе, а не следовать за ней и мягко поставить ее себе на службу; но обстановка на территории очень хорошая. Несмотря на высокую высоту, он пользуется ужасной репутацией из-за мал арии. Для ботаника он представляет другой интерес, поскольку является местом произрастания нескольких редких растений.

Одной из достопримечательностей Рима является то, что до студий или мастерских художников, и особенно скульпторов, так легко добраться. О существовании Кановы свидетельствуют фрагменты скульптур, которые находятся вокруг нее и встроены в стены снаружи. Великое совершенство этого замечательного художника заключается в женских фигурах и фигурах очень молодых людей, обладающих характером скорее изящным, чем сильным. Поэтому его Купидон и Психея, Венера и Адонис, Грации, его Венера, Геба, Магдалина и другие в этом роде привлекают всеобщее восхищение. Канова не просто скульптор, он также хорошо рисует и во всех отношениях очень либеральный человек; посмотрите на бюсты великих людей Италии, установленные им в Пантеоне. Щедр не только в том, что отдает то, что должно стоить ему значительной суммы, но еще больше в том, что разрешает молодым людям, которые выполняют эти бюсты под его контролем и руководством, указывать свои имена как художников. Он собирается построить церковь в своем родном городе. Корпус здания должен быть таким же, как у Пантеона, а портик будет имитировать Парфенон. Я спросил его архитектора, сколько это будет стоить, он ответил, что не может претендовать на то, чтобы сказать, поскольку в стране, где это должно было быть возведено, камень, вероятно, дешев, и значительная часть труда, особенно при перевозке материалов, будет выполняться бесплатно крестьянами, которые сочли бы достойным предоставить столь качественную работу; но вряд ли такое здание можно было бы возвести в Риме менее чем за 240 000 скуди.

Торвальдсон известен группировкой своих барельефов и своими бюстами, особенно мужскими, которые вызывают восхищение. Реставрация мрамора, найденного в Эгине, поручена его заботам и потребовала немало внимания и рассудительности, чтобы определить места расположения более мелких фрагментов, но осталось еще очень много, которые невозможно соединить вместе. Реставрация настолько совершенна, что мне кажется невозможным отличить старую работу от новой, но я уже высказал вам свое мнение по этому поводу. То, что поддается реставрации, состоит из семнадцати статуй, и тело и конечности часто демонстрируют очень тонкую скульптуру, но все лица одинаковы, со своего рода ухмылкой на каждом; они лишены как индивидуального характера, так и выражения страсти. Некоторые из них задрапированы, другие обнажены, и на некоторых из задрапированных мы можем

проследить появление чешуи, когда они выставлены в определенных положениях на свет. Группа перед храмом изображала сражение, между ними стояла Минерва, совершенно безразличная к тому, что происходит по обе стороны от нее. Этот последний выполнен в очень древнем стиле, почти египетском. Оказывается, что на непосредственной вершине фронтона был размещен небольшой орнамент с фигурами по бокам, все еще небольшими, но выше орнамента в середине, и есть фрагменты двух грифонов, которые, как предполагается, стояли по углам фронтона, головы повернуты от центра здания, так что в обоих случаях расположение орнаментов противоречит наклону архитектурных частей, вместо того, чтобы следовать ему, как это обычно практикуется в наше время.

Среди разбросанных любопытных предметов стоит посетить найденные в Вейи фрагменты, принадлежащие Сигу. Георгий, и теперь от него нужно избавиться.^[7] Здесь есть удивительно красивая сидящая статуя Тиберия и еще одна, как говорят, Германика, со множеством бюстов, но не более поздних, чем Нерон. Очевидно, что эти фрагменты не имеют ничего общего с древними Вейями. Надписи доказывают существование более позднего города с таким названием, который, по-видимому, занимал небольшую часть прежнего места. Регулярного плана раскопок не проводилось, но мраморные шарики были найдены в ямах, вырытых тут и там. Также были обнаружены бронзовые фигурки и медали, но многие из них, как говорят, были украдены.

ПИСЬМО XXXV.

ТИВОЛИ.

Тиволи, 24 мая 1817 года.

Моя первая экскурсия в Тиволи состоялась в начале марта; недавно я посетил его вторично, в рамках более продолжительной прогулки; и я приведу вам отчет об обеих экскурсиях вместе. Мы покидаем Рим через ворота Сан-Лоренцо, но я ничего не говорю о древностях в непосредственной близости, поскольку я написал о них достаточно, чтобы истощить ваше терпение. После того, как мы миновали Понте Маммоло, почва на протяжении нескольких миль продолжает состоять из разложившегося туфа, скорее песчаного, но, казалось бы, не непригодного для растительности, однако кукурузы здесь мало, а земля в основном покрыта овечьими пастбищами, которые в стране и климате, слишком сухом для произрастания многолетних трав, не могут быть очень продуктивными. Ближние сцены достаточно унылы, а тяжелая атмосфера заслоняет отдаленные объекты. Немного левее от дороги, примерно в десяти милях от Рима, находится старый замок семьи Боргезе, который никто не посещает, поскольку средневековые древности здесь не представляют интереса. Есть много фрагментов, разбросанных по этой и любой другой части Кампании, но потребовалась бы целая книга, чтобы описать их все; и немалая изобретательность, чтобы определить природу зданий, частью которых они были.^[8] Примерно в двенадцати милях от Рима есть небольшой водоем среди кустарников слева, называемый Лаго-де-Тартари. Это простой пруд с мутной желтоватой водой, практически без особого вкуса, который не принимает и не испускает никаких потоков. Вода

покрывает все вещества в нем обильной известняковой коркой. Высота его сильно меняется в разные сезоны, и вся почва вокруг образована из его отложений: везде, где земля нарушена, мы видим пучки труб, а кое-где в трубе остается немного тростника, что доказывает способ ее образования: над этими трубами обычно находится спутанная масса, отложившаяся, по-видимому, на гниющих фрагментах овощей. Такого рода почва простирается на значительное расстояние и, как вы можете предположить, непригодна для обработки; однако на ней растет несколько кустарников и в изобилии *Senecio leucanthemifolius* и некоторые другие растения, не очень распространенные. Покидая эту почву, мы переходим к другому месторождению вещества, менее твердого и, как говорят, содержащего серу или сернокислоту, но почти такого же бесплодного и гораздо большей протяженности; примерно посередине дороги пересекает поток сернистой воды, слегка теплой, довольно прозрачной, голубого цвета, издающей запах, который ощущается на значительном расстоянии. Вкус у него сернистый, и я бы сказал, солоноватый, но мистер П. Д. назвал его кислым. Мы вышли из кареты и пошли вверх по ручью; и на небольшом расстоянии от дороги были удивлены, увидев несколько рукавов, отделяющихся от основного потока и теряющихся в углублениях земли. Все эти потоки, откладывающие значительные количества каменистого вещества, образуют вокруг себя не сплошную твердую массу, а сплошные пещеры и впадины, простирающиеся во всех направлениях. Иногда они используются для распространения еще дальше бесплодных корковых отложений их своеобразного месторождения, а иногда, вероятно, для заполнения старых русел, после чего, конечно, ручей должен найти новое русло, но поскольку он скорее расположен из-за формы грунта распространяться по поверхности, чем находить свой путь в единственном русле, для него было сделано искусственное русло вплоть до Анио. Эти ласточки повторяются в разных местах, так что по мере подъема ручей становится больше, и, возможно, там, где он вытекает из небольшого озера Сольфатара, он не намного уступает по количеству Новой реке, но течет гораздо быстрее в меньшем русле. В марте я был склонен назвать его жарким, но я полагаю, что температура не равна 80 ° по Фаренгейту. По берегам в изобилии растет тростник и один или два вида конфервы, особенно *осциллятории*, напоминающей *C. fontinalis* из Диллуина, которую в книгах и путеводителях называют битумом. Озеро - это всего лишь пруд, но, как говорят, очень глубокий; вода по краям не такая горячая, как там, где из него вытекает ручей. Оторвавшиеся пузырьки постоянно поднимаются во всех частях тела, и когда туда бросают камень или даже ком земли, возникает сильное кипение, которое длится несколько минут. Почти рядом с озером находится разрушенное здание, которое, как полагают, является остатками древней бани. Есть два других озера, еще меньших по размеру, но все очень глубокие; размер всех их постоянно уменьшается из-за развития растительности; и спутанные корни тростника иногда образуют плавучие острова и простираются над поверхностью воды. Здесь, согласно антикварам, Вергилий помещает сцену, где Латин консультировался с оракулом Фавна; но даже если мы можем предположить, что равнина когда-то изобиловала лесом, что природа почвы делает крайне маловероятным, как мы можем поместить их южнее *альта Альбуны*, когда местность почти равнинная, или как можно сказать, что источник, бьющий из глубокого пруда, *гремит*? Но я оставляю эти трудности более мудрым головам и продолжу свой маршрут в сторону Тиволи. В шестнадцати милях от Рима находится Понте Лукано, еще один древний мост через Тевероне, но с некоторыми современными ремонтными работами. Рядом с этим находится прекрасный круглый памятник с несколькими надписями, принадлежащий семье Плавтианов, которая, как говорят, была родом из Тиволи, но пользовалась большим авторитетом в Риме во второй половине республики и в начале империи. Это очень красивый предмет, и его прочность и солидность соблазнили некоторых

благородных грабителей прошлых веков превратить его в крепость, от которой на вершине сохранились значительные остатки, но я не смог проникнуть в нее.

После проезда моста, на небольшом расстоянии от дороги, находятся два памятника, называемые Сеполкри-де-Серени, каждый из которых состоял из цоколя из прямоугольных блоков травертина, с арочным углублением спереди и сзади и небольшим дверным проемом в арке, ведущим в небольшую камеру. Верхняя часть состояла из пьедестала, украшенного барельефом; один из них был снят или уничтожен, но другой все еще существует, хотя и поврежден больше насильем, чем временем. Некоторые люди предполагают, что эти памятники (по словам Нибби, *биззарраменте*) украшали вход на виллу Адриана; и их совершенное соответствие формы и положения направлению их сторон к вилле склоняет меня присоединиться к этому мнению. Принц Боргезе подражал им у входа на свою виллу у Порта дельПополо в Риме.

За ними, на почти отдельно стоящем холме, среди высоких кипарисов, великолепных каменных сосен и других продуктов роскошной растительности, видны руины виллы Адриана. Их площадь огромна. Мы прошли больше мили среди арок, огромных полукупольных ниш, длинных стен, коридоров и просторных дворов; через огромное количество маленьких комнат и несколько больших залов. Во многих местах сохранилась расписная штукатурка с рельефными орнаментами на ней. Богатый мрамор и порфир, которыми были инкрустированы стены, мраморные колонны и карнизы, а также многочисленные статуи, некогда украшавшие просторные портики, - все исчезло; многое было вывезено в Рим, многое было сожжено до извести; многое было небрежно или бессмысленно уничтожено. Разнообразные формы оставшихся массивов, сосен, кипарисов, олив, ирис и лиственных деревьев, с различными кустарниками, растущими на самих руинах и более или менее затеняющими их, и окраска которых восхитительно контрастирует с теплым коричневым цветом зданий, вместе с преимуществами природного положения, образуют последовательность самых красивых и живописных пейзажей. Однако, кажется, что все великолепие этого места было создано не только для одного человека. Помимо императорских покоев и жилищ офицеров и гвардейцев, здесь были предусмотрены квартиры для людей науки и все необходимое для учебы и наставления, а также для развлечений. Здесь было три театра, не считая круглого здания, которое называют морским театром из-за найденных там фигурок морских чудовищ. Нибби называет это ванной для купания; мне она кажется небольшим амфитеатром, и я не видел никаких признаков того, что в ней когда-либо была вода. Были также стадион, бани, публичные библиотеки и места для упражнений, академия, и я не стану претендовать на то, чтобы сказать вам, сколько храмов; по крайней мере, вам показаны руины, которые носят эти названия, и нет недостатка ни в помещении, ни во фрагментах каменной кладки, которые можно было бы отнести к каждому. Вы должны добавить к этому *канопус*, который, поскольку никто не знает, что это было, я надеюсь, вы представите себе чем-то необыкновенным. Судя по тому, что сохранилось до сих пор, это, по-видимому, был храм, частично подземный, в конце долины, в некоторой степени искусственной, с постройками по обе стороны от нее и просторными и богато украшенными подземными помещениями. Вы можете представить себе апартаменты для императора, его приближенных и его стражи; но есть еще одна вещь, которую вы не сможете вообразить, а именно подземная галерея, предназначенная, как говорят, для упражнений верхом, но, возможно, это те самые *нижние помещения*, о которых упоминает Спартиан; они образуют квадрат, окружность которого превышает полмили.

Помимо всего этого, находятся различные фундаменты и остатки акведуков, а также некоторые другие значительные остатки, которые, возможно, не принадлежали этой вилле. Включая их, вся протяженность составляет около двух миль по прямой. Все существующие здания построены из щебня, с кирпичной или сетчатой облицовкой; и это, я полагаю, последний пример сколько-нибудь значительного количества сетчатой отделки. В термах Каракаллы ее нет. Из Витрувия мы можем заключить, что эта практика началась в эпоху Августа и что, следовательно, она должна была продолжаться сто восемьдесят лет. Даже кирпичи здесь были изъяты для современного использования с очевидным риском обрушения здания, к которому они принадлежали. Многое из того, что было обнаружено среди этих руин, не похоже, чтобы при раскопках когда-либо применялся какой-либо четкий план; и, возможно, многое еще предстоит открыть в отношении ценных объектов и, конечно, многое для определения расположения зданий, из которых ни один хороший план, даже в отношении остатков над землей, никогда не публиковался. Таким образом, однако, можно с уверенностью сказать, что ни один симметричный дизайн не преобладал во всем здании. Здания были расположены либо по удобству ситуации, либо в соответствии с формой местности. Было сказано, и это повторяют все авторы, писавшие на эту тему, что Адриан собрал здесь копии всех зданий, которые он видел в разных частях своей империи; но из всех сохранившихся фрагментов нет ни одного, план которого не свидетельствовал бы о том, что он был полностью римским. Нет ни единого фрагмента, который мог бы по какой-либо возможности принадлежать древнему зданию Греции или Египта; нет ни одного, параллельные остатки которого нельзя было бы найти в окрестностях Рима, где никогда не возникало подозрения в подобной имитации. Мы можем предположить, что изображение было не очень точным, когда обнаруживаем небольшую плоскую долину между песчаными склонами высотой 40 или 50 футов, орошаемую ручейком наименьших размеров, получившим название великолепного горного перевала, через который Пеней изливает свои воды в море. *Возможно*, что все эти имитации были сделаны из цельного камня или мрамора и вызвали соблазн разграбления из-за ценности материала, но тогда мы должны ожидать найти в Риме остатки архитектуры, а также скульптуры этой виллы.

С виллы Адриана мы продолжили наш путь в Тиволи, грязный неприятный городок в благородном окружении. Он расположен на отроге, отделяющем долину Анио, или Тевероне, от открытой Кампаны; с одной стороны - спуск на 30-40 футов к верховьям реки; с другой - склон в несколько сотен футов к той ее части, что ниже водопада. Этот отрог, по-видимому, сильно отклоняет реку от ее общей линии течения и заставляет ее изгибаться полукругом. Верхняя его часть образовалась из отложений самой воды, нижняя, по-видимому, состоит из вулканических веществ.

В Тиволи есть две гостиницы. Во дворе одного из них находится храм Сивиллы, или, скорее, круглый храм Весты, который так долго носил это название; храм Сивиллы, скорее всего, небольшое сооружение неподалеку. Во время моего первого визита в Тиволи, который, как я уже сказал, состоялся в начале марта, мы поспешно совершили обычный обход и вернулись в Рим, пробыв вне города два дня и одну ночь. Второй визит был совершен скорее на досуге. Я поднялся на чем-то вроде дилижанса, который каждый день отправляется в Тиволи; одной из гостей была тиволезка, которая купала в Риме безделушки и сладости для себя и своих детей. Вместо платья она надела корсет на улицу, как это обычно бывает у ее соотечественниц, а вместо чепца носовой платок или салфетку, свернутую в продолговатую полоску, приколотую к голове и свисающую со спины. Я полагаю, что когда-то это было в моде на нашем острове, поскольку термин "косынка" обозначает покрытие головы. Она с тревогой обратила мое

внимание на изображение нашего Спасителя в одной из маленьких часовен на дороге, которое творило чудеса. То ли картина, то ли Спаситель творил чудеса, она, казалось, не совсем понимала. У древних итальянцев были очень запутанные представления о личности своих различных божеств, и хотя в целом они признавали только одного Юпитера *оптимального максимуса*, казалось, что у каждого храма все еще был отдельный Юпитер. Светоний рассказывает нам историю Августа, которому Юпитер Капитолийский явился во сне, жалуясь на то, что он лишил его привычных почитателей, построив храм Юпитеру Тонансу; однако Юпитер Капитолийский, несомненно, был богом, который, как считалось, владеет громом. Если место поклонения было безразлично к божеству, то священники - нет. Похожая путаница существует в современной Италии, и, возможно, ее можно проследить до аналогичного источника. Есть только один Спаситель и одна Дева Мария, но обращаться с молитвами к Спасителю или Мадонне в такой часовне - это не совсем то же самое, что поклоняться Богородице в другой часовне, и есть церкви, посвященные Богородице Лорето, как если бы это была не Дева Мария. Миссон приводит любопытный отчет о разговоре, который у него состоялся с монахом на эту тему.

Вернемся к храму Весты, который всегда является первым объектом в Тиволи. Я не буду пытаться описать красоту руин, потому что это так часто делалось раньше, и потому что никакое описание не может передать реальность; но я укажу на несколько особенностей конструкции, с которыми, возможно, вы не так хорошо знакомы. Ячейка образована из *opus incertum*, который был описан Витрувием как каменная кладка из небольших кусочков неправильной формы, подогнанных друг к другу и соединенных раствором. Некоторые авторы предположили, что под этим термином он имел в виду циклопическиестены, которые построены из больших кусков без раствора (о них я расскажу вам подробнее позже), но его описание достаточно точное, чтобы не оставлять сомнений в его значении. Относительно этого *opus incertum* у нас есть основания думать, что он использовался во времена Силлы и, вероятно, намного раньше; и жалоба Витрувия на то, что в его время он уступил место *opus reticulatum*, который, хотя и был более аккуратным, был менее сильным; вместе с отсутствием существующих остатков, которые, как известно, относятся к более позднему времени; оправдывает нас в заключении, что он был прекращен в царствование Августа. На архитраве есть несколько букв, остатки надписи, но все, что существует, - это L. Gellius, L. F. По-моему, во времена Суллы жил некий Луций Геллий, но сейчас я не могу вспомнить, где я встречал это имя. Конструкция стен и формы капителя очень напоминают некоторые фрагменты, сохранившиеся в Палестрине и принадлежащие храму Фортуны, который, как мы знаем, был восстановлен и значительно расширен Суллой; и в Помпеях есть капители аналогичного стиля, но, очевидно, задолго до землетрясения, предшествовавшего его окончательному разрушению; и, сложив все эти обстоятельства вместе, мы можем, с некоторой вероятностью, отнести это здание ко времени Суллы. Эти капители украшены не листьями аканта или оливы, а листьями, которые скорее напоминают листья *Verbascum sinuatum*; и ни в них, ни в какой-либо части здания нет ни малейшего следа греческого вкуса, отличающегося от римского. Мы не находим в Риме никаких примеров подобных капителей, за исключением одного или двух не сохранившихся фрагментов работы пеперино, которые, возможно, относились к тому же периоду. Внутри камеры есть ниша, которая, по-видимому, была создана в более поздние эпохи. В ней есть большой дверной проем и окно, оба из которых значительно меньше кверху. Материал *opus incertum* представляет собой разновидность туфо, но облицовка, окружающая дверь и окно, вместе с внешним декором и продолжающимся пьедесталом, на котором оно стоит, изготовлена из грубого известкового

пресноводного налета, очень напоминающего травертин. Это, по крайней мере, в колоннах, а возможно, и везде еще, было покрыто очень тонким слоем прекрасной твердой штукатурки, и *opus reticulatum*, вероятно, тоже был покрыт штукатуркой, но она, должно быть, была более плотной, иначе она не скрыла бы небольшие неровности работы внизу. На карнизе нет модиллионов, а зубчатая перевязь неразрезная; в противном случае это был бы обычный ионический антаблемент, как указывал Витрувий. Колонны немного выдвинулись наружу, как это видно по отверстиям в антаблементе. Здесь достаточно следов ступеней, доказывающих, что они спускались сбоку, а не были выведены прямо, как их обычно публикуют, но сохранилось недостаточно, чтобы отчетливо разглядеть все детали. После храма Весты, который я посетил не один, а много раз, я обратил внимание на небольшое квадратное строение неподалеку, ныне церковь Святого Георгия. От храма мало что осталось, кроме задней части и части одного фланга с ионическими полуколоннами, которые сильно обветшали; это показывает, что это был четырехстильный псевдопериптеральный храм самой древней и простейшей формы. В нем нет красоты самом по себе, и с некоторых точек зрения он очень сильно напоминает другой храм, к которому он почти прикасается. Я должен сказать вам, что лорд Бристоль купил круглый храм. Сделка была завершена, и владелец как раз готовился разобрать его и отправить в Англию, когда распоряжение правительства положило конец судебному разбирательству. Этот храм, или, по крайней мере, колонны и антаблемент, были в точности воспроизведены на северо-западном углу здания банка Англии, и часть его круглой формы также заимствована.

Следующими объектами были Водопад и Грот Нептуна. Фонтана построил стену, чтобы сохранить источник воды для кузниц и использования города, и теперь вода обрушивается на нее и на камни, на которых она построена, высотой около шестидесяти футов и, пробежав несколько ярдов среди обломков и вспенившись, исчезает в темной и глубокой впадине. Извилистая тропинка спускается мимо Ионического храма, откуда открываются самые романтические виды, к гроту Нептуна. Мы поражены, увидев такой дикий пейзаж посреди земледелия и вблизи, нет, почти в пределах окружности города значительных размеров. Рядом с тропинкой нам показывают отпечаток колеса, которое было погребено в камне, отложившемся от воды, и с тех пор разложилось, сохранив точную форму значительной части окружности, и некоторых спиц. Повсюду вокруг вас, от вершины до дна глубокой пропасти, а не долины, в которую вы спускаетесь; глубина, я полагаю, не менее 250 футов, вы не видите ничего, кроме скалы, образованной таким образом рекой. Вода, исчезнувшая после своего прыжка вниз по большому каскаду, вырывается из грота Нептуна в другом водопаде, и если стоять и смотреть на нее с расстояния 50 или 60 ярдов, брызги обрушиваются подобно сильному ливню, который сильный ветер бьет в лицо. С другой стороны, другая часть реки вытекает из отверстия в скале в верхней части пропасти, и наше положение между этими двумя, вызывает странную неопределенную путаницу в голове, которую невозможно описать. Ручьи соединяются под нами и, пробежав немного среди скал, теряются в другой пещере, называемой гротом Сирен; но все эти названия - современные выдумки, которые просто служат для различения разных мест. Вы можете пересечь ручей над последним упомянутым гротом и, спустившись с противоположной стороны, войти в его устье и заглянуть в пропасть. Все эти пещеры очень сильно наклонены в свою сторону, и вода скорее падает, чем течет по ним. Неровность почвы делает необходимым сделать длинный крюк, чтобы добраться до нижней части реки; и при этом вы можете заметить, или вам кажется, что вы видите, некоторые остатки древнего моста, который стоял почти там, где сейчас находится грот Сирен, глубоко вросшие в это вселенское отложение. Глядя вверх, вы видите храм, город, скалы, водопады, объединенные самым

волшебным образом. Однако это сцена, которую трудно охарактеризовать. Его можно было бы назвать возвышенным, если бы объектов красоты не было так много; и если бы его возвышенность и красота были менее впечатляющими, вы бы назвали его самым живописным видом, который когда-либо видели. Некоторые участки скал покрыты алоэ; их высокие цветочные стебли возвышаются над оливковыми рощами; а некоторые - индийским инжиром; и то, и другое придает пейзажу необычность, делая его более привлекательным. Река после своего второго исчезновения с огромной силой бурлит у подножия высокой скалы, в самом восхитительном уединенном месте. Говорят, что твердый зубной камень откладывается примерно на полтора дюйма в год; если это так, то его дно должно постоянно подниматься, однако на высоте тридцати или сорока футов над его нынешним уровнем есть отверстие, через которое он, очевидно, вытекал, и еще выше - другой канал; действительно, как я уже говорил ранее, вся скала до самой вершины имеет ту же природу, и ее образование заставило воду течь по частичным каналам на разных высотах, вместо того чтобы всегда удерживать нижнюю часть долины. Это отложение происходит только там, где вода потревожена, а над городом его нет.

Отсюда нам снова приходится подниматься по дороге, которая проходит по склону холмов напротив города; но не думайте, что мы должны сожалеть об этом усилии; каждый шаг пути изобилует такой разнообразной красотой, что мы рады всему, что нас задерживает. Я не буду пытаться показать вам многочисленные виллы в окрестностях Тиволи; вы вряд ли сможете пройти и фарлонга в любом направлении, не наткнувшись на какие-нибудь из их развалин, но я упомяну некоторые из них по мере их появления. Следующим объектом в обычной экскурсии является вилла Горация; не то чтобы у него там была какая-то вилла, но были фрагменты, которые нуждались в названии, и они дали им очень красивое название, не забывая о его родстве с Меценатом, чье мнимое жилище находится на противоположной стороне долины. Жаль сомневаться, но после того, как вы исследовали, у вас не может быть никакой уверенной веры. Эти руины, как и все остальные, представляют собой лишь некоторые из фундаментов и сводов, построенных для того, чтобы получить ровную поверхность для основных апартаментов и, вероятно, для внутреннего двора виллы. Природа, как правило, отрицала это в отношении Тиволи, и все старинные виллы по соседству расположены на склонах, где были необходимы работы такого рода, и они проводились в огромных масштабах. Ниже располагались другие постройки для поддержки садов и прудов, образуя череду террас, которыми современные итальянцы часто пользуются для посадки своих оливковых рощ. Мне кажется, что римлянам нравились такие ситуации и способы строительства, поскольку мы часто видим их там, где их можно было бы избежать без особых трудностей, и даже вероятно, что они часто проживали в этих полуподземных помещениях, которые были бы прохладнее, чем те, которые были открыты со всех сторон воздуху. На этой вилле Горация есть некоторые особенности расположения и постройки, поскольку в большинстве останков действительно есть что-то, что делает их примечательными; и чрезвычайно интересно стоять на месте и размышлять о возможном использовании различных частей; но это удовольствие, которое было бы утеряно при описании. Обширность этих полуразрушенных склепов также производит впечатление своего рода восхищения; мы, кажется, принадлежим к расе, усилия которой не были ограничены слабостью и нищетой современного человека. Чуть дальше, на пересечении двух дорог, находится Вилла Квинтилия Вара, одно из самых больших из этих необъятных строений, и я бродил по ней, по сводам и террасам садов, с постоянно возрастающим изумлением. К впечатлению от самих руин мы можем добавить, что все места очаровательны; некоторые из них лучше напоминают Кампанию и далекий Рим; другие лучше наслаждаются восхитительной долиной Анио, где

скалы и возделанные земли, виноградные лозы, оливки и естественные леса объединяются, обогащая и разнообразя пейзаж; а каскателле стекает по крутому скалистому берегу белой пеной и создает легкий туман, который красивой вуалью окутывает окружающие предметы. Однако среди прелестей этой долины я не должен упускать из виду *стиракс лекарственный*, который в изобилии растет в некоторых местах и сейчас покрыт цветами; меня заверили, что из плодов получается превосходное масло, не уступающее оливковому, а иногда и в большем количестве.

Обычная экскурсия проходит по левой из двух вышеупомянутых дорог, но однажды я пошел правой вместе с молодым абате, родственником хозяина гостиницы, чтобы присматривать за циклопическими стенами.

В Англии немногим более 200 лет назад мы вернулись к отчетливому и своеобразному архитектурному стилю, и, следовательно, мы рассматриваем его произведения как предметы старины. В Италии то, чему не более 400 лет, является абсолютно современным, и производство вряд ли считается древним, если только оно не датируется, по крайней мере, до разрушения Римской империи, при правлении Августа, в конце 5 века. Здания первых императоров, несомненно, претендуют на этот титул, и еще больше - здания республики; но какое название мы применим к тем, которые были возведены за 1800 лет до Рождества Христова? Эта дата смело указывается для некоторых циклопических стен; о строительстве которых говорят, что в Италии насчитывается 108 цитаделей, и доскональный итальянский антиквар, хотя и согласен признать, что самые старые были возведены не более чем за 2760 лет до христианской эры, все же не признает, что какая-либо из них может быть более поздней, чем основание Рима. По его словам, они были завезены в Италию Сатурном, но самое раннее их использование в храме Геркулеса в Тире было за 2760 лет до Рождества Христова. Оставляя эти предположения, мы можем с полным основанием рассматривать стены, о которых идет речь, как самые ранние остатки строительства в Италии. Они, как вы знаете, построены из больших каменных блоков неправильной формы, выровненных с лицевой стороны или почти ровных, не прямоугольных и не уложенных ровными рядами, но неровности максимально подогнаны друг к другу, а промежутки заполнены камнями поменьше. В том, что, вероятно, является самым ранним стилем из всех, к камню, по-видимому, не применялся инструмент, но грубые массы просто накладывались друг на друга, при этом следили за положением каждого последующего блока, чтобы разместить его там, где он наиболее точно войдет в работу, и, вероятно, оставляли самую гладкую сторону наружу, чтобы сформировать лицевую сторону стены; но работа всегда грубая и неровная. Во втором стиле инструмент использовался более или менее для того, чтобы с некоторой степенью точности подгонять большие камни; и в обоих случаях можно легко представить себе использование свинцовой линейки, описанной Геродотом, которая, будучи согнутой до внутреннего угла, оставленного наверху части стены, применялась к внешним углам камня, предназначенного для установки в нее. В циклопических стенах третьего типа линий, почти горизонтальных, явно больше, чем линий в любом другом направлении, и кое-где видны ровные ходы. В более поздние времена они преобладали все больше и больше, пока в четвертом и последнем стиле единственная неправильность не обнаружилась в неодинаковой толщине камней одного и того же ряда, которую иногда исправляли введением наклонной линии или чаще выемкой, чтобы пропустить более крупный камень в ряд выше или ниже. Хотя я полагаю, что это был общий прогресс искусства, все же вы не должны представлять их как отчетливохарактеризующие разные периоды; напротив, вряд ли найдется сколько-нибудь значительная стена циклопической кладки, в которой не были бы представлены в разных частях

два из этих метода; а иногда встречаются три, без каких-либо признаков того, что они были восстановлены в разные периоды; однако мы можем заметить, что второй стиль наиболее распространен в Лациуме, четвертый в Тоскане; третий, возможно, примерно одинаково распространен в обеих странах. Во все времена эти блоки использовались без цемента, и все, что я до сих пор видел, - это просто стены террасы, упирающиеся в холм и, следовательно, выставяющие напоказ только одну сторону; но мне рассказывали о примерах, когда видны обе стороны, и что в таких случаях две стены возводятся вплотную друг к другу, без какого-либо внимания к правильности или ровности того, что должно было стать внутренней частью, и без какой-либо заливки. Не обнаружено никаких арок, то есть никакой системы клиньев, поддерживающих друг друга, хотя такое расположение, по-видимому, легче выросло бы из этих наклонных линий, чем из правильных рядов камней; но там, где есть отверстия (которых я до сих пор не видел ни одного), есть очень большой камень, обработанный квадратной формы и уложенный горизонтально, чтобы закрыть его; и в одном случае в Арпино (возможно, потому, что строители не смогли найти камень достаточно большого размера, чтобы закрыть отверстие) размер отверстия уменьшен за счет продвижения рядов в форме заостренной арки. Во Фьезоле действительно есть настоящая арка, которая, как предполагают некоторые, является частью циклопического сооружения, но и арка, и фрагмент, на котором она покоится, очевидно, датируются гораздо более поздним временем. Есть много остатков циклопических стен как в Тиволи, так и в Палестрине, и поскольку, согласно Вергилию, Тибур и Пренесте были основаны примерно в то время, когда Эней высадился в Италии; эта эпоха была отнесена к их строительству, но следует признать, что аргумент не совсем убедительный. Считается необходимым для циклопических стен, чтобы при их возведении не было цемента и, тем более, никаких бутовых работ; но в этом районе, в так называемой вилле Брута, о которой я вам коротко упомяну, есть стена циклопической кладки, опирающаяся на всю свою длину и, по-видимому, подпираемая на всем своем протяжении стеной из щебня. Эта циклопическая стена была облицована другой из *opus reticulatum*, столь распространенной во времена Августа и первых императоров и которую можно увидеть почти на всех виллах в окрестностях Тиволи. Похоже, римлянам не понравился внешний вид этих больших блоков неправильной формы, и они покрыли их кладкой из мелких фрагментов, более соответствующей их вкусу. Эти обстоятельства делают вероятным, что ни одна из этих стен не была возведена так поздно, как во времена императоров, но у нас нет доказательств, что они не использовались за столетие до этого периода.

На вилле, приписываемой Вентидию Бассу, есть некоторые из этих стен, которые, по-видимому, покоятся на каменной кладке, скрепленной цементом; но без раскопок я не мог быть полностью уверен. Мы продолжили наш путь значительно дальше и нашли в Ветриано другие значительные фрагменты циклопических стен, но всегда построенных так, чтобы поддерживать землю за ними и поддерживать террасы. Камни обработаны с некоторым приближением к горизонтальным рядам, а стена укреплена контрфорсами. Здесь достаточно проломов, чтобы показать, что она опирается на *эмплектон*, или кладку из щебня, на всем своем протяжении, и этот *эмплектон* совершенно груб и без малейшего намека на то, что его клали вручную, так что это разрушает созданную мной теорию, которая якобы отличала кладку из щебня, связанную с циклопическими стенами, от кладки более позднего периода. Вот несколько мозаик, которые лежат на поверхности: кажется, что их все еще очень много в Тиволи, несмотря на то, что они были вывезены или уничтожены, но в целом для их поиска необходимо копать. Недалеко от Ветриано есть римские постройки из кирпича, а фундамент и мозаика римской виллы были

найжены при раскопках на виноградниках. Здесь также находится маслобойня, и кажется очевидным, что масло разъело камень. Ближе к Тиволи есть еще одна значительная циклопическая стена, явно рустованная, с большими и прочными контрфорсами.

Из Ветриано я продолжил свой путь в одиночестве (абате возвращался к своему обеду) к карьерам по добыче травертина, где мне показали два огромных блока, направляющихся в Англию в форме орлов с виллы Боргезе. Та часть, над которой они сейчас работают, выглядит как месторождение, заполняющее древние раскопки. Качество камноточно такое же, как у озера Тартари, за исключением того, что оно гораздо более компактное; но это, очевидно, пресноводное образование. Каменоломщик заверил меня, что там были найдены кости христианина. Эти каменоломни простираются на умеренном расстоянии от уже описанной Сольфатары. Древние каменоломни находятся в том же русле, но на противоположной стороне дороги, ведущей в Рим. Сейчас они заросли кустарником и образуют лошину у реки, примерно в двух милях в окружности, отличную гавань для дичи. Переходя из одного в другой, я миновал два акведука, один из которых разделяется на две ветви. Длина, количество и извилистый ход этих акведуков чрезвычайно затрудняют их отслеживание или понимание их расположения; более того, для проходящего мимо незнакомца это невозможно, и это может быть сделано только путем самого тщательного осмотра и точного определения положения и уровня каждого фрагмента. Природа туфов, или отложений на их боках, возможно, оказала бы некоторую помощь. В этом месте мы с удивлением наблюдаем их быстрое снижение: около Тиволи мы видим, как они извиваются, приспосабливаясь к форме холма и сохраняя свою высоту; здесь они почти на уровне верхней части Кампаньи, по крайней мере, на 300 футов ниже, чем те, которые наблюдаются на расстоянии не более двух миль. Покинув каменоломни, я миновал Понте Лукано, памятник Плавту и, оставив виллу Адриана справа, а дорогу в Тиволи слева, направился прямо на холм, чтобы осмотреть еще больше циклопических стен и виллы Брута и Кассия. Их остатки имеют огромную протяженность, но это всего лишь фундаменты, подобные остальным; под фундаментами, однако, вы не должны понимать просто фундаменты стен, едва выступающие над поверхностью; они состоят из длинных стен и сводов, иногда параллельных направлению холма, а иногда и направлению склона, поддерживающих террасы, покрытые землей, и оливковые деревья. Нижняя терраса виллы Брута должна быть более 400 футов в длину, а стена, которая ее поддерживает, около 40 футов в высоту. Вторая терраса почти такой же длины и около 30 футов в высоту, но прерывистая. Третий тоже значителен; у Кассия он был крупнее, но не такой правильный. Илекс, лентискус и различные другие кустарники росли вокруг этих руин; а широкие темно-зеленые листья инжира контрастировали со светло-серебристо-серыми побегами оливы. Действительно, в этом районе каждый пустырьна клочке земли представляет собой коллекцию красивых кустарников, большинство из которых сейчас в цвету. Выше по склону серые скалы в основном покрыты испанским ракиитником и крупной грубой травой (*Arundo ampelodesmus*), хотя и не без примеси более скромных цистусов и гелиантемы. Все это звучит очень красиво, и на самом деле это так, но черты настолько скрыты продолжающейся оливковой рощей, что они почти теряются в общем пейзаже, и вы можете проехать через страну и увидеть очень мало.

Это отступление полностью отвлекло меня от обычной экскурсии, которая была моей первой и которую я начал вам описывать. Я оставил его как раз на вилле Квинтилия Вара. Из каждого отверстия в этой части аллеи открывается вид на длинный портик виллы Меценат, венчающий противоположный холм, на высокие арочные фундаменты, и на Каскателле, несущуюся вниз по склону клочьями пены в долину внизу. Мы можем съехать с дороги вскоре после развилки, где я

свернул направо, и, держась еще левее, чем по левой тропинке, спуститься к подножию холма, чтобы полнее насладиться видом Каскателле. Перспектива меняется на каждом этапе спуска. Сначала мы теряем далекую Кампанию, которая открывается с верхней части склона, а вскоре после этого оливковые рощи за виллой Меценат; в то время как сама вилла кажется расположенной более величественно; вода, падающая в разных направлениях, приобретает большее значение; и густые леса на высоком берегу напротив нас демонстрируют всю свою красоту. Большая Каскателла дает значительную массу воды, но, хотя водопад намного выше любого из ранее описанных мной, все же, поскольку он находится на гораздо более открытой местности, характер пейзажа менее возвышенный, чем у грота Сирен, и более красивый.

Здесь есть очень много других фрагментов вилл, но поскольку в них нет ничего особенно характерного, я не буду останавливаться на их перечислении. Поэтому мы перейдем к Понтичелли, или Понте Акворио, но прежде чем пересечь его, я упомяну прекрасный источник под названием *Золотая Аква*, который берет начало на берегу реки, прямо над мостом, и дал ему последнее название: первое, как полагают, является искажением моста Геллиус. Вам сказали, что когда-то обсуждался план доставки этой воды в Рим, но при измерении ее уровня было обнаружено, что она слишком низкая. Мне это кажется маловероятным. Тевероне - довольно быстрый ручей; и в русле, которое, включая изгибы, должно составлять двадцать пять миль, его падение вряд ли может быть меньше 75 футов, и в этом случае *Золотая Аква* может войти в Рим, правда, не у Porta Маджоре, а на 50 футов выше уровня Тибра. Река Ле, от Хартфорда до Стратфорда, проходит примерно такое же расстояние и, я думаю, не быстрее, и хотя оттуда нам приходится переправляться по Темзе в Лондон, мы находим водохранилище Нью-Ривер на высоте 84 футов над уровнем прилива.

Через этот мост проходила древняя дорога в Тиволи, и сохранились некоторые фрагменты древней работы. На очень небольшом расстоянии находится пещера, частично, если не полностью искусственная, с несколькими боковыми нишами, называемая Храмом Мира; а поднимаясь на холм, мы находим восьмиугольный зал с куполом, получивший название Темпио делла Тоссе, но, как предполагают антиквары, получивший свое название от древней тиволезской семьи. Его древнее назначение неизвестно, но в более поздние времена он, по-видимому, был преобразован в церковь и сохранил некоторые следы такого присвоения.

Наш следующий объект - вилла Мецената, руины которой более значительны, чем в любой другой, и включают, помимо обычных фундаментов, часть двора, окруженного полуколоннами и арками, и длинную галерею, откуда открывается вид на долину внизу. Древнеримская дорога проходила под этой виллой, часть которой недавно была отведена под литейный цех по производству пушек, и обильный поток воды до сих пор струится по заброшенным подвалам.

Предполагается, что в черте города круглая стена с сеткой позади собора указывает на расположение Храма Геркулеса; а двойной ряд сводов значительной длины известен под названием Портик Геркулеса. Спереди у него квадратные пилястры, которые служат опорами для свода.

Строительство Виллы д'Эсте ведется с размахом, который дает ей право быть упомянутой среди этих древних сооружений. Терраса возвышается над террасой, и обильный поток воды стекает по искусственной скале высотой 34 фута, красиво растекаясь по мере спуска, в то время как все это венчает длинный фасад дворца.

ПИСЬМО XXXVI.

СУБЬЯКО—ПАЛЕСТРИНА.

Рим, 31 мая 1817 года.

После того, как я довольно хорошо исследовал окрестности Тиволи на той стороне, по направлению к Кампанье, мне захотелось взглянуть на акведуки, оставшиеся на другой стороне. Примерно в двух милях от моей гостиницы, в том месте, где ручей под названием Фоссо дельи Арчи пересекает дорогу на Сицилиано, есть несколько фрагментов. Фоссо, как, возможно, вы знаете, - это римское название ручья. Римские акведуки, которые берут свое начало в долине Анио над Тиволи, - это Анио ветус, Марсия, Анио новус и Клавдия. Первое, с чем мы встречаемся в этом месте, - это Марсия, которая находится здесь под землей и тянется вдоль склона холма. Она проходит под улицей Анио ветус, где та пересекает дорогу, и там сложена из массы щебня, перемешанного с кирпичной кладкой. Затем мы теряем его; но несколько пирсов такой же природы на крутых берегах ручья, вероятно, принадлежат ему. Вторая - Анио ветус, которая протекает здесь на более высоком уровне, чем Марсия, в отличие от того, что происходит в Риме, где последняя является самой высокой; но предполагается, что она известна по толстой корке отложений, вода в которой прибывает в Рим мутной, в то время как другие были прозрачными. Тем не менее, кора Клаудии огромной толщины, и действительно, кажется, что ее слишком много во всех них, чтобы можно было различить какую-либо одну. Этот зубной камень оседает как сверху, так и по бокам, доказывая, что канал был полностью заполнен. У нас есть свидетельства Фронтин, доказывающие, что вода Анио ветус могла бы поступать в город на гораздо более высоком уровне, если бы ее течение поддерживалось многочисленными арками, такими как Клавдия и Анио новус. Здесь она пересекает углубленную часть дороги над аркой, построенной из квадратных камней. Основа сооружения - щебень, но кирпичной кладки нет. Фронтин говорит, что оно взято из реки в двадцатой миле выше Тибура, но антиквары спорят, находится ли это в двадцати милях от Рима, поскольку слова "*над Тибуром*" добавлены, чтобы показать его местоположение; или же оно берет начало в двадцати милях от Тибура или Тиволи. Протяженность его пути, составляющая сорок три мили, кажется слишком большой для одного предположения и слишком маленькой для другого, учитывая, как сильно он петляет. Он значительно возвышен, и Кабрал и Дель Ре уверяют нас, что его уровень в Тиволи составляет сто пятьдесят ладоней, или более ста футов над уровнем реки; разница слишком велика, чтобы ее можно было получить на протяжении мили или двух; это все, что можно допустить, если измерить расстояние от Рима. В нескольких шагах от канала Анио ветус дорогу пересекает акведук Клавдия по высокой арке из щебня, облицованной кирпичом. По обе стороны ручья есть несколько глыб туфа, которые выглядят так, как будто они поддерживали акведук ниже любого из этих, но, возможно, это остатки древнего моста, что более однозначно относится к некоторым другим фрагментам бутовой конструкции. Этот акведук снова можно увидеть среди виноградников, пересекающий долину ближе к Тиволи, а между дорогой и Анио находится значительное сооружение, возможно, связанное с ним. На другой стороне Рва дельи Арчи мы снова встречаемся с остатками двух таких акведуков. Вскоре они теряются, но примерно в миле дальше мы находим массивное сооружение с

арками, пересекающими небольшую долину, а сразу за этим - явное разветвление и гораздо более обширный ряд арок, но более разрушенный. Я попытался проследить это ответвление, которое, по-видимому, и есть то, о котором Фронтин упоминает как о созданном, а затем заброшенном. Она пронизывает холм, пересекает другую долину двумя параллельными линиями, которые снова соединяются, проходит через другой холм и находится на берегу долины Фоссо дельи Арчи, значительно выше того места, где я ее покинул. Фундаменты вынесены к краю ручья, и русло здесь могло быть только настолько высоким, чтобы оно могло проходить по естественному руслу небольшого ручья, не загораживая его: здесь мы его теряем. Там, где можно осмотреть сам канал, мы обнаруживаем отложение зубного камня, но не такой толщины, как внизу. Все холмы, изрытые таким образом, представляют собой вулканический туфо, или пеперино, ибо, хотя долина Анио по существу находится среди известняков Апеннин, все же на несколько миль выше Тиволи она изобилует крутыми возвышенностями вулканических отложений. По направлению к Вико Варо мы снова видим следы акведука, пересекающего Анио, который, вероятно, является Марсией, или притоком реки под названием Аугуста, которая, как говорят, не уступает по чистоте самой себе. Ниже Тиволи мы снова находим три таких акведука, на склоне холма над виллой Адриана. Анио ветус огибает древнюю гробницу на очень небольшом расстоянии от Тиволи, и крутой изгиб, который она делает, чтобы обойти гробницу, вызвал такой большой осадок, что препятствует свободному прохождению воды; следовательно, для нее был проложен новый канал. Их курс здесь лежит в направлении, почти противоположном направлению Рима, и я всегда в недоумении, почему их строители прилагают столько усилий, чтобы поддерживать высоту, настолько превышающую ту, которая кажется необходимой.

25-го я покинул Тиволи, намереваясь прогуляться до виллы Горация, а оттуда в Субьяко. Дорога идет по долине Анио, и многочисленные фрагменты сводов и фундаментов свидетельствуют о том, что виллы возводились и по эту сторону Тиволи, но ни одна из них не может сравниться по расположению или важности существующих руин с теми, что возвышаются над Кампаньей. Надпись, найденная на одном из них, дала основание предположить, что здесь проживал нумидиец Сифакс, поскольку известно, что он умер по соседству; но подлинность памятника оспаривается. Примерно в восьми милях от Тиволи мы добираемся до Вико Варо, Варии Горация. Название сохранилось, хотя от древнего города ничего не осталось, за исключением части стен, построенных из больших прямоугольных каменных блоков. Я слышал о здешнем храме, но вместо него обнаружил наполовину готическую часовню восьмиугольной формы, построенную в новейший период. Справляясь об этой часовне, я получил множество предложений *отвезти* меня туда, и в Лиценцу, и на виллу Горация, и я нанял для этой цели маленького оборванца; по дороге он рассказал мне, скольким *Ингрези* он служил, и какие это были прекрасные красавцы; и, конечно, какие они щедрые и как хорошо они ему заплатили. Он спросил, как меня зовут, и, когда я назвался, воскликнул: "*Бел ном, эра иль ном дель марито ди ностра синьора*", и я сразу же стал "*Сор Джузеппе*", "*Сор мио Джузеппе*" и "*Каро мио сор Джузеппе*". Затем он продолжил рассказывать мне, что лег спать без ужина и ничего не ел в то утро; "*и ничего особенного в том, что такое allegro cosi*", но впоследствии было добавлено изменение, что он не ел ничего, кроме верхушек "радости путешественника" (*Clematis vitalba*), которые действительно собирала группа женщин и детей с аналогичной целью. Наш путь лежал вверх по долине Устика, плодородной и красивой долине, возделанной внизу, с лесами на склонах холмов и деревьями на вершинах. Один из них, называемый Рокка Джоване, по предположению некоторых антикваров, находится на месте *putre fanum Vacunæ*, упомянутого

Горацием. Это мнение основывается на авторитете найденной надписи императора Веспасиана, или говорят, что она была найдена там; в ней записано о восстановлении храма Победы, пришедшего в упадок с возрастом, и предполагается, что Вакуна и Победа были именами одной и той же богини. У подножия гор долина разделяется на три небольшие долины, или оврага, в каждую из которых течет ручей. Середина - главная, и после моего возвращения мне рассказали о прекрасном источнике, который вытекает из нее на расстоянии двух или трех миль, который мой информатор считал истинным источником Бандузи из Горация. Лиценца, древняя Дигентия, стоит на возвышенности между этим участком и правым, или восточным ответвлением, и нам пришлось подняться в деревню, чтобы найти нынешнего жильца виллы Горация; мой план состоял в том, чтобы устроиться там на ночлег; но видимость была не обнадеживающей, и, обнаружив, что у меня есть время, я решил вернуться и отправиться в Сан-Козимато; поэтому я раздобыл немного яиц и творога, лучшего ужина, который можно было отведать, и отправился со своим новым проводником в Фонте Белло, который, как предполагалось, но без достаточных оснований, должен быть здесь. фон Бандузи. Мы находимся здесь, среди гор. Фонтан представляет собой небольшой источник у подножия небольшой скалы, вода в котором не холодная на вкус и поэтому, вероятно, ранее подвергалась воздействию воздуха. Немного выше находится более крупная скала, выдолбленная в пещеры и затененная деревьями и кустарниками (но, к сожалению, не илексом), и от ее подножия по земле проходит несколько тонких ниточек воды, между ней и вышеупомянутой скалой, и соединяется с водой источника: ситуация представляет собой узкое каменистое ущелье, поросшее лесом, над которым Монте-Дженнаро возвышается несколькими вершинами и образует своими разветвлениями все эти долины. Точка непосредственно над нами, на юге, называется Монте Кампителли, и местные жители указывают на нее как на древний Лукретилис, название, которое, скорее всего, относилось ко всей горной массе. Проходя от источника к вилле Горация, мы встретили другой источник воды, гораздо более обильный и красивый, но он искусственно проложен вдоль холма и через арку сливается в большой бассейн; он называется Фонте дель Оратино. Сразу за виллой есть третий источник, но самого маленького размера. От самой этой виллы не осталось никаких видимых остатков, за исключением одного незначительного фрагмента стены; но есть ровное пространство, ныне занятое одним виноградником и частью другого, поверхность которого имеет вид искусственного уровня, под которым, на глубине около восемнадцати дюймов, видны следы фундамента и мозаичный тротуар в хорошей сохранности. Они рассказали мне о подвалах и банях, но все это под нынешней поверхностью. Не может быть никаких сомнений в том, что сабинская вилла Горация находилась где-то поблизости, в верхней части этой долины; и, возможно, она находилась на этом самом месте, но у нас нет доказательств. Что касается Фон Бандузи, боюсь, у нас нет никаких оснований полагать, что он находится по соседству. Аббат Шапи, опубликовавший обширный труд на эту тему, настаивает, что это было недалеко от Венозы, родины Горация; и он даже находит там название Бандулии, которое находится достаточно близко. К сожалению, здесь нет фонтана, но, возможно, его засыпали по прошествии восемнадцати столетий. Надеюсь, вы в этом совершенно убеждены.^[9] Осмотрев то, что следовало увидеть, я вернулся в долину, но вместо того, чтобы следовать дорогой, по которой я поднимался, направился к францисканскому монастырю Сан-Козимато, где добрые отцы накормили меня ужином и постелью и развлекли несколькими историями о змеях, обитающих в этих горах. Я угостил моего юного оборванца обедом в "Лиценце" и пятью павлами, когда подошел к воротам монастыря, но он все равно попросил добавки и последовал за мной в монастырь, в мою спальню, чтобы получить это. Я сказал настоятелю, сколько я дал, и он ответил, что это слишком много и что

двух павлов было бы достаточно: все это было услышано мальчиком, но он все еще продолжал свою назойливость. Здешние низшие классы, похоже, не считают постыдным просить милостыню ни при каких обстоятельствах. Таким образом, поскольку от этого ничего не теряется, и они, возможно, могут что-то приобрести, они считают глупым терять что-либо из-за того, что не просят или даже не настаивают на своих требованиях до предела. Этот монастырь расположен на краю дикой романтической пропасти, через которую проходит Анио. Между Вико Варо и Тиволи эта река спокойно течет по открытой долине, обычно по почве вулканического происхождения; а там, где мы видим более прочную породу, это местный известняк Апеннин. Длинный язык суши начинается где-то в окрестностях Вико Варо, который тянется наискось вдоль долины и, по-видимому, когда-то запрудил ее воды, пока они не нашли или не образовали нынешнюю расщелину. Этот язык полностью состоит из каменистых отложений, подобных тому, что был в Тиволи, и изобилует пещерами, некоторые из которых считаются резиденцией святого Бенедикта. Недалеко от Фонте Белло находится скала, осколки, отслоившиеся от которой, имеют в точности вид *giallo antico*; в других местах мы встречаемся с известковой брекчией, а в одном месте я заметил темное вещество, похожее на ловушку, выглядящее как вещество. Примечательно, что ни один из источников в этой долине, по-видимому, не образует отложений, которые река в таком изобилии оставляет в определенных местах.

Не знаю, следует ли мне давать вам какое-либо представление о местности над этим монастырем, сравнивая ее с прекраснейшими районами Южного Уэльса; различий, возможно, больше, чем сходств: здесь больше возделываемых земель; лес заносится выше в горы; а высокие скалистые выступы выше и круче. В одном отношении он сильно отличается от всего, что есть в нашей стране; деревни расположены на вершинах холмов, и если вы представите себе Сеттл, расположенный на вершине Высоких холмов, возвышающихся за ним, или Гигглсвик на вершине шрама, носящего его название, у вас все равно будет весьма неадекватное представление об их положении. Защита и здоровье, вероятно, были первоначальными мотивами, но это, должно быть, очень неудобные места проживания. Великолепие этого пейзажа увеличивается по мере нашего продвижения, и долина, попеременно сужающаяся в проходы или расширяющаяся в котловины, представляет собой постоянное разнообразие. Недавняя дождливая погода снова оживила сельское хозяйство, и жители были усердно заняты его работой. Почва кажется очень богатой, и есть прекрасные плоские низины, которые засажены кленами, поддерживающими виноградные лозы, а под ними - различные культуры, основной из которых является индийская кукуруза. Некоторые шесты, только что воткнутые в землю, сделаны, как мне сказали, из дерева, которое дает сахар. Это также предназначено для поддержки виноградных лоз, но поскольку листьев не было, я не мог сказать, был ли это сахарный клен. На обочине дороги есть несколько прекрасных источников, возможно, питающих какие-то древние акведуки.

Субьяко стоит на скале на самом краю открытой части долины; за ней, насколько я мог видеть, были только горы и ущелья. Я спросил, где остерия, и меня направили в очень симпатичный дом, когда подошел хорошо одетый мужчина и, сказав, что я там ничего не получу, порекомендовал мне другой ресторан, расположенный чуть дальше; Я последовал его совету, но когда попросил поесть в этом последнем заведении, ответ был "*Non c'è niente*." Я думал, что мало что выиграл от этого обмена, но в конце концов мне удалось раздобыть *frummatu*, хлеб, сыр и листья салата, а затем я отправился посмотреть бани Нерона. По пути мы проходим мимо остатков очень обширного здания, которое, как говорят, было дворцом этого императора. Сами

бани состоят из нескольких склепов, не представляющих особого интереса, но расположены они замечательно, на краю глубокого и каменистого ущелья, в котором протекает река Тевероне, или Анио. Традиция сообщает, что нижняя часть этого оврага когда-то была озером, и действительно, обстоятельства этого места таковы, что легко наводят на подобную мысль. Река протекает через разлом в гребне известняковой скалы; и отверстие, хотя оно должно быть около 100 футов глубиной, не более 20-30 в ширину. На противоположной стороне этого ущелья стоит монастырь Санта-Сколастика, расположенный в самом живописном месте, который я посетил на следующее утро, несмотря на дождь; а чуть дальше находится монастырь Святого Бенедикта. Различные пещеры на разной высоте в почти отвесной скале были облагорожены убежищем святого Бенедикта. Стена монастыря построена вплотную к нижней части этой скалы, которая отступает достаточно, чтобы образовать просторные покои в верхней части здания, и мы находим здесь церковь значительных размеров, соединяющуюся лестничными пролетами с рядом часовен, которые занимают древние пещеры, частью которых по-прежнему является родная скала. Самая низкая из этих часовен, я думаю, находится по крайней мере на 60 футов ниже церкви. Неправильное расположение; разнообразие уровней, некоторые из которых часто видны с одного ракурса; широкие лестничные пролеты, с помощью которых они сообщаются друг с другом; смесь естественных гротов с опорами и сводами готической архитектуры, все из которых покрыты росписями; вместе с диким характером внешнего пейзажа, в совокупности создают эффект, который, я считаю, совершенно уникален, и сам по себе стоил бы поездки в Субьяко. Мы также не должны забывать, что сами картины представляют двойной интерес: из-за прекрасного характера и экспрессии многих голов, а также из-за того, что они являются одними из самых ранних образцов реставрации искусств в Италии. В Санта-Сколастике есть несколько фрагментов, взятых из терм Неро. Небольшие колонны высотой около четырех с половиной футов из богатого мрамора приписываются этому источнику. В Сент-Бенедикте я не наблюдал ничего подобного, но у его архитектуры есть еще одно достоинство - появление стрельчатой арки в одиннадцатом веке; однако Италия - не то место, где стоит изучать готическую архитектуру. Моим гидом по этим местам был юноша, который так сильно напомнил мне одного из моих английских друзей, что я с трудом удержался, чтобы не заговорить с ним по-английски. Уходя, я попросил счет, и этого юношу послали ко мне с запиской: *“Si crede che deve essere uno scudo.”* Экстравагантное требование едва ли могло быть предъявлено более скромно, и оно было экстравагантным по сравнению с размещением и тем, что обычно платят в Италии. Я вернулся за ответом, что готов заплатить семь павлов, и получил ответ, что я могу заплатить столько, сколько мне заблагорассудится. Итальянские трактирщики в этих отдаленных местах готовы предъявить непомерные требования, но они также готовы отказаться, если обнаружат, что вы достаточно хорошо знаете, сколько следует заплатить. Не притворяйтесь, что удовлетворяете их; если они поймут, что вы ожидаете от них какого-либо признания такого рода, *“Синьор, покой”*, - был бы ответ, если бы вы отдали им должное в десять раз больше.

Погода по-прежнему оставалась очень плохой, но я нанял мула, который отвез меня в Самиду, расположенную в двенадцати милях отсюда, на полпути к Палестрине. Дорога взбирается на холмы и делает много поворотов, чтобы в какой-то степени сохранить свою высоту, проезжая от одной деревни к другой, и все же нам кажется, что мы всегда едем вверх или вниз. С этой тропы мы смотрим вниз на довольно обширные низины; склоны холмов также в целом состоят из плодородного суглинка, только с одним или двумя песчаными пятнами, а время от времени со склона вырывается масса камней. Дорога проходит через виноградники, оливковые рощи,

кукурузные поля, луга и чесночные заросли. Продукты последних составляют на Апеннинах очень важную часть пищи жителей, но крестьяне во многих случаях были заняты их сбором, чтобы освободить место для более прибыльного урожая, и это в ситуациях, когда склоны были круче и длиннее, чем на любой обрабатываемой земле, которую я когда-либо видел в Англии. Когда тропинка поднялась на более возвышенную местность, вдалеке открылся вид на череду гор различной формы, в основном покрытых лесом, но с несколькими голыми скалистыми вершинами, поднимающимися на большую высоту. Те, кого мы видели из Рима, покрытые снегом, могли находиться на небольшом расстоянии, но облака висели низко, и то ли из-за этого обстоятельства, то ли из-за того, что я был слишком близко окружен более низкими возвышенностями, я ничего из них не видел. Это казалось очень долгим и кропотливым восхождением на Рокка-Сан-Стефано; но когда я добрался туда, то, посмотрев налево, увидел еще одну деревню на выступе скалы далеко надо мной. Дорога в целом была хорошей тропой для мулов, но было несколько плохих мест. Я оставил своего мула в Самиде, которая является самой высокой точкой на дороге, и отправился пешком в Генезано, который расположен на выступающем вперед выступе скалы, глубоко в долине внизу. Я был удивлен, обнаружив, что это такое большое и густонаселенное место. Отсутствие удобного внутреннего сообщения заставляет нас ожидать, что в этих краях не будет ничего, кроме маленьких городков. Какое значение здесь имели бы хорошие дороги! Джентльмен у ворот настойчиво уговаривал меня выпить с ним чего-нибудь прохладительного, и поскольку меня, как и его, одолевало любопытство, я, несомненно, принял бы его приглашение, если бы не становилось поздно; к тому же я не хотел откладывать свое прибытие в Палестрину из-за трудностей, связанных с поиском ночлега. Я проехал через Кави и пересек, по крайней мере, сравнительно ровную местность, где вместо гор были только низкие и плодородные холмы; ее пересекали извилистые долины, ограниченные крутыми склонами. Он был насыщенным и древесным; однако в нем было что-то такое, что навело меня на мысль о наших производственных районах. Мне не составило труда найти жилье в Палестрине, и я нанял мальчика, который показывал бы мне местные товары за двадцать пять байокки в день, сделка, которой он был очень доволен, но, как и все итальянцы, хотел чего-то большего, чем его согласие, когда мы расставались.

Следующий день был в основном потрачен на изучение остатков Храма Удачи, которым когда-то славился этот город. Храм и его пристройки, должно быть, были огромными. Я упоминал вам, что видел в Париже рисунки этого здания, сделанные месье Гюйо. Он с величайшей тщательностью проследил существующие руины и обнаружил, что различные здания, планы которых он определил, были расположены так, что допускали соответствующий ряд противоположных им, и в одном или двух случаях, наблюдая остатки таких соответствующих зданий, он пришел к выводу, что все построено по единому симметричному плану, и представил здания, существованию которых едва ли имелись какие-либо доказательства; однако все признают тщательность и точность, с которыми он исследовал нынешние руины, и суждение, с которым он в целом восполнил недостатки. Единственная обнаруженная ошибка заключается в том, что в некоторых случаях он делал слишком много. То, что осталось от декоративной архитектуры, соответствует круглому храму в Тиволи и, вероятно, относится, как я уже отмечал, ко времени Суллы. Остальная часть состоит из череды террас, некоторые из которых приподняты на сводах, а некоторые поддерживаются циклопическими стенами. Это были платформы, на которых были возведены храмы (поскольку существовало несколько второстепенных храмов, посвященных другим божествам) и сопутствующие здания. От этих вспомогательных сооружений почти ничего не осталось. Современный город стоит на месте

этого обширного здания и даже не занимает его целиком. Сады, принадлежащие принцу Барберини, расположены на части одной из нижних террас и частично опираются на семь огромных сводов, каждый более 100 футов в длину и более 20 футов в ширину; они высокие, но, похоже, не были возведены ни для какой другой цели, кроме поддержки террасы. Середина этой террасы покоилась бы на твердом грунте, но другая оконечность нуждалась в опорах аналогичного характера и, вероятно, имела их, которые сейчас разрушены. Куда бы мы ни повернулись в Палестрине, везде мы находим фрагменты древности. Нижняя терраса, возможно, была пристройкой кого-то из императоров. Многое, без сомнения, было работой Силлы, а некоторые другие части, вероятно, относились к более раннему времени. Мы находим здесь значительное количество *opus incertum*; и помимо капителей и оснований, которые напоминают капители храма Весты в Тиволи, здесь есть своеобразный ионический антаблемент с очень узкими зубцами. Над остальным возвышается большая полукруглая стена, которая сейчас составляет часть фундамента дворца принца Барберини; а в середине этого здания находится небольшое круглое сооружение, которое М. Гюйот считает, что они также построены на древнем фундаменте, но я не смог получить никаких прямых доказательств этого мнения. Если бы это действительно было так, то это должен был быть главный объект; келья или пристройка самого храма Фортуны; очень маленький центр для такой большой массы здания. Я не знаю другого примера ни из древних, ни из современных времен, когда такое огромное количество зданий, занимающих столь большую площадь, были объединены в один правильный и симметричный план; и наше восхищение еще возрастает, когда мы учитываем, что было необходимо не только возвести само здание, но и обязательно соорудить место, на котором оно могло бы стоять. В конце концов, я сомневаюсь, что это когда-либо была красивая ткань, и, конечно, в настоящее время она не может похвастаться большой привлекательностью как объект просто красоты. Фрагмент под ним, называемый Храмом Солнца, является живописным объектом и может быть объединен с восхитительным пейзажем, когда зритель смотрит в сторону Монте-Альбано; но, как и многие другие руины, он находится в винограднике, где виноградные лозы мешают хорошему обзору изнутри его окружения; а стоящий снаружи высокий забор скрывает большую часть здания. Я забыл упомянуть любопытную мозаику во дворце принца Барберини, предположительно изображающую животных Египта. Название каждого из них написано греческими буквами под рисунком. Существуют также изображения зданий, но если они даны не более точно, чем изображения животных, то у них мало чему можно научиться в архитектуре. Наскоро осмотрев различные фрагменты этого храма, я направился к другим циклопическим стенам, поднимающимся наискось вверх по холму. Антиквары говорят, что это было до возведения древнего Пренесте, который был построен у подножия холма ниже нынешнего города. Пренесте, согласно Вергилию, было только что основано, когда Эней высадился в Италии. Примерно в трех четвертях мили от города находится еще один храм Солнца, или, по крайней мере, то, что мой Чичероне назвал этим именем, но я подозреваю, что он допустил ошибку и неправильно описал традиции этого места. После этого мы прогулялись к так называемому дворцу Константина. Руины состоят из многочисленных сводов и фундаментов, очень похожих на те, что были в Тиволи, и, вероятно, гораздо более ранних, чем Константин. С тех пор над ними была возведена церковь. В Палестрине я питался голубями, которыми славится это место; они такие большие, что я нашел одного из них хорошим обедом. 29-го я занял свое место в Риме на своего рода этапе, который проходит не совсем регулярно. Разговор шел в основном о некоем Барбоне, совершившем большие грабежи в окрестностях, и о других разбойниках, но в нашем отряде было два солдата, и мы думали, что нам нечего бояться. Говорят, что эти разбойники усилились при французском правительстве:

здешние крестьяне ненавидели это, и, чтобы избежать воинской повинности и других притеснений, они удалились в свои горы и занялись этим ремеслом, которое они теперь не желают бросать, и ошибочная снисходительность папского правительства побуждает их упорствовать. Я не проезжал мимо необитаемых местностей, подобных тем, которые воображение рисует нам как обиталище бандитов, но я полагаю, что в горах их много. Часть современной дороги в Рим проходит по тротуару древней Виа Палестрина, но какими бы ни были ее достоинства в прочности и долговечности, это неудобно. Его слишком гладкая и ровная поверхность не дает лошадям надежной опоры.

ПИСЬМО XXXVII.

ТУСКУЛУМ, АЛЬБАНО, ОСТИЯ.

Рим, 18 июня 1817 года.

После моего возвращения из Палестрины я пробыл в Риме всего несколько дней и снова отправился посещать другие места по соседству. В этот промежуток времени я присутствовал при процессии за дождем, поскольку сырость, которая была мне так неприятна в Тиволи и Субьяко, по-видимому, не достигла окрестностей Рима. Площадь перед собором Святого Петра была украшена столбами, обвитыми дубовыми ветвями, а портик церкви был обит малиновым дамастом в золотую полоску. Бедного папу пронесли по площади, стоящего на коленях и действительно опирающегося на подушки, но полностью закутанного, за исключением головы, в жаркие и тяжелые одежды и неподвижного; он не выглядел здоровым, и все, казалось, сочувствовали ему: жаль, что на его место нельзя было поставить восковую фигуру. После этого процессия вошла в церковь, но в этой церемонии не было ничего примечательного.

Я удивлен вашим недоверием по поводу пальца на ноге святого Петра. Он сильно изношен; я намеревался, к вашему удовлетворению, точно измерить количество отходов, но еще не сделал этого. Мраморная ступня Христа Микеланджело в "Минерве" была настолько изношена, что было сочтено необходимым надеть на нее медную туфельку, которая начинает ощущать воздействие этого способа поклонения; однако за один поцелуй на нее святому Петру приходится десять. Однако это делается не только поцелуями; преданные растирают его руками и наносят на лоб до и после прикосновения к нему губ.

Моя следующая экскурсия началась с Фраскати, куда я отправился в дилижансе того же характера, что и те, что курсируют в Тиволи и Палестрину. Как обычно, с дороги мы увидели множество руин, и среди прочих несколько очень обширных у подножия холма, предположительно являющихся остатками виллы Лукулла, но подвергшихся значительной реставрации более позднего времени. Фраскати расположен на значительном подъеме, хотя холм за ним продолжает подниматься еще выше. В нижней части склона находятся остатки двух вилл, а в женском монастыре, расположенном немного ниже города, - несколько очень обширных надстроек, которые оспаривают с уже упомянутыми, честь называться виллой Лукулла. Я нашел здесь *locanda*, или что-то вроде пансиона, и почти напротив него *тратторию*. Удивительно, что в местах, столь посещаемых в Риме, как эти, так мало хороших

гостиниц. Я провел вторую половину дня, рассматривая некоторые виллы непосредственно над городом и наслаждаясь красотой пейзажа; а на следующее утро отправился в Грот Феррата, восхитительную тропинку, проходящую через дубовые рощи различных пород (*Quercus Robur*, *Cerris* и *Ilex*), где часто можно увидеть Кампанью, но без той полной экспозиции, которая неприятна из-за ее голой бесплодности. Грот Феррата - это монастырь, расположенный на краю небольшой долины, с некоторыми фундаментами, которые, как говорят, принадлежали вилле Цицерона, и может похвастаться несколькими очень красивыми фресками Доменикино, особенно знаменитым мальчиком-демоном. Я продолжил свою прогулку до Марино, чтобы посмотреть еще несколько картин, одна из которых - замечательная работа Гверчино. Возвращаясь, я пошел по дороге выше по склону, но было бы лучше спуститься пониже, где можно различить несколько фрагментов старины.

Моя следующая прогулка была в Тускулум, который принадлежит Люсьену Буонапарте; вилла, на которой он обычно проживает, называется Руфанелли. По дороге я останавливаюсь в монастыре, чтобы посмотреть на распятие, написанное Гвидо; маленькую фигурку длиной около шести дюймов, нарисованную на кресте; и Святого Франциска работы Поля Брилла, который необычайно хорош для него. С виллы в Руфанелли открывается очень прекрасный вид, но она расположена слишком высоко для живописной красоты. Вокруг него находятся многочисленные фрагменты архитектуры, которые Люсьен Буонапарте откопал по соседству, но, как правило, они не отличаются хорошим стилем. Раскопки, проводимые в настоящее время, ведутся на вершине холма, где стоял древний город. Здесь есть остатки амфитеатра, называемого в народе школой Цицерона, и еще несколько интересных остатков театра, в то время как в каждой части мы видим фрагменты древних фундаментов. Город был разрушен только около 1200 года, что, по-видимому, почти переносит его в современность; но эти места, которые долгое время продолжают занимать свое древнее положение, не самые благоприятные для памятников старины. Постоянные изменения, приспособляющие здания к новым назначениям, разрушают древнее устройство. Однако великая ярость по изменению и обновлению всего, по-видимому, не имела места в Италии до пятнадцатого и шестнадцатого веков, когда новые церкви, новые монастыри и новые дворцы огромной скоростью поглощали старые материалы. Затем древние колонны были перенесены на новые места, а то, что осталось от римской или готической архитектуры, было погребено в новых стенах или под новыми украшениями. Здесь мы прослеживаем древние улицы и можем зафиксировать положение двух ворот. За дальними воротами находится часть древней городской стены из прямоугольных камней, которая, однако, необычным образом разделяется на две части, и обе части впоследствии теряются среди сетчатой работы. Сразу за разделением находятся древнее водохранилище и фонтан. Водохранилище перекрыто двумя наклонными камнями вместо свода. В ходе этих раскопок было обнаружено много любопытных мелочей, которые очень интересны человеку на месте, когда ум возбужден и направлен на предмет. Большая часть выброшенной из них земли представляет собой такой же сплошной пепел, как если бы она была только что выброшена из Везувия, а направление холмов таково, что мы легко можем представить, что они окружают огромный кратер, из которого вырос нынешний Монте-Каво.

Из Тускулума я отправился пешком в Мондрагоне, огромный дворец князей Боргезе, введенный в заблуждение ложным сообщением о древних стенах. Днем я посетил древний фрагмент в городе, который, как говорят, является памятником Лукуллу; и они утверждают, что там была найдена надпись на этот счет, но где эта надпись сейчас, никто не мог мне сказать. Моим последним объектом был большой круглый памятник, гробница Луция Валерия Корвина,

расположенный ниже города, почти у подножия холма. По-видимому, он был выполнен в стиле памятника Плавту или Цецилии Метеллы.

На следующее утро после раннего завтрака я отправился в путь, намереваясь достичь вершины Монте-Альбано, или Монте-Каво, как ее обычно называют. Сначала дорога проходит среди ухоженных зарослей, которые по мере приближения к Рокка-дель-Папа сменяются восхитительными рощами чеснока. Рокка-дель-Папа - деревня, расположенная на высокой вершине, состоящей из кучи пепла, образующей часть края древнего вулкана. В жарком климате мы чувствуем преимущество, которым пользуется город, занимая эти участки земли; удивительно только, что необходимость возделывать долины не побудила людей выбирать такие, которые были бы менее возвышенными; ибо крестьяне, по-видимому, в основном живут в городах, а не каждый на земле, которую он возделывает, как в Англии. Предполагалось, что нездоровый климат Кампаньи возник из-за жарких дней и холодных ночей, которые там пережили; но жители этих мест, целый день работающие в тесных долинах и возвращающиеся ночью в свои просторные жилища, должны испытывать гораздо большую разницу; и все же все эти места считаются совершенно здоровыми. От Рокка-дель-Папа до вершины холма тянется узкий гребень, и тропинка лежит вдоль этого гребня; он покрыт лесом, но, тем не менее, мы видим под собой через определенные промежутки Кампи-ди-Аннибале, с одной стороны, образующую дно древнего кратера, а с другой, на гораздо более низком уровне, обширную Кампанью и город Рим, наиболее заметным объектом которого является церковь Святого Иоанна Латеранского. Последняя часть пути проходит по древней Виа Триумфалис, большая часть тротуара на которой сохранилась. Женский монастырь занял место древнего храма Юпитера Латялиса, и несколько фрагментов стен и количество прямоугольных камней, использованных при строительстве, свидетельствуют о существовании прежнего здания. К монастырю примыкает сад, занимающий как раз вершину холма, почва под которым, как говорят, полна осколков. Я бы предположил, что Монте-Каво находится примерно на такой же высоте над Римом, как Инглборо над маленьким городком у его подножия, *то есть* примерно на 2000-2200 футов, однако здесь есть плодородный сад с фруктовыми деревьями и прекрасным лугом. Мы перестаем ассоциировать идею гор с идеей бесплодия, которые так сильно связаны с нашим холодным и влажным климатом.

Спускаясь, я следовал древней *Виа Триумфалис*, насколько это было возможно проследить; но сбился с пути и вернулся почти к Рокка-дель-Папа. Я едва ли мог сожалеть о совершенной ошибке, так как прогулка оттуда в сторону Альбано чрезвычайно красива, с видом на озеро и Кампанью, но на последней части пути лес становится гуще и закрывает весь обзор. Недовольный заключением, я вскарабкался на край кратера, в котором находится озеро Альбано, и нашел очаровательную тропинку среди леса на его склоне, по которой продолжил путь к гребню холма прямо над Альбано, по пути забавляясь стручками пузырчатой санны. Я нашел отличную гостиницу в Альбано и, пообедав, вернулся, чтобы насладиться видом с гряды холмов, окружающих это прекрасное озеро; под нами расстилается прекрасная круглая водная гладь; за краем окружающих холмов мы видим Кампанью, но в сильно укороченном виде, и Рим вдалеке; на другой стороне находится монастырь Палаццуоло, венчающий его самый крутой и высокий берег, а над ним Монте-Альбано, покрытый лесом. По пути я осмотрел руины амфитеатра, но от них мало что осталось. Пока я рассматривал его, ко мне присоединился довольно бедно одетый молодой человек, лет, я полагаю, восемнадцати, который разговаривал со мной на разные темы, повторял стихи Горация и Вергилия в манере, которая показывала, что он не только понимает их, но и способен проникнуться их красотой, и впоследствии дал мне

несколько собственных латинских стихов. Он провел меня короткой дорогой, как он сказал, к некоторым развалинам виллы Домициана, ныне занятым домом и садами виллы Барберини. Он был огромен; но в настоящее время мы не находим ничего сохранившегося, кроме огромных сводов и фундаментов; прекраснейший закат, которым я с наибольшей выгодой любовался с его террас, вполне восполнил недостаток древностей. На следующее утро я отправился на виллу Помпея, нынешнюю Виллу Дория; вы знаете, итальянцы, когда они говорят о вилле, имеют в виду не дом, который является *палаццо*, *палаццино* или *казино*, а всю ограду, содержащую, помимо небольшого участка, предназначенного исключительно для развлечения и показухи, большой сад, возделываемый с целью наживы, и часто виноградники, оливковые рощи и кукурузные поля. В римской академии был проведен спор о том, в чем разница между *виллой* и *виньей*, и было решено, что это одно и то же. Декоративная часть обычно состоит из нескольких дорожек-террас с обрывистыми краями залива или иногда затененных илексом; и это лишь некоторые из основных достопримечательностей Рима, которые значительно отличаются от этого описания. Такой виллой является вилла Дория в Альбано, но она включает в себя также восхитительный кусочек дерева, который полностью покрывает древние руины. Белые дома Альбано, видневшиеся среди темной листвы достопочтенных иличес, производили самое красивое впечатление, какое только можно себе представить. Поэтому я отправился пешком в Кастель-Гандольфо и спустился к берегу озера, которое, должно быть, примерно в 300 футах ниже папского дворца. Несколько рыбаков вытаскивали свои сети, но все, что они поймали, состояло из двух-трех линий среднего размера и небольшого количества мелкой рыбешки. Моей главной целью здесь было, конечно, увидеть знаменитый *Эмиссарио*, который, как вы знаете, представляет собой искусственный подземный канал значительной длины, проложенный римлянами для отвода вод озера, и это до сих пор единственный проход, который у них есть; но история его образования очень странная. Во время осады Вейи воды озера в сухую погоду поднимались на необычайную высоту, так что римляне боялись, что оно переполнится; напуганные этим чудом, они отправили послов в Дельфы узнать, что нужно делать, и в ответе им предписывалось выпустить воду, но позаботиться о том, чтобы она не попала в море. Сейчас озеро представляет собой сплошной кратер, без какой-либо продолжающейся долины, по которой оно могло бы когда-либо найти естественный выход, и для того, чтобы выйти за пределы бассейна, потребовалась бы высота над нынешним уровнем, я полагаю, 150 футов.^[10] Несколько незначительных источников на берегах и, вероятно, несколько подводных образуют его постоянные источники, а местность, которая впадает в него, имеет такую малую протяженность, что я не верю, что шесть дюймов осадков подняли бы его на тридцать футов от нынешнего уровня, а не на четвертую часть этого, если бы вода стояла почти до верха его берегов. Возможно, этот удивительный подъем произошел из-за какого-то вулканического выброса; однако опасность, по-видимому, не была очень серьезной, поскольку у римлян было время послать в Грецию за инструкциями. Направление существующего русла почти по прямой к берегу, но естественное направление впадин, в которые оно впадает, ведет его к Тибру, в который оно впадает в настоящее время, однако оно могло быть рассеяно и, возможно, летом потерялось до того, как попало туда. Все это очень похоже на схему обеспечения орошения для некоторых земель, на которых сухая почва дает лишь незначительные результаты. Если бы уровень озера нужно было понизить на 150 футов, выемка грунта была бы трудной и опасной; но если бы было необходимо понизить его всего на 15 или 20 футов, выполнение не потребовало бы каких-либо особых ухищрений; а почва, представляющая собой мягкую породу, которая, вероятно, в самых твердых местах поддается кирке, и все же везде достаточно твердая, чтобы удержаться, облегчала предприятие. Однако это

замечательная работа; более полутора миль в длину и 250 футов от поверхности. Передняя часть его была облицована камнями, оставляя прямоугольное отверстие, закрытое большим квадратным блоком пеперино, из которого сделана остальная часть работы, и этот камень, найденный недалеко от Альбано, вероятно, использовался здесь более эксклюзивно, чем в Риме. Вероятно, это оригинальная работа, но впереди теперь находится свод небольшой протяженности, из того же материала, но не связанный с другим, и, возможно, это было дополнение или реставрация императора Клавдия. Вода вновь появляется из-под каменной арки, которую я не считаю очень древней, и, постирав все грязное белье Альбано, стекает, как я уже сказал, к Тибру.

Я увел вас подальше от озера, не упомянув о руинах, которые здесь называются купальнями Дианы. Он состоит из нескольких частей, но главной является большое хранилище, образовавшееся в результате раскопок на склоне холмов. Это восхитительное место для отдыха в жаркий день, откуда открывается прекрасный вид на озеро, хотя буйство окружающей растительности слишком сильно скрывает воду. В Альбано есть некоторые остатки, предположительно принадлежащие Термам, которые с определенной точки зрения образуют тонкую массу, но я не увидел ничего характерного для их назначения. Сразу за городом, по дороге в Неаполь, находится памятник, который называли гробницей Куриатов, но сейчас, похоже, вошло в моду считать его памятником Помпею. Нибби считает, что это гробница Аруна, сына Порсенны, который погиб во время неудачной атаки на Арисию; и приписывает Помпею другую гробницу на противоположном конце Альбано, которая, по-видимому, представляла собой башню высотой в три этажа, облицованную мрамором. Его главный аргумент в пользу каждого из них состоит в том, что он не нашел свидетельств обратного у древних авторов. Среди других доказательств того, что рассматриваемое сооружение является гробницей Аруна, он цитирует описание Варроном гробницы Порсенны, данное Плинием. Это, по-видимому, имело некоторое сходство с нынешним памятником и дает основание предположить, что это этрускское сооружение, но совершенно не связывает его с Аруном. Он состоит из квадратного основания, поддерживающего пять конусов, по одному под каждым углом и один побольше посередине. Каменная кладка сделана из щебня, сформированного из фрагментов пеперино, залепанных строительным раствором, а снаружи была покрыта большими квадратными блоками пеперино. Если бы это действительно были этруски, это показало бы, что римляне унаследовали свой обычный способ строительства, *то есть* массу щебня, обложенную квадратными камнями или кирпичами, от этого народа. Далее мы находим старую Аппиеву дорогу, которой сейчас больше не пользуются, поддержанную на значительной высоте стеной, построенной в пеперино; а по соседству с ней сохранились некоторые остатки древней Арисии; современный город расположен над ней.

11-го числа я шел по очень приятной и в целом тенистой дороге через Арисию, или Ла Риччу, в Дженцано. Ла Ричча - очень живописный городок на вершине скалы, возвышающийся над небольшой впадиной, которая, вероятно, когда-то была кратером вулкана, затем озером, а сейчас представляет собой плодородную и возделанную долину. Дженцано находится на одной из точек над озером Неми. Края этих кратеров, как вы можете легко предположить, со временем разрушаются в разных местах, оставляя некоторые участки выше остальных; и один из этих оставшихся возвышенных участков трассы представляет ситуацию для Дженцано. Здесь я свернул с большой дороги, ведущей в Неаполь, и держал путь в Неми, расположенный на северной стороне озера, следуя на протяжении части своего маршрута древнеримскому пути. Озеро очень красивое, с лесистыми берегами, смешанными с возделанными культурами, и

небольшая долина, протянувшаяся от его верхней стороны, богато возделана; но хотя эти вулканические озера имеют свою прелесть, они обычно уступают более разнообразным формам тех, которые не обязаны своим происхождением такому источнику. Это правда, что крутой берег, который их окружает, не везде одинаковой высоты и иногда прерывается надвигающейся массой более твердых пород; тем не менее его непрерывность достаточно совершенна, чтобы создавать определенную степень монотонности; и с какой стороны ни посмотри, это все та же круглая котловина, и в ней не может быть тех прекрасных участков, которые так сильно усиливают очарование некоторых наших собственных озер; также мы не можем ожидать отступающих линий гор, которые указывают на продолжение долины. Но спокойная водная гладь, отражающая темно-синее небо, богатая растительность, темные леса, покрывающие склоны, великолепные деревья, нависающие над водой, и неровные выступы, которые начинаются тут и там от края кратера, образуют пейзаж, в котором невозможно устать от блужданий. Сам Неми стоит на самой высокой и отвесной из этих скалистых вершин, однако почва здесь больше похожа на кучу золы, чем на массу цельного камня. Между Неми и Веллетри я заблудился в лесах, которые здесь покрывают местность, но я добрался до последнего города вовремя и остановился на постоялом дворе, который когда-то был дворцом семьи Ланселотти, и в задней части которого находится великолепная открытая галерея длиной около 120 футов, откуда открывается великолепный вид на широкую долину, на природу Кампаньи, но не такую широкую, с большим количеством возделанных земель и леса; и на вольские горы. Правее находятся понтийские болота (и они, как правило, не голые), длинная полоса лесистой местности, которая отделяет Кампанью и болота от берега, Монте-Черчелло и моря. Поскольку оставалась еще значительная часть дня, я раздобыл лошадь, чтобы отвезти меня в Кору; у нее было только одно стремя, очень короткое и совсем крохотное; а для управления к голове животного было прикреплено нечто, больше похожее на недоуздок, чем на уздечку; седло было высокое и остроконечное. Экипировавшись таким образом, я отправился в свою экспедицию по мощеной дороге среди виноградников. Через некоторое время тротуар кончился, и я прошел мимо пастбищ и кукурузных полей, слегка или совсем не огороженных, но там, где возделывание, казалось, простиралось далеко, мимо небольшого озера, а затем по тенистой тропинке, по уши в грязи, хотя уже некоторое время у нас не было дождя. Достигнув подножия гор и двигаясь вдоль них по постепенному подъему к Коре, я обнаружил, что дорога часто состоит из разбитого тротуара; худшая из всех возможных колеи, но очень частая на перекрестках Италии. Мостовая сделана и оставлена; в дождливую погоду образуется небольшой поток с одной или другой стороны, а иногда и с обеих; и это подрывает внешние камни, которые вскоре расшатываются и смещаются; и в результате такого процесса иногда стирается половина, иногда вся мостовая; все еще видны несколько отдельных фрагментов, остальное представляет собой ненадежное покрытие из крупных камней. Въезду в Кору предшествует крутой спуск, хотя город расположен на высоком холме. Улицы показались мне такими крутыми и скользкими, что я был рад сойти и вести свою лошадь. Добравшись до гостиницы и поставив свою лошадь в конюшню, я попросил хозяина дать ему чего-нибудь поесть. Он крикнул, чтобы принесли немного сена, и из окна, расположенного на втором этаже лестницы, спустились две фермы. Я поднялся в комнату, откуда поступал этот запас, и был удивлен, обнаружив, что для этого требовалось несколько ступенек высотой со двор со стороны дома, которые открывали еще один вход. Это может дать вам некоторое представление о неравномерности почвы. Прямо под городом находится глубокий овраг, или, скорее, расщелина в известняковой скале, а сам город расположен на скалистом холме конической формы, который возвышается непосредственно над краем этой пропасти. Он почти отделен от

цепи вольских гор, хотя и расположен в углублении среди них. “*Cora é due paesi*”, - сказал мне мальчик, подняв большой и указательный пальцы. Итальянцы никогда не упоминают число меньше десяти, не подняв вверх большого пальца, причем большой палец всегда занимает первое место: “одно *sotto* и одно *сопра*”. Моя гостиница находилась в нижней части нижнего города, хотя подъем к ней показался мне таким хлопотным. Храм Геркулеса находится в монастыре на вершине верхнего города. Портик, имеющий четыре колонны спереди и по две с каждого фланга, остается довольно совершенным, и хотя он несколько мал и слишком строен по своим пропорциям для того возвышенного положения, которое он занимает, производит очень приятный эффект. Высота колонн пропорциональна их диаметру, что вовсе не вызывает недовольства, когда мы находимся рядом со зданием; и если бы они были оштукатурены, как, вероятно, и имело место, видимый диаметр был бы несколько больше. Гораздо более нежелательна малость архитрава, и счеты тоже слишком малы. Стил, как и пропорции, находится между греческим и римским дорическим, но колонны имеют основания, которые вряд ли можно найти в каком-либо другом образце, будь то греческий или римский. Эти основания настолько обветшали, что трудно судить о форме лепнины, но я думаю, что там не было скругления. Капитель пилястры отличается от капителя колонны. В нижнем городе сохранились остатки храма Кастора и Поллукса. Он выполнен в коринфском стиле, а листва - в греческом стиле, и внутри, и вокруг него много фрагментов циклопических стен. Римский мост все еще существует над глубокой и узкой пропастью, о которой я упоминал ранее, а в пропасти находится мельница (не древняя), на которой жители Коре мололи кукурузу после сильных дождей; но только при таких обстоятельствах во впадине есть вода. В церкви Санта-Оливия есть несколько средневековых монастырей, которые заслуживают того, чтобы на них посмотрели. Они двухэтажные, с вдвое большим количеством арок в верхней части, чем в нижней, и все опираются на колонны; между этажами есть хорошее пространство, но требуется немного больше украшений. В одной церкви купель представляет собой древний алтарь с головами баранов по углам.

Осмотрев эти древности вечером в день моего приезда и на следующее утро, я вернулся в Веллетри. В Коре мне удалось купить кофе на завтрак, но молока не было, что в горной стране меня несколько удивило; но на ланч я купил немногорикотты, которая представляет собой творог из козьего молока, сваренный, я полагаю, и спрессованный в маленькие корзиночки. 13-го я съехал с большой дороги и пересек поля более короткой тропинкой, ведущей в Дженцано. Пейзаж восхитительный, но жара была невыносимой, потому что не было ветра, а тропинка очень сильно освещалась солнцем. Из Дженцано я спустился к озеру Неми, чтобы посмотреть на “Эмиссарио”, которое я пропустил раньше и которое вряд ли стоило посещать, но несколько прекрасных платанов, растущих у самой воды и затеняющих ее своими раскидистыми ветвями, очень украсили пейзаж.

Гостиница, где я раньше останавливался в Альбано, была переполнена, но я нашел другую, почтовую, не менее хорошей. Некоторое время назад говорили, что несколько ваз были найдены под слоем лавы недалеко от Марино, но впоследствии история была настолько изменена, что вместо лавы надземным слоем оказался пеперино. Этот пеперино, безусловно, является продуктом вулканического происхождения, и поскольку среди народов Италии, связанных с римлянами, нет традиции, согласно которой Монте-Альбано был действующим вулканом, этим вазам приписывается неопределенная, но огромная древность. С другой стороны, хотя пеперино состоит из вулканических веществ и иногда, как на берегах озера Альбано, определенно находится в таком состоянии, в каком он был оставлен пожаром, все же

вполне вероятно, что в некоторых случаях материалы могли подвергнуться воздействию воды и закрепиться на новом месте: даже при таком предположении мы должны рассматривать их как остатки города, существовавшего до Альба-Лонги, который сам был разрушен Туллом Гостилием в первом веке существования Рима. Говорят, что в теле пеперино были найдены кусочки железа, напоминающие гвозди разного размера, но есть много деталей обстоятельств места и состояния, которые не были замечены и которые сейчас не могут быть установлены, поскольку раскопки, в ходе которых были найдены вазы, были засыпаны; и это поспешное уничтожение улик бросило тень подозрения на историю, поскольку вполне можно предположить, что урны были помещены в какую-то старую яму или каменоломню в этом пеперино. Число их довольно велико; все они кажутся погребальными, и в одной большой вазе находилось несколько ваз поменьше. Самая большая из этих включенных ваз имеет форму хижины, закрытой дверью, которая запирается на маленький латунный стержень, и в них обычно содержатся фрагменты обгоревших костей, различные украшения, маленькие модели щитов, копий и т. Д., А одна - колеса; вещи, очевидно, указывающие на занятия умершего. Все они грубой работы; не все одинаково хороши, но мы можем усомниться в том, что при изготовлении кого-либо из них использовался гончарный круг. Синьор Висконти опубликовал отчет о них, который не имеет никакой ценности, кроме как по отношению к владельцу, синьору Джузеппе Карновале, который хочет продать вазы и для которого эта небольшая работа может послужить затяжкой. Говорят, что подобные предметы были найдены в Германии, и поэтому они, вероятно, являются произведениями средневековья. Я выехал из Альбано 15-го, в четыре часа утра, и прибыл в Рим около половины восьмого. Ничто не может быть более восхитительным, чем ранние часы итальянского летнего дня, ясного, яркого и свежего, без какого-либо гнетущего ощущения жары.

Прежде чем я закончу это письмо, я должен рассказать вам о другой экскурсии, или, скорее, о двух экскурсиях, каждая продолжительностью в один день, в Остию. В этих экспедициях я не берусь описывать все, что вижу. Многие объекты настолько похожи, что в описании кажутся одинаковыми, хотя мы всегда находим различия, достаточные для того, чтобы заинтересовать нас реальностью. Я действительно мог бы сказать что-нибудь о водохранилище Мария в Альбано и о лагере преторианцев, приписываемом Домициану, в том же районе, один из камней которого имеет пятнадцать с половиной футов в длину, и где Нибби уверен, что там было четыре башни, поскольку он видел следы одной из них; но я оставляю это и сотню других вещей, которые вряд ли заинтересуют вас.

Моя первая поездка в Остию состоялась 15 апреля, прекрасным морозным утром, когда на лужах и по краям ручьев был лед, но в других местах все было сухо и пыльно. Кукурузана холмах пожелтела из-за отсутствия дождя, но в долинах она была крепкой и здоровой, а боярышник только начинал цвести, несмотря на заморозки, которые в этом году пришли намного позже обычного. Дорога идет по долине Тибра, которая ограничена невысокими холмами, довольно круто спускающимися к ручью; иногда вплотную к реке, иногда отступая от нее и оставляя широкую и плодородную равнину. На первой части пути местность хорошо возделана, но малонаселена; дальше возделывание идет на убыль и прекращается, когда мы поднимаемся на возвышающуюся и заметную точку этих холмов и спускаемся к остаткам священного леса. Здесь это просто заросли кустарника, но на некотором расстоянии слева мы можем разглядеть множество больших деревьев. Говорят, что вырубка этого священного дерева побудила малую арию гораздо больше распространяться о Риме; но эта малаария - очень таинственное дело, и о ней рассказывают много противоречивых историй. Впускание морских бризов разрушило

страну; и все же морской берег более здоров, чем земля непосредственно за ним. Говорят, что в пределах стен Рима некоторые дома летом совершенно непригодны для жилья, в то время как другие, расположенные на расстоянии ста ярдов, потому что они немного выше, немного дальше от Тибра или от сельской местности, или более окружены другими домами, объявляются совершенно свободными. За пределами Рима и в менее населенных частях внутри его стен холмы считаются более благоустроенными, чем долины; но в современном Риме нижняя часть города более здорова, чем верхняя. Римляне воображают, что возделывание земли для создания общественного сада на Монте-Пинчо сделало улицу под ним нездоровой. Эта болезненная ария встречается в летнюю жару и осенью, но эта весна была очень нездоровой в Риме, и, я полагаю, во всей Италии. Среди многочисленных причин, которым приписывается болезнь, чередование жарких дней и холодных ночей, или, скорее, возможно, жаркого солнца и холодного ветра, является одной из них; и у нас было много такого в течение марта и апреля, но, возможно, мы найдем корень нынешнего беспорядка, скорее, в нехватке продовольствия и, как следствие, плохом питании людей. Большое количество асфоделуса (*Asphodelus ramosus*) в этой древесине придает ей очень неанглийский вид. Миновав лес, дорога на две-три мили протекает через болото, представляющее собой большую лужу или озеро. Эти участки воды в равнинных странах часто обладают значительной красотой; но я не думаю, что Норфолкский залив, хотя и чем-то похожий, дал бы вам какое-либо адекватное представление об этом месте. Он значительных размеров, и темная тень лесов Кастель-Фузано с деревьями каменной сосны, возвышающимися над несколькими пологими холмами в дальнем конце, образовала красивую достопримечательность; в то время как по мере приближения к Остии высокие холмы Альбано соединялись с этим лесом и водой, образуя очаровательный пейзаж.

Нынешний город Остия - жалкое место со средневековым замком, который, безусловно, живописен. Остатки старого города находятся на некотором расстоянии; большое пространство земли, все покрыто фундаментами и опорными конструкциями. Главное сохранившееся здание представляет собой прямоугольное кирпичное здание, вероятно, храм, перед которым был портик; но колонны и вся декоративная архитектура были разрушены или унесены; некоторые фрагменты, все еще лежащие поблизости, а другие, которые были перевезены в Ватикан, свидетельствуют о том, что оно было очень красивого коринфского ордера; и стиль, и исполнение настолько точно соответствуют остаткам форума Траяна в Риме, что я не сомневаюсь в отнесении его к тому же периоду и тому же архитектору. В разное время здесь производилось много раскопок, но, как обычно, с простой целью найти мрамор или бронзу, без какой-либо регулярной системы операций и без принятия мер предосторожности по составлению какого-либо точного плана фундаментов зданий, обнаженных таким образом и снова засыпанных. На другой стороне главного рукава Тибра находятся остатки порта и бассейна Траяна, ныне мелководного озера. Это, по-видимому, была семиугольная впадина диаметром около полумили. Правильность формы была нарушена временем, но мы все еще можем проследить стены, которые окружали его и которые действительно составляют большую часть его нынешних границ. Некоторые мраморные столбы, к которым были пришвартованы корабли, сохранились до сих пор; и есть фрагменты того, что, вероятно, было складами и подобными зданиями, пристроенными к этому порту. Есть также круглое здание, которое, возможно, было храмом. Все вместе было поистине великолепным предприятием, но, возможно, можно усомниться в том, было ли оно разумным. Как портвейн, природа выступила против него, и он уничтожен, и, похоже, не было никаких мер по сохранению его чистоты.

Из Остии я спустился к берегу, среди зарослей сотни цветущих кустарников. Песчаные холмы, ближайшие к морю, в основном покрыты можжевельником. Сам песок темный и имеет грязный вид из-за своего цвета; его материал в основном вулканический. В этих лесах пасутся стада буйволов, самых уродливых из племени быков. Говорят, что они иногда бывают озорными и поэтому не очень приятны в одинокой прогулке; но хотя они часто подходили поглазеть на меня, они всегда расходились прежде, чем я подходил к ним вплотную.

1826.

Есть еще две или три очень интересные экскурсии, которые можно совершить в окрестностях Рима. Одно из таких посещений - в Вейи, где я только что был в компании со своими друзьями Скоттом и Пардини. Положение этого города, как вы знаете, долгое время было предметом споров, но теперь оно определено с такой уверенностью, что удивляешься, как в нем вообще можно было сомневаться. Лишь совсем недавно римские антиквары заподозрили, что тщательное изучение местности могло бы помочь ответить на вопросы подобного рода. Мы сворачиваем с дороги во Флоренцию сразу за десятой милей, и удобная транспортная развязка ведет нас к Изола Фарнезе, маленькой деревушке с баронским дворцом и различными раскопками в отвесной и почти изолированной скале туфо, на которой он стоит. У подножия этой скалы протекает небольшой ручей, а обширная платформа на вершине противоположного крутого подъема является местом расположения древних Вей. Берег со всех сторон крутой, и граница города проходила по извилистости холма. Сохранились части древних стен. Они сложены из прямоугольной каменной кладки толщиной около восьми или девяти футов, а блоки не очень большие. Повсюду разбросано несколько фрагментов римских времен; а в скале над Кремерой (еще один небольшой ручей, который впоследствии соединяется с ручьем ниже Изола Фарнезе) есть остатки гробниц, которые, возможно, принадлежали древнему городу. Тем не менее, мы находим здесь обычную погребальную нишу с погребальной вазой на дне и некоторыми остатками лепнины и красной краски, которая ее украшала. В нише одного из них есть углубление для размещения таблички с надписью, и до сих пор можно различить часть железных гвоздей, которыми эта табличка была прикреплена к скале. Чуть поодаль находятся другие скалы, обтесанные аналогичным образом. Все они находятся на крутом неровном берегу между городом и ручьем. Поднимаясь по берегам этого маленького ручейка, мы подходим к Понте Содо, где ручей отклонился от своего естественного русла и проходит по подземному каналу под отрогом холма Вейи. Я подозреваю, что это римская, а не этрусская работа, но я не могу объяснить, почему это было сделано. Как раз там, где поступает вода, эта перфорация наискось разделяет другой канал, две части которого видны на высоте около десяти футов над дном нынешнего отверстия. На другом конце находится небольшая ниша для планшета.

Еще одна наша экскурсия была в Габии. Мы обогнули северную оконечность этого небольшого озера и нашли несколько фрагментов того, что, вероятно, было стеной древнего города, но римский город стоял на некотором расстоянии от южной оконечности озера. Здесь несколько лет назад были произведены раскопки, которые, как говорят, показали план форума; но после того, как были добыты мраморные плиты, которые были объектом поисков, место было снова засыпано, и никаких подробностей о памятнике не сохранилось. В этой части находятся остатки того, что, как предполагалось, было храмом Юноны в древних Габиях, но у него нет свидетельств такой высокой древности. Судя по всему, с трех сторон у него были колонны, но не было

постикума. Стены тонкие, сложены из прямоугольных блоков габийского камня, который имеет природу пеперино, но более твердый и крупнозернистый, и изобилует крупными фрагментами плотной лавы. Внутри храма, в трех или четырех футах от торца, по-видимому, находилась металлическая ограда с тремя отверстиями, в двух из которых были ворота, но центральное было полностью свободно. Тротуар частично выложен простой белой мозаикой, частично - штукатуркой, а в одном месте и тем и другим, причем штукатурка лежит поверх мозаики. Внешние колонны имели глубокие канавки со скруглением между ними и, я думаю, с аттическим основанием. Следовательно, они не были дорическими, но я не смог найти ни малейшей части капителя, чтобы определить, какой порядок использовался. Когда-то они были покрыты толстой штукатуркой. Во дворе были небольшие покои с каждой стороны и полукруглые ступени напротив передней части храма: сразу за ограждением находятся остатки небольшого здания из больших прямоугольных блоков каменной кладки. Весь холм изрезан обширными карьерами.

Я добавлю к этому отчет об экскурсии в Неттуно и древний Антиум, совершенной с двумя итальянскими друзьями. Одному из участников группы пришлось остановиться в Альбано, что немного сбilo нас с пути и заставило пропустить Бовилля. Дорога из Альбано проходит по краю древнего кратера ниже Арисии, и спуск оттуда на обычную дорогу был труднопроходим. Мы раздобыли хлеб, вино и яйца в Каррочелли, в жалкой лачуге, где жили всего полгода. Здесь мы вошли в Священную Сылву, где в глубокой песчаной почве отмечены бесчисленные следы, и поэтому необходим проводник. Мы нашли мало следов древности на берегу в Неттуно, но в море сохранилось множество фундаментов, и особенно большое симметричное здание, которое мы рассматривали на досуге из окна нашей спальни. Берег между ним и Порто д'Анзо окаймлен невысоким утесом, в основном состоящим из склеившихся ракушек. Фрагменты римских зданий в изобилии встречаются как на берегу, так и в воде. Скалы сильно изломаны и, окаймленные кустарником, имеют очень живописный вид. Большая масса древностей находится за пределами нынешней деревни Порто д'Анзо. Здесь мы прослеживаем причалы древней гавани Антиума, и количество несущих конструкций огромно: все они имперские и полны искусной работы. Более древний город, возможно, находился на холме позади, который, по-видимому, искусственно отделен от остальной части хребта. Мы заблудились в священном лесу, который между Неттуно и Ардеа изобилует благородными деревьями пробки, илекса, дуба и серро. Иногда засыпанный подлеском, у других почти чистый, и время от времени обнажающий открытые пространства пастбищ. Не доходя до Ардеа, вулканические вершины холмов образуют перпендикулярные гребни, которые часто кажутся вырубленными, а пещеры многочисленны. Нынешняя Ардеа занимает небольшую отдельно стоящую скалу; и там, где природа отказала в отвесном гребне, ее заменяют стены. Примерно в двух третях мили от нынешней трассы находятся два длинных искусственных холма, а в ложбине между ними - остатки ворот. Примерно в миле дальше находятся еще *двамоста*. В обоих этих местах впадина, из которой была взята земля для образования насыпей, находится на стороне, наиболее удаленной от города. Повсюду в остальном длинный холм в форме языка обеспечивает естественную защиту. Большая часть нашего обратного пути в Рим пролегла по древней Виа Ардеатина.

ПИСЬМО XXXVIII.

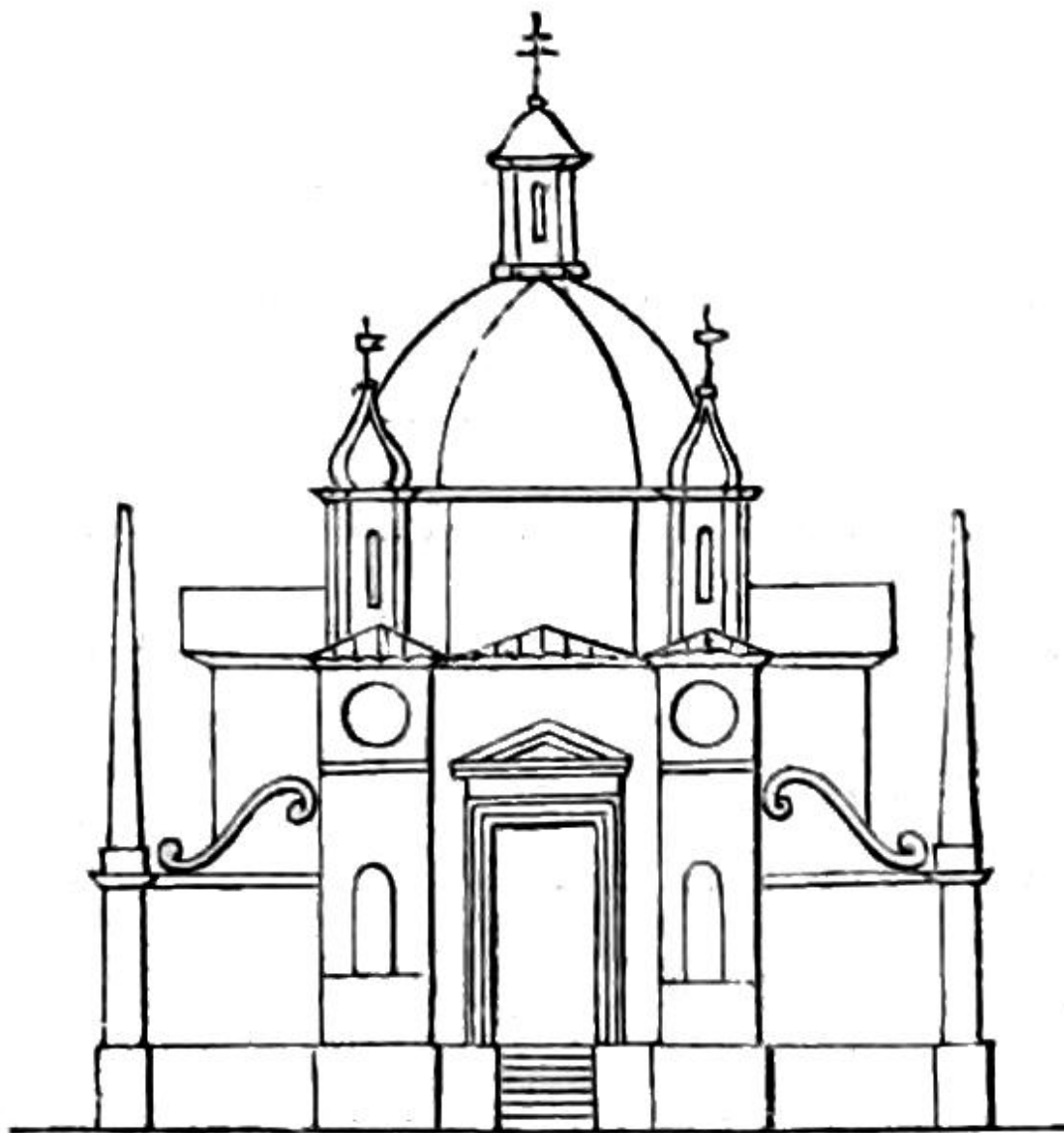
ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ФЛОРЕНЦИЮ.

Флоренция, 10 июля 1817 года.

В Риме я так много слышал о различных предметах на севере Италии, которые я опустил, что решил потратить пару месяцев, чтобы восполнить недостаток и, по крайней мере, составить мнение, стоит ли смотреть на эти вещи или нет. Поэтому я отправился в путь с Веттурино 25 июня. Моими спутниками были итальянский крестьянин и его сын, а также священник, который был наставником в семье джентльмена в Нарни; все очень приятные люди. Я полагаю, что человек с небольшой земельной собственностью в этой стране, как правило, занимается возделыванием своего собственного поместья. Богатые нанимают что-то среднее между управляющими и арендаторами, собственник находит капитал и складские запасы и получает определенную часть валового продукта, варьирующуюся в зависимости от характера урожая и почвы; но класс арендаторов, работающих на свои собственные капиталы, для собственной выгоды, на земле, принадлежащей другому человеку, но пользование которой на некоторое время закреплено за ними, и выплачивающих только фиксированную годовую ренту, в Италии очень редок или совсем отсутствует. Молодой джентльмен был призван на военную службу во времена правления французов; и он рассказал мне о различных методах, применявшихся им самим и его спутниками на практике, чтобы избежать путешествия. Он также позабавил меня рассказом о части соперничества между римлянами под руководством французского правительства и неаполитанцами, которые одно время занимали очень сильную позицию в Кави, недалеко от Чивита-Кастеллана. В последнем городе был размещен отряд примерно из 200 французов, и они подняли на ноги около 800 жителей римских государств; неаполитанцев было около 5000 человек. Когда римляне выстроились на площади в Чивита-Кастеллана, распространился слух, что враг приближается, и все они пали ничком. Упреками, угрозами и ободрениями, напоминая им о древней славе римского имени, французы в конце концов убедили их подняться и выйти маршем из города. Когда неаполитанцы увидели наступающие римские войска, они сочли за лучшее вовремя убежать, чтобы не упустить такой возможности. Небольшая группа калабрийцев заявила, что стыдноотказываться от состязания и что пусть неаполитанский командующий делает что хочет, они должны сохранить свой пост; но их было недостаточно, чтобы что-либо предпринять.

До Монте-Рози мы ехали той же дорогой, по которой я въехал в Рим, через пустынную Кампанию. Церковь там, на въезде в деревню, имеет приятную форму; это маленькое побеленное сооружение, так что требуется процесс мышления художника по отделению хорошего от плохого, чтобы обнаружить, что форма прекрасна. Мир в целом крайне не желает признавать красоту формы, когда материал плох, и, с другой стороны, там, где материалы хороши, он очень готов восхвалять и форму, если это хоть сколько-нибудь терпимо; первое является гораздо более очевидным и неоспоримым достоинством, чем другое. В чем заключается красота формы в данном случае, я так и не смог определить. Это восьмиугольный купол с четырьмя выступами вниз, образующими греческий крест, с небольшими башенками по обе стороны от входа, уступающими по высоте куполу. Я называю их башнями, а не башенками, потому что они продолжаются до земли, а башенки можно понимать только как возвышения, возвышающиеся спереди. Несколько более низких зданий заполняют площадь, и

на каждом углу стоит небольшой обелиск, совсем не хорошей формы, но, безусловно, вносящий свой вклад в общую красоту композиции.

Сразу после выезда из Монте-Рози мы свернули с сиенской дороги и, держась правее, прошли через прекрасные дубовые рощи к Непи, городку, расположенному на краю глубокого ущелья, и заночевали в Чивита-Кастеллана, который стоит на участке земли между двумя такими ущельями, более глубокими, чем в Непи, и очень дикими и живописными. Местность здесь пересекают несколько таких труднодоступных долин, и сложность ситуации породила предположение, что это, должно быть, позиция древних Вейев, которая стоила римлянам десятилетней осады. В Риме есть кафедральный собор с портиком из небольших колонн из гранита и мрамора и мозаичным фризом в стиле Сан-Лоренцо *фуори делле мура*. Средний дверной проем выполнен в ломбардском стиле, с двумя колоннами с каждой стороны, крайние из которых опираются на двух львов: внутренняя часть была модернизирована. В Чивита-Кастеллана я расстался с двумя своими спутниками: следующее утро было очень туманным, но я

пошел пешком перед экипажем и перешел мост высотой не менее 120 футов над одним из оврагов. Она состоит из двух рядов арок, и должна была быть третья, которая поддерживала бы дорогу на уровне берегов, но это так и не было выполнено. Немного дальше я разговорился с рабочим, который, как он сказал мне, собирался собрать урожай для своих друзей на земле, принадлежащей монастырю неподалеку; сначала он был монахом, затем солдатом, а теперь собирался трудиться из любви, которую питал к религии. Он заверил меня, что у него есть очень прекрасная картина Джотто, но тогда она находилась в Витербо; повторил несколько стихов собственного сочинения в похвалу англичанам и закончил просьбой ко мне о благотворительности. Покинув Чивита-Кастеллану, я больше не видел этих ущелий. Дорога идет по долине Тибра, сначала по одному берегу ручья, а затем по другому. Пейзаж кажется очень приятным, но его скрывал туман. Мы проехали мимо некоторых римских фрагментов, а затем мимо руин Отрикула, но я не смог остановиться, чтобы осмотреть их. От современного города Отриколи, который стоит значительно выше старого, дорога пролегает среди гор и лесов, знаменитых дичью. Нарни находится недалеко от конца этой возвышенной дороги, на краю глубокой известняковой долины, которая навела меня на мысль о Давдейле, но здесь больше леса. Он представляет собой совершенно иной характер, чем глубокие ущелья, которые мы пересекали накануне, которые больше похожи на ущелье Шанклин, только сильно увеличенное. В Нарни, или, скорее, под ним, находятся остатки римского моста, на котором, помимо разрушения арок, одна из опор провалилась перпендикулярно, что нарушает идеальную связь между различными частями.

Дорога отсюда в Терни лежит по возделанной долине, но, как мне кажется, в целом с не очень хорошей почвой. В Терни у меня был молодой гид, который заверил меня, что он хорошо знаком со всеми “*меравилье*” по соседству; и мы прогулялись по городу, чтобы посмотреть на те немногие древности, которые в нем есть. Там есть амфитеатр или, по крайней мере, несколько сводов того, что когда-то было амфитеатром, несколько стен сетчатой работы и храм Солнца, или, если вы хотите дать ему какое-либо другое название, я не буду с вами спорить по этому поводу. Это небольшое круглое здание, нижняя часть которого, вероятно, относится к нижнему ампиру, а верхняя - еще более позднему. Говорят, что Тацит был гражданином Терни, но памятников ему не сохранилось. Современные здания вряд ли заслуживают особого внимания. Здесь есть незаконченная эллиптическая церковь; каждый пример этой формы служит для того, чтобы показать превосходство круга. Мне также показали великолепный алтарь в этой церкви, который обошелся в 18 000 крон; он отделан мрамором, не красив, но и не лишен чего-то приятного. На следующее утро мы отправились посмотреть знаменитый каскад. Мой слуга назвал Неро (“серый нар альбус аква” Вергилия) “*un Tevere*”, как будто он понимал, что это общее название реки. Собственное название этого озера в Терни он считал Негритянским, но, увидев, что вода здесь белая, он изобрел *Бьянко*, чтобы передать его цвет. Этот мальчик показал мне хороший пример того, с какой легкостью в этих краях *l*, следующая за гласной и предшествующая согласной, превращается в *r*, *arbero* для *albero* кажется достаточно естественным, но сначала я был несколько озадачен тем, что он использовал *morto* для *molto*. Более того, он сказал мне, что Наполеон был великим человеком, жаль, что он выгнал монахов, но мальчика невозможно было убедить в том, что он сделал что-то еще не так. При его правительстве у них раньше было много оливок, но с тех пор их урожаи были невелики, и он от всей души пожелал ему вернуться, чтобы у них снова было изобилие. Из этого вы можете заключить, что он был настолько невежественен, насколько это возможно; но он не был глуп и, вероятно, отражал мнения окружающих. В конце концов, у него, похоже, была весьма

философская идея причинности. Его чувства могут служить доказательством того, что простые люди здесь не испытывают отвращения к французам. Мы не склонны связывать идею льгот с людьми, которые нам не нравятся.

Знаменитая Каската-делле-марморе находится примерно в пяти милях от Терни (7447 метров, если быть очень точным); говорят, что название связано с быстрым отложением воды “*quia ibi Marmor et Saxum crescit*”, и вы пользуетесь авторитетом Плиния в отношении этой этимологии. Почти три мили дорога продолжается вдоль долины Нар, в одной части которой, у обочины дороги, как говорят, находится поццуолана; предполагается, что это связано с молочным дождем, который, согласно Ливию, выпал в Терни в 194 году от Рождества Христова. После этого мы поднимаемся в Папиньо, откуда есть две дороги: верхняя ведет на вершину, а нижняя - к подножию водопада. Сначала я поднялся на верхнюю, которая очень быстро поднимается по склону известнякового холма, откуда открывается вид на долину, более глубокую и отвесную, чем в Нарни, с меньшим количеством леса на склонах, но с большим количеством деревьев и больше возделанных земель внизу. После этого подъем становится незначительным, и последние три четверти мили мы проходим почти по равнине, которая кажется полой для ходьбы; повсюду видны следы течения воды и, действительно, образована из ее конкреций. Путешественника сначала подводят к каналу, в котором вода течет выше водопада; ширина его составляет пятьдесят один фут с четвертью;^[11] спуск один фут за двадцать; и скорость течения десять с половиной футов^[12] в секунду, или около семи миль в час. Если вы не посвящены в секрет, вы удивитесь таким точным размерам, но на самом деле это искусственный канал. Велино, как и Анио, вместо того, чтобы постоянно прокладывая себе более глубокое русло, заполняет свое ложе известковой породой, на самом деле не очень твердой, но все же скалой, а не земляным осадком, который мог бы быть вытеснен первыми проливными дождями; и мы обнаруживаем, что она очень рано перекрывает свое русло и подвергает долину выше частым наводнениям. В 481 году от основания Рима (271 год до Рождества Христова) Марком Курием Дентатом был прорублен канал для сброса его вод в Нар. В 700 году от основания Рима возникли некоторые ссоры, но мы точно не знаем, на какой почве, между жителями Реати выше места падения и жителями Терни ниже; а во времена Тиберия произошло сильное наводнение на Тибре, которое причинило много вреда Риму, были назначены уполномоченные для изучения причин этого ущерба и рассмотрения средств устранения подобных нарушений в будущем. Эти умники сообщили, что для достижения этой цели было бы целесообразно перекрыть все реки, по которым впадает Тибр. Мне нет нужды говорить вам, что этот план так и не был реализован. После этого канал продолжал выполнять свои функции примерно до 1400 года, то есть в течение 1680 лет с момента его первого использования; но, по-видимому, в то время он настолько сильно засорился, что верхняя долина снова подвергалась частым наводнениям. Реатины начали прокладывать новый канал, но жители Терни воспротивились этому, и следствием этого стала война между двумя городами. Браччо ди Монтоне, тиран Перуджи (это имя хорошо применимо во всех смыслах к итальянским регули пятнадцатого века), вмешался, и был проложен новый канал; но, вероятно, в небольшом масштабе, поскольку вскоре он был снова засыпан, и в 1546 году Павел Третий назначил Сангалло сделать достаточное отверстие. Терни и города ниже водопада, включая сам Рим, подняли большой протест против этого предприятия под предлогом того, что они были бы подвержены частым наводнениям, если бы этим водам был дан выход. Канал, однако, был проложен, но вскоре выяснилось, что он был прорезан недостаточно глубоко, и в 1596 году под руководством Джованни Фонтаны были предприняты новые работы. Этот архитектор, или, скорее, как мы должны называть его инженера, по-

видимому, удовлетворился повторным открытием на большей части пути старого канала М. С. Dentatus, но поскольку он шел под очень тупым углом к водопаду, Фонтана оставил его там и продолжил свою работу по прямой линии к долине Нар. Вследствие этого изменения река Велино впадала в эту реку под прямым углом у подножия скалы, называемой Пеннарроза, в той части, где ее русло было очень узким; более того, она унесла с собой несколько значительных обломков скалы. Эти причины в совокупности заставили отступить Нар и вызвали значительные наводнения в верхней части этой реки; следствием стали новые ссоры, и было написано множество несоответствий. Отец Гаудио, со стороны жителей Терни, взялся доказать, что более крупная река, с предельной силой впадающая в меньшую реку под прямым углом к течению последней, никак не может вызвать подъем своих вод выше места слияния, а, напротив, должна придать им импульс, который привел бы к осушению верхней долины. Эти споры не были урегулированы до 1785 года, когда новый разрез отвел воды Велино наискось в Нар, и все жалобы прекратились. Нас отводят в разные места, чтобы посмотреть вниз на этот потрясающий водопад, но лучший вид открывается из маленького летнего домика, расположенного на выступающей точке значительно ниже склона, который, как говорят, был построен для проживания Наполеона. Нижняя часть водопада, однако, в этом месте не видна, но мы созерцаем ужасающий водопад, несущийся среди скал и над таким отвесным обрывом, что вода отрывается от него на значительное расстояние и с грохотом теряется среди пены и брызг залива внизу. Первое падение происходит там, где ручей еще ограничен скалами канала, здесь сильно изломанными; и, возможно, высота его может достигать 40 или 50 футов. Вторая, или перпендикулярная часть, имеет спуск на 598 футов. После этого он ударяется о скалу и устремляется вниз повторяющимися водопадами, так близко, что образуется один почти непрерывный слой пены, на 240^[14] еще футов, в Нар, так что вся высота составляет 838^[15] футов. *Itinerario d'Italia*, не довольствуясь такой высотой, какой бы она ни была, указывает падение на 1063 французских фута. Я не знаю, на основании каких данных. У меня есть небольшая книжка Джозефа Риккарди, напечатанная в Сполето в 1818 году, озаглавленная "*История и физиология суллы кадута делле Марморе*" и др. очень внятный и хорошо написанный отчет, который несет внутренние признаки подлинности и корректности, хотя, признаюсь, если бы мне пришлось угадывать высоту, я бы сказал, что не более 400-500 футов, включая все детали; но на этих огромных высотах суждение теряется из-за отсутствия достаточных объектов сравнения. Согласно тому же автору, подача воды, когда уровень воды в реке был самым низким в 1807 году, составляла 4640 кубических метров в минуту, т.е. выше 160 000 английских кубических футов; наибольшее количество в минуту в том же году составляло 19 310 кубических метров, или 675 000 английских кубических футов. Я полагаю, что Нью-Ривер дает около 3000 кубических футов воды за одно и то же время. Было обнаружено, что Темза в Лейлхеме после очень засушливого лета дает 1155 кубических футов воды в секунду, или 69 300 в минуту; сравнение довольно поразительное, и нельзя не заподозрить какую-то ошибку в измерениях. Ширина и скорость течения, как указано выше, нисколько не превышают вероятности; но с учетом этого средняя глубина более четырех с половиной футов потребовалась бы для снабжения данного количества воды в сухую погоду. У меня не было возможности оценить это. Однако это значительная река. Осмотрев верхнюю часть каскада, я вернулся на нижнюю дорогу, которая ведет нас по долине к его подножию. Такой подход восхитителен, и, возможно, на него стоит посмотреть больше, чем на сам каскад. После того, как дороги разделяются в Папиньо, мы спускаемся в низину, пересекаем реку и проезжаем мимо дома, образующего очень живописный объект в пейзаже, который, как сказал мне мальчик, принадлежал *милорду* из города Терни. Оттуда мы проходим среди виноградников и высоких деревьев, а затем через

рощи взрослого илекса, между нависающими скалами. Мы видим здесь больше нижней части водопада и обнаруживаем, что даже после всего, что мы созерцали с верхней части, река все еще перепрыгивает со скалы на скалу, прежде чем соединиться с Наром, но направление разных частей настолько различно, что невозможно охватить все одним взглядом. Сам водопад может соперничать с водопадом в Тиволи, хотя здесь больше воды и больше высота, но ничто в Тиволи или в любом другом месте, которое я видел, не может сравниться с долиной, по которой мы приближаемся к нему.

Риккарди говорит о замечательном эффекте, который зимой создает лед, образующийся на дне. Долина Терни, измеренная, я полагаю, в самом городе, находится на высоте 346 футов над уровнем моря, а дно водопада может быть на 100 или 150 футов больше, но это не та высота, на которой можно объяснить какую-либо существенную разницу в климате, и нам, конечно, не следовало ожидать большого эффекта от морозов. Поскольку я не видел его в таком состоянии, я скопирую его описание. "Появление осени зимой не заслуживает меньшего внимания. Лед, скапливающийся на дне пропасти, образует огромные массы, которые кажутся непропорциональными колоннами какого-то огромного здания; в то время как свисающие сверху сосульки, кажется, вот-вот достанут до дна пропасти. Сама река, увеличившись в объеме, приносит вниз различные вещества разных цветов, которые объединяют красоту с возвышенным эффектом, производимым огромным потоком воды и массами льда; и это еще более усиливается вертикальными радугами более чем полукругом, которые проявляются в брызгах, и рядом других горизонтальных радуг". Что это могут быть за горизонтальные радуги, я не могу претендовать на объяснение.

Во второй половине дня я нанял "карателлу" до Сполето. Дорога вьется по ответвлению Апеннин и называется здесь *Соммой*; на самом деле она проходит через очень извилистый проход в горе, который очень приятен, но не имеет ярких особенностей и не имеет обширного обзора с верхней части. Сам Сполето расположен на скалистом холме, почти изолированном, или я мог бы сказать, вполне изолированном, поскольку горловина настолько низкая, что мы ее почти не видим. Великолепный акведук, считающийся римской работой, но на самом деле являющийся работой римского кардинала в пятнадцатом веке, снабжает город водой. Он проходит через глубокую и узкую долину, которая отделяет холм от общей массы гор, опирающихся на единый ряд арок высотой около 250 футов. Однако некоторые арки разделены на две по высоте, и так было раньше, но сейчас это не так, но я затрудняюсь понять мотив изменения. Вода собирается из двух или трех источников среди гор и падает на 30-40 футов, прежде чем пройти по акведуку. Это падение было использовано для строительства мельницы; и в том же ручье, который снабжает город водой, также перемалывают зерно. В Сполето есть несколько памятников римской старины, одним из которых является мост, обнаруженный недавно. Поток изменил свое русло, и, как следствие, мост был погребен на много веков. Древняя арка в черте города называется *Порта Фуга*, согласно преданию, Ганнибал атаковал город с этой стороны и был вынужден отступить с большими потерями. Если верить всем историям, рассказанным об этом полководце в Италии, то может показаться, что он прибыл в страну, чтобы разбить римлян, и быть разбитым каждым маленьким городком в стране. В городе также есть еще одна римская арка и несколько фундаментов неопределенного назначения, которые, по-видимому, связаны с ней; а в верхней части города находятся другие руины, которые, как говорят, были частью дворца Теодориха; а вокруг цитадели мы можем наблюдать некоторые фрагменты циклопической каменной кладки.

Среди построек более позднего периода - готический собор, модернизированный внутри и частично снаружи. Подобные изменения в стиле и характере здания никогда не дают хорошего эффекта. Немного за городом находятся остатки древнего храма, ныне входящего в состав женского монастыря. План, по-видимому, был очень сложной формы, но римляне не сохранили греческой простоты дизайна в своих священных зданиях; и это здание не было образцом хорошего вкуса римлян того времени. Есть несколько столбцов, но все они неуместны.

Храм Клитумна на обочине дороги, в нескольких милях за Сполето, также является зданием позднего стиля, вероятно, ненамного более древним, чем Константин. Я мог бы знать, что это такое, по опубликованным гравюрам, но я ожидал более красивую вещь, как саму по себе, так и в ее положении. Внешне кажется, что недостатка в количестве колонок нет, и я не понимаю, на что намекает история, рассказанная Хобхаусом в его заметках к "Чайлд Гарольду". Он рассказывает нам, что некий брат Иларион с одобрения епископа Сполето снес большую часть портиков и продал четыре колонны за восемнадцать крон. Четыре небольшие шахты действительно были удалены изнутри, но они могли быть всего около девяти дюймов в диаметре и не имели никакого отношения к какому-либо портику. Внешние столбики покрыты слегка волнистыми листьями и отмечены средним ребром, а не рыбьей чешуей, как предполагалось. Разыгрывается самый нижний ассортимент. Основания пилястр не имеют выступов в сторону колонны. Входы, должно быть, были по бокам, а не спереди. Стенки целлы толще, чем ширина пилястр. Детали плохо соединяются друг с другом, а качество изготовления такое же плохое, как и дизайн. Местность, однако, богата и красива, хотя расположение храма не позволяет увидеть ее; дорога проходит по краю прекрасной равнины, ограниченной горами, которые частично возделаны, а частично покрыты лесом.

В Фолиньо есть собор, внешний вид которого выполнен в готическом стиле, но интерьер, как обычно, модернизирован. Однако я не мог войти, поскольку эпидемическая лихорадка была очень распространена, и из-за того, что в церквях очень редко хоронили умерших, собор и некоторые другие стали настолько отвратительными, что было сочтено уместным закрыть их.^[16] В Нарни они *нашли* святого (Сан Рокко), который имел власть над болезнью; (вы можете усомниться, говорили ли они о маге или знахарском лекарстве) и, совершив несколько процессий в его честь, они быстро избавились от нее. В Терни первые дожди смыли его, но в Фолиньо он все еще бушевал со значительной силой.

Перуджа находится на вершине очень высокого холма, где веттурины обычно используют дополнительную силу пары быков, но моей легкой карателле такая помощь не потребовалась, тем более что я, как обычно, поднялся сам. Отсюда открывается великолепный вид на две богатые и обширные долины, омываемые Клитумном и Тибром. Я пробыл там все воскресенье, и у меня была возможность увидеть несколько очень прекрасных картин, особенно Пьетро Перуджино, который оставил много замечательных работ в своем родном городе, и несколько очень любопытных архитектурных сооружений. Говорят, что римская арка была построена Августом, но мы вряд ли можем это признать, поскольку фриз ее антаблемента украшен пилястрами, а не триглифами; вольность, которая, как нельзя предположить, имела место так рано, хотя римские архитекторы позволяли себе изрядную долю прихотей и капризов, особенно в этих провинциальных городах. Круглое здание, покрытое деревянной крышей, как у церкви Сан-Стефано-Ротондо в Риме, а не куполом, как говорят, было древним храмом и, несомненно, является римским зданием, но поздних времен. Колонны были взяты из зданий еще более древних; их шестнадцать, из гранита чиполлино, биджио антико и мармо греко; они

различаются размерами и капителями. Собор выполнен в готическом стиле; своды боковых нефов возвышаются на той же высоте, что и своды нефа. Опоры круглые и очень тонкие, а все арки окованы железом; и все же это было бы красиво, если бы не было такого праздничного цвета. Палаццо Пабблико, возможно, также заслуживает внимания как образец итальянской готики; но он не красив. В церкви Сан-Доменико я имел удовольствие увидеть продолжающийся свод, прерываемый даже окном. Эти эксперименты в дизайне бесценны для архитектора; и здесь, несмотря на недостатки, возникающие из-за того, что здание так и не было достроено, и из-за побелки, покрывающей то, что уже закончено, эффект очень хороший. За алтарем были малиновые занавеси, которые закрывали хоры, и сцена, безусловно, была улучшена ими; в таком случае прерывание трансепта между нефом и алтарем не вызывает возражений, а временами, когда трансепт светлее нефа, даже создает необычайно красивый эффект; но тогда алтарь должен находиться только в небольшом углублении и получать полный эффект света трансепта, и архитектура нефа ни в коем случае не должна возобновляться. Фасад церкви Сан-Франческо - интересный и очень красивый образец ранней итальянской архитектуры. Простой прямоугольный фасад, увенчанный фронтоном, включает в себя большую арку; и эта простота дизайна и очевидное соответствие конструкции и внутреннему расположению очень радуют. Здесь действительно слишком много орнамента, но он хорошо расположен и хорошо выполнен.

В Перудже есть отличное поле для игры в *паллоне*, но оно никогда не используется. Эта игра заключается в том, чтобы водить взад-вперед большим кожаным мячом, наполненным сжатым воздухом и сделанным как можно плотнее; но вскоре его нужно наполнить заново. Удар наносится запястьем или нижней частью руки, которая вооружена для этой цели большим деревянным цилиндром, снаружи покрытым выступами, чтобы мяч не скользил по нему.

В понедельник утром я выехал из Перуджи, снова на *карателле*, которая представляет собой четырехколесный фаэтон с откидной спинкой и сиденьем спереди для кучера. Вся поездка в Кортону очень приятна, но спуск к озеру Перуджа, древнему Тразимену, и повторный подъем от него необычайно красивы. Само озеро представляет собой большой участок воды неправильной формы, общие очертания которого округлые; холмы плавно спускаются к нему, постепенно повышаясь по мере того, как они переходят в горы, не очень смелые и не очень высокие, но их и не назовешь ручными. Они очень разнообразны по своим формам и почти везде покрыты лесом или культивацией.

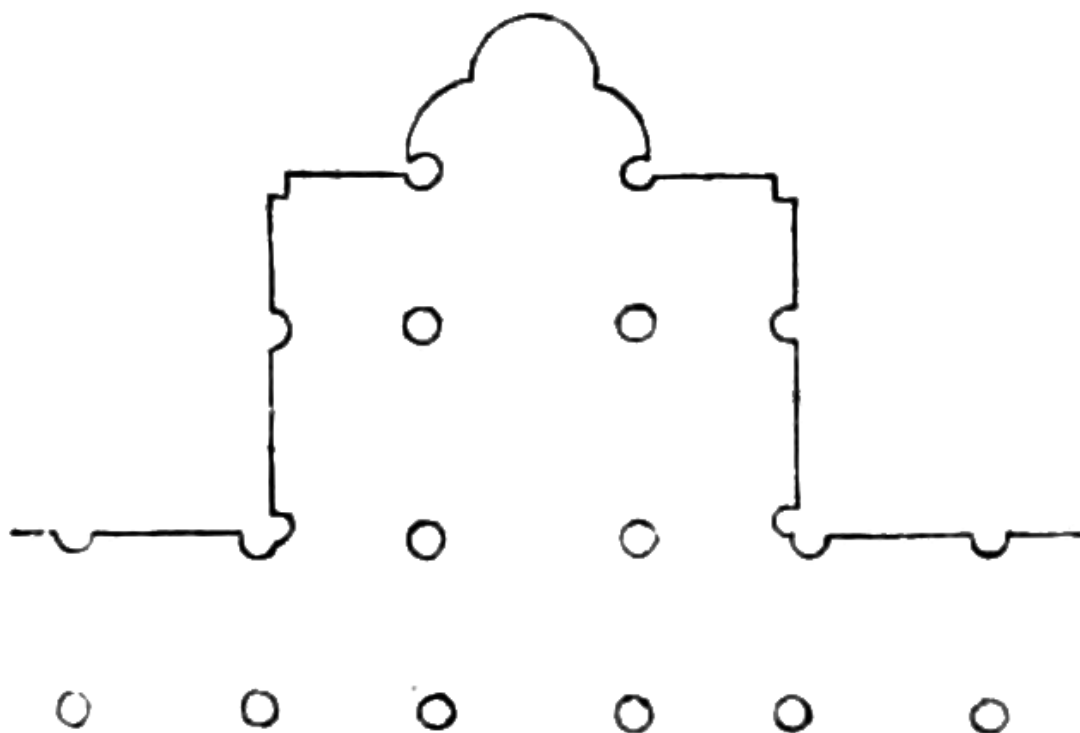
Вскоре после выхода из озера мы въезжаем в Тоскану, и преимущество здесь как в выращивании, так и в живописной красоте на стороне папской области. Кортонна находится на вершине высокого холма, откуда открывается вид на обширную долину, но ее расположение не идет ни в какое сравнение с Перуджей. Я ожидал найти в Кортоне больше интересного, чем это было на самом деле; главные памятники старины - это городские стены циклопической кладки, не самого раннего стиля, но того, где камни лежат по большей части рядами, почти горизонтальными; и небольшая могильная камера, расположенная немного ниже города, называемая гротом Пифагора. Он построен из больших блоков песчаника; сохранился дверной проем, фальц для двери и два отверстия в подоконнике и перемычке для оси, на которой она поворачивалась. Он перекрыт аркой, состоящей из четырех или, возможно, пяти камней, каждый из которых занимает всю длину здания и опирается на грубо обработанный полукруглый камень с каждого конца. Эти арочные камни действительно имеют в сечении клиновидную форму, хотя в данном случае такая форма не была бы необходима для их опоры; но

строители, кем бы они ни были, без сомнения, были знакомы с принципом работы арки, хотя, возможно, и боялись слишком доверяться ей. Внутренняя площадь помещения составляет около семи квадратных футов, а по бокам имеются небольшие квадратные углубления, возможно, для погребальных урн. Меня учили ожидать хорошего музея древностей, но его разогнали, чтобы спасти от неаполитанцев, и, похоже, он никогда не будет восстановлен. Лихорадка загнала местных джентльменов в их загородные резиденции, и я не мог получить доступ к частным коллекциям.

Из Кортони я направился в Ареццо, где сохранились остатки амфитеатра, но не имеющие большого значения. Кафедральный собор и церковь Пьеве заинтересовали меня гораздо больше. Последнее - очень необычное здание. Фасад украшен четырьмя этажами, а башня, которая возвышается над ним под одним углом, имеет еще пять этажей, в каждом из которых по два двойных окна. Верхний этаж фасада представляет собой ряд из тридцати трех проемов и тридцати двух маленьких колонн с причудливыми капителями; большинство из них восьмиугольные, но некоторые цилиндрические, и одна представляет собой статую, некоторые из них имеют зигзагообразные, а другие спиральные канавки. Они стоят на постаментах разных размеров и поддерживают горизонтальный архитрав. Следующий этаж - этосерия из двадцати пяти арок на двадцати четырех колоннах, совсем немного, если вообще больше, чем те, что наверху. Существует такое же или большее разнообразие их форм, поскольку в дополнение к вышеупомянутым мы находим один пучковидный стебель и один, покрытый восходящими листьями. Ниже находится ряд из тринадцати арок большего размера, также на колоннах, с такой же неправильной формой; некоторые стоят на основаниях с постаментами, некоторые без постаментов, а некоторые ни с тем, ни с другим. В этой истории есть небольшое окно с колесиком. Нижний ряд состоит всего из пяти арок, из которых средняя - самая высокая; над каждой аркой есть пояс, который, возможно, поддерживал статую; и несколько несвязанных и неправильно расположенных частей орнамента. Из этого отчета вы видите, что целое удивительно похоже на состоящее из фрагментов, но трудно представить, где могло быть найдено такое множество различных вещей в столь малом масштабе. Аретинцы говорят, что здание в том виде, в каком оно стоит, было древним храмом, которым оно определено не было.

Внутреннее перекрытие состоит из смеси полукруглых и очень тупо заостренных арок, подобных некоторым из них в церкви Святого Марка в Венеции, и, вероятно, оно почти совпадает с датой постройки передних галерей этого здания (около 1100 года). Неф не сводчатый. Задняя часть клироса демонстрирует прекрасный эффект, который иногда создается рядом небольших колонн, расположенных над высокой стеной, либо простых, либо слегка углубленных. Я бы не стал утверждать, что во многих случаях такой сильный контраст не должен быть неприятным, но я думаю, что лучше всего это удастся, когда, как в данном случае, план носит циклический характер.

Собор - прекрасное готическое здание; то есть прекрасное как сооружение итальянской готики, но его нельзя сравнить с лучшими образцами этого стиля во Франции и Англии. Здесь очень темно, но эта темнота, когда я посетил его в первый раз, очень выгодно оттеняла боковую часовню такой формы,

создавалось впечатление греческого креста с неглубокими углублениями; был вечер, но свечи на алтаре горели яркими точками, о которых еще нельзя было сказать, что они давали какой-либо свет; за алтарем были малиновые занавеси, которые скрывали окна маленьких ниш за ними, и внешний дневной свет не имел никакого другого эффекта, кроме как придавать яркость их цвету. Единственный свет, проникавший в часовню, исходил из верхней части. Богатство алтаря увеличивалось за счет свечей и драпировок; легкие и элегантные пропорции часовни были достаточно освещены, но не бросались в глаза; и его контраст с мрачным величием собора, границы которого полностью терялись среди сгруппированных колонн, производил эффект совершенно волшебный. Однако при ярком дневном свете архитектура часовни, выполненной в смешанном стиле, мне не очень понравилась, и тогда она показалась мне слишком ярко раскрашенной. Тем не менее, правильность его общих пропорций может претендовать на звание элегантного здания, хотя и совершенно не соответствующего всем общепринятым правилам.

Крытые помещения монастыря в Бадии состоят из ряда арок, опирающихся на колонны; а над ними находится ряд небольших колонн, очень широко расставленных друг от друга, поддерживающих крышу. Я считаю преимуществом то, что эти опоры расположены так далеко друг от друга, поскольку тем самым они способствуют идее легкости, приписываемой крыше. Там, где гибкость и широкое разделение опор внизу могут убедить зрителя в том, что части наверху очень легкие, это красота; к ней действительно не стоит стремиться при каждом удобном случае, но она достойна восхищения на своем месте. Но там, где это убеждение не достигнуто, и верхние части тела явно тяжелые, гибкость нижней части тела является очень большим недостатком. Там, где колонны возвышаются над арками, абсолютно необходимо иметь значительное пространство над последними; в противном случае эффект будет слабым и скучным.

Я покинул Ареццо во вторник и переночевал в Монте-Варко, путешествуя по стране глинистых холмов, изрезанных глубокими оврагами. Там, где почва не скреплена корнями деревьев, метлой и т. Д. Нижняя часть берега, по-видимому, смывается водным потоком на дне, и земля осыпается, оставляя перпендикулярные пропасти и изломанные участки. Мой вентурино очень не хотел заходить так далеко, и все же мы приехали к девяти часам, что в это время года еще не поздно. Утром он пришел ко мне с рассказом о человеке, который был убит ночью по пути отсюда во Флоренцию. Сначала я подумал, что он просто хотел встревожить меня в наказание за то, что я уговаривал его идти дальше в сумерках накануне вечером, но впоследствии я обнаружил, что его рассказ был слишком правдив. Молодой человек, ехавший в одиночку в чем-то вроде фаэтоне с одной лошастью из Сан-Джованни во Флоренцию, чтобы сделать там кое-какие покупки, деньги для которых он взял с собой, около часа ночи подвергся нападению каких-то грабителей, которые, по-видимому, были осведомлены об обстоятельствах. Они проломили ему череп ударом какого-то тупого предмета, забрали ключ и вставили его в замок шкатулки, в которой лежали деньги, но, должно быть, что-то их встревожило, поскольку они не двинулись дальше. Лошадь вернулась домой со своим хозяином, который жил несколько часов спустя, но не мог говорить и был почти без сознания. Мы узнали эти подробности, проезжая через Сан-Джованни. Нападение произошло на мосту рядом с изображением Мадонны, о чем можно было судить по крови, найденной на этом месте. Мы видели мост и Мадонну, но крови не было; и, признаюсь, я не понимаю чувств моего водителя, который с большим волнением поцеловал маленькую часовню и положил немного денег в коробку. Если бы жизнь бедняги была спасена, я бы понял его лучше. Мы добрались до Флоренции около трех часов дня, и я отпустил своего водителя, которого нашел очень вежливым и внимательным, и, я полагаю, очень честным, а теперь я отклоню свое письмо.

ПИСЬМО XXXIX.

МОДЕНА—ПАРМА—МАНТУЯ—ФЕРРАРА.

Равенна, 5 августа 1817 года.

Я уже рассказывал вам о зданиях Флоренции и не буду повторять свои критические замечания, а скорее ограничусь теми сюжетами, которые не соответствовали тому времени года, когда я был там раньше. Сады Боболи очень красивы, скорее из-за их внешнего вида, чем из-за их внутреннего расположения. Я думаю, что из них открываются самые прекрасные виды на окрестности Флоренции. Мои визиты туда в июле были, как вы можете догадаться, гораздо более приятными, чем они могли бы быть в декабре. Кашине, *молочная ферма* великого герцога, также очень приятное место; смесь рощи, зарослей и луга, простирающаяся вдоль берегов Арно. Фьезоле я видел и раньше, и на этот раз повторил свой визит более неторопливо, но пейзажи Тосканы не идут ни в какое сравнение с прекрасными уголками римских Апеннин. Небольшие холмы, почти все одинаковой формы, повсюду покрыты скорее оливковыми кустами, чем деревьями; и хотя, возможно, местность вокруг Флоренции более плодородна, все же, рассматриваемая как пейзаж, она уступает им в богатстве, великолепии и разнообразии. Что касается римских древностей, то разница, или, скорее, контраст, еще больше. Остатки

Тускулума более значительны, чем все, что можно увидеть в окрестностях Флоренции, и они составляют лишь малую часть предметов подобного рода во Фрескати, который, опять же, беден по сравнению с Тиволи, Палестриной или Альбано. Даже их хваленые этрусские стены ни в коем случае не обладают той необычностью или характером древности, которые мы находим в стенах Лация. Внешний вид современного города, хотя, несомненно, и очень красив, тускнеет перед великолепием Рима; и когда вы смотрите на побелку и мачиньо церквей, вы не должны вспоминать о солидности внешнего вида и великолепной демонстрации мрамора, живописи и позолоты, которые украшают церкви древней столицы Европы. Ничто не имеет такого значения, кроме коллекций Общественной галереи и дворца Питти. Одно из очарований Рима, по-видимому, состоит в том, что он обладает своеобразным выражением, начиная с самых больших иважных деталей и заканчивая самыми незначительными деталями. Там все поразительно и характерно. Пустынная Кампанья; обширная необитаемая территория внутри ее стен; и даже крупные светло-серые быки, чьи рога могли бы почти сравниться с рогами абиссинского крупного рогатого скота, - все это способствует общему эффекту; и, несмотря на окружающую пустыню, вероятно, нет в мире города, который представляет такое большое разнообразие живописных пейзажей в непосредственной близости от него, как Рим; и потом, каждое место принадлежит истории, и к удивительной и интересной истории, с которой мы все знакомы. Мы никогда так сильно не ощущаем ценность Рима, как возвращаясь к тому, чем восхищались раньше.

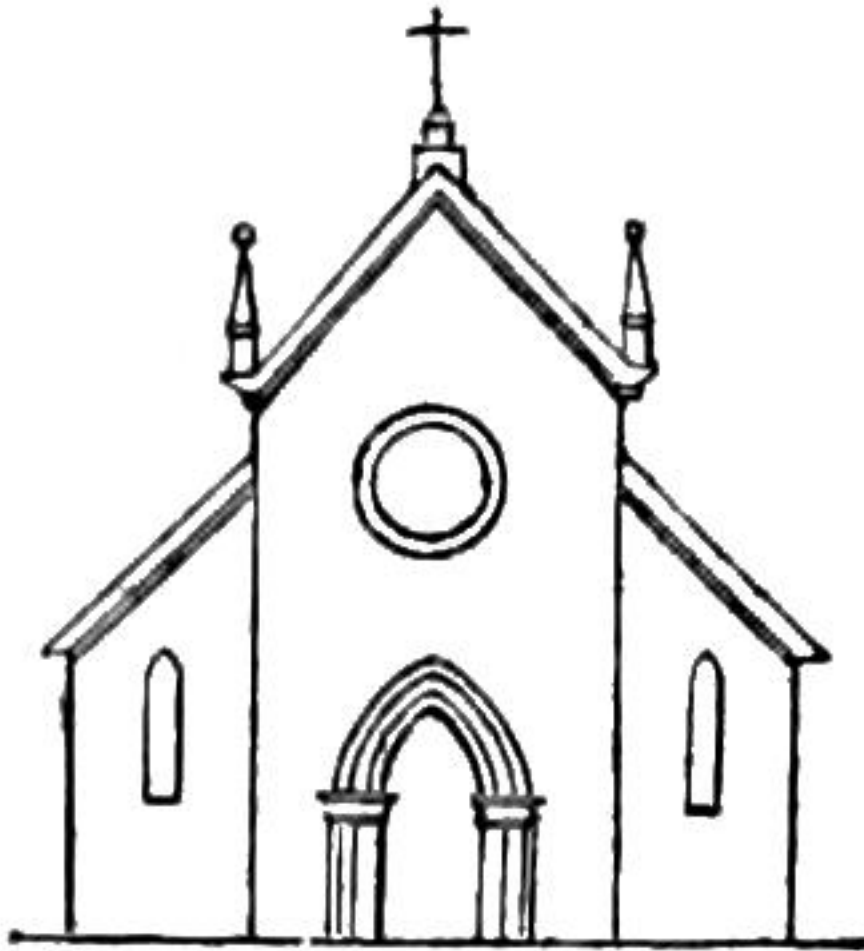
Я покинул Флоренцию около трех часов пополудни во вторник и отправился в веттуре в "Маскере" - бедную маленькую гостиницу примерно в восемнадцати милях отсюда; там мы переночевали, но на следующий день я позволил своим спутникам отправиться дальше без меня, намереваясь последовать за ними пешком. Дождливое утро задержало меня на некоторое время, и когда, наконец, я отправился в путь, облака все еще низко нависали над горами. Я оделся как можно легче и почувствовал, что мне довольно холодно. Прогулка, однако, была восхитительной. Пейзажи повсюду были прекрасными, но настолько одинаковыми, что не соблазняли карандаш; возделанные долины, пологие холмы и лесистые горы сменяли друг друга. Самая высокая точка перевала называется Фиута; она имеет репутацию всегда ветреной, и когда я пересек ее, полностью сохранила свою славу. Меня очень позабавили фигуры, проходившие мимо меня, плотно закутанные в плащи, в шляпах, крепко нахлобученных на головы, и съезжившиеся от порывов ветра. Северная сторона более дикая, чем южная. Здесь меньше леса, больше камней и одна или две замечательные скалы. Однако это неровные скалы, в которых нет ничего от прочности альпийских массивов. Далее находятся значительные утесы, которые остаются обнаженными и отвесными из-за действия воды на дне. Они оказывают на сознание совершенно иное воздействие, чем пропасти Альп, чья твердость, кажется, бросает вызов растительности. Я свернул с дороги, не доезжая до Пьетра Мала, чтобы увидеть то, что называется Вулканом. Меня направили на участок неровной земли небольшой протяженности, но, хотя часто я находился в радиусе ста ярдов от этого места, проходило немало времени, прежде чем я обнаруживал пламя, прикладывая тем временем руку к каждой трещинке в почве, пытаюсь почувствовать тепло, и время от времени воображая, что ощущаю сернистый запах; наконец, однако, мне это удалось, и, конечно, было очень любопытно увидеть, как часть поля горит без какой-либо видимой причины. Пламя вырывалось из пространства длиной двадцать два фута и шириной пять футов, и следы его действия были примерно в четыре раза больше этого пространства. Зимой и в сырую погоду это всегда имеет большее значение, чем летом. В ярде от пламени росло растение, а примерно в двух ярдах - кукуруза, которая,

очевидно, созрела от их тепла дальше, чем на остальном поле. Не было видно ни дыма, ни малейшего запаха серы, кроме запаха чистого угля в камине; сажа не оседала, но на некоторых камнях, подвергшихся воздействию пламени, наблюдался легкий белый налет. Почва вокруг него, по-видимому, состояла из глины, смешанной с обломками известняка, и пламя вырывалось из этих обломков или, возможно, частично из камней той же природы *in situ*, но я думаю, что все это были отдельные куски. Скалы на небольшом расстоянии, по-видимому, тоже были сложены из известняка, но в некоторых небольших ручьях, которые пересекала дорога, скала имела скорее вид песка. По соседству также есть несколько черных зазубренных утесов.

Отсюда я прошел через Пьетра-Мала и направился к кипящему источнику, который заслуживал своего названия еще меньше, чем вулкан, потому что там не было воды. Его местоположение было отмечено небольшим пятном голой земли, не более трех ярдов в диаметре, посреди луга; а в середине его находится небольшая впадина в форме блюдца, около трех футов в диаметре, в которой земля сохранила немного влаги. При поднесении свечи к краям этого блюдца они загорелись, что свидетельствовало о том, что из этого места выходил пар, но я не ощущал запаха ни до, ни после поднесения пламени. Мой проводник, кстати, наполнил несколько бутылок водой из ручья, чтобы наполнить их газом из источника, но полное отсутствие воды разочаровало его. Такие бутылки с воздухом хранятся закупоренными хозяевами гостиницы, которые, когда хотят продемонстрировать эффект незнакомцам, подносят ко рту огонек, одновременно наливая в бутылку воду. Я переночевал в Скарика-л'Азино и вернулся в свои старые апартаменты в Болонье, но спальню, которой я пользовался раньше, занимал римский маркиз, которому, как я понял, Святой Престол поручил исправить некоторые злоупотребления при сборе налогов. Поэтому ко мне был приставлен другой, в пределах досягаемости хозяина и хозяйки, которые сказали мне, что я найду двери всегда открытыми и смогу проходить через них, когда захочу, не причиняя никаких неудобств. Римский джентльмен и еще один, юрист из Анконы, всегда присутствовали на званом обеде, и вместо того, чтобы переодеваться к обеду, как в Англии, мы всегда раздевались, снимая сюртук, который использовался для прогулок по городу, и обычно жилет и шейный платок, и надевая нанковую куртку. Обед - это не корпоративный прием пищи, то есть не тот, на котором люди демонстрируют своим друзьям роскошь, которую они могут им предоставить, но он ни в коем случае не является ужином в одиночестве, и здесь, помимо проживающих в доме семерых человек, обычно присутствовал кто-нибудь из друзей.

О Болонье я уже сказал все, что пришло мне в голову. Я покинул ее 19-го и отправился в Модену, где вряд ли нашел столько интересного, сколько ожидал. Там есть большой герцогский дворец и готический собор, который нельзя назвать красивым. Внутри нижние арки кажутся круглыми, а большинство верхних заостренными: над входом есть колесо, или окно из бархатцев, где лучи образованы маленькими колоннами и заканчиваются стрельчатыми арками. Хор находится на возвышении, а в подполе под ним мы находим целый лес маленьких стволов, некоторые из которых опираются на фигурки животных. Передние колонны у дверных проемов, как западного, так и южного входа, опираются на животных. Основной фасад состоит из более высокого фронтона посередине и покатой крыши с каждой стороны, средняя часть которой занимает примерно половину всей площади, и в верхней части у нее есть уже упомянутое большое колесное окно.

Иногда в общем дизайне фасада в стиле итальянской готики присутствует простота и хорошие пропорции, что очень приятно;

и в некоторых случаях расположение более мелких деталей хорошо продумано. Я бы не рекомендовал копировать их полностью, но они дают полезные советы по дизайну. Большинство из них незакончены, и благодаря этому, по крайней мере, мы не портим здание плохими деталями. Обычный орнамент состоит из рядов маленьких арок под карнизами. В Реджо есть готический собор, но он был почти полностью модернизирован и вряд ли заслуживает внимания. Мадонна ди Консолационе - очень красивая современная церковь. Форма представляет собой греческий крест с плечами, глубина которых равна ширине, и добавлен полукруг, образующий хор. В Парме есть собор, построенный в одиннадцатом веке и освященный в 1105 году; не готический, поскольку в оригинальной работе нет стрельчатых арок. Своды нефа имеют эллиптическую форму - обстоятельство, с которым я не помню, чтобы встречался где-либо еще в зданиях той эпохи. Все здание выкрашено в темный цвет; своды нефа выполнены Джироламо Маццолой, а стены - Лактанциусом Гамбарой. Купол на перекрестке украшен одним из самых знаменитых произведений Корреджо, и я готов поверить, что он очень красив; но он освещен рядом маленьких окон прямо под картиной, которые не позволяют хорошо рассмотреть его; он также пострадал от сырости. Хоры находятся на возвышении, а под ними находится часовня с колоннами, более значительная, чем в Модене, и представляющая собой очень живописный эффект. Фасад здесь образует один большой фронтон, обильно украшенный горизонтальными и наклонными рядами небольших арок и крошечными декоративными арками под наклонным карнизом, подобными тем, которые я

ранее описывал вам в Милане и Вероне. У него нет выступающей части, и я предпочитаю разделение на три части. Стержни дверного проема, как обычно, опираются на животных. У этого фасада нет круглого окна.

Рядом с собором находится Баптистерий, высокое восьмиугольное здание, возведенное около 1196 года архитектором по имени Антельми, или Антелами. Снаружи вход образован большой аркой с тремя стволами с каждой стороны, как в готических зданиях, и четырьмя колоннадами, расположенными одна над другой, с небольшими стволами над ней, с широкой и почти ровной полосой между ними. Верхний, пятый ряд, имеет еще меньшие шахты, расположенные ближе друг к другу, и заостренные арки; вероятно, это дополнение к первоначальному проекту; но поскольку здание определено не было достроено до 1260 года, возможно, оно никогда не было достроено каким-либо другим способом. Углы закруглены, или, скорее, они усечены, и заменены двумя плоскими поверхностями, а на вершине завершены башенками, но их верхняя часть не ровесница остальной части здания. Внутренняя сторона шестнадцатигранная.

В церкви Святого Иоанна Богослова есть еще один купол, прекрасно расписанный Кореджио, и этот, хотя и вызывает аналогичные возражения по способу освещения, все же более понятен, чем тот, что в соборе, из-за меньшего количества и большего размера фигур. Церковь немного в стиле Брунеллески. Затем я пошел к Стеккате, которая, как говорят, является работой Браманте. Некоторые части "трибуны" были написаны Пармеджано, но не полностью, поскольку, получив значительную часть оговоренных денег и действуя не так быстро, как ожидали монахи, они заключили его в тюрьму, чтобы заставить выполнить свой контракт, чем он пришел в такую ярость, что испортил большую часть того, что выполнил, и покинул заведение. Церковь представляет собой греческий крест с очень короткими рукоятками и полукруглым концом каждой. Он выкрашен в очень темные тона; внутренние пропорции прекрасны, и в его мрачном облике есть что-то от приятной торжественности. Снаружи центральный купол опирается на барабан, украшенный небольшими колоннами и арками, что производит хороший эффект, но в остальном не стоит критики.

В академии в Парме есть очень прекрасная коллекция картин; некоторые из них побывали в Париже, но я полагаю, что все они были возвращены в Парму, на которую она имела какие-либо права. Среди них - изысканная картина Кореджио "Святой Иероним", которую вы, должно быть, видели в Лувре, и несколько других замечательных картин этого художника, но ничего такого, что могло бы сравниться с этой. Здесь также много прекрасных постановок ломбардской и болоньезской школ. Здесь также находится интересный музей антиквариата, состоящий в основном из предметов, найденных в Веллее, городе, разрушенном обрушением горы примерно в конце четвертого века; и публичная библиотека, содержащая восемьдесят тысяч томов; высота витрин около пятнадцати футов, а подвижных ступенек целых девять, но библиотекарь заверил меня, что такое расположение не было сочтено неудобным. Все это находится в огромном дворце, предназначенном герцогами Пармскими для своей резиденции, но, конечно, не в масштабах, соответствующих размаху их владений. Возведено только около половины проекта, и большая его часть еще не закончена, однако, помимо уже упомянутых заведений, в нем находится большой театр длиной 300 футов, который на самом деле не является ни красивым, ни удобным, но очень примечателен отчетливостью, с которой слышен даже низкий голос на сцене через каждую часть; он весь деревянный, и все доски расположены вертикально, что не согласуется с планом, обычно принятым для распространения звука на расстоянии. Есть также еще один театр поменьше, и я не знаю, что

еще, и все это на втором этаже. Я решил не утомлять вас рассказами о картинах, иначе у меня возникло бы искушение рассказать еще немного о тех, которые составляют главную гордость этого города. Язык здесь представляет собой смесь миланского, болоньезного и венецианского. *“Посмотрите на столешницу”*, - сказал мне мальчик, который хотел подзаработать, показав мне баптистерий, в котором я, конечно, не нуждался в его руководстве. Вы должны произносить буквы так, как если бы читали по-английски. Полицейский, который забрал мой паспорт у выхода, был поражен его длиной: *“паспорт татта квеста”*, и, чтобы избавить себя от необходимости читать его, поинтересовался, *“являюсь ли я ”гражданином“, а когда я удовлетворил его по этому пункту, попросил что-нибудь купить ”просдран*

Из Пармы я направился в Мантую. В этой части Италии виноградные лозы часто растут на вязах, но вязы маленькие и сплошь поллардовые. Индийская кукуруза только-только показывала свои шелковистые волокна, но все сорта зерна, которые есть у вас в Англии, были убраны. Мы пересекли По на пароме; вода была мутной, как, по-моему, это всегда бывает; берега - супесчаные, и вода постоянно разъедает землю с одной стороны и откладывает ил с другой. Говорят, что эти изменения русла приводят к частым судебным разбирательствам. Я не могу ничего сказать о приятности дороги, которая пролегла полностью по мертвой равнине, но по плодородной и высоко возделанной местности. Мантуя расположена очень низко, посреди вод, и укрепления ее не имеют того вида, которого можно было бы ожидать от их военной репутации; но я полагаю, что эта низменность и отсутствие внешнего вида являются одним из источников ее силы. По дороге я наблюдал, как группы женщин наматывали шелк из большого котла, где вода почти кипела благодаря разведенному под ней огню.

Поскольку во времена своего наивысшего расцвета Джулио Романо был назначен арбитром всего, что было возведено в Мантуе, я ожидал найти некоторую степень единообразия стиля в его зданиях, но, напротив, это, я думаю, самый причудливый и капризный по своей архитектуре город Италии. Собор был готическим зданием из кирпича, и один или два фрагмента старого здания сохранились в очень живописном стиле. Боковые часовни образуют ряд чрезвычайно острых фронтонов, или, возможно, мне следовало бы сказать фронтонов, поскольку горизонтальный карниз продолжается поперек них, в то время как на рейке имеется лишь небольшая лепнина, которую карнизом назвать нельзя, и трудно дать им подходящее название; ниже расположены два стрельчатых окна и башенки между часовнями, возвышающиеся на чем-то вроде контрфорса. Я не претендую на определение даты. Он был изменен или, скорее, перестроен Джулио Романо; внутренняя отделка выполнена по его эскизам, но с некоторыми более современными изменениями. В том виде, в каком он стоит сейчас, его можно было бы счесть плохой имитацией Санта-Мария Маджоре в Риме, но с двойным рядом боковых нефов. Колонны стоят очень широко друг от друга. Джулио Романо любил создавать видимость прямоугольности в своих основных подразделениях, как я уже отмечал вам при описании некоторых его работ. Верхний этаж представляет собой верхний порядок пилястр, который, как обычно в церквях такого типа, слишком велик по сравнению с нижним. Над каждой межколонной нет окна, но они чередуются с нишами. Первый проход с каждой стороны арочный; второй имеет плоское покрытие. Церковь представляет собой крест с небольшим куполом на пересечении; он слишком высок по сравнению с ее шириной.

Говорят, что дворец Тэ получил свое название, но ошибочно, из-за своего плана местности, представляющего форму, подобную букве. Это также относится к архитектуре Джулио Романо. Промежутки между колоннами или пилястрами почти такие же широкие, как и высокие. Во

внутренней архитектуре мало чем можно восхищаться, но здесь много прекрасной живописи этого художника и его учеников.

В Мантуе есть две церкви, построенные по проекту Л. Б. Альберти. Первая, о которой я упомяну, - церковь Святого Себастьяна. Спереди, на уровне земли, находится аркада из пяти арок с пилястрами между ними, очень маленькая по сравнению с большой квадратной массой наверху. Антаблемент, завершающий здание под фронтоном, прорезан небольшой аркой, в которой находится окно, а под ним *находится* фреска Андреа Мантеньи. Внутренне помещение имеет форму греческого креста с небольшими углублениями, одно из которых заполнено галереей, опирающейся на колонны и арки, очень хорошо выполненной; но детали не очень хороши, и все побелено. Другая, гораздо более красивая церковь - церковь Сант-Андреа, которая по праву может считаться одной из самых красивых в Италии. Дверной проем украшен имитацией листы пилястры на Вилле Медичи в Риме, о которой я вам уже упоминал, и он хорошо нарисован и хорошо выполнен, за исключением того, что ваза внизу заменена красивой группой листьев аканта, которая присутствует в оригинале. Внутри неф опирается на пилястры, которые расположены попеременно примерно в трех с половиной и семи диаметрах друг от друга, причем самые большие пространства представляют собой арочные часовни. Все пилястры обшиты панелями и украшены расписными орнаментами, в которых слишком много контрастных цветов. Свод не нарушен и имеет правильные квадратные панели. Основной свет исходит от барабана купола, но есть также полукруглые окна на концах боковых приделов и небольшие круглые окна над более узкими межпластинками, которые лучше было бы опустить. Строительство этого здания было начато в 1470 году, но полностью завершено только в 1782 году, так что в первоначальный проект, возможно, были внесены значительные изменения. Его длина составляет около 340 футов, а неф - около 60 футов в ширину и 90 в высоту.

Через приток Минчо, пересекающий город, есть мост, на котором Джулио Романо возвел открытую галерею для рыбного рынка. Над арками находится низкий этаж, разделенный на почти квадратные отсеки, в каждом из которых есть окно. Дизайн хорош, как и у общественной бойни, также построенной над рекой, и которая еще более проста, поскольку над арками нет карниза, а над ними нет лепнины или панелей, за исключением карниза, венчающего здание.

Мантуя, как вы знаете, в значительной степени окружена озером, образовавшимся в результате перекрытия вод Минчо. Это озеро пересекают два длинных моста, или, возможно, я бы предпочел назвать их дамбами, которые в некоторых местах прорезаны арками, чтобы выпускать лишнюю воду. В конце верхнего моста находятся ворота, приписываемые Джулио Романо, которые действительно представляют собой красивую композицию, но описать их было бы сложно. Также выставлено жилище этого художника-архитектора. Он был очень причудлив в композиции, и никто не видит смысла в том способе, в котором ему это удалось.

Мантую в целом нельзя назвать ни прекрасным городом, ни расположенным в приятном месте. Лучшая часть - Пьяцца Виргилиана, которая представляет собой большую площадь, окруженную деревьями и открытую с одной стороны к озеру и далеким Альпам.

Из Мантуи я спустился на пассажирской лодке в Феррару, но ни на Минчо, ни на По нет великолепных речных пейзажей. Мы добрались до Понте-ди-Лаго-Скуро только в начале десятого, и наглый подчиненный на таможне сказал нам, что мы можем отнести наши вещи обратно на судно, поскольку этой ночью ничего не будет пропущено, и нам самим не разрешат продолжить путь. Однако, подождав немного, появился настоятель, и все наши дела были

улажены без дальнейших затруднений, но услышанные нами рассказы о банде разбойников, которые небольшими отрядами бродили по стране, побудили нас смириться с очень плохими условиями в Понте ди Лаго Скуро, вместо того чтобы сразу отправиться в Феррару. Было несколько обстоятельств, которые убедили меня в том, что эти истории были чрезмерно преувеличены, но самым благоразумным было остаться. Мосты через реку По, от одного из которых это место получило часть своего названия, имеют меньше прав на это название, чем любой другой, который я когда-либо видел. Вереница из восьми или десяти лодок получается путем скрепления их вместе длинными канатами; верхняя пришвартовывается посреди реки, а паром прикрепляется к нижней и с помощью большого руля, на который течение действует по диагонали, перебрасывается с одного берега на другой. На следующее утро мы добрались до Феррары в половине девятого, и я провел весь день, разглядывая архитектуру и живопись города. Я уже упоминал Кафедральный собор в одном из предыдущих писем, но поскольку сейчас я рассматривал его на досуге, я расскажу вам о нем подробнее. Он был освящен в 1135 году, и от этой древней части до сих пор сохранились фасад и большая часть боковых сторон. Однако внутри вся более ранняя работа разрушена или замаскирована. Полукруглый конец хора был возведен в 1499 году. Для древней скульптуры у нас есть имя некоего Николауса:

“Скульптор Никлао

“Я люблю тебя”.

но у нас нет имени архитектора, спроектировавшего фасад; этим *Глиемо* был Гульельмо дельи Аделарди, дворянин, на чьи средства была построена церковь. Говорят, что архитектором круглой части был Феррарезе по имени Бьяджо Розетте, один из первых реставраторов итальянской архитектуры, который умер в 1516 году, но я не знаю, в каком возрасте, и я не могу найти его имя в Милиции. Остальная часть за трансептом была модернизирована в 1637 году, а остальная часть церкви - между 1712 и 1735 годами. Фасад разделен на три равные части, каждая из которых увенчана фронтоном и украшена горизонтальными рядами остроконечных арок, а меньшие арки, также заостренные, расположены под перекладиной фронтона. В каждом фронтоне есть небольшое колесное окно. Крыльцо имеет полукруглую арку, опирающуюся на колонны. Что бы ни говорили о рядах арок, опирающихся на колонны, эти одиночные арки, всего с одной тонкой колонной с каждой стороны, должны быть отвергнуты в любом архитектурном стиле. Небольшая башенка, опирающаяся на квадратное основание, опущенное до земли и увенчанное остроконечием, разделяет фронтоны, и аналогичный орнамент, по-видимому, был применен на крайних углах фасада, но верхняя их часть была разрушена. Бока украшены не заостренными, а полукруглыми арками. , однако, над верхним рядом есть орнамент, изображающий перевернутую арку, но, возможно, это было дополнение. Это несоответствие между боковой и лицевой сторонами заставляет подозревать, что они не совсем одного и того же времени, и боковая сторона, вероятно, самая старая, поскольку архитектура соответствует архитектуре других зданий в Италии одиннадцатого века и начала двенадцатого; я бы предположил, что передняя часть находится после посвящения. Внутри есть несколько хороших картин, но ничего изысканного в архитектуре, и в церквях и дворцах города есть много прекрасных картин, но ничего первоклассного. Лучшие - в основном работы Гверчино и Гарофало. Общий стиль архитектуры намного превосходит то, что я недавно видел к северу от По. Город не может похвастаться ни одним примечательным зданием, как и ни одной из очень прекрасных картин, но дворцы излучают солидность и великолепие. На прямых улицах в новых частях города не хватает домов, и здесь слишком много следов упадка; тем не менее,

когда в 1784 году производился подсчет, в Ферраре и ее пригородах проживало 31 253 человека, что намного больше, чем можно предположить по нынешним данным. Поскольку он, по-видимому, не обладает преимуществами положения ни для торговли, ни для жилья, мы можем удивляться, что в нем проживает так много людей, но во времена его славы, в тринадцатом веке, при семье Эсте, сначала в качестве главных магистратов, а затем в качестве наследственных губернаторов, либо действующих независимо, либо находящихся во владении папы римского, в Ферраре, по подсчетам, проживало более чем в два раза больше людей. Его величайшая известность проистекает из связи с именами Ариосто и Тассо, воздавших должное двусмысленному покровительству дома Эсте. Жилище Ариосто до сих пор показывают; оно было построено им самим. Жаль, что у него не было архитектора получше. В нем сохранились его кресло и чернильница, а также часть оригинальной рукописи "Орlando".

В Ферраре есть церковь, известная своим эхом. Неф, по-видимому, был задуман как представляющий серию куполов, как на самом деле делают боковые проходы в меньшем масштабе, но в его нынешнем состоянии, в том месте, где квадрат превращается в круг, вместо купола появляется плоский потолок. Стоя под любым из них, малейший шаг ноги повторяется великое множество раз, но так быстро, что трудно сосчитать отзвуки. Я насчитал шестнадцать, но результатом является скорее непрерывный грохот, чем последовательность отчетливых звуков. Из Феррары я вернулся на свою старую квартиру в Болонье и провел несколько дней, пытаюсь с помощью Меццофантиразобраться в конструкции новогреческого языка; после чего я отправился на обратное пути через Анкону и Лорето в Рим.

Я покинул Болонью в полночь 2 августа. Моими спутниками были итальянский джентльмен и его дама, жители Урбино, которые возвращались домой после посещения Флоренции. Они жаловались, что ни слова не понимают по-болонски. Мы добрались до Имолы около шести утра, где пробыли около часа, и я посетил собор, но мне нечего вам о нем рассказать. Следующим местом нашей остановки была Фаэнца, которая дала французское название фаянсу. Площадь здесь окружена арками на колоннах, а над ней широкая колоннада, поддерживающая небольшую крышу. Верхние колонны стоят на отдельно стоящих пьедесталах с балюстрадами между ними; непрерывный пьедестал был бы лучше, но такое расположение вокруг большого проема создает архитектурный эффект. Неф церкви разделен на квадраты, и в каждой большой арке есть две арки поменьше, ведущие в боковые проходы. Это изменение дизайна никогда не увенчается успехом. Я расстался со своими спутниками в Фаэнце, откуда *седиола*, что-то вроде одноконного кресла, доставила меня в Равенну.

Мой водитель позабавил меня историей о Рафаэле. Этот художник, согласно рассказу, остановился на пять или шесть дней где-то в гостинице и ни за что не заплатил, так как денег у него действительно не было, а счет становился довольно высоким, хозяин встревожился и потребовал оплаты. Рафаэль потребовал счет и, получив его, нарисовал на столе необходимое количество блесток и еще что-то поверх них. Затем он позвал хозяина гостиницы и, встретив его в дверях, указал на стол, сказав: "Вот ваш счет", - и прошел дальше. Хозяин, увидев, как он думал, золото и не сомневаясь, что ему щедро заплатили, проводил своего гостя до ворот гостиницы и, увидев, как он уходит, вернулся, чтобы взять свои деньги, но был очень удивлен, попытавшись высыпать их себе в руку, обнаружив, что ничего не сдвинулось; он повторил это действие с тем же успехом. Затем он позвал официантов и своих соседей, но, хотя все видели деньги, никто не мог ими завладеть. Наконец, мимо проходил англичанин (рассказывая эти истории англичанину, они никогда не упускают случая представить кого-нибудь из его

соотечественников), который сказал им, что это очень ценная картина, стоящая тысячу крон. Хозяин, однако, удовлетворился тем, что продал свой стол за сотню цехинов (около 50 фунтов). То, чем необразованный ум восхищается в картине, - это обман, и только об этом, и если Рафаэль был великим художником, он должен был, согласно их представлениям, обладать этой силой в высокой степени. Вы часто слышите его имя и имена других великих художников Италии из уст простых людей, но именно так они о них думают.

Вы хотите, чтобы я сказал что-нибудь о производстве и сельском хозяйстве, но вы обращаетесь к очень некомпетентному человеку, поскольку мое внимание слишком сильно направлено на другие вопросы, чтобы дать мне время углубиться в детали этих предметов. И все же, о первом, если я скажу немного, я мог бы сослаться на то, что здесь мало что можно сказать. Я действительно видел в Милане очень красивую ткань. Была устроена публичная выставка для получения премий; но эти массовые постановки, поощряемые правительством скорее для наглядности, чем для пользы, не являются критерием, по которому можно судить о продукции страны. Политические революции, которым в последнее время подверглась Италия, должны были оказать неблагоприятное влияние, а произвольная и меняющаяся система налогообложения должна была препятствовать использованию любого значительного капитала. Что касается сельского хозяйства, то оно, по-видимому, в целом развито, хотя, возможно, и не очень совершенное. Собственник находится в своего рода партнерстве с земледельцем, изыскивая необходимый капитал, в то время как последний находит рабочую силу, и крупные собственники обычно нанимают агента, который следит за тем, чтобы крестьянин выполнял свою часть сделки, не утаивая никакой прибыли. За исключением Кампаньи, даже римские государства, как правило, находятся в стадии возделывания, и на этом пути встречаются значительные трудности, хотя рассказы о мале арии могут быть преувеличены. Горы часто возделываются лучше, чем равнины, где склон не слишком крут, чтобы допустить это. В нашем климате, когда мы достигаем высоты в двенадцать-полторы тысячи футов, холод и сырость едва ли принесут какую-либо пользу земледельцу; но в Италии кукуруза хорошо созревает на высотах от трех до четырех тысяч футов, а лиственные деревья процветают. Это придает итальянским горным пейзажам характер, чрезвычайно отличный от характера нашей собственной страны. Здесь нет унылых вересковых пустошей, обширных топей и даже вересковых пустошей. Песчаные берега, крутые, осыпающиеся берега из глины или песка и почва из голых камней неизбежно заброшены, но в других местах земля используется и в целом кажется плодородной. Этот год выдался на редкость засушливым, и говорят, что из-за этого пострадали посевы индийской кукурузы. Урожай пшеницы был хорошим, а винограда - очень обильным; рынок в Болонье изобиловал фруктами. Персики были в огромном изобилии; больше, чем вы увидите яблок и груш на любом лондонском рынке. Лучшие были проданы мне, как незнакомому человеку, по три баоца за фунт, в них было около четырех полноразмерных персиков. Инжир - два баоца. Дынь также огромное количество. Хороший арбуз стоит четыре или пять баок; арбузы стоят дороже, потому что они крупнее. Груш много, но не очень хороших; яблок мало. Виноград только появляется; на самом деле он еще не созрел, но итальянцы отдают решительное предпочтение незрелым фруктам.

ПИСЬМО XL.

РАВЕННА.

Рим, август 1817 года.

В Равенне есть несколько церквей пятого и шестого веков - периода, архитектурные произведения которого очень редки. В начале пятого века этот город стал столицей западной империи, и поскольку он также был резиденцией правительства остготов, а затем экзархов, он, должно быть, переживал довольно длительный период сравнительного процветания, в то время как все остальное лежало в руинах. Однако у нас ни в коем случае нет длинного ряда дат в этих останках. Императрица Галла Плацидия, сестра Гонория и Аркадия, по-видимому, много построила между 425 и 450 годами своей смерти. Впоследствии Теодорих, правивший здесь с 492 по 526 год, украсил город лучшими зданиями, на которые было способно то время; и импульс, приданный архитектуре, по-видимому, продолжался около двадцати лет после его смерти. Вам действительно показали церковь Сан-Витторе, которая претендует на то, чтобы быть построенной в начале четвертого века, но то, что от нее осталось, даже если бы ее история была правдивой, - это простой сарай, лишенный каких-либо примет. Интервал, прошедший между первой и последней церквями этого периода, которые все еще остаются достаточно совершенными, не сопровождался каким-либо изменением стиля: в большинстве из них преобладала древняя базиликанская форма, состоящая из трех нефов, разделенных двумя рядами колонн, поддерживающих арки. Над арками находится высокая стена с узкими окнами, меньшими по количеству, чем арки внизу, и редко соответствующими им по расположению: крыша была деревянной и не скрывалась от посторонних глаз; а средний неф заканчивается полукруглой нишей, покрытой мозаикой, образующей апсиду. Они очень похожи на собор Святого Павла в Риме, но в уменьшенном масштабе и только с одним рядом колонн с каждой стороны, или, возможно, они скорее больше похожи на некоторые из небольших древних церквей этого города. Такова церковь Святого Духа, построенная, вероятно, в начале VI века, которая обязана своим названием преданию, согласно которому на этом месте одиннадцать непосредственных преемников святого Аполлинария, первого епископа Равенны, были избраны видимым действием Святого Духа, который сошел на них последовательного виде голубя. Колонны здесь сделаны из прекрасных материалов, но плохой работы. Однако я думаю, что не хуже, чем колонны времен Константина. Архитектура, по-видимому, потеряла больше за двадцать лет между Диоклесианом и Константином, чем за двести лет между последним императором и Теодорихом; но, возможно, я обнаружил бы, если бы у меня были средства для более тщательного исследования, что я был введен в заблуждение, приписывая самому раннему из этих трех периодов колонны и орнаменты, которые когда-то составляли часть какого-то более раннего здания. Если, однако, мы не замечаем в мастерстве изготовления каких-либо очень отчетливых признаков различия между изделиями четвертого и шестого веков, то мы замечаем это в дизайне декоративных частей; капители и лепнина в последнем случае гораздо более причудливы. Во времена Константина архитекторы, по-видимому, копировали античность, хотя и очень плохо. При Теодорихе они беспричинно отказались от него, и мы находим частые указания на причудливый стиль прописных букв, который впоследствии возобладал в готике. Однако в одном и том же здании каждая капитель одинакова или, по крайней мере, предназначена быть таковой. Блок, из которого пружинит арка, равномерно расположен над капителью; он имеет форму перевернутой усеченной

пирамиды, но не идеально правильной, поскольку обычно имеет больший наклон спереди и сзади, чем по бокам. В ранней саксонской архитектуре (я использую этот неправильный термин за неимением лучшего) над капителью иногда встречается блок для поддержки пружин арки, но он имеет форму утолщенных счетов и иногда имеет зубцы или лепнину, которые показывают, что это деградация всего антаблемента; в соборе Святого Марка, Венеции и Равенне это, очевидно, каменный блок, не имеющий никакого отношения к частям древнего ордера.

Расположение этой церкви, или, я могу сказать, этих церквей в целом, далеко не вызывает отвращения; они легкие и в какой-то степени элегантные; и они были бы гораздо более изящными, если бы детали были получше; и если бы им не повредили современные часовни и реставрации совсем другого вкуса. План привлекает внимание к главному алтарю и большой нише, украшенной мозаикой и позолотой, перед которой он стоит.

Самая ранняя сохранившаяся церковь этого стиля в Равенне, если верить Бельтрами (*Il forestiere instruito delle cose notabili della città di Ravenna*) - это церковь Санта-Агата Маджоре, строительство которой было завершено примерно в 417 году. Здесь снова представлены колонны из гранита и роскошного мрамора, с тем же общим дизайном и тем же способом отделки. Колонны имеют неодинаковую высоту, и опорные блоки также неодинаковы, но не настолько, чтобы свести подпружинивание арок к одному уровню. Действительно, даже эти блоки кажутся остатками более раннего здания. Высота нефа примерно равна его ширине, которая едва ли так велика, как должна быть. По-видимому, когда-то в Равенне была мода вводить монограммы в орнамент блоков над капителями. В этой церкви мы имеем самый ранний пример, а в Сан-Витале - самый последний, который был построен в 534 году. Какие имена они должны были увековечить, очень неясно, поскольку каждый автор на эту тему выдвигает свою собственную гипотезу. Следующее находится в Санта-Агате,

и Монфокон различает в нем слова "Тит Корнелий Непот" и "Жирардини, антиквар из Равенны, Петр Эпископус". Вы поймете, что надписи, которые могут быть истолкованы так по-разному, являются совершенными загадками, из которых ничего нельзя извлечь; но мне кажется, что оба этих ученых человека решительно неправы, поскольку монограмма содержит букву F, а не E. Кафедра этой церкви сделана из цельного куска мрамора и, по-видимому, была вырезана из одного барабана рифленой колонны диаметром около пяти с половиной футов. Предполагается, что это была какая-то декоративная или монументальная колонна, поскольку Равенна не может похвастаться ни одним древним сооружением, для которого требовалась бы колонна такого размера.

Сан-Джованни-делла-Сагра был построен в 425 году Галлой Плацидией во исполнение обета, который она дала, когда, будучи застигнутой бурей при возвращении из Константинополя, была спасена от кораблекрушения заступничеством святого Иоанна Богослова. После того, как он был построен, дама повсюду искала какую-нибудь реликвию святого-покровителя, но тщетно. Ее духовник, святой Барбазиано, предложил, чтобы они провели ночь в молитве в новой церкви, чтобы чудесным образом получить от Господа то, чего не смогли добиться человеческие средства. Ночью святой Иоанн явился в папском облачении, с кадилом в руке, воскуривая храм и алтарь; святой Барбазиано увидел его первым и, узнав в нем любимого ученика нашего Спасителя, указал на него императрице, которая с великой радостью бросилась перед ним на колени и обняла его ноги. Святой немедленно исчез, оставив после себя сандалию со своей правой ноги. Императрица, получив таким образом желанную реликвию, поместила ее где-то в церкви, но точное место неизвестно. История представлена в скульптуре над главным входом, и поскольку этот дверной проем является произведением остроконечной архитектуры тринадцатого века, мы можем получить приблизительную датировку легенды. Однако я восхищаюсь скромностью, с которой он воздержался от предъявления священной реликвии. Сама церковь была обычной формы, с мраморными колоннами и большой нишей, украшенной мозаикой; но мозаика исчезла, а неф был значительно модернизирован.

Сан-Франческо - еще одна церковь с таким же расположением, которая подверглась аналогичному обращению; похоже, это тоже относится ко временам Галлы Плацидии. Сант-Аполлинаре-Нуово, который заслуживает первого места среди этих зданий за свои масштабы и украшения, является фундаментом Теодориха, но хоры сравнительно современные. По словам Бельтрами, в нем есть портик, который называется *Ardica*, слово, производное от греческого *αρθεξ*, но я не совсем понимаю, в чем именно заключается его особенность. Он образован с помощью сводчатых арок, опирающихся на колонны. Внутри эта церковь, кажется, была во всех отношениях более изысканно отделана, чем любая другая. Окон стало больше, и под ними сохранилась лепнина. Неф заканчивается большой орнаментированной аркой, а стены украшены мозаикой, некоторые главы в которой имеют большой характер. Одна из этих мозаик изображает фасад дворца Теодориха; три большие, но неравные арки в центре поддерживают фронтон, а ряд меньших и более низких арок простирается с каждой стороны. Все арки опираются на колонны, а между колоннами висят завесы. Это не имеет никакого сходства с сохранившимся фрагментом, о котором я еще расскажу, но, возможно, это была не часть фасада.

Последняя церковь в этом стиле на сегодняшний день, о которой я дам вам какой-либо отчет, - это церковь Святого Аполлинария в Класе, примерно в трех милях от Равенны. Классис, по-видимому, был стоянкой римского флота и образовал вместе с собственно Равенной и Кесарией

один большой город. Нам говорят, что он был украшен великолепными общественными зданиями многочисленными церквями. Однако сейчас ничего не сохранилось, кроме этой церкви с ее колокольней и нескольких зданий монастыря. Святой Аполлинарий был любимым учеником святого Петра. Он был апостолом и учителем народа Равенны, и церковь была построена на руинах храма Аполлона. Жаль, что это придает названию как бы двойной смысл и ставит под сомнение обе истории. Здание было возведено по приказу Юстиниана и освящено архиепископом Святым Максимианом в 549 году. Колонны, поддерживающие неф, сделаны из очень красивого греческого мрамора. Окна расположены парами, немногочисленными и маленькими; каждая пара видна снаружи в арочной нише, которых несколько как в верхнем этаже, так и в проходах ниже. Последние, вероятно, были соединены с портиком, который возвращался вдоль боковых сторон церкви, а также занимал фасад, но эти боковые части сейчас разрушены. Возвращаясь к интерьеру: колонны ценны только своими материалами: они плохо обработаны, а капители представляют собой очень грубую и неуклюжую имитацию капителей Композитного ордера. Высота нефа примерно на четверть больше ширины; и пропорции очень хорошие. Проходы очень широкие, и я считаю, что это способствует легкому и приятному внешнему виду здания. В нефе стены в основном побелены, но трибуна или апсида покрыты мозаикой, как и арка перед ней. Побелка нигде не является приятной отделкой, но такое ее расположение, по крайней мере, лучше, чем то, на которое я жаловался во флорентийских церквях. На трибуне изображено преображение Господне, которое, хотя само по себе и не обладает большими достоинствами ни в плане дизайна, ни в исполнении, тем не менее любопытно, как попытка того периода выразить исторический факт, а не просто вертикальные незанятые фигуры святых, обычно изображаемые на этих мозаиках. Действительно, Равенна - прекрасное место для изучения архитектуры и живописи этих двух столетий, но я сомневаюсь, что здесь можно увидеть какую-либо скульптуру. Сан-Аполлинаре богат саркофагами и мраморными скульптурами с надписями, но я позволил себе побыть там слишком короткое время. На самом деле, покидая город, представляющий большой интерес, мне почти всегда приходится сокрушаться о том, что я проехал через него слишком поспешно.

Теперь я перейду к некоторым другим религиозным сооружениям, в которых это общее расположение не соблюдалось. Баптистерий представляет собой восьмиугольное здание, почти покрытое мозаикой, а также содержащее несколько лепных барельефов, возможно, другого времени. В нем есть несколько маленьких колонн павонацетто, биджио антико и мармо греко, взятых из древних зданий. Снаружи над дверью есть небольшое квадратное отверстие, которое также имеет квадратную форму; а выше каждая грань представляет собой два двуглавых окна. Предполагается, что датой постройки является дата древнего собора, ныне разрушенного, то есть конец четвертого века: мозаика приписывается архиепископу Неону, жившему примерно в 430 году. Он покрывает купол, а также большую часть стен. На первом изображено крещение нашего Спасителя в Иордане святым Иоанном, и бог реки, по-видимому, также введен в композицию. Как обычно в древних баптистериях, первоначально здесь готовились к крещению погружением, но, как и большинство других зданий в Равенне, его засыпали на два-три фута, чтобы он находился над водой, которой полна почва. На первый взгляд кажется, что удаление моря от Равенны должно было сделать почву более сухой, но небольшое размышление убедит нас, что должно быть наоборот, поскольку море остается на том же уровне, воде предстоит пройти еще больше, прежде чем она сможет излиться, а для того, чтобы вода таким образом просочилась сквозь землю, необходим значительный наклон.

Церковь Санта-Мария-ин-Космедим, или, по крайней мере, ее древняя часть, тоже была баптистерием. Оно было использовано арианами, между которыми и католиками, или, скорее, афанасианами, не было ничего общего. Нижняя часть купола была модернизирована, но мозаика сохранилась. На нем также изображено крещение нашего Спасителя с правой рукой крестителя на его голове, как бы мягко погружающей его в воду. Эта и другие мозаики в Равенне были опубликованы Кампини, *ветеринаром. Моним.*

Церковь Сан-Витале - еще одно восьмиугольное здание, которым можно было похвастаться в свое время. Он был начат Юлианом Аргентарием совместно со святым Экклезионом, жившим около 534 года, и освящен святым Максимианом, жившим в середине шестого века. Восемь опор поддерживают столько же арок; между опорами расположены полукруглые углубления в два этажа, каждый этаж имеет две колонны, между которыми и основными опорами расположены три арки. Пространства между этими колоннами в нижней части выходят в боковые проходы, в верхней - в галерею. Над главными арками здание становится круглым и заканчивается куполом, который для придания легкости сооружен из пустых глиняных горшков. Я уже упоминал о некоторых примерах такого рода работы в Риме; в Равенне есть и другие примеры, но этот самый совершенный и самый интересный. Горшки бывают двух видов: те, что образуют купол, маленькие и закрученные; и, начиная горизонтально, кончик одного из них вставляется в горловину предыдущего по непрерывной спирали. Остальные, которые частично заполняют шпандрилы, крупнее, закручены только на острие и расположены вертикально. Форма нижней части здания и, следовательно, общий контур здания кажутся неправильными; и древний вход напротив ниши для алтаря, который был закрыт при возведении пристроенного монастыря, в настоящее время невыгодно открыт с одной стороны. Здание богато, но неравномерно украшено мрамором и исторической мозаикой, а также содержит несколько древних барельефов и надписей. На самозванных блоках высечено несколько монограмм, поиск значения которых долгое время был развлечением антикваров Равенны. Однако большинство из них до сих пор остаются без даже вероятного объяснения. Нижние колонны семи полукруглых ниш сделаны из греческого мрамора и очень хорошо обработаны, за исключением двух или трех; все верхние выполнены плохо. Мы можем быть уверены, что те, которые имеют хорошую форму, были взяты из старых зданий, но не совсем уверены, что все некачественные были созданы изначально для этого. Эффект этой причудливой архитектуры очень поразителен. Архитектор создал много прекрасного, совершенно выходящего за рамки всех обычных правил; возможно, не так много, как если бы он использовал свой вкус и таланты в более правильном стиле, но все же в достаточной степени, чтобы сделать свою работу объектом, заслуживающим изучения будущих архитекторов, чего не могло бы быть в более красивом здании. Необычность часто заслуживает изучения, хотя она ни в коем случае не заслуживает подражания.

Небольшая церковь в форме креста, посвященная св. Назарий и Цельс образуют гробницу Галлы Плацидии, которая построила ее при своей жизни. Он имеет около 40 футов в длину и 32 в поперечном сечении; рукава около 14 футов в ширину. Стены когда-то были облицованы мрамором; он исчез, но все своды до сих пор покрыты мозаичными фигурами и арабесками. С каждой стороны нефа в стену вделано по простому мраморному саркофагу; на каждом конце трансепта есть саркофаг побольше, украшенный скульптурой; но самый большой из всех, который стоит во главе креста и когда-то содержал кости самой императрицы, довольно простой, поскольку, как предполагается, первоначально был покрыт металлом. Говорят, что в задней части этого сундука было маленькое окошко, через которое в 1577 году какие-то дети

пронесли зажженную свечу, и таким образом сгорели одежда и тело императрицы; по этой причине сундук был закрыт; но я не смог разглядеть никаких следов его существования.

А.Б. Клейтон. рисунок. по эскизам Дж. Вудса.

Гробница Теодериха.

Гораздо более любопытной является гробница Теодориха, которая находится недалеко от Равенны. Здание десятиугольное внизу и круглое в верхней части: десятиугольник подвала несколько больше, чем у главного здания. Каждая грань имеет глубокое углубление, перекрытое полукруглой аркой, камни которой врезаны друг в друга. Этот подвал сейчас наполовину засыпан, и в нем стоит вода: наклонные ступеньки по обе стороны от пролета, обращенного к подъезду, ведут нас на верхний этаж. Он также имеет десять внешних сторон в нижней части, но внутри имеет круглую форму. Каждая сторона, за исключением той, на которой находится дверь, имеет два углубления с квадратной головкой, и каждое углубление расположено под аркой, опора которой не опускается до земли, а выступает с лицевой стороны изделия. Традиция гласит, что перед этими нишами и арками располагался ряд колонн, но я не смог различить определенных следов такого орнамента, а пространство для их размещения, возникающее из-за выступа цоколя за пределы верхней части здания, очень узкое для такой цели. Работа выглядит незаконченной, и я не сомневаюсь, что было либо выполнено, либо задумано нечто большее, чем то, что существует в настоящее время, но я не могу сформулировать ни малейшего предположения о том, что это было. Непосредственно над этими арками проходит широкая круглая полоса, над которой вся работа выполнена по кругу. Эта полоса прерывается сводчатыми камнями, образующими прямую арку над дверью, которые очень причудливо зазубрены друг на друга, и, тем не менее, между ними и карнизом и архитравом внизу есть небольшое отверстие, сделанное для того, чтобы последнему не угрожала опасность быть сломанным при оседании арки. Лепнина вокруг дверного проема

маленькая и запутанная. Над круглой полосой мы находим гладкую стену с несколькими неправильно расположенными маленькими окнами, а затем массивный карниз, действительно очень изящного вида, хорошо приспособленный для погребального сооружения; и эта солидность характера хорошо сохранена во всем здании, но ряд маленьких колонн, если он когда-либо существовал, должен был составлять особый контраст. Внутри это простая круглая комната с нишей напротив двери, по-видимому, предназначенной для алтаря, но нынешний алтарь современный. Самая замечательная часть здания - это крыша, о которой я намеренно избегал говорить до последнего. Это купол, внутренний диаметр которого равен тридцати,^[17] внешний тридцать пять с половиной^[18] Английские ножки, полностью сформированные из одного огромного камня; теперь трещина разделяет его на две очень неравные части, что приписывается удару молнии; а его форма и неправильность ясно указывают на то, что это произошло после поднятия камня, хотя, возможно, это произошло во время заселения массива в его новое положение. С внутренней стороны глубина выдолбленной части составляет десять футов, общая толщина исходного камня около четырнадцати футов, толщина по краям два фута девять дюймов. Я не поручусь за мельчайшую точность этих размеров, но ни один из них не может быть изменен более чем на два-три дюйма. Вес такого камня, даже при расчете шестнадцати кубических футов на тонну, должен значительно превышать двести тонн. Снаружи расположены двенадцать больших перфорированных выступов, которые, несомненно, служили множеством ручек для его поднятия и которые, возможно, благоприятствуют его общему виду. Некоторые названия на них навели на мысль, что они поддерживали статуи восьми апостолов и четырех евангелистов, но поскольку их верхняя поверхность неровная, вряд ли это могло быть так. Возможно, более вероятно, что эти названия были даны двигателям или, возможно, лебедкам, по одной на каждую рукоятку, использовавшимся для подъема этой огромной массы. На вершине есть небольшой выступ, который сейчас увенчан просто железным крестом; но, как говорят, первоначально это место занимал саркофаг, или порфиновая ванна, в настоящее время стоящая перед дворцом Теодориха. Камень, из которого сложены нижние части здания, представляет собой светлый известняк, представляющий собой нечто среднее между землистым и сланцевым, изобилующий окаменелостями. Более ранние авторы описывают крышу как гранитную, Бельтрами и более поздние говорят, что она того же качества, что и остальная часть здания; но если смотреть снизу, она имеет вид темно-серого песчаника, в отличие от стен как по зернистости, так и по цвету.

До сих пор сохранился фрагмент, который по традиции известен как дворец Теодориха. Он образует небольшой симметричный фасад, состоящий из трех частей; в центре есть арочные ворота в нижней части, а над ними большая ниша с тройным входом сзади. Стороны углублены и заканчиваются вверху четырьмя арками, каждая из которых опирается на три колонны, иони опираются на столько же карнизов. Капители представляют собой готическую имитацию коринфской, но в расположении мы можем проследить сходство со вкусом дворца Диоклесиана в Спалатро.

Один монастырь в Равенне был передан под публичную библиотеку и музей. Говорят, что в первом хранится пятьдесят тысяч томов. В музее есть несколько предметов естественной истории, несколько предметов старины, несколько слепков для академии и несколько картин. Если это звучит не очень великолепно, вы должны помнить, что заведение молодое и что Равенна больше не является процветающим городом. Вы можете сколько угодно ругать итальянцев, но можете ли вы показать мне какую-либо страну, где при аналогичных обстоятельствах процветания или упадка проявлялся такой же общественный дух? В Равенне

находится памятник тому, насколько этот общественный дух часто вырождался в партийный дух, который более близок, чем это приятно признавать, - могила Данте; несомненно, одного из величайших, смелых и оригинальных гениев современности, но который, изгнанный партией из своей родной Флоренции, использовал свои замечательные таланты для того, чтобы предать Аду и позору своих политических врагов и поместить в Рай или на пути туда всю свою собственную партию, какой бы морально предосудительной она ни была.

Я провел вас по Равенне, не сказав вам ни слова о соборе. Это было великолепное здание, возведенное в конце четвертого века, с двойными боковыми нефами, опирающееся на пятьдесят шесть колонн из различного мрамора; но все это в прошлом, и современное здание было возведено в 1734 году архиепископом Маффео Никколо Фарсетти за свой счет. Подобные случаи, когда отдельные лица вкладывают большие суммы в общественные здания, гораздо более распространены в Италии, чем где-либо еще; мы не смогли бы построить одно такое здание на их двадцать. Мне жаль, что архитектура не так достойна похвалы, как само действие. Здесь хранятся две очень красивые фрески Гвидо; другие церкви не богаты картинами, но в частных галереях есть несколько хороших.

Колокольня - это все, что осталось от старого здания, или, скорее, возможно, это была промежуточная постройка примерно одиннадцатого века. У него есть несколько точек сходства с баптистерием. Но вряд ли он заслуживает отдельного описания.

Шестого числа я выехал из Равенны в Римини; дорога лежит через Пинету, плоскую песчаную местность у берега, поросшую каменными соснами (*Pinus pinea*). Кусты, там, где они есть, такие низкие, что глаз смотрит поверх них, а листва сосен никогда не опускается достаточно низко, чтобы слиться с ними. Вследствие этого пейзажу не хватает разнообразия лиственного леса; тем не менее, он позволил бы провести несколько хороших исследований, а поскольку море, как говорят, образует несколько маленьких гаваней, они, вероятно, представляли бы собой домашние сцены значительной красоты. Этот лес простирается на двадцать пять миль от реки Ламон, одного из устьев По, до города Червия; его наибольшая ширина составляет три мили. Он почти полностью принадлежит обычным священнослужителям и ежегодно производит около двух тысяч *рубин* шишек (2034 четвертака) и приносит значительный доход.

Я позавтракал или пообедал, как вам будет угодно, в одиннадцать часов в Чезенатико, а затем продолжил свое путешествие в Римини. Мой проводник по дороге позабавил меня длинной историей о семье из нескольких братьев и одной сестры, которые бродили по Пинете в качестве грабителей; все братья были схвачены или убиты, и, наконец, была схвачена сестра и *кальцелата*. Я ломал голову, зачем ей выдавать туфли и может ли применяться какое-либо наказание с помощью железных тапочек или чего-то в этом роде; и только после того, как он повторил эти слова несколько раз, я обнаружил, что *calzelata* означает *carcerata*, и, кажется, здесь *r* обычно заменяется на *l*; в то время как по другую сторону Апеннин *l* часто заменяется на *r*.

В Римини есть мост, который относят ко временам Августа. Как вы можете себе представить, он хорошо построен, поскольку прослужил так долго, и, судя по солидной массе работ, почти не подвергался ремонту; но он некрасив, равно как и неправильно подобранные украшения и лепнина. Мой возница уверял меня, что это воздвиг дьявол, так как святой Юлиан пообещал ему в награду свою собственную душу; но святой был большим мошенником из них двоих и обманул своего противника, нарушив сделку. Здесь также есть триумфальная арка, фронтон которой, как

и фронтона Друза в Риме, едва выходит за пределы проема. Стоит отметить, что карниз не имеет короны. Я был склонен рассматривать исчезновение столь важного элемента как доказательство упадка римского искусства, но эта арка уверенно и повсеместно приписывается Августу, и Фабретти даже думает, что он доказал, что архитектором был Витрувий. Тем не менее надписи, на которых, как я полагаю, в основном основываются свидетельства о периоде его строительства, кажутся мне разрозненными фрагментами, не все из которых соответствуют тому положению, которое они занимают сейчас. Семь средних камней свода проходят через архитрав, а голова быка на камне прерывает его линию, и в деталях есть некоторые другие особенности, но все же это было бы очень красивое сооружение, если бы не глупый маленький фронтон.

Собор, который был отреставрирован и переделан Леоном Баттистой Альберти, заинтересовал меня больше, чем любой из них. Работ этого художника немного, и они находятся довольно в стороне от проторенной дороги, и они особенно интересны не только потому, что он был практически одним из первых реставраторов римской архитектуры, но и потому, что он был первым, кто своим письмом свел ее в систему. Старое здание было остроконечной архитектуры, но я не знаю, какой даты, и оно настолько полностью покрыто более поздними работами, что мы не можем пытаться составить какое-либо суждение о времени его возведения, исходя из внешнего вида того, что остается в поле зрения. Передняя часть и одна сторона, которая выставлена на всеобщее обозрение, полностью принадлежат кисти Л. Б. Альберти, а надпись на фризе дает нам дату 1450 года. Фасад состоит из четырех колонн, порядок которых представляет собой смесь дорического и ионического стилей, ни одна из которых не изучена досконально; и трех арок, из которых средняя самая большая и содержит дверной проем; в то время как боковые представляют собой просто неглубокие углубления. Эти колонны установлены на продолжающемся цоколе, который, к сожалению, прорезан дверным проемом, но в остальном пропорции хороши и соответствуют принятому стилю. Я бы сказал, что колонны располагались слишком далеко друг от друга, если бы они были введены как неотъемлемые части здания, но Альберти использовал их, как это часто делал Палладио, в качестве украшений, которые действительно могут способствовать прочности здания, но не являются абсолютно необходимыми для его поддержки; и антаблемент, в соответствии с этим представлением об их назначении, ломается вокруг них. Верхняя часть не завершена, но из медали мы узнаем, что над двумя средними колоннами внизу должны были быть пилястры, поддерживающие орнаментированную арку с участками круглого фронтона с каждой стороны. Вероятно, лучше, что это не было исполнено, но и здесь мы находим нечто от диспозиции, которой впоследствии более успешно следовал Палладио. Боковая часть намного лучше передней из-за прекрасной простоты ее семи равных арок, возвышающихся на изолированных опорах; у каждой опоры есть панель, которая, хотя и довольно неглубокая, является большим недостатком. Над каждой опорой находится круг из порфира, окруженный венком; а на умеренном расстоянии над ними - антаблемент, соответствующий антаблементу фасада. В каждой арке находится каменный саркофаг, и все сооружение возвышается на продолжающемся цоколе. Единственным недостатком в композиции является обшивка опор панелями. Все остальное прекрасно.

С внутренней стороны арки нефа заострены - почти единственное обстоятельство, сохранившее их первоначальную форму. Опоры теперь украшены архитравами и коринфскими пилястрами; первые из них украшены множеством мелких лепных элементов, но каждый по-прежнему сохраняет характер архитрава. Пилястры разделены по высоте, как башни в несколько этажей,

состоящие из последовательности различных архитектурных композиций. Мы удивляемся, наблюдая эффект такого чистого вкуса снаружи в сочетании с такой детскостью внутри. Говорят, что материалы для этой церкви были взяты из различных римских древностей, и в частности из церкви Святого Аполлинария в Класе, но никаких древних фрагментов обнаружено не было.

В Римини сохранились жалкие остатки театра или амфитеатра. Они состоят из одной или двух арок, в основном кирпичной кладки, но с добавлением части камня, заложенного в стенах города; но здесь нет ничего видимого, что могло бы задержать нас надолго.

Тот самый веттурино, который привез меня из Фаэнцы в Равенну, а затем в Римини, на следующий день отвез меня в Пезаро; он был ворчливым парнем, без меры ругавшим монахов и священников, и правительство священников. По его словам, назвать человека священником - значит сказать, что он негодяй; и все же с поразительной непоследовательностью он заявил, что Бонапарт не сделал ничего плохого, за исключением изгнания монахов. Даже суровая смена времен года и скудость поздней зимы были приписаны бедному папе или его министрам. Подобные настроения чрезвычайно распространены среди низших классов папской области; и если в провинциальных городах мы обратимся к мнению тех, кто стоит немного выше по положению, то единственное различие, которое мы обнаружим, заключается в том, что они не сожалеют о подавлении монастырей, милостыней которых они не воспользовались. Более серьезное обвинение, выдвинутое моим веттурино против нынешнего правительства, состоит в том, что оно сняло бремя с богатых и угнетало бедных двойным весом налогов. Французская политика, скорее всего, заключалась в угнетении высших классов. Я не знаю, то ли папское правительство только восстановило баланс, то ли на самом деле перевесило противоположную чашу весов. Я хотел знать, хотел бы он видеть немцев во владении этой частью Италии; его это нисколько не волновало, и я из всех сил ругал его за отсутствие патриотизма, но он был совершенно нечувствителен к моим упрекам; в самом деле, как мы можем ожидать, что те, чьи надежды и страхи поглощены сомнением в получении хлеба насущного, должны проявлять много чувств к национальной свободе. Поистине удивительно наблюдать, как широко и сильно существуют такие чувства там, где им благоприятствуют некоторые республиканские институты; но романьолю не видит себя частью государства; он уже является подданным державы, которую он считает иностранной, и видит очень мало разницы в этом отношении между римлянами и германцами. Англичанин всегда ищет в Италии итальянский дух чести и независимости, но при обстоятельствах, которые так долго угнетали эту страну, подобное чувство не может существовать в простых людях, хотя оно может иметь место у людей либерального склада ума и широких взглядов; результат размышления, а не привычки или страсти. Человек из народа может быть генуэзцем, или флорентийцем, или римлянином, но не итальянцем.

Почти единственной вещью, которая вызвала мое восхищение в Пезаро, была прекрасная картина Бароччи. Я нашел там автобус, идущий в Сенегалью, и договорился с водителем отвезти меня в Анкону. В Маршруте упоминается римская арка в Фано, но я напрасно спрашивал о ней; и вы, возможно, столь же напрасно ожидали, что я скажу что-нибудь о Рубиконе, но неясно, какая из маленьких речек, пересекающих дорогу, имеет право на это название, а такие вещи - ничто, когда их ищут среди сомнений.

Я ночевал в Сенегалье: здесь проходит одна из трех величайших ярмарок Средиземноморья; другая находится в Бокере; я не помню, где проходила третья. Он не показался мне таким же по

красочности, как в Бокере, и, поскольку полностью находится в городе, не производит такого живописного эффекта, как палатки и деревья в другом. Около двух часов дня мы добрались до Анконы, города, дома в котором возвышаются друг над другом, один высоко над другим, без единого деревца ни в нем, ни вокруг него. Посреди этой массы небольшой портик церкви создает необычайно приятный контраст. Я доставлял свои письма, но они были адресованы людям, связанным только бизнесом, и я никогда не находил от таких писем никакой пользы в Италии, если только они действительно не содержали кредита, а мне нужны были деньги: возможно, если бы я попал в передрагу, я смог бы найти в них выгоду.

В Анконе есть знаменитая арка в честь Траяна, воздвигнутая на древнем молу, который выше и уже нынешнего мола, они образуют два уровня почти одинаковой ширины, из которых арка пересекает только верхний и показывает приподнятый цоколь с одной стороны. Он сделан из белого мрамора, и хотя, возможно, несколько высоковат, все же пропорции приятны, а внешний вид благороден и великолепен, чему в значительной степени способствует его расположение. Лепнина довольно запутанная; ни одна из них не украшена скульптурой, за исключением тех, что на ключевом камне. Сохранились различные отверстия, которые делают вероятным, что фигурки и украшения были сделаны из металла, но, кроме этих отверстий, от них не осталось никаких следов.

Собор, посвященный Сан-Кириако, - здание любопытное, но ни в коем случае не красивое. Его построил Маргаритоне, архитектор тринадцатого века. Крыши так гармонично сочетаются, что все сооружение имеет форму шатра и увенчано куполом на высоком барабане, покрытом лакированной черепицей разных цветов. Крыльцо образовано аркой, опирающейся на колонны, которые опять же опираются на фигуры животных, и они полностью обработаны круглой формы, чтобы продемонстрировать ложную опору колонн, чем, вероятно, гордился художник. Поскольку все указывает на то, что это крыльцо было построено в эпоху церкви, мы могли бы, по крайней мере, установить период, в который были в моде эти колонны с изображениями животных, но, к сожалению, мы знаем только о Маргаритоне, что он умер в возрасте семидесяти семи лет, и, вероятно, до 1300 года. Я могу добавить, что эта церковь не была порождением его старости. Дверной проем украшен рядом колонн, поддерживающих арки; они уменьшаются в ширину по мере приближения к проему: очень распространенное решение в поздней нормандской и ранней готике. В данном случае арки заостренные. Над крыльцом есть небольшое круглое окно и ряд простых арок, образующих часть украшения под наклонным карнизом. Внутренняя сторона образует греческий крест, за исключением того, что пристройка к дополнительной трибуне произошла в наше время, но поскольку она мало что может рекомендовать, я избавлю вас от описания. Все арки круглые, за исключением уже упомянутых дверных проемов, и это исключение не включает крыльцо, арка которого представляет собой полукруг.

В Анконе есть любопытная маленькая церковь или капелла, посвященная Санта-Мария-делла-Пьяцца-Коллегиата. Фасад покрыт небольшими полукруглыми арками, каждая из которых выполнена из цельной лепнины и опирается на небольшие колонны, имитирующие коринфский. Все украшения в значительной степени демонстрируют римский вкус, но в расположении, безусловно, нет ничего римского. Фронтон, вместо того чтобы подниматься до точки, обрезан горизонтальной линией. Я не знаю даты, но я бы отнесла это к одиннадцатому веку или к началу двенадцатого.

В гражданской или домашней архитектуре Анконы мало хорошего, и мало что может привлечь внимание антиквара, хотя среди более поздних произведений можно заметить некоторые заостренные арки и орнаменты средневековья.

Я остался в этом городе до понедельника, потому что не смог убедить "веттурино" уехать: эти джентльмены напомнили мне описание Филдингом кучера почтовой кареты в Англии, и я думаю, было бы очень забавно прочитать во время итальянского турне описание путешествия англичан столетней давности; точек сходства было бы очень много. Во вторник утром мы отправились в путь, но не раньше семи часов: местность холмистая, и дорога постоянно поднимается и спускается; земля полностью обработана, а разбросанные повсюду небольшие поллардовые деревья используются для поддержания виноградных лоз. Самый снисходительный путешественник вряд ли смог бы назвать это место романтическим, живописным, красивым, богатым или приятным; и все же Маршрут говорит о нем в положительную сторону.

Лорето - жалкий маленький городок с недостроенной площадью и очень большой церковью. Эта площадь имеет продолговатую форму и должна была иметь двойной ряд арок с трех сторон и церковь с четвертой; таким образом, она образовала бы аллею с двумя этажами аркад, ведущую к церкви, - расположение, которое я уже имел случай похвалить: и здесь сделано достаточно, чтобы показать, что это было бы очень красиво, хотя сама церковь похвалы не заслуживает. На месте говорят, что он был спроектирован Микеланджело и выполнен Браманте, но этого не может быть, поскольку Микеланджело занялся архитектурой только через несколько лет после смерти Браманте. Внутренний неф церкви можно назвать чем-то вроде готического. У него квадратные опоры с небольшими шахтами под каждым углом; в нем нет ни богатства, ни легкости, ни видимости основательности. За нефом находится восьмиугольное пространство, покрытое куполом, и три трибуны, образующие руки креста, но даже эта часть некрасива. Святой дом, который, как говорят, был жилищем Пресвятой Девы и чудесным образом перенесен ангелами в Лорето, возведен в восьмиугольном пространстве. Кажется, что он построен из апеннинского известняка, но настолько отполирован поцелуями и почернел от дыма ламп, что трудно сказать, что это такое. Вместо крыши он покрыт сводом, который, по общему признанию, является современным, поскольку старые деревянные конструкции обветшали. Внешне он инкрустирован слоем белого мрамора, с коринфскими колоннами и богатым орнаментом; архитектура Браманте хороша в своем роде, но она такого рода, которой я не очень восхищаюсь. Итальянская монументальная архитектура, за некоторыми благоприятными исключениями, состоит из небольших частей и сильно орнаментирована. Он более разрушенный, чем у их более крупных зданий, часто красивый, с большой красотой и утонченностью в деталях, но без чего-либо величественного или впечатляющего; вряд ли когда-либо с каким-либо характером памятников, за исключением того, что по мере того, как глаз привыкает видеть их в таком виде, мы получаем привычную ассоциацию; и в уме могут пробудиться чувства смерти и вечности; но без таких привычек стиль скорее показался бы соответствующим сценам временного веселья. Тем не менее, во всех странах и во все века было принято украшать гробницы высоко и даже пышно. Сокровищница представляет собой большое и очень красивое помещение, простое по форме и не перегруженное украшениями. Потолок, как обычно в Италии, имеет большую нишу, оставляя лишь небольшое плоское пространство посередине; и в этих больших и высоких комнатах такое расположение создает великолепный эффект. Конечно, он был разграблен во время последних революций, но они снова собрали несколько хороших картин, несколько изящных золотых кубков и другие вещи в

том же роде, украшенные жемчугом и драгоценными камнями; подарки королей и королев современности.

При религиозных учреждениях Италии часто есть аптеки; и я полагаю, что, вообще говоря, это места, где продаются лучшие лекарства. Однако специерия в Лорето славится не столько своими лекарствами, сколько своими глиняными кувшинами. Говорят, что они были выполнены по эскизам Рафаэля, но мы не находим в них никаких следов его превосходства или особенностей манер.

Посмотрев на львов Лорето и немного погуляв по городу, я вернулся на Пьяцца. Собралось большое скопление людей, слушавших проповедника, который произносил свои увещевания с временного помоста, возведенного специально для этой цели. Вы знаете, что в католической церкви проповедь не считается частью обязанностей приходского священника, но возлагается на людей, которые более конкретно посвящают себя этой цели. Иногда присутствует только один проповедник, и проповедь читается, как у нас, после службы, но обычно она довольно длинная; в других случаях один проповедник сменяет другого, и поток наставлений льется непрерывно в течение многих часов. По этому случаю оратору был предоставлен стул, но он им мало пользовался, расхаживая по большей части взад-вперед по платформе. Это пространство, безусловно, дает простор для более разнообразных и изящных действий, чем заточение в ванне или на кафедре, похожей на ванну. Человек, серьезно беседующий со своими друзьями,, естественно, время от времени продвигается вперед или отступает на шаг или два, но он редко стучит кулаком по подушке или столу. Я присоединился к толпе и обнаружил, что темой проповеди было злоупотребление исповедью. Он пытался внушить своей аудитории необходимость искреннего, сердечного раскаяния; и совершенной искренности и открытости со стороны кающегося; в противном случае, он заверил нас, что признание, несмотря на любую епитимью, которую мы могли бы совершить, и на любое отпущение грехов, которое мы могли бы получить, было просто добавлено к списку наших преступлений и стало предметом более глубокого раскаяния и более честного признания. Не довольствуясь общими чертами, он перешел к частностям и с большим воодушевлением описал действия грешника, направленные на то, чтобы избежать слишком большого разоблачения своей вины и в то же время получить, как он ошибочно предполагал, преимущества исповеди и отпущения грехов. “О, не ходите к такому, - говорит один молодой человек другому, “ он ужасный зануда и без конца задает вопросы; идите к другому”, - и он упоминает какого-то духовника, который имеет репутацию человека более легкого нрава: “и имейте в виду, идите к нему слева, а не справа”. “Но почему?” - спрашивает его спутник. “О, потому что он глух на левую сторону и не услышит и половины того, что ты говоришь. Но пока не уходи, никогда не уходи раньше полудня”. “Почему так?” - снова спрашивает другой. “потому что, ” продолжает его более хитрый советник, - “они всегда устают и, возможно, проголодались примерно в это время, а желание сбежать и вполтину не так разборчиво”. Он дал нам гораздо больше подобных представлений, с оправданиями людей разного пола и положения, и все это с большой долей духа и юмора. Это, конечно, производило впечатление комедии и заставляло всех смеяться, и все же я думаю, что это запомнится надолго. Мои спутники решили, что это был *троппо буффо*, но, поговорив с ними дальше, мне показалось, что они осудили его, потому что почувствовали укол. После того, как было спето несколько гимнов, за ним последовал другой проповедник с водруженным им большим распятием, к которому, однако, он не обращался, как это часто делается в Италии. Он проповедовал очень хорошо и прочитал нам очень хорошую проповедь, возможно, довольно банальную, о смертных грехах; и, придерживаясь общих слов, дал каждому возможность

восхититься, потому что никто не применил это к себе. Мои попутчики недоумевали, как я могу сомневаться в святом доме, ведь он сотворил так много чудес, особенно хорошо подтвержденную историю о человеке, который украл подсвечник, но, сев с ним на дороге, не смог снова встать. Я предположил, что эти чудеса происходили только против мелких грабителей, и что, когда все это было разграблено в последнее время, Пресвятая Дева или ее изображение были спокойны. Один из участников вечеринки, казалось, был очень удивлен тем затруднением, которое я высказал по поводу чудес: “Ну, “ говорит он, ” вся история полна чудес”. Он начал приводить цитаты из Ливия, и я обнаружил, что он верит им так же твердо, как и последователям своей собственной церкви. Эти итальянцы воспитаны среди чудес; их разум или фантазия наполнены ими с детства, и они скорее отвергнут все моральные и доктринальные истины христианской религии, чем откажутся от своей веры в чудесное вмешательство Богородицы семи скорбей или святого Антония Падуанского. В этом нет ничего удивительного; евангелие считается само собой разумеющимся, но особые заслуги любимого святого требуют полного изложения и частого повторения; священник заикливается на них, и толпа забывает, что есть что-то более важное. В Англии, вместо того чтобы спорить, у кого самый великий и чудотворящий святой, мы расходимся по доктринальным вопросам, и образуются секты, но процесс очень похож. Внимание уделяется своеобразным и спорным доктринам, обычно не имеющим большого значения, а великие истины, с которыми согласны почти все христиане, отодвигаются на второй план. Можно было бы подумать, что люди, которые могли бы с доверием обращаться к богодухновенным книгам, тщательно отличали бы доктрины, явно изложенные в них, от тех, которые выводятся из них только путем применения человеческого разума, который, каким бы ясным он ни казался, как мы знаем по опыту, в значительной степени подвержен ошибкам; но это не так, и в каждой секте или подразделении христианского мира именно к яростному защитнику спорных мнений применяется восхваление веры.

Утром 13-го мы покинули Лорето и направились в Мачерату. Местность холмистая, и вся она возделана, почти как накануне, а деревья, хотя и многочисленны, так незначительны, что общий вид скорее напоминает наготу. Дорога пролегла по дну и обнажала тут и там шелушащийся песчаник, который, как мне показалось, образовался совсем недавно. Мне говорили, что уголь существует недалеко от Мачераты, но он содержит пирит и в небольшом количестве; но мой информатор, житель Мачераты, заверил меня, что он был найден хорошего качества и в значительных залежах на холмах дальше к западу.

Непосредственно перед прибытием в Мачерату мы проезжаем мимо остатков театра значительных размеров и некоторых других прилегающих зданий; но поскольку сейчас не существует ничего, кроме сводов и фундаментов, мы не можем точно определить, какими могли быть эти сооружения.

Я зашел в несколько церквей Мачераты, одна из которых эллиптической формы показалась мне красивой, и она украшена картинами значительных достоинств, но наше пребывание было недолгим.

Подход к горам около Толентино и въезд в них очень красивы. Это не Альпы, но очарование составляют высокие, поросшие лесом холмы разнообразных форм с ярким ручьем у подножия, по которому впоследствии проходит дорога. По мере того как мы продвигаемся дальше, холмы становятся все более обнаженными и бугристыми по своим формам, вместо того чтобы быть смелее и романтичнее, как я ожидал. Мы переночевали в маленькой деревушке под названием

Валь-Чимара, в гостинице, где на вывеске были указаны ужин и ночлег, за 35 байок, а на следующее утро продолжили наш путь в Серра-Валле. Система веттурино, как я, кажется, уже говорил вам раньше, заключается в том, чтобы делать два длительных суточных заезда с остановкой на значительное время в полдень, чтобы подкрепить лошадей и компанию. Зимой на это отводится около двух часов, а иногда и три; но летом им требуется четыре или пять, чтобы избежать путешествия в самую жаркую часть дня. Я отправился пешком от Серра-Валле, приятного перевала среди гор, в надежде увидеть какой-нибудь прекрасный пейзаж, таким образом, в сердце Апеннин; но я был прискорбно разочарован; здесь только голые округлые холмы, не очень высокие, а дорога полностью открыта и открыта палящему солнцу. У нас есть масса возможностей прогуляться пешком, путешествуя с веттурино, поскольку мы развиваем скорость всего около трех с половиной или четырех английских миль в час, но только используя время остановки, мы можем получить возможность понаблюдать за страной или ее видами, или сделать наброски пейзажа. Я прошел через большую котловину, которая, казалось, не имела выхода, достаточно низкого, чтобы ее можно было осушить, а ее плоское дно придавало ей вид озера. Чуть дальше находится еще одна впадина, меньшего размера, не столь полностью окруженная, с болотом на дне, но даже здесь, по-видимому, не было регулярного стока воды. Когда мы начали спускаться, пейзаж улучшился, а затем, когда перед нами открылась равнинная местность вокруг Фолиньо, она стала очень красивой; так что я прошел решительно самую неинтересную часть прохода. Я переночевал в Фолиньо и, проснувшись на следующее утро, был удивлен, обнаружив, что уже совсем рассвело и никаких признаков отъезда; я спустился в конюшню и вскоре узнал, что мой веттурино решил остаться там на весь день. Утро прошло в ссоре с ним и с хозяином гостиницы, который также был владельцем кареты и лошадей, за то, что они не выполнили свою сделку. У нас никогда не было полного состава, и пассажиры высаживались по дороге; в результате водитель хотел ждать в каждом месте, куда мы приезжали, в надежде получить пассажиров; обещая продолжить, но не выполняя; и мое путешествие было очень неприятным.

Наконец я выехал из Фолиньо в три часа пополудни только с одним попутчиком, и мы переночевали в Сполето; на следующее утро мы отправились в путь еще до четырех и рано прибыли в Терни, где кучер предпочел остановиться, хотя, если бы он действительно всерьез собирался добраться до Рима, как притворялся, ему следовало бы отправиться в Нарни. Однако, поскольку дело обстояло именно так, я решил еще раз посетить каскад и, вернувшись, обнаружил, что веттурино ждет меня, но не для того, чтобы отправиться в путь, хотя назначенное для нашего отъезда время уже прошло, а для того, чтобы сказать мне, что его лошади умрут, если он будет продолжать путь в такую дневную жару, и предложить мне отправиться в карателлу, которая будет всю ночь путешествовать по почте, и прибыть в Рим к обещанному времени. Не знаю, когда я чувствовала себя настолько не в духе, потому что он определенно с самого начала решил не ехать дальше, хотя и обещал продолжить свое путешествие в час дня; и если бы он сказал мне об этом по прибытии, хотя я и хотела попасть в Рим как можно скорее, все же еще несколько часов можно было бы провести в восхищении у водопада. Он вернул меня из места, которое я не хотела покидать, туда, где у меня не было цели преследовать, и это только для того, чтобы обмануть меня. Однако, после небольшой взбучки, я пошел взглянуть на карателлу; это была общительная лошадь с неподвижной головой; два задних сиденья были достаточно удобными, но они были заняты, и меня следовало поместить спиной к лошадям, на очень узком и неудобном сиденье и без какой-либо поддержки для моей головы. Поэтому я отказался от этого транспорта, и тогда он предложил мне небольшую поездку с одной лошадью,

и через некоторое время, пообещав быть в Риме в час ночи (половина девятого), я согласился. Мой спутник впоследствии сказал мне, что ему это не понравилось и что он делал мне знаки отказать. Я спросил его, почему он незаговорил, на что он ответил: “*Sarebbe cosa di farmi amazzare*”, как будто комфортность путешествия была не столько его делом, сколько моим. На самом деле мы очень плохо ладили, так как лошадь была, по выражению кучера, *lunatico*, то есть подвержена приступам упрямства и к тому же чрезвычайно туповата. В Отриколи мы проспали около трех часов. В Ла-Сторте, последней почтовой станции из Рима, где мы останавливаемся, чтобы освежить лошадь, я попросил комнату, в которой я мог бы немного помыться перед едой; меня провели в комнату, которая вела из салона, и, оставив там на несколько минут куртку, пока я был в салоне, у меня украли два золотых наполеона: я думал, что никто не мог войти в комнату незамеченным, но потом я заметил другую дверь, которая, по-видимому, была заперта и, как заверила меня горничная, замурована. Я настоял на том, чтобы дверь была открыта, чтобы я мог увидеть стену, или же чтобы меня провели в квартиру, с которой она раньше сообщалась. Хозяйка осыпала меня всевозможными оскорблениями за мои несправедливые подозрения и дерзкое любопытство; это была ее спальня, и какое мне было дело подглядывать за всеми ее секретами; но после упорного и долгого спора я добился своего и нашел незанятую комнату; а вместо стены там был только небольшой засов, который я отодвинул легко и бесшумно и открыл дверь. Как только я прибыл в Рим, я составил письменный отчет обо всех этих обстоятельствах в полицию с планом, показывающим расположение комнат, и вернул деньги без какой-либо компенсации.

Летние развлечения в Риме не очень увлекательны, примерно три раза в неделю здесь бывает плохой театр, вход в который находится на расстоянии шести байок (3/4д.). *Марионетка*, вход в яму, один баек, в логи, два: затем находится Джуоко ди Паллоне, созерцание которого может иногда развлечь человека на некоторое время. В настоящее время на улицах расклеено объявление, адресованное ученым людям Рима и предлагающее им за два байока зрелище, одновременно приятное и поучительное, в различных физических машинах, демонстрирующих священную историю внадлежащих красках. Затем по воскресеньям, а иногда и по субботам, в Мавзолее Августа устраивается бой быков, а затем там же звучит музыка и устраивается фейерверк. Я пошел посмотреть на один из таких боев быков и нашел его менее жестоким, чем я ожидал. Основная часть этого состояла в том, что выпускали быка, или корову, или буйвола на арену, где около полудюжины мужчин с красными флагами стояли наготове; животное бросалось на флаг, а человек скользил в сторону, изатем продолжал провоцировать его на новые атаки, очень похоже на группу мальчишек, подставляющихся под удар одного из своих товарищей за игрой, причем без особой опасности. Когда животное устает, они загоняют его обратно в стойло и берут другое. Двое или трое были обеспокоены собаками, и вызванное ими чувство было просто чувством жестокости; но вред, причиненный в тот день, когда я был там, был невелик. Казалось, все животные хотели вести себя тихо, и все возбуждение, которое можно было вызвать, лишь подтолкнуло их к временным нарушениям. Посреди арены была подвешена к веревке фигура, которую бык едва ли когда-либо удостоивал внимания; и маленькая фигурка подпрыгивала вверх-вниз из ямки в земле и исчезала всякий раз, когда животное бросалось на нее. Последняя часть выставки состояла в попытке сорвать маленькую пластинку или медаль, прикрепленную ко лбу одного из самых диких животных, и здесь, безусловно, была проявлена большая ловкость, активность и упорство. Мне больше нравятся эти качества в мужчинах, чем в собаках, но я не испытываю никакого желания повторять этот визит.

Я хотел бы перенести вас на пять минут в здешнюю великолепную кофейню примерно в семь часов воскресного вечера. Его часто посещают дамы всех рангов, а также джентльмены, богатые берут с собой слуг; я думаю, иногда там, должно быть, две тысячи человек, которые едят мороженое, а официанты и прислуга суетятся вокруг и создают как можно больше шума. Главная комната около семидесяти футов в длину, и есть еще четыре, заполненных компанией, а за ними анфилада бильярдных, и обычно в одной из них люди играют в игру, похожую на шары, на бильярдном столе. Эти комнаты занимают всю площадь Палаццо Русполи, протянувшись, я полагаю, футов на двести пятьдесят вдоль Корсо. Позади находится сад площадью около ста двадцати квадратных футов (все эти размеры можно только предполагать), затененный апельсиновыми деревьями и олеандрами, и тоже полный компании.

ПИСЬМО XLІ.

АКАДЕМИИ.

Рим, август 1817 года.

Здесь сообщается, что папа римский предложил принцу-регенту дворец для размещения английской академии. У французов, как вы знаете, здесь отличное заведение большого масштаба, занимающее здание виллы Медичи. У них есть жилые комнаты для студентов и мастерские для тех, кто в них нуждается; апартаменты для директора; общая столовая; красивый зал для публичных выставок; и прекрасная галерея слепков. Английское заведение могло бы быть создано по гораздо менее затратному плану. Не было бы необходимости или даже желательно содержать студентов; но если бы предполагалось оказывать какую-либо дальнейшую помощь такого рода, помимо того, что сейчас делает Королевская академия, было бы лучше предоставлять ее из совершенно отдельного фонда. Наиболее существенное требование - это точка соприкосновения и справочная информация, которую можно было бы получить с помощью библиотеки и коллекции слепков; и двух-трех тысяч фунтов стерлингов сначала и десяти-или двенадцати сотен в год впоследствии было бы вполне достаточно для любой полезной цели. Учреждение гораздо более умеренного масштаба, чем даже вышеупомянутое, и такое, которое было бы доступно многим английским джентльменам, было бы очень большим преимуществом, и покровитель обессмертил бы себя этим. Библиотека - самый важный объект, а необходимое посещение ее - самый дорогостоящий; но, должным образом воспользовавшись помощью студентов, этого можно было бы значительно уменьшить. В этом случае мы должны отказаться от любой идеи о библиотекаре, который был бы способен руководить их исследованиями. Его обязанностью было бы просто следить за бухгалтерскими книгами, и в Риме есть много очень компетентных людей, которые могли бы выполнить эту обязанность и присутствовать в указанное время за очень небольшое вознаграждение; возможно, не англичане, а немцы или итальянцы; и таким образом, сумма в пятьсот фунтов стерлингов для начала и от двухсот до трехсот фунтов в год позволили бы достичь самых важных целей. Новые книги имеют большее значение, чем старые, как потому, что студент должен быть довольно хорошо знаком с последними, прежде чем он посетит Италию; так и потому, что их можно найти в римских библиотеках, куда редко попадает новая книга. Следующими вещами,

которые необходимо приобрести, являются книги признанного достоинства; затем архитектурные слепки; произведения скульптуры настолько более доступны и удобно расположены для изучающего, чем произведения архитектуры, что слепки последней имеют первостепенное значение. Но хотя студенты, изучающие скульптуру, предпочтут копировать оригиналы, не следует пренебрегать слепками с лучших статуй, имея возможность демонстрировать их в разных положениях и при разном освещении.

1826.

Зимой 1821 года английские художники, проживавшие в Риме, основали вечернюю академию с целью обучения у живой натурщицы, покрывая расходы случайными подписками между собой. Преимущества такого учреждения были ощутимы и оценены, и интерес, с которым художники относились к своей зарождающейся академии, был передан многим их соотечественникам. Были собраны подписки, и Королевская академия дала как свое разрешение, так и помощь. Целью учебного заведения было не просто предоставить жилье студентам, случайно оказавшимся в Риме на момент его основания, но и основать постоянную школу для британских художников, где они могли бы продолжать свое обучение, не испытывая неудобств при посещении переполненных школ и не будучи в долгу перед либеральностью иностранных учебных заведений. Поэтому было решено покрывать текущие расходы, насколько это возможно, за счет процентов от подписанных денег, и сейчас это составляет 331 скуди в год, что достаточно для покрытия расходов в нынешних очень небольших масштабах. Но в своем фактическом состоянии, хотя и в высшей степени полезном, он все же должен быть признан крайне недостаточным. Здесь есть один слепок, с Аполлона; несколько книг, но нет библиотеки, да и вообще какой-либо комнаты, в которой можно было бы разместить либо ее, либо коллекцию слепков. Одна только аренда подходящего набора квартир поглотила бы вдвое больше всех доходов академии. Однако, поскольку каждый год поступают дополнительные взносы, фонд продолжает медленно увеличиваться, и я надеюсь, что так будет продолжаться до тех пор, пока все не будет приведено в состояние, достойное английской нации. Это особая национальная забота, поскольку художник, который приложил максимум усилий для его процветания, покидает Рим через год или два и не получает от своих трудов никакой другой выгоды, кроме ощущения того, что внес какой-то вклад в общее благо.

1817.

Римская академия занимает обширное здание,^[19] и, в целом, кажется, хорошо регулируется; есть четыре профессора; декоративной архитектуры; перспективы; теории архитектуры; и практики; и я полагаю, что каждый профессор проводит урок или лекцию два раза в неделю. Предполагается, что среди студентов первый год обучения будет посвящен элементарной архитектуре; второй - копированию планов, фасадов, разрезов и других архитектурных чертежей; а следующие четыре года - теории и практике архитектуры. Как и в Париже, примерно раз в месяц выдается программа, или предмет для дизайна, который студенты изучают дома и приносят свои работы профессору для его критики и исправлений; а раз в год требуется более сложная постановка, и серебряная медаль вручается каждому из тех, кто выполняет свою задачу тщательно и со способностями.

Стандартной работой по орденам в римской и, я полагаю, во всех академиях Франции и Италии является работа Джакомо Бароцци да Виньолы, которая, возможно, едва ли так хороша в этом отношении, как публикация сэра Уильяма Чемберса; но нет писателя, совершившего большую революцию в архитектуре в Италии, чем Милиция, и его влияние ощущается повсюду, хотя мы едва знаем его имя в Англии. Он написал свою собственную жизнь, и поскольку она очень короткая и очень характерная, я приведу ее вам.

“Каждый человек должен написать историю своей собственной жизни, чтобы постоянно побуждать себя исправлять ее и чтобы сообщить потомкам что-то из настоящего времени, на что можно положиться. Исходя из этого, я, написавший так много жизней, теперь пишу очерк своей собственной. Я родился в Ории, маленьком городке на Терра-ди-Отранто, в Неаполитанском королевстве, в 1725 году. Я был единственным сыном в самой богатой и благородной семье деревни. В девять лет меня отвезли в Падую, где мой дядя, которого выгнали из дома какие-то юношеские ошибки, стал заниматься медициной. Там я изучал художественную литературу без особой надобности, и через семь лет сбежал из Падуи из-за некоторых упреков, полученных от моего дяди, и перебрался в Боббио, недалеко от Пьяченцы, откуда написал своим родителям; и после посещения Павии и Милана я приехал в Рим, где меня встретил мой отец. Он проводил меня в Неаполь и оставил продолжать учебу в этой столице. Я немного изучал логику и метафизику у знаменитого Абате Дженовезе, а также натурфилософию и геометрию у падре Орланди, монаха-целестинца. Но я также сбежал из Неаполя, движимый желанием увидеть мир, и особенно Францию, но был вынужден снова вернуться из Ливорно из-за нехватки денег. Затем я вернулся домой в Орию, где после долгой праздной и беспечной жизни удалился в загородный дом изучать науки. Наконец, в возрасте двадцати пяти лет, я женился на даме из Галлиполи, из хорошей семьи и приятного нрава; и там я закрепился, с некоторым пристрастием к книгам, но больше к удовольствиям.

“Получив от моего отца более приличное обеспечение, я приехал со своей женой в Рим и, пробыв там полтора года, вернулся в Галлиполи еще на год, а затем обосновался в Риме. Здесь я продолжил учиться и увлекся архитектурой, неумевая рисовать. Очарованный этим искусством, которое я считаю самым красивым и полезным из всех, я написал книгу *"Жизни самых знаменитых архитекторов"*, которая была хорошо принята публикой, хотя критика была суровой, а стиль неотшлифованным.

После этого я перевел статью *"Кровотечение"* из Энциклопедии и дал рекомендации врачам и медицине. Впоследствии я составил *"Элементы чистой математики"*, согласно аббату де ла Кайлю, для собственного совершенствования, и она была напечатана в Риме по просьбе некоторых моих друзей. Затем я написал другие произведения и буду продолжать писать, пока жив. Трактат о сцене вызвал много споров в Риме. Когда я понял, что добился некоторого прогресса в своих архитектурных исследованиях, я с некоторой *бравурностью* написал книгу *"Элементы гражданской архитектуры"*, которая много раз переиздавалась. Моя книга *"Искусство видеть в изящных искусствах"* наделала немало шума в мире и особенно не понравилась глупым поклонникам Буонарроти. Впоследствии, в соответствии с пожеланиями моего уважаемого друга (Кавалера Зулиана, посла Венецианской республики в Риме), я взялся написать работу, чтобы указать на красоты и уродства древнего и современного Рима; и я опубликовал первую часть под названием *"Roma delle belle Arti del Disegno"*; но преследование невежественных профессоров привело к необходимости приостановить вторую и третью. После этой работы я увлекся естественной историей и много писал о растениях и животных, ничего не

печатая, за исключением перевода *"Введения в естественную историю и физическую географию Испании"* Боулза, который был опубликован в Парме. После этого в мои руки попала *"История древней и современной астрономии"* Байи, и я сократил ее в одном томе in octavo. Методическая энциклопедия дала мне возможность составить *Карманный словарь изящных искусств*, изданный в двух томах. Статья *"Гравировка"* в этом словаре также была напечатана отдельно с некоторыми дополнениями. В соответствии с пожеланием моего прославленного друга кавалера Никола де Азара, я приложил значительные усилия к составлению трудов Менгса. В настоящее время я завершил работу над Словарем домашней медицины по плану У. Бьюкена, шотландского врача, который, если его напечатать, составит два тома in octavo и будет понятен каждому. Еще одна небольшая работа по политической экономии сейчас находится в печати; предмет, к которому я привязался, несмотря на неподходящие обстоятельства настоящего времени". Милиция умерла в марте 1798 года от воспаления легких.

От этого бессвязного компилятора, чье внимание было направлено иногда в одну сторону, а иногда в другую, вы, возможно, не будете ожидать ничего, кроме отголоска мнений других в несколько иной форме. Я ничего не знаю о других его работах, но в архитектуре он примечателен смелостью своих оригинальных рассуждений. Он, по-видимому, был человеком с сильным пониманием, не очень терпеливым в труде; уверенным в себе; не принимающим чужого мнения на веру; и никогда не стесняющимся разоблачать и защищать свое собственное. Архитектура именно хотела такого писателя. В Италии она находилась в вялом состоянии, колеблясь, как политика и религия, между рабским следованием непонятным правилам и полной вольностью. Тот, кто освободил себя от этих произвольных оков, считал себя свободным от всяких ограничений и никогда не думал о том, чтобы быть разумным ни в своем подчинении, ни в бунте. Милиция применяет разум ко всему, и его вина заключается в том, что он слишком рассудителен, то есть в попытке основать на разуме определенные практики, которые являются лишь условными и которым мы следуем, потому что опыт показал, что они доставляют удовольствие, не имея возможности определить причину этого удовольствия. Он пишет одухотворенно и часто с суровым саркастическим остроумием, которое гарантирует, что его прочтут; и он обладает необычайно удачной и убедительной манерой выражения, для которой, кажется, чудесно подходит итальянский язык, находящийся в его руках: если бы он писал на одном из наших северных языков, он часто был бы принужденным и резким, и было бы трудно перевести его и сохранить какую-то часть его духа, не впадая в этот недостаток. Хотя он решительно отстаивает свою собственную свободу, он очень склонен устанавливать произвольные правила для других и даже аплодировать деспотическому применению авторитета правительства в вопросах вкуса, не принимая во внимание, что истинное применение правил заключается в том, чтобы направлять, а не управлять нами; что они являются всего лишь указателями, которые отмечают путь, по которому идут некоторые из тех, кто дальше всех продвинулся к концепции совершенной красоты. Возможно, существуют другие, даже лучшие дороги, но неразумно оставаться в неведении относительно того, что доказало свою эффективность, или сходить с известного пути, не имея четкого представления о том, что это такое и какое направление оно принимает, а также о природе страны, по которой нам предстоит проехать.

Я продолжу давать вам некоторое представление об отдельных работах этого автора, располагая их в том порядке, в котором он их упоминает, то есть в порядке их создания. *Воспоминаниям об архитектуре* предшествует общее представление о принципах искусства. Он утверждает, что архитектура - это подражательное искусство, и утверждает, что ее

притязания на то, чтобы считаться одним из изящных искусств, заключаются в этом подражании. В этом он, очевидно, неправ, поскольку притязание этого или любого другого искусства на место среди изящных искусств зависит от его способности возбуждать ментальные эмоции. Затем он переходит к изложению того, что он считает фиксированными и неизменными правилами, которые, поскольку они здесь даны в сжатой форме и являются теми же, на которых он настаивает в своих более поздних работах, я переведу.

“Архитектура, как и любое другое изобразительное искусство, подчиняется следующим общим правилам.

1. “Во всех его произведениях мы должны найти приятное соответствие частей целому. Это известно под названием *симметрии*.
2. “В нем должно быть разнообразие, чтобы не утомлять внимание зрителя; и *единство*, которое противостоит путанице и беспорядку. Это обозначается термином *эвритмия*.
3. “Удобство, или пригодность, также является необходимым качеством. Это заключается в справедливом применении симметрии и эвритмии, а также в том соотношении, которое должно существовать между зданием и целью, для которой оно применяется; между деталями орнамента и общим внешним видом здания, при выборе наиболее подходящих и стиля, который лучше всего согласуется с великолепием или простотой конструкции.
4. “Если архитектура - дочь необходимости, то каждая красота, которой она обладает, должна быть связана с этой необходимостью и казаться созданной для какой-то полезной цели. В каждом искусстве, которое доставляет удовольствие, не следует обнаруживать искусственности; каждая вещь, сделанная просто для украшения, является недостатком.
5. “Главными украшениями архитектуры являются ее ордера, которые на самом деле скорее следует рассматривать как скелет и наиболее существенную часть здания, чем просто украшение. Следовательно, мы могли бы определить порядки, *необходимые украшения, вытекающие из природы здания*. Все остальные украшения архитектуры подчиняются тому же закону.
6. “Следовательно, в архитектуре украшение является результатом строительства. В ткани никогда не должно быть видно ничего, что не имело бы надлежащего применения и не являлось бы неотъемлемой частью конструкции: она должна выполнять ту функцию, на которую указывает.
7. “Следовательно, не допускается ничего такого, для чего не могло бы быть приведено веское обоснование.
8. “Эти причины следует вывести из происхождения и анализа этой примитивной естественной архитектуры, хижины; отсюда возникло прекрасное имитационное искусство гражданской архитектуры. Это полярная звезда художника в его работах и разумного наблюдателя при их изучении. Все должно основываться на правде и правдоподобию. То, чего на самом деле не могло бы существовать, не может быть одобрено, хотя, очевидно, это всего лишь демонстрация.
9. “Примеры и авторитет, как бы к ним ни апеллировали, никогда не повлияют на того, кто хочет быть разумным.

“Эти принципы постоянны, позитивны, всеобщы, потому что они зависят от природы самой вещи и от здравого смысла. Взятые вместе, они составляют истинную и неотъемлемую красоту архитектуры; если их убрать с глаз долой, прощайте архитектура. Это больше не наука и не искусство, а просто мода, каприз или бред”.

Видите ли, в этих первых принципах есть некоторые моменты, которые можно подвергнуть критике или, по крайней мере, которые требуют объяснения; в деталях гораздо больше спорного характера, но все изложено в той же авторитетной манере. Другие правила следует презирать; его правилам следует повиноваться; и он, кажется, думает, что если правила хороши, художнику остается только следовать им, чтобы создать высшую степень красоты; теория, знаете ли, полностью противоположная моей, которая утверждает, что во всех изящных искусствах правила могут сделать сравнительно мало для создания красоты; выражение Ума - это самое существенное; и если сам ум не содержит этого, никакие правила, никакой труд никогда не смогут восполнить недостаток.

Сама работа состоит из хронологического отчета об архитекторах - способа составления, которым итальянцы очень богаты, и где имена Тирабоски, Ланци и Милиции всегда будут упоминаться с похвалой. В более ранних частях, возможно, есть много сведений, имеющих весьма незначительный авторитет, но автор, похоже, всегда тщательно искал лучшее, что было в пределах его досягаемости. Критика более сурова там, где у него была возможность судить самому, чем там, где он перенимает ее от других; но он всегда оживлен и готов восхищаться тем, что превосходно, а также высмеивать то, что имеет недостатки. Архитектору приятно наблюдать, что почти все великие люди в этой профессии прожили долгую жизнь и обладали хорошими моральными качествами.

"Принципы гражданской архитектуры" в трех томах объемом октаво содержит тот же взгляд на предмет во всех его аспектах, что и в предисловии к *"Воспоминаниям архитекторов"*. Несмотря на кажущуюся ограниченность темы, он сделал большую часть своей книги интересной и даже забавной. Подобно Витрувию, он любит вводить немного в естественную историю, и вряд ли он более точен или больше соответствует цели, чем его латинский оригинал. Иногда у меня возникали мысли перевести и это, и предыдущее, но позвольте мне опустить некоторые из этих дополнений.

Об *Искусстве Ведерея* уже упоминал два или три раза. Милиция, вероятно, испытывал отвращение к экстравагантным похвалам, столь щедро расточаемым Микеланджело и передававшимся от одного писателя к другому; и в этой книге он не видит ничего, кроме своих недостатков. Неудивительно поэтому, что это оскорбило “глупых поклонников Буонарроти”, да и здравомыслящих тоже. В этом и ряде других случаев Милиция воздаст Менгсу такую похвалу, от которой нынешняя эпоха отказывается. *BRoma delle belle Arti* похвала и порицание более смешаны. Оскорбление, по-видимому, было вызвано силой и духом замечаний, а не их направленностью; иногда он может преувеличивать, но редко обвиняет на недостаточных или ошибочных основаниях. *Словарь* ни в коем случае не является простой компиляцией; Милиция не могла писать без критики, и ни один человек не был менее склонен безоговорочно принимать наблюдения и чувства другого. В этих работах он часто повторялся, но все они содержат много оригинального.

Кажется смешным сравнивать преимущества, которые английский студент-архитектор может получить в нашей академии, с теми, которые предлагаются в Париже или Риме, но дух и энергия

отдельных людей восполняют недостаток государственного образования. Наиболее важной частью образования архитектора является то, которое он получает за границей, но, возможно, немного больше помощи дома позволило бы ему использовать свое время с большей пользой. Невозможно дать какие-либо точные правила, потому что наилучшая возможная линия поведения будет варьироваться в зависимости от талантов, приобретений и предрасположенности человека; однако можно сделать некоторые наблюдения, которые будут применимы ко всем.

Определенную часть знаний следует получать дома, и поэтому моим первым делом будет указать на то, чему следует научиться, прежде чем пытаться совершенствоваться в путешествиях. Задача тем более необходимая, что, насколько я знаю, в настоящее время обычно не дается никаких инструкций, ни публичных, ни частных, которыми это указывалось бы. Студент, изучающий архитектуру, должен рассмотреть четыре объекта, которые не имеют естественной связи друг с другом, но которые, тем не менее, должны быть объединены при возведении каждого здания: *красота, основательность, удобство и экономия*. Наша многолетняя изоляция от континента, возможно, не меньшая, чем несколько суровый и косный дух, который требует от каждой вещи полезности и почти ограничивает эту полезность приспособлением к телу, склонила нас пренебречь изучением прекрасного. Можно было бы добавить и другие причины, и в частности мнение, весьма распространенное среди самих студентов, что концепция красоты и способность создавать ее являются дарами природы, а не плодом приложения; “*Poeta nascitur, non fit*”, они применимы как к художникам, так и к поэтам, и подкрепляют свое мнение весьма примечательным фактом, что великие люди в каждой стране сформировались независимо от академий, и что после образования таких учреждений великие люди прекращают свое существование. Несомненно, в этом есть доля истины, и было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь, способный выполнить эту задачу, взялся объяснить причину недостатка; но когда это применяется в качестве довода против учебы, это, насколько это касается архитектуры, совершенно ложно. Потому что, предположив даже, что высочайшие красоты непрошеною представятся гениальному человеку, все же, каким бы талантом он ни обладал, потребовалось бы большое изучение, чтобы быть способным понять связь между создаваемым объектом и рисунками и описаниями, с помощью которых это должно быть объяснено другим. Совершенно неверно и то, что самые знаменитые архитекторы нуждались в средствах обучения. Палладио и все другие выдающиеся личности обогатили свою фантазию и отточили вкус, изучая древние памятники Рима. Микеланджело в преклонном возрасте был найден кардиналом Фарнезе в Колизее, когда земля была покрыта снегом, и ответил на расспросы кардинала, что он был там, чтобы изучать архитектуру.

Согласно обычной практике наших архитекторов, мальчик после окончания школы, где он научился читать и писать, арифметике, немного геометрии и, возможно, совсем немного черчению, а также некоторым другим вещам, не имеющим отношения к архитектуре, поступает в офис архитектора, где его первыми занятиями, вероятно, являются копирование деталей работы, не понимая их, и возведение размеров в квадрат с девяти утра до семи или восьмивечера. После этого, если он склонен к учебе, он, возможно, поступит в академию в Сомерсет-Хаусе, где в течение года он сможет прослушать шесть лекций по архитектуре, при условии, что профессор не болен, не бездельничает и не слишком занят, чтобы их читать; или же он займется дома созданием проектов, совершенно не зная, каковы необходимые условия для любого вида проектирования вообще. Когда таким образом, как бы почти вопреки своему учителю, он немного научится рисовать, его можно будет нанять для копирования планов, а

затем высот и разрезов, или для измерения сооружений, возведенных его начальником, не для того, чтобы овладеть их красотой, а для того, чтобы получить материалы для оценки их стоимости. Возможно, трудность самосовершенствования в условиях этих неблагоприятных условий может послужить стимулом для его усилий; и он выходит из офиса не таким невежественным, как можно было бы ожидать. И действительно, хотя его так называемый инструктор не будет преподавать, он не откажет ему в возможности время от времени посещать частные школы рисования и перспективы или посещать иногда библиотеку Академии или модельный зал. Возможно, он также поупражнялся бы в измерении и рисовании предметов, предлагаемых для получения ежегодных премий, но при всем этом невозможно, чтобы он был готов путешествовать с пользой.

Я бы не всем рекомендовал путешествовать. Тем, кто использует архитектуру просто как средство получения денег, без какого-либо удовольствия от какой-либо ее части, без какого-либо желания славы или какого-либо щедрого восхищения совершенством, гораздо лучше оставаться дома. Они могут быть уверены, что путешествие никогда не окупится.

Действительно, было бы лучше, если бы такие люди в первую очередь не увлекались архитектурой или каким-либо другим изящным искусством; то же самое усилие талантов и трудолюбия, несомненно, было бы с большей пользой использовано в другом направлении. Удовольствие, получаемое от самого занятия, респектабельность, сопровождающая его почетное выполнение, надежда на будущую репутацию и известность привлекут в этом направлении большее количество молодых людей, чем в противном случае выпало бы на его долю; и эти вещи всегда следует рассматривать как часть оплаты. И все же, хотя это верно во всех странах, в Англии, вероятно, в меньшей степени, чем где-либо еще, потому что мы почти измеряем заслуги человека деньгами, которые он получает, или, по крайней мере, тем, что он способен потратить; и поэтому, не путешествуя и не имея каких-либо глубоких знаний о своей профессии, молодому человеку не нужно отчаиваться в том, чтобы добиться своего. И особенно, если он соединит приятные манеры с вниманием к бизнесу, он найдет работодателей, которые будут заботиться о науке и искусстве еще меньше, чем он сам; и, возможно, со временем он окажется в Совете по труду. Наши министры редко берут на себя труд оценить какие-либо выдающиеся достижения в архитектуре; посмотрите, каким образом различные государственные учреждения снабжали себя архитекторами; посмотрите отчет почтового отделения, где, если я правильно помню, говорилось, что, поскольку не требовалось много украшений, мало имело значения, кого они нанимали в качестве архитектора. Как будто такое здание, поскольку оно не претендовало на великолепие, должно было быть совершенно лишено индивидуальности; как будто правильные пропорции и изящное распределение различных частей не составляли важнейшей части работы архитектора; и не были еще более редкими и более важными качествами, чем использование орнамента; и как будто удобство, основательность и экономичность не были более надежными приобретениями под руководством искусного художника.

Несмотря на все эти нелепости, тому, кто придерживается более благородных взглядов, не нужно отчаиваться. У нас в Англии много джентльменов, которые сочетают с развитым умом и правильным вкусом очень обширные познания в архитектуре; и рано или поздно заслуги найдут свое истинное место в общественном уважении, которое следует за тем, куда ведут такие люди. Поэтому, оставляя невежественных и пресмыкающихся под защитой тех, кто похож на них, я перейду к рассмотрению того, что следует знать и что делать тому, кто путешествует, чтобы совершенствоваться.

Во-первых, я требую от него, чтобы он умел сносно читать по-французски и итальянски и немного говорил на них обоих. Он должен хорошо разбираться в порядках архитектуры, чтобы уметь правильно нарисовать любой из них, не ссылаясь на свои книги, и быть знакомым с их разновидностями на основных опубликованных примерах. Должно быть, он привык рисовать по слепкам или с камня обычные архитектурные орнаменты, и особенно коринфскую капитель; составлять из них планы, фасады, разрезы и виды: все необходимое для того, чтобы полностью понять их самому и дать возможность объяснить их другим. Я ничего не говорю о его способности делать общие планы зданий и т. Д., Потому что считаю это само собой разумеющимся. Он должен быть способен правильно изобразить эти орнаменты не только на плоских, но и на криволинейных поверхностях, как, например, на своде или куполе; и это не только геометрически, но и в перспективе, и он должен точно понимать формы, принимаемые в перспективе различными изгибами дорической капители и аттического основания, и влияние света и тени на них: предмет, возможно, несмотря на его крайнюю простоту, более сложный для восприятия, чем коринфская капитель. Все это, по-видимому, абсолютно необходимо для облегчения правильного понимания и разграничения объектов, с которыми он может встретиться в своем путешествии; и их последствий, как в виде отдельных объектов, так и в сочетании с другими частями и сопровождением. Позвольте мне добавить, что если бы он хотя бы попытался смоделировать некоторые из них, это было бы для него большим преимуществом, поскольку этот акт требует еще более точного знакомства с формой, чем даже правильный рисунок. Он также должен уметь рисовать пейзажи и фигуры; не как профессиональный художник или скульптор, но в достаточной степени, чтобы объяснить эффект как от ситуации, так и от добавления статуй и барельефов; и придать своим рисункам хотя бы масштаб за счет введения живых объектов.

Некоторые архитекторы считают это умение рисовать эскизы роскошью искусства, а не необходимым условием совершенства художника; но мне оно кажется чрезвычайно важным. Геометрические рисунки, размеры как частей, так и целого, он может почерпнуть из книг; что ему особенно следует изучить, так это связь между ними и эффект, производимый на его разум использованием этих мер; его эскизы - это записи его собственных чувств, и поэтому гравюры не заняли бы им места; даже если бы у нас были хорошие виды, что, как известно, не так, большинства зданий Европы, вызывающих восхищение; недостаточно рассматривать проект только с одной точки зрения; его следует рассматривать со многих точек зрения и сравнивать, по крайней мере мысленно, с другими зданиями. геометрический рисунок. Именно это причинно-следственное отношение и является надлежащим объектом его изучения. Что касается фигур, то, если он делает рисунки в большом масштабе, лучше обратиться к художнику, но он не всегда может это делать и должен быть в состоянии сносно снабдить их сам. Я ни в том, ни в другом случае не требую, чтобы он был законченным художником, а просто чтобы он умел выражать себя на этом языке с умом и чувством. Некоторые из этих приобретений, возможно, лучше приобретаются в Париже, чем в Лондоне; и в результате некоторые из наших художников, прежде чем отправиться в Италию, на год отдали себя под руководство французского архитектора и часто посещали академию. План хорош во многих отношениях, хотя, возможно, многие родители пришли бы в ужас, оставив молодого человека в возрасте, когда страсти сильны, а разум слаб, беззащитным перед парижскими соблазнами. Уместность этого будет во многом зависеть от характера и обстоятельств изучающего, и я не могу претендовать на то, чтобы давать какие-либо советы по этому вопросу. Что касается архитектуры, то у каждой нации свой стиль. Некоторых специфических недостатков, вероятно,

можно было бы избежать при свободном общении с художниками других стран, а инструкции во французской академии очень хорошие.

Вот и все о прекрасном в архитектуре: в строительстве меньше всего можно узнать во время путешествий, но студент не должен оставаться в неведении по этому поводу. Он должен знать элементы геометрии и математики, а также их применение к механике. Он должен быть знаком с обычным методом формирования крыш и полов, а также с принципами, которые определяют размеры различных частей; и усвоит общие правила, регулирующие толщину опор и стен, которые должны поддерживать действие сводов и арок. Необязательно, чтобы он был глубоким математиком или умел при каждом удобном случае вычислять величину действующих и противостоящих сил. Вычисления производились гораздо лучшими математиками, чем он, вероятно, будет, и, кроме того, такие результаты подвержены стольким исключениям и модификациям, возникающим из-за несовершенства материалов, что в конце концов оказывается, что главным руководством является опыт.

Удобство главным образом изучается при составлении планов, но нравы разных стран различаются настолько сильно, что то, что было бы совершенно удовлетворительным в одном месте, считалось бы очень несовершенным в другом: тем не менее, полезно наблюдать различное распределение квартир в разных местах и понимать их достоинства в связи с манерами жителей.

Изучение экономии, то есть наилучшего использования данного количества материалов и рабочей силы, или, что то же самое, выполнения любой данной работы с наименьшим возможным количеством материалов и рабочей силы, должно сопровождаться изучением конструкции и надежности. Привычка в каждом случае обращать внимание на то, насколько далеко оно было соблюдено и где оно потерпело неудачу, значительно укрепит суждение по этому вопросу; но мы всегда должны помнить, что создание менее красивого или менее прочного здания меньшими средствами - это не экономия, а бережливость.

Архитектор не должен быть простым художником; он должен иметь некоторое представление как о литературе, так и о науке, а также некоторые знания истории. Не для того, чтобы черпать из этого неуместные басни, как говорит нам Витрувий, а для того, чтобы обогатить ум и укрепить понимание. В каждом произведении искусства, и да простится мне повторение этого чувства, высшая ценность заключается в впечатлении ума художника; и как может заслуживать восхищения то, что является продуктом слабости или глупости?

Эти предыдущие размышления о том, что студент должен знать перед путешествием, довольно хорошо укажут нам, что он должен делать, находясь за границей. Я не буду пытаться указывать на конкретные здания, которые заслуживают его внимания; но я бы скорее порекомендовал ему изучить то, что поражает его больше всего. Он добьется успеха быстрее и, вероятно, дальше, тщательно совершенствуя свой природный вкус, чем пытаясь сформировать у себя другой. И пусть он никогда не забывает, что цель его изучения - выявлять красоты, а не перечислять недостатки и поздравлять себя с собственным превосходством или превосходством своей страны: он должен выискивать то, что превосходно, и отделять золото от шлака; и если в зданиях, которые обычно хвалят, он не может найти ничего, чем можно восхищаться, он может быть вполне уверен, что в нем самом есть какой-то недостаток. Их достоинства, возможно, могут заключаться в деталях, в отношении которых он менее чувствителен, чем многие другие люди, и он может считать, что такие детали ценятся более высоко, чем они того заслуживают, и,

возможно, он прав, думая так; и все же, если он не способен видеть эти достоинства, это следует отнести к его недостатку зрения.

Многие студенты-архитекторы, кажется, полностью посвящают себя измерению различных зданий, древних или современных, и воображают, что, занимаясь этим, они обязательно с пользой расходуют свое время. В определенной степени это желательная профессия, и она наполняет портфолио и демонстрирует большую трудолюбие; тем не менее, можно быть более трудолюбивым и приносить при этом больше пользы, но при этом иметь меньше поводов для демонстрации. Ни у одного художника и в мыслях не было досконально следовать какому-либо из этих зданий в своих собственных работах. Кому когда-либо придет в голову копировать Пантеон в его точных размерах и деталях, или какому работодателю, государственному или частному, это может потребоваться? и если бы это было сделано, разве у нас нет гравюр, которые были бы достаточно точными? При длине в 144 фута невозможно считать, что дюйм или два больше или меньше имеют какое-либо значение. Желание вернуться с большим количеством трудоемких рисунков также не является разумным мотивом. После первого месяца или двух ими пренебрегают, и поскольку в них самих мало красоты и они не нужны для подражания, они, возможно, навсегда останутся в портфолио. Истинный мотив для измерения любого здания - лучше понять его. Внимание ученика последовательно сосредоточивается на каждой отдельной части; он запоминает ее как бы наизусть, и то, что у него есть на бумаге, не имеет большой ценности по сравнению с тем, что он фиксирует в своем уме, и действительно, главное достоинство первой состоит в том, что она восстанавливает последнюю, которая среди стольких объектов могла бы быть забыта.

Что тогда должен сделать студент, так это увидеть каждое древнее здание и каждое значимое современное сооружение. Отмечать все, что ему заблагорассудится, и отмечать это на бумаге, либо письменно, либо набросками, или, скорее, и тем и другим. Рассмотреть, какими обстоятельствами обусловлен эффект, которым он восхищается; будь то общее распределение масс, расположение заказов или мельчайшие детали; и взять такие размеры и сделать такие рисунки, которые позволили бы ему при случае произвести аналогичный эффект; и этот мыслительный процесс должен быть применен не только к красоте, но также к прочности, удобству и экономичности здания. Это будет составлять его основное занятие; но, помимо этого, он сочтет полезным замечать все, что в плане или в орнаменте придает характер одному зданию или одному стилю архитектуры; копировать в деталях несколько самых красивых орнаментов, будь то фриз, капители или любая другая часть; и полностью просмотреть в планах, разрезах и т. Д. Одно или два древних и одно или два современных здания, пока он не овладеет чувством художника. Что касается затраченного времени, то это никоим образом не означает, что каждый должен увидеть все. Один может посетить Юг Франции, которым другой может пренебречь. Некоторые могут отправиться в один город Италии, а другие - в другой. Один может слегка пропустить то, что другой изучает с величайшим тщанием; но каждый должен увидеть Рим и Виченцу. Я могу добавить Пестум, а из Италии - Афины. Ни один человек не может составить точное представление о каком-либо архитектурном стиле, не увидев его лучших образцов. Отпечатки могут напоминать о том, что мы видели, но они дают очень несовершенное представление о степени совершенства того, чего мы не видели. Мы должны изучать коринфский собор в Риме, дорический в его более твердой и массивной форме в Пестуме; в его более изящных пропорциях в Афинах; если бы в Малой Азии сохранилось какое-либо ионическое здание, сохранившее сносно совершенное совершенство, я бы отправил его в эту страну, но, боюсь, это не тот случай. Рим будет его штаб-квартирой, потому что удобно

останавливаться преимущественно в одном месте, а Рим, судя по множеству его предметов, как древних, так и современных, и по обществу, сложившемуся среди художников всех наций, которые туда приезжают, гораздо предпочтительнее любого другого города. Если он пробудет здесь два года, включая одно лето в Тиволи и Палестрине, а другое - в Терни, Ассизи и других городах, ему это не покажется слишком большим. Восемью месяцевхватило бы для всего Севера Италии и еще трех для Неаполя и Пестума, при условии, что он не поедет на Сицилию, что я не считаю необходимым; на этом острове нет дорического здания, равного великому храму в Пестуме. Учитывая неудобства в путешествии и карантин, он должен разрешить себе поездку в Грецию по крайней мере на год, половину из которых он должен провести в Афинах. И все это, с учетом времени поездки и возвращения, займет несколько больше четырех лет; и если добавить Сицилию или Юг Франции, то можно взять что-нибудь из других предметов, чтобы доставить это в течение четырех с половиной лет: вероятно, лучше, чтобы студент отправлялся в путь с перспективой более раннего возвращения, поскольку четыре с половиной года кажутся долгим сроком как молодому человеку, так и его родителям; и первый, возможно, сможет расслабиться в своих усилиях, когда увидит время перед собой более ясно, чем занятия, которые должны заполнить его.

ПИСЬМО XLII.

СПЕКУЛЯЦИИ В РИМЕ.

Рим, август 1817 года.

Светоний в "Жизни Августа" рассказывает нам, что этот император хвастался, что нашел Рим из кирпича, а оставил его из мрамора. Я полагаю, мы не должны понимать это выражение слишком буквально, а просто как описание возросшего великолепия. Приписываемые ему Дионом слова о том, что он нашел его из земли, а оставил из камня, ближе к истине, если мы предположим, что термин "камень" применим ко всем материалам прочной природы, поскольку термин "земля", безусловно, подразумевает то, что было мягким и легко разрушалось. Я часто слышал, как за выражение Светония боролись как за буквальное описание факта; но из сохранившихся памятников, которые, как известно, были построены до времен Августа, ни один не сложен из кирпича; напротив, начиная с его времени кирпич, очевидно, использовался в наибольшем изобилии. Витрувий, который, безусловно, не публиковал свою работу до времен Августа, пространно описывает необожженные кирпичи, но ничего не говорит об образовании обожженных кирпичей, что, по-видимому, доказывает, что в то время они не были в обычном употреблении в Риме. Далее он утверждает, что очень хорошие и долговечные здания могут быть построены из обожженного кирпича, и приводит в качестве примеров несколько зданий в древней Греции и в Великой Греции. Другое обстоятельство, указывающее на то, что кирпичи в тот период использовались мало, содержится в его описании пуццоланы, *pulvis puteolana*, которую он описывает как превосходный строительный материал и которую находят около Байи и Везувия, в то время как на самом деле это вещество очень распространено в Риме и почти, если не совсем повсеместно, используется там при производстве древнего кирпича и щебня.

Если, однако, не сохранилось кирпичных памятников, которые *определенно* относятся ко времени Августа, то есть много таких, которые, как *предполагается*, относятся к республиканским временам. Большой цирк приписывается Ромулу, и среди незначительных фрагментов, которые изображены как его руины, можно заметить некоторую кирпичную кладку, но поскольку никто не может поверить, что они относятся ко времени Ромула, мы можем с таким же успехом предположить, что они были построены после, как и до, Августа; тем более, что работы того же характера, что и во дворце Цезарей сразу за ним. Самые ранние акведуки были построены во времена республики, но они служат любопытным уроком противраннего использования кирпичной кладки; хотя иногда их приводят в пользу этого. Храм Сатурна также считается древним; но является ли высокая кирпичная стена рядом с аркой Константина частью храма, и если это так, то храм не был перестроен при императорах, - оба спорных момента. Это свидетельствует о злоупотреблении использованием арок, которые в данном примере встречаются в сплошной части стены, когда внизу нет отверстий или вообще нет таких, которые соответствовали бы верхним аркам. Такое злоупотребление, по-видимому, не было введено очень рано, тем не менее, мы находим нечто подобное в Пантеоне, как уже было замечено. Еще одно сооружение, претендующее на древность, - это то, что обычно называют храмом Редикулуса, построенное в память об отступлении Ганнибала. Но Ганнибал, по словам антикваров, приблизился к Риму не в этом квартале, а в окрестностях Порты Салария, и такой храм, вероятно, был бы построен недалеко от того места, где он приблизился ближе всего к стенам. Нынешнее здание находится в долине, вдали от старой части города, и совсем не подходит для разведки местности, а характер работ не указывает на ранний период строительного искусства или изготовления кирпича.

Предполагается, что каменные здания были построены до времен Августа, это большая клоака и некоторые участки акведуков, которые в истории архитектуры не использовались так широко, как могли бы быть. Без них большая клоака представляет собой единственный пример использования арки от основания Рима до правления цезарей; они, по крайней мере, образуют ступеньки на этом долгом промежутке, хотя их все еще немного и они далеко друг от друга. Некоторые части мостов также считаются республиканскими, но я думаю только о опорах; и там есть остатки храма Эскулапа и храма сыновней почтительности. Мы можем добавить к ним "Табуларий" и несколько других фрагментов о Капитолии, мамертинских тюрьмах, гробнице Кая Поплика Бибула, храме Фортуны вирилис, семи колоннах храма Пудичитии патриции и храме Весты, или, если вам так больше нравится, храме Геркулеса победителя, поскольку у меня есть книга, демонстрирующая, что это последнее является истинным названием. Круглый храм с таким названием был построен где-то поблизости в 480 году от основания Рима, но автор книги готов предположить, что он был перестроен кем-то из первых императоров. Я уже приводил некоторые причины, которые склоняют меня к мысли, что это сооружение существовало раньше императоров, хотя, возможно, оно было значительно отремонтировано и отреставрировано ими; но я совсем не хочу верить, что это было так рано, в 480 году н.э. Фактически, будь то храм Весты, Геркулеса победителя или любого другого бога или богини, у нас есть только предположение относительно даты существования его остатков. Гробница Сципионов находится в пеперино; кирпичная кладка, найденная в ней, возведена позже. Фрагмент, называемый храмом Согласия, Милиция поместила среди зданий республики, но он не претендует на такую древность.

От времен Императоров у нас осталось шесть или восемь фрагментов храмов, полностью каменных; но все великие руины, бани, Колизей, храм Мира, в значительной степени сложены

из кирпича. В храме Юпитера Статора фундаменты, поддерживавшие стены и колонны, были каменными, но все промежуточные пространства были заполнены щебнем, чтобы образовалась сплошная масса каменной кладки. Щебень и кирпич, возможно, были облицованы мрамором, или открытые части были из травертина; и, возможно, и это, и пеперино подпадали под термин *marmor* среди латинян, поскольку они теперь часто включаются в *marmi* итальянцев.

В истории декоративной архитектуры мы можем заметить, что Композитный порядок был введен не так рано, как во времена Августа, но у нас нет материалов, позволяющих определить точную дату его изобретения. По-видимому, это был обычай людей, которые любили богатство эффектов, но им не хватало терпения или умения, чтобы достичь утонченности коринфского стиля: тем не менее, есть несколько образцов, очень красивых по дизайну и изысканно отделанных. Руины церкви Санта-Мария-ин-Космедим служат примером этого, и капитель, украшающая вход в баптистерий Константина, является другой, не менее красивой, но она настолько отличается расположением своих частей, что, если мы рассматриваем такие мелкие детали как существенные символы, вряд ли их можно рассматривать как один и тот же порядок. Среди фрагментов в Риме у нас есть сотни образцов, столь же или более необычных, но в целом гораздо более низкого качества изготовления, и было бы удобнее классифицировать все эти сильно украшенные капители как разновидности коринфских. Самый ранний коринфский антаблемент был без модиллионов и ничем не отличался от ионического. Модиллионы, вероятно, были введены примерно во времена Августа, и зубные протезы были уменьшены, чтобы освободить для них место, и даже временами опущены; но эта мода, по-видимому, продержалась недолго. Снова появились зубцы, но уменьшенные в размере или, по крайней мере, в длину; возможно, не в ширину, поскольку они пропорционально намного шире и дальше друг от друга, но часто соединяются наверху, при этом зубная полоса обрезается лишь частично, или же в верхней части промежутка был нанесен какой-нибудь небольшой орнамент: это действительно встречается на некоторых памятниках эпохи Августа. Точно так же яйца становились шире и располагались дальше друг от друга, а маленькие отростки между ними, которые сначала были просто остриями, превратились в наконечники стрел. В храме Юпитера тонанского каждое оculo помещено в углубление листа и само вырезано на поверхности; и в то же время, когда листья капители стали более едиными с твердым телом, которое они окружают, оculus были выполнены таким образом, чтобы стоять более отдельно от заднего плана. Этот процесс продолжался до времен Диоклесиана. Капители его бань отнюдь не посредственной работы, равно как и не плохой антаблемент, хотя и значительно уступающий во всех отношениях баням эпохи Августа и даже Септимия Севера. За короткий промежуток времени между Диоклесианом и Константином строители, кажется, забыли обо всем; между правлением Константина и смертью Гонория, за период более ста лет, я не видел ни одного сколько-нибудь значимого сооружения. Некоторые фрагменты могут существовать, но поскольку мы не знаем истории их возведения и не находим каких-либо отличительных особенностей в самих объектах, они не могут оказать нам никакой помощи в отслеживании прогресса или, скорее, упадка архитектуры. Возможно, мы можем отнести к этому периоду церковь или базилику Сан-Лоренцо. Колонны и капители любого здания, возведенного тогда в Риме, вероятно, всегда были взяты из более старых зданий, а антаблемент часто делался из фрагментов прежних антаблементов; но в портике этой церкви есть антаблемент, сделанный специально для здания, с высоким фризом из мозаики, а лепнина на карнизе состоит из почти прямых линий и с орнаментом небольшого рельефа. Из зданий, возведенных во время правления императрицы Платидии, а затем в правление Теодориха, то есть с 425 по 450 год и снова в первой половине VI

века, в Равенне существуют семь церквей, баптистерий и два мавзолея, которые я уже описал. Во времена Диоклезиана и до этого периода, когда арки и колонны использовались вместе, арки поднимались из верхней части антаблемента; во времена Константина их обычно поднимали из капителей колонн; и в некоторых странах мы находим, что эта практика существует сравнительно недавно, особенно в монастырях. Но северные народы, пытаясь скопировать римскую архитектуру, скорее подражали архитектуре времен Диоклезиана, чем более поздним временам. Однако они сильно уменьшили антаблемент и в конечном итоге превратили его в простую плиту над капителью, на которой все еще можно было проследить некоторые соответствующие орнаменты древнего антаблемента. С другой стороны, архитекторы, нанятые Теодорихом, установили под пружиной массивный блок, который, очевидно, является производным от конструкции каменной арки, а не от деревянного антаблемента. То же самое происходит в соборе Святого Марка в Венеции. Эта особенность образует одно из разительных отличий архитектуры эпохи Константина от архитектуры эпохи Теодориха; другое заключается в использовании карнизов: маленькие колонны последней эпохи часто стоят на них; а фальшпост арки иногда удлиняется до пояса и поддерживается колонной, которая не помещается под ее оконечностью; фальшпост продолжается за пределы своей опоры и поддерживает стену, значительно выступающую перед фасадом колонн. Нечто подобное происходит во дворце Диоклесиана в Спалатро, но я не наблюдал этого ни в одном из зданий Константина.

Третий отличительный признак можно найти в орнаментах, особенно в капителях; по исполнению они не сильно отличаются, но дизайн времен Теодориха намного хуже. Художники больше не пытались подражать античности, но приносили свои собственные, плохо воображаемые фантазии. Теодорих получил образование в Константинополе и, вероятно, закупал своих художников в этом городе. Мы знаем, что церковь Святого Марка в Венеции была построена в более поздний период под руководством греческого архитектора, и хотя между этими возведениями прошел интервал в несколько столетий, мы все же наблюдаем много сходства; и можем обоснованно считать, что некоторые из этих особенностей возникли из-за греческой школы искусства в более поздние века. Время от времени в других местах мы встречаем следы работы греческих художников, которых вполне достаточно, чтобы показать, что, хотя они объединились с западными и северными народами в деградации архитектуры, однако каждая нация следовала по пути, в какой-то степени присущему ей самой, и все же они не имели ничего общего с новым и совершенно иным стилем, который возник в результате этой деградации и который мы теперь называем готикой.

За пределами Рима было мало хорошей архитектуры, по крайней мере в Италии: в Римини есть арка, которая приписывается Августу, и, вероятно, справедливо, хотя надпись, от которой это в основном зависит, похоже, не находится на своем первоначальном месте; и мы видим в Анконе арку, посвященную Траяну. Последний имеет простую форму и приятные пропорции, но детали у обоих плохие.

Вы спрашиваете меня, что я думаю об итальянцах, и упрекаете меня в том, что я забываю, что во дворцах, которые я описываю, есть обитатели, а в церквях - прихожане. Здания всегда передо мной, но какие у меня есть средства, чтобы, так поспешно кочуя с места на место, проникнуться характером людей? И все же, чтобы не показаться непокорным вашему авторитету, я дам вам такой набросок, какой смогу, но, боюсь, он будет похож на те полдюжины штрихов, которые мелкий рисовальщик иногда называет видом с натуры, но который никто не может понять,

кроме него самого. Во-первых, характер людей в различных штатах Италии значительно отличается. Миланец не похож ни на жителя Венеции, ни на тосканца. Тосканские крестьяне - одни из лучших в Европе. Они опрятны в своих домах и лицах; возможно, их не считали бы таковыми во Фландрии, но они, безусловно, должны считаться таковыми в Италии; вежливы с незнакомцами и, я полагаю, справедливы и честны в своих отношениях; и добавьте к этому, что они обладают поразительной легкостью выражения в своем прекрасном языке, хотя и немного злоупотребляют им в произношении. Кажется, они естественным образом подбирают самые лучшие слова из возможных, и их грамматика почти всегда правильна. Жители Перуджи и Ассизи разделяют с ними их вежливость и видимость доброты по отношению к незнакомцам; но это не является общим характером римских государств, где они сдержанны, а иногда почти угрюмы, особенно в Кампанье. Мне кажется, что я вижу в римлянах следы их древнего характера, но, возможно, в большей степени их свирепости при императорах и в средние века, чем независимости их ранней истории. И все же, кажется, что-то от этого тоже есть. Их свирепость уступит место наставничеству и лучшей религии, если им это будет позволено: возможно, это качество из всех других наиболее неблагоприятно для свободы. Если бы это проявилось в отделении Священной горы, республика должна была бы быть уничтожена, и Рим больше не смог бы восстать. Римлянин горд; тосканец тщеславен; неаполитанец тоже, но совсем по-другому; последнее - преувеличенное французское тщеславие; первое - тщеславие валлийца, ставшее более разумным; но во всех этих разновидностях, я думаю, вы оцениваете итальянский характер слишком низко. В нем заложены зародыши многих совершенств; более того, они наполовину развиты, но деспотическая религия и депрессивное правительство препятствуют их распространению.

В Риме существует любопытное разделение должностей в зависимости от мест, откуда приезжают люди. Романьюоли с севера Апеннин приезжают обрабатывать землю в октябре и возвращаются в феврале. Марчеджани привозят из Анконской марки в январе или феврале с аналогичной целью. Около половины из них возвращаются на Пасху, остальные остаются до конца июня, и иногда они собирают урожай, но сразу после этого они покидают окрестности Рима, и работу продолжают подданные Неаполя, главным образом из Абруцци. Мужчины из Генуи и Лукки трудятся на оливковых полях. Люди из Аматричи копают и перевозят землю; этим также занимаются некоторые из жителей Аквилы. Другие рабочие из Аквилы рубят лес в горах, но те, кто рубит его на берегу, родом из другого района. Аматричани также являются носильщиками на площадях и рынках, но те, что на Рипе, - генуэзцы. Носильщики в доме - граубюндены, или из Вальтеллины. Пекари родом из Фриули. Мужчины из Норчи занимаются приготовлением свиного мяса различными способами и изготовлением сосисок. Мясники, сапожники, работники по переработке шерсти, кучера наемных экипажей и большая часть домашней прислуги - римляне. Жители Абруцци обычно считают Рим своей столицей, и говорят, что около трети студентов римских колледжей - выходцы из этой страны. Одна треть - корсиканцы, а остальные римляне.

Иногда я тешу себя великолепной мечтой сделать Рим столицей цивилизованного мира или, если хотите, центром объединения, ибо я хочу придать ему влияние, а не авторитет. Мне кажется, что такой центр был бы чрезвычайно желателен; что Рим был бы лучшим местом для этого; и что главой правительства такой интеллектуальной столицы должен быть *религиозный* человек, если можно так выразиться по существу; но, тем не менее, это должно быть свободное правительство; и я готов логически доказать всему миру эти четыре положения и некоторые другие, связанные с ними; но поскольку я убежден, что ни вы, ни кто-

либо другой не обратит внимания на мои аргументы, я могу также избавить себя от необходимости их записывать. И все же я не думаю, что это такой уж дальновидный план; и если бы я был папой римским, я бы немедленно приступил к нему. Гордость, которую я приписал римлянину, во многом благоприятствует моему плану; довольный тем, что считает себя принадлежащим к первому городу во вселенной, он больше, чем большинство других людей, желает видеть, как рядом с ним процветает чужак, потому что чувствует, что это в какой-то степени дань превосходству его родины. Рим всегда славился выдающимися иностранцами, которых он усыновлял, а не талантами своих собственных граждан, и, несомненно, более почетно таким образом натурализоваться, чем производить на свет великих людей; последнее кажется делом случая, первое зависит от великодушных чувств жителей.

Чтобы осуществить такой план, Рим должен быть свободным; это, пожалуй, самое важное условие из всех. Очень поразительно наблюдать запустение многих городов Италии — когда-то густонаселенных, могущественных и процветающих; теперь бездуховных и наполовину заселенных.^[20] Их время процветания было временем войн снаружи и смуты внутри. Их упадок произошел при сравнительно мягком правительстве; они не подвергались нападениям внешних врагов и не были разорваны на части внутренними раздорами. Вдобавок к этому, старые правительства были радикально плохими, они были попеременно аристократическими и демократическими; обе формы, которые при использовании в несмешанном виде, как это было примечательно в Италии, по сути порочны, потому что они стремятся к благу только части. Истинная идея республики — это та, целью которой является целое, где каждый существующий ранг, от принца до ремесленника и крестьянина, имеет свою долю влияния и равную защиту; и представительное правительство Англии, несомненно, является тем, которое ближе всего подходит к этому идеалу. И все же, какими бы плохими они ни были, в этих итальянских городах было достаточно свободы, чтобы уравновесить, и более чем уравновесить, многочисленные пороки, которым они подвергались. Тот, кто внимательно читает Гиббона, может заметить последствия произвола власти и дурных институтов в упадке не Римской империи, а Италии в правление Константина, когда она еще не пострадала от варваров; или, если его любопытство и терпение поддержат его на страницах "Денины", он может найти там более полное изложение этой идеи, хотя автор является открытым и решительным сторонником произвола власти, думая, что

Che assoluto, dispotico governo

`E buono per l'estate, e per l'inverno.

Но вы, возможно, скажете мне, что какой бы желательной ни была свобода в других случаях, все же там, где главой правительства является также глава римско-католической церкви, правительству должно быть деспотическим, потому что этого требует характер религиозных институтов. Вы ошибаетесь. Римский понтифик в средние века в общей системе политики был другом свободы и народа; он был изгнан из дома, брошен властителями, которых он оскорблял, временами лишался почти всего, однако его влияние и авторитет возрастали во время этих превратностей и снижались, когда благоразумные мотивы заставляли его становиться орудием в руках других государей. Правило веры, как правило, сужалось, чтобы угодить им, а не ему. Если он хочет восстановить свое влияние, он должен снова стать защитником рациональной свободы, умственной и телесной, религиозной и политической; его монахи должны быть собранием людей образованных и талантливых; он должен подавлять своих нищих, которые

получают больше презрения, чем богатства. Обстоятельства времени таковы, что самое великодушное поведение является самой верной политикой. Самая чистая мораль и самая просвещенная религия - это именно те средства, с помощью которых он мог добиться наибольшего влияния. Религия очень скоро приобрела бы новый оттенок в отношении свободных институтов; некоторые практики были бы изменены, и многие злоупотребления постепенно прекратились бы, но во всем этом единственной заботой папы было бы не отождествлять себя с падающими частями системы. Люди, как правило, достаточно охотно отделяют личности и законную власть своих правителей от злоупотреблений правительства, если их начальство им позволит. Я сомневаюсь, что исповедь устоит, хотя Вольтер восхваляет этот институт. Ни один человек ни в какой степени не должен быть освобожден от ответственности за свои собственные поступки; введение рациональной свободы обязательно влечет за собой более высокий уровень моральных чувств. При деспотических правительствах воля господина смешивается с моральным законом, и это поощряется исповедью священнику, система которого, по-видимому, включает поддержку всех произвольных правительств. О вдохновении и силе творить чудеса говорили бы так же, как в Англии. Чистилище, вероятно, уступит место, по крайней мере, мы не увидим таких уведомлений, как следующее:

“Chi visiterà questa Ven. Basilica de’ Ss Cosimo e Damiano nelle Giorni qui notate, confessato e comunicato, acquisterà Indulgenza plenaria, come per rescritto di Nostro Signore Papa Pio settimo li 23 Dicembre, 1808.”

Далее следует список из двадцати восьми дней.

“Indulgenza plenaria alla Capella di S. Antonio in uno de’ Martedì di ciascuna mese del anno da eleggersi ad arbitrio di chiunque confessato e comunicato.

“E più.

“Sette Anni ed altre tante quarantine d’indulgenza in tutti gli altri Martedì dell’ anno.”

Итальянцы, особенно жители римских государств, похоже, не очень довольны своим нынешним политическим положением. Они недовольны папой римским, потому что после его возвращения у них был неурожай. В этом году урожай пшеницы был превосходным, виноград - обильным и вкусным, оливки - многообещающими; все это, несомненно, окажет свое влияние на политические настроения простых людей, но кукурузы, скорее всего, будет недостаточно, и вина ляжет на бедного папу римского. Возможно, вам покажется излишней насмешкой, если я скажу, что, поскольку папа действительно претендует на некоторое влияние в правительстве мира, недовольство по этому поводу при нем более разумно, чем при светском монархе. Но не может быть никаких сомнений в том, что суеверие, столь тщательно сохраняемое среди итальянцев, облегчает ассоциацию такого рода. Привыкшие рассматривать все происходящее как судилище или чудо, приученные верить, что погода, благоприятствующая их желаниям, и хороший урожай являются результатом церемоний и процессий, как они могут не приписывать плохое подобным причинам и не представлять себе неудачный год следствием недовольства Всемогущего против их правителей. Прекращение воинской повинности также произвело скорее плохой эффект, чем положительный, вызвав недовольство. В Италии это было менее жестоко, чем во Франции, и, хотя принесло огромные страдания отдельным людям и семьям и, вероятно, сильно деморализовало, тем не менее, это лишило бы жизни огромное количество людей, которые сейчас едят и ругаются дома. Тогда, хотя французское правительство взимало

высокие налоги, оно все же щедро тратило деньги. Сейчас налоги еще выше, а расходы значительно сокращены; продукция, согласно общему отчету, направляется в Австрию, но я не понимаю почему.

Я подозреваю, что дурной воздух Рима и Кампании был сильно преувеличен. В последнем, по-видимому, ощущается нехватка полезной воды: Рим снабжается в изобилии, и это, возможно, отчасти является причиной того, что город более полезен для здоровья, чем сельская местность. Другой источник болезней следует искать в характере пищи, которую едят бедняки. Когда мужчина завтракает огурцами, ужинает дынями и ужинает любовными яблоками, что у него есть, чтобы прокормиться? Весной вместо них подают портулак, артишоки и листья салата. Фрукты в Риме дороже, чем в Болонье, но овощи вкусные и их много. Вчера вечером одна дама жаловалась, что за тележку салата-латука она может выручить всего пятнадцать паулсов, тогда как сорок пять паулсов равняются фунту стерлингов. Масса артишоков, состоящая из двадцати шести штук, обошлась этой весной в два байока. Они маленькие, их отваривают до мягкости и едят целиком. Любовные яблоки иногда продавались по цене от двенадцати фунтов за баек. В то же время цена на пшеничный хлеб составляет около двух третей от цены в Англии. Полента дешевле, но велик соблазн набить желудок едой, которая хоть и менее полезна, но более пикантна, а также по более низкой цене.

ПИСЬМО XLIII.

НЕАПОЛЬ.

Рим, 28 сентября 1817 года.

Я не знаю, устали ли вы от Рима, но я знаю, что я нет. Рим - рай для художников; он полон их произведений и их воспоминаний; но что больше всего способствует тому, что пребывание в Италии в целом и в Риме в частности делает нас такими интересными, так это всеобщее сочувствие, которое мы проявляем к объектам наших поисков. От принца до крестьянина, от самых образованных до самых невежественных, все, кажется, находят удовольствие в произведениях изящных искусств; и именно это сочувствие больше, чем что-либо другое, делает жизнь приятной; отсутствие его всегда огорчает. Почему сжигали еретиков, как не потому, что они хотели сочувствия народа? Или, по крайней мере, люди, верящие в это, не испытывали к ним сочувствия. Что это, как не предполагаемое отсутствие сочувствия, делает население таким враждебным к пекарям и кукурузникам? Оно воображает, что они радуются дороговизне продуктов, которая является причиной страданий бедных, и поэтому относится к ним с отвращением. Но я перешел к морализаторству, хотя должен был бы рассказать о своем путешествии сюда. Первые шаги - это получение паспорта и справки о состоянии здоровья; при предъявлении последнего не возникает никаких вопросов, и все, что вам нужно сделать, это заплатить несколько *baïocs*. По-видимому, возникло некоторое подозрение на заразную болезнь в Неаполе, и римское правительство, следовательно, потребовало справку о состоянии здоровья от всех лиц, прибывающих из Неаполя. В качестве репрессии неаполитанское правительство теперь требует аналогичное свидетельство от всех прибывающих из Рима.

Веттурино, как обычно, разочаровал меня во времени отъезда, но 26 августа мы покинули Рим. Я не могу похвастаться приятностью вечеринки с упрямым водителем, глупыми папой и мамой и избалованным ребенком. Некоторые сцены между отцом и ребенком были настолько отвратительны, что я не рискну изложить их на бумаге. Первый рассказал мне, что воспитывал мальчика по системе английского писателя по имени Балокселло, который учил, что ребенку никогда не следует противоречить. Кроме них, там был француз, который был очень приятным и добродушным; но он нагрузил карету большим количеством товаров, и это стало источником значительных хлопот и задержек на таможне. В кабриолете были два англичанина, которых я почти не видел.

Первую ночь мы провели в Веллетри, а на следующее утро были остановлены в Чистерне рассказом о почтальоне, убитом накануне вечером при переходе через Понтийские болота. Пассажир, находившийся в карете, отделался потерей значительной суммы денег, но бедный почтальон, возможно, потому, что он не остановился немедленно, когда ему приказали, или, возможно, без какого-либо предварительного приветствия, получил три пули в свое тело. Лошадь, на которой он ехал, тоже была убита. Прохожие посоветовали нам взять охрану, и наш веттурино очень старался убедить нас сделать это, но мы рассудили, что никакой опасности не может быть среди бела дня, когда вся страна переполошена и, кроме того, у грабителей полно денег; и мы отправились дальше без них. Тело почтальона лежало на дороге, откуда, по видимому, его нельзя было сдвинуть с места, пока назначенный офицер не осмотрит его. Путешественник, несомненно, поступил очень неосторожно, перейдя болота без охраны в темноте, тем более что было известно, что у него при себе деньги; и, возможно, еще более неосторожно остановиться и поужинать, как он это сделал, в жалкой маленькой гостинице по дороге. Мы остановились (но днем) в том же месте, и я не мог отделаться от мысли, что, возможно, нахожусь в той самой комнате, где было спланировано ограбление прошлой ночью и все подготовлено к его исполнению. Воздух над этими болотами восхитительно мягкий и приятный, но я чувствовал не больше расположения ко сну, чем обычно, когда, рано встав, я путешествую по равнинной местности. Француз, однако, был полон решимости не давать нам спать, и с помощью разговоров и бутылки *винегрета из четырех блюд* добился своего относительно тех, кто находился в вагоне, но англичане в кабриолете спали и не испытывали никаких неудобств. Я несколько раз встречал их в Неаполе, и, кажется, у одного из них было что-то вроде лихорадки, но не сразу после путешествия. Пейзаж на большей части пути через эти знаменитые болота очень приятный; это больше похоже на путешествие через Нью-Форест, чем через Ромни-Марш; а далекие горы представляют собой особенность красоты, которой не обладает ни то, ни другое. Быстрый, прозрачный ручей бежал иногда по одну сторону от нас, иногда по другую, а иногда ограничивал обе стороны дороги. Дикая лоза карабкалась по верхушкам деревьев и изящными гирляндами свисала с ветки на ветку. Главным объектом возделывания казалась кукуруза, и растения выглядели удивительно сильными и здоровыми. Мы остановились на ночлег в Террачине, очень живописном месте. Гостиница находится на берегу, вместе с таможней и несколькими другими зданиями, в то время как город расположен на холме совсем рядом. Я подбежал посмотреть на остатки храма, которые сейчас встроены в стены собора. Они состоят из двух обломков коринфских колонн и части стены с орнаментированной облицовкой; все они возвышаются над высоким продолжающимся цоколем. Внутри собора также представлены несколько отдельно стоящих колонн и другие фрагменты древности. Здесь также есть остатки циклопических стен, но ничего особенного. На гораздо более высоком и отвесном возвышении находятся стены древнего Анксурса, но посетить

их у меня не было времени. В Террачине мы впервые встречаемся с миртами, и растительность приобретает другой характер, свидетельствующий о более теплом климате. Отчасти это происходит из-за превращения почвы, вулканических отложений в окрестностях Рима, в известняковую скалу; и отчасти, возможно, из-за нашей близости к морю, а также из-за более южных широт. Наш веттурино обещал отправиться в путь в два часа ночи, но поскольку он назначил это же время накануне вечером и сам был готов только в начале пятого, я заключил, что то же самое повторится снова. После того, как мы расстались, итальянец прислал личное сообщение, что он не отправится в путь до рассвета. На следующее утро, когда в начале пятого мы все были готовы к отъезду, веттурино объявил, что из-за этой задержки он будет в Неаполе на день позже и что он вообще не отправится в путь, если мы не согласимся оплатить не только наши собственные расходы, но и его самого и его лошадей за дополнительную ночь. На это итальянец, которого с некоторым трудом заставили признаться в сообщении, не согласился, и, конечно, никто из других пассажиров не взялся за это. Напротив, я заверил его, что не только ничего не доплачиваю, но даже не собираюсь выплачивать ему оставшуюся часть моего соглашения, если только он не выполнит свою часть и не доставит меня в Неаполь самое позднее через четыре дня. По условиям нашего соглашения, он должен был сделать это за три с половиной дня. Наконец, сочтя дело безнадежным, он согласился, но мы покинули Террачину только после пяти. У нас произошла еще одна ссора в Торре дель Эпитаффио, где один из полицейских настоял на том, чтобы положить в кабриолет огромный арбуз, который, катаясь по ногам пассажиров, был бы неприятным спутником. Они протестовали, сначала сдержанно, потом сердито, и наконец выбросили дыню, которая, упав на твердую дорогу, разлетелась на куски. Разразился сильный шторм, но это не имело последствий. Когда мы впервые въезжаем на территорию Неаполя, дорога восхитительна, она проходит вдоль подножия известковых гор Вольски. Справа мы видим иногда море, иногда разнообразную долину, из которой отдельными точками возвышаются выступающие части побережья, образующие почти цепь островов. Сады, заполненные большими апельсиновыми деревьями, растущими во всей их природной красоте, составляют яркую черту в подходе к Фонди. В этом городе неаполитанская таможня задержала нас более чем на два часа. Следующее место - Итри, очень живописный городок, где есть циклопические стены. При приближении к Мола-ди-Гаэта нам указывают на Гробницу Цицерона; усеченный конус из щебня возвышается на квадратном цоколе, облицованном большими квадратными камнями. Первоначальная вершина была разрушена, и на ее месте стоит круглая средневековая башня; к сожалению, свидетельства не совсем удовлетворительны относительно цели ее возведения, однако смерть прославленного римлянина, должно быть, произошла по соседству и, возможно, на этом самом месте.

Мы добрались до Мола-ди-Гаэта почти к четырем часам. Здесь снова произошла ссора, веттурино заявил, что его мулам нужно отдохнуть по крайней мере три часа, и что, поскольку мы настаиваем на том, чтобы отправиться в Неаполь на следующий день, нам придется ехать всю ночь. Спорить было бесполезно, он был гораздо упрямее своих мулов, но, к счастью, ему самому захотелось немного поспать, и мы остановились на несколько часов в Санта-Агата-де-Готи. В Капуе он обнаружил, что его мулам потребовалось всего полтора часа, в то время как я был бы рад пробыть там три часа, и в этом случае я мог бы посетить старую Капую. В современном городе мало что сохранилось, за исключением нескольких колонн в соборе из гранита, чиполлино и биджио антико, которых едва ли достаточно, чтобы заинтересовать человека, только что покинувшего Рим. Из Капуи местность кажется покрытой сплошной рощей невысоких тополей, по которым пышно вьются виноградные лозы; а внизу выращивают

пшеницу и индийскую кукурузу. Я следил за Везувием; погода была туманная, но я различил его незадолго до нашего прибытия в Капую, увенчанный тонким столбом дыма, а когда мы приближались к Неаполю, мы время от времени замечали его красные кончики, время от времени показывающие небольшое извержение. Нам пришлось остановиться у трех таможен, но наш веттуриноне отвез нас на постоянные дворы, что является обычной практикой, а поехал прямо к месту своей остановки и, в конце концов, имел наглость потребовать *buona mano*. Я снял комнату в гостинице под названием "Сперанцелла" за три карлайла в день, а карлайн стоит около четырех с половиной пенсов. Хозяин - миланец, а метрдотель - тосканец, и оба благодарят Бога, что они не неаполитанцы. Лаццарони хотели два пиастра (или доллара) за то, чтобы донести мой сундук, но удовлетворились половиной одного, зная, что им заплатили вдвое больше, чем они должны были получить.

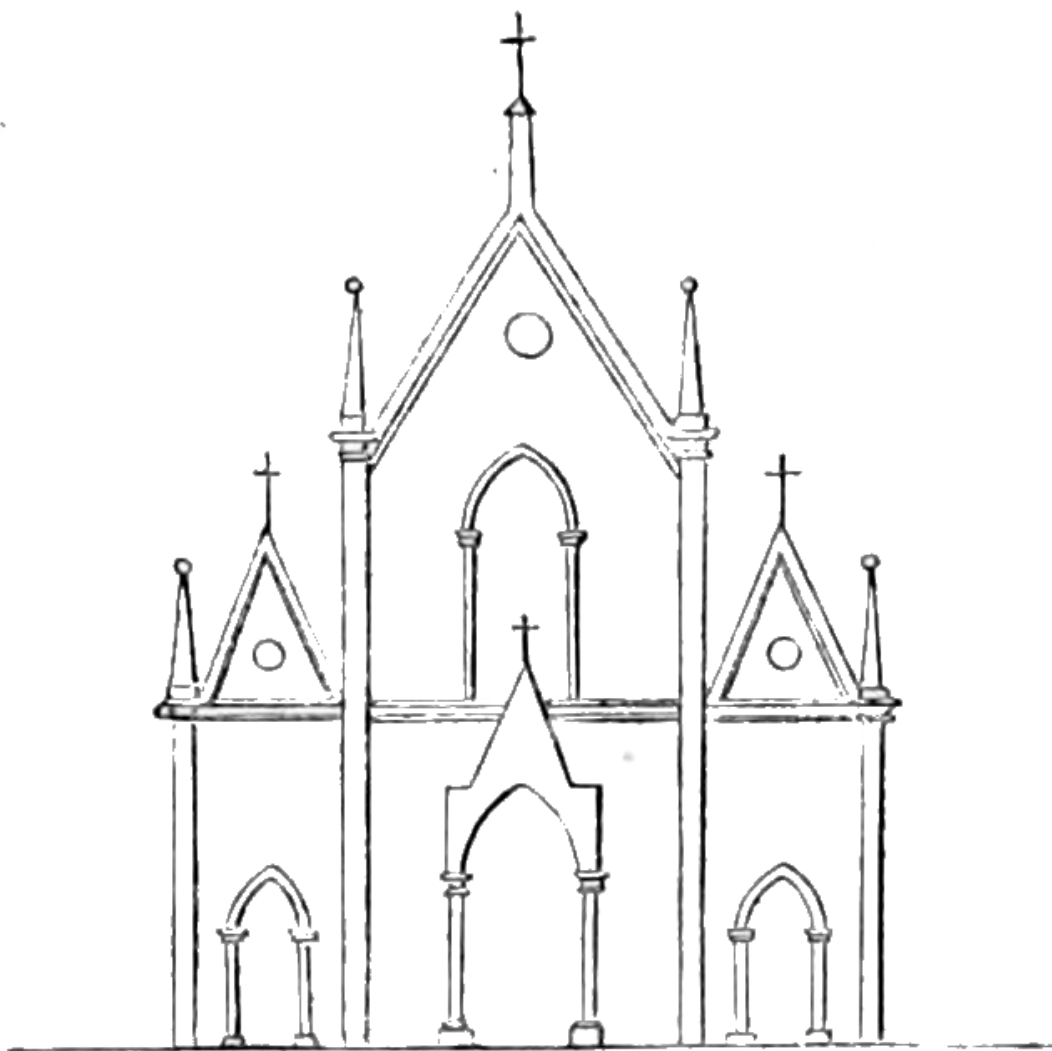
Архитектура неаполитанских дворцов не требует каких-либо особых замечаний. Это правда, что они состоят из крупных деталей и часто имеют прекрасную сплошную массу, что всегда производит великолепный эффект; но пропорции редко бывают очень хорошими, а детали почти всегда плохими. Эти наблюдения применимы как к королевскому дворцу, так и к отдельным людям. Он расположен на площади и представляет собой на главном этаже непрерывный ряд из двадцати одного окна, по непрерывному фасаду площадью 520 ладоней, или около 447 английских футов; высота составляет 110 ладоней, или 94 фута. При всем этом дизайн совершенно прост, за исключением небольшого беспорядка в центре, который является дефектом, не имеющим большого значения. Такой масштаб должен производить благородный эффект. Архитектором был Доменико Фонтана, и он превратил нижнюю часть в аркаду; но "чтобы укрепить здание, " говорит Романелли, - с тех пор были заполнены альтернативные арки". Каким бы ни был мотив, красота здания сильно пострадала.

К дворцу примыкает большой театр Сан-Карло. Некоторая степень каприза, по-видимому, допустима в архитектуре современного театра, по крайней мере, она обычно встречается там, отчасти, возможно, из-за трудности адаптации обычных аранжировок к такой цели. Фасад нынешнего здания состоит из аркады внизу и небольших колонн наверху, с большими опорами под каждым углом и очень тупо треугольной вершиной. Возможно, мы можем признать некоторые достоинства этой общей идеи, но недостатков так много, что если бы я стал их перечислять, вы были бы в недоумении, как в ней может быть хоть какая-то красота. Кастелло Нуово было резиденцией неаполитанских королей и теперь соединено с дворцом, чтобы служить убежищем для государя в случае каких-либо общественных беспорядков. Триумфальная арка в первой линии укреплений заслуживает внимания не столько из-за своих собственных достоинств, которые, однако, не вызывают презрения, сколько из-за истории искусства. Он был построен Пьетро Мартино, миланцем, при Альфонсе Первом, который умер в 1458 году. Я не нахожу имени этого архитектора из Милиции, но мы можем предположить, что он современник Л. Б. Альберти, который родился в 1398 году. Дизайн полностью выдержан в стиле, называемом здесь *cinque cento*, и его можно считать одним из крупнейших и наиболее продуманных постановок того периода, а также одним из самых ранних. Он изобилует скульптурами, некоторые из которых очень хороши, но как произведение архитектуры в целом это не радует.

Дворец Студий - прекрасное здание, в нем собрана великолепная коллекция статуй, уступающая только статуям Капитолия и Ватикана и, возможно, галерее Флоренции. В живописи он уступает Риму, Флоренции и Болонье, но в бронзе и этрусских вазах превосходит все

остальные. Эти последние сами по себе представляют собой очень обширный и очень сложный объект изучения, связанный с мифологией и историей анекдотов древних. У меня нет намерения углубляться в столь сложную тему, но я ограничусь восхищением красотой форм, грациозными позами и действиями фигур. Эти достоинства почти никогда не подводят, хотя чертеж отдельных деталей часто бывает бракованным. При студии есть библиотека, и я считаю, что это хорошая библиотека, но к ней не так легко получить доступ, как к большинству континентальных библиотек, куда вы просто заходите и с помощью простого обращения к библиотекарю получаете любую книгу, которая вам может понадобиться. В одном из дворов выставлена большая коллекция архитектурных фрагментов, значительная часть которых привезена из Поццуоли. Мне хотелось сделать несколько набросков, чтобы сравнить их с тем, что я встречал в других местах, но ко мне послали служащего сказать, что там нельзя делать никаких рисунков без разрешения директора. Поэтому я обратился к нему, и его ответ был таким: “Если вы обратитесь к своему министру и получите приказ от правительства, как вы сделали в отношении Помпеи, я *должен* дать вам разрешение”.

После столь долгого воздержания я должен воспользоваться привилегией провести вас по церквям, хотя после того, как вы насладились в Риме великолепным зрелищем со времен Константина до наших дней, церкви Неаполя кажутся довольно плоскими и безвкусными. Начнем с кафедрального собора. Вам говорят, что он был построен Константином на руинах храма Аполлона; звучащие слова, не совсем лишены смысла, поскольку если это и не относится к основному корпусу самого собора, то, возможно, отчасти так оно и есть, применительно к небольшой церкви Санта-Реститута, входящей в собор, и образующей своего рода большой придел. Строительство нынешнего здания было начато при Карле Первом Анжуйском в 1280 году, а строительство было завершено Карлом Вторым в 1299 году. По словам Вази, он был разрушен землетрясением в 1456 году и восстановлен в готическом стиле Николой Пизано при Альфонсе Первом. Сейчас мы не знаем точно дату ни рождения, ни смерти этого художника, но мы находим Джованни да Пизу, который, вероятно, был его сыном, работавшим на Кампо Санто в Пизе в 1278 году, и Никола, вероятно, в то время был либо мертв, либо преклонных лет. Тогда возможно, что он работал в Неаполе в первоначальном здании, но не в этой реставрации. Милиция приписывает фасад ученику Николы по имени Мальоне, но даже это может относиться только к примитивной эрекции, а не к какой-либо реставрации при Альфонсо. Фасад был возведен в 1407 году (следовательно, до землетрясения), но восстановлен в 1788 году. Поскольку он все еще готический, я полагаю, что эта реставрация заключалась всего лишь в неумелом ремонте старой работы. Таким образом, мы можем рассматривать оригинальный дизайн, насколько мы можем его проследить, как пример архитектуры начала пятнадцатого века в Неаполе, периода, когда Брунеллески процветал во Флоренции, а готические формы уже были отброшены. Я полагаю, что это была композиция, показанная на следующем рисунке, с большим фронтоном посередине, возможно, образованным равнобедренным треугольником, и меньшим и более острым с каждой стороны.

Верхний фронтон теперь усечен, а промежутки между меньшими фронтонами и зданием замурованы, образуя фасад более уродливый, чем вы можете себе представить, из того, что действительно кажется приятной композицией. Собор в Мантуе, по-видимому, был сооружением в том же стиле.

Внутри почти все модернизировано; только две или три боковые часовни сохранили следы времени своего возведения. Говорят, что в нем находятся 110 колонн из египетского гранита и африканской брекчии, принадлежащих древнему храму Аполлона; но если это так, то они, должно быть, были очень маленькими, менее восемнадцати дюймов в диаметре, и сейчас все они покрыты штукатуркой. (Видите ли, английские церковные старосты имеют авторитет в том, что они делают.) Однако я скорее сомневаюсь в этом факте. По левую руку находится древняя церковь Санта-Реститута; здесь, несомненно, много древних шахт. Все они небольшие, но различаются как по размеру, так и по материалу. Капители в плохом состоянии; одна или две, возможно, были хорошими, но в целом они имеют плохую конструкцию и плохое качество изготовления; немногие из них подходят к древкам; над капителями установлены большие литые блоки для подпружинивания арок. Сейчас они заостренные, но сначала, вероятно, были полукруглыми. Готическая отделка оригинального здания была украшена рококом,^[21] и в целом здание совершенно лишено архитектурного эффекта.

Напротив церкви Санта-Реститута находится часовня Сан-Дженнаро, которая имеет форму греческого креста и, возможно, скорее великолепна, чем красива, хотя и не лишена некоторых архитектурных достоинств. Две элегантные колонны *verde antico* украшают вход. Все здание богато отделано различным мрамором и несколькими эффектными алтарями и само по себе образует небольшую церковь. В праздничный день в этой часовне для благоговения народа выставляются пятьдесят три бюста святых, защитников Неаполя; тридцать пять из них сделаны из серебра, остальные восемнадцать - из бронзы. За главным алтарем в стене есть небольшой шкафчик с серебряными дверцами, где, как мне сказали, хранится череп святого Януария и знаменитая кровь, которая является настоящим чудом города. В этой капелле есть несколько замечательных произведений Доменикино; и Гвидо также был нанят, чтобы поработать здесь своим карандашом, но ревность неаполитанских художников побудила их отравить первых, а последний был отпугнут их махинациями и заговорами против него. В сокровищнице позади вас представлено множество реликвий и богатых подарков, но ничего такого, что произвело бы большое впечатление на мою память. В этой церкви есть несколько готических гробниц, а также прекрасная готическая кафедра и балдахин. В этой части Неаполя мы находим несколько зданий эпохи Возрождения, (жаль, что я не могу аккуратно выразить это по-английски), а также множество маленьких часовен и алтарей в церквях этого стиля, который повсюду очень отчетливо заметен. Рельеф различных частей невелик, антаблемент часто обрывается вокруг пилястры, которая, таким образом, становится простым украшением; орнаменты легкие и элегантные, а исполнение в целом красивое; характер скорее греческий, чем римский, хотя планы таковы, что чистота греческого вкуса была бы неприемлема. В зданиях того периода всегда есть чем восхищаться, однако следует признать, что это вид искусства, который лучше преуспевает в небольших композициях, чем в больших сооружениях; и первые, то ли из-за обилия талантов у художников, то ли из-за каких-то других обстоятельств, с которыми я не знаком, почти всегда хороши: обладают прекрасными пропорциями и правильным чувством.

Церковь Джероломини находится совсем рядом с кафедральным собором. Неф образован красивыми гранитными колоннами, поддерживающими арки, а над ними расположены антаблемент второго порядка и плоский потолок; украшения чрезвычайно безвкусны, но пропорции хороши.

Неподалеку находится церковь Сан-Паоло, где две прекрасные древние коринфские колонны с частью архитрава над каждой выступают из фасада здания и, кажется, удивляются своему собственному положению, которое теперь совершенно не имеет значения. Это остатки храма Кастора и Поллукса, построенного неким Юлием Тарсом, вольноотпущенником Тиберия. Портик был целым только в 1688 году, когда Миссон увидел его, но ближе к концу того же года он был разрушен землетрясением. Есть и другие следы стен этого храма, но ничего интересного. Внутри церкви в изобилии позолота и прекрасный мрамор. Расположение плохое, с чередующимися большими и малыми арками, самые большие из которых слишком малы для того порядка, который в них используется. И все же темный насыщенный мрамор гармонирует с низкими пропорциями и производит приятное впечатление, несмотря на недостатки архитектуры.

По соседству есть маленькая часовня, принадлежащая князьям Сангро, знаменитая тремя статуями, в которых художник попытался понравиться хитростью и изобразить преодоленные трудности. Первая - это фигура Скромности, покрытая тонкой, прозрачной вуалью. *Неискренне* изображен под фигурой человека, изо всех сил пытающегося освободиться от сети, которая

окутывает его тело, а третий - мертвый Христос, также покрытый вуалью, но менее тонкой и изящной, чем та, которая, кажется, наполовину скрывает фигуру Скромности. Все они по-своему прекрасны.

Церковь Сан-Доменико Маджоре больше интересна для антиквара, чем красива в глазах архитектора; действительно, почти единственные вещи, которые могут заинтересовать последнего, - это две часовни *ченто* (1508 и 1513), которые, однако, не являются очень прекрасными образцами стиля того периода. Каменная кладка выполнена в готическом стиле. Первоначально опоры были квадратными, с полукруглыми стержнями с каждой стороны, но эти стержни были срезаны, чтобы сделать из оставшихся что-то вроде пилястры, а недостаток прочности восполняется железными стяжками. Здание дополнительно испорчено современной штукатуркой и побелкой. Здесь находятся готические гробницы 1340, 1357, 1385 годов.

Церковь Санта-Кьяра также готична снаружи и модернизирована внутри. Фасад не был завершен, но, насколько мы можем судить о предполагаемом расположении, он был хорош. Внизу было три двери, вверху - окно-розарий, а на каждом углу - башнеобразные контрфорсы. Внутренне он состоит из большого простого нефа с низкими боковыми приделами с небольшими выступами по бокам и галереи над ними. Это очень светлое и элегантное помещение, возможно, слишком светлое для церкви. Я подозреваю, что своим жизнерадостным великолепием он во многом обязан сравнительной малости нижнего этажа, верхнему ряду арок, в которых расположены окна, ставшие, таким образом, главными. Возможно, та же причина может заставить его казаться больше, чем это было бы в противном случае, поскольку меньшие арки легко сравнить с человеческой фигурой. Это, безусловно, помещение с прекрасными пропорциями, и хотя детали не очень хороши, все же в целом части распределены хорошо. Здесь также находятся четыре готические гробницы; две из них датированы 1365 и 1362 годами. Два других не датированы, но один из них, по крайней мере, появляется раньше датированных. Все они выполнены почти в одном стиле, и древний главный алтарь церкви соответствует им. Колонны с ангелами впереди поддерживают сороса; над ними, под шатром или павильоном, покоится фигура умершего, а два ангела придерживают занавески. В одном из них над этим павильоном установлена статуя Пресвятой Богородицы. Высокая башня, отделенная от церкви, демонстрирует греческие орден, и, поскольку говорят, что она была построена старшим Мазуччо в 1310 году, неаполитанцы претендуют на то, что первыми вернули римскую архитектуру. Ошибка, однако, достаточно ощутима; нижняя часть сооружения действительно относится к той ранней эпохе и выполнена в очень тонком, смелом художественном стиле, но без малейшего следа греческих или римских форм; верхняя украшена двумя орденами; но она отличается от нижней по характеру изготовления, а также по стилю оформления и расположена значительно сзади.

Церковь Тринита Маджоре, или Джезу Нуово, примечательна главным образом тем, что каждый камень спереди имеет пирамидальную форму. Внутри - смесь штукатурки и роскошного мрамора, чрезмерно безвкусная и в самом худшем вкусе, какой только можно вообразить.

Все эти церкви находятся в одной части Неаполя, и их можно увидеть, пройдя пешком от Толедо до кафедрального собора. Церковь Благовещения находится дальше. Это действительно благородное здание современной архитектуры, хотя планировка его довольно сложна. По бокам нефа расположены три часовни с двойными колоннами между ними и непрерывным антаблементом. План хора более сложный и напомнил мне Санта-Марию в Кампителли в Риме.

Впервые я увидел эту церковь в праздничный день, когда она была украшена драпировками из белого муслина, синего и малинового атласа, образующими нечто вроде высокого шатра над алтарем, украшенного золотыми и серебряными блестками, орнаментами и гирляндами цветов. Неаполитанский вкус здесь казался вполне домашним. Это была самая красивая вещь из всех, что я когда-либо видел, потому что римские драпировки, хотя и очень богатые, обладают какой-то серьезностью, если не сказать тяжеловесностью, производя эффект, совершенно отличный от веселости и великолепия этого убранства.

Церковь Сан-Пьетро-ад-Арам недалеко от церкви Благовещения; она большая и богатая, с восемью арками с каждой стороны нефа; это частое число в неаполитанских церквях, в то время как в римских церквях редко бывает более трех основных отделений, возможно, к перекрестку примыкает меньшее.

Кармине - тоже большая и богатая церковь, но уступающая ей по архитектуре. *Предложения ex voto* здесь очень многочисленны. Я посетил несколько других церквей, в которых в изобилии представлены архитектурные украшения, но общий характер носит скучная, банальная экстравагантность, столь же лишенная воображения, сколь изящных пропорций и здравого смысла.

Вы же не думаете, что я мог жить в Неаполе во время разжижения крови святого Януария, или Сан-Дженнахо, или Дженнаро, как его здесь называют, не побывав свидетелем этого знаменитого чуда. Я был в соборе 19-го числа, но в тот день это не увенчалось успехом. Кровь выделяется восемь дней подряд, и редко, если вообще случается, что она тает каждый день: это сделало бы чудо слишком обычным делом. 26-го я пошел снова. В часовне было много людей, но она ни в коем случае не была заполнена, и они с готовностью пропустили меня за ограду, в пространство у алтаря. Через несколько минут появился офицер со своими ключами, открыл маленький шкафчик за алтарем, в котором хранится кровь, и священник достал сосуд. Я осмотрелся так внимательно, как только мог, чтобы увидеть, есть ли в шкафу хоть какие-то признаки льда, но ничего не увидел. Внешний сосуд имеет форму большой круглой табакерки со стеклянным верхом и дном: на одной стороне находится ручка, которая, по-видимому, представляет собой полую трубку, открытую снизу и не имеющую связи с внутренней частью сосуда; напротив нее расположена коронка, а в середине коронки подвижное распятие, закрепленное только у основания, которое опускается, когда сосуд удерживают в разных положениях, но я не думаю, что ни коронка, ни ручка имели какое-либо отношение к разжижению. Внутри этого внешнего сосуда находятся два флакона, один очень маленький, покрытый изнутри темным веществом, которое прилипло к стеклу и которое, вероятно, могло быть кровью; это не претерпело изменений: другой флакон большего размера, в форме сплюснутого сфероида с коротким горлышком, содержит вещество темного цвета, матовое или почти такое, образующее ровную линию примерно на двух третях высоты флакона. После того, как этот сосуд достали из шкафа, его поставили на подставку, и несколько пожилых женщин, которые, как говорят, были наняты для этой цели, начали визжать. Затем был изготовлен серебряный бюст святого Януария, облаченного в митру и другие одежды священства, а на шею ему был надет крест, подвешенный к жемчужному ошейнику. Вскоре эту митру сменили на другую, воткнув ему в грудь два букета искусственных цветов; и, украшенный таким образом, он стоял на алтаре лицом к народу в течение всей церемонии. Когда это было сделано, исполняющий обязанности священника (я не знаю, был ли это архиепископ) снова взял сосуд с кровью, поцеловал его, поднес ко лбу и поцеловал еще раз, как он это сделал, доставая его из

буфета, и начал читать службу. После обычной службы по этому случаю были добавлены другие молитвы и т. Д., Поскольку кровь еще не проявляла склонности к растворению. Тем временем старухи становились все более и более шумными, их голоса повышались до самой высокой ругани, и можно было подумать, что они ругают всех святых на небесах, вместо того чтобы молить о пощаде. Наконец кровь растаяла, и они начали благословлять святого Януария и плакать от радости. Первым признаком текучести было то, что темная масса растекалась по кругу, когда сосуд переворачивали; после этого внешнее вещество очень скоро становилось совершенно жидким, но в середине был комок, который постоянно уменьшался, но не исчез полностью, когда я уходил. Я был достаточно близко, чтобы прикоснуться к исполняющему обязанности священнику во время любой части церемонии, и поэтому вы можете положиться на это как на точный отчет о том, что произошло в тот день. Все внешнее, по-видимому, указывает на эффект повышенной температуры, воздействующей, как это естественно было бы сделать, в первую очередь на внешнюю часть массы. Во время церемонии в часовне стало очень жарко из-за большого количества людей и свечей, но по тому, как она поддерживается, очевидно, что это тепло может очень медленно проникать во флакон с кровью. Одна трудность, по-видимому, возникает из-за неодинакового времени, в течение которого он тает, при обстоятельствах, по-видимому, очень похожих. Утром или двумя раньше мистер Л. видел, как это исполнялось за десять минут, и все же присутствовало не так уж много людей; в то утро, когда я это видел, это заняло тридцать пять минут, а иногда это вообще не тает. Часть, которая стала жидкой, не просто размягчилась. Она текла совершенно свободно, не прилипая к стеклу. Я бы предположил, что это какое-то смолистое вещество, растворенное в скипидарном спирте, и если бы существовала такая смесь, которая растворялась бы при неопределенных температурах, я был бы рад предположить, что это так, потому что неприятно обвинять такое количество людей, которые обязательно должны принимать в ней участие, в столь грубом обмане. Но я боюсь, что мое состояние будет признано невозможным.

В каждом итальянском городе есть какие-то особенности обычаев или языка, которые забавляют незнакомого человека, хотя иногда, надо признаться, они довольно раздражают. Здесь, на рассвете, или незадолго до этого, меня будит множество неясных звуков, но я снова засыпаю, несмотря на них. Обычно я завтракаю в кофейне, и по пути туда я узнаю, из чего состояли эти голоса, по крайней мере в какой-то степени; поскольку язык здесь какой угодно, только не чисто тосканский, я не могу претендовать на то, что понимаю его полностью. Возможно, во всех странах продавцы товаров говорят на своем собственном диалекте, как, например, в Лондоне, где незнакомец вполне может быть озадачен, пытаясь разгадать их значение. И затем, есть исключения, которые объясняются только действием или товаром, выставленным на продажу. Один кричит *“кватро грани, кватро грани”*, имея в виду, что у него есть инжир на продажу по четыре зернышка за ротоло. Неаполитанское ротоло состоит из тридцати трех унций и составляет почти два фунта авоирдупуа. Зерно составляет десятую часть карлайла, и это снова двенадцатая часть пиастра, за который нужно несколько крупинок испанского доллара. Следовательно, зерно - это нечто меньшее, чем полпенни. Монеты, которые его изображают, могут дать несколько новых уроков по арифметике. Теоретически два торнеси равны одному грану. Но у нас есть монеты по десять торнези стоимостью в четыре грана, по восемь торнези, равных также четырем гранам, восемь торнези равны двум с половиной гранам, пять торнези равны двум гранам: когда монет очень много, даже эти ошибочные отметки лучше, чем вообще никаких, поскольку они позволяют нам с уверенностью идентифицировать монету. Что достаточно приятно, так это то, что на медных монетах 1816 года

изображена голова Фердинанда Четвертого, в то время как на монетах 1817 года, согласно легенде, изображен Фердинанд Первый, поскольку его величеству было милостиво угодно в промежутке уничтожить трех своих предков. Возвращаясь к инжиру, скажу, что он мелкий, но очень вкусный, и аккуратно уложен в маленькие круглые корзиночки, между которыми разложены листья, а между ними в качестве украшения воткнуты цветы. Рядом другой парень называет *“tre grani, quattro grani”* - цену на различные сорта винограда, которые выращиваются одинаковым образом и с одинаковым вниманием к оформлению. Это действительно вполне в характере неаполитанца. *“O che bella cosa”*, - восклицает его сосед, разрезая дыню на кусочки и продавая их по полгранули за штуку. *“Quanto é bello”*, - гремит мясник, с восторгом любясь мясом, которое он предлагает вам купить.

К этому времени вы обнаружите, что мой путь от гостиницы до Толедо лежит через что-то вроде рынка, но это всего лишь короткая улочка с магазинами и прилавками. *“Carità, signore, carità, pell’ amore di Maria santissima.”* *“Синьор, ps, синьор”*, - говорит чистильщик обуви и указывает на мои ботинки, прося разрешить ему почистить их. Их только что почистили; неважно, он готов почистить их снова. *“Андiamo”*, - кричит веттурино, или, скорее, каллессьер. Я спрашиваю, куда мы собираемся пойти, и он перечисляет названия полудюжины мест по соседству: Портичи, Поццуоли, Байя. Я укрываюсь от всего этого в кофейне, стараясь выбрать такую, где не обжаривают кофе у дверей и не готовят шоколадные пирожные внутри; и где посетителям не разрешают чистить обувь в помещении. Возможно, после завтрака я захочу съездить в какое-нибудь местечко по соседству, и мне не составит труда найти транспорт. *“Сколько, - спрашиваю я, - я должен вам дать, чтобы вы отвезли меня в Поццуоли?”* *“Tre piastre, va bene?”* *“Нет, ”* отвечаю я, *“ это слишком”*. *“Хорошо, сколько вы дадите?”* *“Пять карлайлов”*, - вот мой ответ. *“О, сэр! пять вагонов, чтобы проехать семь миль, пробыть там весь день и привезти тебя обратно?”* - вещи, между прочим, которые он вовсе не собирался включать в свою первую сделку. *“Но я не хочу, чтобы ты оставался или возвращал меня обратно, а просто отвези меня туда”*. *“Una piastra, va bene?”* *“No.”* *“Включая буона mano и все остальное”*. Я иду дальше. *“Ps Синьор, ommo Карлини?”* *“Нет”*. *“Semme?”* *“Нет”*. *“Sei?”* *“Ну, включая buona mano”*. *“О! ты дашь мне бутылку”*. *“ Ни грамма больше, шесть вагонов и больше ничего. “Андiamo.”* Он подвозит свой маленький шезлонг, запряженный одной лошадью, в котором могут просто сидеть два человека. Я сажусь в машину, и он садится внизу или, возможно, встает сзади, предлагая мне поводья, которые я никогда не беру, но оставляю себе хлыст. Он шлепает по ней, и мы пускаемся рысью, а может быть, и галопом. В конце путешествия он делает вид, что очень удивлен, что вы платите ему не больше, чем он договаривался. Следующее соревнование - с местными чичерони, которые претендуют на честь обслужить вас за полдоллара или даже меньше, если у них мало посетителей; и последнее - с веттурины в ответ. При всем этом, независимо от того, добиваются они успеха или терпят неудачу, они никогда не бывают невежливыми. В магазинах приходится торговаться почти так же, как с веттурины. *“Среди стольких людей, - сказал мне один французский джентльмен вскоре после моего приезда, - не может быть, чтобы не былокакого-нибудь честного человека; я могу только сказать, что за восемь лет пребывания здесь мне не посчастливилось встретиться ни с одним”*. *“Было бы очень жестоко предполагать, - заметил английский джентльмен, имевший равные или превосходящие возможности для знакомства, и разговор произошел в тот же день, - что среди шестимиллионного населения не найдется ни одного честного человека; и вполне возможно, что один или двое из тех, кого я знаю, могут быть людьми чести, но исключений так мало, что справедливо будет сказать, что от короля на троне до самых низких лаццарони на улицах, все они негодяи”*.

Еда и питье здесь дороже, чем в Риме, что, как говорят, объясняется более высокими пошлинами; но следует признать, что в *траттории* вами обращаются лучше и обслуживают лучше. В этих заведениях не торгуются; у них есть печатные списки своих товаров с проставленными ценами. Если вы предпочитаете заказать полный ужин, то можете заказать превосходный на шесть блюд или, если хотите роскоши, на десять, когда у вас будет восемь блюд, не считая различных мелочей для возбуждения аппетита, фруктов и вина лучшего качества, чем то, которое обычно пьют.

Не может быть более сильного контраста, чем между Римом и Неаполем. В бывшем городе все дышит покоем; улицы не пустынные, но вы встречаете только людей, которые несколько раз спокойно прогуливаются по своим делам; и, за исключением, может быть, часа вечером на Корсо, здесь нет ни толпы, ни суеты. Если вы выйдете за стены, то сможете пройти несколько миль по тихим и открытым дорогам Кампаньи и увидеть лишь нескольких пастухов, пасущих свои стада. Здесь царит одна вечная суматоха, каждая улица кажется переполненной, все население находится на улице и в непрерывном движении. Вы смотрите вдоль Толедо (главной улицы Неаполя) и не видите ничего, кроме голов, и тут и там среди них быстрым шагом проезжает экипаж, в то время как кучер беспрестанно выкрикивает "*Бади*", предупреждая пеших пассажиров убраться с его дороги. Аварии кажутся неизбежными, но они случаются редко, и наказание, как я понимаю, очень суровое. Дороги вокруг города повсюду забиты людьми, повсюду царит такое же непрерывное движение. Неаполитанцы очень шумные, но они любят отвечать знаками, а не словами, и в магазинах я нахожу их очень скупыми на ответы и хлопоты. Когда у меня была возможность попросить что-нибудь не совсем обычное, один лавочник очень вежливо ответил: "*Нет, синьор*", второй ответил просто: "*Нет*", третий думает, что это у него есть, но не знает, где это. Если я позвоню снова, возможно, он найдет его; четвертый просто скривил рот в полукруг, а пятый вздернул подбородок, и то, и другое является негативными неаполитанскими чертами. Однако вы должны быть осторожны в своих действиях, потому что еще один поворот рта означает "да", и когда им нужно указать вам какое-либо направление, они указывают подбородком. Этот язык знаков и нечленораздельных звуков не является языком природы, он такой же произвольный и условный, как и язык слов.

Вечером я часто спускаюсь на Страда-де-Гиганти, чтобы понаблюдать завзрывами Везувия. Днем мы видим только клубы дыма, но ночью слышны частые всплески раскаленной золы, похожие на большой китайский герб. Их часто бывает так много, что в течение нескольких секунд после взрыва вершина горы кажется раскаленной докрасна. Проезжая мимо Торредель-Греко однажды ночью после наступления темноты, я увидел эти взрывы, которые казались очень великолепными, и я мог различать отдельные камни, и видеть, как они катятся с горы, и слышать глухой тяжелый шум их падения, подобный отдаленному грому.

В окрестностях других городов есть прекрасные места для прогулок, но в Неаполе мы находим их в самом городе. В нескольких минутах ходьбы от моего жилья находится Толедо, благородная улица длиной почти в милю, которой неаполитанцы обязаны своему вице-королю дону Пьетро ди Толедо, и оттуда я выхожу на площадь, или, как ее здесь называют, Ларго дель Палаццо, с одной стороны которой находится королевский дворец, а с другой - новая церковь,^[22] построен вследствие клятвы, данной его нынешним величеством, если он когда-нибудь будет возвращен в свои неаполитанские владения.

Страда-де'Гиганти начинается с площади на стороне, противоположной Толедо. С одной стороны от него расположены жилые дома, с другой - королевская типография и арсенал; эти здания расположены на таком низком уровне, что мы не обращаем на них внимания и наблюдаем за большей частью залива, и особенно за горой Везувий.

Продолжая нашу прогулку, после короткого перерыва на осмотр пейзажа, который скорее усиливает, чем умаляет удовольствие, мы прибываем в Санта-Лючию, откуда открывается вид на весь гористый и весьма разнообразный мыс Сорренто; и, пройдя мимо мыса, к которому примыкает Кагель-дель-Уво, мы прибываем на Чиаху, аллею, украшенную илистыми, сумахом, акациями и другими деревьями; откуда мы можем созерцать мыс Паузилиппо и скалистый остров Капри, почти закрывающий залив. Я привожу вам только главные и центральные черты каждой сцены; каждая содержит что-то из соседних, и было бы трудно сказать, какая из них самая красивая. Посреди Чиахи находится фонтан, украшенный знаменитой группой под названием "Торо Фарнезе", которая была найдена в банях Каракаллы в Риме. Она состоит из четырех фигур, кромебыка, но потребовала значительной реставрации и, похоже, сейчас страдает от воздействия морского воздуха.^[23]

Еще одна прогулка, едва выйдя за пределы города, приведет нас в Капо ди Монте, королевский дворец, расположенный в восхитительном месте, но, как мне кажется, так и не достроенный. Довольно высокая гряда песчаных холмов простирается, но по нисходящей линии, от Камальдоли до этого места, и в окрестностях она покрыта садами и виноградниками, откуда открывается восхитительный вид на Везувий и Неаполитанский залив, а поскольку холм очень изломан по своей форме, он также дает преимущество в постоянном разнообразии аккомпанемента и расположения сцены. Иногда мы находим восхитительные маленькие укромные уголки в ущельях, домашние сцены, почти не отличающиеся расстоянием, но самые привлекательные убежища от дневной жары. Культивирование, однако, охватывает все части тела настолько тесно, что лишь немногие из них допускаются, и, кроме того, предполагается, что они вредны для здоровья, а нынешняя роскошь была бы слишком дорого оплачена терцианской лихорадкой. Мне предложили апартаменты из пяти комнат с выходом на террасу и одной из лучших обзорных точек за пятьдесят дукатов в год; там была также кухня и одна или две другие комнаты позади.

Песок в большинстве мест, где был срезан холм, достаточно твердый, чтобы поддерживать перпендикулярную поверхность. Он обладает как раз той степенью прочности, которая наиболее благоприятна для работы шахтера, и, соответственно, здесь мы находим обширные катакомбы Сан-Дженнаро.

Мы могли бы включить в эту прогулку огромный *королевский рабочий дом* (Albergo Reale de'Poveri), предназначенный для содержания всех бедняков Неаполитанского королевства. Если бы строительство было завершено, длина составила бы 2370 ладоней, но в настоящее время длина фасада составляет всего 1560, а число бедных составляет около 800. Их нужно было учить всему, и поскольку они были признаны не способными занимать низшие должности в обществе, была предпринята попытка приспособить их в старости к высшим должностям.

ПИСЬМО XLIV.

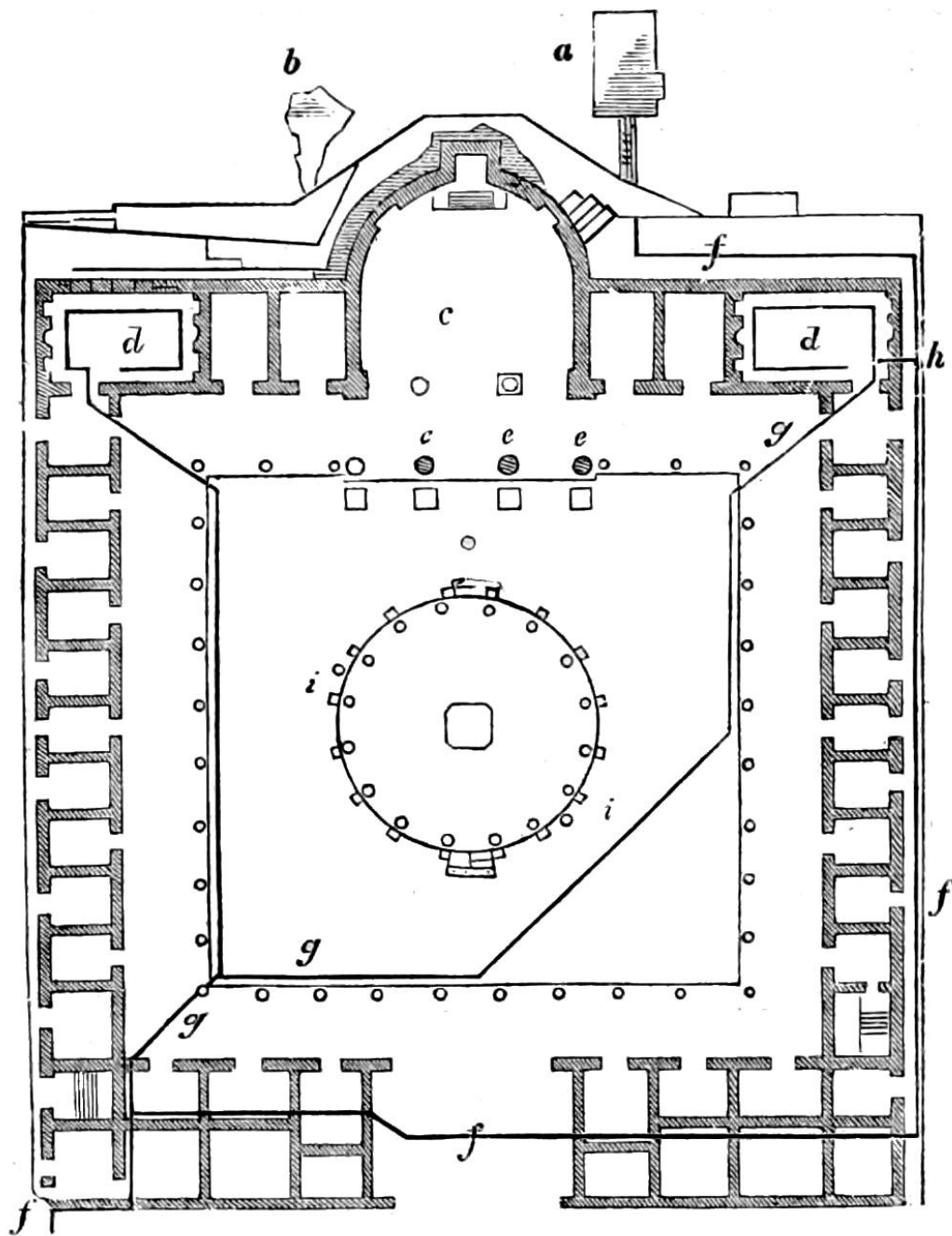
ОКРЕСТНОСТИ НЕАПОЛЯ.

Неаполь, 10 октября 1817 года.

В моем последнем письме я сделал вам небольшой набросок Неаполя и моего образа жизни там, а теперь перейду к некоторому описанию его окрестностей. В первый раз я отправился в Поццуоли пешком; я прошел через Чиаху, а затем по короткой улочке, за внезапным поворотом которой виднелся высокий вход в Грот Паузилиппо. Как раз в том месте, где происходит этот поворот, находится небольшой памятник, установленный в 1668 году; он представлен на большинстве опубликованных видов грота, но вход не виден, пока мы не подойдем к памятнику, и, следовательно, их объединение в одной сцене вымышлено. За этим местом по обе стороны дороги есть высокие скалы, не сделанные перпендикулярно природой, а вырезанные таким образом искусством, а на вершине левого обрыва находится гробница Вергилия, которую, однако, я не смог различить снизу; и другой, более заметный фрагмент, показывающий часть склепа, который, я полагаю, является гробницей, но я не знаю чьей. В настоящее время высота грота у входа составляет около девяноста футов, но уменьшается по мере продвижения к середине; он существовал во времена Римской империи, но жаловались на то, что он узкий и пыльный, и чтобы добраться до входа, необходимо было подняться на часть холма. Роберт, король Неаполя, проезжая однажды через него с Петраркой, поинтересовался его мнением о местных преданиях, согласно которым Вергилий создал его с помощью магии за одну ночь; но поэт ответил, что он видел много следов железа, но ни одного демона. Альфонсо Первый понизил часть дороги со стороны Неаполя, но Д. Пьетро ди Толедо, вице-король в 1537 году, сократил ее до нынешнего уровня и, следовательно, придал ей прежнюю высоту и значительно расширил. Мощение было проложено совсем недавно, и теперь оно освещается лампами днем и ночью. Пока я неторопливо шел по нему, часто останавливаясь, чтобы взглянуть на скалу и на внешний пейзаж, открывающийся через узкую и высокую арку, я нигде не заметил недостатка света; но в других случаях, когда я быстро проезжал мимо нее в *корриболо*, я едва мог различить какой-либо предмет. От конца грота, после прохождения через убогую деревушку Фуори Гротта, прямая дорога между увитыми виноградом тополями ведет вниз к морскому берегу, по которому мы плывем две или три мили, до Поццуоли; пейзаж прекрасен, но море мелкое и каменистое. Мы проезжаем под отвесными скалами из лавы, выброшенной из Сольфатары, поднимающимися изломанными массами прямо над дорогой. Город расположен на выступающей скале, самой живописной как по себе, так и по своему расположению; на его скалистых и изломанных берегах можно увидеть множество фрагментов стен и сводов, но это всего лишь фрагменты. Внутри есть некоторые остатки храма Августа, который, по-видимому, был псевдо-периптеральным, поскольку в стене собора видны верхушки шести полуколонн, но все украшения капителя исчезли, и мы можем только с трудом определить, что порядок был коринфским. Архитрав имеет три грани, но без промежуточных лепных элементов, и нет никаких следов обогащения ни на этом, ни на остальных рядах камней, которые, по-видимому, образовали фриз; но эти элементы довольно малы, а карниз полностью отсутствует. Говорят, что на фронтисписе была надпись, но я не смог найти ни фронтисписа, ни надписи. Нас также ведут к статуе Q. Флавий Ма сиус, из-за отсутствия буквы передs, кем он был, я не могу сказать; и к пьедесталу, посвященному Тиберию, который, как предполагается, поддерживал статую этого императора. Он украшен четырнадцатью женскими фигурами, представляющими столько

городов Азии, которые были повреждены или разрушены землетрясением, но были восстановлены им. У каждого из них есть имя, но я немного сомневаюсь в их подлинности.

Самая ценная достопримечательность древности находится недалеко от города и состоит из Храма Юпитера Сераписа и пристроенных к нему теплых бань. Романелли *Виаджо а Поццуоли и др.* стр. 129 говорит, что по найденной там надписи установлено, что он был возведен в седьмом веке от Рождества Христова; но ничего об этой дате в настоящее время определить невозможно. На следующей странице вы найдете план, который я присоединил к нему, чтобы сделать мое описание более понятным.

a - пещера с обильным источником теплой воды.

b - источник поменьше.

c - келья храма.

d d - комнаты с перфорированными скамьями.

e e e, колонны, которые все еще стоят.

f f f, канал, который отводит большую часть горячей воды в море.

g g, дополнительный канал для горячей воды, образованный путем прорыва стены в h.

i i, мраморные ванны.

Основная особенность, по-видимому, состояла из открытого портика с четырьмя красивыми колоннами спереди и двумя колоннами и двумя анфиладами сзади. Три передние колонны все еще стоят. Они сделаны чиполлино, содержат кристаллы кварца и имеют около 4 футов 10 дюймов в диаметре. Нижняя часть ствола, примерно на 8 футов, очень совершенная, еще на 5 футов она продырявлена во всех направлениях морскими моллюсками; верхняя часть без отверстий и значительно потрепана непогодой. Эта верхняя часть, как мы знаем, долгое время подвергалась воздействию непогоды, нижняя часть была защищена тем, что была зарыта в землю примерно до 1750 года; но как центральная часть колонны могла оказаться под водой и продырявлена фол, оставаясь при этом на своем месте, является постоянной загадкой для антикваров и натуралистов. Камера была маленькой, открытой спереди или огороженной только железной решеткой и заканчивалась полукруглой апсидой, содержащей одну большую и глубокую нишу и две поменьше. Вертикальный стык отделяет круглую часть работы от остальной, и, возможно, это было дополнение. Часть пестрого мраморного покрытия сохранилась. Перед каждой из четырех внешних колонн находился пьедестал, вероятно, для поддержки статуи, а перед средним межколонным пространством - кольцо, к которому, как предполагалось, были прикреплены жертвы, предназначенные для жертвоприношения. Двор, в котором стоял этот портик или храм, также был окружен колоннами, и сохранившиеся фрагменты их и антаблемента показывают, что на некоторые из них пхолы воздействовали таким же образом, как и на основные колонны; в то время как другие, возможно, были повалены и засыпаны землей до того, как произошло это необычное явление. От больших колонн не осталось ни капителя, ни антаблемента; основания коринфские, и по ним, а также по мастерству изготовления колонн мы можем судить о совершенстве архитектуры, как во вкусе, так и в исполнении. Остатки двора также выполнены в коринфском стиле, но колонны имеют аттические основания, а стиль и исполнение орнамента явно уступают таковым в главном здании и указывают на более позднюю дату. Большой круг колонн на приподнятой платформе занимал центр этого двора с колоннадой. Они кажутся слишком тонкими, чтобы поддерживать куполообразное покрытие, а некоторые сохранившиеся фрагменты круглого антаблемента, которые одинаково отделаны с обеих сторон, наводят меня на мысль, что они просто образовывали экран вокруг платформы. Перед каждой колонной, но не так высоко, как платформа, находится пьедестал, который, несомненно, был покрыт мрамором. В двух пространствах между этими пьедесталами находится столько же мраморных цилиндров, которые те, кто не заметил, что они полые, называли алтарями; и устья колодцев теми, кто не заметил, что они закрыты внизу; строго говоря, это мраморные ванны, но, как и во многих других помещениях этого здания, мы вынуждены признать в нашем незнании их использования. Вокруг двора располагался ряд небольших комнат, которые поочередно открывались внутрь и во внешний проход; в первых равномерно видны следы облицовки мрамором, чего нельзя сказать о других. В некоторых из них в западном конце есть несколько ступенек, которые,

кажется, указывают на верхний этаж над некоторыми из этих комнат, если не над всеми, нонет никаких следов сводов или какого-либо покрытия ни в одной части. Напротив главных колонн находится более крупное отделение, которое, вероятно, образовывало вестибюль здания. Наиболее любопытные детали плана проявляются в двух комнатах, расположенных по углам восточной стороны здания. В них мы можем наблюдать канал для воды близко к стенам, затем небольшое пространство, а затем канал меньшего размера. Над первым каналом располагалась продолжающаяся скамья, в которой были проделаны отверстия диаметром около 6 с половиной дюймов на расстоянии 16 дюймов друг от друга, на равном расстоянии друг от друга. Гиды рассказывают вам, что план состоял в том, чтобы опустить одну ногу в одно из этих отверстий, а другую - в другое, и позволить ступням болтаться в теплой воде внизу; но они не расположены парами. В наиболее хорошо сохранившейся из этих двух камер в настоящее время имеется ток воды в более крупном канале, но это осуществляется с помощью простого отверстия в стене, которое было пробито в наше время. Источник, питающий его, обильно бьет из искусственной выемки за кельей храма. Она как раз достаточно высока, чтобы дать воде течь по тротуару двора, и частично она течет в этом направлении, а частично по каналу, прорубленному для нее на южной стороне здания. Уровень воды на тротуаре ниже отметки прилива, и, соответственно, мы время от времени обнаруживаем, что он покрыт водой. За кельей есть два других источника, вода в которых холодная; все три минерализованные, но с разным вкусом. Гораздо больше этих останков могло бы все еще существовать, и, возможно, их было бы достаточно, чтобы удовлетворить наше любопытство во всех деталях, если бы вместо сохранения предметов в том виде, в каком они были обнаружены, неаполитанский двор не использовал их в декоративной архитектуре Казерты. Другие фрагменты были доставлены в музей в Портичи или в Студию в Неаполе, где, стоя совершенно отдельно и без какого-либо мемориала, они представляют сравнительно небольшую ценность.

Предыдущий отчет является результатом не одного, а нескольких посещений Поццуоли. В первый раз, когда я был там, покинув храм, я поднялся на холм позади него к каким-то значительным руинам, которые без особых на то оснований назывались Храмом Нептуна. Они состоят из двух массивных параллельных стен, каждая, я полагаю, 300 футов в длину. Пространство между ними перекрыто сводами в разных направлениях и на разной высоте. Вершина холма здесь образует величественную террасу, откуда открываются восхитительные виды. На одном конце этой террасы находится памятник, вероятно, надгробный, в форме небольшого храма. Фасад был украшен четырьмя кирпичными полуколоннами, а по бокам их было пять или, возможно, шесть; но внутри он кажется почти цельным. Чуть дальше находится фрагмент помещения, покрытого круглым куполом, которое было названо Храмом Дианы. Все это настолько утопает в виноградных лозах и тополях, что невозможно получить какое-либо общее представление о них; а что касается архитектуры, то от нее ничего не осталось; это просто нагромождения кирпичных и бутовых стен, перемешанных с сетчатой работой. Амфитеатр сделан из таких же материалов и зарос таким же образом. Он был большим, но его главным объектом притяжения для современных итальянцев является камера, в которой содержался Сан-Дженнахо, ранее подвергавшийся воздействию диких зверей на арене. В монастыре, расположенном чуть поодаль, показан камень, который, как говорят, был обогрен его кровью. В то время, когда кровь святого в Неаполе разжижается, отметина на этом камне становится ярко-красной, которая через восемь дней постепенно выцветает до тускло-коричневого, который является ее постоянным цветом; никто не устоит перед таким количеством фальшивых чудес. Колебаться, объявляя монахов сборищем самозванцев, - это

уже не милосердие, а безумие. Виды отсюда восхитительны, потому что монастырь находится прямо на вершине холма, и везде, где обстоятельства позволяют хоть как-то управлять отдаленными объектами, пейзаж прекрасен; однако вся эта красота проходит мимо, как нечто само собой разумеющееся, после короткого пребывания на этом месте, и мы гуляем, не замечая ее, за исключением времени от времени с какой-нибудь точки, где она видна особенно выгодно, или когда какие-то обстоятельства на небе или в сознании зрителя пробуждают его внимание.

Нашим следующим объектом была Сольфатара, очевидно, кратер потухшего вулкана или, по крайней мере, вулкана настолько потухшего, что он не выбрасывает огня и не производит извержений, но он все еще дымит, или, скорее, от него идет пар, поскольку образуется пар, насыщенный сернистой кислотой, которая увлажняет, а не сжигает бумагу, подвергнутую воздействию, но которая осаждает красивые кристаллы серы и квасцов по краям отверстия, из которого он выходит. Пар выходит со значительной силой и шипящим шумом. Сольфатара представляет собой равнину почти круглой формы, окруженную крутыми изломанными берегами. Почва беловато-глинистая, без травы, но на ней растут кусты чеснока, которые также покрывают большую часть окружающих берегов, и в большом количестве *nula viscosa*. Земля кажется полрой, но это происходит просто из-за губчатого строения почвы, потому что, добывая серу, они продвинулись по почти однородному веществу на глубину пятидесяти ладоней, что составляет почти столько же английских футов, когда их дальнейшее продвижение было остановлено количеством горячей воды. Сера, по-видимому, более или менее распределена по всей массе этой глины. В той части, которая выкапывается, ее количество составляет почти четверть, и она очищается на месте. Из Сольфатары я направился к озеру Аньяно и Гроту дель Кане, но мальчик, который сопровождал меня, настаивал на том, что они не были включены в сделку, которую мы заключили, поскольку они находились недалеко от Неаполя, а не недалеко от Поццуоли, я изложил свои доводы в пользу противоположного мнения и предложил заплатить ему пропорционально тому, что он уже выполнил, но я обнаружил, что не могу привлечь внимания, и что он все еще настаивал на своем утверждении, что они были недалеко от Неаполя, поэтому, когда я однажды дал ему понять меня, я пошел дальше, не отвечая на его увещевания. Это был новый предмет горя, который заставил его совершенно забыть о другом, и он начал плакать по этому поводу: *“Ma rispondete Signore, parlate, per l'amor di Dio, una parola, una parola sola”*, видя, что я неумолим, *“O sangue duoi!”*, - восклицал он и произносил множество других восклицаний и мольб, знакомых неаполитанцу, и слезы его снова полились еще обильнее, чем когда-либо; но в конце концов он понял, что не может произвести никакого впечатления. Он притих и даже не ворчал, когда я заплатил ему; он не был бы итальянцем, если бы не попросил добавки. Это был юноша лет пятнадцати, который называл себя Джованни. Мы расстались очень хорошими друзьями с особой просьбой, чтобы я заехал за ним, когда снова приеду в Поццуоли, что я и делал несколько раз и всегда оставался им совершенно доволен. Он вежлив и умен, и если сам не может обмануть меня, то, похоже, твердо решил, что никто другой этого не сделает.

Озеро Аньяно - симпатичный маленький круглый водоем, берега которого более разнообразны, чем у вулканических озер в окрестностях Рима. Он изобилует дикой птицей, но, как говорят, здесь нет рыбы. Здесь сохранилось несколько остатков древних бань, грубо приспособленных для современного использования, под названием Stufe di San Germano, *stufa* - это место для парения, в отличие от ванны, где вы входите в воду. От камня выделяется горячий сернистый пар, который, как предполагается, во многих случаях очень полезен для здоровья. Пройдя

около 100 ярдов по берегу озера, где земля была покрыта лягушками глубиной в три метра, на которые невозможно было не наступить, мы подошли к Гроту дель Кане. Я отказался от собаки, но, полагаю, она не сильно страдает, поскольку по собственной воле сопровождала нас ко входу в грот. Это всего лишь небольшая впадина в склоне холма, вряд ли заслуживающая названия пещеры, но запертая дверью из опасения несчастных случаев. Я едва мог стоять в ней прямо. Теплый пар поднимается примерно на восемнадцать дюймов от земли, который мгновенно гасит факел. Оттуда я вернулся пешком в Неаполь, пройдя уже почти две мили по дороге, но здесь я добавлю отчет о нескольких дальнейших экскурсиях, в одной из которых я нанял корриболо из Неаполя до Арко Феличе. Мы проезжаем под так называемой Виллой Цицерона, на небольшом расстоянии от Поццуоли. Она состоит только из каменных стен, частично облицованных сетчатым туфом, и, конечно, получила неправильное название. Мы проезжаем мимо горы Нуово, которая, как известно всему миру, поднялась за одну ночь. Нынешняя высота составляет 460 футов, но на первый взгляд кажется, что раньше она была значительно больше. Старый кратер покрыт травой, но снаружи есть одно место, где земля все еще теплая. За этим холмом мы смотрим вниз, налево, на Авернусское озеро, которое больше не является зловонным озером, над которым птицы не могут летать; но поскольку это, очевидно, один из вулканических кратеров, которыми изобиловала эта страна, неизвестно, что могло быть раньше. Несмотря на то, что мы смотрим вниз на один кратер, нам все еще кажется, что мы находимся внутри более крупного кратера, контур которого пронизан Арко Феличе. Считается, что это была часть окружности древней Кумы, но это римское сооружение, сложенное из бута - облицованное кирпичом, везде, где оно не является частью естественной породы.

Цитадель Кумы находится более чем в полумиле отсюда: продвигаясь к ней, мы проходим мимо Храма Великанов, сложенного из кирпича и щебня сооружения, содержащего большую нишу и два или три других небольших фрагмента, не имеющих значения. То, что осталось от цитадели, - это стена, упирающаяся в холм в одной части значительной высоты. Внутри она сложена из крупного туфа, щебня и строительного раствора, снаружи - из больших прямоугольных блоков крупной лавы. На склоне холма внизу есть различные своды и стены, устройство которых находится между сетчатым и неопределенным; еще ниже находится великолепный вход в Грот Сивиллы, который кажется естественной пещерой, но содержит восходящие ступени, ведущие в никуда, по крайней мере, в настоящее время нет практически никакого выхода за его пределы, но, по-видимому, там было небольшое отверстие, теперь заполненное мусором. Возможно, именно по этому проходу Нарсес захватил цитадель, но он кажется недостаточно большим, чтобы вместить человека, и больше подходит для трубки, по которой передавались оракулы в храм наверху. Оставив эти объекты, мы переходим к Амфитеатру, который занимает естественную впадину в земле. Здесь нет никаких сводов.

Продолжая наш курс на юг, мы прибываем к Лаго дель Фузаро, или Ахерону: существует разительный контраст между этими ужасными названиями и прекрасными пейзажами, которые вас окружают; но границы этих озер все еще ужасны своей вредностью; это разумное бедствие, такое, какого можно было бы ожидать исходя из обстоятельств: мелкое стоячее озеро на полосеплоской и болотистой земли, протянувшейся вдоль подножия холмов параллельно морю. Вода почти заполнена разлагающимися сорняками и, кроме того, используется как место для замачивания конопли и, должно быть, является неприятным соседом. Оно изобилует, как и несколько других озер того же рода в этой местности, рыбой и устрицами, которые прикрепляются к колям, воткнутым для этой цели в дно: от этого озера я пересек холм, образующий западную границу Неаполитанского залива, и, не останавливаясь в Байе, которая

лежала близко к югу, повернул на север и посетил термы Неро и Крепость Тритолла: дорога здесь на некотором расстоянии вырублена в скале, и почти в конце галереи есть несколько камер, также вырубленных в мягкой породе, и длинный извилистый проход, по-видимому искусственный, который ведет к бассейну с горячей соленой водой. Вам сказали, что яйцо затвердеет за две минуты. Я снял пальто и шейный платок и последовал за своим гидом. Сначала жара была почти удушающей. Однако, наклонившись очень низко, я счел это более приемлемым, и впоследствии мне стало легче от обильного пота, так что, пока мужчина готовил яйцо, я чувствовал себя совершенно спокойно: он взял с собой ведро, окунул его в воду, а затем положил яйцо в ведро; он подержал его там три минуты, и белок не совсем застыл, так что температура, вероятно, меньше 212, но, поскольку он был соленым, если бы он действительно сварился, его было бы больше. Насколько я мог оценить, вода здесь находится на уровне моря. Неподалеку находятся термы Нерона, представляющие собой большую сводчатую камеру, вырубленную в скале, с некоторыми приготовлениями для принятия ванн. Затем я приехал на озеро Лукрино, известное сейчас, как и прежде, своими устрицами и кишущее рыбой, но оно сильно уменьшилось в размерах из-за извержения вулкана Монте-Нуово. Мы проходим по переулку и через виноградники налево, к гроту Сивиллы, который в Куме является ее городским домом, а этот - ее загородной резиденцией; здесь длинная галерея, проходящая через невысокий холм, несколько комнат и ванна с каменными кроватями, где своды и стены покрыты мозаикой; во всех этих комнатах уровень воды составляет около 18 дюймов. Затем тропинка поднимается вверх, пока не достигает кирпичной арки, на которую мы смотрим с удивлением, поскольку ее положение кажется совершенно необъяснимым. Возможно, это был первоначальный вход, но в настоящее время всякому прямому сообщению с днем препятствует земля, которая заполняет дальнюю часть.

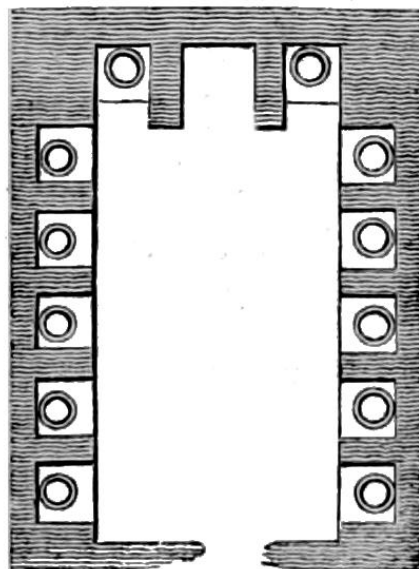
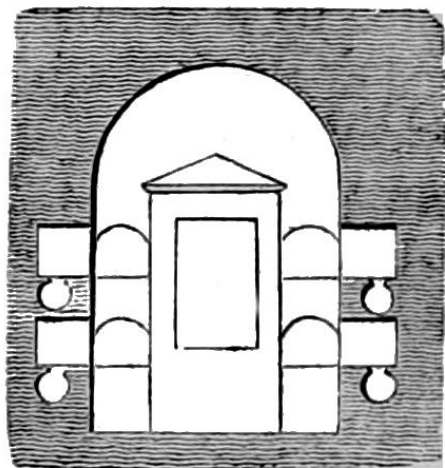
Все это находится совсем рядом с озером Авернус. Недалеко от его берегов находятся остатки большого куполообразного помещения, называемого Храмом Аполлона или Прозерпины; за ним находятся несколько небольших покоев. Что это было, я не могу сказать, фрагментов здесь так много, что попытка определить их названия кажется безнадежной задачей.

Мой проводник очень настойчиво доказывал мне, что горячая вода в заливе Тритолла поступает из Сольфатары, проходящей по естественному каналу под морем. Когда я неторопливо шел обратно по берегу, он попросил меня опустить руку в море, я машинально сделал это и направился обратно, обнаружив, что и песок, и вода довольно горячие; это было большим триумфом для него, поскольку он считал свою позицию полностью доказанной. Ближе к Поццуоли находятся основания ряда колонн в море; они расположены по прямой линии и, по-видимому, горизонтально, так что они не наводят на мысль о том, что они сдвинулись со своего первоначального положения, а скорее о повышении уровня моря: это не так загадочно, как обстоятельства с колоннами храма Сераписа, но даже с учетом этих мелких деталей трудно прийти к какой-либо теории, которая последовательно объяснит все явления, и, чтобы избежать неприятностей, мы разрушаем узел и говорим, что земля поднялась или вдавилась под действием подземных толчков. подземные пожары.

Подъезжая к Поццуоли, мы замечаем выступающие из-за угла холма, на котором стоит город, остатки мола, окружавшего древний порт. Он состоит из кирпичных арок, выступ которых находится ниже обычного уровня моря, и, вероятно, именно это обстоятельство дало ему народное название моста Калиголы. Это, должно быть, была благородная работа, и, очевидно,

римская; когда-то она состояла, как нам сказали, из двадцати пяти арок, из которых мы, возможно, теперь можем различить следы тринадцати.

В другой раз я шел пешком из Поццуоли по древней кампанской дороге, где очень интересно множество древних гробниц, и некоторые из них в почти идеальном состоянии:

многие урны сохранились, потому что их так много, что никто не счел нужным их уносить: они совершенно невзрачные. Большая часть лепного орнамента и цветов, которые его обогатили, сохранились такими же свежими, как и при первом выполнении.

Вместо того, чтобы проходить через грот Паузилиппо, мы можем пойти по дороге, которая называется Ла Мергеллина, недалеко от берега залива, откуда открываются самые восхитительные виды. Холм Паузилиппо, названный так по деревне на его вершине, образует длинный узкий гребень, который вдается в море и отделяет залив Поццуоли от Неаполитанского залива. В начале находится небольшая церковь, посвященная Санта-Мария-дель-Парто, в которой находится гробница Санаццаро. Этот памятник украшен фигурами Аполлона и Минервы, но благочестивые жители окрестностей изменили имена на Давида и Юдифь. Вскоре дорога отходит от кромки воды и поднимается наискось к гребню холма, и при этом невозможно держаться поближе к морю, хотя к нему ведут несколько тропинок. Современные дома очень живописны, часто они стоят наполовину в воде или на какой-нибудь изолированной скале, соединенной аркой с берегом. Вокруг грота и в ближайшей части мыса римских древностей немного; но по мере приближения к мысу они обрушиваются на нас стремительной чередой, окрещенные разными названиями храмов, бань, прудов, вилл и школ.^[24]

Я вернулся через холм Паузилиппо; часть пути вид ограничен стенами виноградников, но везде, где есть хоть какой-то просвет, пейзаж восхитителен, включая, с одной стороны, залив Поццуоли с островами Искья, Прочида и Нисиды; а с другой - город Неаполь, который возвышается на этой стороне Чиатамоне и заканчивается с одной стороны замком Святого Эльма, а с другой - замком дель Уово, образуя наиболее живописный объект. За ним лежат Везувий, длинный гористый мыс Сорренто и скалистый остров Капри. При спуске я посетил могилу Вергилия. Это небольшое квадратное помещение со сводчатым потолком, которое было увенчано круглым зданием, ранее находившимся на обочине дороги, но теперь расположенным

на краю утеса, который был вырублен на целых 50 футов, чтобы сделать нынешнюю дорогу более удобной. Он сильно разрушен и покрыт плющом и ползучими кустарниками, а все украшения и надписи, внешние и внутренние, были убраны.

Кажется, я уже говорил вам, что во время моего путешествия в Неаполь в кабриолете были два англичанина. Утверждение было не совсем корректным, поскольку они шотландцы, но мы не возражаем против этих маленьких различий так далеко от дома. Несколько дней назад мы вместе плыли на лодке в Байе. Там было трое мужчин, и соглашение заключалось на шестнадцать карлайлов. Мужчины были умеренны в своих требованиях, потому что сначала они запросили всего тридцать карлинов, и, возможно, если бы мы обошлись без сделки, не потребовали бы больше сорока, и, как правило, в Неаполе человек, который не просит у вас больше, чем в два раза больше, чем ему следовало бы получить заранее, или в три раза больше после того, как услуга оказана, хорошо с вами обошелся. Поездка была восхитительной, мы отправились в путь около половины девятого и первыми приземлились в точке за Паузилиппо. Здесь находится школа Вергилия и несколько других древностей, названных Храмом Фортуны Августа, виллой Лукулла Поллиона и рыбными прудами последнего, где он кормил своих много человеческим мясом; но эти притворные рыбные пруды представляют собой длинные сводчатые помещения и, вероятно, были резервуарами для воды, как и многие другие, разбросанные во всех направлениях в этой местности. В таком климате, как в Англии, где дожди выпадают равномерно в течение всего года, от таких резервуаров было бы сравнительно мало пользы; но здесь, где за три дня выпадает более стольких же дюймов осадков, а затем не более того в течение нескольких месяцев, они представляют большую ценность. Единственный приступ дождливой погоды, который обычно длится от трех до пяти дней, может наполнить большой резервуар глубиной 12 или 15 футов и обеспечить небольшой, но постоянный запас воды в течение всего лета. На виноградниках разбросаны и другие хранилища, которые не были резервуарами, потому что в них есть двери. Другие останки снова представляют собой бесформенные массы или просто следы фундаментов, некоторые в море, а некоторые на суше, и их так много, они так перемешаны и настолько перепутаны, что вряд ли было бы возможно определить, что принадлежит одному зданию, а что другому. Некоторые из них действительно так глубоко зарыты в холме, что кажутся скорее творением природы, чем искусства: преобладающий стиль изготовления - бутовый камень, облицованный сетчатой обработкой из очень мягкого камня, который менее долговечен, чем цементирующий его строительный раствор, и все же строительный раствор здесь редко бывает очень хорошим; но даже это несовершенство материалов усиливает наше удивление: где отходы столь значительны, и все же так много еще осталось, какими должны были быть здания когда-то! Холм состоит из мягкой песчаной породы, из которой были изготовлены здания, и мы не можем не думать о том, что одна бурная английская зима смывает половину этих древностей. В одном месте в скале вырублен длинный свод, который, возможно, служил подземной дорогой к какой-нибудь вилле. Он очень обширный, но земля провалилась и сделала дальнюю часть недоступной. Покинув этот пункт, мы прошли мимо острова Нисида, потухшего вулкана, часть которого была съедена приливами, а оттуда пересекли залив Поццуоли к мысу Мизено. Здесь мы снова высадились в порту и осмотрели остатки древнего города. Есть фундаменты небольшого театра и некоторые другие фрагменты; а недалеко, на небольшом полуострове, есть несколько пещер, называемых Драгонара, которые, как говорят, были сделаны Нероном для подачи горячей воды из Байи, но они не похожи на водоводы и, возможно, были резервуаром. Нижняя часть одного отверстия, оштукатуренная и кажущаяся древней, кажется противоречащей моей теории, но сейчас в

некоторых местах стоит пресная вода, уровень которой едва ли выше уровня моря, если вообще стоит. Порт очень красивый, но неглубокий. Сразу за ним находится Мертвое море, а на его берегах - Елисейские поля, которые, как и многие другие места в Неаполе, покрыты рощей тополей, поддерживающих виноградную лозу. Удовлетворив себя здесь, мы направились в Баули, или, как произносили это лодочники, Баголи, недалеко от которого находится *Писцина мирабиле*, резервуар с водой, предположительно построенный для снабжения римского флота в Мизено. Он имеет около 250 футов в длину, более 80 в ширину и 25 в высоту или глубину. Римлянам, похоже, нравились эти большие водоемы, и они всегда перепрыгивали через них. Вот толстый и очень твердый зубной камень, нанесенный водой на штукатурку, но сама штукатурка не особенно твердая, и те, кто говорит вам, что это так, имеют в виду зубной камень. Оттуда мы отправились в *Cento Camarelle*, который состоит из одной комнаты наверху и множества разветвленных и извилистых проходов внизу, все они вырублены в скале, но иногда облицованы бутом и всегда оштукатурены. Некоторые воображали, что это были тюрьмы, другие воображали, что это фундаменты какой-то разрушенной виллы; нет никакой вероятности, что это было либо то, либо другое, но я не могу сказать, что с ними делать. Расположение восхитительное, с видом на острова, Маре Морто и Елисейские поля. На дороге между пристанью и этими древностями находится множество других останков, которые я не буду пытаться описывать в деталях. Совсем на берегу находится фрагмент, называемый гробницей Агриппины, но он скорее похож на маленький театр. Существует также так называемый храм Геркулеса, но несколько фрагментов фундамента могут называться как угодно.

Вернувшись на нашу лодку, мы отправились в Байи, где находятся храмы Венеры Генитрикс, Дианы Люцифер и Меркурия - названия, которые, по крайней мере, служат для различения объектов. Первый из них снаружи восьмиугольный, построен из кирпича и сетчатого туфа: он хорошо смотрится среди виноградных лоз. За ним находятся несколько небольших комнат, украшенных лепниной, называемых ваннами Венеры. Храм Меркурия, называемый также *Трульо*, слово неопределенного происхождения, представляет собой большое, почти полностью увенчанное куполом помещение, но в котором пол значительно приподнят. Он имеет около 130 футов в диаметре и знаменит эхом, которое повторяет звук несколько раз, что, по-видимому, связано с тем, как разбит купол: вокруг него много зданий поменьше, и, похоже, это место, которое стоит исследовать. Сетчатая отделка некоторых сводов покрыта штукатуркой, содержащей фрагменты мрамора, которые, по-видимому, обычно использовались в качестве своего рода мерки, когда предполагалась облицовка мрамором. Храм Дианы тоже является ротондой, и от него сохранилась половина купола, свидетельствующая о том, что наверху не было отверстия, которое есть в храме Меркурия. Холмы, кажется, срезаны, чтобы освободить место для этих зданий, многие из которых все еще наполовину находятся под землей. Они обычно сделаны из туфа, облицованного кирпичом, а иногда и чередующимися слоями кирпича и туфа.

Среди всех этих руин, пожалуй, нет ни одной, которая по отдельности производила бы большое впечатление, и декоративная архитектура давно исчезла, но огромное количество фрагментов, разбросанных во всех направлениях, вызывает постоянное чувство изумления. Везде, где мы видим какую-нибудь массу каменной кладки или какой-нибудь полуразрушенный склеп, нам напоминают о Риме, о его роскошных сенаторах и об их стремлении насладиться удовольствиями, которые могли себе позволить Байи. Речь идет главным образом об эгоизме, рабстве и жестокости. Здесь не вспоминаются суровые добродетели республиканского Рима, которые имеют такую власть над воображением. Говоря о Байе, крестьяне не упоминают

Цицерона и Вергилия, чьи имена околдовывают руины в Поццуоли и Паузилиппо. Все есть порок, и ум испытывает своего рода удовлетворение от разрушения даже объектов, которые сами по себе могли бы быть в высшей степени прекрасными. И все же я сомневаюсь в этом. Архитектура, по-видимому, в высшей степени подвержена умственной деградации, а капризы чрезмерно развитого вкуса быстро лишают ее всякой красоты. Что касается пейзажа, то ничто не может быть более очаровательным. Изломанный берег, переходящий в скалистые холмы различной формы; иногда выступающие в виде мысов, иногда уходящие в очаровательные бухты, где невозмутимое зеркало удваивается, отражая каждую красоту, представляет неисчерпаемое разнообразие. Она нигде не поднимается так высоко, чтобы быть труднодоступной, она везде пригодна для жизни, и даже сейчас везде заселена и возделывается. Рыхлые, крутые берега, которые в Гастингсе или на острове Уайт были бы покрыты только пучками вялой травы, здесь пышно увиты виноградными лозами. Неаполитанский залив имеет вид большого озера, а Везувий, смелый и изрезанный мыс Сорренто и высокая вершина Искьи образуют восхитительный контраст с более мягкими красотами близлежащего пейзажа. Мы вернулись только в десять часов вечера и не могли в это время войти в гавань, так как ночью лодки не допускаются, но мы высадились в районе под названием Санта-Лючия, который подходил нам больше.

Через день или два после этого я отправился в Камальдоли, монастырь на вершине холма, который возвышается над всеми местами, которые я только что описал. Дороги вокруг Неаполя обычно проходят узкими переулками между стенами виноградников, и в округе полно маленьких деревень; но когда я начал подниматься на холм, стены сменились высокими песчаными насыпями, поросшими кустами чеснока. Более ровная местность на значительной высоте покрыта виноградниками, но более высокую часть холма покрывают обширные леса, которые спускаются в глубокие овраги, пересекающие его. Из монастырского сада открывается чудесная панорама, охватывающая весь Неаполитанский залив с окружающими его островами и горами, хребты Апеннин и побережье вплоть до Монте-Черчелло, находящегося на расстоянии шестидесяти миль; однако в атмосфере чувствовалась какая-то дымка. Озеро Аньяно, казалось, было прямо подо мной. Отцы церкви жалуются, что замачивание конопли и льна в этом озере делает воздух нездоровым; однако это в двух милях отсюда, а высота монастыря, должно быть, превышает 1000 футов. В этот холм впадает множество извилистых оврагов, по которым можно прогуляться в одиночестве на небольшом расстоянии от города, и есть много небольших участков леса, помимо того, что простирается по вершине холма, которые дают приятную тень и интересны ботанику разнообразием растений, которые там можно найти. Тем не менее, несмотря на великолепные виды с одних точек и романтические домашние пейзажи с других, местность вокруг Неаполя в целом не из приятных для пеших прогулок. Она покрыта слишком ровным слоем, и временами я мечтаю о тихой тропинке через красивые луга к сельской церкви. Возможно, один из самых больших недостатков, которые я здесь нахожу, заключается в том, что здесь нет деревенских церквей; не то чтобы в деревне вообще не было церквей; напротив, их множество, но все они отдают тем, что в людях мы называем убогой аристократичностью; лохмотьями и кружевами: всегда хочется выставиться напоказ. Иногда это прекрасные здания, а иногда они занимают благородные места, с площадкой перед входом, откуда открывается великолепный вид. Но они никогда не рассчитаны на то, чтобы возбудить те идеи уединенного, ненавязчивого благочестия, которые придают такое большое очарование нашим английским книгам. Я тоже верю, что скучаю по церковным дворам.

“Суровые вязы, тень тиса,
Где вздымается дерн множеством гниющих куч”,
и где
“Их имена, их годы, написанные неграмотной музой,
Место славы и запас элегий;
И множество священных текстов она разбрасывает вокруг,
Это учит деревенского моралиста умирать”.

Тогда деревни - это не скопление аккуратных коттеджей, каждый со своим маленьким садиком и аккуратной живой изгородью, а большие, обшарпанные, заброшенного вида дома, расположенные по обе стороны узкой, кривой улочки, всегда неровной, часто каменистой, остатков бывшей мостовой, и где высокие каменные стены закрывают от путешественника любой обзор.

Я был однажды в Помпеях, но не намерен вдаваться в какие-либо подробности об этом месте, пока не получу разрешения сделать там рисунки и не увижу его поближе на досуге. Однако я расскажу вам кое-что о своей экскурсии. Первый объект на пути - Портичи, где неаполитанские короли возвели дворец и где находится музей, состоящий почти исключительно из картин, обнаруженных в Геркулануме, Стабии и Помпеях; остальные предметы сейчас в основном вывезены в Неаполь.^[25] Некоторые из них очень красиво оформлены, а многие украшения в высшей степени элегантны. Фигуры в целом энергичны и грациозны, но рисунок ни в коем случае не точен в деталях.

Апартаменты в старой части дворца очень безвкусны; одна комната полностью облицована фарфором с изображениями фигур и пейзажей; эффект уродства, но те, которые Мурат обустроил для себя и своей королевы, очень красивы.

В Геркулануме не показывают ничего, кроме Театра, да и то при свете факелов, поскольку он полностью подземный, и, следовательно, весь не может быть показан сразу; но мы прослеживаем расположение, насколько можем, поскольку добираемся до разных частей по отдельности, с помощью проходов, вырубленных в скале. Это не лава, а твердый туф, образовавшийся в результате слипания мелких веществ, выброшенных вулканом, а затем, по-видимому, уплотненных водой. Он очень точно подстроился под форму стен и сводов древнего города. Раскопки не только прекратились, но и некоторые части, которые были выкопаны, были засыпаны снова из опасения нанести ущерб городу, и особенно дворцу над ним.

После выезда из Портичи дорога не очень хорошая, но мы проезжаем через Торре дель Греко и Торре дель Аннунциата на нашем пути в Помпеи. Прежнее место пересекают потоки лавы, которые так часто разрушали его. Они представляют собой относительно ровную поверхность на всем протяжении, но чрезмерно шероховатую и изломанную в деталях, которые вы видите, находясь на ней, но с небольшого расстояния взгляд проходит мимо этих неровностей, и все это в целом имеет вид поля с богатой почвой, вспаханного крест-накрест, с неповрежденными комьями и все еще совершенно голого. Башня главной церкви наполовину погребена, а в двух или трех других церквях древний дверной проем был завален, и нынешний вход осуществляется

по спускающейся лестнице через то, что первоначально было большим фасадным окном. Торре-дель-Аннунциата славится производством макарон.

Помпеи находятся совсем за Везувием, и, вспоминая о случившейся там катастрофе, мы удивляемся их удаленности от горы. Нам не разрешается (если только предварительно не получено разрешение на рисование) ходить без проводника, и он регулярно проводит вас к солдатским кварталам, театрам, амфитеатру, форуму с окружающими его храмами и общественными зданиями, к нескольким частным домам, к улице гробниц и вилле Марка Аррия Диомеда. Поскольку многие стены были полностью засыпаны землей, они выглядят так, как будто были новыми. Почти повсюду мы видим древние каменные колонны, покрытые более поздней лепниной; первый дизайн и исполнение намного превосходят более поздние; обстоятельство, которого нельзя было ожидать, поскольку извержение вулкана, уничтожившее город, произошло в царствование Тита, когда обычно считается, что изобразительное искусство находилось в состоянии высокого совершенства. Землетрясение значительно повредило городу за шестнадцать лет до рокового извержения, которое его затопило, и мы до сих пор легко отслеживаем незавершенные реставрационные работы. Это помогает нам во многих случаях установить точную дату, которую мы иначе не смогли бы получить. Имена обитателей остаются написанными на стенах прямо у двери, но там, где наблюдается окончание, оно всегда стоит в винительном падеже, что озадачило антикваров. О профессии судят по признакам, наблюдаемым внутри. В одном доме были обнаружены инструменты хирурга, и примечательно, что в комнате, где они были найдены, есть большое окно, открытое в небо, а не под портиком, как в случае почти со всеми другими отверстиями во внутренних помещениях домов в Помпеях; в другом - кувшины с вином, все еще покрытые винной пеной; в другом - чашки и следы от них, оставленные мокрыми на отделанном мрамором прилавке, дали повод полагать, что это было место, где продавались горячие напитки, что-то вроде современной кофейни; в третьем - чашки с мокрыми следами на мраморной стойке. В другом была изображена железная конструкция повозки с отпечатками дерева на земле, а иногда и кусочками древесного угля. Мы потратили пять часов на то, чтобы просто посмотреть по сторонам, и, как показалось в то время, скорее поспешно, чем иначе. Это возвращает нас к древности и вызывает чувство близости и сочувствия к ней, которого не может дать ничто другое.

Еще одна экскурсия, которой нельзя пренебречь в окрестностях Неаполя, - это Казерта. Два друга-архитектора сопровождали меня в этом мероприятии, и сначала мы посетили Понте делла Маддалена, акведук, как вы знаете, проложенный через глубокую долину для подачи воды в каскад дураков в Казерте. Я полагаю, что вода выполняет дополнительные функции, но это, по-видимому, главная цель поддержания ее на такой большой высоте.

Мы переночевали в Казерте, а на следующее утро, 1 октября, отправились в старую Капую, где сохранились ворота и амфитеатр, множество гробниц и, вероятно, несколько вилл. Ворота, как обычно при въезде в города, состоят из двух арок, чтобы вошедшие не мешали тем, кто выходил. В них есть три ниши и явные признаки мраморного покрытия. Внешняя сторона городских ворот была местом встреч жителей, и поэтому большая часть украшений была справедливо отдана им.

Удовлетворив наше любопытство в старой Капуе, мы вернулись в Казерту и посетили дворец - огромное сооружение, но внешне никак не соответствующее его огромным размерам. Внутренний коридор, однако, очень красив, а лестница и лестничная площадка от него еще

красивее, но досадно осознавать, что большая часть мрамора, использованного здесь, была украдена из храма Юпитера Сераписа в Поццуоли. Квартиры, как правило, не очень красиво отделаны, но некоторые из них прекрасны. В частности, мне очень понравился королевский кабинет, отделанный порфиром и зелеными панелями с черной и золотой каймой.

Сады некрасивы, и возникает чувство неудовлетворенности, когда мы видим огромные затраты на строительство акведука, затраченные на создание уродливого и неправильно расположенного каскада. Сам дворец расположен слишком низко, потому что, хотя земля постепенно поднимается к нему на большое расстояние, уклон сам по себе незаметен; и если бы он был возведен на части все еще пологого, но ощутимого подъема позади нынешнего здания, ситуация была бы восхитительной как с точки зрения внешнего вида здания, так и с точки зрения приятности видов с него.

ПИСЬМО XLV.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АФИНЫ.

Афины, январь 1818 года.

Мы с моим другом мистером Шарпом покинули Неаполь 11 октября. Мы заключили специальное соглашение с неким веттурино, который доставит нас в Бари, и оговорили множество деталей, на которые наш опыт в предыдущих случаях указывал нам как на целесообразность, но, к сожалению, мы либо забыли упомянуть, либо упомянули об этом так небрежно, что никто из нас не мог быть уверен, что сделали это именно так, что обычные расходы должны были быть оплачены. Накануне я очень торопился, как это часто бывает с путешественниками, только что отправляющимися в новую экспедицию, и лег спать только после часа дня. В половине третьего за мной послали человека. Частью нашего соглашения было то, что мы не отправимся в путь до пяти часов, и это вмешательство очень разозлило меня; поэтому я отругал этого человека и отослал его прочь, но я больше не мог спать. Это одна из обычных напастей итальянских путешествий, и она очень велика, поскольку времени, отведенного для отдыха в таких случаях, редко бывает так много, что мы вполне можем позволить себе потерять его. Веттурино пообещал, что карета заедет за нами в гостиницу, но теперь он отказался выполнить эту часть своей сделки. Это послужило предметом второй ссоры, и как только мы прибыли на место, откуда должны были отправиться, мы разошлись во мнениях по поводу расходов. У меня, конечно, было больше упражнений в ругани по-итальянски, чем когда-либо в английском; ругань и торг - вот качества, необходимые на каждый день. Мы нашли двух джентльменов, идущих одной и той же дорогой за семнадцать дукатов каждый, в то время как мы должны были заплатить по двадцать четыре; это, казалось, указывало на то, что нас грубо обманули или что расходы действительно были учтены в нашей сделке, а веттурино настолько привык ко лживым доводам, что ему и в голову не пришло привести действительно вескую причину, на которой он должен был настаивать, а именно, что эти джентльмены направлялись всего лишь в Фоджу, примерно на две трети расстояния. Через некоторое время все было улажено, только в качестве последней уловки мы обнаружили, что он велел водителю потребовать испанские доллары,

которые стоят на несколько крупинок дорожке неаполитанских пиастров. Дорога пролегает по сравнительно ровной местности, среди рощ тополей, поддерживающих виноградные лозы, до Кардинале, расположенного в семнадцати милях отсюда. Здесь начинаются холмы, и мы с Шарпом отправились пешком на первый подъем, но дорога петляла между лесистыми склонами, и у нас не было вида на местность, которую мы миновали. При спуске открывается богатая долина, ограниченная большим разнообразием холмов и гор. Некоторые участки засажены кукурузой или виноградными лозами, другие покрыты лесом, в то время как иногда смелый и скалистый утес придает пейзажу дух и разнообразие. Дорога продолжается по этой долине до Авеллино, и здесь закончился наш первый день путешествия в двадцати шести неаполитанских, или примерно в тридцати одной английской миле от Неаполя. И все же дорога не плохая и не холмистая. Пять экипажей, полных гостей, выехали из Неаполя вместе, что, вероятно, было причиной некоторой задержки и очень затруднило размещение на постоянных дворах; но это было желательно с точки зрения безопасности, поскольку дорога не пользовалась большим уважением, хотя и охранялась на худой конец бандой из шестидесяти пяти разбойников, принятых на службу королю. Оглядев разные группы, С. и я решили, что наши попутчики были самыми приятными из всех; из двоих, которые были с нами в карете, один был джентльменом лет тридцати, который был офицером французской армии, а затем служил под началом Иоахима; за последнее обстоятельство он теперь уволен, хотя его назначение было сначала подтверждено ему нынешним правительством. Наши английские законы постановили, что служить королю *de facto* не является преступлением; восстановленные монархи Италии не приняли эту спасительную максиму, но, наказывая людей за выполнение своего долга, преподавали своим подданным урок, что им самим решать, кому быть королем; и отстранили от службы своих лучших офицеров. Наш спутник не жаловался, а просто упоминал факты по мере того, как в ходе беседы возникали вопросы. Служба в армии за границей почти всегда улучшает итальянского. Это расширяет его кругозор и улучшает манеры, не снижая его моральных стандартов; он, как правило, свободен от щенячьего поведения и насильственного корпусного чувства, в котором обвиняют французских офицеров. Во всех частях света средние классы общества наиболее нравственны; в Италии они также наиболее информированы, поскольку обучение до определенного уровня дается легко, хотя за пределами этого уровня прогресс человеческого разума максимально сдерживается религиозными и политическими институтами страны, и если дворянин умеет читать и писать свое собственное имя, то, похоже, этого вполне достаточно. Такое положение вещей не может длиться долго, но французы в своем революционном безумии поставили низший класс на вершину, и лекарство оказалось хуже болезни. Революции, по сути, плохие вещи; шансы на хороший исход ужасно малы; но смена рангов, при которой выдающиеся таланты и добродетели среди людей постепенно продвигают их самих и их семьи, в то время как высшие классы, не подкрепленные личными качествами, так же мягко снова погружаются в массу, необходима для нормального состояния политического организма. Добавьте к этому конституцию, в которой каждый имеет должный вес; и позвольте мне добавить, что, пусть его доля политического влияния даже очень мала, ни один человек не должен быть полностью одиночкой; результатом должно быть национальное процветание. Другой наш спутник был братом этого офицера, точно так же, как и тот, склонный оказывать нам те небольшие услуги, в которых туземец может так легко помочь незнакомцу, не очень хорошо информированному, но с большим желанием стать таковым. *Всерпе*, или кабриолете, ехали трое уроженцев Ливелло, городка в Апулии, немного в стороне от большой дороги. Один был солдатом, второй тоже, по-моему, служил; третий изучал медицину в Неаполе. Казалось, среди них царил полнейшее равенство; все они были молоды, вежливы и в

хорошем настроении. К концу второго дня пейзаж стал открытым и унылым. Шарп сказал, что это место напоминает Йоркширские холмы; я сравнил его с Саут-Даунсом, но холмы были выше и не такие голые. Мы переночевали в Ариано, где древности вряд ли заслуживают внимания; а на следующий день вереница из десяти экипажей отправилась вместе для взаимной защиты, проезжая самый опасный участок дороги возле Понте Бовино, где накануне были ограблены два экипажа. Двое молодых людей из Лечче, у которых были с собой ружья, шли рядом со своими экипажами в самых подозрительных местах, и там были два жандарма верхом и еще один эскорт, принадлежащий разъездному посту, который здесь составлял нам компанию. После первой или двух миль дорога пролегла по долине, в целом заметно понижаясь, хотя иногда нам приходилось пересекать небольшие холмы; они были каменистыми и поросшими кустарником; неровными, но не отвесными и не высокими, и там было много невозделанной земли; этот стиль местности продолжался до Понте Бовино, где в прошлый раз на нашего офицера напали разбойники, когда он сидел за ужином, хотя с ним был отряд из пятидесяти человек. Здесь мы не смогли раздобыть на ужин ничего, кроме хлеба и *моцарелли*. Это кусочки творога, а не сыра, из молока буйволиц, которые очень хороши в жареном виде. В Риме подобные блюда называются *проватурой*, но названия этих маленьких блюд различаются почти в каждой провинции. У Понте Бовино мы покидаем долину, и, перевалив через последний холм этой части Апеннин, перед нами простирается вся Апулия, унылая и голая равнина, с высоким, уныло выглядящим Монте-Гаргаро вдалеке. Третий день путешествия завершился в Фодже, довольно красивом городе, в соборе которого сохранились некоторые остатки готики или, скорее, ломбардской архитектуры, а также несколько хороших образцов *ренессанса*. В этом месте мы расстались с нашими приятными спутниками и в четыре часа утра следующего дня (14 октября) возобновили наше путешествие по глубокой глинистой дороге через плоскую открытую местность под продолжающимся дождем. Наши оставшиеся спутники оставили нас в Чериньоле, и мы одни отправились в Барлетту, куда прибыли поздно и с большим трудом добыли постели. Я не смог увидеть английского консула, но когда мы узнали, что судно, которое мы надеялись найти здесь, направлявшееся на Корфу, уже отплыло, мы решили не откладывать, а следовать согласно нашему соглашению в Бари. Погода на протяжении почти всего путешествия была очень сырой и продолжалась до сих пор, но пейзаж после Барлетты становится лучше. Это правда, что местность здесь мало разнообразна, но она менее голая, и несколько городков, каждый из которых очень живописно расположен на невысоком известняковом выступе, вдающемся в Адриатическое море, образуют череду приятных объектов. Их длинные горизонтальные линии, кажется, объединяют их со скальными выступами, на которых они расположены, и прекрасно контрастируют с высокой и стройной колокольной, в которой редко бывает недостатка. Дорога проходит за пределами этих городов, так как на самом деле их расположение ставит их довольно далеко от ее черты, а их узкие и кривые улочки делают желательным избегать их. В Бари также проложена новая дорога за пределами города, хотя для этой цели необходим небольшой объезд. С точки зрения архитектуры Бари не представляет особого интереса, однако здесь есть несколько зданий, заслуживающих внимания. Город расположен в уже описанном месте, на невысоком известняковом мысе, а кафедральный собор и одна или две другие церкви могут похвастаться куполами. Они находятся недалеко от собора и высокой колокольни. Они замечательно сочетаются друг с другом и, не имея соперников, образуют единую композицию города, с какой бы стороны вы его ни рассматривали. Другая часть линии хорошо прерывается массивной церковью, посвященной Сан-Николе, но это простое, высокое здание без башни или купола. Кажется, что каждая из этих церквей была спроектирована с двумя башнями, но общий эффект

и так лучше. Внешне собор во многом выдержан в ломбардийском стиле, но древний дверной проем был удален; и соответствующие перегородки большого круглого окна, украшающего фасад, также отсутствуют, что сильно ухудшает его внешний вид; но хотя с этими и некоторыми другими аксессуарами, которые также были удалены, он мог бы быть богатым, он никогда не мог быть красивым; и фланги, безусловно, не были ни богатыми, ни красивыми, ни даже характерными для большого общественного здания, что было более редким недостатком для тех ранних архитекторов. Некоторые меньшие круглые окна сохранили свои внутренние перегородки, но они скорее напоминают отверстия в цельном камне, чем образованы пересекающимися стержнями. Кампанила - это небольшая башня на вершине более крупной, пристроенная к концу трансепта, который сам по себе очень высокий и стройный. Внутренне церковь была модернизирована, но кое-что от простоты древнего устройства сохранилось, а богатство хора, который представляет собой всего лишь большую нишу, богато украшенную, оттеняется простотой других частей здания.

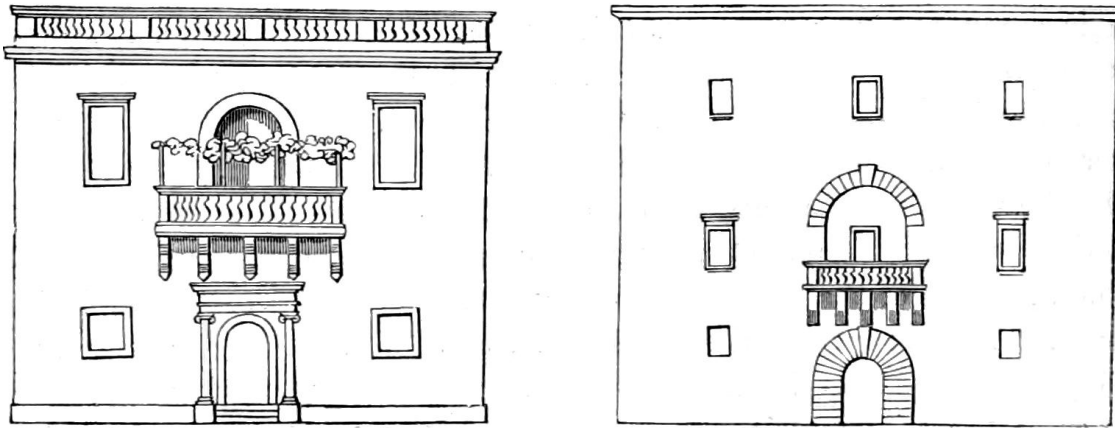
Церковь Святого Николая, покровителя Бари, возможно, больше кафедрального собора. Она была оставлена несовременной, но сохранила большую часть своей первоначальной структуры. Архитектура здания ломбардская, и нам сообщили, что оно было закончено в 1197 году. Некоторые орнаменты выполнены в готическом стиле, но, возможно, их добавили. Стержни дверного проема опираются на фигурки животных. Некоторые детали внутреннего убранства напоминают нам о церкви Святого Марка в Венеции, но не о ее богатом убранстве. Позолоченный и украшенный орнаментом потолок сравнительно современного образца опирается на побеленные стены.

В одной маленькой церкви в Бари есть маленькое круглое окно в верхней части, а в нижней - дверной проем, который мы можем назвать нормандским. Лепнина косяков продолжается вокруг арки без каких-либо указаний на колонны или капители, или чего-либо, что отмечало бы начало изгиба.

Английский консул в Бари заверил нас, что пароход до Корфу обойдется в триста долларов, как обычно, но при его вмешательстве мы могли бы получить его за двести пятьдесят, или, возможно, когда мы, казалось, были поражены ценой, за двести. С тех пор мы узнали, что такую вещь можно приобрести за сто двадцать долларов, но консул заметил наше беспокойство по поводу того, что мы ушли. Сэр Х. Лашингтон написал консулу в Отранто, чтобы получить для нас проезд на курьерском судне из этого города на Корфу. Казалось не совсем уверенным, что наша цель будет достигнута, но мы подумали, что лучше рискнуть там, чем платить такую цену за лодку из Бари. Болезнь моего компаньона задержала нас в последнем месте на месяц. Мы сняли жилье и нашли трактир в том же доме, что было очень удобно в некоторых отношениях, но Бари превосходит по шуму даже Неаполь. Мои случайные попутчики по трактиру говорят мне, что Бари - самое глупое, невежественное, жестокое, неупорядоченное и уродливое место на побережье. Хотя это город с двадцативосьмитысячным населением, в нем нет книготорговца, и несколько томов в лавке портного - вот и вся литература, которую я смог найти в этом месте, и ни консул, ни доктор не смогли помочь мне ни с одной работой. Первое действительно было полезно поначалу, чтобы купить немного мяса или птицы для приготовления бульона для С., но впоследствии я обнаружил, что гораздо лучше было взять эту обязанность на себя и присматривать за всеми остальными; ибо, хотя я нанял сиделку, а старуха из дома и ее служанка делали все, что могли, но они мало что делали, только разговаривали друг с другом на повышенных тонах в комнате больного, когда меня не было; и я не мог положиться на то, что

аптекарь готовит лекарства, если только я не стоял рядом и не наблюдал за ними. на него. Приходил консул и так часто повторял *speriamo*, что, если бы я не обладал очень сангвиническим темпераментом, я был бы в полном отчаянии. Я не знаю, было ли это вызвано простым любопытством, или же, поскольку он обнаружил, что ничего не может добиться от нас живыми, он надеялся, что мертвыми мы принесем ему больше пользы, поскольку он постоянно дразнил меня своими предлагаемыми приготовлениями к похоронам. Я развлекался, как мог, изучая ромейский язык и иногда собирая растения, но, к сожалению, мне не хватало книг, поскольку я не предусмотрел ничего на столь длительное пребывание. К концу того времени я познакомился с адвокатом из Конверсано, который со своим сыном останавливался в Бари по каким-то делам; и с его помощью я раздобыл Ариосто, и он также научил нас пользоваться итальянскими картами, которые служили развлечением больному, пока он был еще слишком слаб, чтобы выходить на улицу. Наконец мы заключили сделку на Отранто (с ударением на первый слог) за двадцать четыре дуката. Путешествие должно было занять четыре дня; и мы сохранили за собой право отпустить нашего веттурино в конце любого дня, если бы путешествие показалось нам слишком утомительным, заплатив шесть дукатов за суточные, а в этом случае еще один дукат дополнительно. Утром, однако, мы поссорились, потому что он обещал закрытый экипаж, а привез открытый, то есть четырехколесный экипаж с фиксированной головкой и бортами и опускающимися спереди занавесками; но в конце концов мы в нем отправились в путь. День был погожий и даже жаркий. На протяжении первых четырех или пяти миль здесь проложена искусственная дорога, конец которой был отмечен глубокой траншеей. После этого у нас была просто тропинка на родной почве, которая обычно представляет собой грубую неровную скалу. Местность огорожена, образуя оливковые сады, под которыми растет кукуруза, виноградные лозы и фиговые деревья. Первые держат коротко, как на юге Франции, и не обучают какой-либо поддержке. Через некоторое время мы добрались до более голой местности у берега, которую можно было бы назвать вересковой пустошью, только там почти нет этого растения, главными украшениями являются кусты чечевицы, кустарникового тимьяна или майорана, а также листья *Asphodelus ramosus* и *сциллы приморской*, но цветы совсем увяли. Маленький городок Пулиньяно расположен среди равнин голых скал, почти во всех направлениях пересеченных чрезвычайно глубокими колеями. Я думал, что ехать дальше невозможно, но наш водитель был очень осторожен и очень умен. Первую ночь мы провели в Монополи, который снова находится среди оливковых рощ, и на следующий день наше путешествие в тридцать шесть миль почти всегда проходило по твердой глине, что в целом было облегчением, потому что мы были так измучены тряской первого дня, что я не знаю, как бы мы выдержали второй день на такой же неровной дороге. Земля междуоливковыми деревьями больше не была засеяна зерновыми культурами, а была покрыта кустарниками чечевицы, филлиреи, мирта, различными видами цистуса и *Quercus coccifera*. Гряда холмов справа приятно разнообразила перспективу, а слева голубые волны Адриатики иногда проступали между стволами олив, а иногда и над их вершинами. Большую часть этого дневного путешествия, которое закончилось в жалкой деревушке под названием Сан-Вито, мы не встретили ни дома, ни живого существа. Среди оливок мы часто встречаем деревья *Ceratonia siliqua*, сладкие стручки которых широко употребляются в Италии, но разнообразие, привнесенное из этих источников, не избавило от ощущения утомительного однообразия, вызванного продолжающимся преобладанием оливковой рощи. Направление дороги отмечено двумя параллельными низкими каменными стенами, но по большей части она совершенно непроходима, и используемая трасса иногда пролегла по одну ее сторону, а иногда и по другую, нам часто приходилось пересекать дорогу и граничащие с ней стены. Третий день

привел нас из Сан-Вито в Лечче, и в более диких местах изобилие цветущего земляничного дерева, усыпанного в то же время алыми плодами, было очень красивым. Лечче - прекрасный город: в Англии вы бы пожаловались на узкие улицы и посмеялись над некоторыми экстравагантностями архитектуры, но вы могли бы найти очень мало мест, которые могли бы соперничать с ним или которые имели бы такой вид маленькой столицы. Похоже, на украшение церквей не жалели денег, и жаль, что они не были потрачены под влиянием лучшего вкуса. У нас было не так много дневного света, чтобы увидеть это, но была прекрасная яркая луна и прозрачная холодная атмосфера. Четвертый день пути до Отранто был коротким, в основном по холмам или вересковым пустошам, покрытым низкими кустарниковыми растениями, такими как чечевица, филлирея, мирт, пиракант и различные виды кистуса, но в это время года все вместе на небольшом расстоянии производит впечатление, очень похожее на эффект английского обыкновенного, покрытого дроком, и редких кустов терновника. Войдя в город, мы пересекли небольшой чистый ручей, называемый Идро, действительно самого маленького размера, но это была первая проточная вода, которую мы увидели с тех пор, как покинули Барлетту, на расстоянии ста пятидесяти или ста шестидесяти миль. Здесь нет ни альберго, ни локанды, ни траттории, но консул предоставил нам хорошее жилье и сделал все, что было в его силах, чтобы обеспечить нам комфорт, не ожидая от нас выгодной сделки. В Отранто нет современной прекрасной архитектуры, но есть любопытные намеки, как, впрочем, и в большинстве городов вдоль побережья. Большие балконы, которые часто занимают всю площадь фасада, создают очень хороший эффект. Нижняя часть кажется очень прочной, с небольшим количеством отверстий, и сам балкон, как правило, имеет такой же массивный характер.

Фасон верхней части намного светлее. Иногда центр здания отступает назад на верхних этажах, в то время как балкон проходит поперек проема, а над ним натянута решетка, поддерживающая виноградные лозы, и создаваемый таким образом контраст цвета и формы очень красив и живописен. В некоторых домах в Отранто это углубление перекрыто аркой, и такое расположение также обычно украшено виноградными лозами. Эти приспособления для жизни на открытом воздухе лучше подходят для теплого климата, чем для такого, как наш; и все же я думаю, что некоторые из этих приспособлений не были бы неподъемными в нашей стране. Открытые портики и галереи создают огромное количество эффектов, которые дают итальянской архитектуре большое преимущество. Мы копируем подобные диспозиции, но у нас в них ощущается недостаток здравого смысла, который с лихвой компенсирует эффект света и тени; в то время как в Италии ощущение воздуха и тени - это также ощущение комфорта и удовольствия.

В Отранто есть древняя церковь, содержащая некоторые остатки классической древности, которая, как говорят, происходит от храма Минервы; но я не могу указать ни на что особенно красивое, за исключением изящного окна с бархатцами, которое, вероятно, датируется более поздним временем, чем остов здания. Основания и капители колонн в лучшем случае выполнены в стиле нижнего ампира. К несчастью для любителей романтики, замок представляет собой обычное укрепление шестнадцатого века, в котором нет ничего почтенного или живописного.

Наш консул провел нас на оливковое поле, о посадке которого в начале шестнадцатого века сохранились подлинные записи. Следовательно, деревьям около трехсот лет; они все еще плодоносят, но сильно сгнили; и все же я думаю, что мы видели деревья и старше. По крайней мере, мы видели гораздо более крупные. У дам на юге Италии довольно визгливые голоса, и в низшем классе женщин, когда они серьезно относятся к чему-либо (а они серьезно относятся к каждому пустяку), это становится настоящей руганью. Я уже упоминал о тех, что были в Бари, где горничная, казалось, всегда говорила вихрем; а женщина, которая заботилась о доме, где мы остановились в Отранто, готовила и делала все для нас, была так сильна в своих выражениях благодарности, что Шарп настаивал, что она ругается. Консул получил письмо, адресованное мне от сэра Х. Лашингтона, но, не зная, что делать с адресом, он вскрыл его и ухитрился разобраться в его содержании. Нам повезло, что он сделал это, поскольку для получения разрешения воспользоваться лодкой курьера необходим приказ сострова Корфу, и он переслал письмо и добился для нас разрешения. Прождав четыре дня, пока южный ветер подгонит лодку, и еще два - северный, мы покинули Отранто и Италию 29 ноября. Наш переход занял около тридцати часов. Побережье Албании, когда мы приблизились к нему, оказалось состоящим из высоких и скалистых гор, по большей части имевших голый и пустынный вид. Сначала Корфу также представляет собой гряду скалистых гор, но менее высоких и более разнообразных, нижние части которых покрыты оливами. По мере приближения мы различаем более низкие гряды холмов между этими горами и берегом. Город Корфу расположен на восточной стороне острова, по направлению к Албании, и, кажется, расположен на берегу благородного озера. Местность восхитительна, а виды на остров самые красивые, какие только можно себе представить: кажется, что по его середине тянется очень неправильная горная цепь; ближе расположены холмы, покрытые лесом и оливами, а берега разнообразны чередой заливов и мысов, усеянных деревьями и изобилующих садами и виноградниками. За водой пейзаж более величественный, но монотонный, дикий и пустынный. Горы образуют более продолжительную линию, и Томарит, покрытый глубоким снегом, возвышается над общим хребтом, но в это время года по албанским горам разбросано много снежных пятен. По прибытии на Корфу мы были очень поражены полной разницей в архитектурном стиле по сравнению с Италией; чего, поскольку Корфу скорее итальянский, чем греческий город, мы не ожидали. Вместо больших комнат с высокими потолками мы нашли маленькие комнатки, в которых я могу делать немногим больше, чем стоять прямо. А на главных улицах пешеходные дорожки проходят под аркадами, которые настолько низкие, что во многих местах мне неудобно ходить под ними. Окна большие пропорционально масштабам здания, а промежутки между ними, как по горизонтали, так и по вертикали, очень маленькие. Короче говоря, вся обстановка подлая и ничтожная, а материалы ни в коем случае не лучше.

Новинками на Корфу кажутся не только дома. Здесь мы впервые видим греческую одежду в обиходе, а пышные одеяния и насыщенные цвета придают ей вид важности, который, однако, является, возможно, таким же эффектом новизны, как и любая другая вещь. Однако это

вызывает чувство, похожее на удивление, когда мы впервые видим людей, так одетых, занятых полевыми работами, и все же при ближайшем рассмотрении мы замечаем, что одежда такая же оборванная, как у низших классов у нас. Греки с островов обычно носят на голове что-то вроде ночного колпака и имеют обилие волос, которые часто каштановые на концах и совсем не похожи на тонкие черные волосы итальянцев. Они носят жилет с рукавами, а поверх него другой жилет без рукавов, другого цвета, и оба более или менее расшитые; красный или синий пояс и очень пышные нижние юбки, доходящие немного ниже колен и зашитые внизу, за исключением двух отверстий для прохода ног. Чулки часто бывают белыми с красными швами. Одежда албанских крестьян почти такая же по форме, но из более грубых материалов и из неокрашенной шерсти, за исключением синих и красных ниток, которые местами скреплены, чтобы служить вышивкой. У здешних офицеров очень хорошая библиотека, и я нашел то, чего не ожидал, - экземпляр "Афин" Стюарта, включая четвертый том.

Основным продуктом острова Корфу является масло. Венецианское правительство назначало вознаграждение за каждое посаженное дерево и назначало наказание за вырубку одного из них. Говорят, что масло очень хорошее, и оно должно быть здесь дешевле, чем на неаполитанской территории, где за землю платят налоги в размере 27 процентов. на продукты, в то время как здесь за это платят всего 3; однако, если меньше уходит правительству, больше, вероятно, достается арендодателю. Горы, по-видимому, состоят в основном из известняка, и, судя по образцам породы и ее ископаемому составу, которые я видел, я должен заключить, что она аналогична нашему мелу, но гораздо тверже. Нижние холмы состоят из песчаника, лежащего на известняке, и встречается кремнистая угловая брекчия, местоположение которой я не смог установить; есть также крупнозернистый известняк и сланцеватая глина с тонкими слоями серы.

Мы оставались на Корфу только до тех пор, пока этого требовала погода; а поскольку сильный южный ветер, помешавший нашему отъезду, приносил почти непрерывный дождь, мы, следовательно, мало видели окрестности, и на Корфу представлено мало древностей. Здесь сохранилось несколько слабых следов древней Коркиры, а по соседству с ней мы заметили необычную дорическую капитель, выступ овала которой равен верхнему полудиаметру колонны; она небольших размеров. Мы также заметили капитель-пилястру, соответствующую по размеру капителю колонны, что напомнило мне о некоторых из них в Пестуме. Я не сомневаюсь, что эти фрагменты старинные, но о точной степени древности я не претендую судить. Порт сохранился; красивое озеро, окруженное всеми прелестями земледелия, лесом и горами, но очень мелкое, и говорят, что его границы крайне нездоровы.

Мы с Шарпом иногда обедали в "Английской таверне" и настолько привыкли к итальянским обычаям, что нам казалось довольно странным есть из голубой посуды, есть суп с небольшим количеством вермишели на дне, вместо того, чтобы быть почти заполненными ею, есть рыбупосле супа, маленький бокал для вина, железные вилки, и менять их вместе с ножами при каждой смене тарелки. Я полагаю, что это не древний обычай в Англии, поскольку некоторые отрывки из Свифта, по-видимому, указывают на то, что в его время это ни в коем случае не было обычной практикой. Нам сказали, что эта таверна покажется нам очень дорогой, однако суп, рыба, утка, креветки, пудинг, вино и фрукты стоят всего по полкроны с человека, хотя и приготовлены в наше время; привилегия, которой мы в последнее время не могли добиться ни из любви, ни из-за денег. В итальянской траттории ужин стоит 2s. 1день, что пропорционально дороже как по качеству еды, так и по предоставляемым удобствам.

Мы договорились с капитаном небольшого открытого катера, который доставит нас в Санта-Мауру или на Чефалонию, в зависимости от того, насколько позволит ветер, и в субботу вечером получили уведомление подняться на борт, чтобы отправиться в путь ранним утром. В таком спальном месте не было большого комфорта, но мы приготовились подчиниться. Однако два офицера калабрийского корпуса, которые должны были присоединиться к нашей группе, пришли сообщить нам, что они решили не покидать город до утра. Мы заказали кое-какие припасы, но когда утром спросили о них, то обнаружили, что они были забыты или выброшены, и нам пришлось отправиться в путь с очень небольшим запасом. Лодка находилась примерно в двух милях от Корфу, и мы отплыли от берега только в девять часов при мертвом штиле. Около одиннадцати с юга подул ветерок с темными тучами; я хотел вернуться, так как штормовая погода, которая недавно была в тех краях, кое-чему научила меня о том, чего нам следовало ожидать. Лодочники, однако, продолжали грести против ветра, который днем усилился, и в сумерках мы вошли в бухту на побережье Албании, в пятнадцати-двадцати милях от Корфу, и пришвартовались у задней части небольшого необитаемого острова под названием *Агионеси* (Ἅγιονησί). Наша лодка походила на одну из открытых рыбацких лодок, которыми пользуются на английском побережье, но была сделана более неуклюже и с чем-то вроде корзины по краю, в которую втыкали колышки для весел и других целей. Несколько подвижных досок, которыми был накрыт груз бобов, образовывали палубу, на которой можно было стоять, а когда лодочники пришвартовались, они сняли мачту и уложили ее горизонтально, чтобы образовать конек палатки, которую они дополнили чем-то вроде грубой фланели и парусами; мы заползли под нее, но там не было места, чтобы стоять или даже сидеть прямо, кроме как посередине. Ночь была сырой и ветреной, как и следующий день, и наша палатка оказалась очень несовершенной защитой от проливных дождей. Мы выбрались на остров, несмотря на погоду, но это всего лишь скала, покрытая низкими кустами мирта, лавра, корониллы, чечевицы, земляничного дерева и т. Д. На вершине сохранилось несколько фрагментов стен разрушенной церкви. Мы видели изобилие нарциссов и цикламенов, но несколько кочанов репы или капусты были бы гораздо предпочтительнее всех этих овощных красот. Вечером у нас закончились припасы, и капитан с большим трудом добился, чтобы у нас остались еще. Следующей ночью шторм усилился. Во вторник было не лучше. Среда вселила некоторые надежды, но вскоре они были обмануты, и нам пришлось напасть на наш груз бобов, которые оказались очень плохими и наполовину съеденными долгоносиками. Весь хлеб закончился, и у нас оставалось только твердое и шероховатое печенье, чтобы заменить его. В пятницу погода настолько ослабла, что позволила нам сменить позицию, и мы бросили якорь под материком, что дало нам возможность послать за провизией в городок (Гоменица), расположенный примерно в шести милях от нас, где мы раздобыли птицу, что-то вроде поленты, которую подают к хлебу, плохое вино и соленые кильки. Капитан и его команда отведали хлеба и вина, не спросив разрешения и не поблагодарив нас. О домашней птице мы заботились больше. Смена места также позволила нам найти земляничное дерево, усыпанное ягодами, которых на нашей бесплодной скале не было ни одной. Мои спутники сказали мне, что если я съем их много, это вызовет безумие, но я приготовил из них то, что можно было бы назвать едой, без каких-либо неудобств. В субботу утром мы покинули бухту и острова проплыли несколько миль между грядой небольших островов и главным. За этим убежищем мы обнаружили волну, которая напугала наших трусливых моряков, и они повернули обратно к небольшой заводи, где мы выбрались на берег, разожгли костер, убили, ощипали, сварили и съели трех наших кур, а двух зажарили, которые остались на следующий день. В воскресенье погода была прекрасная, и зыбь, очевидно, утихла, но наши греки не двигались с места. Однако вдохновило ли их наше вино или какие-то другие

обстоятельства придали им смелости, я не знаю, но в семь часов вечера они решили отправиться в путь, и мы, как могли, укутались на ночь. Мы услышали, как часы в Парге возвестили полночь, и утром обнаружили, что направляемся к окраинам Санта-Мауры, чтобы держать прямой курс на Чефалонию, но волна снова встревожила наших лодочников, и около десяти часов они изменили курс, чтобы пройти через пролив между Санта-Маурой и майном. Потребовалось два часа, чтобы отвоевать наши позиции, и я не знаю, сколько пришлось лгать, чтобы избежать *contumacia*, или карантина, которому, по-видимому, нас подвергли бы, если бы стало известно, что мы пристали к турецкому берегу. Здесь мы сошли с нашей лодки, но обнаружили, что капитан не ушел в понедельник, хотя день был погожий и дул попутный ветер. После этого у нас снова был дождь и южный ветер.

Один из наших спутников в этом путешествии, молодой кефалонец, имел большое желание стать солдатом и отправиться с отрядом своих соотечественников в Константинополь, опустошая всю страну огнем и мечом. Он был убежден, что это вполне осуществимо, поскольку один грек в любое время может сравниться с десятью турками. Я думаю, что эта любовь к солдатской службе возрастает по мере того, как у нации становится меньше мужества. В Санта-Мауре мы нашли маленькую гостиницу, которую держал сицилиец, который жаловался на греков как на отъявленных мошенников. Наше жилье не было великолепным, но мы устроились очень хорошо.

Санта-Маура - небольшой деревянный городок на берегу очень мелкого канала, отделяющего остров от Албании; настолько мелкого, что обычные лодки сделаны из цельного дерева и сохраняют свое древнее название, *моноксилон*. Они вмещают максимум двух человек. Это мелководье и выступающая совсем рядом соль делают это место очень нездоровым осенью. Замок стоит на длинной песчаной косе, которая, как предполагается, раньше была перешейком, и для того, чтобы избежать очень долгого обхода при подходе к нему из города, нам приходится переходить по мосту длиной около трех четвертей мили и шириной в три фута; он лишен какой-либо защиты и настолько открыт ветру, что пикет при переходе через него был загнан в бухту, которая, хотя и неглубока в воде, но очень сильно покрыта илом. Поэтому в плохую погоду переправа может считаться опасной, и однажды, когда мы договорились пообедать с полковником Россом, сильный ветер и дождь помешали нам прийти на встречу.

Мы посетили остатки древнего Левкаса или, возможно, Неритуса, где, однако, нет ничего, кроме обширной линии стен, в основном циклопической кладки, но есть часть башни, построенной параллельными рядами, и в одном месте циклопическая стена двойная, промежуточное пространство заполнено землей. Здесь нет никаких следов других зданий, общественных или частных, за исключением фрагмента небольшой колонны и в одном месте круглой ямы, расширяющейся книзу, возможно, вместительная для зерна. Я упоминал вам о некоторых отверстиях такого рода во Фьезоле, но там они были среди гробниц, что, по-видимому, указывает на какое-то другое назначение, и Кларк описывает похожую яму на вершине Елеонской горы, недалеко от Иерусалима, о которой он в основном размышляет. Мы не смогли найти даже фрагмента лепнины. Обстановка восхитительная, отсюда открываются обширные виды как на север, так и на юг. Итака и Кефалония, с заливом Арта, берега Албании и небольшие холмы, поддерживаемые величественным хребтом заснеженного Пинда, входят в перспективу.

Кажется, что остров Санта-Маура состоит почти из одной массы известняка, но в его недрах есть несколько романтических скалистых долин и прекрасные равнины в нескольких местах ближе к берегу. На возвышенностях обычно выращивают кукурузу. Низменность в окрестностях города представляет собой почти непрерывную оливковую рощу. Температура обильного источника, который подведен к городу, составляла 62 ° в том месте, где он бьет из известняковой скалы, а воздуха - 55°.

Мы наняли лодку, которая доставила нас в Патры за двадцать пять долларов, но плохая погода задержала нас до 23-го, когда мы поднялись на борт нашего судна, находившегося на карантине. Поднялся встречный ветер, и, проведя ночь на берегу соленой лагуны, мы вернулись в город. Как раз в это время истек срок карантина на судне, и мы смогли вернуться в наши старые помещения. 28-го мы снова двинулись в путь и прошли в тот день около сорока миль. Ночью мы причалили к необитаемому острову под названием Скрофа, который, хотя и был несколько больше и выше, не мог не напомнить нам о нашем старом убежище в Агионеси, тем более что весь 29-й день мы были задержаны там восточными ветрами. 30-го числа ветер не был неблагоприятным, но лодочники решили, что зыбь слишком сильна для них. Около полудня мы убедили их хотя бы выйти посмотреть, как там дела. Наш путь пролегал вокруг плоского песчаного мыса, где волны набегали очень высокие и крутые; моряки были стойкими и умелыми, но наша лодка, казалось, едва ли могла с ними сравниться. Они сказали, что при таком ветре высадиться в Патрах будет невозможно, и поэтому, проплыв около двух часов, мы остановились среди отмелей и песчаных отмелей в устье Аспропотамоса, примерно в восьми милях от Мессолунгии и в пятнадцати от Патр. На следующее утро попутный ветерок побудил нас продолжить путь, но вскоре он изменился и снова погнал нас назад. Через небольшой промежуток времени снова поднялся западный ветер, и мы предприняли вторую попытку с тем же результатом, но наконец ветер стих, и мы поплыли в Патры. Было слишком поздно искать жилье, но мы обратились к консулу, мистеру Картрайту, так как нам надоела лодка, и он сам очень гостеприимно принял нас. Трое английских путешественников также были в его доме, и контраст между неожиданным попаданием в изысканное общество со всеми его удобствами сразу после нашего грубого жилья был очень разительным.

Благоприятный западный ветер снова побудил нас попытать счастья в море, но, как обычно, безуспешно, поскольку нам пришлось остановиться в Востице на несколько дней, развлекаясь лишь тем, что утром продвигались на несколько миль вперед, а вечером возвращались обратно. Наконец, наше терпение истощилось, и мы продолжили наше путешествие по суше. Наш багаж увеличился во время нашего продвижения, и наше желание при выезде из Неаполя уменьшить его, насколько это возможно, сделало его еще более неудобным. У нас не было слуги-грека, мы не говорили на этом языке и были совершенно незнакомы с обычаями страны. Эти соображения побудили нас с большей готовностью воспользоваться лодкой, которую нам предложили в Патрах, но, к счастью, мы разрешили греку сопровождать нас, который, по его словам, собирался добиться уплаты долга у бея Коринфа, и мы нашли его очень полезным.

Востица расположена на гребне длинной гряды гравийных холмов, которые, высокие и обрывистые на западе, постепенно теряются в равнине на востоке. Этот гравий в некоторых частях почти полностью состоит из обломков известняка, в других преобладают кремнистые камни; они различных размеров, более или менее округлые, иногда образуют рыхлый гравий, а иногда сцементированы в твердую породу. Почва очень кавернозная, вероятно, из-за этой разницы в строении, особенно в восточной части, где стоит город Востица. У подножия утеса

есть обильный источник хорошей воды, а рядом с ним растет великолепный платан. Востица недавно пострадала от землетрясения, и, как говорят, в этот раз море омыло нижние ветви этого дерева на высоте около пятнадцати футов от его нынешнего уровня. Другая гряда холмов за Востицей, более высокая и отвесная, чем упомянутые выше каменистые возвышенности, судя по ее форме, сложена из песчаника, и снова, за ними есть третья гряда, более высокая и компактная, покрытая соснами и присыпанная снегом. Противоположные холмы Албании дикие и унылые. За ними мы различили Парнас, хребет чистой белизны.

Мы были рады покинуть это место и, наконец, 11-го числа отправились с четырьмя мулами в сторону Коринфа. День был погожий, пейзаж восхитительный, а дорога для лошадей довольно хорошая; мы были вынуждены свернуть с нашего пути в сторону Мегаспели, так как река, которая спускается с нее, была непроходимой, и пришлось прибегнуть к помощи моста. Мы нисколько не сожалели об этом перерыве, поскольку он привел нас к входу в красивейшую романтическую долину, имеющую скорее альпийский, чем апеннинский характер, густо поросшую лесом даже вдоль вершин высоких утесов и ограниченную на расстоянии снежными горами. Затем мы прошли по восхитительной естественной террасе, которая, по-видимому, была создана для дороги, и, вернувшись снова на некоторое время к берегу, пересекли устье прекрасной долины, которая, по-видимому, перекрыта необычной горой, похожей на замок, а оттуда по склону, покрытому *Pinus halepensis*, *Arbutus Andrachne* и *Unedo*, и огромным разнообразием вечнозеленых кустарников. В ложбинах росли олеандры, а скалы над ними были покрыты соснами. Ночью мы добрались до хана, то есть комнаты с хорошим дровяным камином, который поддерживался всю ночь, и в котором мы нашли циновку, на которую постелили наши одеяла и улеглись отдохнуть. На следующий день мы также проехали несколько красивых мест. В одном из них у нас был пейзаж площадки для развлечений, красивая лужайка с разбросанными деревьями и кустарниками; русла ручьев, покрытые мелким песком, выглядели как извилистые дорожки из гравия, красиво окаймленные олеандром и другими растениями, но в целом путешествие было менее приятным, чем накануне.

По мере нашего продвижения Парнас становился очень заметным объектом на противоположном берегу, а Геликон, расположенный гораздо ниже по высоте, выглядел, когда мы впервые заметили его, как скульптурный лев, лежащий без головы. Я собрал плоды в миртовых рощах, через которые нам часто приходилось проходить, и обнаружил, что вкус их гораздо лучше, чем я ожидал. Ягоды *Arbutus Andrachne* мельче и безвкуснее, чем ягоды земляники обыкновенной, и они не очень вкусные.

На третий день было очень холодно, и последнюю половину пути они ехали по унылой и голой равнине до Коринфа. Мы прибыли туда около четырех часов и устроились в доме *фурланского* врача Андреа Симонетти, который предоставил нам очень удобную комнату, матрасы и некоторые другие предметы роскоши для сна; он без труда получает деньги, что гораздо лучше, чем если бы приходилось платить ему подарками, но он довольно жадный, а его сын еще более. Жена последнего припрятала шелковый носовой платок, который я обнаружил только по приезде сюда. У старика был еще один сын, умерший прошлым летом; он хвалил его перед нами и заявил, что его смерть лишила его всякого утешения: “*С утра, мама...*” Эта *мама* была очень выразительной, и я не мог не пожалеть его.

Вы можете предположить, что мы поспешили к храму, изображенному на Стюарте, первому зданию, которое мы увидели в греческие времена. В его дни все еще стояли одиннадцать

колонн. Сейчас их всего шесть, но это все равно великолепные руины, и они понравились мне больше, чем я ожидал, потому что я ожидал тяжести в чудовищно выступающих капителях, чего в них нет. Материал - песчаник, но он был покрыт тонким слоем твердой штукатурки, следы которой видны в некоторых канавках, на одной капительнице и на внутренней стороне архитрава. В этой штукатурке вместо песка рабочие, по-видимому, использовали крупно растертые кристаллы известкового шпата, осколки которого до сих пор сверкают на солнце. Колонны, я думаю, были украшены антазисом, но углы канавок настолько изломаны, что невозможно определить с этим вопросом. В другом месте есть фрагменты колонн гораздо большего масштаба и несколько фрагментов кирпичных зданий, которые, вероятно, следует отнести к римским временам. Одно из них к востоку от нынешнего города, построенное из смеси кирпича и камня, представляло собой восьмиугольное помещение с куполом и восемью нишами. В этом направлении также есть утопленный в землю амфитеатр, не очень большой и не великолепный. Мы проследили древние городские стены на некотором расстоянии, но они не представляют особого интереса.

Ни одному путешественнику не разрешается пересекать перешеек по суше без приказа пашау Триполичи, на получение которого потребуются восемь дней. Поэтому нам пришлось еще раз испытать море, и, покинув Коринф 15-го днем, мы отправились в Кенхрею и после некоторых трудностей с таможенным чиновником растянулись в лодке, а на следующее утро в четыре часа были разбужены известием, что находимся в гавани Пирей. Таможня снова стала причиной некоторой задержки, но тем временем мы послали в город за лошадьми и еще до десяти прибыли в Афины.

ПИСЬМО XLVI.

АФИНЫ.

Афины, февраль 1818 года.

В своем последнем письме я рассказал вам о нашем путешествии из Неаполя в Афины, и прежде чем углубиться в изучение древностей, я дополню очерк описанием нашего жилья и образа жизни здесь. Мы намеревались отправиться во французский монастырь, но обнаружили, что комнаты заняты. Падре, поскольку здесь был только один, порекомендовал нам жилье, принадлежащее человеку по имени Джакомо, и мы провели там одну ночь, но впоследствии устроились с большим комфортом в доме Деметри Зографо, где сняли две комнаты за пятнадцать долларов в месяц. Самое большое - около 22 футов в длину и 12 в ширину, с диваном на одном конце и шестью низкими окнами, все в верхней части комнаты, очевидно, с целью, чтобы те, кто сидит на диване, могли удобно смотреть из окна во все стороны. Эти окна имеют застекленные деревянные створки, которые зимой лишь слегка приподнимаются, а летом должны быть полностью убраны, и наружные ставни, крепления которых могут ослабнуть при сильном ветре. Над этими окнами проходит непрерывная полка по всей комнате, а еще выше, и над уже упомянутыми окнами, расположены шесть других маленьких окон с цветными стеклами, расположенными в виде орнамента и защищенными

снаружи еще одним роговым окошком. Эти отверстия предназначены не для того, чтобы пропускать свет или воздух, а просто как украшения. Каждая *изысканная* комната в Турции разделена на две части: одна - для компании, *возвышение* наших предков, а другая - для слуг. В общем, есть переход от одного к другому, которого нет в нашей квартире, но различие полностью обозначено в украшениях. Небольшой карниз простирается не дальше более почетной части, и арабесковый узор потолка, нарисованный на темном фоне, соответствует только этой части. В нижней части комнаты стоит лампа; она стеклянная, в форме перевернутого сахарного батона, и почти полна воды, по ней плавают немного масла, а в масле три пробки поддерживают плавающий фитиль. Его зажигают, как только стемнеет, независимо от того, дома я или нет, потому что он зажигается не из-за меня, а в честь изображения Пресвятой Богородицы на полке над моей кроватью. Более того, время от времени входит служанка с горшочком для благовоний, которым она машет перед картиной, одновременно бормоча что-то, вероятно, молитву.

Это наша общая комната, и для меня приготовили кровать в одном ее углу, другая комната гораздо меньше, с диваном с трех сторон, но довольно узкая для кровати, и С. вынужден устилать ее подушками. Ни в том, ни в другом нет камина, и мы пользуемся древесным углем, чтобы согреться, и при этом нет никакой опасности задохнуться от этой практики, потому что внизу нет потолка, а доски пола не так плотно прилегают друг к другу, но неподвижный воздух может просачиваться через них так же быстро, как он опускается. Обе комнаты выходят на галерею, или, возможно, вы назвали бы это навесом, которая выходит фасадом на север; отсюда открывается вид на храм Тесея, Афинскую равнину, оливковую рощу, берега Кефиса, а за ними - на горы Парнес, Коридал и Киферон. Одинокая пальма, увековеченная лордом Байроном, также украшает проспект. На противоположной стороне мы можем выглянуть из наших окон и увидеть Акрополь или, по крайней мере, скалу, на которой он стоит, а ближе к нам - голый Ареопаг; ибо половина древнего города была возведена на голых известняковых скалах, на которых мы до сих пор почти повсюду видим следы человеческого труда, связанного с фундаментами общественных и частных зданий, емкостями для зерна и, вероятно, резервуарами для воды.

Мы здесь питаемся почти так же, как в Италии. Наш хозяин, который также является нашим поваром, добавляет в суп лимонный сок и яйца, что является очень похвальным дополнением, и обычно подает нам соус из этих ингредиентов к нашему отварному мясу. У нас есть отличная цветная капуста, которую обычно подают с небольшим количеством тертого сыра. Капуста тоже хороша, но салат-латук и сельдерей очень невкусные. Топинамбур заменяет картофель, и это все овощи, которыми в этом сезоне снабжают Афины. Сначала нам было трудно есть молоко ни утром, ни вечером, но теперь его стало больше, и мы даже добавили к нашему завтраку блюдо под названием ергути (εργυούτι), представляющее собой творог из кислого козьего молока, и я считаю его очень вкусным. Мед тоже превосходный. Наши вечера освещаются длинными восковыми свечами, очень толстыми с одного конца и очень тонкими с другого, так что они вполне заслуживают названия свечей.

Вы знаете ситуацию в Афинах. Акрополь венчает крутой скалистый холм примерно в пяти милях от моря, и древний город раскинулся вокруг его основания и на некоторых других холмах той же природы к югу и западу, но современный город сосредоточен главным образом на северо-восточной стороне цитадели. Эти холмы, хотя и крутые и неровные к вершине, у своего основания плавно переходят в плодородную равнину, орошаемую Кефисом, на расстоянии

примерно полумили от Афин. Верхняя часть этой низменности покрыта оливами; но ближе к Пирею (который стоит на отдельной группе возвышенностей) она заболочена. Иллис протекает недалеко от города среди холмов, но даже в это время года это пересыхающее русло, без воды, за исключением одного места, где маленький ручеек, бьющий у подножия нескольких мраморных скал, пересекающих русло, предположительно является фонтаном Каллирроу или Эннеакрун, и служит для омовения жителей; но справедливо ли это название или нет, я полагаю, что это всего лишь повторное появление маленькой струйки воды, которая на самом деле находится в ложбине немного выше и быстро снова теряется среди рыхлых камней. и породы из слюдяного сланца. Тем не менее, в этой части скалы имеется несколько искусственных каналов для воды, очевидно, отполированных ее воздействием, и есть также другие подобные каналы выше, не связанные с руслом реки. Противоположный склон ущелья когда-то венчал маленький ионический храм, опубликованный в первом томе книги Стюарта "Афины"; но теперь он исчез, не осталось ничего, кроме фундамента полукруглой апсиды, пристроенной для превращения его в церковь. Примерно в миле выше города от русла Иллиса отводится небольшой ручей, питающий современные Афины, но все вместе взятое было бы далеко от содержимого лондонской канавы после ливня. Говорят, что Цефис представляет собой в своей верхней части обильный и красивый поток превосходной воды, но по мере спуска он уменьшается, частично из-за того, что его отводят для возделывания, а частично, возможно, из-за рыхлости почвы. Нам сказали, что даже зимой эта большая река не впадает в море, но это клевета, потому что она образует заводь между мысом Колиас и Мунихией, откуда ручей впадает в Саронический залив, который я с трудом мог пересечь, не промокнув до нитки.

Возвращаясь к Афинам, мы находим Ареопаг на северо-западном спуске Акрополя и образующим к нему придаток: впадина к юго-западу от этих возвышенностей отделяет их от длинного холма, разделенного на три вершины, которые сейчас называются Музеем, Пниксом и Ликабетом; для первого названия у нас достаточно оснований, второе не столь ясно, а для последнего я не могу найти никаких оснований, за исключением того, что мы имеем это название у древних авторов, не зная, к какой возвышенности оно применялось. , и вот холм, у которого нет другого названия; но я буду использовать все эти названия и некоторые другие сомнительные, как если бы они основывались на самой совершенной цепочке доказательств, ради удобства.

Музей почти такой же высокий, как Акрополь; другие вершины ниже: на противоположной стороне города, но на большем расстоянии, над ними возвышается холм Святого Георгия, предположительно древний Анхесмус; его узкую вершину венчает маленькая часовня.

На юго-востоке, по другую сторону Иллиса, наш обзор ограничен огромной округлой массой Гиметта; в то время как с разных точек, расположенных вверх по течению, мы видим более высокий и живописно оформленный Пентеликус. За равниной и Кефисом тянется длинный хребет Парнес, заканчивающийся нижними холмами Коридал и Эгиалос; но если вы хотите дополнить картину, видимую с возвышенностей вокруг Афин, вы должны добавить к этим объектам Саронический залив с окружающими его горами, острова Эгина и Саламин, Мегарские горы, Киферон, Коринфский акрополь и гору Киллена; названия, наполненные воспоминаниями, которые придают очарование каждому месту, по которому блуждает взгляд.

Порода здесь, как правило, известняковая, но не вся одной формации; в низинах и на высоких горах она соединена со слюдяным сланцем. Анхесмус и холмы вокруг Афин, если и не из

горного известняка, то, возможно, оолитовые, хотя камень очень твердый и плотный и часто несколько полупрозрачный, и мне не удалось обнаружить в нем никаких раковин. Существует конгломерат, в котором фрагменты первичных пород соединены известковым цементом, который, по-видимому, содержит магнезию и может соответствовать нашему магнизальному известняку, в то время как холмы Пирей состоят из мягкого известкового песчаника, содержащего раковины гораздо более позднего периода. Песчаник в основании музея, возможно, серого цвета, но я не буду задерживать вас на предмете, в котором я так мало разбираюсь.

Я дал вам это описание страны, чтобы не прерывать им рассказ о ее древностях, к которому я сейчас перейду. У меня были самые оптимистичные ожидания относительно красоты этих зданий, и я не был разочарован. Первокласные постановки никогда не разочаровывают нас, если у нас сложилось достаточно точное представление о том, что мы должны увидеть. Разочарование вызывает ожидание не объекта, а удивления и восторга без какого-либо четкого представления о том, почему это должно произойти; и действительно, состояние ума, кажется, почти гарантирует это чувство, поскольку оно легче всего возникает у тех, чьи предыдущие привычки не вызвали у них особого интереса к объектам, которые они собираются посетить.

В Риме мы видим множество предметов старины, разбросанных по улицам, или собранных в музеях, или все еще стоящих на своих первоначальных местах; и многие из них очень красивы как по дизайну, так и по мастерству изготовления. В Неаполе также есть множество древних фрагментов, но по большей части то, что осталось на земле, - это просто стены и своды из грубого камня, слишком несовершенные, чтобы демонстрировать дизайн, и совершенно лишены чего-либо, что можно назвать архитектурой; можно часами бродить среди руин, не встретив даже фрагмента колонны или кусочка мрамора. Храм в Поццуоли составляет исключение, но там, хотя у вас есть много деталей, вы очень мало ощущаете архитектурный эффект. То же самое в некоторой степени верно и для Помпеи, что объясняется полным отсутствием превосходных частей, однако Помпеи, насколько это возможно, являются замечательной школой архитектуры, демонстрирующей манеру, с которой древние, по крайней мере итальянские греки, применяли свой стиль застройки к частным жилищам. Но в Помпеях нет ничего более высокого и совершенного в стиле; и в целом мы находим исполнение очень безразличным, а в некоторых случаях и плачевно плохим, даже в их храмах. От Неаполя до Корфу мы не встречаем, можно сказать, почти никаких древностей. На Ионических островах мы можем с трудом отыскать несколько сохранившихся фрагментов стены, кусочек-другой карниза и одну или две надписи. В Патрах они показывают единственную коринфскую капитель посредственной работы; а по дороге оттуда в Коринф не встретишь ничего, кроме одного или двух незначительных фрагментов стены. Таким образом, ко времени нашего прибытия в Коринф мы долгое время воздерживались от главной цели наших поисков и были довольны лишь видом фрагментов мрамора, в изобилии разбросанных по полям в окрестностях этого города, а еще больше - одним или двумя фрагментами коринфских валов в городе и шестью дорическими колоннами, которые все еще стоят, составляя часть храма. В Кенхрее мы опоздали, чтобы что-либо увидеть, и были слишком нетерпеливы, чтобы добраться до Афин, чтобы остановиться и посмотреть на Пирей. Из этого порта мы могли видеть только верхушку храма Минервы в Акрополе, зрелище, которое еще больше раззадорило нас, и мы были раздосадованы тем, что необходимость позаботиться о нашем багаже не позволяла нам двигаться быстро. В город ведут две дороги. Мы повернули направо, оставив слева памятник Филопаппу, который на расстоянии производит впечатление просто башни. Первым объектом, бросившимся нам в глаза, был Храм

Юпитера Олимпийского, от которого сохранилось шестнадцать высоких колонн, все еще стоящих на своих местах. За исключением Пантеона, в Риме нет руин такого же значения, хорошей архитектуры, поскольку ни Колизей, ни какой-либо другой театр, ни амфитеатр в Италии не подходят под это описание. Бродя в поисках ночлега, я прошел мимо Памятника Лисикрату, изысканная красота пропорций и деталей которого, к сожалению, испорчена его нынешним положением, когда стена внутреннего двора монастыря соединяется со стеной самого монастыря, так что одна ее часть видна на улице, другая - во дворе, а третья - внутри дома. Вы можете себе представить, как это должно портить памятник семи футов в диаметре. Во время нашей первой прогулки мы проходили мимо Башни Ветров, которая сейчас является местом представления танцующих дервишей, но перегружена другими зданиями, лепнина и скульптуры которых довольно неуклюжи как по дизайну, так и по исполнению. За этим зданием находятся остатки акведука, снабжавшего водой Клепсидру. Стюарт опубликовал его, не зная о его назначении, и он не обратил внимания на некоторые примечательные особенности. Каждая опора сделана из одного камня, и пилястры вырезаны на ней таким образом, чтобы наклоняться внутрь, как бы противодействуя боковому выступу арки, - предосторожность совершенно ненужная, поскольку каждая арка также сделана из цельного камня. Вскоре после этого мы подошли к Портику рынка, который, хотя и не идет ни в какое сравнение с лучшими здешними образцами, все же является очень красивым зданием. Затем мы прошли мимо здания, названного Стюартом Стоа, или Портиком, но которое сейчас, по-видимому, более широко считается Пантеоном Адриана. Колонны окрашены ярче, чем в храме Юпитера, но, похоже, сделаны из того же материала; капители бедны по дизайну, а антаблемент плохо скомпонован, но это антиквариат, и мы чувствуем, что это, должно быть, великолепное здание. Все это происходит на расстоянии нескольких шагов: ненамного дальше находится фрагмент, предположительно являющийся Гимнастическим залом, построенным Птолемеем, но это всего лишь часть мраморной стены.

За ними следует Храм Тесея, и здесь я должен вас немного задержать; это почти совершенное здание в лучшем стиле греческого искусства; предполагается, что оно было построено незадолго до правления Перикла. У вас нетни малейшего представления о том, насколько это красиво. Он стоит совершенно отдельно, на небольшом участке земли, отходящем от холма Ареопага. Обстановка здесь достойна восхищения, лучше, чем в храме Юпитера на Олимпе; здание более совершенное, материал такой же хороший, даже лучше, потому что этот сделан из чистого белого мрамора, а в другом есть прожилки и дефектные блоки. Мастерство изготовления, по-видимому, было превосходным, но стыки были расшатаны, а некоторые камни сдвинуты, вероятно, в результате землетрясения: по величине он далеко не дотягивает, но в качестве компенсации его связывают с чудесной историей о славе Афин; в то время как то, что осталось, по крайней мере, от другого, является работой более позднего периода. Я совершенно пришел к выводу, что наилучшее положение практически для любого вида строительства - это выступающая точка суши; не изолированная вершина, пусть эта вершина будет высокой или низкой, защищенной или незащищенной, и никогда не в ложбине. Прайор-парк близ Бата, хотя и стоит очень высоко, находится в котловине и теряет половину тех похвал, которые получила бы его архитектура, будь она расположена получше. На полпути вниз, на мысе, образующем одну из сторон небольшой долины, в которой он стоит, он был бы лучше защищен, имел бы более приятный вид, был бы более доступен и представлял бы собой несравненно лучший объект. Здания, вызывающие наибольшее восхищение, обычно находятся в ситуациях такого рода, и иногда они получают определенную оценку за свою архитектуру,

которая на самом деле должна быть отдана их положению. Но архитектура храма Тесея так же прекрасна, как и само это место. Точка, на которой он стоит, находится на такой небольшой возвышенности, что человек может покинуть Афины, не заметив, что он вообще расположен на каком-либо холме, и все же никто не может не заметить, что это заметный объект, и он хорошо смотрится с любой точки зрения.

Келья греческого храма - это, как вы знаете, простое продолговатое здание. В более ранние периоды он, вероятно, был почти лишен украшений и, за исключением карниза и небольших размеров, очень походил на сарай. Впоследствии было пристроено крыльцо, поддерживаемое колоннами, и антаблемент начал немного приукрашиваться. Даже такое расположение, когда в поле зрения появился фасад, было очень красивым, особенно когда к портику был пристроен дополнительный ряд колонн. Впоследствии были добавлены колонки и сзади, благодаря чему создаваемое ими разнообразие и контраст привлекали внимание со всех точек зрения. Следующим шагом было продолжение колонн по всему кругу, и именно так было устроено в храме Тесея.

У простой кельи, я полагаю, не было особого названия, и все же, учитывая великое множество храмов, существовавших в Древней Греции, многие из которых кажутся очень маленькими, вполне вероятно, что они не были чем-то необычным. О храмах второго типа говорили, что они находятся *вантисе*, потому что в них боковые стены были продлены за пределы фасада, образуя боковые стороны притвора, и эти продолжения заканчивались пилястрами с тремя гранями, которые назывались *антеями*. Третье расположение называлось *простилом*; четвертый *амфипростиль*; пятый *периферийный*: кроме того, это были также *двуперстные* храмы с двумя рядами колонн вокруг кельи (таким был храм Юпитера Олимпского в этом месте) и *псевдодиптеральный*, который отличался от двуперстного отсутствием внутреннего ряда колонн, а от периферийного - наличием гораздо большего пространства между кельей и окружающей колоннадой. Во всех них была сохранена одна и та же общая форма, простая продолговатая; и вы видите, что во всех из них я могу объяснить восхищение, вызванное ими, возвращением к моей любимой максиме о простоте формы и богатстве деталей. Такое богатство деталей имеет свои пределы, и работа может быть перегружена, даже если орнаменты (как это часто бывает в итальянской архитектуре) не прерывают и не затемняют простоту дизайна, но допускаемая свобода очень широка. Простая камера, должно быть, всегда была несовершенна в этом отношении, поскольку, хотя стены и карнизы могли быть богато украшены, все же эти детали не могли оказать достаточного влияния на всю композицию; для этой цели необходимо, чтобы здание было разделено на основные массивы, расположение которых друг относительно друга должно создавать некоторую степень разнообразия и замысловатости. Храму в Антисе также, должно быть, в какой-то степени не хватает богатства, и я не знаю ни одного храма такого рода, которым бы так восхищались; но протиль, и еще больше амфипростиль, если он имеет правильные пропорции, всегда будет причислен к разряду красивых зданий. Почти с любой точки зрения вы видите по крайней мере одну колонну, изящно отделяющуюся от массы здания, а обнаженность боковых стен контрастирует с ярким освещением и тенями торцов и вызывает наше восхищение даже по сравнению с более высокой отделкой периферийного храма. Глаз, однако, не будет удовлетворен некоторой сложностью в расположении общих масс; он потребует аналогичного удовлетворения, когда дело дойдет до изучения деталей; и мы находим, что это достигается за счет рифления колонн, лепки капителей, разделения фриза, по крайней мере, триглифами, и часто размещения скульптур в промежутках между ними;

украшения фронтонов скульптурой и размещения антефиксов, или декоративных выпуклых плиток, вдоль карнизов.

Древние использовали два вида плиток для покрытия каждого здания; первые были плоскими, но загнутыми по краям, они представляли собой поддоны с обрезанными концами, немного уменьшенные с одного конца по сравнению с другим, чтобы они могли входить одна в другую; но если такие плитки просто класть рядом, вода попадала бы между ними, и чтобы предотвратить это, другие полукруглые или полуполигональные, *т. е.* выпуклые плитки, укладывались поверх стыка. Эти плитки шли ребрами от конька крыши до карниза, и последняя из них на карнизе имела приподнятый и орнаментированный конец; и ряд этих орнаментированных концов, которые в знаменитых афинских зданиях были из белого мрамора, идущий над карнизом, значительно усиливал видимость великолепия и, должно быть, оказал значительное влияние даже на внешний вид здания издалека. В храмах ионического и коринфского ордера богатство убранства простиралось еще дальше, хотя между ними ни в каком случае не было разницы, и это был высокохудожественный дорический храм, который можно было представить на первый взгляд. Однако между храмом в дорическом простиле и двукрылым храмом коринфского ордера расстояние огромно, однако в каждом есть особая красота, и тот, кто предпочитает один, не имеет права упрекать в отсутствии вкуса того, кто одобряет другой.

Возвращаемся в храм Тесея; все украшения крыши исчезли; скульптуры фронтона исчезли. Изображения фриза имеются только спереди и на четырех соседних метопах с каждой стороны. Две колонны между антабками пронаоса (или притвора) были сняты, чтобы освободить место для апсиды, или полукруглой завершающей ниши греческой церкви; а соответствующие колонны постикума были очень сильно повреждены. Арка из необработанных камней занимает место первоначальной крыши кельи. Многие мраморные балки и плиты, из которых состоял потолок перистиля, сохранились до сих пор, остальное открыто. Таким образом, в целом здание что-то теряет из-за отсутствия тени, и еще больше из-за потери украшений на крыше; но все же остается достаточно, чтобы продемонстрировать великую красоту древнегреческого храма.

Теперь я перехожу к другой части деталей, в которой наши знания о практике греков очень несовершенны, и здравый смысл или хороший вкус в отношении которых могут считаться весьма сомнительными; в перистиле храма Тесея были расписные или позолоченные украшения, или, вероятно, и то и другое вместе, и то же самое происходит в храме Минервы; мы не видим в нынешнем здании никаких следов внешней росписи,^[26] но некоторые следы этого можно проследить на Парфеноне и в одном или двух других экземплярах, и особенно в храме Юпитера на острове Эгина, и поэтому предполагается, что аналогичная отделка была придана храму в Афинах. Возможно, ни в одном из этих случаев эта роспись не была ровесницей здания, поскольку Плиний, я думаю, упоминает расписные софиты как изобретение эпохи Александра. То, что было в Эгине, по-видимому, имело самые веселые оттенки. Темой скульптуры на фронте этого храма было сражение, в центре которого стояла вооруженная статуя Минервы. Некоторые фигуры одеты (они сражаются луками и стрелами), другие, у которых есть мечи и щиты, обнажены. На теле не обнаружено следов краски, но они есть на одежде и на щитках. Изображение Минервы было голубым с красной каймой (я пишу по памяти и, возможно, поменял цвета местами), но в целом остается только достаточный след, чтобы определить, что на что-то было нанесено, но недостаточно, чтобы точно определить, какого это был цвета, или эффект был произведен не мордонтон для закрепления позолоты. Вы заметите, что эта картина

была написана не для того, чтобы имитировать природу, ибо обман, если бы он был возможен, был бы абсурден; но для того, чтобы придать рельефность фигурам и различным частям здания. Внесет ли это вклад в общее богатство эффекта? Предположим, что это сделано как можно лучше, понравится ли это правильному вкусу? Мои предубеждения категорически против этого, но мне бы очень хотелось увидеть храм, украшенный таким образом всеми своими совершенными цветами. Позолота, если применять ее разумно, безусловно, усиливает красоту здания (и мои предубеждения когда-то тоже были категорически против этого), и, кажется, нет причин *априори*, почему цвета не должны оказывать аналогичного эффекта. В перистиле мы можем с большей готовностью принять их. Это было бы похоже на нанесение красок и позолоты внутри комнаты - практика, которая была распространена повсюду и во все века. Может показаться довольно экстравагантным использовать белый мрамор для получения красок, но если цвет лучше белого, то белый мрамор - очень хороший материал для рисования, и, возможно, ни один другой не сохранил бы следы так долго. В храме Тесея архитрав и фриз продолжают непрерывно с внутренней стороны колонн; от них были проложены мраморные балки, доходящие до стены кельи, а между ними - мраморные плиты значительной толщины, каждая плита перфорирована квадратными отверстиями, и небольшой квадратик мрамора нанесен для закрытия каждой перфорации, превращая их в сундуки. В верхней части фриза и на соответствующей высоте стены кельи была плоская полоса, на которой был нарисован греческий орнамент, и несколько лепных элементов, украшенных листьями; на одной из смещенных балок в этой части есть цветы; я полагаю, что она принадлежала потолку пронаоса, а не потолку перистиля; но все это, как вы хорошо понимаете, обычные архитектурные листья и цветы, а не копии естественных. Лепнина на сундуках расписана яйцами и листьями, а в софите каждого сундука была звезда, которая, по-видимому, была золотой на синем фоне. Ни на одном из лепных элементов не было резьбы. Это описание применимо практически ко всем храмам греческого дорического ордера. Я не знаю, как была выполнена окраска в других заказах.

В Англии мы окрашиваем стены и оставляем потолки белыми; греки, напротив, кажется, покрасили потолок и оставили стены белыми; и до сих пор в их домах мы можем видеть побеленные оштукатуренные стены и расписные деревянные потолки. Будь то роспись или резьба, существует заметная разница между орнаментальным стилем греков и римлян. Первые делали свои украшения гораздо меньше по отношению к зданию, чем вторые, и в греческих зданиях есть определенная простота и элегантность дизайна, а также аккуратность и изящество исполнения, которые вы напрасно искали бы в Италии; в то время как, с другой стороны, в римских зданиях присутствует полное и богатое великолепие, которого нет в зданиях Греции. Красота обоих зданий в том, что во всем ощущается одно и то же чувство и что в каждом здании все части находятся в совершенной гармонии. В то время как в современных постройках часто случается, что одна красота копируется с одного древнего здания, а другая с другого, и их объединение вызывает только отвращение. Это различие в характерах сохранилось, хотя, возможно, и в меньшей степени, даже до позднейших времен греческого искусства; и в Риме есть одно или два здания, которые демонстрируют признаки греческого вкуса, и поэтому предполагается, что они созданы греческими художниками.

Капители храма Тесея (если я осмелюсь найти какой-либо изъян в столь совершенном дизайне) довольно плоские: выступ архитрава, обычная черта в этом порядке, не вызывает недовольства, но выступ скругления за пределы триглифов вызывает отвращение.

Возможно, вам даст некоторое представление о состоянии полезных искусств в Афинах тот факт, что нам было трудно раздобыть лестницу для подъема в Храм Тесея, хотя с помощью церковной апсиды, длиной около десяти футов, мы были в долгу перед М. Fauvel, отвечал нашей цели. Мы нашли фрагмент мраморной плитки наверху, но нет уверенности, что все покрытие было мраморным. В верхней части карниза, у края, имеются ряды парных отверстий для крепления, вероятно, на которые опирались декоративные плитки, или антефиксы; а вдоль фронтона расположены аналогичные отверстия, расположенные поодиночке на равных расстояниях, а наверху несколько больших и глубоких отверстий для крепления акротерия. В нижней части склона фронтона есть несколько небольших отверстий, которые, возможно, закрепляли орнамент в этой части, и мы находим следы такого рода установки статуй в восточном тимпане. Здесь был первоначальный фасад, поскольку дверной проем, отмеченный Стюартом в западном конце, принадлежал не храму, а церкви, которая пришла ему на смену. Промежутки между внутренними колоннами в западном конце были заполнены мраморными плитами, доходившими до выступов капителей, но для чего использовалось это огороженное пространство и какой вход в него был оставлен, я сказать не могу.

ПИСЬМО XLVII.

АКРОПОЛЬ.

Афины, март 1818 года.

Афины напоминают Рим по количеству разбросанных повсюду фрагментов архитектуры и скульптуры. В стенах, во дворах, в церквях мы постоянно встречаемся с чем-то слишком незначительным или слишком сильно изуродованным, чтобы представлять ценность само по себе, но сильно поражающим воображение идеей того, что было.

Величайшее сокровище греческой архитектуры находится в Акрополе, где есть три здания, от которых сохранились значительные остатки; Пропилеи, или вход, храм Минервы, и другое здание, в котором, как предполагалось, было три храма, а именно. те, что принадлежали Эрехтею, Минерве Полиас и нимфе Пандросу. Два первых упомянутых здания относятся к дорическому ордеру, и именно здесь вы видите все совершенство греческой каменной кладки; горизонтальные швы настолько плотные, что по прошествии 2000 лет вы не можете ни уловить тончайший край, ни даже проследить за ними повсюду взглядом; и вертикальные, на которые вы видите лишь случайные признаки; и это на простой поверхности белого мрамора, материала, на котором, помимо всего прочего, виден малейший след.

Чтобы понять следующее описание Пропилей, я рекомендую вам открыть второй том "Афин" Стюарта и разложить перед собой план здания.

Пройдя мимо двух жалких современных ворот, над внутренней частью которых находится древний архитрав и фриз, вы видите справа какие-то старинные подпорки, но к какому зданию они принадлежали, сказать трудно; они находятся намного ниже уровня храма Победы без крыльев, отмеченного D на плане Стюарта. От этого храма сейчас не осталось никаких следов,

за исключением нескольких разрозненных фрагментов современных стен, которые, вероятно, принадлежали ему. У нас есть свидетельства того, что такой храм действительно существовал поблизости, но не указано его точное местоположение, поскольку Стюарт упоминает его как полностью разрушенный в его время, чтобы освободить место для большой батареи; тем не менее, он выделил для него пространство более 30 футов в длину и 20 в ширину, хотя Уилер, в чье время он еще существовал, описывает его как небольшое сооружение размером примерно 15 футов на 9, размеры которого вряд ли допускают предположение о наличии колонн между передними.

Стюарт называет это здание храмом Аглауроса, но он, несомненно, ошибается. Риветт исправил его в четвертом томе, и поэтому вы позволите мне назвать его храмом Победы без крыльев и рассматривать комнату В как ту, которая была украшена картинами Полигнота. Использование терминов "правый" и "левый" применительно к рассматриваемому объекту, а не к зрителю, что является причиной ошибки Стюарта, по-видимому, происходит из геральдики.

За этими фундаментами, пройдя под большой батареей, вы поворачиваете направо, оставляя слева высокий пирс, который, как предполагается, поддерживал конную статую. Он состоит из рядов, попеременно более толстых и тонких, и имеет надпись в честь Марка Агриппы; и хотя Павсаний, по-видимому, считал его древним (по крайней мере, в этой части он говорит о конных статуях сомнительного назначения), наши современные знатоки относят его к римским временам. Аналогичная кладка встречается в остатках, предположительно, Гимназии Птолемея, но не обнаружена ни в одном из более ранних зданий республики. Противоположный и соответствующий ему пирс полностью разрушен или застроен, но мы можем признать, что такой, вероятно, существовал. На лестничном пролете, изображенном как переходящий от одной лестницы к другой, не только нет следов, но, я полагаю, очевидно, что их никогда не было. Вход в Пропилеи был образован наклонной плоскостью, пересекающей проходы перед зданием, которые на самом деле представляют собой не ступени, а последовательные постаменты, образующие фундамент здания. Самый нижний из этих постаментов из черного мрамора находится перед двумя боковыми зданиями, но не под центральной частью. Под этим постаментом из черного мрамора в северном крыле есть полоса из белого^[27] мрамора, демонстрирующего намерение обнажить вертикальную поверхность; поскольку соответствующая полоса в центральном здании, которую не предполагалось показывать, сделана из грубого известняка. Этих ступеней четыре, а не три, как указано Реветтом, и под ними мы видим три ряда, которые в центральных зданиях все, как я уже говорил, сделаны из известняка; две из верхних сломаны у входа, но не прорезаны, как мраморные постаменты; нижняя целая. Каждый плинтус немного выдвигается вперед и уменьшает проем до 11 футов 10,9 дюйма. Все это мы оставляем слева, поскольку не только вход, но и все промежуточные помещения были замурованы турками, чтобы образовать еще одну батарею; и поднимаемся вдоль линии, обозначенной Стюартом, отмечая отсутствие соответствия между двумя флангами, а также то, что из-за нехватки места на скале южное крыло никогда не могло быть точной копией северного. Риветт, составивший этот план, отметил колонну, выступ и квадратную колонну между ними, как если бы они располагались в одну линию, и можно предположить, что они могли поддерживать общий архитрав, но, похоже, это было не так; что нам осталось, чтобы отметить место установки колонны и столба, так это углубления, подготовленные для них в ходе работы, о которых я расскажу позже; и выступ и столб, по-видимому, располагались в одну линию, но колонна не располагалась вместе с ними. Между колонной и столбом есть следы ворот и, возможно, мраморной плиты, заполняющей

пространство между входом и столбом, но, должен признаться, я сам не в состоянии понять их расположение.

Отсюда мы перейдем внутрь здания, оставив на время его внешний вид, в сторону Акрополя. Верхняя часть сейчас занята батареей, и над ней не сохранилось остатков передних колонн, возвышавшихся во времена Стюарта, за исключением одной капительницы под углом. Ниже находится свод, покрытый пылью и грязью, где, покопавшись и поскребя, мы можем увидеть уже упомянутую наклонную плоскость, ведущую в Акрополь, часть старой мостовой и основание одной из ионических колонн. Наклонная плоскость опускается ниже остальной части тротуара по направлению ко входу и поднимается над ним по направлению к внутреннему контуру Акрополя; она имеет поперечные ребра, чтобы обеспечить надежную опору лошадям при подъеме по ней.

Риветт нашел фрагмент верхней части стержня ионической колонны диаметром 2 фута 10 дюймов и, предположив, что они занимают высоту 33 фута 7 дюймов, он заключил из того, что он считал пропорциями этого порядка у греков, что они, должно быть, стояли на пьедесталах; но вышеупомянутое основание доказывает, что они этого не делали; и поскольку высота, по-видимому, правильно определена из окружающих частей, и мы можем добавить от одной четвертой до одной пятой, чтобы получить диаметрической части, из этого следует, что эти колонны должны были быть около девяти с половиной футов. полтора диаметра в высоту.

Дверных проемов, через которые можно было попасть на Акрополь, насчитывается пять, и они расположены между опорами, ближе к задней части здания. Наклонная плоскость давала доступ к центральному, к остальным вели ступени, они имеют некоторые следы того, что были украшены металлическими наличниками. Есть небольшое углубление, по-видимому, образованное для его приема, шириной 1 фут 9,8 дюйма, к большему отверстию: и одно шириной 13,7 дюйма к двум соседним, но отверстий для сужения нет, за исключением верхней части; меньшие боковые дверные проемы засыпаны землей. Над каждым отверстием с краю кладется камень, занимающий, следовательно, высоту двух общих ям. Этот план, по-видимому, был повсеместно принят над дверными проемами афинских зданий, и в нескольких примерах он поможет нам определить, какие проемы были изначально предусмотрены, а какие нет. На восточной стороне этой стены следы металлического архитрава гораздо более отчетливы, поскольку, помимо изменения цвета мрамора, в нем имеется регулярный ряд отверстий; однако то, как это было сделано, до сих пор вызывает некоторые затруднения. Взяв в качестве примера центральное отверстие (и два других имеют аналогичную конструкцию), мы находим по краю отверстия полосу не очень одинаковой ширины, в которой поверхность мрамора не была обработана, а затем полосу, в которой поверхность сделана довольно гладкой, более белого цвета, чем в других местах; очевидно, потому, что она была защищена от воздуха; оба они, должно быть, были закрыты архитравом, и их общая ширина составляет 1 фут 10,4 дюйма. На самом высоком камне косяка имеется глубокое двойное углубление, которое, по-видимому, предназначалось для установки прочного блока, выступающего с лицевой стороны архитрава; я полагаю, что в этом блоке с нижней стороны было отверстие для установки оси двери, которая входила в соответствующее отверстие в другом бронзовом блоке у основания и, следовательно, лежала, когда была закрыта, у стены, не открываясь внутрь. Я, возможно, вряд ли осмелился бы высказать это мнение, если бы оно не подкреплялось видом пазов, в которые вставлена металлическая пластина, на которой открывались двери, у входа в опистодомус Парфенона. Центр, от которого отходят эти канавки, находится за пределами толщины стены.

Косяки этих дверных проемов, осмотренные сбоку, обнаруживают несколько углублений глубиной около двух дюймов, которые, несомненно, были сделаны каким-то предметом, в настоящее время неизвестным. Высота центрального отверстия была равна пятнадцати ярусам,^[28] толщина каждого составляла почти 1 фут 7,4 дюйма, что составляет всего 24 фута 1,9 дюйма при ширине 13 футов 4,75 дюйма. Второстепенные проемы имеют одиннадцать проемов, или 17 футов 8,5 дюймов, при ширине 9 футов 3,6 дюйма. Боковые двери имеют шесть проемов, 9 футов 7,8 дюйма, при ширине 4 фута 8 дюймов. Все опоры опираются на непрерывную линию из черного мрамора.

Множество фрагментов сундуков потолка разбросаны повсюду; они опирались на мраморные балки шириной 15 с половиной дюймов; самый длинный кусок из них, который мы смогли найти, имеет всего 3 фута 11 дюймов в длину, но это был фрагмент. Глубина, составляющая всего 7 с половиной дюймов, не рассчитана для балки в 20 футов, и поэтому они, должно быть, опирались на балки большего размера, но я не могу определить, как были покрыты пропилеи и была ли вообще покрыта центральная часть.

Реветт привел раздел, включающий северный фланг среднего здания, демонстрирующий очень любопытную манеру расположения камней, как будто их срезали, чтобы освободить место для крыши бокового здания, ныне разрушенного. На этой стороне есть два карниза, один из которых продолжается от карниза внешнего портика; нижний - внутренний, то есть он состоит из таких элементов, которые мы находим в греческой архитектуре для внутреннего убранства.

Есть еще несколько подробностей, относящихся к этим боковым зданиям, как сохранившимся, так и разрушенным, и к их соединению с центром, но мое письмо превратилось бы в эссе, если бы я стал перечислять их все, и, кроме того, у меня нет возможности дать им удовлетворительное объяснение. Однако я замечу вам, что боковые стены с каждой стороны центрального здания поднимались над карнизом крыльев, и эти крылья не были увенчаны фронтоном, а, вероятно, имели плоскую крышу.

Говорят, что Пропилеи стоили 460 000 *фунтов стерлингов* - сумма настолько огромная по сравнению с современными размерами здания, что некоторые авторы предположили, что она должна включать в себя все постройки администрации Перикла в Акрополе. Здания из мрамора будут стоить дороже кирпичных, даже если мрамор можно найти поблизости; и хотя расстояние до каменоломен Пентелика было небольшим, все же дороги были плохими; не применялось ни одно из современных средств облегчения передвижения, и расходы, должно быть, были более чем вдвое больше, чем у нас, с нашими налогами и шлагбаумами. Мастерство изготовления, подобное тончайшим операциям по обработке слоновой кости, также, должно быть, стоило намного дороже, чем неуклюжая каменная кладка современности; но после всех этих соображений сумма все еще кажется очень большой, даже если мы примем во внимание, что значительная часть второстепенных зданий исчезла.

Есть две подробности, относящиеся к пропилам и работам о них, о которых я еще не упоминал. В разных местах мы видим остатки опор и стен очень древней кладки, из известняка, а не из мрамора; очевидно, более ранней, чем во времена Перикла; такой фрагмент находится под северо-западным углом северного крыла Пропилей, линии которого не совсем соответствуют линиям на работе выше, доказывают, что они не были частью этого проекта. Основание пирса, на котором находится надпись, посвященная Агриппе, сделано из сероватого сланцевого

мрамора, который не использовался в верхних частях, и он, возможно, также может быть более древним, чем пирс, который он поддерживает.

Другое обстоятельство заключается в том, что работа не была полностью завершена, и что мы, таким образом, имеем возможность проследить способ выполнения. По-видимому, афиняне обработали мрамор до получения ровной, но не очень гладкой поверхности зубчатым резцом, прежде чем приступили к работе с блоками, и что после этого они прошли по всей открытой поверхности и довели ее до максимальной гладкости и изящества, но без полировки, сняв при этой операции примерно одну пятую дюйма; и это практиковалось как на горизонтальных, так и на вертикальных поверхностях, поскольку колонны Пропилеев заглублены примерно на такую глубину ниже общего уровня. Место, предназначенное для их приема, было затоплено до установки нижних цилиндров, и, чтобы не возникло каких-либо неудобств из-за оставшейся там влаги, до завершения строительства в углублении был прорезан небольшой канал для отвода воды. На ступенях смежные грани тщательно обрабатываются по внутренним углам, нообе остаются неровными по внешним углам, что означает, что несчастные случаи и износ, которые происходят во время выполнения работы, редко будут иметь какие-либо последствия.

Многие обстоятельства, которые делают храм Тесея таким красивым, также соответствуют совершенству Парфенона, и у него есть некоторые преимущества. Он больше и величественнее, украшен большим количеством скульптур и занимает более внушительное положение. Оба здания выглядят больше, чем они есть на самом деле, и Парфенон особенно. Я убежден, что этот эффект частично обусловлен простотой конструкции и правильностью пропорций, а частично - расположением, особенно последнего, который занимает вершину скалы небольшой протяженности. В таком случае эта позиция потребовала бы от меня сделать некоторое исключение из моего общего правила, гласящего, что каждое здание лучше всего размещать на возвышенности, и объяснить, если я могу, каковы обстоятельства, образующие исключение; но на самом деле, когда я приступаю к более детальному изучению предмета, я обнаруживаю, что пока я далек от принятия решения относительно выбора ситуации, нет ничего сложнее, чем установить какой-либо общий закон по этому вопросу. Я думаю, однако, что многое зависит от назначения здания и от идей, связанных с ним; и что общественное здание, и особенно здание, предназначенное для религиозных целей, может занимать и даже будет выглядеть лучше, если его занимать, в открытой и изолированной обстановке, доминирующей над всеми соседними объектами, что было бы неприятно в частном жилище; и это зависит не от какого-либо понятия удобства (в английском смысле этого слова), поскольку такие ситуации обычно неудобны для любых целей, а от определенного восприятия характера; однако я оставляю эту запутанную ситуацию без внимания. укажу на другую возможность, вернусь к Парфенону и снова попрошу вас, читая мои замечания, изложить вам план Стюарта.

Храм, если говорить о нем технически, имеет периптеральную, восьмистильную и гипотральную форму. Пропорции, которые признает каждый орган, в высшей степени красивы. Это легко выразить словами, но чувство, возникающее при восприятии этой красоты, непередаваемо. Спереди пропорции каждой части кажутся именно такими, какими они должны быть, но я считаю, что по бокам я предпочитаю пропорции храма Тесея. Я не могу сказать, почему непрерывная колоннада, увенчанная прямым антаблементом, требует более стройных пропорций, чем колоннада, поддерживающая фронтоны, но, по-видимому, это факт. Тем не менее, как и в Парфеноне, высота колонны составляет пять диаметров и четырнадцать двадцать четвертых, очень близко, а в Тесеуме высота составляет всего пять диаметров и пятнадцать

двадцать четвертых; разница кажется слишком незначительной, чтобы произвести какой-либо ощутимый эффект; но промежутки между колоннами в Парфеноне равны примерно одному диаметру двум седьмым колонн, в то время как в Тесеуме они составляют одну и две трети, и этому большему пространству, несомненно, обязан более светлый внешний вид последних. Вся она, как вы знаете, сделана из пентелийского мрамора; часть, подверженная воздействию южного ветра, который, вероятно, несет с собой частицы соляного раствора, белая и несколько изъедена коррозией; остальные части окрашены в точь в цвет обожженной терра Сиена, но некоторые места приобретают более тусклый оттенок, возможно, из-за воздействия взрыва, в то время как северная сторона частично окрашена сернисто-желтым *лишайником candelarius*. Западный конец, который, хотя и является частью, противоположной входу в Акрополь, на самом деле является задней частью храма, представлял собой состязание Нептуна и Минервы; взаимное расположение божеств и те блага, которые они приносили афинянам, хорошо объяснены Уилкинсом со ссылкой на медаль. Позади статуй тимпан облицован вертикальными мраморными плитами, некоторые из которых выдолблены сзади, я не знаю почему, и вы, возможно, могли бы прокрасться за двумя оставшимися фигурами, которые, как говорят, принадлежат Адриану и Сабине; но хотя все эти статуи были отделаны по всей окружности, как вы знаете, поскольку видели их в Лондоне, конечно, не было предусмотрено тщательного осмотра после того, как они были установлены на свои места.

Эти две оставшиеся статуи потеряли свои головы и, следовательно, все, что давало им право на такое название, а оставшийся фрагмент карниза упал со своего первоначального места и покоится на фигурах. Метопы этого фасада почти стерты, но скульптура внутреннего фриза изысканна, возможно, это лучшее произведение искусства во всем контуре. Иногда, когда это помещение освещается заходящим солнцем, эффект получается невообразимо красивым; но такого эффекта никогда не могло быть при идеальном состоянии здания, потому что только из-за отсутствия потолка в перистиле оно всегда освещается прямым светом с неба.

По тому, как Уилкинс пытается исправить ошибку, которой Уиллер никогда не допускал, можно было бы предположить, что колонны этого храма состояли из пяти частей, но это неправда; количество *барабанов* или *усечений* составляет одиннадцать или двенадцать, но стык в тех из них, которые не пострадали от насилия, настолько изящен, что часто его невозможно отследить даже на гладкой поверхности белого мрамора.

Внутренний ряд колонн разрушен сильнее, чем внешний, и здесь мы начинаем ощущать непосредственные последствия взрыва, вызванного бомбами венецианцев в 1687 году. Пространство между внутренними колоннами, образующими пронаос, по-видимому, было заполнено металлической решеткой, опирающейся на мраморный подоконник. Отверстия для ее крепления все еще остаются, а положение цоколя, на котором покоилась эта решетка, обозначено отрезанными частями для ее установки у подножия колонн. В оригинальной работе дверной проем имеет ширину 16 футов 8 дюймов, но в более поздний период он был перекрыт мраморными блоками; вероятно, когда здание было преобразовано в греческую церковь, и это ввело Стюарта в заблуждение. Помимо свидетельства того, что это заднее сужение, возникающее из-за низкого характера работы и полного отсутствия связи со стеной камеры, мы можем также заметить, что некоторые использованные камни покрыты надписями. На двери не сохранилось орнаментального наличника, но есть следы, по которым мы можем заключить, что эта часть была металлической, как и в Пропилах.

Когда вы однажды входите в здание, вы видите, как оно пострадало. Порошок, должно быть, был примерно посередине; и с каждой стороны были обрушены как стены камеры, так и колонны перистиля. В восточной части разрушены стены и внутренний ряд колонн. Возможно, на западе стены все еще существовали между древним храмом и опистодомом и в какой-то степени защищали западный конец; но сейчас эта стена полностью разрушена, и поверхность стены камеры повсюду разрушена, обнажая необработанные белые трещины.

Но мы еще не совсем вошли в храм; сначала мы должны рассмотреть Opisthodomus. Он вымощен плитами из белого мрамора толщиной 8 дюймов, длиной 5 футов 8 дюймов и шириной 3 фута 11 дюймов, выложенными грубой каменной кладкой или из местного камня. Есть четыре квадратных блока большего размера, площадью 5 футов 10 дюймов и толщиной 14 дюймов; они размещены в соответствующих местах таким образом, чтобы разделить площадь комнаты на девять равных частей, и, по-видимому, получили колонны, которые поддерживали крышу. Стюарт представил себе шесть таких колонок, но без достаточных оснований.

Мы можем различить на тротуаре следы отверстий дверей, состоящие из канавок, образующих части кругов, на которые, вероятно, были нанесены металлические пластины. Центр, из которого описываются эти сегменты, как уже упоминалось, свободен от толщины стенок. Сомнительно, чтобы изначально между этой комнатой и кельей храма было какое-либо отверстие. Если таковая существовала, вероятно, это была маленькая боковая дверь, но большой центральный дверной проем, несомненно, существовал здесь, пока здание использовалось как церковь. Стюарт заметил углубление вокруг большого пространства, которое образовывало гипотральную ячейку храма, на расстоянии 15 футов от стен; но он не заметил некоторых особенностей в покрытии, которые имеют большое значение для понимания конструкции и расположения здания. Сначала идет мостовая из мраморных плит толщиной 8 дюймов, как в opisthodomus, шириной 10 футов 3 с половиной дюйма в конце и не так сильно сбоку: рядом с ней находится ход шириной 4 фута и толщиной 14 дюймов, несомненно предназначенный для установки колонн внутреннего перистиля. Под одним углом параллелограмма, образованного этим рядом плит, видны слабые следы расположения колонны диаметром около 3 футов 9 дюймов, и поскольку эти блоки расположены на одинаковом расстоянии друг от друга, мы можем установить, что расстояние от центра до центра колонн составляло около 11 футов 6 дюймов, и, следовательно, расстояние между ними составляло 7 футов 9 дюймов, в то время как в других промежутках расстояние от центра до центра составляло 12 футов 11 дюймов, а четкое расстояние между колоннами составляло около 9 футов 2 дюйма. Древние всегда располагали внутренние колонны и колонны своих дворов пропорционально дальше друг от друга, чем внешние. В Пестуме, где внешние колонны отстоят друг от друга всего на одну и десятую диаметра, внутренние - почти на одну и две пятых; в Эгине колонны внешнего перистиля разделены примерно на один диаметр и две трети, колонны внутреннего - на две и одну треть. В Пропилеях промежутки между внешними колоннами, по-видимому, составляют около полутора диаметров, если исключить большой средний вход, а внутренние - около двух с половиной. В последнем случае внутренние колонны были ионическими, и очень возможно, что так было и в Парфеноне, но у нас не сохранилось ни малейшего фрагмента; обстоятельство, которое кажется мне очень примечательным. Они не использовались в церкви? и если да, то почему они были отвергнуты?

Линии маленьких колонн, прорисованные Стюартом, достаточно очевидны, но они, вероятно, были частями церкви, а не храма в целом; поскольку, помимо того, что их миниатюрные

размеры делают их непригодными для внутренней структуры такого здания, и что их оставшиеся фрагменты очень плохой работы, их расположение не соответствует разделению мраморных плит, которое в здании, построенном столь регулярно, само по себе является достаточной причиной для их отклонения. Может показаться примечательным, что первоначальные колонны не должны были оставлять на мостовой более отчетливых следов своего существования; но в то время как греки соединяли различные части колонны деревянными блоками, а иногда и другими средствами, они без подготовки укладывали нижнюю часть на гладкую мостовую. В некоторых случаях, например, в храме Тесея, сохранилось менее половины колонны, и на тротуаре не видно ни малейшего признака того, что другая половина когда-либо существовала. В уже упомянутом углублении тротуара мы снова находим восьмидюймовую мраморную брусчатку, но в одной части ее место занимают плиты из известняка. Предполагается, что они поддерживали статую богини. М-р Б. очень справедливо заметил, что там, где все сделано из белого мрамора, статуя из этого материала хотела бы иметь свое справедливое значение. Необходимо было использовать более дорогое вещество, чтобы придать ему достаточную рельефность в воображении.

Значительная часть мощения остается на своем месте, но часть была удалена, и в опистодомусе под мостовой оказалась большая мраморная плита, отлитая по краю, которая, должно быть, была погребена во время возведения храма. Прежде чем покинуть здание, я должен провести вас наверх по лестнице, которую турки соорудили в маленькой башенке в юго-западном углу здания. С его помощью мы можем наблюдать многие детали, которые не так легко различимы снизу. Изучение афинских зданий приводит к выводу, что белый пентелический мрамор можно было получить в виде плит значительной длины и ширины, но толщина была более ограниченной. В стенах кельи Парфенона проходы составляют 1 фут 8 дюймов и две трети. В Эректее и Пропилее они несколько меньше. Когда требуется большая ширина, либо для формирования цоколя, либо для перекрытия дверного проема, плиту равномерно укладывают по краям.

Во фрустах колонн камни толще; один из них в Парфеноне имеет толщину 3 фута 7,8 дюйма; но, вероятно, та часть каменоломни, из которой можно было получить блоки такой толщины, не позволяла им иметь значительную длину. Архитрав Парфенона имеет ширину 5 футов 9 дюймов и выполнен в три слоя, вероятно, из-за сложности заготовки деталей длиной 14 футов и толщиной 2 фута 10 дюймов с половиной, что потребовалось бы, если бы он был построен, как это чаще бывает, из двух блоков. В фризе не было такой же необходимости в том, чтобы работа была идеально прочной, и, соответственно, использовались только две кровати, оставляя свободное пространство примерно в 10 дюймов посередине. Таким образом, эта особенность, которую Кларк *обнаружил* как следствие нечестности рабочих, а Уилкинс считает доказательством большой науки и дальновидности, с большей вероятностью может быть отнесена к природе каменоломни.

Потолок пронаоса и постикума был образован мраморными балками, поддерживающими плиты из того же материала, что и лакунарии; но в боковом перистиле эти плиты были уложены от стены до внешнего эпистилюма без вмешательства балок.

Вы можете увидеть здесь в нескольких местах следы древней орнаментальной живописи, а в некоторых экземплярах картины двух разных стилей и дат, один из которых располагался поверх другого. В местах, защищенных от непогоды, есть даже признаки покраски наружного карниза.

В конструкции карниза под юго-западным углом есть несколько очень любопытных ухищрений, которыми я сейчас не буду вас утруждать, поскольку не нахожу их очень хорошими.

Я уже объяснял вам систему покрытия в этих храмах; декоративные плитки расположены в Тесеуме, по одной над каждым триглифом; в Парфеноне также было по одной над каждой метопой; следовательно, в первом здании они находились на расстоянии чуть более 4 футов друг от друга, во втором - около 3 футов 6 дюймов. По какой-то неизвестной причине сами плитки не соответствуют такому расположению орнаментов; поэтому последние полностью отделены от первых; а настоящими упорами выпуклых плиток являются маленькие треугольные выступы, расположенные сзади, чтобы их не было видно снизу; три из них занимают размеры двух антефиксов и промежуточного пространства. Как вы можете предположить, вокруг лежат огромные груды руин, но на южной стороне под тремя ступенями можно увидеть часть продолжающегося фундамента из крупного известняка. Обнажены три пласта этого известняка и часть четвертого; каждый примерно 1 фут 9 дюймов в высоту. Самый верхний выступает на 4 фута от ступеньки, а верхняя поверхность заглублена примерно на 5 дюймов, вероятно, для покрытия мрамором: следующий курс выступает на 18 дюймов, два самых нижних примерно на полдюйма каждый. Я не могу сказать, как далеко простирается этот цокольный этаж или какова его общая высота; но впереди есть видимость сводов, которые озадачивают меня гораздо больше, поскольку они, по-видимому, подразумевают очень значительное возвышение фасада храма над землей, на которой он стоял. Я заметил их только по нескольким отверстиям, пробитым наверху, и они слишком сильно завалены мусором, чтобы мы могли проследить их протяженность; возможно, это были лишь частичные впадины, засыпанные как в древние времена, так и в современные.

На северной стороне кучи, возможно, еще больше, чем на южной, и Фовель сказал нам, что земля не была вскрыта, и, следовательно, поскольку ни один из фриз на этой стороне здания не сохранился, вполне вероятно, что будет найдено большое количество скульптур. Впоследствии, разговаривая с Лузьери об этом обстоятельстве, он заверил меня, что начал копать в той части, но турки сообщили ему, что там были возведены печи для обжига извести, в которых все скульптуры, которые можно было найти, были предпочтительно сожжены. Однако он продолжал свои раскопки, пока не обнаружил печи для обжига извести без каких-либо барельефов, и в конце концов отказался от поисков. Забавно слышать, как единодушно Фовель и Лузьери расходятся во мнениях в своих заявлениях: последний категорически отрицает, что он сделал что-либо, что могло повредить какому-либо зданию, за исключением одного случая удаления кариатических колонн; в то время как первый обвиняет его в том, что он причинил большой ущерб в ходе операций по удалению скульптуры и даже в бессмысленном уничтожении объектов, из которых не следовало извлекать никакой выгоды. Последнее обвинение маловероятно и в какой-то степени опровергает первое. С другой стороны, действительно, говорят, что Фовель пытался заполучить эти трофеи для своего собственного правительства, и что теперь он преувеличивает зло от разочарования; но я боюсь, что был причинен значительный вред. Что касается увезенных скульптур, следует отметить, что большинство из них были очень сильно выставлены напоказ, что младотурки достаточно охотно отламывают все, до чего могут дотянуться, в надежде продать их франкам, и что старшины и матросы, которые либо на торговых, либо на военных судах посещают эти берега, имеют большую склонность отламывать фрагменты в качестве памятников. Повсюду валяются тысячи обломков, очевидно, от здания, которые они могли бы почти прикрепить к нему, но ничто не удовлетворит их, если они не нанесут свою долю увечий; и неоднократно, во время моих

визитов в Акрополь, я с грустью наблюдал новые трещины на драпировке Кариатид, единственных объектах, которые сейчас были в пределах их досягаемости.

От восточной части, или фасада храма, сохранилось меньше, чем от западной. Мы видим там отверстия, которые, как говорят, служили опорой для определенных щитов, которые были подвешены к архитраву, история которого не очень ясна; иногда на краях самих щитов появляется небольшое круглое зеленое пятно. Они были около 3 футов 6 дюймов в диаметре. Под каждой метопой было по одному, а под каплями каждого триглифа расположены отверстия, с помощью которых были закреплены бронзовые буквы надписи. Я сделал с них копии, но, боюсь, восстановить письма будет невозможно.

Покончив с Пропилами и Парфеноном, я должен теперь рассказать вам о тройном храме Эректа, Минервы Полиас и нимфы Пандрос. И сначала о шестистильном храме, который является храмом Эректа и который иногда также называют храмом Нептуна, потому что в нем находился алтарь этому божеству, и потому что здесь, как говорили, был колодец с соленой водой, который появился во время состязания между Нептуном и Минервой; но Павсаний, который называет все здание двойным зданием, διπλοῦν ὄκητρον, не уточняет, в какой его части был найден этот колодец.

Стюарт, по его мнению, представляет собой шесть колонн, стоящих на своих местах, с продолжающимися архитравом и фризом; сейчас их всего пять. Архитрав над ними сохранился, но фриз исчез, за исключением двух кусков черного мрамора, один из которых неуместен; другая колонна была увезена лордом Элджином и сейчас находится в Британском музее. Эти колонны сильно повреждены в нижней части, так что трудно определить их точный диаметр. Основание в Стюарте дано не совсем точно. У них был очень вытянутый апофиз, как у Юпитера Статора в Риме, и я убежден, что Стюарт не сделал их слишком маленькими. Таким образом, они очень близки или, возможно, достигают десяти диаметров в высоту и не кажутся слишком тонкими; но вы помните, что у них очень большая декоративная капитель, которая, безусловно, подчеркивает кажущуюся высоту и передает характер, который, как и у коринфского ордера, находится в гармонии с более тонкими пропорциями. Контраст между простотой фриза и богатством отделки, достигнутой по бокам за счет продолжения орнамента капителей, должен был показаться вам непоследовательным, но в оригинале фриз выполнен из черного мрамора, а углубления на поверхности показывают, что он был обогащен, вероятно, фигурками из позолоченной бронзы; так что все вместе в высшей степени обладало той атмосферой веселья и великолепия, которая, кажется, так соответствует характеру и вкусу афинян. Этот черный мрамор,^[29] потеряв свой блеск и испачкавшись от непогоды и, возможно, от лишайников, изменил свой оттенок на тускло-серый, и был передан без уведомления о материале. Я полагаю, что мистер Бедфорд был первым, кто заметил это; но, упоминая имя первооткрывателя в данном случае, я не имею в виду претендовать на заслуги в других обстоятельствах, когда я не называю источник моей информации. Дело в том, что я редко знаю, кому следует отдать эту честь: на некоторые вещи мне указал Фовель, на другие - Лузьери или другие лица, и я бессознательно объединил их с наблюдениями Шарпа и своими собственными; но я полагаю, что человек, который больше всего способствовал полному разъяснению этих древностей, - барон Галлер, немец, который, к несчастью для меня и для всех любителей изящных искусств, умер в прошлом году.

Переходя внутрь эреkteя, мы обнаруживаем, что все покрытие ячейки удалено. Стены по большей части сложены из цельных блоков, занимающих всю его толщину; тесно прижаты друг к другу как по горизонтали, так и по вертикали, но вид дадо, который вы можете наблюдать над основанием, на боковом возвышении, указанном Стюартом, имеет или был двухслойным, расположенным по краям. Внутренние плиты были убраны, так что замечательно, что стена устояла. Части, предназначенные для показа как внутри, так и снаружи, сделаны из пентелийского мрамора, но те, которые были полностью скрыты, сделаны из магнезического известняка, и эта особенность позволяет нам определить, что покрытие кельи было ниже, чем покрытие портика, поскольку мраморным можно было бы считать не только проход, который возвышается над тротуаром на высоту верхней части цоколя, но и под ним есть другой проход из мрамора, и снова, когда вы приближаетесь к поперечной стене, обозначенной (а) на плане Стюарта, есть третий проход из мрамора под дадо. Эта поперечная стена не поднимается на высоту наружного тротуара, и нет никаких следов ее соединения с боковыми стенами выше, в то время как, наоборот, хотя поперечная стена (b) полностью разрушена, а нижние части боковых стен, где она должна была соединяться, гладкие и ровные на высоте четырех рядов над тем, что я назвал дорожкой дадо, все же выше этого прерывистая поверхность показывает вставку связующих камней и свидетельствует о существовании такой стены. Вероятно, нижняя часть была открыта, и, возможно, в проеме были металлические пилястры и шесть колонн, либо металлических, либо мраморных. Эта задняя часть настолько завалена мусором, что я смог определить, что мрамор сделан только на один ряд ниже, чем в первой камере. В северной стене есть ряд маленьких отверстий, очень аккуратно просверленных; есть несколько таких отверстий и здесь, и в Пропилеях, но я не знаю, как они используются.

Наибольшие особенности этого здания заключаются в стене на западном конце. Я ничего не буду говорить ни об окнах и пилястрах, других греческих образцов которых у нас нет, ни о углублении в верхней части под юго-западным углом, вынесенном за пределы толщины стен, что совершенно необъяснимо, но обращаю ваше внимание на подвал. В нем мы находим дверной проем под одной из внутренних пилястр и, следовательно, также под одной из внешних полуколонн. М. Фовель утверждает, что этот проем не ровесник здания, а был пробит с какой-то целью более позднего удобства; и Стюарт, полностью опустив его, по-видимому, придерживался того же мнения. Однако это оригинальная конструкция, поскольку фасад работы внутри проема соответствует фасаду здания, без каких-либо следов того, что камни были обтесаны или каким-либо образом изменены, и нет никаких следов сужения, которые, поскольку стены сужены, как упоминалось выше, в обоих направлениях, неизбежно должны были быть видны, если бы изначально не было отверстия. Мне это кажется довольно вескими доказательствами, но есть и другое, возможно, еще более убедительное. Я уже упоминал о методе, применяемом в этих зданиях для придания прочности проемам, путем установки блоков по краям и увеличения высоты прохода вдвое по сравнению с соседними проходами; так обстоит дело и здесь; большой блок, равный двум проходам, находится над проемом. Дверь в такой ситуации кажется замечательной, но проем под углом здания в самой точке его соединения с Пандрозеумом еще более необычен: это требует большей прочности и, соответственно, перекрыто большим камнем, занимающим три ряда; 14 футов 6 дюймов и три четверти в длину, 4 фута 9 дюймов и три четверти в высоту и 2 фута 2 дюйма и три четверти в толщину. Верхняя часть двери, отмеченной Стюартом как ведущая в Пандрозеум, находится непосредственно под лепниной основания галереи, на 2 фута 3 дюйма с четвертью над полом портика Эреkteума; верхняя часть двери под галереей находится на два ряда ниже, или на 3 фута

2 дюйма с половиной, в то время как дверь под углом находится еще на один ряд ниже: все это изобретение, возможно, имело какое-то отношение к доступу к источнику соленой воды; но без значительных раскопок проблема не может быть решена.

Я собрал воедино то, что хотел сказать об этой келье, независимо от того, принадлежит ли она на самом деле одному, двум или трем храмам; а теперь я проведу вас к четырехстильному портику, предположительно принадлежащему Минерве Полиас, который, по правде говоря, довольно неуклюже соединен с первым; по крайней мере, соединение под задним углом кажется плохо устроенным. К сожалению, это пороховой погреб, и, следовательно, межколонны завалены стенами из щебня, так что пропорции колонн не могут быть соблюдены, но по какой-то причине все сразу отдают предпочтение этому портику в шестиугольном стиле; и капители колонн, хотя и почти утоплены в грубой каменной кладке, вызывают всеобщее восхищение. Поскольку разница между этими отпечатками и отпечатками Эректа настолько мала, что может быть оставлена без внимания как мелочь, не имеющая значения при исследовании отпечатков, было бы желательно выяснить, из-за чего возникает разница в эффекте, но я не смог ответить на этот вопрос. Основания и нижние части колонн погребены, но к одной из них можно добраться, если провести раскопки, и она, по-видимому, была украшена вставленными кусочками цветного стекла. Я полагаю, что простой выступ под шейкой капителя в этом храме и плоский глаз капителя в обоих были отделаны либо украшениями из позолоченной бронзы, либо из цветного стекла, либо камнями. Угловая спираль в этом примере сделана такой тонкой, что почти просвечивает; мы не получили доступа внутрь, поскольку во избежание опасности взрывов турки замуровали отверстие и вынуждены проделывать отверстие в стене, когда им нужен порох. Мне очень мало что можно сказать о Пандрозеуме; отверстие, которое я заметил под углом к его соединению с галереей, указывает на значительную глубину внутреннего покрытия. Лузьери говорит, что он копал и что там определенно нет следов стены или источника; но совсем не ясно, следует ли его искать в этой части, и я не уверен, что он копал достаточно глубоко. Внешне стена упирается в пьедестал кариатид, и части за ним менее отделаны, чем передние, но из этого нельзя сделать никакого вывода, поскольку здание не было полностью завершено; некоторые из капителей пилястр вырезаны лишь частично, а в задней части галереи последняя отделка стен не снесена до земли. Маленькие патеры в архитраве Пандрозеума, вероятно, предназначались для резьбы, если бы они не были украшены цветами из позолоченного металла.

Все три прекрасных здания Акрополя последовательно использовались в качестве пороховых складов и пострадали от взрывов.

ПИСЬМО XLVIII.

ДРУГИЕ ДРЕВНОСТИ АФИН.

Афины, март 1818 года.

Нам повезло, что от двух городов, где архитектура была доведена до величайшего совершенства, сохранилось больше остатков, чем от любого другого. Необъятность Рима и

огромное количество общественных зданий, которые его украшали, могли бы заставить кого-то ожидать, что мы встретим здесь больше развалин, чем где-либо еще, но Афины никогда не были очень большим городом, и общественные здания в нем, по-видимому, не были построены в большем масштабе, чем во многих других. В каждом из этих городов мы, вероятно, видим остатки некоторых из лучших образцов. Судя по фрагментам, найденным в Риме, мы можем утверждать, что там было много других зданий необычайной красоты, но ни одно из них мы не пожелали бы обменять на храм Марса Ультора, Юпитера Статора, Юпитера Тонанса, Антонина и Фаустины или на портик Пантеона. Храм Юпитера Капитолийского действительно был больше любого из них, но мы можем усомниться в том, что его архитектура была лучше или даже настолько хороша. Здесь меньше объектов, отвлекающих внимание, и мы можем быть уверены, что Парфенон, Эректеум, Пропилеи и храм Тесея были главными объектами красоты во времена афинского великолепия, и если и были другие, которые соперничали, то ни один из них не претендовал на то, чтобы превзойти их. В том, что мы располагаем остатками лучших зданий Адриана и Ирода Аттика, нет полной уверенности, но мы знаем из нескольких примеров, что в тот период архитектура утратила достоинство и чистоту, которыми она обладала во времена Перикла.

Ранее я пытался объяснить, каковы были особенности обстановки, которые привели к появлению римских зданий. Во многих случаях они занимали участки суши, переходящие в общую линию долины Тибра. Зритель находился в центре, предметы были вокруг него. В Афинах все было с точностью до наоборот; объекты были сгруппированы вместе на холме в центре, который демонстрировал свое великолепие со всех сторон. В Риме зритель был ослеплен разнообразием объектов. В Афинах он был впечатлен их простотой и единством, поскольку со всех точек зрения общественные здания, которые возвышались на вершине и были расположены на склонах Акрополя, сливались в единое целое. Природа и искусство, казалось, объединились, чтобы создать гармоничный эффект, и даже в архитектурном стиле богатство и величие римлянина, а также изящество и элегантность афинянина, похоже, одинаково соответствовали расположению зданий и занимаемых ими станций. Примечательно, что оба этих города были расположены так превосходно. Париж едва ли предлагает какое-либо примечательное положение; Неаполь был бы лучше, если бы некоторые из его главных зданий располагались в Чиатамоне; Милан расположен на равнине; Флоренция просто в прекрасной долине. Лондон был бы предпочтительнее любого из них с точки зрения архитектуры, но мы не воспользовались крутым берегом, поднимающимся от Темзы, который, хотя и слишком низкий, тем не менее обеспечил бы замечательное расположение общественных зданий. Нынешние обстоятельства Афин и Рима не менее разительно противоположны друг другу, чем обстановка и стиль архитектуры. Рим украшен и часто перегружен современным великолепием; афинские руины либо изолированы, либо окружены простыми хижинами. В Риме зданий много, и они сильно обветшали; в Афинах их мало, и они гораздо совершеннее. Действительно, простое течение времени, по-видимому, очень мало повлияло на постройки последнего города. Землетрясения сотрясали, взрывы разрушали, и алчность опустошила их, но многое из того, что осталось, остается абсолютно совершенным, за исключением более изящных и открытых скульптур, и даже значительная часть скульптуры такая же свежая, как если бы она была только что закончена. Современные нравы Греции и Италии привнесли стиль внутренней архитектуры в два совершенно разных города. В одной стране каждая семья живет в своем доме или, возможно, только в нескольких квартирах, и, следовательно, многие семьи живут под одной крышей. В другом случае такая система была бы

профанацией: каждая семья занимает свой собственный маленький домик, отгороженный от остального мира помещением во дворе, и вместо шести или семи этажей, как в Италии, мы здесь редко находим больше двух. Природа, кажется, с удовольствием усиливает эти контрасты. В Риме удивительно спокойная атмосфера; в Афинах дуют частые и порывистые ветры. В Риме, напротив, грозы повторяются часто, и они чрезвычайно сильны; в Афинах громбывает редко; но это замечание настолько затрагивает мою тему, что напоминает мне вернуться к нему.

Вы, наверное, подумаете, что я достаточно рассказал об Акрополе, но я все равно должен провести вас по внешней стороне стен, и по ходу движения мы заметим несколько примыкающих к нему древностей. На подъеме к Акрополю находится сидящая статуя древнегреческой работы, а у входа - красивая, но сильно поврежденная капитель своеобразного стиля; на пути вверх также есть фонтан с солоноватой водой, который, как говорят, работает только летом. Возможно, с этим связан колодец в Акрополе, вода в котором невкусная. Начиная ниже Пропилей, мы видим между этим зданием и нижней современной батареей несколько древних опор, встроенных в нынешние стены, которые, по-видимому, указывают на самый древний доступ к Акрополю, материалы и стиль кладки подобны тем, которые, как я упоминал, существовали под северо-западным углом Пропилей и, по всей вероятности, были построены до эпохи Перикла. Следуя нашим курсом вдоль северного склона холма, мы встречаемся с гротом Пан; углублением в скале небольшой протяженности с многочисленными квадратными и круглыми углублениями, вырубленными, по-видимому, для размещения обетных табличек. На небольшом расстоянии от Акрополя находится свод, спускающийся вниз, и несколько ступеней, проходящих над его частью; считалось, что эти ступени относятся ко входу в первоначальный Акрополь, но это в лучшем случае очень сомнительно, и у меня нет теории относительно их вероятного назначения или даты. Продвигаясь дальше, мы видим, что скала чрезвычайно неровная, как по высоте, так и по направлению, и в ней много впадин, но небольшой глубины. На некоторых из них, по-видимому, были обетные таблички и, возможно, архитектурные украшения. В стене наверху мы видим части огромного антаблемента; он дважды прерывается, но снова повторяется на том же уровне, как будто был размещен намеренно, а не случайно. Архитрав, триглифы и карниз сделаны из известняка, а метопы - из мраморных плит. На этот счет были выдвинуты две теории; одну поддерживает М. Фовель, который считает это частью обычного завершения работы. Если это так, то его размер был пропорционален не просто высоте стены, поскольку в некоторых местах пространство под этим венцом едва ли превышает высоту самого антаблемента, а высоте скалы и стены вместе взятых. Другая теория принимает во внимание то, что нам рассказывают о способе возведения этих стен после персидского вторжения, когда, чтобы избежать последствий зависти лакедемонян, они были восстановлены в величайшей спешке и из любых материалов, которые первыми попали под руку, какими бы ранее они ни использовались. Следовательно, эти фрагменты могли принадлежать либо старому храму Минервы, либо храму Юпитера Олимпского, который также был большим зданием дорического ордера. Я бы склонился к мнению Фовеля, если бы несколько мраморных усеченных колонн чуть дальше, которые, по-видимому, соответствуют по размерам этому антаблементу, не придавали некоторого дополнительного веса последней теории. Эти усечки не закончены; круглая форма определена, и сглаженное кольцо на краю каждой усечки обозначает предполагаемый размер колонны, но остальная поверхность шероховатая, и выступы, оставленные для установки их на свои места, все еще остаются. Далее под подножием скалы есть остатки очень древних стен,

которые можно проследить с интервалами более чем наполовину вокруг Акрополя; на восточном конце находится большая пещера, которая на значительной глубине проникает в скалу: по-видимому, она образовалась в результате разрушения рыхлой брекчии, которая в некоторых местах превращается в простой гравий. Поворачивая на южную сторону, мы встречаемся с несколькими древними фундаментами, сложенными из больших блоков магнезиального известняка. Прямо над хорагическим памятником Тразилла есть две отдельно стоящие колонны с треугольными капителями, украшенные листьями и волютами, но не отличающиеся особой красотой; они также являются свидетельствами того же рода, что и этот памятник, и имеют опорные треноги, о чем свидетельствуют отверстия для скобы, оставшиеся наверху. В одном из них статуя, вероятно, в какой-то период заняла место треножника, и квадратный пьедестал, установленный на счетах для ее установки, сохранился до сих пор. Под этим памятником находится большая впадина, в которой, как предполагается, находился театр Бахуса, поскольку в настоящее время общепризнано, что то, что Стюарт опубликовал под этим названием, является театром Ирода Аттика. Ряд арок, простирающихся от котловины до последнего здания, кажется очень смешанным произведением, без очень четких намеков на подлинную древность. Одеум, или театр Ирода, частично построен из кирпича, а частично из магнезиального известняка.

Я не буду пытаться следовать порядку расположения в нескольких оставшихся замечаниях, которые я должен сделать об афинских древностях.

По прибытии на Олимп я упомянул Храм Юпитера, но нельзя оставлять без внимания столь важное сооружение. Строительство под этим названием было начато Писистратом или, возможно, еще раньше. Мы можем предположить, что оно было разрушено персами. Перикл, похоже, ничего не сделал для его завершения или восстановления; возможно, Юпитер в свое время не был популярным божеством. Ливий упоминает его как построенный Антиохом и как единственный храм, достойный величия бога; но этот отрывок неполноценен. Витрувий также говорит, что он был построен Антиохом и что архитектором был Коссутий, римлянин. Согласно Плинию, Силла увезла свои колонны в Рим, но среди огромного множества фрагментов, оставшихся в этом городе, нет ни одного примера колонны или части колонны большого диаметра из пентелийского мрамора. Говорят, что несколько азиатских монархов оказали услугу Августу, внося свой вклад в его восстановление (странный способ завоевать благосклонность), и к этой эпохе я бы отнес все существующие столбцы, поскольку в них содержится несколько деталей, которые делают вероятным, что это было до времен Адриана. Чтобы судить о дате постройки здания по его дизайну или исполнению, необходимо сравнить множество различных работ, поскольку каждое здание будет иметь что-то особенное само по себе, и без нескольких примеров невозможно отличить эти индивидуальные особенности от тех, которые характерны для эпохи; и у нас есть несколько примеров архитектуры в Греции, дату которых мы можем определить, между временами Александра и Адриана. Моим главным ориентиром в данном случае является листва капителей. Я уже упоминал вам о различии форм, принятых художниками Греции и Рима в этом отношении, и о том, что последние обычно делали нижние отделы листьев так, чтобы они накладывались друг на друга (*рис. 4*), в то время как первое только заставляло их соприкасаться; но также, по-видимому, среди самих греков наблюдался довольно регулярный прогресс в организации этих подразделений. В предыдущих примерах верхняя точка нижнего деления просто касается нижней точки деления над ней (*рис. 1*). Так обстоит дело с памятником Лисикрату (с сожалением должен сказать, что Стюарт не является хорошим авторитетом в этом отношении, он нигде в достаточной степени не уделит

внимания характеру листвы), и то же самое имеет место в этом храме Юпитера на Олимпе. После этого верхняя точка нижнего деления коснулась не точки, а стороны деления над ней: (рис. 2) от этого у нас есть только фрагменты. У последних экземпляров две точки нижних отделов соприкасаются или почти соприкасаются с боковыми сторонами верхних: (рис. 3) этих фрагментов очень много, и они часто выполнены в очень сухой и безвкусной манере. То, что, как я полагаю, Кларк подразумевает под своей ранней коринфской столицей, часто формируется таким образом и является работой нижней империи. В арке Адриана эта практика начата, но не закреплена полностью, и листья изящно прорисованы. Теперь, если вы спросите меня, почему я отношу эти столбцы ко времени Августа, а не ко времени Антиоха, к которому эти наблюдения, по-видимому, применимы по меньшей мере одинаково хорошо, я должен сослаться на авторитет Плиния и разграбление Суллы, поскольку у меня нет внутренних доказательств.

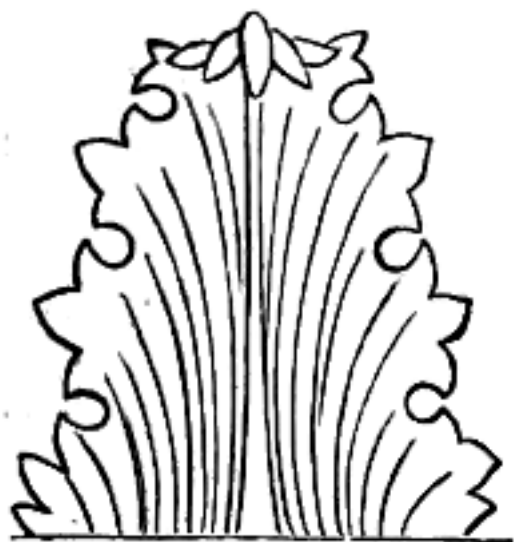

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Во всех руинах ум размышляет о том, каким было здание и где его остатки великолепны, о силе, богатстве, рвении и уме, необходимых для его создания; и находит немалую степень удовольствия в этом занятии. В этом храме есть обширное поле для подобных предположений, сохранилось еще достаточно, чтобы указать как на расположение здания, так и на двор, в котором оно стояло, который, вероятно, был окружен колоннами. Оставшиеся колонны принадлежали самому храму; те, что поменьше, было легче убрать; размер больших служил им

защитой. Одно из них, стоявшее во времена Стюарта, однако, было разрушено губернатором Афин вместе с материалами, использованными при возведении мечети, но эксперимент не увенчался успехом, так как паша из Негропонта, услышав об этом, придумал предлог, чтобы вымогать у него деньги, на том основании, что он присвоил себе собственность великого синьора. Эти колонны имеют более 6 футов в диаметре и почти 60 футов в высоту, то есть они несколько толще, чем колонны портика театра Ковент-Гарден, и почти в два раза выше. Они выполнены в коринфском стиле, и их скульптурные капители сохранились до сих пор. Первоначально их, должно быть, было по меньшей мере сто шестнадцать: они из пентелийского мрамора, но многие блоки сильно испещрены прожилками слюдяного сланца и напоминают чиполлино, но с более чистым грунтом. Представляется вероятным, что из него могли быть получены более толстые блоки, чем из чистого белого мрамора. Качество изготовления превосходное, хотя, возможно, и не такое, как вфидианской архитектуре. Их физическая красота усиливается различными эффектами их группировки, наблюдаемыми в разных положениях, а также пятнами желтоватого или, скорее, оранжевого оттенка, которые время нанесло на все сооружения из этого мрамора. Вероятно, это происходит из-за воздействия воздуха на небольшое количество железа, содержащегося в слюде, без которой никогда не обходится пентелийский мрамор. Как совершенные здания, возможно, первоначальный цвет был лучшим, но как руины, их красота, безусловно, усиливается нынешними оттенками. Эти руины не обременены никакими современными зданиями, за исключением небольшого подобия хижины, возведенной на куске архитрава, традиционной резиденции *стилитов*; и они расположены на искусственной платформе, на берегу, поднимающемся от Илисса, поддерживаемой укрепленной стеной, часть которой сохранилась до сих пор. Высота оснований неодинакова, и цоколи внутренних колонн опираются на блоки из твердого известняка, но под ними есть углубление примерно на два дюйма, как будто для того, чтобы уложить мраморную мостовую. Один из внешних постаментов также опирается на аналогичный известняк, за исключением передней части, где находится мраморный блок, и его вершина должна была находиться точно на одном уровне с поверхностью мраморного тротуара. Три первые колонны южного ряда покоятся на мраморе, и мощение между ними выполнено из того же материала.

Ворота, известные под названием Арка Адриана, находятся рядом с этими колоннами. Возможно, у него довольно глупый и ничего не значащий вид, тем более если сравнивать его маленькие колонны с их гигантскими соседями. И все же это интересный памятник; красота материала, совершенство изготовления, почти идеальное состояние, в котором он находится, а также определенная легкость и даже элегантность в расположении его верхней части требуют значительной степени восхищения. Уилкинс предложил новое прочтение надписи над воротами, согласно которому он изображает город Тесея с внешней стороны этой арки, а город Адриана - между ней и Акрополем. Я не мог устоять перед искушением полюбоваться им, стоя прямо перед входом и глядя на северо-запад. В этом месте,^[30] автор сообщает нам, что Акрополь находится вне поля зрения, хотя, по моим представлениям, он занимает половину снимка.

Я избавлю вас от каких-либо подробностей о Гимнасии Птолемея или о Стое, поскольку у меня нет никаких дополнений к вашим знаниям ни о том, ни о другом.

Узкий гребень Ареопага едва ли предоставил бы место для суда, но скалы вырублены во всех частях, очевидно, для постройки зданий, и это также в значительной степени относится к холму под названием Ликабет; действительно, все три холма, Ликабет, Пникс и Музеум, покрыты

следами человеческого труда. Среди них есть подземные конусы, вероятно, вместилища для зерна, и из одного из этих конусов мы заметили проход в цилиндрическую яму, размером не больше колодца. В некоторых местах также встречаются фрагменты терракоты, а время от времени и небольшие кусочки мрамора, но этот материал, вероятно, мало использовался, если вообще использовался, в частных зданиях.

Участок на Пниксе, предположительно являющийся местом сбора, частично поддерживается стеной из огромных камней, образующих линию, выпуклую наружу; самый большой из них имеет размеры около 10 футов на 8 с лицевой стороны, но я не знаю его толщины. Пространство сверху представляет собой почти большой сектор круга, не намного меньше полукруга, *сбимой* (βῆμα) в центре круга. Это остается приподнятой платформой со ступеньками, ведущими к ней, но площадка имеет уклон во все стороны от *бимы*, что очень неудобно для публичных выступлений. Чуть выше этого находится еще одна область, в чем-то похожая, но в меньшем масштабе, и скалы над ней вырублены таким образом, что можно было бы представить себе своего рода кафедру и в этой части. С этой верхней площадки видно море, которое с нижней было бы совершенно невидимо. В обоих случаях говорящий, должно быть, повернулся к нему спиной. Могут ли эти обстоятельства иметь какое-либо отношение к изменению ситуации *сбимой*, приписываемой тридцати тиранам? Сбоку от нижней *бимы*, которая гораздо более отчетлива, чем другая, есть ряд маленьких квадратных углублений, которые, как предполагается, предназначались для размещения табличек с уведомлениями или указами.

Немного спустившись с этого места, мы начинаем восхождение на третий и самый высокий из этих трех холмов, который, как и другие, изобилует остатками древнего жилья, и кое-где видны небольшие фрагменты фундамента городской стены. Вершину венчает памятник Филопаппусу. Мне нечего особенно сказать об этом сооружении, но вид из него очень прекрасный, охватывающий всю Афинскую равнину, Саронический залив и окружающие их горы, за которыми в отдаленной перспективе виднеются другие горы. Действительно, при освещении, как я видел это при ярком заходе солнца, оно представляет собой картину несравненного великолепия, столь же чарующую как чувства, так и воображение.

Стадион Ирода Аттика находится немного в стороне от Афин, среди (если можно так выразиться) корней Гиметта. Возвышенности, которые непосредственно окаймляют его, кажется, приблизились друг к другу, но их абсолютное соединение в круглом конце является искусственным. Полученная таким образом короткая долина была удлинена двумя большими рядами бутовой кладки; каменная облицовка, которая когда-то завершала их, исчезла и обнажает щебень, очевидно, уложенный последовательными рядами с нанесением слоя штукатурки или раствора между каждым. По правую руку находятся обширные фундаменты того же типа, образующие, как предполагается, фундамент храма Победы и огромного лестничного пролета, ведущего к нему со Стадиона; слева видны следы других зданий, которые, как говорят, составляли части храма Удачи. Русло случайного потока проходит под насыпью в верхнем конце. Весь эффект, должно быть, был очень великолепным в своем первоначальном состоянии, но теперь он почти восстановлен до своего естественного состояния. Весь его мрамор и квадратные камни были вывезены, и оставшиеся фрагменты щебня с трудом отличимы от местной породы, которая часто вырывается из почвы вокруг. Трасса, возможно, была еще больше удлинена великолепным мостом, который определенно не требовался для пересечения Илисса, а поскольку ширина пути наверху, должно быть, превышала 60 футов, он вряд ли мог быть предназначен для простого перехода, даже если Илисс действительно был

рекой. Стюарт считает, что три арки сохранились, но сейчас все они исчезли, и несколько крестьян работали, когда я был там, разбирая квадратную кладку опор, так что через несколько лет, вероятно, останутся лишь несколько бесформенных куч щебня.

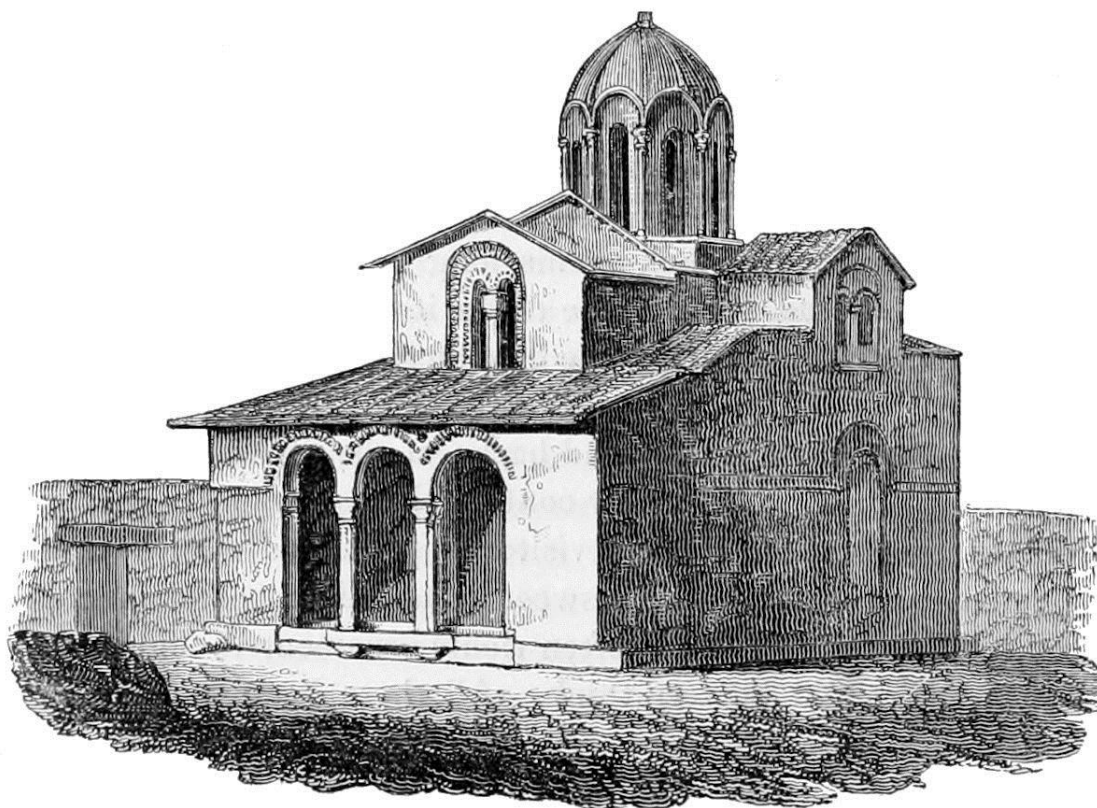
Окрестности Афин повсюду усеяны руинами, большая часть которых, по-видимому, когда-то была гробницами. При таком количестве неохваченных фрагментов почти невозможно, чтобы мы не нашли некоторые, которые можно было бы считать принадлежавшими знаменитым людям Афин, и, соответственно, мы находим многие из их имен, прикрепленных к этим фрагментам. Однако они представляют собой не что иное, как фундаменты, редко возвышающиеся над почвой более чем на несколько дюймов. Свидетельства их присвоения весьма неудовлетворительны, и в самих останках нет ничего, что позволило бы нам определить природу здания. Из тех, что упоминаются Павсанием, вероятно, большая часть представляла собой немногим больше наших захоронений - небольшой земляной холмик с коротким столбом, или *стальной* колонной, обычно самой толстой кверху, помещенной вместо надгробия. Трое мужчин за десять дней могли бы сделать немного, и существовал закон, ограничивающий такую степень нагрузки расходами на гробницу. О месте Академии скорее догадываются, чем знают. Вряд ли здесь может быть какая-то большая ошибка, но останков там нет, поскольку немногочисленные фрагменты капителей и других лепных украшений зданий в том направлении не могут быть прослежены до него. Два холма Колонии достаточно заметны; естественные признаки более долговечны, чем искусственные. Предполагаемое расположение Лицея находится в небольшой оливковой роще на Илиссе, немного выше Афин, и примерно здесь были найдены фрагменты, но нет ничего, что указывало бы на точное место. Вся местность изобилует этими остатками, и многие здешние путешественники развлекаются поиском древностей. Обычные расходы при раскопках заключаются в выплате каждому работнику шестидесяти *парас* суточных с дополнительным подарком при любой значительной находке, а двенадцать *парас* суточных за каждого нанятого выплачиваются владельцу земли.

После моих размышлений о древности я хотел бы рассказать вам о современных произведениях, но мое представление о турецкой архитектуре очень несовершенно и, вероятно, останется таким, поскольку единственное место, где ее можно оценить по достоинству, - это Константинополь. И все же в том, что я видел, есть некоторые прекрасные особенности, хотя, возможно, даже больше, чем в Италии, прелести жаркого климата. Конюшни и некоторые офисы находятся на первом этаже. В нашем собственном жилище печи для приготовления пищи находятся под ступенями, которые ведут наружу, в верхние апартаменты. Комнаты хозяина семьи, а также многие из тех, что отведены слугам, находятся на втором этаже. Иногда между подвалом и главными комнатами есть низкий этаж, или мезонин, но никогда ничего над последними, за исключением того, что в больших домах иногда есть что-то вроде башни, возвышающейся над общей крышей и содержащей одну большую комнату с окнами на три стороны или, возможно, по всей окружности. Такой комнатой, как эта, был зал с двадцатью четырьмя окнами, которым заканчивался дворец Аладдина из "Тысячи и одной ночи". Лучший дом, который я видел, - это дом бея Коринфа; основная часть здания имеет форму буквы L, образующей две стороны квадрата, а в углу находится лестничный пролет, ведущий на галерею и главный этаж. Ни в одном приличном доме нет такой галереи; она всегда деревянная, и главные комнаты выходят прямо в нее. Наши веранды, кажется, скопированы с него, но его большая глубина и выступающая крыша с глубоко орнаментированным карнизом придают ему гораздо больший эффект. Вход в этот дворец, как и в другие дома, осуществляется со двора, но снаружи стены поднимаются сразу на вершину крутого скалистого берега, под которым

раскинулись сады, и, таким образом, отсюда открывается вид на равнину и Коринфский залив, и расположение очень хорошее как для того, чтобы видеть, так и для того, чтобы быть увиденным; хотя почти голая равнина Коринфа не образует очень красивого переднего плана. Под галереей, во дворе, находится ряд арок, которые в Англии вы могли бы назвать саксонскими, опирающихся на короткие круглые колонны, которые не соответствуют стойкам галереи наверху. Стены этой галереи были расписаны орнаментом, но роспись и орнаменты почти исчезли. За пределами описанной сейчас части находится ряд офисов, а за ними - женские апартаменты, которые, конечно, невидимы.

Интерьер турецкой комнаты, кажется, везде выполнен по одному и тому же образцу, и тот, который я уже описал вам в нашем собственном жилище, хотя и более бедного вида, выполнен по тому же плану, что и остальные. Нижняя часть иногда такая же большая, как и верхняя, иногда намного меньше. Небольшая деревянная шахта обычно проходит по бокам от ступеньки, разделяющей два уровня, и что-то в этом роде часто продолжается через всю комнату, на потолке. Диван обычно окружает верхнюю часть комнаты с трех сторон; здесь турок или грек проводит большую часть дня, покуривая свою длинную трубку или глядя в окна, которые простираются до самого дивана; и здесь, я полагаю, он спит ночью. Вся эта часть жилища у богатых турок украшена росписью и позолотой, причудливо, а иногда и со вкусом, а подушки и спинки диванов обиты шелком и вышиты. Бедняки довольствуются более дешевыми материалами и меньшим количеством украшений. Каждому посетителю дарят трубку, чашку кофе и, как правило, сладости. Фарфоровая кофейная чашка помещается в металлическую чашку, часто богато украшенную, и преимуществом является то, что ликер должен быть очень густым. Все эти мелкие детали бросаются в глаза, когда мы впервые встречаемся с ними, но они ничего не значат в словах, потому что их так часто описывали, что слова стали привычными, хотя обычаи новыми.

Ранние древности этого места настолько интересны, а христианские столь незначительны, что я нахожу, что требуется значительное усилие, чтобы вообще обратить на них свое внимание. Главная церковь представляет собой мрачное здание, разделенное рядами колонн и не имеющее отчетливой формы греческого креста. Небольшая церковь, посвященная Святому Георгию, на стороне, обращенной к горе Анхесмус, более характерна. Корпус здания почти квадратный, с крыльцом во всю ширину, открывающимся тремя арками. Над площадью возвышается греческий крест, а перекресток увенчан восьмиугольным фонарем, имеющим древко под каждым углом, поддерживающее изогнутое ребро, и узкие отверстия с полукруглой головкой с каждой стороны. Купол выложен плиткой и поднимается по углам, так что, как в некоторых церквях, которые я вам заметил на юге Франции, вертикальные грани сторон восьмиугольника врезаются в него. Вся ширина этого здания составляет всего 27 футов, а другая маленькая церковь, посвященная тому же святому, немного ниже памятника Тразиллу, еще меньше, неф всего 7 футов в ширину, но он очень хорошо построен. Эти греческие церкви, как и древние храмы, должно быть, предназначались для священников, а не для народа.

ПИСЬМО XLIX.

ОКРЕСТНОСТИ АФИН.

Афины, апрель 1818 года.

Одним из первых объектов в окрестностях Афин является Пирей, и мы все еще можем обнаружить следы древней дороги и колеи, оставленные колесами в твердой скале; и некоторые остатки длинных стен. Монастырь и таможня теперь образуют целый город, и все же порт - очень хорошая гавань. По словам капитана М., он способен вместить пятнадцать или двадцать больших кораблей, размером с английский фрегат, и большое количество кораблей поменьше; и в дополнение к этому, дорога снаружи так хорошо защищена островом Саламин, а место для стоянки так хорошо, что его можно рассматривать почти как гавань.

Мы прошли вдоль берега мимо руин дорического храма. Скалы, как и в окрестностях Афин, обтесаны для строительства зданий, и, кроме того, здесь есть значительные карьеры. Сиракузяне заперли своих афинских пленников в своих каменоломнях; а афиняне поместили сюда пленников, захваченных в Сиракузах; но камень Пирея не такой прочный, как в Сиракузах, и холмы здесь менее протяженные; следовательно, пленники смогли проложить себе путь наружу. Это скорее рыхлый известняк, содержащий ракушки. Мы перешли из порта в то, что называется Гробницей Фемистокла, но на пути нашей веры возникло много трудностей. Ровная

поверхность, ныне часто покрытая морем, была вырублена в скалах, и на ней возвышалась высокая ионическая колонна; она была разрушена, но сохранились куски древка и даже фрагмент капителя, по которому мы можем определить порядок расположения; а недалеко от места, на котором она стояла, в скале вырублено несколько продолговатых гробниц. В них, как и во многих гробницах в окрестностях Афин, есть что-то вроде двойной могилы; глубокая канавка, отделяющая непосредственное вместилище тела от остальной части скалы, и, по-видимому, для этого вместилища была крышка, помимо той, что побольше, для гробницы или могилы. С этого места мы можем проследить линию городской стены по непрерывному нагромождению камней вдоль всего извилистого побережья вплоть до Мунихии. Этот порт представляет собой несколько эллиптическую впадину с узким и неглубоким входом. В окрестностях есть остатки театра и храма; а на холме выше находятся более значительные следы другого театра; помимо бесчисленных гробниц, некоторые из которых очень любопытны. Нам говорили о трех храмах, но мы заметили только фундаменты двух и пропустили также остатки цитадели Пирей и несколько циклопических стен. Порт Фалерус был достроен искусственным способом, придав ему почти круглую форму; части пирсов сохранились, но в целом он чрезвычайно мелкий. К востоку от Пирея и залива Фалерус находится небольшой мыс Колиас. Он состоит из мягкого и недавнего известняка; даже в большей степени, чем в вышеупомянутых карьерах, он содержит органические остатки.

Я должен рассказать вам о другой экскурсии, которую я совершил 7 марта в компании мистера Б. Наш маршрут проходил через оливковые рощи, и мы пересекли несколько каналов Цефиса, одинаково лишенных проточной воды. Самый дальний от Афин канал больше всего походил на естественный, так как его берега были окаймлены кустарником, но мы не нашли следов древнего моста, которые, как говорят, существуют в этой части. Покидая оливковую рощу, мы проходим мимо одной из маленьких часовен, которых так много в Афинах; это сооружения частных лиц, и я полагаю, что служба в них совершается раз в год, в праздник святого покровителя; и почти во всех из них сохранились какие-то фрагменты древности. От Афин до рощи продолжительный, но очень пологий спуск, сама роща находится почти на одном уровне, но, покинув ее, мы сразу же начинаем подниматься. Примерно в миле от него, по дороге в Дафну, открывается восхитительный вид на Афины вдалеке, возможно, лучше утром, когда отдельные части города в значительной степени скрыты в тени из-за находящегося за ними света, чем вечером, когда детали видны в лучах заходящего солнца. Конический холм справа, у входа в ущелье между холмами Эгиалос и Коридалус, предположительно является древним Пицилоном и был увенчан храмом Аполлона; но хотя повсюду имеются многочисленные следы фундаментов, нет ничего, что можно было бы отчетливо принять за остатки храма. Камни на дороге, пока мы не прибудем к подножию этого холма, состоят из слюдяного сланца; в этом месте мы находим уже упомянутую брекчию, которая, вероятно, относится к магнезиальному известняку, а верхняя часть как Пицилона, так и прилегающих гор сложена из известняка, который, как я предполагал в то время, покоится на брекчии.

Дафна - это монастырь, расположенный в вышеупомянутом ущелье, где сосновый лес (*Pinus maritima*, или *Халепенсис*) простирается над Коридором и придает пейзажу очарование, которое особенно ощущается из-за обычной наготы афинских холмов. В Дафне есть несколько архитектурных фрагментов, много прямоугольных камней и несколько фундаментов стен, но ничего особенного.

Из монастыря мы поехали к Письменному камню, на дальнем конце того же ущелья, по дороге в Элевсин. Здесь, на отшлифованной поверхности камня, есть несколько углублений для *табличек ex voto* или, возможно, для маленьких статуэток или других подношений. Подношения исчезли, но с некоторым трудом мы можем проследить фрагменты надписей под ними. Многие из них покрыты тонким налетом твердого сталагмита, который, по-видимому, образовался в результате простого воздействия погоды на поверхность камня; поскольку, исходя из положения скал, вряд ли возможно, чтобы по ним проходил какой-либо поток воды. Прежде чем подойти к Письменному камню, мы можем заметить остатки древнего священного пути, местами опирающиеся на своего рода террасы, образованные просто из естественных фрагментов, найденных на месте, необработанных и не зацементированных; а в других местах видны следы колес на поверхности, столь же неровной, как на дороге к Пирею. Говорят, там также есть следы храма Венеры, но я ничего не смог разобрать. Отсюда мы поднялись на вершину Эгиала, откуда нам открылся великолепный вид на залив и остров Саламин, фризские равнины Элевсина, горы Керата и Киферон, а также далекий вид на заснеженные вершины Мореи. За этой грядой холмов мы находим соленое озеро. Пласты известняка, по-видимому, соответствующие пластам в ближайших окрестностях Афин, продолжают до самого подножия холма, но вполне вероятно, что соль отложилась в частичном образовании красного мергеля, который может находиться между ним и магнезиальным известняком. Плодородие знаменитой Элевсинской долины хорошо согласуется с такой идеей; красный мергель часто разлагается, образуя продуктивную почву, когда она может получать достаточное количество влаги. Вода в этом соленом бассейне или озере удерживается плотиной на высоте двух или трех футов над уровнем моря, и из нее вытекает обильное течение. Чуть поодаль есть еще один бассейн такого же типа, который также обеспечивает значительный запас соленой воды. Павсаний предполагает, что эти ручьи берут начало из моря на восточном берегу Аттики. Мы вернулись вдоль берега, где в известняковых скалах видны большие расщелины, заполненные желтоватым сталагмитом или алебастром.^[31] Здесь снова появляется брекчия, и, как я и предполагал в то время, она проходит под известняковой скалой. Нашему въезду в ущелье с этой стороны предшествовала небольшая, приятная, но неосвоенная долина, выходящая к берегу. Он обсажен оливковыми и рожковыми деревьями, а также колючим деревом, похожим на миндаль, которое сейчас в полном цвету.^[32] Коридалус здесь также покрыт *Pinus Halepensis*, но у Эгиалуса только кустарники.

26 марта я отправился на Хайметтус в компании сэра Ф. А., который посетил Афины с группой из Корфу, среди которых был доктор Скей. Дорога ведет почти на восток, к монастырю Святого Кириана, или, как я понял, Свято-Сергианскому. Он расположен выше по долине Илисса, а затем следует за ущельем, соединяющимся с ним или, возможно, составляющим его часть, поскольку среди ущелий, спускающихся с этой горы, я затрудняюсь решить, за каким изруслов следует сохранить это название. По пути мы заметили красивое украшение над входом в *метохи*, или фермерское хозяйство. Монастырь расположен в маленькой тенистой лощине у подножия горы, и рядом с ним находится довольно обильный источник с хорошей водой, которая, однако, вскоре исчезает, будучи либо отведенной, либо испаренной среди оливковых рощ, либо затерянной среди скал. Есть несколько плохо обработанных колонн и несколько плохих капителей, изначально сделанных не для них. Есть также другой, но меньший по размеру и менее совершенный фрагмент орнамента, который мы видели над воротами *метохи*, и голова барана у фонтана. Без сомнения, это восхитительное место было присвоено в древности, но остается неясным, каким образом. Доктор С. и я поднялись на гору с этого места пешком. Весь

он, по-видимому, состоит из известняка, тесно связанного со слюдяным сланцем, хотя большая часть содержит мало слюды или вообще ее не содержит; и не имеет той же природы, что Музей или Пникс. Я представляю себе, что монастырь возвышается примерно на 400 футов над уровнем моря, а гора возвышается примерно на 1600 футов над монастырем. Со стороны стороны Афин она спускается по неровным склонам, но с противоположной стороны она очень изломанная и обрывистая. Мы увидели Парнас, снежную массу; Геликон с двумя или тремя белыми полосами у вершины; Киллену и далекий горный хребет от нее, покрытый глубокими снежными шапками, и Дельфы на Эвбе, где снег ложился ребрами почти наполовину; все остальные горы были чисты, и перед нами открывалась обширная и разнообразная панорама моря и суши, но день был неблагоприятный. Очень глубокое ущелье, уходящее на запад, побудило доктора С. и меня осмотреть его. Некоторые камни были из очень белого и чистого мрамора, но не было никаких следов его добычи. Другие были сделаны из брекчии, лежавшей на крутом склоне горы и резко обрывавшейся, так что на первый взгляд казалось, что она проходит под мрамором. Овраг имеет две или три мили в длину, покрыт кустарником, а в верхней части растут деревья *Pinus Halepensis*, но мы спускались, не видя и не слыша никаких признаков какого-либо животного крупнее насекомого, да и их очень мало. Погода во время первой части нашего пребывания в Афинах была в целом очень хорошей, днем температура поднималась почти до 60° в тени. Иногда дул холодный ветер, но дождя почти не было. Сильный ветер, когда он возникает, доставляет мне особые неудобства, так как у меня нет достаточных средств, чтобы закрепить ставни на окнах моей комнаты. Ночью 20 января выпало много снега, и на следующее утро все было покрыто снегом. Примерно в середине февраля мы часто видели тяжелые тучи, а на горы падал дождь или снег. Столбик термометра никогда не опускался ниже 30°, и хорошо, что он редко приближается даже к точке замерзания, потому что в таких случаях последствия очень неприятны; ни молока, ни яиц, ни белья стирать нельзя; фактически ничего не поступает, и все магазины закрыты; в то время как дома комнаты, продуваемые ветрами во всех направлениях, представляли собой очень плохую защиту от резкого северо-пасхального ветра, который сделал вторую половину февраля и начало марта очень похожими на март месяц в Англии. 20-го числа у нас даже выпал небольшой снег.

Вскоре после моего приезда я узнал, что мистер Б. нанял учителя греческого языка, который, по его словам, вызывал у него лихорадку всякий раз, когда приходил. Поэтому я попросил нашего консула порекомендовать другого человека, который, как я обнаружил во время его первого визита, едва ли мог сказать хоть слово по-итальянски; что еще хуже, он совсем не разбирался в искусстве преподавания и не был готов понять, что от него требуется. Ни у учителя мистера Б., ни у меня нет четких представлений о грамматике, и, возможно, о новогреческом или ромейском едва ли можно сказать, что у них есть грамматика или даже что это письменный язык; ибо книги, изданные Кораем и другими в Германии и Италии, написаны смесью древнего и современного, которую каждый автор составляет для себя сам и которую грек наших выродившихся дней может понимать очень несовершенно, если он не знаком с древнеэллинским. После двенадцати уроков, на которых я добился очень небольшого прогресса, я уволил своего учителя, и С. теперь пробует с ним свои силы. У него, по крайней мере, есть то достоинство, что он очень добродушен и так охотно учит, что никогда не покидает нас, пока его не выставят из комнаты. Ничто не может так сильно отличаться по звучанию, как древнегреческий, на котором говорил один из их потомков, и язык, который мы называем греческим; и это объясняется двумя обстоятельствами: вниманием, которое современные люди уделяют акценту, а не количеству; и произношением гласных. Англичанин, я полагаю, полностью игнорирует все признаки акцента

и делает главное ударение на предпоследнем, если оно длинное; и на предпоследнем, если предпоследняя короткая; таким образом, перенося на один язык деспотическое правило, признанное в другом, и с каким бы авторитетом оно ни было, решительно направленное против него. Говорят, что знаки ударения были изобретены поздно, но они, несомненно, предназначались для обозначения чего-то в интонации языка. Если они древние, то, возможно, утратили свое значение в ранний период и сохранились по привычке; но если они были дополнениями, то имели отношение к существовавшему тогда произношению, и, вероятно, к тому, которое существовало давно, поскольку все мы знаем, с каким трудом нововведения допускаются в устоявшийся язык. Согласно тому же правилу, *spiritus* должен был иметь какое-то значение, но современные греки полностью пренебрегают им. Они читают с акцентом, и я думаю, что в целом без какого-либо отношения к количеству; но когда предметом является поэзия, количество становится ощутимым, и ухо легко различает некоторую степень ритма.

Нынешние греки произносят *йоту*, *эта*, *ипсилони* два дифтонга *ει* и *οι*, все совершенно одинаково, и при краткости напоминают наше короткое *і*, при долготе - наше двойное *ее*. Английское произношение может быть неправильным, но греческое не может быть правильным. Очень маловероятно, чтобы древние добавляли буквы к алфавиту для выражения звуков, для обозначения которых у них уже были символы. И если только не было утрачено что-то важное, мы должны, по крайней мере, лишиться их всех похвал за изобретательность в составлении их алфавита. То, что я упомянул выше, является наиболее поразительными особенностями современного произношения, но есть и другие, имеющие большое значение. Между *эпсилоном* и *ай* дифтонгом нет никакой разницы; между *омикроном* и *омегой* в обычном разговоре их нет. *Бета* произносится как наша *v*; *дельта*, как *th* в *thy*; *гамма* перед *α*, *chi*, as our hard *g* bears to *k*. Перед другими гласными и дифтонгами *гамма* стоит у согласная с гортанным префиксом. *Каппа* похожа на нашу *k* перед *α*, *υ* consonant in addition, and this at Athens, and I believe in most places, is very frequently corrupted into our soft *ch*,. Поскольку все языки, которые унаследовали свой способ письма от греков, дают по два звука каждой из этих двух букв (поскольку *α*, а не *κ*, является законной дочерью *каппы*), весьма вероятно, что какое-то такое различие существовало в оригинале. *Послелог* после гласной стоит *υ* или *φ*. Я думаю, что на эти особенности следует обратить внимание при переводе новогреческих или ромейских слов на наш собственный язык.^[33] Некоторые имена натурализованы, и я бы не пытался их изменять; но при записи нескольких мест, которые будут вам менее известны, я следовал обычной системе; *β* - это *v*; *δ* - *й*; *γ* и *κ* я оставляю как *g* и *k*; *χ*, я рискнул выразить через *kh*, что позволяет избежать двусмысленности нашей *главы*. В гласных и дифтонгах *α* - это *a*; *αι* - это *æ*: возврат к старому способу, который сносно соответствует нашему произношению, *ε* - это *e*; *ει* - это *ei*; *η* - это *ee*; который иногда бывает коротким у нас, как в *been*, так и у современных греков; *ι*; *ο* and *ω* are both *u* *ω* - оба *ο*; *υ* is ,,,,,,,,,,,,,,,,,, или *v*, в зависимости от того, как оно на самом деле звучит, когда следует за гласной; *υ* в других случаях. Этот план, который вы видите, оставляет этимологию такой же ясной, как и в настоящее время, и если в нем не соблюдаются все тонкости произношения, которые было бы трудно передать английскому глазу, то эти тонкости не очень хорошо улажены среди самих греков. Я также добавил ударение, без которого наше представление об этом слове очень несовершенно.

Современные греки не претендуют на то, что их грамматика такая же, как у их предков. Во многих словах они образуют все наклонные падежи путем пропуска *ς* именительного падежа; как, *ὁ σωκράτης*, образуется в родительном и винительном падежах (у них нет дательного падежа) *τοῦ* и *τον* *σωκράτη*; в звательном падеже теоретически должно образовываться *ω*

σώκратες, и в этом случае положение ударения будет изменено. Я думал один день, нет ли у меня когда-нибудь наблюдали, чтобы это произошло, когда маленький грек, слуга дома стали называть второго сына моего хозяина; она началась с Θερίστοκλῃ, но так как он не отвечал он был изменен на Θερίστοκλῃ, а потом Θερίστοκλῃ. Мне кажется, что в вокативах есть естественная тенденция усиливать и удлинять последний слог, но у меня нет системы, объясняющей то, что она меняла ударение при втором произнесении, поскольку она, конечно же, никогда не меняла завершающую гласную. В местоимениях-то генитивами μοῦ, μᾶς, и σᾶς, используются для всех случаев, но мне сказали, что в Константинополе, с дательным падежом сохраняется: τοῦ λόγου μου, значит, *я сам*, τοῦ λόγου σου, себя, и т. д. Я не понимаю, на каком принципе основана эта идиома. В глаголах современные греки утратили инфинитив. Они сохранили предперфектное время в изъявительном наклонении, но образуют будущее с помощью соединения θέλω; однако, они, похоже, вполне способны сформировать новое будущее, сократив θέλω в θάи включив его в глагол.

Мы вели здесь очень размеренный образ жизни. Я встаю между часом и двумя по турецкому времени, которое начинается с заходом солнца и отсчитывается дважды по двенадцать часов. Мы завтракали в три. Сначала у нас был чай, но наши запасы истощились, и теперь мы пьем кофе; зимой мы использовали яйца вместо молока, но с наступлением весны молока стало много. Мы остаемся дома, изучая ромейский или новогреческий, или завершаем и упорядочиваем наблюдения предыдущего дня до семи или восьми, а затем выходим и рассматриваем какое-нибудь здание в деталях, насколько мы можем их разобрать, и около двенадцати возвращаемся к обеду. После этого С. выкуривает две или три трубки, а я раньше выкуривал одну, чтобы быть в моде, но теперь я отказался от этой попытки и делаю всего пару затяжек, когда наношу визиты. Эти трубки состоят из деревянных трубок длиной около 6 футов; лучшими считаются те, которые сделаны из побегов вишневого дерева. На одном конце у них есть фаянсовая чаша, одни из лучших и красивейших из которых изготавливаются в Фивах, а на другом - янтарный мундштук. Говорят, что вы можете использовать одно из них изо рта человека, больного чумой, без какой-либо опасности заражения, но я предпочел бы не проводить этот эксперимент. На землю ставится небольшой поддон для размещения чаши вашей трубки, так как трубка, конечно, слишком длинная, чтобы с ней можно было управляться рукой.

Время от времени этот курс прерывался посещениями, особенно во время карнавала, о котором я вам сейчас расскажу, а иногда и нашим вниманием к случайным объектам любопытства. Одна из них - выставка танцующих дервисов, которые используют башню ветров как место своих богослужений, но они не всегда танцуют. Мистер Шарп и я вошли как раз в тот момент, когда они начали свое пение, и прошли сквозь толпу в галерею, предназначенную для приема незнакомцев, причем они не обратили на нас ни малейшего внимания. В то время они были не все в сборе, и наибольшее число присутствующих одновременно составляло двадцать восемь человек, не считая молодого человека с ребенком на руках, который принимал лишь небольшое участие в церемонии и ушел до того, как она была наполовину закончена. Исполнители были всех возрастов, от шести до шестидесяти, а одному старику, я бы предположил, было гораздо больше. Вы знаете, что все жители Востока сидят, скрестив под собой ноги, и поскольку они прикрыты их длинными одеждами, они выглядят так, как будто у них их нет, но тело кажется стержнем, помещенным в гнездо. Исполнители поют и двигают своими телами взад и вперед, не сгибая их, что очень усиливает эту идею, и вы можете себе представить, какой нелепый эффект это производит. Они начали петь медленно и негромко, но по мере продвижения

становились все быстрее и громче, трое мальчиков все это время били в барабан ремнями из твердой кожи. Внезапно напев изменился, и был использован другой набор слов. Каждый напев состоит всего из двух или трех слов, но я еще не выучил, что это такое. После короткой паузы они начали третий напев. Каждая песня была более быстрой и оживленной, чем предыдущая, и некоторые молодые люди, казалось, были измотаны этим усилием; ибо независимо от того, что они повторяли слова так быстро и громко, как только могли, не позволяя себе переводить дыхание, они непрерывно двигали телом взад и вперед, при этом голова кивала в ту или иную сторону, как будто она свободно болталась на плечах. Некоторые очень напрягались, другие не прилагали никаких насильственных усилий. Первые начали задыхаться и время от времени издавать что-то вроде стоны, но внезапно все остановилось, скрестив руки на груди и опустив голову; после того, как они снова поднялись, один из них начал то, что, я полагаю, было гимном, но это пение совсем не по вкусу остальной Европе; оно было очень монотонным и исполнялось в нос. После этого у нас были еще чаунтинги, и в одном антракте частью церемонии было смотреть на ладони своих рук, а в другое время от времени прикрывать ими лицо. Наконец они все склонились, прикоснувшись губами к земле, а через короткое время встали и поцеловали друг друга. Младшие поцеловали руку старшего, который в ответ возложил ее им на головы, очевидно, давая им свое благословение. Затем они удалились, к большому моему разочарованию, так как я надеялся увидеть танец.

В другой раз мне повезло больше, и я стал свидетелем завершения церемонии. После вышеописанной части они сбросили свои верхние одежды и начали танцевать, двигаясь по кругу с приближающимися и отступающими шагами, как в обычном деревенском танце, но без прыжков; в центр круга вышел старик и выполнил те же движения, но с большей яростью, а за ним последовали несколько других, которые топали ногами и размахивали руками и головами в самой экстравагантной манере. Их головные уборы во время этого напряжения слетели, и длинные волосы, которые были спрятаны под ними, рассыпались по плечам, придавая им живописный вид. У многих была выбрита передняя часть головы, но у всех были длинные волосы, обычно почти черные. В какой-то момент двое вошли в круг вместе и, взяв друг друга за руки, закружились с большой скоростью. Это стало проблемой после того, как мы вышли, было ли это фанатизмом или самозванством. Те, что помоложе, казалось, присоединились к этому скорее ради забавы, чем из-за того или другого, и поскольку они начинают очень молодыми, они, вероятно, повторяют это, когда становятся старше, по привычке, без какой-либо мысли о религии в представлении, а просто с целью получить деньги; но для лидеров было бы трудно найти более мягкое название, чем самозванство. Их поддерживают, нисколько не уважая, и говорят, что они более распушенны, чем большинство турок.

Развлечения греческого карнавала длятся всего четыре дня; субботы и воскресенья длятся две недели подряд. Греки были очень довольны этим, потому что они сказали нам, что они могли бы в течение этих четырех дней носить маски и, что они ценили гораздо больше, одеваться как турки или франки, что кажется вершиной греческих амбиций; и мы ожидали вчера увидеть улицы, заполненные подобными представлениями. Однако мы бродили по городу и по базару, не встретив ничего подобного и почти никого не увидев. Самым примечательным событием было то, что два молодых дервиша упражняли свои легкие в храме Тесея. У них были очень хорошие голоса; жаль, что стиль пения был не лучше. За обедом наш молодой слуга, сын нашего домовладельца по имени Фемистокл, рассказал нам, что некоторых греков избили за ношение масок, а их турецкие хозяева сказали им, что если они склонны носить маски или одеваться как франки, они могут делать это дома. Это, казалось, ограничивало свободу карнавала в очень

узких пределах, и для тех, у кого нет другой свободы, кроме как выставлять себя дураками раз в год, даже это имеет значение. Вечером мы отправились на бал, который давал английский консул; приглашение было на два (то есть через два часа после захода солнца): мы прибыли туда около половины шестого; несколько человек уже были в сборе, но другие продолжали прибывать еще, я полагаю, часа два, мужчины сидели на корточках на диване в одном конце комнаты, а дамы - в другом. Платья были отлиты не только по образцу для обоих полов, но и различия были невелики, и я постараюсь дать вам общее представление об этом. Из нижней одежды мужчин не было видно ничего, кроме небольшого кусочка на запястье. У некоторых эта часть имела форму открытого рукава из белого узорчатого шелка; у других - узкого рукава из полосатого шелка: у одного или двух на шее виднелся тонкий белый край, но было ли это частью того же одеяния, я не могу сказать. Поверх этого надевается длинная мантия, обычно из полосатого шелка, достигающая до ступней, только часто под ней можно разглядеть только низ широких свободных панталон; у некоторых они завязаны вокруг лодыжки, но такие большие, что складки свисают на ступню; у других они короче и не завязаны; под ними пара чулок из желтой кожи, и туфли обычно того же цвета. Рукава этого халата очень большие и открытые; он завязывается на талии поясом или иногда шалью, а складки над этой вязью служат карманами. Иметь их очень полными считается признаком достоинства, но получаемый внешний вид далек от изящества. Поверх этого одеяния надет короткий плащ, отороченный мехом, с рукавами, спускающимися немного ниже локтей; а поверх этого другого плаща, также отороченного мехом, с рукавами немного длиннее и достигающими почти до лодыжек. Такое облачение, по-видимому, считается необходимым для создания респектабельного вида. На голове они носят *калупи*, или *калупаки*, или, как это чаще называют, *калпаки*, которые представляют собой высокую коническую шапку темно-коричневого цвета, очень большую и очень уродливую; но мне сказали, что они не идут ни в какое сравнение с калпаками, которые носили в Константинополе, высотой в ярд. Священники носят головной убор меньшего размера, называемый *камиласки*, и это, а также ношение бороды, кажутся единственными знаками отличия. Все носят под ними маленькие красные тюбетейки, называемые *fesí*, причина, по которой они это делают, заключается в том, что, поскольку им приходится брить всю переднюю часть головы, в противном случае им было бы очень холодно в церквях, когда сняли бы внешний покров. Это бритье головы - знак рабства, которого от них требуют турки. Разница в одежде турок и греков проявляется скорее в нескольких мелких деталях и степени богатства, пропорциональной положению владельца, чем в каком-либо одном предмете. На улицах простые люди носят на головах *феси* и *шерветту*, то есть цветной тюрбан, дважды оборачиваемый вокруг головы. Турки носят его белым, когда это называется *куфли*, или с большим количеством оборотов, и тогда это *ахмендие*, но в Афинах многие греки могут носить белый тюрбан, и некоторым разрешено три оборота, но если вы видите это на бедняке, то он турок. Турки побогаче носят *кабуки*, которые очень похожи на *калпаки*, но обычно рифленые и с белым тюрбаном внизу. Такое сочетание никогда не встречается у греков. Простые греки носят свободные бриджи, тесную куртку, стянутую вокруг талии поясом, со свободными рукавами; из-под свободных бриджей иногда выглядывает пара тесных панталон, достигающих до лодыжек. У турок это расшито, как и куртки и плащи. У тех из последних, кто может себе это позволить, есть золотое шитье и богато расшитый пояс с парой больших пистолетов; рукояти густо усыпаны золотом или серебром, а также большой нож, также украшенный драгоценными металлами. Некоторые греки имеют привилегию носить золотое шитье в небольшом количестве, но в целом это запрещено, и они стараются показать свое достоинство количеством одежды. Турки не

нагружают себя так сильно и поэтому гораздо лучше одеты. Красные тапочки носят исключительно турки.

Одежда дам состоит почти из тех же частей, что и у мужчин. Волосы обычно заплетены в несколько маленьких косичек, каждая из которых окружена жемчужной лентой, и между ними свисают бриллианты; иногда косичек меньше, а иногда их оставляют в естественном состоянии; в целом они кажутся окрашенными почти в один цвет, темно-коричневый, при дневном свете переходящий в фиолетовый. На макушке головы есть что-то вроде маленькой шапочки, сделанной из жемчуга и часто украшенной спереди бриллиантами; обычно она окаймлена одним, двумя или тремя рядами золотых монет. Белый носовой платок скрывает шею, а отверстие, которое он оставляет ниже горла, занято жемчужным ожерельем, образующим своего рода паутину, и оно также иногда окаймлено золотыми монетами. Нижнее белье виднеется только на запястье, иногда из белого расшитого шелка, свободно свисает; иногда ограничено чередой жемчужных браслетов. У платья свободные рукава; поверх него накидка, верхняя часть которой обычно из меха, нижняя - из кусочков атласа, или, скорее, я полагаю, из золотой паутины и шелка с различными узорами, впущенных в нее, что не является улучшением. Дамы, присутствовавшие на балу, в целом не были красавицами, но среди них были хорошенькие женщины, или, скорее, некоторые из тех, кто был хорошеньким, поскольку на таких мероприятиях не появляется ни одна незамужняя женщина. Что касается одежды турецких женщин, то я не могу рассказать вам ничего, кроме внешней стороны. Когда мы встречаем их на улицах, они закутаны в длинные плащи, поверх которых накинута белая шаль, закрывающая верхнюю часть тела и голову и проходящая близко к носу. Под этой белой шалью появляется черная вуаль, которая закрывает переднюю часть головы и верхнюю часть лица; выступ носа на стыке с белой шалью просто дает им отверстие, через которое можно подглядывать и дышать, но ничего не видно. Однако, несмотря на все эти предосторожности, при встрече со мной они обычно отворачиваются к стене. Нет ничего более уродливого, чем этот головной убор. Гречанкам запрещено носить его, но я не сомневаюсь, что если бы им разрешили, они бы надели его, ибо честолюбивые греки стремятся одеваться как турки. Мой хозяин-грек, которого я считал самым тихим, туповатым и кротким животным, которое когда-либо существовало, надел турецкое платье и вместе с ним, казалось, обрел свою уверенность и самонадеянность. Кто-то сказал ему, что ему идет это платье; и он ответил, что они должны восхищаться не его напускным характером, который мало заслуживает уважения, а тем, чем он действительно обладал, что было для него естественным и что заслуживало всего их восхищения. Утром он одолжил у меня сюртук, чтобы разыграть Откровенность, и я услышал, что он решил представиться консулом, "потому что он был любителем славы, и ему не нравилась ничтожная личность". С тех пор я узнал, что он поэт, и он дал мне несколько стихов, восхваляющих визиря или пашо Негропонта, которые, как он уверяет меня, совершенны, и что я признаю их превосходство, когда получше познакомлюсь с ромейским языком.

Вернуться на бал у консула. Компания продолжала прибывать, пока мы не оказались втроем в верхней части зала; первый ряд сидел на корточках позади дивана; затем ряд с краю, среди которых были несколько присутствовавших европейцев, а перед ними еще один ряд на полу, нижнюю часть зала занимали музыканты, слуги и смешанная толпа, состоящая, я полагаю, из любого, кто пожелает прийти. Чтобы немного очистить зал, консул заставил барабан отбивать ритм танцу во дворе, а затем танец начался внутри. Пространство, однако, оставленное для танцоров, было всего около 10 футов в ширину и 16 или 18 футов в длину. Сначала их было немного, и фигуры были правильными и грациозными, но по мере увеличения числа все

смешалось. Я извинился в первом танце, но все, что я мог сделать, это затащить меня во второй. Я не сильно волновался по этому поводу. Они, конечно, знали, что я совершенно не разбираюсь в движениях, а когда двадцать человек танцуют вместе, где им едва хватает места, чтобы стоять, невозможно хорошо разглядеть время, мелодию или фигуру. Потом они пригласили меня на вальс, от которого я сбежал, но я не преуспел так хорошо в английских деревенских танцах; однако половина гостей были так же невежественны в этом, как и я; в другой вечер было в десять раз хуже, потому что ничего не оставалось, как вести танец с дамой консула. Вы можете предположить, что человек, который никогда раньше в своей жизни не пытался танцевать, показал не очень выдающуюся фигуру, но я справился с этим так хорошо, как только мог. Музыка была просто *гнусавой*, без малейшего разнообразия, создаваемая скрипкой и тамбурином. Сомневаюсь, что инструменты могли бы охватить октаву. Угощением был сначала кофе, затем маленькая ложечка сладостей, затем лимонад и, наконец, пунш.

Компания начала расходиться в первую ночь, когда я уходил, около двух часов. (По английскому времени.) На следующую ночь и на следующей неделе они продолжили в том же духе гораздо позже, но я не остался.

Руководителем пирушек в этих случаях был священник, брат консула, чье безумное приподнятое настроение приводило всех в движение; и это, по-видимому, вовсе не считалось неприличным для священнослужителя, только дамы заметили, что жаль, что он не может жениться. Константинопольский патриарх назначает того, кто будет ему хорошо платить, архиепископа Афинского. Архиепископ любого делает священником за деньги. Вся их обязанность состоит в совершении определенных церемоний в церкви и по различным поводам в домах отдельных людей. Они читают службу, которую мало кто из них понимает; от них не ожидается пастырского внимания к своей пастве, и люди не получают религиозного образования, ни общественного, ни частного. Вы можете подумать, что христианство не очень чисто среди неграмотных людей при таких обстоятельствах. Позвольте мне добавить, что в афинских школах нет преподавания арифметики и что старший сын нашего хозяина, мальчик лет тринадцати, только начинает осваивать алфавит. Знаменитый исполнитель на скрипке, он же поэт, присутствовал однажды вечером карнавала на балу у консула; мне указали на него как на современного Пиндара, и он, конечно, играл на скрипке гораздо лучше других; но музыка, как турецкая, так и греческая, чрезвычайно тяжелая и монотонная: он тоже пел, и голос у него был неплохой, но он пел в нос. Однажды вечером одна из гостей тоже пела, но в той же манере. Самые популярные греческие песни - это те, которые оплакивают утраченную славу нации и призывают своих соотечественников помнить о подвигах своих предков и подражать им. Это был Свифт, не так ли, который сказал, что если бы ему позволили писать баллады о нации, кто бы мог писать ее законы? В Греции он сделал бы это напрасно.^[34]

Сэр Ф. А. говорил со мной об учреждении ланкастерских школ на Корфу и других Ионических островах. Это было бы очень желательно, потому что эти острова образовали бы точку, из которой образование могло бы распространиться на соседний континент, и, вероятно, это значительно продвинуло бы его в Италии, где этому будут препятствовать суеверия и плохие правительства. Я бы не отчаивался вовремя заставить турок принять его, если бы он был введен без каких-либо попыток прозелитизма и, следовательно, уроки были адаптированы к их религии. Я настолько уверен в христианстве, что думаю, что там, где разум информирован, а страсти регулируются, это следует почти само собой; и этот косвенный способ, в котором нет ничего ничтожного или нечестного, потому что он открывает разум для восприятия истины и

предполагает, что люди станут христианами только в той мере, в какой христианство истинно, кажется мне гораздо предпочтительнее более прямого, который противопоставляет старые привычки и предрассудки. Однако я не имею в виду осуждать человека, который подвергает себя опасности и смерти, проповедуя свою религию. Горячий и щедрый энтузиазм иногда приводит к успеху, если пренебрегать общими правилами. Такой энтузиазм может быть справедлив сам по себе и может сопровождаться определенной осмотрительностью, соответствующей подобным чувствам; но общество должно в большей степени руководствоваться максимами человеческой мудрости, а это потребовало бы, чтобы что бы ни делалось для распространения образования среди турок, греков и римлян, было полностью отрешено от всех взглядов на прозелитизм, как настоящих, так и будущих. Не должно быть иезуитского притворства беспристрастности и последующего навязывания религиозных максим. Сообщать о средствах беспристрастного суждения - вот цель, единственно благоразумная, возможно, единственно допустимая цель; ибо возбуждение религиозных разногласий - это зло, с которым нельзя сталкиваться беспечно.

БУКВА L.

ЭКСКУРСИЯ По АТТИКЕ.

Афины, май 1817 года.

Капитан . Мюррей из Satellite ненадолго был в Афинах в феврале и вернулся 15 апреля, когда пригласил мистера Б., мистера Шарпа и меня сопровождать его в поездке по Аттике. Мы с большим удовольствием приняли приглашение и поднялись на борт судна 20-го числа. Капитан М. уступил свою собственную каюту своим гостям; мы были тесно размещены, но держались очень хорошо, и дела у нас шли капитально. 21-го числа мы приземлились в Эгине и подошли к храму, предположительно Юпитера Панэллениуса, на грубой почве из вулканических веществ, в большинстве мест заделанной известняковым цементом, содержащим ракушки. Холмы покрыты кустарниками различных видов кистуса и других цветущих кустарников, а в некоторых местах в изобилии произрастает обычная сосна. Храм находится на вершине холма, но с более высокими возвышенностями вокруг, примерно в двух милях от берега моря. Это периферийный храм, как и храм Тесея, но архитрав пронаоса не был перенесен через перистиль, как в том храме. Спереди шесть колонн, а по бокам двенадцать: межколонное пространство имеет более полутора диаметров, и вследствие этого колонны кажутся довольно разбросанными. Заглавные буквы показались мне слишком большими. На плане, опубликованном в "Ионических древностях", указаны двадцать три внешние колонны и пять меньших колонн внутреннего перистиля (это был гипотральный храм), но сейчас сохранилось только шестнадцать из этих колонн. Мы можем проследить все расположение, и там есть следы наклонной плоскости, которая поднималась к платформе; ибо ступени, или, скорее, постаменты, на которых стояли греческие храмы, часто были настолько высокими, что затрудняли подъем. Фрагменты фриза и некоторые фрагменты архитрава имеют на своих концах канавки для подков, пропускающие веревки, с помощью которых камни поднимались на свои места, а также оставляющие их свободными, когда камни были закреплены.

Отсюда открывается чрезвычайно прекрасный вид; какими бы красотами ни могли похвастаться другие страны, Греция не имеет себе равных в своих прибрежных пейзажах. Передний план изобилует скалами, кустарниками, а иногда и деревьями; за ними находится прекрасно возделанная равнина, за которой следует череда горных массивов, иногда прерываемых морем. В конце концов, я сомневаюсь, что англичанин, немедленно перенесшийся сюда из своей собственной страны, смог бы в полной мере насладиться этим пейзажем. Глаз привыкает к определенному стилю красоты, и когда мы замечаем недостаток в чем-то конкретном, к чему мы привыкли, даже если недостаток должен быть компенсирован равными или превосходящими качествами, все же первым чувством является разочарование. Место джентльмена, окруженное кронами деревьев, аккуратный коттедж и удобная ферма, разбросанная по окрестностям деревня, “с коническим шпилем, устремленным в небеса”; короче говоря, всего того, что составляет то, что можно назвать нравственной красотой английского пейзажа, не хватает в Греции. Вместо этого все наши ассоциации носят меланхолический характер, поскольку связаны с историей народа, когда-то столь славного, а теперь столь павшего! И это турки сделали это? Почему же тогда страна, столь обширная, столь густонаселенная, какой она когда-то была, столь богатая природными продуктами, пала ничтожной жертвой власти варваров? Зло уже было причинено; Греция, более не свободная, утратила под властью деспотического правительства все благородные чувства, а затем стала легкой добычей. Турецкое иго более тяжело, потому что оно навязано иностранцами, говорящими на другом языке и исповедующими другую религию; и угнетение, осуществляемое таким образом чужой нацией, усиливается из года в год; ибо власть неизбежно вторгается туда, где она не встречает эффективного сопротивления. И все же, если бы греческая империя просуществовала до наших дней, можно сомневаться, что состояние подданных было бы существенно лучше, чем сейчас. У нас есть прекрасные обширные равнины, покрытые кукурузой или виноградными лозами, обладающие собственной красотой и самым приятным образом контрастирующие с суровыми горами; оливковые рощи, темно-синее море и небо почти такого же глубокого цвета, но отражающее сильный ясный свет. Там также не хотят, чтобы облака влияли на ландшафт; но редко, и то лишь на короткий период, сохраняется серое покрытие, столь обычное в Англии. Замените все ваши унылые, пасмурные дни и туманы ясным солнечным светом, и вы сможете представить себе климат Греции, за исключением того, что редко или никогда вы не увидите в Англии яркого, но насыщенного цвета неба. Шарп и я были бы очень рады подольше побыть в этом храме, но наши спутники увели нас прочь, и мы поплыли ночью к Суниму, который был виден, когда мы встали утром. Ситуация, возможно, даже лучше, чем у Эгины, но я не могу дать вам представления о красоте этих сцен, так непохожих по характеру на все, что есть в вас. В нашем климате гора обычно является объектом мрачного великолепия. Скалы, горы и штормы во многом сочетаются в воображении, но здесь такая ассоциация полностью нарушена, и бесплодная гора и голая скала кажутся всего лишь объектами, на которые светит солнце. Вся природа выглядит веселой и счастливой, и наши меланхолические воспоминания почти рассеиваются великолепием открывающейся перспективы.

В Суниме одиннадцать колонн остаются на своих местах, а мрамор под действием морского воздуха сохраняет грубоватую белизну. Этот камень, по-видимому, принадлежит этому району; он белый, с некоторым конхоидальным изломом, менее красивый, чем пентелический, из-за меньшей прозрачности, но все же это красивый материал, и здание представляет собой благородный объект. Порядок, как вы знаете, дорический, и поскольку это один из примеров,

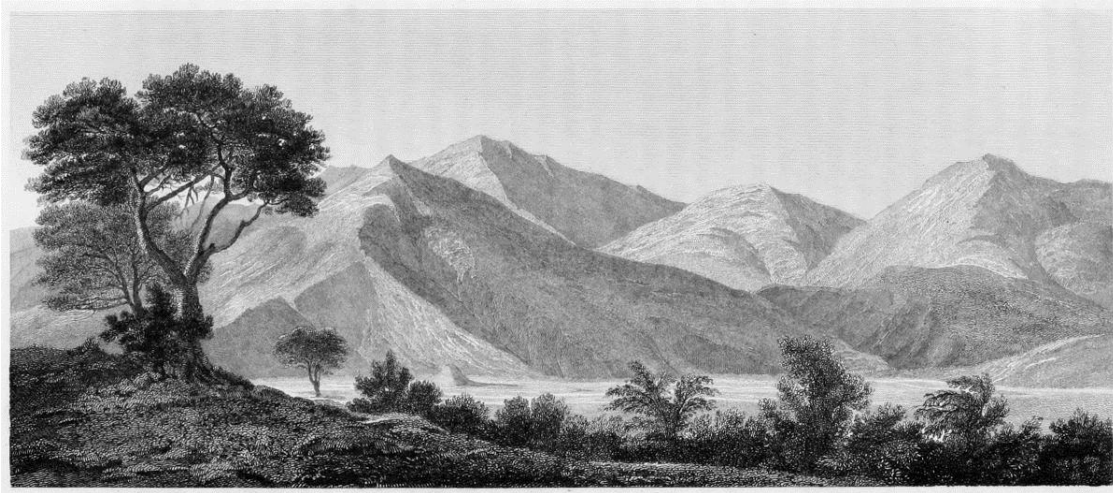
приведенных Витрувиусом в конце четвертой книги, это, возможно, объясняет его выражение о добавлении колонн “*декстра ач синистра ад юмерос пронай*”, но расположение здесь похоже на то, что было в храме Тесея, и не похоже ни на что из того, что мы знаем в Акрополе, на который также ссылается Витрувий. Мелкие детали слишком сильно подвержены коррозии под действием морского воздуха, чтобы из них можно было получить хорошие материалы для нанесения лепнины. Некоторые варвары из английских и французских племен намалевали на развалинах большими буквами названия соответствующих судов. Стены террас и другие фрагменты подчеркивают очевидную важность здания. Среди них - фундаменты Пропилея, но мы не смогли задержаться здесь достаточно долго, чтобы подробно ознакомиться с окрестностями. Холмы покрыты кустарниками (в Англии вы бы назвали их кустарниками), среди которых в большом количестве растет *Quercus coccifera*, но я не заметил ни одного из *Quercus Esculus*, или дуба валлония, который заметил здесь доктор Кларк.

Проведя несколько часов среди этих предметов, мы снова спустились на корабль и, обогнув крайнюю точку Аттики, прибыли вечером в Порто Мандрил, который защищен Макрониси, или Лонг-Айлендом. Древний Торик находился в этой бухте, и мы находим остатки храма, или, согласно обществу дилетантов, открытого портика с четырнадцатью колоннами с каждой стороны и по семь на каждом конце. Они также утверждают, что на самых длинных сторонах среднее межколонное пространство было больше остальных, что, осмелюсь сказать, верно, хотя при моем беглом осмотре места я не заметил этой особенности; и они представляют себе ряд колонн по центру. Мне нечего добавить к их рассказу, за исключением того, что здание так и не было полностью закончено и, похоже, было выполнено не очень хорошо. В Торики также есть древний театр, очень грубой работы и неправильной формы; и две квадратные башни, также очень простоватого исполнения. На противоположной стороне долины находится множество фундаментов, а чуть поодаль - огромные кучи шлака и окалины из руды древних серебряных рудников, еще не тронутые растительностью. Я ничего не смог узнать о самих рудниках и не видел никаких следов, которые привели бы меня к ним, но они, вероятно, находятся недалеко от берега, поскольку горы покрыты лесом, преимущество выплавки руды вблизи того места, где она была добыта, совершенно очевидно. Вся страна здесь, по-видимому, принадлежит к пласту слюдяного сланца, изобилующего мрамором (разве у этого состава не должно быть собственного названия?), а залегающие слои очень частичны и незначительны как по толщине, так и по протяженности. В Суниуме, напротив, и вдоль всего западного побережья порода относится к более поздним образованиям.

Мы простояли в Порто Мандриле все 23-е число, а 24-го отправились против ветра на Марафон. 25-го мы высадились на берег и после долгой прогулки по равнине вернулись завтракать в палатку, приготовленную для нас на берегу. Здесь мы попрощались с капитаном М. и его офицерами, чьему вниманию мы были столь многим обязаны, и отправились в маленькую деревушку под названием Вранон, где сняли большую комнату в монастыре.

Очень неприятно сомневаться в месте такой победы, как Марафон, и, к счастью, что касается равнины, то здесь нет места колебаниям, но присвоение конкретных объектов, вероятно, не заслуживает особого доверия. Недалеко от берега вдоль южной половины залива тянется поросшая тростником полоска суши с небольшими лужицами воды; за ней местность, по-видимому, ровная почти на милю, после чего она постепенно поднимается к холмам. Совсем на южной оконечности равнины есть болото, образованное небольшим ручьем. На остальной части побережья вдоль берега тянется песчаная полоса, южная часть которой частично

покрыта кустарником, но по мере продвижения вдоль нее на северо-восток мы встречаем *лесприморской сосны*, в котором также растет несколько деревьев *Pinus Pinea*, вперемешку: за этой песчаной полосой находится мертвая равнина, которая, казалось, была недавно покрыта водой; и на конце ее, направляя наши шаги на север, и сразу под холмами, находятся два небольших озера, а недалеко от них заводь, питается из источника с водой, красивой на вид, но, как нас заверили, плохого качества.

А.Б. Клейтон дель. по эскизам Дж. Вудса.

Эдвардс. Скульптор.

Марафонская равнина.

Лондон. Опубликовано J & A Arch. Корнхилл, 1^{марта} 1828 года.

Враунон расположен на краю равнины, на корнях Пентеликуса. Деревня Марафон находится на небольшом расстоянии вверх по долине, которая выходит на равнину. Недалеко от Враунона нам показали два кургана, которые, как предполагалось, содержат кости афинян и платейцев, павших в сражении, но они настолько почти стерты с лица земли, что я прошел бы мимо них незамеченным, если бы мне не указали на них особо. На некотором расстоянии к югу находится гораздо более крупный и очень заметный курган, принадлежавший персам, но Павсаний, похоже, не знал о его существовании. Во время нашей экскурсии на следующий день мы подумали, что сможем различить следы других курганов, значительно дальше к востоку, а также некоторые фундаменты зданий, которые, возможно, заслуживают исследования.

За Врауноном есть глубокое ущелье, обнажающее пласты белого пентелийского мрамора и мрамора с прожилками портика в Афинах. *Стиракс лекарственный* дополнял красоту пейзажа своим обилием цветов. 26-го мы отправились в Рамн, который теперь называется Гебреокастро. Первая часть пути лежит через Марафонскую равнину и по краю болота, большая часть которого сейчас высохла, но на нем видны следы того, что его время от времени разливали. Затем мы прошли мимо остатков древнего храма и начали подниматься на холмы по земле, покрытой кистусом (*Cistus Monspeliensis*); а затем по прекрасному лесному пейзажу, затененному дубом Валлония (*Quercus Esculus*).^[35]

Расположение храмов в Рамне снова вызвало наше самое горячее восхищение, и в сценах такой непревзойденной красоты обычно склоняются к тому, что последнее лучше всего. Ближайшие окрестности дикие и безлюдные, изрезанные скалами и покрытые кустарником; и прекрасно различающиеся очертания острова Эвбея с его возделыванием, оливковыми рощами, лесами, скалистыми холмами и заснеженными горами расстилались перед нами за морем глубочайшей синевы и освещались небом, которое, хотя и было ярким, демонстрировало пропорциональную интенсивность цвета. Там было два храма, почти соприкасающихся друг с другом, но не параллельных, и от обоих сохранилось очень мало: один очень древний, из циклопической каменной кладки; предполагается, что он был облицован деревом, и были найдены некоторые гвозди для этой облицовки; другой относится к прекрасному периоду греческого искусства, построен, как нам сообщает Павсаний, Алкаменом, учеником Фидия; но за описанием я отсылаю вас к работе Общества дилетантов.^[36] Фрагменты очень тонкой скульптуры лежат повсюду в большом изобилии, и я не мог не сожалеть, что миссионеры этого общества не занялись их сбором и упорядочиванием, вместо того, чтобы, как их обвиняют, сломать некоторые из них, которые были более совершенными. Город Рамн находился примерно в миле от этих храмов, на изолированном холме недалеко от берега; сохранились значительные остатки стен, а внутри ограды - мраморное кресло и некоторые другие фрагменты.

Мы вернулись той же дорогой, по которой пришли во Враунон, и переночевали в том же монастыре, намереваясь 27-го посетить каменоломни Пентелика, но меня уже некоторое время беспокоило недомогание, и сведение колена во время этой экскурсии было чрезвычайно болезненным. Оно было сильно воспалено от напряжения, вызванного походом на Рамн, и мое мужество покинуло меня при мысли о еще более болезненном усилии. Поэтому я поехал кратчайшей дорогой в Афины с капитаном Т., который очень любезно сопровождал меня, в то время как господа Б. и С. объехали деревню Марафон. Наш маршрут пролегал через несколько нижних ответвлений Пентеликуса, по крутой и неровной дороге, среди кустов *Arbutus Unedo* и *A. Andrachne*, иногда с сосновыми рощами или рощами дуба Валлония. Мы проехали через деревню Кефизия, недалеко от истоков Кефисса, расположенную на возвышенности, но хорошо орошаемую маленькими ручейками, собранными в Пентелике, и окруженную оливковыми рощами, виноградниками и садами, полными миндальных, айвовых и фиговых деревьев. Мы были задержаны у ворот Афин из-за участвовавших сообщений о чуме в Негропонте и Фивах и не могли получить пропуск без вмешательства нашего консула.

Чума - любопытная болезнь, и правила, принятые в разных местах для ее предотвращения, еще более любопытны. В Негропонте (искаженное название Эврипо, которое является настоящим современным названием), примерно в шестидесяти милях от Афин, он существует более двенадцати месяцев, и поскольку это резиденция пашау, юрисдикция которого распространяется на Афины, связь с ним прямая и очень частая. Сначала в Афинах был вайвод, который был готов принять некоторые меры предосторожности: Я не знаю, в чем они заключались, но, должно быть, они были очень незначительными. Когда пришел нынешний вайвод, греки обратились к нему с просьбой санкционировать аналогичные меры; он ответил, что, если они осмелятся выставить стражу у ворот, он прикажет его застрелить; и что если кто-либо закроет свою лавку из-за сообщений о чуме, он должен быть немедленно казнен. В течение этой весны беспорядки распространились на несколько деревень близ Фив, и европейские консулы в Афинах обратились с заявлением к пашау Негропонта, который разрешил им выставить охрану у каждого входа в город. Это было сделано соответствующим

образом: двое из ворот, которыми меньше пользовались, были заколочены гвоздями, а перед ними насыпана земля с двойной целью: держать их закрытыми и не дать какому-нибудь невезучему существу проползти под ними; но в одном месте большая дыра в городских стенах, через которую мог пройти невысокий человек, была оставлена незамеченной; и перед ними было несколько земляных насыпей, по которым человек мог пройти без особого труда. При таком положении вещей французский джентльмен из Салоник прибыл в Афины, переночевав по дороге в Фивах. Его остановили у ворот и послали за французским консулом, чтобы тот пропустил его; но через короткое время, устав ждать, он пришпорил свою лошадь и галопом поскакал в город, несмотря на сопротивление стражи. В тот же день я обедал в его компании, и он заверил нас, что чума, несомненно, в Фивах. Затем дыру в стене заделали, насыпи земли срыли, а на границе установили охрану, членом которой был наш домовладелец. Через два дня посыльный из Негропонта пригрозил застрелить охранника и вошел, несмотря на это. Между тем сообщений становилось все больше; говорили, что чума добралась до Мегары и Элевсина, и было показано письмо из Фив, переданное вайводом, в котором говорилось, что в течение месяца от нее умерло восемьдесят человек. Афины в основном снабжаются зерном из этого района, и впоследствии нам сказали, что вайвод, имея на руках значительное количество зерна, поощрял эти сообщения, чтобы повысить свою цену, и даже подделал письмо, заменив восемь на восемьдесят. Вскоре после этого я покинул Афины с справкой о состоянии здоровья, которая обеспечила мне допуск в Эгину; но когда я был в Коринфе, я услышал о многих людях, и среди прочих, о генеральном консуле Франции, которые были остановлены в порту Кенхрея и им не разрешили прибыть в Коринф, хотя у них были чистые справки о состоянии здоровья из Афин. У нас были очень подробные отчеты о чуме из самих Афин, и старый врач был чрезвычайно зол на меня за то, что я усомнился в них, но прежде чем я покинул Коринф, он предъявил нам документы, которые доказывали, что предыдущие утверждения были ложными.

Чума отклонила мое повествование от обычного русла, но теперь я возвращаюсь к порядку событий. Разница в способах исчисления Пасхи между греческой и римской церквями привела к тому, что в этом году она наступила очень рано в Италии и очень поздно здесь, фактически не раньше 28 апреля. В этот день греки и албанцы, одетые в свои лучшие одежды, собираются с музыкой и танцами в храме Тесея. Здешние греки обычно одеваются в темные тона, но албанцы предпочитают яркие оттенки, а нижние юбки мужчин всегда белые, но с цветной каймой. Сцена была веселой и великолепной, и тем более интересной, что она, вероятно, передавала картину древних времен и, возможно, является потомком какого-нибудь языческого праздника; однако в полдень все закончилось, и гости разошлись по домам.

Расставаясь с нами в Марафоне, капитан М. очень любезно пригласил Шарпа и меня встретиться с ним в Гидре, когда он отвезет нас на Мальту.

Различные обстоятельства побудили мистера Шарпа воспользоваться этой возможностью, и он покинул меня 3 мая. На следующий день мистер Б. отправился в Арголиду, куда я пообещал последовать за ним, как только опухоль на моем колене позволит мне передвигаться. В мои планы всегда входило посетить, по крайней мере, Элевсин, Мегару, Фивы и другие места в пределах короткого путешествия от Афин; если не совершить более длительное путешествие по греческому континенту, как только немного наступит весна; но растущие сообщения о чуме заставили меня изменить свое решение. Не то чтобы я чувствовал себя в большой личной опасности, но постоянные меры предосторожности и необходимость введения своего рода карантина в каждом городе сделали бы путешествие чрезвычайно неприятным.

БУКВА LI.

Из АФИН На МАЛЬТУ.

Лазаретто на Мальте, 6 июня 1818 года.

Я покинул Афины 9 мая с сожалением, поскольку меня так часто прерывали, что все, чего я желал и намеревался достичь, ни в коем случае не было выполнено. Лодочники, которые должны были отвезти меня в Эгину, как обычно в Греции, не были готовы к назначенному времени; попутный ветер стих, и мы прибыли в Эгину так поздно, что начальник порта уже лег спать. Никому не разрешалось высаживаться на берег, и, следовательно, нам пришлось оставаться в лодке всю ночь. Утром я сошел на берег и посетил остатки дорического храма недалеко от порта. Во времена Чандлера здесь были возведены две колонны и часть архитрава, но архитрав и одна капитель некоторое время назад исчезли. Декабрьские штормы прошлого года, которые так сильно досаждали нам при приезде в Грецию, повалили самую совершенную из оставшихся колонн, я измерил ее прекрасную капитель, которая, безусловно, является одним из лучших существующих образцов. Сохранилось несколько следов террасных стен, но поскольку местность расположена на пологом возвышении, полностью возделанном и недалеко от сравнительно процветающего города, обстоятельства неблагоприятны для ее сохранения. Значительная часть древних стен порта также сохранилась, но я не смог отчетливо разглядеть их расположение. Опоры образованы из внешних рядов довольно больших подрамников, попеременно заполняемых двумя и тремя подрамниками, при этом внешний стык всегда остается перпендикулярным нижнему.

Недавно в окрестностях этого города было обнаружено несколько подземных помещений, но их снова засыпали, и я увидел только несколько надписей поздней даты, *то есть* им нет 2000 лет. Древний город Эгина находился на горе, примерно в двух милях отсюда, и только несколько лет назад жители начали спускаться в более удобное положение. Они купили у турок некоторые привилегии и значительно процветают благодаря этому частичному проблеску свободы, хотя у них нет уверенности в ее продолжении. Те, кто обычно уверен в осуществлении своих собственных прав, не могут составить никакого представления об эластичности человеческого разума, когда его немного освобождают от гнета. Город аккуратный и опрятный, и около пяти лет назад они начали строить церковь, которая на сегодняшний день является самой большой, которую я видел в Греции. Дома не претендуют на великолепие, но, кажется, в них есть все необходимое для греческого комфорта, и каждая вещь говорит о процветающем месте. После этой прогулки я вернулся, чтобы еще раз взглянуть на остатки храма, когда женщина подозвала меня к себе и показала булавку из слоновой кости, которая, по ее словам, была вынута из середины колонны, когда та была опрокинута; если так, то она, должно быть, использовалась в качестве центра при описании колонны. Я предложил ей за *эторубин*. Это маленькая золотая монета достоинством в сто десять *парас*, или около двух шиллингов, или двух с пенни. Мне следовало бы предложить больше, но я был почти уверен, что, если бы они были подлинными, я бы их не получил; ибо, совершенно не зная, что можно потребовать за предметы старины,

греческие крестьяне стараются получить как можно больше предложений, чтобы составить свое мнение, и никогда не отдают их первому предложившему.

Еще до полудня я сел на другое судно, чтобы отправиться в Подгавро, или Эпидавр, но из-за штиля наступил вечер, прежде чем мы прибыли туда; однако у меня было время дойти пешком до места, где находился древний город на небольшом холме, окруженном полуостровом, но он отмечен только остатками циклопической стены, которая его защищала. Камни хорошо подогнаны друг к другу и иногда врезаны в соседние камни; в одной части видны две грани, а промежуток теперь засыпан грязью. Открытая земля была почти покрыта паутиной, образующей воронки, ведущие к отверстию в земле, вероятно, занятому животным. У подножия холма находится небольшой фрагмент кирпичной кладки, который, по-видимому, когда-то был баней, а также следы акведука. Кстати, в лесу есть лежащая статуя из пентелийского мрамора, прекрасного стиля, но, как вы можете предположить, сильно изуродованная; есть также несколько фрагментов драпировки меньшего достоинства.

На следующее утро я отправился на Иеро, главное место поклонения Эскулапу. Фундаменты храмов, бань и акведуков, театра, стадиона и различных других зданий свидетельствуют о его былом великолепии; но в таком диком и отдаленном месте кажется удивительным, что не осталось ничего, кроме фундаментов. Местность занимает часть возвышенной долины с разнообразной поверхностью и окружена горами, не высокими, смелыми и не поросшими лесом, но которые, по контрасту, должны были усиливать эффект от демонстрации архитектуры под ними.

Одним из первых объектов, привлечших мое внимание, был источник, пробивающийся сквозь песок и выбрасывающий при потревоживании небольшое молочное облачко, возможно, из части прокладки труб в почве; у него не было минерального вкуса или запаха. Можно предположить, что здесь должен был быть какой-то лечебный источник, чтобы придать репутацию этому месту и сделать его подходящим для поклонения богу медицины; но если таковой и существовал, то теперь он погребен под кучами мусора, поскольку, кроме этого источника, единственной водой, которую я смог найти, был небольшой ручеек, спускающийся с гор, в равной степени лишенный минеральных примесей, но теплый, с привкусом разложившихся растительных остатков, как будто на протяжении некоторого времени подвергался воздействию воздуха и солнца. Судя по сохранившимся остаткам акведуков, ведущих к этому ручью, он, по-видимому, снабжал водой купальни и цистерны. Затем я посетил большую баню, которая, по-видимому, изначально была каменной, но отремонтирована кирпичом. Арка используется в обеих частях. Акведук, питавший его, представляет собой небольшой квадратный трубопровод с полукруглым каналом на нижнем камне, рассчитанный на очень небольшой ток воды: под этими руинами мы снова встретили свидетельства бань и акведуков. Павсаний упоминает театр как самый красивый в Греции, но в чем бы ни заключалось его превосходство, сейчас он исчез, и мы видим только ложбину на склоне горы, окруженную скамьями из красного и белого мрамора и наполовину заросшую кустарником. Можно заметить некоторые фундаменты авансцены, но это всего лишь признаки того, что здесь когда-то что-то стояло, и без раскопок невозможно было бы разглядеть даже план местности. Проходя среди обломков и по многочисленным старым фундаментам, мы подходим к Стадиону, который тоже представляет собой углубление, но другой формы; и сидений не осталось. На некотором расстоянии, и не очень далеко от моего первого входа в эту долину, находится обширная мраморная мостовая, которая, по-видимому, когда-то принадлежала большому

храму, но от стен и колонн не осталось и следа. Некоторые римские древности в нижней части закрыли мои наблюдения. По дороге в Ликурио есть несколько надписей и фрагментов лепнины. Среди фрагментов Иеро сохранился чрезвычайно красивый орнамент большого размера, а также множество кусочков плиток, многие из которых были расписаны ладами или листьями. В Агиа Марина, недалеко от Ликурио, также есть небольшой фрагмент циклопической каменной кладки, который можно было бы принять за пирамиду, если бы не неровности на южной стороне. Вероятно, это была гробница.

Я был очень болен в Иеро и даже предполагал, что меня, вероятно, положат в Ликурио, ближайшей деревне, где я пообедал и провел ночь. Однако на следующее утро я заставил себя продолжить свое путешествие в Нафплию, поскольку Ликурио, безусловно, не то место, в котором человек был бы прикован болезнью, если бы мог этого избежать. По пути я заметил несколько фортов циклопической кладки и посетил один из них, но не нашел ничего, кроме этих огромных, грубых стен из необработанных камней без цемента, поддерживающих землю за ними.

Я ожидал встретить мистера Б. в Нафплии, но он отправился в Аргос, и, отдохнув около часа в доме французского консула, я последовал за ним. По пути я посетил руины Тайринса. Стены сложены из грубейшей циклопической кладки, камни, по-видимому, были подобраны в соответствии с их предполагаемым расположением, и к ним не прикасались каким-либо инструментом, и это, вероятно, было достигнуто с помощью финикийского правила, упомянутого Геродотом. Полоску свинца согнули под углом, предназначенным для засыпки, а затем такую же полоску в обратном направлении нанесли на камни, собранные для использования. Однако в одном случае, на восточной стороне, мы находим камень с углубленной гранью и двумя отверстиями в ней, а также круглое углубление внизу. Помимо этих стен, мы можем наблюдать здесь что-то вроде галереи, перекрытой чередующимися рядами камней; но, в конце концов, большой интерес этого места заключается в том, что вы видите те самые стены, которыми восхищался Гомер 2500 лет назад. Фигуру Тайринса сравнивали с кораблем, но в этом сходстве больше воображения, чем правды.

Я был весьма рад узнать, что мистер Б. покинул Аргос, потому что чувствовал себя настолько измученным, что произнести всего дюжину слов было бы мучительным усилием. Мой слуга обеспечил мне очень удобные покои в доме одного грека, где я провел следующий день, отчасти для того, чтобы отдохнуть самому, а отчасти для того, чтобы вернуть свои часы, которые я снял в Нафплии и очень небрежно оставил у себя.

Аргос расположен у подножия высокого холма, на краю одной из прекраснейших равнин Греции. Длина этой равнины, должно быть, составляла почти пятнадцать миль, ширина - восемь или десять; и если это было всего лишь небольшое царство, то, надо признать, это было самое благородное поместье для Агамемнона. Он ограничен чередой разнообразных и живописных гор, поднимающихся друг за другом, и прекрасным Аргосским заливом. Ему действительно нужны оливковые рощи Афинской равнины, но их большая протяженность, большее плодородие и более изрезанные и разнообразные границы отдают ему решительное предпочтение в плане природной красоты. Древнейшие памятники Аргоса состоят лишь из нескольких фрагментов циклопических стен, камни которых искусственно подогнаны друг к другу. Со времен римской империи сохранилось несколько остатков храмов или бань, акведука и театра. Здесь также есть длинная подземная камера, вырубленная в скале, вместилище либо

зерна, либо воды; а на вершине холма бросаются в глаза руины венецианской крепости, частично построенной на древнем фундаменте. Сам Аргос представляет собой скопление глинобитных домиков; однако в целом они не выглядят ни убогими, ни грязными, а поскольку они окружены садами и фруктовыми деревьями, а также куполами и стройными минаретами турецких мечетей и высокими кипарисами, которые их окружают, Аргос в целом имеет очень приятный вид. Пока я рисовал, вокруг меня столпилось несколько албанских детей: некоторые девочки были очень красивы.

Пока я был здесь, влиятельный турок по распоряжению вайводе подал заявление о допуске в дом моего домовладельца: заявление о том, что его комнаты уже заняты милордом, освободило его от вторжения, к его большому удовлетворению. Его английский гость не доставлял ему особых хлопот и платил за пользование каждой вещью, которая у него была. Турок доставил бы ему много хлопот, использовал бы все самое лучшее и заплатил бы мало, а может быть, и вообще ничего. Греки Мореи очень сильно угнетены, но скорее турками, чем турецким правительством. Они платят седьмую часть валового продукта земли, живого и неживого, но сборщики налогов живут на халяву и, кроме того, требуют подарков, и турок любого положения считает себя вправе брать у них фрукты и птицу, когда ему заблагорассудится, по своим собственным ценам. На самом деле все это не соответствует закону, но поскольку правосудие не является ни чистым, ни беспристрастным, это опасный ресурс.

Я покинул Аргос 14-го числа и посетил руины Микен, где ворота, стены и круглые подземные помещения, называемые сокровищницами, являются, пожалуй, самыми интересными реликвиями, сохранившимися от ранней греческой античности. Руины занимают несколько возвышенностей у подножия гор напротив Аргоса. Я тщетно искал какие-нибудь любопытные фрагменты, которые, по словам сэра У. Гелла, находились рядом с маленькой часовней, и, ведомый им, спустился к мосту, который, по его мнению, был образован выступающими рядами камня, но я не смог увидеть никаких следов такой конструкции. Мне это показалось грубым пирсом из неотесанных камней, вероятно, поддерживающих балки, перекинутые через поток.

Сокровищница Атрея представляет собой круглое помещение диаметром около 56 футов, перекрытое последовательно уложенными рядами камней, которые имеют форму чего-то вроде изгиба. Верхняя часть была взломана, благодаря чему у нас достаточно света, чтобы осмотреть ее, но в настоящее время к древнему входу ведут по глубокой траншее, которая была недавно вырыта; как изначально был доступен этот дверной проем, я не очень хорошо знаю. Несмотря на свое положение и древность, он имеет что-то вроде правильного архитрава, а над ним есть треугольное отверстие, которое, возможно, было занято скульптурой; по крайней мере, сравнение с воротами цитадели привело бы нас к такому выводу. Мотивом оставления такого пространства, перекрытого, как и сама комната, за счет продвижения каждого блюда, было освобождение перемычки от избыточного веса; эта перемычка состоит из двух частей, самая внутренняя из которых имеет около 27 футов в длину, 19 футов в ширину и более 4 футов в толщину. Что могло послужить мотивом использования такой огромной плиты, понять нелегко, и труд по ее установке, должно быть, был огромным; вероятно, им не пришлось перевозить ее далеко; поскольку она, я полагаю, сделана из горной породы, известковой брекчии, возможно, магнезиального известняка; в ней прорезаны три отверстия, два из которых, возможно, предназначались для установки шарниров дверей.

Предполагается, что внутренняя часть комнаты была покрыта бронзовыми пластинами. Отверстия для бронзовых штифтов, которыми крепилось это покрытие, видны по всей поверхности, и некоторые обрубки самих штифтов могут быть обнаружены при тщательном осмотре, но я не видел ничего торчащего с лицевой стороны изделия, как их изобразил Кларк. Там есть внутренняя камера, которая показалась мне просто выемкой в скале. Додуэлл рассматривает его как искусственно сконструированную камеру, подобную другой, и не отягощенную плотной землей, которая заполнила большую часть их обеих. Ближе к цитадели есть еще одно сооружение того же характера, немного разрушенное наверху, но в остальном неприступное. Сама цитадель представляет собой большой круг циклопических стен, сложенных из камней, которые в какой-то степени были обработаны трудом человека. В некоторых частях стены они были очень точно подогнаны, в других - сколочены более свободно. Ворота отступают, и вы попадаете к ним по своего рода дорожке, образованной стенами и почти заросшей кустами *витекса Agnus Castus*. Он украшен двумя фигурами животных, которые занимают треугольное пространство над входом; они потеряли свои головы, возможно, в результате насилия, поскольку не кажутся сильно потрепанными непогодой; но я не буду задерживать вас на предмете, о котором так много написано теми, чьи занятия позволили им отдать должное этой интересной реликвии, возможно, самому древнему из существующих барельефов, поскольку фигуры на египетских храмах вряд ли могут быть включены в это название. Поворотные отверстия в перемычке, в которой работали двери, остаются очень идеальными, и здесь они расположены в виде квадратного фальца. Помимо этих предметов, здесь есть любопытные старые ворота и некоторые другие фрагменты; но погода была сырая, и я был очень нездоров, так что я не осмотрел это место и наполовину так, как оно того заслуживало.

Покинув Микены, я продолжил свое путешествие по приятной, но неосвоенной долине, над которой есть несколько углублений в скалах, которые, как говорят, были убежищами немейского льва. Наконец я покинул его и пересек гору, или, скорее, холм, слева, чтобы посетить развалины храма Юпитера в Немее. Они лежат в открытой долине около пяти миль в длину и полутора в ширину, (если судить на глаз) по большей части возделанной, но без жилья. Греческий или албанский крестьянин, поскольку последние, по-видимому, разбросаны повсюду, засекает свою землю и оставляет ее почти без присмотра до сбора урожая, когда он возводит хижину, в которой живет до тех пор, пока не соберет и не увезет продукты, а остальное время года проводит в городах или деревнях, где он может объединиться со своими соотечественниками для взаимной защиты. Таким образом, лучше урвать то, что даст природа, чем получить с большими затратами большее количество, подвергаясь вымогательству турок.

В Немее стоят три колонны, но большая часть всего их числа лежит в том виде, в каком они упали. Это было здание не очень высокой красоты; пропорции слишком тонкие, а капители слишком маленькие. Стены были построены из плит, поставленных на ребро, в два слоя толщиной, горизонтальные швы были нарушены, в то время как средний вертикальный шов продолжался на всем протяжении. Здесь есть несколько фрагментов других зданий и пустота от театра.

Различные фундаменты и другие фрагменты архитектуры встречаются на пути из Немей в Куртессу, где я спал. Я полагаю, что это останки Клеона, но мой слуга притворился, что узнал, что они находятся в Кленае, деревне, расположенной не на прямой дороге в Коринф. После двухчасовой поездки верхом на следующее утро в их предполагаемом направлении стало ясно,

что его ввели в заблуждение, и мы поехали ближайшим путем в Коринф, проезжая в данном случае за Акрополем. Я немедленно отправился на свое старое место жительства, в дом врача, который сказал мне, что в его доме проживают четыре английских джентльмена, но они ушли рисовать. Я пошел в темпл и нашел их там; трое из них были художниками, двоих из которых, мистера Истлейка и мистера Киннэйрда, я знал по Риму, а третий, мистер Барри, привез мне рекомендательное письмо из Англии. Это была очень приятная встреча для меня, и она побудила меня остаться в Коринфе с большим удовольствием, чем я мог бы сделать в противном случае. Им не терпелось поскорее прибыть в Афины, но полученные нами достоверные сообщения о чуме в этом городе заставили их принять решение остаться здесь на день или два в надежде получить более достоверные сведения. Вскоре я узнал, что пакетбот отплывет не раньше 25-го числа, что дало бы мне время посетить Триполицу и Фигалию, если бы я был достаточно здоров. Тем временем я посетил с одним из участников базилику, древний Сикион. Тамашний театр очень любопытен, потому что, учитывая местоположение и планировку греческого театра, он имеет арочные входы с каждой стороны. Если мы объединим историю этого места с появлением на этом месте, мы с уверенностью придем к выводу, что эта арка относится ко временам Августа, но я не могу рискнуть назвать более точную дату. Здесь также есть стадион, и естественная впадина в холме была недостаточно длинной, нижняя часть была вынесена за его пределы и поддержана циклопическими стенами.

Эти руины находятся на некотором расстоянии за пределами нынешней деревни, на вершине наклонной террасы из гравия или щебня, подобной той, которую я уже описывал вам в Востице. Несколько ближе и ниже находятся остатки нескольких больших кирпичных зданий, вероятно римской постройки, и фундаменты нескольких зданий, но, по-видимому, не настолько совершенные, чтобы мы могли определить их планы и назначение. Некоторые из них сложены из крупных камней, другие - из кирпича, и их разбросанные остатки простираются почти до места нынешней деревни. Местность в целом занимает возвышенную плоскость с небольшим уклоном, пересеченную глубокими и неровными оврагами и внезапно переходящую в более низкую равнину, которая является продолжением равнины Коринфа и простирается до залива, великолепный простор которого лежит под нами.

Вернувшись, мы застали врача в сильном возбуждении, так как ему сообщили, что в Кенкрею прибыли какие-то французские джентльмены, и он отправил к нему гонца. Этот человек так и не появился, но старый Андреа заявил, что ему не следует приближаться к нему и что если он вообще заговорит с ним, то только через окно. Через час этот человек был в доме, заверяя нас, что в Афинах нет чумы. Это побудило моих друзей продолжить свое путешествие, несмотря на протесты Андреа, который по-прежнему настаивал на том, что у него есть доказательства того, что так оно и было; и вечером я нанял место в лодке и отправился в Патры.

19 мая мы провели весь день на воде, приятно плывя под парусом с едва ощутимым бризом. Участки снега все еще отмечали несколько вершин Мореи, и было замечено одно пятно на первой, или каменистой, гряде. Геликон казался чистым, но я смотрел на южный склон этой горы и на северный из тех, что находятся в Мореа. На Парнасе сохранилось значительное количество, но не полное покрытие. Гора на северо-западе была полностью покрыта им, и он простирался далеко вниз по склонам. Я не могу определить, что это за гора, и у моих лодочников нет для нее названия, но, похоже, она находится там, где гора Коракс обозначена на некоторых картах. Я развлекался тем, что рассматривал различные облики необычной Медузы. Животное в своем наиболее совершенном состоянии представляет собой твердое,

прозрачное желе мешковидной формы с темно-оранжевым пятном в нижней части, но никогда не полностью на дне мешка; от этого места начинается полоса, в которой вещество гуще и тверже, чем в других местах, и которая заканчивается на каждом конце у горловины мешка. У более мелких экземпляров мы едва можем различить ряд мельчайших оранжевых точек вдоль этой полосы, но у более крупных они очень заметны; наконец более тонкие части, кажется, растворяются, и мы видим плавающие в воде нити, простирающиеся на несколько футов в длину и состоящие из маленьких желеобразных масс, свисающих друг с другом, как бусинки, каждая со своим оранжевым пятнышком. По мере того как они делятся, они снова начинают приобретать что-то вроде мешковидной формы, и процесс возобновляется. Его было так много, что у меня не составило труда раздобыть образцы на всех стадиях: лодочники называли его *тахандри*.

20-го, около полудня, я прибыл в Патры, где с помощью мистера Грина, брата нового консула, я получил очень хорошее жилье; сам консул отсутствовал, чтобы засвидетельствовать свое почтение пашо из Триполицы.

Отсюда гора к северо-западу от Парнаса переходит в очень изрезанный хребет, три точки которого, как я полагаю, находятся выше Парнаса. На горе сразу за Патрами есть участки снега, и еще больше на горе Войдиас, которую, возможно, можно рассматривать как часть того же самого. Еще один, расположенный южнее, который я принял за Олинус, представлял собой огромную шапку белого цвета. Предположим, что на этой широте 20 мая не будет снега на горе высотой менее 5000 футов, и что высота Парнаса составляет 8500 футов, а Гиметта - 2000, я должен оценить высоту этих греческих гор следующим образом:

	Ножки.
Самые высокие точки горного хребта к западу от Салоны	11 000
Оленус	10 000
Парнас	8500
Коническая гора близ Оленуса	8000
Гора, которую я принял за Киллену, если смотреть из Афин, и которая, я полагаю, является той, которую лодочники, если смотреть из Коринфского залива, называли <i>Маллево</i>	7,800
гора к юго-западу от Аргоса. <i>Sakoniâs</i>	7,000
Voidias	5,800
высокой точке конгломерат горы, примерно на полпути вдоль Коринфского залива	5,200

горы сразу за Vostizza	5,000
Геликон	4,200
Cithæron	3,700
Парнес	3,400
Analeeopsis, горы выше Nemæa	3,200
Pentelicus	2,800
Высокого замка-скалы в заливе Коринфа	2,800
Hymettus	2,000
Акро Коринфаса	1,600
Anchesmus	800

22-го, когда я рисовал в своей комнате, я почувствовал, как дом затрясся, как будто груженная телега врезалась в его угол. Поскольку в Мореа нет ни фургонов, ни тележек, я заключил, что это, должно быть, землетрясение, и вышел удостовериться в этом факте; группа женщин готовила овощи к обеду на галерее, от которых я получил нужную информацию; но это, казалось, не вызвало у них никаких сенсаций, и они продолжали свою работу, как будто это было обычным делом. Действительно, говорят, что землетрясения в этом районе случаются примерно раз в неделю.

По-моему, я уже упоминал о существующей здесь коринфской капители. Здесь также сохранились очень живописные остатки римского акведука, построенного из кирпича и заросшего плющом; однако часть его все еще используется, и вода по нему подводится почти к самой высокой части города. Там есть замок, но значительная часть стены была разрушена несколько лет назад взрывом, и турки не восстановили ее. Это, кажется, не имеет большого значения, поскольку гарнизон состоит всего из одного чернокожего, который спал в воротах, когда я проходил мимо. Им командуют несколько прилегающих холмов.

Здесь европейские консулы согласились ввести семидневный карантин для всех, кто прибывает из Румелии, *то есть* с Албании и северного берега Коринфского залива; а также для всех, кто прибывает из Коринфа по суше или по морю, без справок о состоянии здоровья; но поскольку в город есть двадцать путей по суше, а охрана только на одном, и поскольку любое судно может пристать в полумиле от обычной стоянки, а команда идет ночью через виноградники в город, не имея шансов на противодействие, план кажется разумным.

неосуществимо. Вдобавок к этому, Али-Пашо очень боится чумы и имеет как желание, так и власть принять меры предосторожности, в то время как Коринф сильно подвержен ей, и бей, хотя и поддерживаемый пашо из Мореи, обладает лишь небольшим авторитетом для каких-либо целей, противоречащих общим привычкам и суевериям турок. Из всего, что я смог узнать, выходило, что английский консул был единственным, кто был готов применять это правило в отношении своих соотечественников, и пока я был там, несколько несчастных английских путешественников были единственными пострадавшими.

Вечером 27-го я поднялся на борт пакетбота в компании трех английских джентльменов, с которыми познакомился в Афинах. В половине двенадцатого мы подняли паруса при сильном ветре *иприливе* в нашу пользу, но оба они очень скоро прекратились; однако на следующий день мы достигли Занте, но смогли сойти на берег только в Парлаторио, который представляет собой небольшой участок земли, окруженный двойным ограждением, где можно увидеть жителей и поговорить с ними, не находясь достаточно близко, чтобы дотронуться до них. Я побывал там один раз, чтобы посмотреть на это место, но не нашел ничего, что могло бы соблазнить меня во второй раз. 29-го поднялся сильный ветер, который усилился 30-го; вечером капитан попытался поднять якорь, но шторм был таким сильным, что судно начало дрейфовать, и нам пришлось перерезать канат и спасаться бегством. Шторм продолжался до полуночи, и весь следующий день у нас был штиль, а море сильно качалось. Первого июня мы достигли мыса Спартавенто на побережье Калабрии; второго мы увидели гору Этна, покрытую пятнами снега, но очень скрытую облаками. 3-го числа мы покинули гору Этна и вечером обогнули мыс Пассаро, длинную гряда низких холмов, образующих южную оконечность Сицилии (вы видите, как медленно мы продвигались), а 4-го прибыли на Мальту, где нам суждено совершить покаяние в лазаретто, но я оставляю это до следующего письма.

БУКВА LII.

Мальта.

Мальта, 8 июля 1818 года.

Город, который мы сейчас называем Мальтой, включает в себя четыре города: Валлетта, Флориан, Витториоза и Борго, но эти названия уступили место в обиходе названию острова. Основная часть расположена на мысе между двумя благородными гаванями, северная из которых предназначена для судов, находящихся на карантине, а на северном берегу находится Лазаретто. Мы занимали там две большие комнаты площадью около 27 футов и высотой около 20. У нас была сводчатая галерея для прогулок длиной около 120 футов и терраса почти такой же длины. Из окон открывается вид на гавань и ряд стен и батарей, возвышающихся одна над другой, образуя укрепления Мальты, или, скорее, Валлетты; а над ними виднеется кое-что из города. Справа разбросаны дома и участки земли, окруженные каменными стенами, среди которых очень мало зелени. Каждое утро приходила лодка с молоком, фруктами и овощами, и мы наладили связь с хозяином гостиницы в городе, чтобы договориться о наших обедах. Это стоило каждому из нас чуть больше двух долларов в сутки, что, конечно, не является

чрезмерным, поскольку в таких местах мы должны ожидать, что будем платить больше, чем там, где мы сами себе хозяева. *Стражник*, назначенный следить за соблюдением нами правил карантина, как говорят, обычно действует также как слуга и рассчитывает по окончании своего заключения, поскольку он заключен вместе с путешественниками, получить некоторую прибавку к своему обычному жалованью, но приставленный к нам был глупым старикашкой, который ничего не хотел делать. К счастью, у моих спутников был слуга-итальянец, который был готов сделать все, что угодно. Тем временем мы развлекались чтением, игрой в шахматы и т. Д. Мистер Калверт был так добр, что снабдил нас книгами. Забавно, когда кто-нибудь приходит к нам в гости (что сводится всего к нескольким минутам беседы у входа в здание), видеть, как они шарахаются от нас, если мы случайно приближаемся, чтобы не прикоснуться к ним неосторожно.

Карантин на Мальте для судов из Турции длится сорок дней; но королевские корабли и этот пакетбот отпускаются на тридцать дней, при условии, что они не перевозят опасных грузов; и, кроме того, время, которое они находятся в плавании, разрешено в рамках карантина. С., прибывший сюда с капитаном Дж. Мюррей, как я уже сказал, оставил мне записку, в которой сообщал, что чудом избежал карантина в Сан-Томмазо. Губернатор действительно, по-видимому, пользуется распределительными полномочиями, что показывает, что он не считает карантинные правила особо важными; действительно, во многих отношениях их следует считать неразумными, поскольку я не думаю, что на Мальте найдется человек настолько робкий, чтобы воздерживаться от общения с нами из-за страха перед чумой, хотя то, что они от нее пострадали, должно быть, все еще свежо в их памяти. Незадолго до того, как эта болезнь появилась на Мальте, корабль, груженный старым больничным тряпьем (любопытный груз), отправился с этого острова в Англию, имея на борту несколько нетрудоспособных офицеров; корабль плыл медленно, и до его прибытия в Лондон дошли вести о том, что на Мальте появилась чума; следовательно, ему было предписано карантин на восемьдесят дней, но было сделано заявление, что такое заключение, вероятно, окажется смертельным для некоторых офицеров, которые прибыли в Англию только из-за их здоровья, все они были немедленно освобождены от ограничений, но кораблю и команде еще предстояло выдержать назначенный срок.

Мы получили свободу 20 июня и поселились в комфортабельной гостинице, которую держал англичанин, он же портной. Нашим первым занятием было гулять по городу. Ла-Валетта, главный округ, очень красивый город, с прямыми улицами и большими, хорошо построенными каменными домами; по крайней мере, они кажутся хорошо построенными, но мне сказали, что способ строительства очень несовершенный. В большинстве домов есть каменные балконы над дверью или в какой-то части фасада, со смелыми выступами, хорошо поддерживающими фасад. Недостатка в материалах нет, потому что весь остров представляет собой скалу из мягкого, грубого известняка, я полагаю, очень поздней формации. Он хорошего цвета, легко наносится, но зависит от погоды и не рассчитан на красивое исполнение.

Занте выглядит важным местом после жалких скоплений лачуг, называемых городами в Турции, но разница между Мальтой и Занте больше, чем между Занте и Патрами. Улицы для юга Европы широкие; они часто поднимаются и спускаются с холмов, и, вероятно, именно благодаря этому обстоятельству они обычно очень чистые. Помимо уже упомянутых балконов в больших домах, в домах всех размеров есть наличники на окнах и дверях с некоторым дополнительным орнаментом на последних и хорошим карнизом. Балкон иногда встречается

только в центре, в других случаях он тянется по всему фасаду и нередко повторяется на втором этаже. Я не знаю в Англии ничего такого, что позволило бы вам судить об эффекте этих смелых и массивных, но декоративных выступов; наш вкус настолько ориентирован исключительно на противоположную и более экономичную сторону, что мы, кажется, забыли, что простота без рельефа - это просто безвкусица. Однако мы, таким образом, избегаем упрека в том, что потратили много денег на плохо придуманные украшения, который так часто выдвигается против итальянцев; но, несмотря на дурной вкус или, возможно, скорее, на дурную рассудительность, которая часто проявляется, мы все же должны признать, что везде, где мы можем найти немного места для различения предметов, интерьер итальянского города несравненно лучше английского. Бат больше похож на итальянский город, чем на какой-либо другой город Англии; и в большей ширине улиц и, возможно, в более правильном стиле украшения у него есть преимущество; большим недостатком является малочисленность как полезных, так и декоративных частей.

Церкви на Мальте красивы. Та, что посвящена святому Иоанну Крестителю, является главной, а также той, которая нравится мне больше всего. Крыша представляет собой непрерывный свод, и когда я впервые посетил ее, боковые арки были покрыты гобеленом насыщенных и красивых цветов, оставляя под ним только низкие квадратные отверстия для боковых проходов. Это не очень хорошо поддается описанию, но, безусловно, это было очень красиво; и мне показалось, что даже лучше, чем когда были обнажены арки и я увидел проемы во всю высоту. Пол выложен очень богатыми инкрустированными мраморными надгробиями рыцарей, и пространство почти заполнено: стены боковых часовен покрыты позолоченной резьбой. В одном из них находится прекрасное полотно святого Иоанна Крестителя, которое, вероятно, можно считать шедевром Маттиа Прете (Калабрезе), чьи работы очень часто встречаются в этом городе. Здесь также есть несколько хороших картин неаполитанского художника Караччуоли.

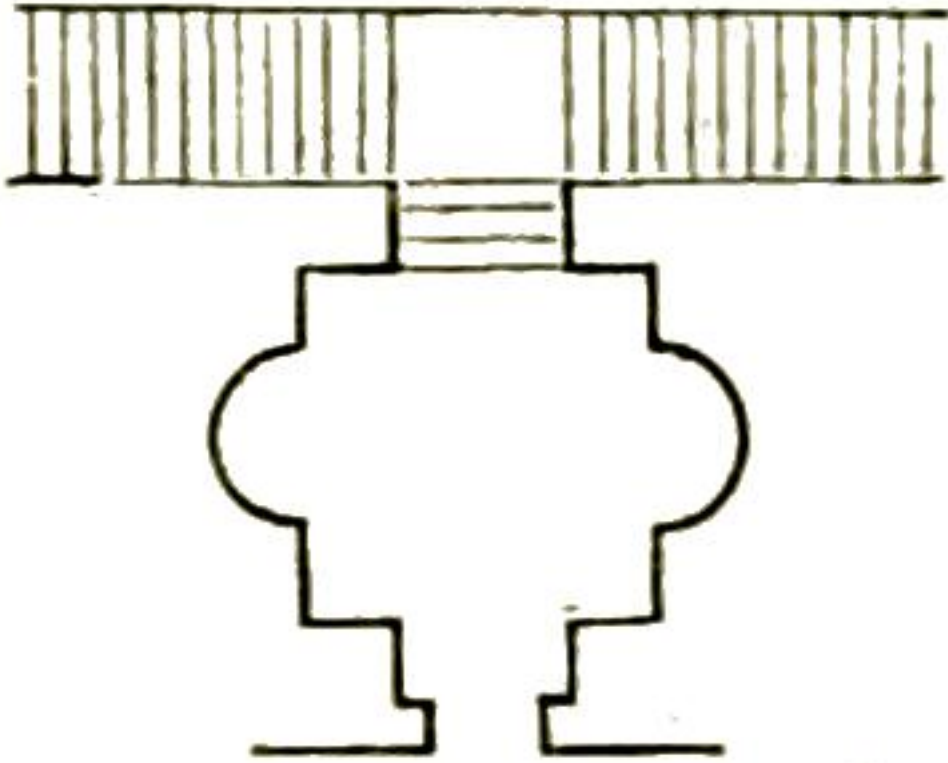
Церковь Сан-Агостино выполнена в форме греческого креста, и хотя рукояти у нее чересчур длинные и ей не хватает простоты, это светлое и элегантное помещение.

Новая церковь Сан-Доменико нравится мне еще и по-другому: размерами и открытостью боковых нефов. Там, где это сделано без видимой слабости, это, несомненно, понравится, и, вероятно, именно обстоятельство такого рода способствовало репутации двух совершенно разных зданий: собора в Амьене и церкви Святого Стефана в Уолбруке.

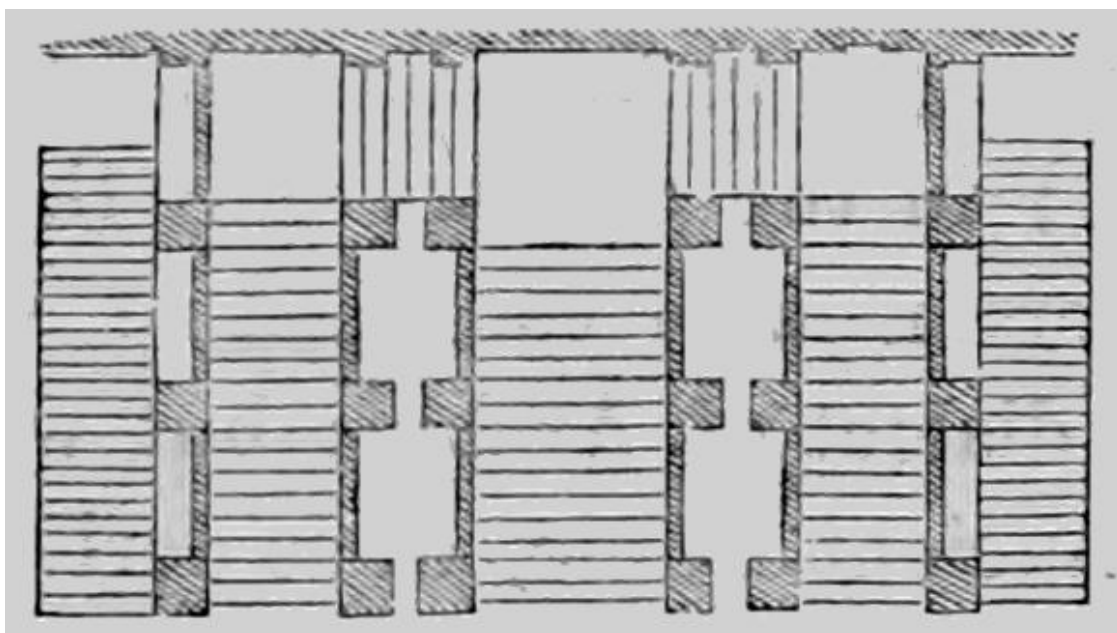
Губернаторский дворец - большое, но некрасивое здание; главный недостаток заключается в неправильном расположении окон; у него есть большие балконы под каждым углом главного фасада, и на каждом из них что-то вроде застекленной коробки, и это плохо сказывается. Такие ящики на балконах очень часто встречаются на Мальте. Они окрашены в серый или тускло-зеленый цвет и поднимаются не так высоко, как окна за ними. Возможно, иногда они были бы допустимы в качестве источника разнообразия, но очень вредны в здании, которое хоть как-то претендует на величие.

Фасад этого дворца образует одну сторону площади. Напротив него находится караульное помещение с красивым портиком греческого дорического стиля, довольно неуместным среди такого количества коринфской работы и обильного орнамента. Каждый орден сам по себе способен к значительному разнообразию выражений и характеров, и лучше воспользоваться этим, чем вводить другой, столь совершенно отличный. Балюстрада наверху служит для объединения этого портика с корпусом здания, но она образует негармоничный довесок к столь

строгую порядку. С другой стороны дворца есть еще одна площадь, одну сторону которой образует здание, в котором находится публичная библиотека, и это действительно очень красивое сооружение. Он представляет собой ряд из семи арок на первом плане и столько же окон наверху, с полуколоннами в простенках. Эти полуколонны установлены в нишах, что является не лучшим способом их размещения, но когда пропорции хороши, архитектор избегает с помощью этого средства появления слабости внизу или слишком большого веса вверху; зла всегда с трудом удается избежать, когда для поддержания ряда отдельных колонн используется ряд арок. Лестница этого здания очень красива, по крайней мере, нижняя ее часть, поднимающаяся из квадратного вестибюля с двумя полукруглыми нишами.

Самая великолепная лестница на Мальте находится в отеле Albergo of Castille. Благородный одиночный пролет образует нижнюю часть; он разделяется справа и слева на две ветви, вплоть до главного этажа. Подъем на второй этаж продолжается сбоку от нижней части, а не над ней; и там, где такое расположение практически осуществимо, получить красивую лестницу гораздо легче, чем там, где пролеты повторяются один над другим.

Вместо оштукатуривания стен мальтийские строители покрывают их побелкой, густой, как клейстер, и наносят ее поверх лепнины, а также на гладкую поверхность, что лишает красоту деталей.

Деревенские церкви на Мальте удивительно красивы, и одна из них, в частности, в Зейтуне, заслуживает тщательного изучения. Мы видим там, как и в некоторых местах Италии, ряд высоких открытых арок, возвышающихся над внешней стеной боковых проходов и скрывающих крышу. Суждение не совсем удовлетворено этим произведением великолепия, потому что возбуждается мысль, что оно предназначено в какой-то мере для того, чтобы скрыть конструкцию, и это кажется слишком большим для такого объекта; и все же глаз радуется. В частных домах в деревнях также много архитектуры. Обычно используется декорированный дверной проем с окнами с каждой стороны и смелый выступающий над ним балкон. Иногда дом продолжается над этим, с большой аркой, выходящей на балкон; иногда более высокая часть здания отодвигается назад, а балюстрада балкона продолжается перед террасой, и в любом случае внешний вид очень красивый, и части никогда не теснятся друг к другу. Вина этих деревень в том, что в них нет ничего сельского. Дома расположены близко друг к другу или, по крайней мере, с небольшими интервалами, и одна или две пальмы с несколькими рожковыми деревьями, инжиром или кактусом, выглядывающими из-за каменной стены, - это все, что можно увидеть из растительности.

Я очень приятно провел время на Мальте благодаря мистеру Калверту, мистеру Флетчеру и полковнику. Уитмор, всем им я в большом долгу. Последнее природа предназначила архитектору, поскольку она наделила его не только вкусом и изобретательностью, но и пророческим взглядом на эффект, производимый его проектами. Я также познакомился с доктором Науди, который очень усердно печатает мальтийскую Библию; и когда она будет издана, вполне вероятно, что он инаборщик смогут ее прочитать. Сам он придерживается мнения, что на острове будет еще около полудюжины человек, но я не нашел никого, кто согласился бы с ним. Ранее предпринимались некоторые попытки написать по-мальтийски, но пока не решено, какой иероглиф следует использовать. В городе почти каждый может говорить по-итальянски; в деревне понимают только родной язык, но каждый человек, умеющий читать

или писать, делает это по-итальянски. Мальтийский сам по себе является диалектом арабского; но можно ли считать его пережитком древнего пунического языка или заимствованным у сарацин средневековья, я предоставляю решать более мудрым головам. Последние, по-видимому, были только владельцами страны, а не формировали ее население. Они были владельцами также Сицилии, где они мало что оставили от своего языка. Я зашел также к мистеру Корнеру, чей сад украшен газелями и нумидийскими журавлями, и который показал мне несколько изысканных рисунков Лузьери, но почти все незаконченные. Некоторые из них выполнены на трех антикварных листах, *т.е.* Они имеют длину более 13 футов и заполнены мельчайшими деталями, все скопировано на месте с натуры. Доктор Науди также отвел меня к главному архитектору этого места, который много говорил о чистоте замысла и правильном подражании древним, а затем показал мне проект, полный нелепостей, которыми он хвастался как совершенно новыми обстоятельствами и своим собственным изобретением. После этого мы обратились к профессору живописи и библиотекарю, у которых есть очень значительные таланты художника домашней жизни, но нет возможности улучшить их. Библиотека открыта для всех; это прекрасное помещение, в котором собрана хорошая коллекция книг, но в настоящее время у нее нет средств для ее увеличения или добавления какого-либо современного издания.

Говорят, что на Мальте есть несколько любопытных гробниц, которых я не видел, но я посетил то, что считается кельтской древностью, в местечке под названием Кренди, на южной стороне острова. Он состоит из больших камней, установленных по краям или, в некоторых случаях, вертикально на конце. Расположение было, я думаю, в форме, состоящей из четырех или пяти частей кругов, объединенных для огораживания определенной области. Некоторые камни были обработаны, и круглое отверстие и что-то вроде фальца в одном из них, очевидно, искусственного происхождения. Рядом с ним находится гряда холмов высотой около 500 футов, самых высоких на острове. Я не был на них, но весь остров, который я видел, казалось, состоял из известковой породы недавнего образования, местами изобилующей акульными зубами. Однако доктор Науди показал мне несколько шариков, которые были выкопаны где-то на острове, но он не смог указать точное место. Мне рассказывали о греческих древностях, но они представляют собой лишь неясные следы фундаментов, сложенных из блоков значительного размера. В Казаль-Цурико действительно есть небольшое здание, которое, возможно, относится к греческому периоду. Он имеет вид большого пьедестала, но в нем находится небольшое помещение, которое сейчас используется как молочная.

Еще одна экскурсия была в Чивита Веккья, на *праздник*. Тамошняя церковь считается главной церковью острова. По дороге я выслушал длинный и любопытный отчет о чуме на Мальте, из которого, поскольку он основывался на мелочах, которые сильно привлекают внимание тех, кто подвергается опасности, а не на каких-либо медицинских подробностях, я приведу вам несколько глав. Оставляя все различные предположения относительно способа его появления, которые, в конце концов, являются всего лишь предположениями, я сразу перейду к последствиям его появления на острове. Мальтийцы долгое время отказывались верить, что это была чума, и гордились тем, что прикасались к подозрительным людям. Все понимали, насколько пагубным должно быть такое инфекционное заболевание для города, зависящего от торговли, и поэтому считалось недостатком патриотизма называть его чумой; и они не были убеждены, пока зараза не распространилась слишком широко как в городе, так и в сельской местности, чтобы принимать меры предосторожности. Впоследствии, в разгар беспорядков, сцены были ужасными. Когда человек заболел, его немедленно переносили в сарай, возведенные в городских канавах, а его семью перевозили в другую их часть. Если в последних

не появлялось болезни, их последовательно перемещали в другие части тела, пока не считалось, что опасность миновала, и их увольняли. Если же, напротив, кто-либо из группы заболел, его немедленно переносили в канаву для больных, под навес, который давал очень слабое укрытие как от солнца, так и от дождя, почти без присмотра и, что еще хуже, без воды; говорят даже, что многие умирали, сходя с ума от жажды. Единственные люди, которых можно было нанять для перевозки больных и умерших, принадлежали к самому низшему классу и имели наихудший характер, многие из них были освобождены из тюрем для этой цели; они носили платья из тиснения, и им было приказано часто смазывать себя маслом, и их срок, по-видимому, был длинным или коротким в зависимости от того, выполняли они это указание. Единственный, кто выжил после того, как расстройство прекратилось, говорит, что он постоянно смазывал себя маслом два раза в день. Жалованье составляло четыре доллара в сутки, которые выдавались каждое утро, а выжившие были наследниками своих умерших братьев. Кроме того, они грабили, куда бы ни пошли, и их подозревали в совершении убийств, когда родственники покойного защищали их собственность. Они жили в разгуле и пьянстве, но считалось, что они не смогли бы потратить всю свою прибыль и что в конце концов будут найдены большие накопления. Говорят, что английский моряк получил 800 долларов из этого источника, я не знаю, как и почему, но никаких таких кладов, какие предполагались, обнаружено не было. Этих людей звали беккаморти, распространенное в Италии название для тех, кто занимался перевозкой трупов; если они видели в сарае тело, которое казалось мертвым, они закидывали крюк, и если не было слышно криков, бросали его в тележку. Один человек, который сейчас жив, воскликнул по этому поводу. Ого-го! воскликнул беккаморте, мы должны прийти за тобой завтра. Пострадавший был ранен крюком и истекал кровью, не имея средств остановить ее, и этому кровотечению он приписывает сохранение своей жизни. Был издан закон, согласно которому любой, страдающий расстройством и скрывающий его, должен быть расстрелян, и в результате был казнен один мужчина; для той же цели была воспитана пожилая женщина, которая умерла, когда прибыла в назначенное место.

После того, как чума прекратилась в городе, она возобновилась путем выкапывания закопанного имущества; и как раз в этот момент некоторая тревога вызвана обнаружением определенных драгоценностей, которые были спрятаны в то время; но поскольку о них немедленно сообщили в полицию, а сами драгоценности, а также всех, кто был причастен к находке, доставили в лазарет, особой опасности, по-видимому, нет, тем более что это предметы, которые, согласно общепринятой теории, не способны удерживать инфекцию. Мы прибыли в собор Читта Веккья только после того, как церемонии *праздника* были почти закончены. Это прекрасная церковь в обычном итальянском стиле, поскольку, хотя она и была построена в двенадцатом веке, в 1693 году она подверглась полной реставрации. Он богато украшен и, конечно же, поскольку это был *праздник*, покрыт драпировкой из малинового дамаста, украшенной гирляндами по аркам и глубокой золотой бахромой. Это гораздо лучше, чем римская мода на полосатые драпировки. Музыка была очень приятной. После мессы старый каноник показал нам, что осталось от их наряда. Говорят, что французы увезли двадцать четырех тележек с пластинами. Из собора мы проследовали в грот Святого Павла, где всем посетителям рассказывают, что земля наделена чудесными целебными свойствами и что ее ежегодно забирают в больших количествах, не увеличивая размер пещеры. Согласно Деяниям, святой Павел был гостеприимно принят М. Публием, губернатором острова. Это не очень согласуется с его жизнью в пещере, и это не могло быть его немедленным отступлением с места кораблекрушения, поскольку оно находится в нескольких милях от берега; но здешние

добрые люди не беспокоятся о пустяковых несоответствиях. Из Публия онисделали не только христианина, но и святого. Нам показали фрагмент плечевой кости святого Павла, самый красивый фрагмент, как сказал нам наш проводник. Он заключен в стеклянный футляр, поверх которого помещен золотой рычаг натурального размера.

Из Читта Веккья мы направились в Боскетто, старый дворец великого магистра, где есть сад, затененный апельсиновыми деревьями, обычное место утренних развлечений, которые, однако, были почти закончены, когда мы туда добрались. Я оставил своих спутников, чтобы взглянуть на то, что происходит. Люди бродили вокруг или собирались группами; одни танцевали мальтийские танцы, другие пели мальтийские песни, приложив руку к уху, как это принято в Греции. Это всегда делают глашатаи в мечетях, и в Греции мне сказали, что в данном случае это имитация привычки, принятой Магометом. Мы пообедали на земле, а затем снова сели на наши калеси (крытые экипажи, в каждом по одной лошади, а кучер бежит рядом), чтобы вернуться на скачки в Читта Веккья; трасса может быть длиной в три четверти мили, не совсем прямая и довольно высоко от стартового столба. Первую гонку проводили ослы, вторую - мулы; оба этих животных на Мальте удивительно крупные и красивые. Третьим был заезд пони, а второе из них, белое, было одним из самых красивых животных, которых я когда-либо видел. Четвертый и последний заезд был лошадиным. Все они стартуют с наездниками, мальчиками, без седла или уздечки, и очень немногие из них добираются до конца забега, но я понял, что никто не пострадал. Когда лошади достигают цели, владельцы подбегают, чтобы схватить их, и возникает сцена величайшего замешательства. Количество зрителей намного превысило то, что я ожидал увидеть на этом маленьком острове. Женщины были одеты в основном в черное. Мужчины носили длинные шапки синего или красного цвета, спускавшиеся до середины спины, белые или нанковые брюки и часто шелковые жилеты, украшенные четырьмя рядами больших серебряных шаров ручной работы, подвешенных на коротких цепочках вместо пуговиц. Куртка в это время года обычно перекинута через левое плечо. Когда я возвращался, у меня был еще один спутник, калеш, вмещавший всего двух человек, который рассказал мне кое-что о политике острова. Сэр Александр Болл, первый губернатор, был чрезвычайно приветлив в своих манерах и всегда доступен, это дало ему влияние на отправку в Англию петиции против возвращения Мальты ордену, но он не мог убедить никого, кроме тех, кто зависел от него, принять в этом активное участие. Хотя мальтийцы были вполне довольны англичанами, особенно пока длилась война, они были бы вполне довольны и сейчас были бы совершенно довольны возвращением ордена. Правительство рыцарей не было деспотичным, и деньги, которые они получали из других стран и тратили на Мальте, придавали этому месту активность; но жители не хотели бы снова иметь рыцарей без их иностранных доходов. Кукуруза на Мальте всегда стоит сорок мальтийских скуди сальма,^[37] правительство скупает кукурузу в Таганроге и Одессе и равномерно продает по этой цене. Мальтийское скудо стоит около 1s. 10d., а сальма не совсем равна английскому четвертаку. Подсчитано, что на островах ежегодно производится 20 000 видов сальмы, и что 70 000 импортируется. Мальтийцы говорят, что было бы лучше перенести рынок на Мальту, а правительству - скупать то, что привозят частные лица, но это не может дать ответа, если только правительство не откажется от своей монополии. Испания раньше ввозила хлопок, произведенный на этих островах, но недавно они ввели новые правила, которые запрещают этот вид торговли, и, как говорят, запрет действует очень жестко.

БУКВА LIII.

СИРАКУЗЫ—КАТАНИЯ.

Катания, 31 июля 1818 года.

Мой отъезд с Мальты был отложен из-за неблагоприятных ветров, но, наконец, в понедельник, 13 июля, меня разбудили сообщением, что трабакколо, на котором я нанялся, готовится к отплытию. Трабакколо - это небольшая палубная лодка с двумя мачтами: нынешнее торговое судно направлялось в Венецию, но по пути остановилось в Агусте, чтобы принять груз соли. В нем не было обычных помещений для пассажиров, но места было достаточно, и они приготовили мне кровать, на которой я спал очень удобно. Некоторые из матросов были одними из самых красивых и прекрасно сложенных мужчин, которых я когда-либо видел; все они были выходцами из венецианских государств или из государств Папы Римского, граничащих с Адриатикой. Самым плавным движением мы прибыли в Агусту около шести часов вечера во вторник. В среду я занял одноместный номер под названием "лазаретто" и с помощью суперкарго и матросов судна основал свое заведение: У меня был диван, стол и шесть стульев - необычный предмет мебели для лазаретто. 18-го я добился освобождения, будучи преобразован городскими магами в офицера инженерных войск, благодаря чему я получил привилегию считать два дня, проведенные в путешествии, частью карантина. Говорят, что из-за небрежного отношения сэра Т. Мейтленда к карантинным правилам на Мальте нам приходится проходить карантин при переезде с этого острова на Сицилию. Тем не менее, в других местах *rank*, по-видимому, рассматривается как средство защиты от заражения, и я мог бы привести вам примеры, если бы это того стоило. Мальтийцам теперь грозит более длительный карантин из-за драгоценностей, о которых я уже упоминал вам, которые были спрятаны во время эпидемии чумы на Мальте и недавно обнаружены. Я думал, что это просто уловка, чтобы получить от меня деньги, но позже я обнаружил, что после разрешения связи на две недели на обычных условиях, *то есть* пятидневного карантина, на этот счет действительно был издан приказ продлить его до двадцати восьми дней. Я прогулялся по городу, где ничто не соблазняло меня остаться; но хотя Агуста не представляет ничего особенно красивого, все же на длинной, прямой, узкой улице есть несколько портиков, аркад, балюстрад и карнизов, которые производят очень живописное впечатление. Я нанял лодку на двоих (около 8с. 9д.) до Санта-Боначчи. Лодочники не захотели везти меня в Сиракузы, потому что им пришлось бы заплатить три монеты портового сбора, и они сказали мне, что еще одна монета будет стоить мне прохождения обследования в медицинском учреждении, но после высадки в трех милях отсюда вы можете въехать в город, не отвечая ни на один вопрос. Эти три мили находятся в пределах древнего города, а маленькая деревушка Санта-Боначча находится далеко не у самой границы древних стен. Действительно, помимо острова, на котором только и расположен нынешний город, все Сиракузы, включающие кварталы или города Акрадина, Тихе и Неаполис, по-видимому, занимали пространство, образующее почти равносторонний треугольник в пять миль с каждой стороны, и, как говорят, в нем проживало 2 000 000 жителей. Я нашел очень удобную гостиницу "Золотой лев", довольно дорогую, но хозяин, если хотел получить хорошую прибыль для себя, был готов предоставить мне как информацию, так и помощь, чтобы я не был навязан другими.

Поначалу кажется, что Ортиджия была островом, возвышающимся на пологом склоне и укрывающим великолепную гавань; время и, возможно, мусор старого города засыпали узкий канал, и он превратился в полуостров, но для завершения современных укреплений его прорезали, и он снова стал островом и получил название, некогда принадлежавшее всему бывшему городу. Главной достопримечательностью является древний храм Минервы, который был преобразован в кафедральный собор. В стенах кельи были открыты арки, в то время как промежутки между колоннами перистилия были заполнены; и таким образом, то, что было кельей храма, стало нефом церкви, а боковые нефы получены из окружающих колоннад. Эта операция и утрата древнего антаблемента свели на нет весь эффект первоначального здания; мы все еще можем понять, что это было благородное здание, впечатляющее массивностью дорического ордера, выполненного на Сицилии; но его тяжелые капители, массивные пропорции и несовершенный материал не позволяют сравнивать его с соединением изящества и величественности, правильных пропорций, прекрасного материала и изысканной работы, которые отличают здания Афин.

Современный фасад собора создает максимально сильный контраст с древней работой, светлым коринфским фасадом, вырезанным во всех направлениях; и все же, хотя он и противоречит всем правилам здравого смысла и хорошего вкуса, в его воздушной легкости есть что-то приятное.

Мы находим в Сиракузах остатки другого храма, который был назван храмом Дианы только потому, что Цицерон упоминает два храма, один посвященный Минерве, а другой - Диане, и остатки двух храмов все еще существуют, один из которых, несомненно, принадлежал Минерве. Храм, упомянутый Цицероном, по-видимому, был великолепным зданием, и можно было бы ожидать найти колонны такого же размера, а возможно, и больше, чем колонны в другом здании; тогда как они, измеренные непосредственно под капителью, имеют немногим более 2 футов в диаметре. Выступ абак, должно быть, огромен, поскольку его площадь составляет около 6 квадратных футов, но в целом он так сильно поврежден и так нелепо встроен в современные стены, что трудно определить размеры. Эти непропорционально расположенные капители находятся чуть более чем в 18 дюймах друг от друга, и в целом кажется, что это было здание в очень любопытном архитектурном стиле.

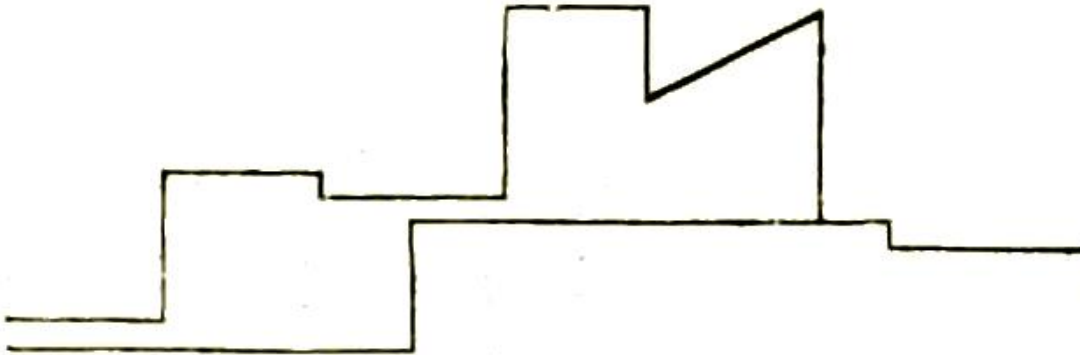
Говорят, что нынешнее расположение фонтана Аретуза не имеет ничего древнего, кроме названия, и он, безусловно, не может похвастаться красотой. Вода вытекает из-под арки, но предполагается, что она поступает из древнего источника, за исключением того, что при формировании рва у укреплений естественные каналы были в некоторой степени нарушены, и вода из-за этого стала солоноватой. Покидая остров, мы встречаем одну стоящую колонну и несколько оснований, остатки ряда по меньшей мере из семи, которые, как говорят, были частью портика; но я не знаю, почему они не могли принадлежать храму.

Амфитеатр находится на некотором расстоянии; он считается римским зданием, или, скорее, это углубление, возможно, старая каменоломня, использованная римлянами для своих любимых развлечений. Он был маленьким и совсем не соответствовал размерам города. Некоторые подземные коридоры все еще существуют.

Древние каменоломни простираются почти поперек древнего города и, будучи вырублены на большую глубину, более 100 футов, показывают толщину этого слоя известковой породы. Один из них называется Парадизо, и в одном из его углов находится длинная извилистая пещера,

искусственно образованная и хорошо известная под названием ухо Дионисия. Некоторые люди воображали, что это связано с театром, за которым оно стоит, но это мнение подкрепляет его не больше, чем вульгарная традиция. Вдоль самой высокой части крыши прорезан канал, который внезапно поворачивает в небольшую камеру над входом; на другом конце этот канал, кажется, продолжается за пределами доступных частей грота, но его выход неизвестен. Вся форма и размашистые линии ее плана и сечения демонстрируют очевидные следы замысла для какой-то определенной цели; но, судя по незавершенному виду дальнего конца, можно усомниться в том, что он когда-либо был завершен.

Театр занимает самое красивое место; сохранился контур ступеней и одна ограда, но нижняя часть и фундаменты авансцены, если таковые существуют, спрятаны *в каннето*, то есть в месте, где растет тростник. Непосредственно под стеной есть очень любопытное устройство, назначение которого я не понимаю, но вы лучше поймете его по наброску, чем по любому описанию, которое я мог бы дать.

Немного выше театра есть место для умывания перед пещерой, которая производит очень живописное впечатление. Вода подается по акведуку, который почти повторяет линию древнего водопровода, а затем вода вращает мельницу на ступенях театра. За ним находится Страда Сеполкрале; улица, вырубленная в скале глубиной около 20 футов, с могильными нишами и камерами, также вырубленными в цельной скале по каждой стороне. Более длительная экскурсия в том же направлении привела меня к Гексапилону, Эпиполу, или Цитадели, и к оконечности древних стен, в самой высокой и отдаленной точке треугольника. Это примерно в пяти милях от нынешнего города, где земля постепенно поднимается, переходя в очень узкий гребень, а затем внезапно обрывается. Под образованной таким образом точкой находится проход значительной ширины, открывающийся в каждом направлении за пределы стен. Здесь также есть вылазки для кавалерии, и в целом остатки древних укреплений в этой части очень любопытны и важны. Некоторые предполагают, что конический холм, расположенный примерно в трех четвертях мили за городом, называемый Бельвидер, с которого открывается вид на всю протяженность города, является древней крепостью Гексапилон, но остатков недостаточно, чтобы заставить нас согласиться с таким мнением. Вид отсюда очень красивый, и вся местность здесь очень приятная, но на небольшом расстоянии к северу возвышаются еще более высокие холмы, ограничивающие перспективу. Там есть древний акведук, вырубленный в скале, а немного ниже него современный канал, который, как я полагаю, сейчас снабжает вышеупомянутую прачечную и вращает мельницу в театре.

Я заметил один карьер, в котором находится ухо Дионисия. Большая часть его сейчас занята садом и оливковыми рощами, есть и другие пещеры, одна из которых используется как канатная дорога. Посреди возвышается изолированный массив, увенчанный руинами здания, которые совершенно недоступны. Этот карьер является самым западным в хребте. На востоке есть несколько других подобных мест, и сады монастыря капуцинок занимают восточную оконечность этой гряды каменоломен; место столь же романтическое, сколь и необычное, где богатейшая растительность пробивается между перпендикулярными гранями голой скалы, которые здесь также частично выдолблены в пещеры. Под церковью есть склеп, где хранятся добрые отцы после смерти. Сначала их хоронят, и, вероятно, земля обладает каким-то подсушивающим свойством, затем поднимают и усаживают в своих платьях капуцинов в этом месте, где они имеют очень шокирующий вид. Через несколько лет они разваливаются на части и освобождают место для других. Предполагается, что катакомбы также были каменоломнями. Вход находится в женском монастыре, который демонстрирует признаки нормандской архитектуры, но круглые арки здесь объединены с бегущей листвой в капителях. Похоже, что при этих очень обширных раскопках соблюдалось нечто вроде регулярного плана.

Я не мог уехать из Сиракуз, не посетив фонтан Циан, представляющий собой небольшой водоем, несколько больший, чем исток Новой реки близ Уэра, но менее правильной формы и дающий более обильный запас воды. Берега вытекающего из него ручья покрыты *Арундо Донаксом* папирусом. Оно глубокое, но так заросло растительностью, что лодка с трудом продвигалась вперед. На возвышении, на небольшом расстоянии, находятся части стволов двух дорических колонн значительных размеров, но без капителей: они стоят прямо на своих местах и, как полагают, являются остатками храма Юпитера Олимпийского. Уилкинс предполагает, что это колонны внутреннего, а не внешнего перистиля, потому что у них всего шестнадцать канавок. Эти канавки резко заканчиваются примерно в одном футе от дна.

В большинстве итальянских городов есть кофейни под названием Казино, которые являются местом отдыха знати. В Сиракузах у них есть официальная кофейня, куда допускаются также респектабельные люди, занимающиеся торговлей, и другие лица, которые не могут доказать свою принадлежность к какой-либо знатной семье. Они были созданы под английским влиянием в нескольких городах Сицилии, и я провел в них несколько приятных вечеров в Сиракузах. Любимая игра - шашки, в которых без какого-либо увеличения количества клеток король обладает властью, которую мы даем ему в польских шашках. Обычная игра в Италии ни в коем случае не позволяет рядовому взять неблагоприятного короля, но в остальном игра ведется так же, как и у нас. В Греции с каждой стороны задействовано по шестнадцать человек, и они двигаются либо вперед, либо вбок, никогда по диагонали или назад, и берут, обходя любого человека без поддержки, точно так же, как это делаем мы, но в том направлении, в котором они движутся.

Сиракузы представляют больший интерес для антиквара, чем для архитектора, и все же, покинув их, я пожалел, что не задержался здесь подольше и не посетил Ното и Испиду. В последнем месте камеры, вырубленные в скале по обе стороны узкой долины, настолько многочисленны, что заслуживают названия подземного города.

Я выехал из Сиракуз утром 24 июля, наняв двух лошадей по два доллара каждая, чтобы доставить себя и свой багаж в Катанию. Мой домовладелец сказал мне, что это была превосходная дорога, идеально ухоженная, но я полагаю, что под экипажем он, должно быть,

имел в виду *lettica*, то есть носилки, которые везут мулы, поскольку экипаж на колесах, конечно, не мог передвигаться; и все же принц Бискари хвалит эту дорогу как превосходную. Не успели мы проехать и двух миль, как вьючная лошадь с погонщиком мулов на ней поскользнулась и упала, а еще через две или три мили моя внезапно слегла. Через некоторое время моя лошадь упала во второй раз, и я весь ушибся при падении. Это сделало остальную часть моей поездки очень болезненной: я заставил проводника сменить лошадей и, по правде говоря, воспринял это скорее как оскорбление моему искусству верховой езды, что он прибыл в Катанию без дальнейших происшествий. Между Сиракузами и Августой находятся остатки памятника, предположительно представляющего собой пирамиду или острый конус, но, как мне кажется, это была колонна: цель ее возведения неизвестна. Примерно в восемнадцати милях от Сиракуз мы покинули залежи известняка и оказались в местности, вероятно, вулканического происхождения. Проехав двадцать четыре мили, мы остановились в маленьком домике на берегу моря, где не было ничего, кроме плохого вина. Однако я предусмотрительно захватил с собой немного хлеба и холодную жареную утку. Остальные восемнадцать миль проходят по песчаной местности недалеко от берега, дорога, вероятно, никогда не отходит от моря на милю; на протяжении всех сорока двух миль мы не проезжаем ни города, ни деревни, и большая часть земли не возделывается. Возможно, ему нужна вода, но это, кажется, достижимо. Первая часть поездки была самой красивой, но в целом требовалось украшение, которое было бы у него в более ясную погоду. Этна в этом случае была бы заметным объектом. А так я лишь смутно проследил его основание, а вершина всегда была скрыта облаками.

Недавно Катания пострадала от землетрясения, которое не разрушило полностью много домов, но повредило их так сильно, что многие из них не подлежат ремонту; другие, менее поврежденные, стоят до тех пор, пока владельцы не смогут их восстановить, и на главной улице почти постоянно присутствует ряд таких временных опор. Ничто не может выглядеть более заброшенным, и даже ширина улицы способствует ее унылому виду. Половина домов, по видимому, находилась в незавершенном состоянии до землетрясения, но не была необитаема; на первом этаже или цокольном этаже была установлена крыша, и в таком состоянии они остаются и, вероятно, останутся, если новая катастрофа не сравняет их с землей. В городе, столь подверженном землетрясениям, следует отказаться от обычного итальянского стиля архитектуры, состоящего из множества высоких этажей, расположенных один над другим, и принять низкие одноэтажные дома, мало возвышающиеся или вообще не возвышающиеся, и максимум всего на один небольшой этаж выше. Построенный таким образом город может быть очень красивым, особенно если он окружен рощами и садами, хотя характер его красоты будет совершенно отличаться от того, который создают узкие улочки и высокие дворцы. Здесь главные улицы слишком широки, и отсутствие тени является ощутимым неудобством.

25-го числа я посетил музей принца Бискари, который, если и не похож на римские музеи, то очень интересен из-за большого количества сицилийских древностей, которые в нем представлены. Кафедра естественной истории бедна, и в целом ею пренебрегают, поскольку нынешний принц не разделяет вкусов своего прославленного предка. После этого я ходил в бани, в два театра и амфитеатр, которые находятся под присмотром старого слуги принца. Он кажется хорошим человеком, но официант в гостинице требует половину всего, что получает от путешественников; истина, которую я заподозрил с самого начала, но в которой убедился позже, посетив главный театр во второй раз без него. Этот официант, которого зовут дон Марио, - самый наглый и бесстыдный негодяй, которого я когда-либо встречал, а поскольку хозяин дома

недавно умер, вдова вверяет все его заботам, что делает проживание в отеле Leon d'oro очень неприятным.

Бани находятся по соседству с собором и, я полагаю, частично под ним; то, что осталось, полностью находится под землей, они состоят из очень неправильного набора сводчатых помещений, ни одно из них не очень большое, но мы различаем расположение гипocausta и некоторые другие небольшие приспособления, которые, должно быть, были необходимы в таком заведении. Есть и другие бани, которые, как мы знаем из надписей, назывались *Ахиллеями*, и это все, что мы о них знаем. Из театров один небольшой. Вероятно, он был крытым, и предполагается, что это был одеум, или музыкальный театр. Вкусы сицилийцев, должно быть, тогда отличались от нынешних, поскольку в наше время они, вероятно, построили бы большой театр для музыки и маленький для театральных представлений. Другой большой, он был раскрыт, и спуск в нынешние руины по большому лестничному пролету очень живописен. Они оба забиты современными домами, а также, особенно тот, что побольше, землей и мусором, который засыпал нижнюю часть. Поэтому их понимание дается с трудом, и они не представляют для меня достаточно интересных особенностей, чтобы вызвать у меня желание вдаваться в подробности. Они оба относятся к римской, а не греческой архитектуре. Остатки амфитеатра еще менее значительны, но конструкция этих сооружений настолько проста и единообразна, что очень небольшая часть позволяет нам понять устройство целого. Некоторые арки были заполнены лавой, которая, должно быть, попала в жидком состоянии, поскольку она плотно прилегает ко всем частям искусственного сооружения. Меня также провели к месту, где некоторые остатки древних стен были покрыты лавой. Они находятся в нижней части города, а не, как можно было бы ожидать, в части, противоположной горе. По мере остывания лавы она, вероятно, накапливается быстрее. Кроме того, здесь есть круглая куполообразная комната римских времен, которая, пожалуй, является самым совершенным памятником старины, сохранившимся здесь. Примечательно, что в городе, столь неоднократно разрушавшемся землетрясениями и потоками лавы, должно быть так много остатков древности; и я думаю, мы можем извлечь из них тот важный урок, что круглые формы обеспечивают наилучшую устойчивость к этим причинам разрушения.

Несмотря на многочисленные бедствия, постигшие это место, часть древнего собора, построенного Рожером, первым нормандским королем Сицилии, сохранилась до сих пор. Главная часть нынешнего здания выполнена в современном стиле, а интерьер представляет собой прекрасную комнату. Опоры состоят из двойных пилястр, а между арками много орнамента; но поскольку архитектура не прерывается им, изобилие не вызывает недовольства. На хорах изображена стрельчатая арка. Я не возьмусь утверждать, что это было во времена Роджера, но в этом нет ничего невероятного. Он умер только в 1154 году, и есть другие стрельчатые арки столь же ранней даты.

26-го я посетил благородную коллекцию кавалера Джоени, состоящую в основном из продуктов вулканической деятельности, чей непреодолимый интерес, по-видимому, помешал натуралистам посетить какую-либо другую часть острова. Хотя я не был представлен, кавалер принял меня с величайшей вежливостью и сам посетил меня: он считает, что древний серпентин (который представляет собой зеленый порфир, хотя и не камень, известный в Италии под этим названием) - сицилийский камень. Встречается в округлых массивах на берегу и в задней части Этны, но *nein situ*. Янтарь он считает затвердевшим битумом, который выделяется

из горных пород в виде прозрачной жидкости, но, хотя его находят на берегах и в реках Сицилии в готовом виде, промежуточный уровень никогда не обнаруживался.

В Катании есть еще два прекрасных музея: один принадлежит бенедиктинскому монастырю, а другой - барону Рикуперо. На последнем мастер также был настолько любезен, что выставлял все сам, и показал себя досконально разбирающимся в монетах и этрусских вазах. Большие стеклянные витрины бенедиктинцев темные и грязные. Я пришел несколько позже назначенного времени, о чем библиотекарь не преминул напомнить мне, а когда я начал извиняться, попросил меня не упоминать об этом, так как его долг - дожидаться меня. Я встречался с подобным ответом, когда был убежден, что это скорее комплимент, чем невежливость, и, возможно, так было и в данном случае, но, признаюсь, это значительно сократило мой экзамен.

Однажды вечером я прогуливался по широкому участку лавы, который принц Бискари пытался вернуть себе. В ложбинах растет несколько фиговых деревьев, а по камням разбросано несколько каперсов. Индийский инжир, кажется, справляется не хуже, а может быть, и лучше, чем что-либо другое, но все они занимают всего лишь несколько расщелин, в которые, возможно, дождь намыл немного почвы, или, в некоторых случаях, они могут открывать сообщение со старой поверхностью внизу. Сама скала не содержит ничего, кроме покрытых коркой лишайников, да и то лишь частично; однако лаве, я полагаю, сто двадцать лет.

Из Катании я решил посетить вершину Этны и поэтому взял лошадь до Николози, расположенного примерно в двенадцати милях отсюда. Дорога очень неровная, среди застывших скал, но страна в целом чрезвычайно плодородна: у нас здесь нет ничего, кроме противоположных крайностей, либо буйного плодородия, либо полного бесплодия. От этого места я поднялся пешком, в надежде найти большое разнообразие природных продуктов и изучить их и пейзаж на досуге; первые четыре мили от Николози проходят по ложу из золы, но на последней части пути смешанной с небольшими выступами лавы; затем мы проходим около четырех миль по лесистой местности, и недалеко от оконечности этого участка подъема находится Спелонка-дель-Каприоле, где мы останавливаемся, чтобы поесть и отдохнуть. Хотя мы прибыли туда около часа дня, мой проводник очень хотел остаться до полуночи, и, поднимаясь на оставшуюся часть горы в темноте, я предпочел идти пешком, пока мог видеть окружающие предметы, но обнаружил, что они заинтересовали меня гораздо меньше, чем я ожидал. Этна может похвастаться тем, что стоит особняком, но именно это обстоятельство лишает ее значительной части красоты. Уже в Николози мы были слишком высоко над другими объектами, чтобы получать от них большое удовольствие, и, поднимаясь выше, мы постоянно ощущаем этот недостаток. Маленькие конические холмики, в изобилии разбросанные по нижним склонам, действительно доставляют некоторое удовольствие глазу, но они слишком малы и слишком похожи, чтобы удовлетворить его или возбудить воображение. Каждая из них обычно разделена на две вершины впадиной или канавкой, проходящей через них с запада на север и с востока на юг. Лесистая местность на этом маршруте менее обширна, чем я ожидал; и хотя деревья хорошего размера, в них нет ничего примечательного. В основном это разновидность *Quercus Robur* с пушистыми листьями, но встречаются и буковые и илексские породы. Ни папоротника, за исключением *Pteris aquilina*, ни редких мхов. Здесь нет ни крутых утесов, ни диких и глубоких оврагов, ни пенящихся потоков, ни даже влажной скалы, ни мокрого клочка земли, ни маленького родничка или ручейка, за исключением участков прямо под снегом; но и они, пройдя несколько ярдов без каких-либо следов растительности, исчезают.

Влажность атмосферы поддерживает несколько разбросанных растений в рыхлой почве. Повсюду зола, и ничего, кроме золы. Этна - гора пыли и пепла. Слои лавы по внешнему виду точно так же представляют собой пепел. Если мы рассмотрим один из них как текучую, движущуюся массу шириной в полмили и толщиной в 20 или 30 футов, то это величественный и ужасный объект, но грубая, голая равнина, которая остается, просто уродлива; а голый скалистый берег, не представляющий какой-либо сплошной массы даже пропорционально своей незначительной высоте, вряд ли имеет достаточное значение для формирования особенности ландшафта. Этна - это вулкан, и он не представляет никакого интереса, кроме того, что происходит от этого характера. Мы продолжали пересекать его тяжелые кучи темного песка незадолго до заката, когда прибыли в Casa Inglese. Ночью часто сверкали молнии, но гора не производила шума и не излучала света. Я с трудом мог представить, что нахожусь так близко от самой знаменитой пылающей горы в Европе.

Примерно за полчаса до восхода солнца мой гид позвал меня, и мы начали подниматься на конус. Сначала мы прошли по неровному слою лавы, затем поднялись по снежному склону, который хрустел под ногами, как будто только что замерз. Снег, однако, ни в коем случае не образует сплошной шапки горы, а встречается лишь пятнами и впадинами, и вряд ли можно сказать, что гора выходит за снежную линию, если только мы не предположим, что значительное пространство на вершине нагревается за счет прохождения нагретого пара. В то же время трудно точно сказать, что такое снежная линия. Вероятно, мы могли бы установить его там, где средняя температура лета, *т.е.* двух самых жарких месяцев в году, не превышает 32 °, но это в некоторой степени расплывчато и произвольно, и определить его нелегко. Подъем по конусу из рыхлой золы очень утомителен, так как она соскальзывает назад почти на каждом шагу. Во многих местах есть маленькие струйки того, что я сначала принял за дым, но оказалось, что это пар со слегка сернистым запахом. Я обрадовался, когда по движениям моего проводника понял, что он добрался до края кратера, но вскоре радость сменилась разочарованием. Солнце поднималось среди облаков. Густой белый пар, находившийся значительно ниже меня, покрывал почти всю Сицилию, а сам кратер был настолько полон пара, что я ничего не мог разглядеть. Однако этот пар время от времени частично рассеивался, и, пользуясь случаем, я смог составить довольно четкое представление о большом кратере. Края крутые и неровные, и дым, или, скорее, пар, поднимался почти отовсюду; внутри были три маленьких вулкана, *то есть* небольшие конические холмы, каждый со своим кратером. Самый большой из них был тихим; от двух других исходил дым или пар; но никакого пламени или воспламеняющихся веществ здесь не видели уже шесть лет.

Спускаясь, мы прошли мимо Философской башни, превратившейся в небольшой обломок каменной кладки и любопытной только своим положением. На небольшом расстоянии от этого места мы достигли края широкой долины, или лощины, которая, я думаю, заинтересовала меня больше, чем что-либо другое. По-видимому, когда-то это был древний кратер, еще до того, как был поднят нынешний верхний конус, и, должно быть, он был огромным. Сейчас это огромная котловина, я полагаю, полных двух миль в диаметре, окруженная изломанными скалистыми обрывами. На склонах кое-где видна какая-то растительность, но ее чрезвычайно мало, а дно сплошь черное и голое. Около восьми лет назад в пределах котловины образовался кратер, и из него вырвался поток лавы длиной в четверть мили, но не выходящий за пределы этой долины запустения. С его вершины все еще поднимался дым. Я очень сожалел, что не последовал задуманному мною когда-то плану спуска в Таормину, который привел бы меня к гораздо более интересным местам, чем подъем из Катании, и я увидел бы знаменитый чесночный орех; но

было слишком поздно, потому что у нас не было провизии, да и в том направлении ее не предвиделось. Поэтому я вернулся в Николози, куда мы добрались вскоре после полудня, и там нанял мула, который доставил меня обратно в Катанию.

БУКВА LIV.

ТАОРМИНА—МЕССИНА—ПАЛЕРМО.

Палермо, 15 августа 1818 года.

Я покинул Катанию первого августа. Виды Этны поражают не меньше, чем виды с нее, своим совершенным единством. Поднимаясь на другие горы, мы ведем своего рода соревнование с холмами, стоящими ниже, и нам приятно видеть, как они один за другим признают наше превосходство и теряют свое значение. Те же самые холмы при взгляде на гору образуют своего рода шкалу, которая помогает нам оценить ее величину. Возможно, какая-то огромная масса на небольшом расстоянии поражает нас своей величиной, в то время как деревья и здания на ней позволяют нам измерить ее размеры. По мере того как мы удаляемся, другие возвышенности, переливающиеся всеми оттенками неба, возвышаются в богатой последовательности позади той, которая сначала показалась нам такой огромной; а за остальными возвышается в высочайшем величии величественная вершина, цвет которой почти сливается с небом. Ум измеряет более удаленное по более близкому объекту, и силы воображения возбуждаются до предела. Из-за отсутствия всех этих аксессуаров Этна не выглядит такой высокой, как Парнас, который, тем не менее, я полагаю, значительно превосходит ее. Снега значительно поубавилось с тех пор, как я впервые увидел его по пути на Мальту, но пятна были значительными даже на его южной стороне, что тем более примечательно в горах, где мало значительных впадин. Возможно, однако, что зола, несмотря на свой черный цвет, очень плохо проводит тепло, поскольку, какой бы сухой ни была поверхность Этны, мул в большинстве мест выделял влагу при каждом шаге; и это меня очень удивило, учитывая общую наготу и бесплодие горы.

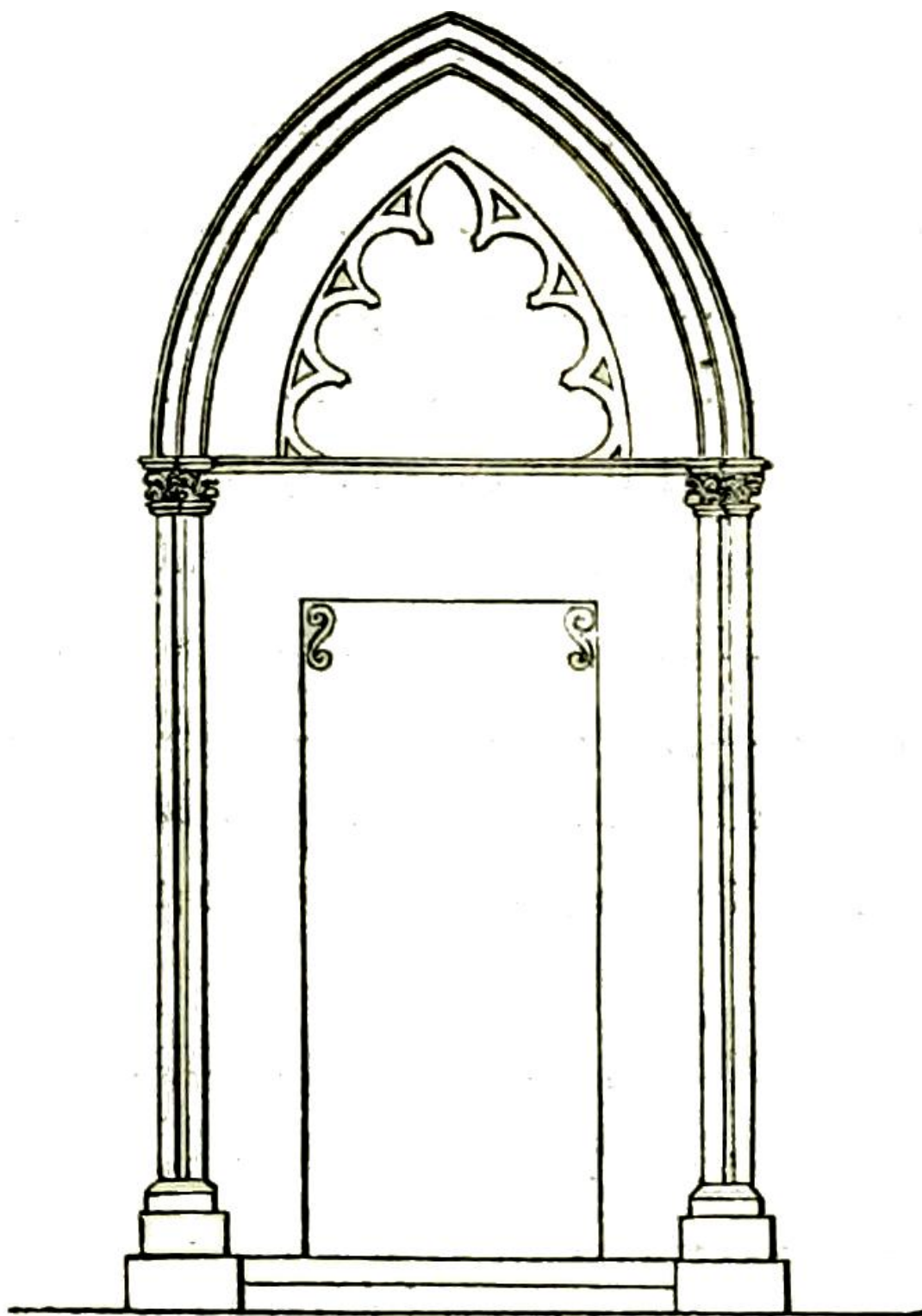
Хотя тучи висели низко, и я был несколько не в духе из-за того, что меня обманули в Катании, и из-за того, что я оказался верхом на плохой лошади, все же пейзаж у подножия Этны показался мне очень восхитительным. Местность населена и возделана, в изобилии растут оливы и другие деревья, а между дорогой и берегом плавно поднимаются красивые небольшие возвышенности; и хотя это богатство и плодородие иногда прерывается слоями лавы, все же это всего лишь незначительные изъяны, и, возможно, контраст усиливает удовольствие. По мере приближения к Таормине становилось еще прекраснее. Несколько смелых, выступающих вершин смутно проступали сквозь облака, с глубокими, поросшими лесом долинами между ними, а еще дальше возвышались суровые горы Таормина, ребристые и прерывистые, сильно контрастирующие своими изломанными, неправильными формами с Этной и ее зависимыми конусами. Дорога отвратительна. Официант в "Катании" заверил меня, что англичане проложили отличную дорогу до самой Мессины, но это была ложь, придуманная для того, чтобы поднять мне настроение, чтобы я мог больше истекать кровью. Налог действительно был наложен с целью создания такой работы, но деньги так и не достигли своей цели. Я купил

немного макарон и яблок в деревне под названием Ле-Джарре и примерно за час до захода солнца поднялся на крутой холм Таормины в компании трактирщика, которого мы нашли на берегу и который проводил меня до своего дома. Я поспешно прошелся к некоторым из главных объектов. Город расположен на возвышенности, но с одной стороны находятся две скалы, поднимающиеся значительно выше; а древний театр занимает ложбину между ними. На другой стороне города есть еще более высокое возвышение, увенчанное замком; вторая крепость, называемая Мола, на несколько сотен футов выше первой, а за ней местность прерывисто поднимается к Монте-Венере, которая, если верить моему домовладельцу, почти равна Этне, но высоту которой я бы оценил не намного выше 3000 футов; возможно, однако, я не видел самой высокой вершины. На следующее утро я вернулся в театр. Это прекрасная и очень интересная реликвия, но мой взгляд был отвлечен от ближайших объектов великолепным видом, раскинувшимся передо мной. Именно здесь Этна предстает во всем своем величии. Длинная нисходящая линия кажется почти бесконечной, и поэтому мы также различаем обширную впадину, в которую я заглянул с вершины, и которая образует величественную деталь пейзажа; хотя я подозреваю, что мое знание того, что они обозначали, сделало ее очертания гораздо более впечатляющими для меня, чем они были бы для постороннего человека.

Руины театра очень значительны и представляют большой интерес благодаря сохранности авансцены. Он кирпичный, но, по-видимому, был украшен мраморными колоннами и антаблементами и, возможно, облицован мрамором; обстоятельства, которые скорее указывают на римское, чем на греческое сооружение. Ряд арок венчает склон Сидили, частично идущий вдоль самого гребня холма.

Когда я возвращался на ужин из театра, ко мне подошел гид и предложил свои услуги по ознакомлению с древностями этого места. Двое обратились накануне вечером. Первый посещал королей и принцев и писал им хвалебные сонеты, которые он оказал мне честь повторить. Другой был художником, архитектором и поэтом, и у него был сын, который был настоящим вундеркиндом; он также одарил меня некоторыми своими стихами, но поскольку я не был ни королем, ни принцем, ни даже дворянином, я не принял услуг ни того, ни другого. Эти древности, помимо театра, состоят из части городских стен, акведуков, резервуаров и гробниц, а также того, что называется *наумахией*, представляющей собой большой продолговатый двор, утопленный в земле и окруженный нишами. Стена и эти ниши построены из кирпича, и за одной их частью есть свод; но по большей части они, кажется, упираются в землю.

Гробницы представляют собой череду сводчатых помещений, частично построенных из кирпича, частично вырубленных в скале и часто расположенных друг над другом в два, три или даже четыре этажа. Спереди, по-видимому, была равномерно возведена стена, в которой для каждого свода было оставлено небольшое квадратное отверстие. В церкви Сан-Панкратио есть фрагмент греческого здания, но нижняя часть пострадала, потому что камень считается средством от лихорадки: мы можем наблюдать некоторые другие остатки, не имеющие большого значения, но, вероятно, римские, в том же районе. В Таормине также есть несколько образцов ранней готики, в которых дверные проемы выполнены в необычном, но отнюдь не неприятном стиле. Проем квадратный, с небольшими консолями внутри каждого верхнего угла; и вокруг него широкая, совершенно ровная грань; за ней расположены сгруппированные шахты, а над дверным проемом продолжают счеты капителя; над ним - стрельчатая арка с такой же особенностью в виде широкого плоского элемента между проемом и лепниной.

Скалы вокруг театра, и, я полагаю, в целом те, на которых расположена Таормина, известковые. Судя по тому, что я смог различить, это был серый твердый известняк, совсем не кристаллический, с белыми прожилками, но на холмах позади и в овраге, который я миновал, покинув это место, я заметил также глинистую породу с блестящей поверхностью, несколько маслянистую на ощупь. Жители говорят, что по соседству есть рудники по добыче меди и свинца, но сейчас они не разрабатываются.

Я договорился о двух долларах за лошадь от Катании до Таормины, и там я договорился с веттурино, что если он останется на один день за свой счет, я дам ему еще два доллара за лошадь до Мессины. Как вы видите, это составляет четыре доллара за лошадь в течение трех дней, или полтора доллара в день, что, как я понимаю, примерно соответствует справедливой стоимости услуги; но, конечно, долгое путешествие в течение одного дня заслуживает более высокой оплаты.

3 августа мы покинули Таормину. После спуска с холма дорога лежит в основном вдоль берега; за исключением того, что в Алессии нам приходится карабкаться по скалистому выступу из красного и серого известняка с белыми прожилками; а по направлению к Мессине между нами и морем находится равнина некоторой протяженности. пляж состоит из песка и мелких камней, за исключением входов в ущелья, где потоки обрушили большие, округлые обломки, среди которых лошади прокладывают себе дорогу так хорошо, как только могут; великолепной королевской дороги не видно. Эти блоки состоят из масс песчаника, переходящего в брекчию; глинистого сланца, слюдяного сланца и гранитных камней, причем последних часто в большом количестве, но я не видел ни этого, ни слюдяного сланца *месте*. Есть также блоки разлагающегося гранита, лежащие на известняке, на северной стороне мыса в Алессии. Холмы слева часто разбиты на пирамидальные контрфорсы.

Мессина, как и Катания, хранит следы землетрясений, от которых она пострадала, но прошел более длительный промежуток времени, и здесь не сохранилось ни одного дома, хотя есть много полуразрушенных. Собор представляет собой большое здание нормандских времен. Фасад выполнен в стиле итальянской готики с небольшой модернизацией, в целом образуя очень бедную композицию. Сбоку находится украшенное орнаментом окно, опубликованное по рисункам мистера Смирка в "Археологии", которое вызвало столько споров; но это, очевидно, дополнение и, вероятно, относится к пятнадцатому веку. Внутренняя часть разделена на три нефа двумя рядами, в каждом по двенадцать античных колонн. Не все они одинакового размера, но в среднем их можно рассматривать как расстояние примерно в пять диаметров друг от друга. Это остатки более древних сооружений, но капители датируются церковью. Все основания аттические, неправильной формы, но без каких-либо признаков готического стиля. Два из них новые, и один из них, безусловно, худший в церкви. На хорах полукупол покрыт ранней мозаикой. Эффект от такого расположения, *то есть* двойной колоннады, ведущей к обогащенному углублению, как обычно, очень хорош, хотя многие детали плохи. Ряд пилястр и арок с правильными пропорциями *чинкве ченто* занимает часть боковых нефов, и здесь есть хорошая гробница того же времени, а также несколько алтарей. Два из них похожи друг на друга, каждая из двух колонн, расстояние между которыми составляет примерно две пятых их высоты; за каждой колонной находится пилястра, и обе колонны и пилястры покрыты резьбой, а ниша между ними окружена двумя полосами орнамента, но они по большей части слабо обозначены, и в целом образует элегантную композицию. Другой алтарь того же периода, столь же обогащенный, возможно, не уступал бы ему, если бы некоторые панели в задней стене не вызвали возражений. Тем не менее, здесь колонны находятся на расстоянии друг от друга на всю высоту. Пропорции, без сомнения, имеют большое значение в архитектуре, но радует не только одна пропорция. Когда я впервые вошел в церковь, это был вечер *праздника*. Торцевой алтарь каждого нефа был великолепно освещен, а длинные, полутемные аллеи, каждая из которых вела к яркому свету, производили величественное впечатление. И все же колонны начали покрывать гобеленом из спиральных полос, а капители были покрыты балдахинами из алого дамаста с золотой бахромой, готовясь к более пышному убранству следующего дня; и это

в некоторой степени нарушало гармонию сцены. Из этих капителей одна или две выполнены в древнем коринфском стиле, хорошего стиля, но повреждены; остальные представляют собой готические имитации раннего времени, то есть с отчетливыми листьями и без опадающей листвы. Путеводители по Сицилии не снисходят до упоминания готических древностей, и мы с трудом находим описания этих зданий. В некоторых церквях много инкрустаций из мрамора и твердых камней, и иногда мы можем увидеть, как одна часть здания отделана таким образом, в то время как остальная часть просто побелена. Фотографии в целом кажутся очень плохими.

Говорят, что шесть колонн внутри церкви Святой Аннунциаты Каталонской и несколько фрагментов снаружи были взяты из храма Нептуна. В Сан-Джованни Баттиста делла национе Флорентина есть шесть колонн, которые, как предполагается, когда-то принадлежали храму Геркулеса; но они, вероятно, из разных зданий, поскольку три из гранита, две работы чиполлино и одна работы мармо Греко; основания аттические, но с довольно глубокими углублениями, и, вероятно, были сделаны для церкви. Боковые дверные проемы украшены орнаментом, по-видимому, созданным специально для них, который полностью римский и неплохо выполнен, хотя он применен к расположению частей, которые мы должны назвать нормандскими.

Говорят, что гора за Мессиной достигает 3500 футов в высоту. Это обычное хранилище снега, но прошлой зимой оно вышло из строя, и им пришлось завозить его из Калабрии. Горы там образуют более прочную и непрерывную массу, но они обрываются пирамидальными контрфорсами, как на Сицилии, а более близкие имеют сходный песчаный или щебнистый состав. Основной хребет сохраняет снег до начала июня и, следовательно, может достигать около 6000 футов в высоту. Говорят, что гавань Мессины слишком глубока, часть ее достигает сорока морских саженей.

Я нанял место в *сперонаре* в Палермо за восемь долларов; оно называлось L'Addolorata, что выглядело довольно зловеще. Тент на одном конце защитил бы нескольких пассажиров от солнца, и я должен был делить это место только с одним спутником; но шкипер, которого звали Санто ла Камера, обманул меня в этом и во всем остальном, что только мог. Пытаться уклониться от своей доли сделки и в то же время требовать полного исполнения моей, казалось, не противоречило его моральному кодексу. Расстояние составляет сто девяносто миль, и обычно оно преодолевается за два дня, самое большее за три, всегда вдоль берега. "*Сперонара*" - открытая лодка, более 40 футов в длину и, я полагаю, 10 в ширину в самой широкой части; первые 4 с половиной фута от кормы - это пространство, отведенное рулевому; тент простирается примерно на столько же; далее идут скамьи для восьми гребцов, а ближе к носу - единственная мачта, к которой при слабом и благоприятном ветре умудряются прикрепить четыре паруса. В крытой части я нашел двух товарищей. Первый - кавалер, которого всегда называли *eccellenza* и к которому остальные относились с большим уважением; другой - священник, которого капитан судна заверил меня, что он ранее заплатил за его путешествие из Палермо в Мессину, но теперь, по возвращении, ничего не дал за его проезд; но он сам сообщил мне сначала, что заплатил четыре доллара, а потом сказал шесть. Я полагаю, что оба они были ложью в угоду соотечественнику, поскольку мои расспросы, очевидно, были направлены на то, чтобы удостовериться в справедливости того, что я заплатил сам; и впоследствии, когда я упрекнул капитана в том, что ему заплатили вдвое больше за пользование каютой, правда вышла наружу. Пространство непосредственно перед навесом и между скамейками было заполнено, и были разложены матросы и тряпки для четырех женщин, двух мужчин и троих детей, всех из которых капитан взял из милосердия, *то есть* на оплату

проезда; команда состояла из семи мужчин и трех мальчиков, и еще один пассажир разместился на носу.

Мы вышли из Мессины 9-го и всю ночь гребли против ветра: конечно, я не увидел в этих знаменитых проливах ничего, кроме того, что мне понравилось в окрестностях Мессины. Северное побережье Сицилии очень гористое, более высокие возвышаются вглубь страны над теми, что огибают берег. Последние представляют собой смесь леса и возделываемой земли, а у их подножий часто встречаются небольшие возделанные равнины, образующие в целом восхитительный вид. Этну я не видел, полагаю, потому, что спрятался в облаках, но ближайшие холмы представляют собой такой сплошной барьер, что его можно было увидеть только с нескольких точек. Примерно в двадцати пяти милях от Палермо находится широкая открытая долина Термини, древняя Гимера, и это было единственное значительное место, которое я заметил, но в темноте мы могли миновать и другие; частично гребя, частично плывя под парусом, мы продолжали наш путь без перерыва. Справа были острова Липари, все гористые и почти все имеют форму единого усеченного конуса или комбинации конусов; тем не менее, есть некоторые, которые, судя по их форме, как я подозреваю, не являются полностью вулканическими. Мы добрались до Палермо вечером 11-го.

Палермо расположен на берегу красивого залива, который может соперничать с заливом Неаполя, но город расположен почти на равнине, а горы, окружающие его благородную равнину, во всем схожи по характеру; оба эти обстоятельства ограничивают не красоту какого-либо отдельного пейзажа, а разнообразие всего в целом. Эти окружающие горы, тем не менее, мелко изломаны и разнообразны в своих деталях. Самые высокие вершины, возможно, возвышаются на три-четыре тысячи футов, но на задворках в ясную погоду мы различаем обширную массу Небродов, которые теперь называются горами Мадоннии. До того, как я добрался до Сицилии, я ожидал, что у них всегда будет снежная шапка, но это не так, хотя, возможно, они всегда сохраняют снег в своих впадинах. Вы с большим удовольствием наслаждаетесь этим зрелищем с пристани для яхт, общественной набережной, протянувшейся вдоль берега, окаймленной хорошими домами, которые, однако, расположены нерегулярно, возвышаясь в основном на продолжающейся террасе. В конце этого места вид украшают прекрасные рощи ботанического сада; за ними мы видим просторную и хорошо возделанную равнину, плавно поднимающуюся к крутым горам, о которых я уже упоминал, которые постепенно отступают, пока не теряются в Небродах. В противоположном направлении находится Монте-Пеллегрино, прекрасный отдельно стоящий холм, но без леса.

Если бы англичанина быстро перевезли в Неаполитанский залив, на Корфу, в Афинскую цитадель, в Мессину и в Палермо, что бы он предпочел? или если бы он созерцал утреннее солнце, постепенно освещающее Этну из театра Таормины, разве он не назвал бы ее прекраснее любой из них? Я видел каждый из них с небольшим интервалом, но не могу решить; то, что присутствует, всегда кажется самым красивым, и если я отдаю предпочтение Афинам, то, возможно, потому, что волнующее ощущение их былой славы смешивается с эмоциями, вызываемыми пейзажем; и, безусловно, именно в этих условиях красоты, к которой мы привыкли в Англии, наиболее не хватает. Здесь нет ни деревень, ни усадеб для джентльменов; ни деревьев достаточно близко, чтобы их можно было отчетливо разглядеть, за исключением серой полосы оливковой рощи. Никакой смеси тени и возделывания; никаких фермерских домиков; никаких увитых плющом руин; никакого бегущего ручья; никаких отвесных скал; а если и есть высокие горы, то они находятся на таком расстоянии, что все их неровности смягчаются

до ровного оттенка. Что же тогда есть в Афинах? Вот яркие воздушные оттенки, проливающиеся над морем и сушей; череда холмов самых разнообразных форм, среди которых на разном расстоянии поблескивают воды Саронического залива; горы Пелопоннеса; Коринфский Акрополь; острова Эгина и Саламин; Пирей; Афинская равнина; и серая оливковая роща, прекрасно контрастирующая с желтым оттенком равнины. Ближе находятся Пникс, Ареопаг и остатки Пропилей, а также белые мраморные колонны Парфенона, к одной из которых прислонился зритель, хотя они и не являются частью обзора, но, безусловно, способствуют его эффекту.

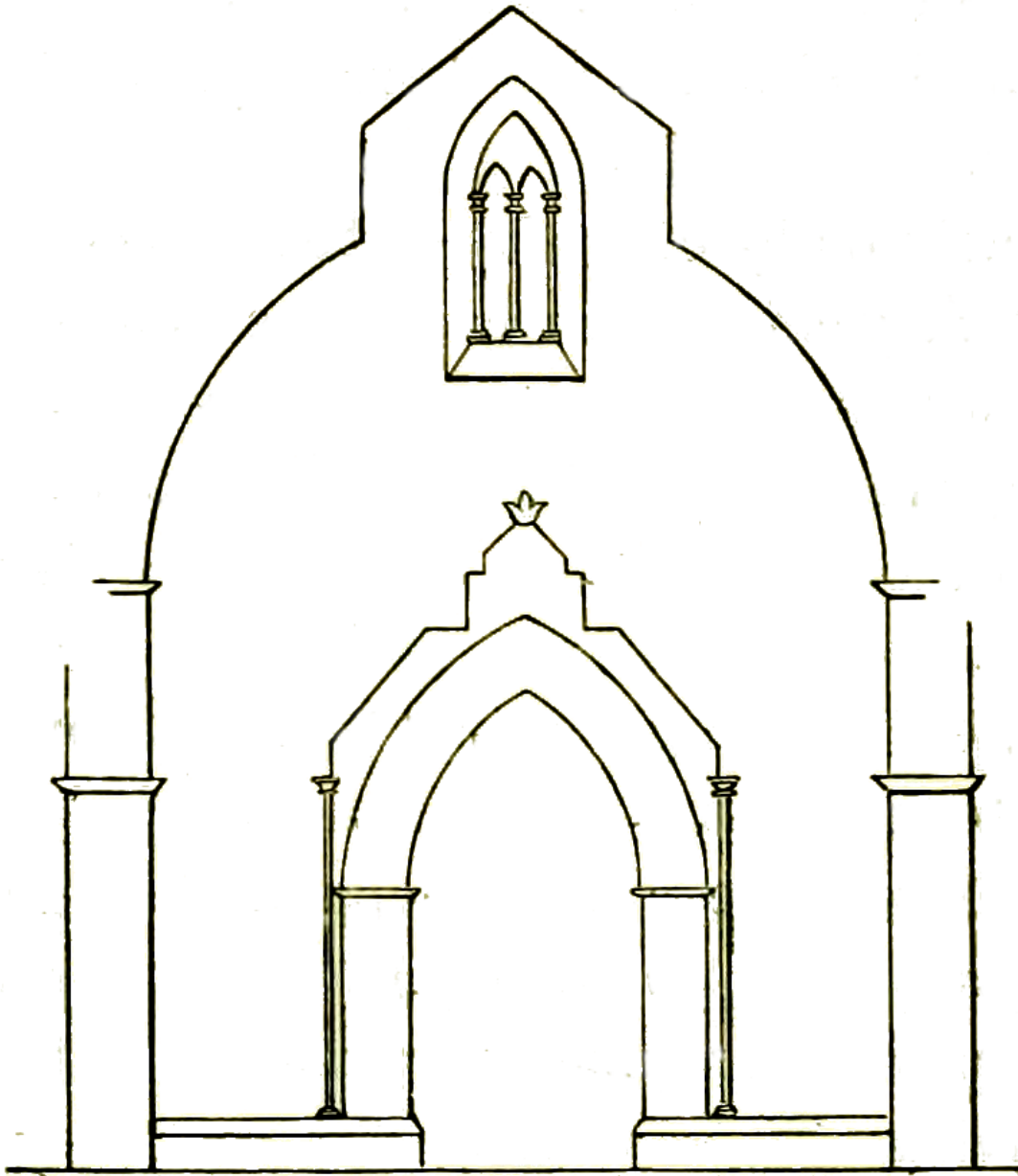
В Палермо есть две хорошие прямые улицы, пересекающиеся друг с другом под прямым углом; две площади, одна из которых находится перед королевским дворцом; и Марино, которое ограничивает город с востока. Остальная часть города состоит из узких, кривых и грязных улочек. Действительно, таково было состояние всего города до 1564 года, когда вице-король дон Педро ди Толедо начал прокладывать два главных проспекта. Они хорошей ширины, и дворцы, которые их окаймляют, хотя и не правильной, но отнюдь не презренной архитектуры. Памятники старины относятся в основном к нормандским временам, с одним или двумя зданиями, которые претендуют, и, вероятно, справедливо, на сарацинское происхождение, хотя и не относятся к гораздо более ранней эпохе. Мне, так долго изучавшему остатки греческой свободы, они кажутся вполне современными; однако некоторые из них представляют большую историческую ценность, и я продолжу давать вам небольшой отчет о них, заметив, кстати, что простые люди Сицилии утратили всякую гордость за свое греческое происхождение и смешивают в своих рассказах всех, кто не был христианами, или, скорее, католиками, под именем сарацин; или, если они признают какую-то разницу в нации, они нисколько не сомневаются, что жили примерно в одно и то же время, и один очень мудрый чичероне заверил меня *клянусь его честью*, что некоторые из городских стен, построенных упомянутыми греками или сарацинами, пострадали во время всемирного потопа. Священник в одной из церквей утверждал, что одна часть здания была возведена французами; я спросил, в какое время? В то время островом правили римляне.

Недалеко от Палермо есть сарацинский замок под названием Зиса; его происхождение действительно оспаривается, но в его архитектуре есть особенность стиля и соответствие некоторым зданиям, существующим в Турции, что не оставляет сомнений в этом факте. Окна были изменены, за исключением нескольких маленьких квадратных в нижней части, но стена украшена тупо заостренными арками, очень слегка утопленными и без орнамента. Главный вход находится под аркой схемы внутри очень остроконечной арки, которая, вероятно, была изменена. Этот и два других выходят в модернизированный коридор, а напротив средней арки коридора находится большая арка, ведущая в старинный зал. Три стороны этого зала сохранили свое первоначальное расположение, и в целом это самая любопытная часть здания. Это квадратная комната с четырьмя нишами, одна из которых, как упоминалось выше, сообщается с коридором и наполняет помещение воздухом и светом. Крыша представляет собой рифленый и тупо заостренный свод, но без украшений; под каждым выступающим углом каждого из трех углублений находится очень маленькая шахта. В верхней части стен есть несколько мозаичных украшений, а над ними арка, которая не является ни сводом, ни куполом, а представляет собой комбинацию маленьких арок и фрагментов арок, расположенных так замысловато, что, потратив три или четыре часа на попытки изобразить это на бумаге, я был, наконец, вынужден отказаться от нее. Посередине находится фонтан, и если бы коридор

выходил на лужайку или в сад, вы вряд ли могли бы представить себе более восхитительное убежище в жаркий день.

Еще одни сарацинские руины, но на некотором расстоянии от города, называются Кастедду, *то есть Кастелло*; сицилийцы единообразно меняют двойную букву на двойную *d*, а конечную букву на *ai*. Он имеет значительную протяженность и украшен тупо заостренными арками и очень слегка отступающими гранями. В нем также есть несколько почти плоских арок, которые, вероятно, современные; и есть маленькие окна с квадратными головками, которые, по-видимому, принадлежат древней работе; и длинные отверстия-петли, которые также заканчиваются перемычкой. Среди арок на некоторых есть камни-ключи, а на других их нет. Рядом с этим зданием находится здание меньшего размера того же типа, а также есть другие остатки стен и курганов, на одном из которых находится старое оливковое дерево, 12 футов в диаметре у основания. Все они расположены в бассейне, называемом *Маре д'Аквадольче*, который снабжается обильными источниками чистой воды, берущими начало у подножия гор; и рядом с этими источниками есть еще один фрагмент, состоящий из смеси прямоугольных камней и кирпичной кладки и имеющий заостренные арки, которые, возможно, сарацинского происхождения.

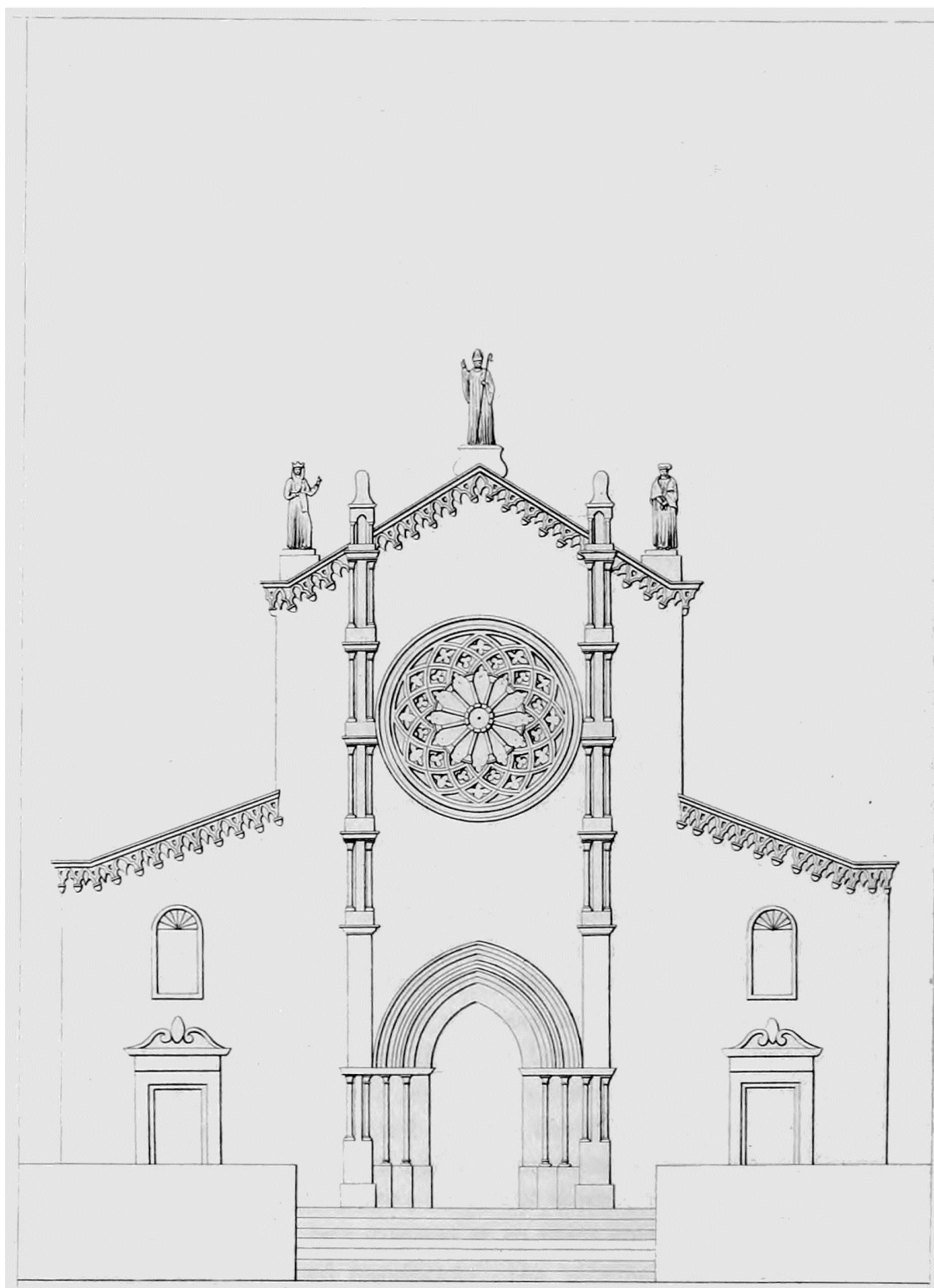
Это основные объекты, относящиеся к сарацинским временам, и хотя арки заостренные, все же вряд ли о них можно сказать, что они относятся к остроконечному стилю архитектуры. У них свой особый характер, и их легко отличить от нормандских зданий этой страны. К ним я сейчас и перехожу; и сначала, поскольку это разумно, я должен кое-что сказать о соборе. Я полагаю, он был основан Вильгельмом Вторым по прозвищу добрый в 1187 году. В нем находится могила его деда Рожера, первого нормандского короля Сицилии, и его отца Вильгельма плохого. Сначала они были помещены в небольшую часовню, построенную Роджером, которую снесли, чтобы освободить место для церкви. Гробница Рожера представляет собой простой саркофаг, сложенный из плит порфира, под навесом, имеющий форму небольшого храма, с четырьмя колоннами и архитравом, украшенным мозаикой. Портреты некоторых других сицилийских принцев расположены таким же образом, но с большим количеством украшений. В разные периоды в церковь вносились значительные изменения и пристройки, и в последнее время художники перешли к имитации старого стиля, что затрудняет анализ, но если есть части, несомненно относящиеся к более поздним датам, а другие весьма сомнительны, то внешне все еще остается значительная часть, несомненно, оригинальной работы. В чередовании слегка отступающих фасадов и тупо заостренных арок нормандские архитекторы, по-видимому, следовали своим сарацинским предшественникам; они ввели большее количество лепнины, но все же ее меньше, чем мы могли бы найти в нормандских зданиях с такой же высокой отделкой во Франции или Англии. Они привезли с собой также свой зигзаг, следов которого нет в сарацинских останках; но вместо того, чтобы образовывать его резьбой, он обычно состоит из черного мрамора, инкрустированного по белому или светлому основанию. Встречаются и другие нормандские орнаменты, частично рельефные, но чаще всего инкрустированные. Западная оконечность имеет квадратное завершение вместо фронтона; и по бокам от каждого угла к нему примыкают маленькие башенки, выполненные в очень причудливом стиле. В центре находится большая и величественная арка, но прерывистая, как на прилагаемом эскизе.

В верхней части имеется сравнительно небольшое окно. Дверной проем внизу сохраняет свою арку в целости, но внешняя лепнина сломана и перестроена зигзагообразно. Композиция не отличается красотой и, конечно, не ровесница зданию. Я не могу претендовать на то, чтобы назвать ее дату, но в ней нет следов реставрации римской архитектуры. Главный вход находится с южной стороны, через открытое крыльцо с тремя арками, и это тоже пристройка, возможно, четырнадцатого века.

В Палермо есть несколько зданий средневековья, которые позволяют проследить прогресс этого искусства. Пожалуй, наиболее интересной является церковь Сан-Никколо делла Кальса, башня которой изобилует инкрустациями, и мы можем проследить в ней подражания как нормандским орнаментам, так и орнаментам римской архитектуры; но сочетания первых более сложны, чем в соборе. Вероятно, он был возведен в двенадцатом веке. Всарацинской

архитектуре мы не находим резных украшений, художник полностью полагался на инкрустацию и мозаику. Норманны переняли этот стиль, но применили его к своим собственным любимым украшениям и смешали с ним резную лепнину; постепенно резьба вошла в большее употребление, а инкрустация и мозаика уменьшились, и последний пример последнего, на который мне указали, находится во дворце трибунали, возведенном в 1307 году. Даже зигзагообразный орнамент использовался до 1302 года, поскольку он выставлен в церкви Святого Франциска, которая датируется той датой. Фасад церкви Сан-Никколо делла Кальса, вероятно, был возведен после башни и даже после 1306 года, который является датой самой ранней гробницы в церкви; орнаменты менее нормандские, и эффект зависит от лепнины, а не от инкрустации. Тем не менее, распределение простое, и оно очень далеко от богатства или замысловатости порталов французских или английских церковных зданий того периода.

Скульптор Дж. Хоксуорт.

S^T. Nicolò Della Kalsa at Palermo.

Лондон, издательство J. & A. Arch. Корнхилл. 1^{марта} 1828 года.

В Палермо есть хороший ботанический сад, а теплый климат дает нам возможность увидеть многие из наших тепличных растений, растущих свободно и в совершенном виде на открытом воздухе. Среди них мы можем заметить сахарный тростник, папирус и банан; ботаник также будет рад познакомиться со многими сицилийскими растениями, которые вряд ли можно увидеть где-либо еще. Казино было спроектировано М. дю Фурни, о котором я уже упоминал вам в Париже: общая форма хороша, но детали мне не нравятся. Метопы (поскольку ордер дорический) украшены различными фруктами. Идея гениальна, но в ней должны были быть представлены различные способы плодоношения, особенно такие, которые позволяют пролить свет на различные семейства растений. В данном случае они не были ни хорошо подобраны, ни хорошо исполнены.

БУКВА LV.

AGRIGENTUM—SELINUS—SEGESTA.

Неаполь, 22 сентября 1818г.

Я договорился с *сенсале*, что меня отвезут в Джирдженти через два с половиной дня за шесть сицилийских долларов, каждый из которых стоит немного меньше испанского доллара. Эти *сенсали*, которые являются посредниками владельцев лошадей, обычно заботятся о том, чтобы получить хорошую долю прибыли; и я обнаружил, что в данном случае владелец лошади, который сопровождал меня пешком и возвращался в Аликату, должен был получить сорок *тари* за свою порцию, а *тари* - двенадцатая часть доллара. Мы отправились в путь в понедельник, 17-го. Дорога некоторое время идет вдоль берега, затем сворачивает в прекрасную долину, разнообразные формы и удаляющиеся вдаль горы на границе которой открывают череду красивых пейзажей.

В Кастельоне^[38] мы покидаем долину и едем по голым холмам, которые весной покрываются кукурузой, но в это время года выжженная стерня или голая земля имеют однородный мертвенно-коричневый цвет, как у какой-нибудь унылой пустоши. Мы миновали несколько купальен, снабженных довольно обильным источником теплой воды без вкуса, бьющим из подножия скалы, которая, как я полагаю, сложена из известняка, но сверху она была покрыта брекчией, состоящей из округлых фрагментов различных веществ, основанием которых является твердый красноватый камень. Теплые источники на этом острове встречаются чаще, чем холодные. Отсюда мы спустились в Белли Фрати, который расположен в красивой открытой долине, изобилующей виноградниками и фруктовыми садами; склоны холмов покрыты оливами; выше растут кукуруза, камни и кустарник; но главной особенностью является очень крутой склон горы на некотором расстоянии, большой протяженности, покрытый прекрасным лесом, за исключением тех мест, где отвесная скала не пропускает его рост, и за исключением различных маленьких красивых просветов между деревьями. Я полагаю, это часть королевского леса, или погони Бусамбры. Над этой горой возвышаются более отдаленные вершины, которые были лишь смутно видны среди облаков. План моего проводника состоял в том, чтобы остановиться в этом месте, в двадцати двух милях от Палермо, но он был готов продолжить путь,

как и я, поскольку оставалось еще много дня. Поэтому мы продолжили наш путь к Сан-Джузеппе, проехав еще примерно девять миль. Здесь также раскинулась прелестная долина, и цветущие головки алоэ, в изобилии растущие среди олив и над ними, обладали очарованием новизны, так же как и красоты. Сан-Джузеппе - жалкая уединенная лачуга, в которой не было отдельных комнат, и если бы я остался там, то мог бы спать только на соломе, среди веттурины и их мулов. Поэтому я решил отправиться в Алькару, в тридцати девяти милях от Палермо, и здесь с некоторым трудом добыл ночлег. Колебания по поводу предъявления мне обвинения были просто приняты для того, чтобы сформулировать ходатайство о более непомерном обвинении. Эта последняя часть пути привела меня к значительной горе (Серра Фареския), и я оказался окутанным облаками. Если бы это было не так, я был бы слишком поздно вечером, чтобы увидеть от них какую-либо обширную перспективу, но, насколько я мог судить, местность была совершенно лишена леса; и мое путешествие на следующее утро в Фонтана Фредда носило тот же характер. Здесь снова приятная долина, и, почувствовав усталость и недомогание, я останавливаюсь на ночлег. Место получило свое название из-за источника с превосходной водой. Пейзаж имеет очень своеобразный характер, возникающий из-за частых фресковых обрывов, образованных холмами. Вещество тех, что находятся в непосредственной близости, я принял за гипс из-за его прозрачности и блестящих трещин, но оно шипит под действием кислот и, следовательно, я полагаю, представляет собой карбонат извести. Структура кажется несколько волокнистой. Однако на дороге также есть некоторое количество гипса. Выше по склону горы представляют собой еще одну серию фресковых обрывов, столь же вертикальных и, возможно, примерно такой же высоты, которая может составлять от ста до двухсот футов. По-видимому, они представляют собой конгломерат, но я не подходил достаточно близко ни к одному из них, чтобы быть уверенным в этом факте. В течение первого дня мы миновали множество русел рек, но только в одной из них был ручей с водой, да и та была отравлена замоченными в ней льном и пенькой. На второй день, после долгого спуска из Алькары, мы прибыли на берега Фиуме, или, скорее, Фьюмары, ди Сан-Пьетро, в некоторых местах которой текла вода, в то время как в других мы видели только каменное ложе; но и это было крайне неприятно. На третий день первая часть нашего маршрута проходила возле той же реки; количество воды увеличилось, но запах остался прежним. Для меня было большим разочарованием, когда после долгой поездки верхом и пешей прогулки под палящим солнцем и, увидев вдалеке сверкание воды, при ближайшем рассмотрении обнаружил, что то, что должно было бы придавать очарование всему, что здесь есть, вызывало только отвращение. Даже когда встречается чистый ручей, сицилиец, возможно, сформировавший свои представления о проточной воде из-за ее общей неприятности, никогда не пьет ее сам и не дает напиваться своему скоту, но вода из различных источников отводится тут и там по крытым каналам в специально подготовленные для этой цели желоба по обочинам дороги. Через несколько миль мы пересекли гряду высоких глинистых холмов, в некоторых местах которых добывают серу, и к полудню прибыли в Джирдженти. Современный город расположен высоко на южном склоне крутого холма, который образует на вершине узкий гребень. Высота самой высокой части, возможно, составляет 800 футов. Отсюда открывается прекрасный вид на море и прилегающую местность, усеянную виноградниками, фруктовыми садами, оливковыми и миндальными рощами; восхитительная перспектива. Примерно на полпути между ним и берегом находятся руины древнего Агригента. Путь к ним из Джирдженти лежит по непрерывному спуску, но, тем не менее, они занимают скалистое и живописное возвышение, которое показывает их с большой выгодой. Меня предупредили, чтобы я не ходил в бенедиктинский монастырь, и порекомендовали остановиться в "монастыре капуцинов",

который, помимо прочих достоинств, имеет то, что находится на окраине города, ближе к руинам; но я предпочитаю уединение в моей собственной квартире в гостинице, где это практически осуществимо; и, обнаружив, что в этом месте есть locanda, я устроился там, и хотя я не могу особо похвастаться своим жильем, все же я должен сомневаться, что в монастыре капуцинов оно лучше. Я передал письмо дону Гульельмо Саличе, который был чрезвычайно вежлив и, в соответствии с тем, что он считал английскими обычаями, предложил мне утром ром, а в полдень - чай. После этого, взяв мальчика, которого я нашел у городских ворот, в качестве проводника, я спустился к храмам.

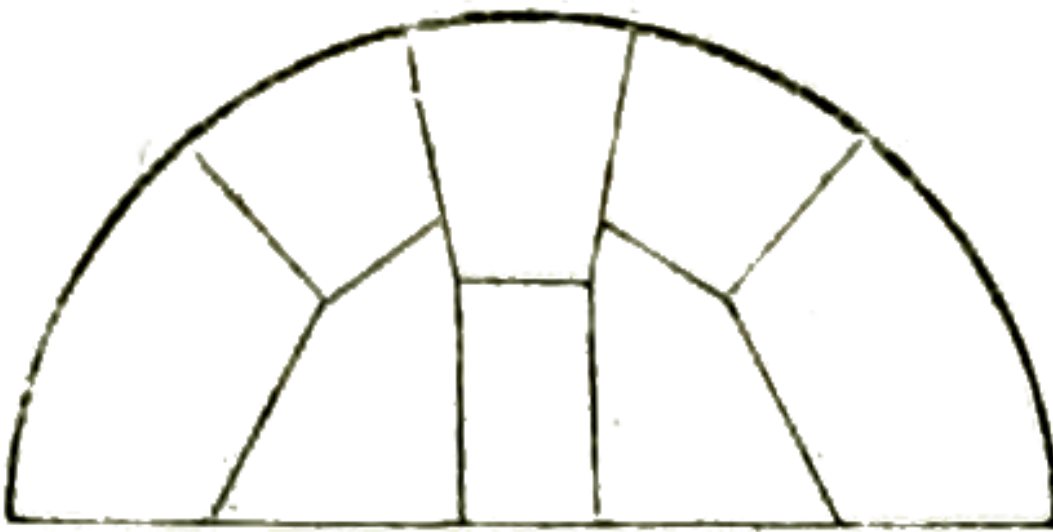
Первое древнее сооружение, с которым мы встречаемся, называется Ораторией Фалариса; но по множеству мелких лепных украшений я предполагаю, что оно относится к римским временам; пилястры имеют основания, а архитрав украшен гуттами, принадлежащими к триглифам дорического ордера.

Между этим храмом и остальными находится большой промежуток, но прогулка очень приятна среди виноградников и оливковых рощ, где то тут, то там попадаются незначительные фрагменты стены или акведука. Основные объекты образуют единый ряд, занимающий гребень холма, который, будучи крутым с одной стороны, почти обрывист с другой. Этот хребет находится на расстоянии двух-трех миль от моря, но лишь частично открыт ему; восточная точка является самой высокой и, возможно, имеет высоту 250 футов. Здесь мы находим руины, которые обычно называют Храмом Юноны. До сих пор сохранились одиннадцать колонн с архитравом и несколько других одиночных колонн, более или менее совершенных. Пропорции и формы прекрасны, а сдержанный коричневый цвет камня идеально гармонирует с окружающей обстановкой. Эти окрашенные в цвет руины, коричневая скала, из которой они возвышаются, темно-зеленые заросли рожкового дерева и сдержанно-серые оливковые деревья, среди которых они стоят, и все это на фоне темно-синего неба создают неопишемую атмосферу покоя. В этом здании есть остатки меньших ступеней ниже двух основных перед пронаосом, и у подножия этих меньших ступеней есть ход, выдолбленный на поверхности, как будто для стока, а через интервал примерно в 27 футов - массив каменной кладки, который имеет вид ступеней, поднимающихся из храма, как будто для того, чтобы дать представление о том, что происходило внутри или непосредственно перед зданием.

От храма Юноны мы идем среди древних каменоломен, гробниц, зернохранилищ и цистерн к храму Согласия; оба эти названия очень неопределенны, или, скорее, совершенно очевидно, что они ошибочные, но они служат для различения. Здесь все колонны стоят, а стены камеры и оба фасада почти целые. Его сицилийское величество распорядился залатать его и оштукатурить, а надпись на мраморе свидетельствует о реставрации, выполненной штукатуркой. Я подозреваю, что эта плита и надпись стоили дороже, чем ремонт, и, вероятно, останутся загадкой для антикваров, когда все следы последнего исчезнут. Архитектура этого храма уступает храму Юноны. Ситуация аналогична, но менее величественна. Антасис колонн менее заметен. Капители пилястр неуклюжи и плохо смотрятся как в работе, так и на рисунке. Здесь также есть следы расширенной платформы перед восточным фасадом, но нет никаких указаний на способ входа с нее в храм, равно как и на какие-либо ступени на противоположной стороне платформы. От задней стены сохранилось недостаточно, чтобы определить, была ли дверь между почтальоном и храмом.

Продолжая наше продвижение на запад, частично среди густых плантаций индийского инжира, мы прибываем к Храму Геркулеса. Эта была намного больше любой другой, но сохранился только один фрагмент колонны. Многие другие лежат в том виде, в каком они упали, и руины образуют настоящий холм. Колонны были почти 7 футов в диаметре и около 30 футов в высоту. Общая ширина перистиля составляла около 11 футов. Судя по всему, он был шестистильным и периптеральным, с колоннами на расстоянии не более одного диаметра друг от друга.

Пройдя небольшую впадину, которая, вероятно, отмечает расположение древнего выхода из города по направлению к порту, мы обнаруживаем огромные руины Храма Юпитера. Сохранилось достаточно, чтобы показать, что он был выполнен в дурном вкусе и плохой конструкции, но огромных размеров. Камень, использовавшийся в сицилийских древностях, слишком груб по своей зернистости и слишком мягок и скоропортящийся по своей природе, чтобы можно было точно различать формы более мелких деталей. Простой траты времени и непогоды, по-видимому, было достаточно, чтобы привести храмы в их нынешнее состояние, и в здании перед нами материал, я думаю, был раздавлен во многих частях чрезмерным весом. Однако не составляйте о нем слишком плохого мнения, но вспомните, что прошло 2200 лет с тех пор, как Агриджентум перестал процветать. Этот храм был псевдопериодическим, *то есть* окруженным полуколоннами, прикрепленными к стене. Часть средней колонны, все еще остающаяся на восточном конце, показывает, что сзади их было семь; и мы можем различить четырнадцать на каждом фланге, включая угловые; но была ли центральная колонна впереди или как управлялась эта часть, мы не можем определить. Чтобы решить этот вопрос, на линии фронта были проведены раскопки, но они не показывают ничего, кроме правильных ходов фундаментов. Более обширные раскопки на северной стороне обнажают огромные фундаменты, на которых покоился храм, поднимающийся по ряду крутых ступеней, на вершине которых несколько древних колонн образуют, каждая из которых представляет собой значительный курган из собственных руин. Мы с трудом обнаруживаем какое-то филе и, возможно, изогнутую лепнину, образующую своего рода основу. Внутри два ряда огромных опор делят пространство на три прохода, но от них сохранился только фундамент, и были разработаны различные схемы соединения этих опор с определенными колоссальными фигурами, которые, как предполагается, дали зданию название храм великанов, под которым оно давно известно. Фрагменты скульптуры действительно были найдены огромного размера, как мы могли бы предположить, если бы они составляли существенную часть такого здания. Некоторые камни были огромной массы, но в целом они были небольшими. Полуколонны были выстроены таким образом,

каждое блюдо состояло из восьми частей, но каждая капитель состояла из двух больших блоков. Архитрав имеет три высоты, а нижний камень опирается только на выступы капителей. Фриз имеет одну высоту, как и карниз, за исключением симы, которая отсутствует. Выступ карниза, по-видимому, составлял почти 7 футов. Камни фриза были установлены на свои места с помощью канавок для подковы на каждом конце, но камни карниза требовали двух таких канавок. Мы находим фрагменты орнаментированных околос двух разных размеров, один из которых, а возможно, и оба, принадлежали внутреннему карнизу. Скульптура имеет ухмыляющийся характер ранних попыток изобразить богов, и мы можем отчетливо проследить в одном фрагменте черты Венеры.

Если вместо того, чтобы идти прямо к этому храму после того, как мы покинем храм Геркулеса, мы спустимся в долину, то почти сразу же встретимся с небольшим зданием смешанного порядка, расположенным на возвышенном цоколе. Обычно это называют Гробницей Терона, я полагаю, по тому же принципу, по которому, как нам говорят, *lucus* происходит от *ne lucendo*. Все, что мы знаем о гробнице Терона, это то, что она была расколота молнией, и в этом маленьком сооружении нет никаких следов такого несчастного случая. Высказывались различные предположения, но на самом деле у нас нет ни малейшего намека на то, что это было, или на период его возведения; а дальше на равнине находятся руины, которые сейчас называются Храмом Эскулапа. Уилкинс изобразил часть задней стены в "Древностях Великой Греции", но один из передних входов все еще существует, а ограждение лестницы такое же, как в храме Согласия: так что план может быть уверенно восстановлен. Это был псевдоамфипротил, *то есть* у него был портик или пронаос спереди, никаких колонн по бокам и только полуколонны сзади.

Возвращаясь к храму Юпитера и возобновляя наш курс на северо-запад, мы находим несколько куч развалин, которые, как утверждал мой чичероне, принадлежали храму Кастора и Поллукса; а еще дальше находятся две колонны, которые он назвал храмом Эскулапа, в то время как храму на равнине внизу он дал имя Вулкана. Уилкинс считает эти две колонны частью храма Кастора и Поллукса, и я думаю, что он такой же авторитетный человек, как и мой маленький гид, поскольку там, где посетителей немного, эти руины поменьше не получили устоявшихся названий.

Помимо этих храмов, в нынешнем городе есть несколько фундаментов и обрубков колонн Храма Юпитера Полиея; а в соборе есть прекрасная ваза и саркофаг, которые пользуются большой известностью; одна сторона и один конец последнего выполнены из очень хорошей скульптуры; две другие грубы по форме и отделке. Он сделан из белого мрамора, содержащего слюду, которая местами осыпается, как в пентелийском мраморе; но в музее принца Бискари есть фрагменты из похожего материала, и я наблюдал гальку того же происхождения во Фьюмаре, в восточной части Сицилии, так что, возможно, это сицилийский камень. Этот собор готический и, как говорят, относится к 15 веку, но я не нашел в нем ничего интересного. Нижняя часть колокольни была возведена человеком, умершим в 1485 году. Остальная часть относится к более позднему времени, и арки в основном заканчиваются перевернутыми изгибами, но даже здесь мы находим маленькие колонны и зигзагообразные орнаменты нормандской и раннеанглийской архитектуры. Пока я был в Джирдженти, один человек зарезал двух других. Первого в результате ссоры, подробностей которой я не смог узнать, второго - потому что он думал, что его собираются задержать. Преступник был схвачен и доставлен в тюрьму. Это вызвало большой переполох в городе, что можно рассматривать как доказательство того, что подобные вещи случаются не часто.

Почва Агриджента и Гиргенти представляет собой грубый коричневый известняк, полный современных ракушек, но, возможно, не очень толстый (*m. e.* Не более 100 футов). Кажется, что он покоится на пласте глины и гипса. Более старый известняк обнаружен выше по долине, в нескольких милях от Гиргенти.

26 августа я выехал из Джирдженти на Монте-Аллегро, искаженное древнее название Гераклеи, находившееся по соседству, а утром 27-го отправился в Шакку. Примерно в трех милях от Шакки, на вершине высокого известнякового холма, находятся *пещеры* Сан-Калоджеро, состоящие из пещеры, расположенной почти на вершине обрыва, откуда дует очень сильный, горячий ветер, насыщенный парами, но без какого-либо неприятного запаха. Эта пещера изгибается так быстро, что канал, должно быть, подходит очень близко к поверхности утеса. Известняк обычно коричневатого цвета и залегает почти горизонтально; говорят, что горячий ветер сильнее всего в ветреную погоду.

Рядом с городом Шакка есть источники с горячей водой (однако некипящей), имеющие сернистый запах и сильно соленый вкус, и в их русле образуется сера. Их так много, что они составляют основной запас для мельницы, расположенной прямо под ними. Рядом с ними есть слегка теплый источник, вкус которого мало чем отличается от вкуса обезжиренного молока. В той же впадине находится небольшой желобок, и говорят, что не так давно здесь были еще два или три источника другого качества, которые теперь утрачены. Берег небольшой впадины непосредственно над этими источниками состоит из белой глинистой скалы, подобной той, что я уже встречал на пути, лежащей под конгломератом и выбрасывающей воду. Коричневый рыхлый камень лежит поверх глинистой породы на одном берегу, в то время как на противоположной стороне он покрыт глинистым налетом, а поверх него - плотным известняком, содержащим ракушки. Во второй половине дня мы отправились в Мемплисе, или Менфрисе, где есть жалкая гостиница, кишашая паразитами. Я проснулся ночью и стряхнул их со своей подушки так легко, как только мог, но они, кажется, прячутся главным образом в обломках штукатурки на стенах и никогда не нападали на меня в таком количестве после того, как я принял план отодвинуть свою кровать от стены.

Вместе с Шаккой я покинул горы и попал в страну совершенно иного характера; обширную возвышенную равнину, пересеченную извилистыми долинами, которые делят ее на холмы с плоскими вершинами почти одинаковой высоты. Эти вершины очень каменистые и частично возделываются на виноградниках и оливковых плантациях. Долины суглинистые, и все они засажены кукурузой. Мы пересекли реку, которая занимает долину большей протяженности и большей красоты, чем остальные, где верхняя часть покрыта лесом пробковых деревьев, но сам поток, как обычно, очень противный; а затем вышли на большую равнину, покрытую кустарником, на конце которой стоят или, вернее, лежат развалины Селина, или, как его называли римляне, Селинунта. Эти руины разделены песчаной долиной на две отдельные части, каждая из которых занимает свое возвышение. На том месте, куда мы прибываем впервые, находятся руины трех больших храмов, один из которых подчеркнуто называется Великим храмом. Одна колонна высотой около 45 футов все еще стоит. Он более 10 футов в диаметре и похож на башню, в то время как разбросанные вокруг обломки кажутся скорее руинами города, чем храма. Масштабы этого сооружения гораздо более впечатляющи, чем у храма Юпитера в Агригенте. Колонны и антаблемент *непостроены*, как в том здании, а сформированы из больших массивов; и восприятие этого обстоятельства гармонирует в сознании с их массивными пропорциями и огромной величиной. Один блок архитрава (вероятно, угловой) имеет размеры 26 футов 2 дюйма в длину, 4 фута 9 дюймов в ширину и 6 футов 10½ дюймов в высоту; но наиболее поразительными каменными массивами являются те, которые образуют большие капители, каждая из которых была вырезана из блока площадью 13 квадратных футов. Форма этих капителей очень своеобразна. Я не видел ничего подобного в Греции, за исключением фрагмента в очень маленьком масштабе, который я заметил на Корфу. Обычные греческие дорические капители в лучших образцах образуют своего рода изгиб, и мы находим этот изгиб в третьем храме на этом возвышении (*рис. 1*), но в большом храме глубокая впадина прерывает течение линий, как на *рис. 2*.

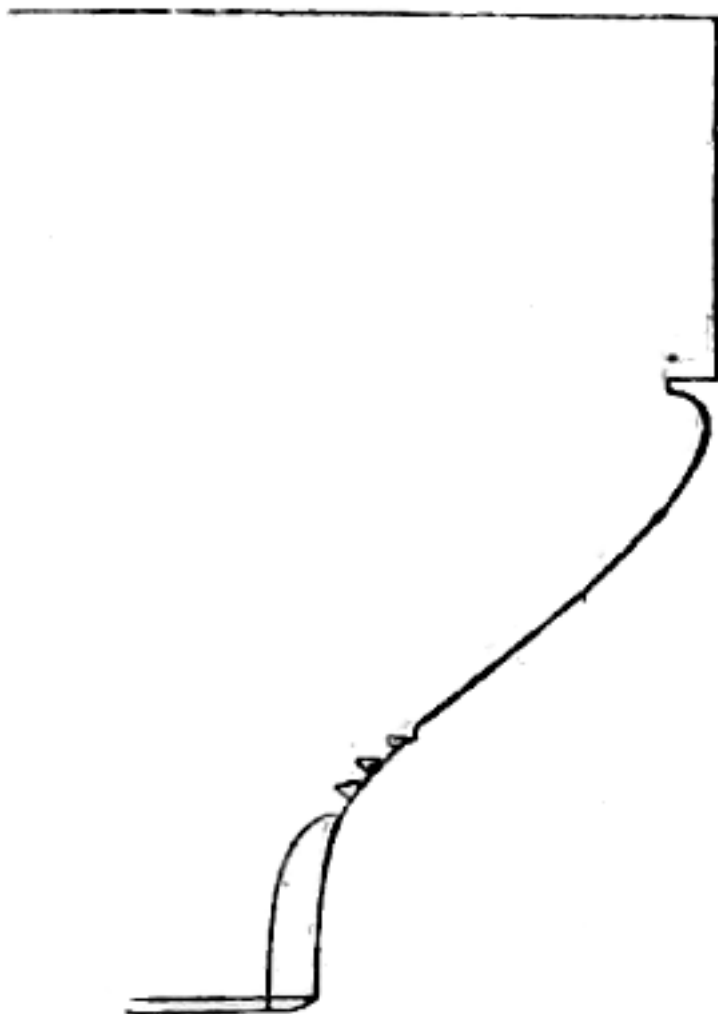

Рис. 1.

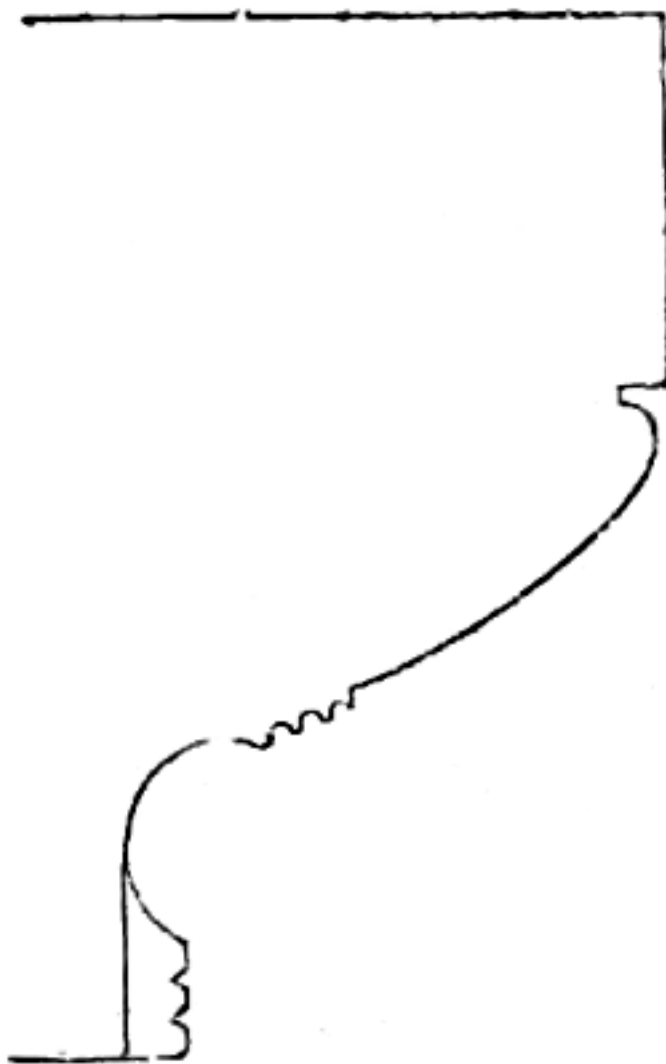

Рис. 2.

Фрагменты этого храма настолько велики, что пробраться между ними непросто. Есть следы существования сравнительно очень маленького внутреннего дорического ордера, а также еще меньшего ионического. Все детали этого огромного здания можно было бы получить, но это потребовало бы значительного времени и определенных затрат, поскольку, хотя никто и не пытался бы убрать какие-либо из больших масс, все же многие из меньших по размеру, а они не маленькие, должны быть убраны с дороги.

Этот, как и все здешние храмы, похоже, был разрушен в результате насилия, возможно, землетрясения; поскольку, хотя поверхности сильно пострадали от непогоды, камень в целом не настолько потерт, чтобы подвергнуть опасности устойчивость здания, и многие колонны можно было бы установить заново. Они падали внутрь с обеих сторон, но чаще всего это происходило на юге. Камень, хотя и имеет ту же природу, что и в Агридженте, гораздо более высокого качества, будучи более твердым и мелкозернистым.

А. Б. Клейтон Дэл. по эскизам Дж. Вудса

Ш^м. Мельник. Скульптор.

Руины Селина.

Рядом с большим храмом находятся руины второго, в котором многие нижние барабаны колонн все еще стоят на своих местах; а несколькими ярдами дальше находятся части третьего храма, архитектура которого лучше, чем у любого из других, или, по крайней мере, мне больше нравится.

Предполагается, что три описанных сейчас храма находились за пределами города. На противоположном холме, который находится едва ли в миле от нас, отчетливо видны руины трех других храмов и следы двух или трех зданий поменьше. Возвышенность, на которой они стоят, окружена террасной стеной, которая, как предполагалось, является городской. Он начинается с каждого хода, создавая видимость очень крутых ступеней, и этого достаточно, чтобы определить, что он был построен не для обороны. Весь холм, вероятно, был священной землей, и эти стены образовывали общий фундамент для священных сооружений, которыми он был увенчан. Два из этих храмов имеют особую форму капителей, которая, как я только что заметил, присутствует в великом Храме. Они менее красивы, чем афинские дорические, но детали хорошо гармонируют друг с другом, и эффект, кажется, был хорошо понят. Я легко могу представить, что это нашло бы много сторонников в Англии, особенно среди тех, кто восхищается смелыми выступами и глубокими тенями. Однако эту особенность можно найти не во всех этих зданиях. Три самых больших храма демонстрируют это, в трех других капители напоминают капители греческого ордена. Самый северный из трех, на втором холме, является примером этого сицилийского дорического стиля, и поскольку поверхность камня в нем более потерта, чем в любом другом примере, без какой-либо видимой причины для различия в природе камня, мы можем заключить, что это не было недавним нововведением; но и

сравнение состояния этих зданий не дает нам права предполагать, что это очень древний метод, который впоследствии уступил место подражанию грекам, поскольку здание, которое после этого имеет вид высочайшей древности, демонстрирует более обычное строение. форма. В одном из храмов на втором возвышении одиннадцать колонн северной стороны лежат параллельно друг другу и, по-видимому, точно так же, как они упали. Они упали на север, и это общее направление для всех этих руин, хотя и за некоторыми исключениями.

Мы ничего не знаем обо всем этом нагромождении великолепия, кроме того, что оно принадлежало городу Селин, который был разрушен Ганнибалом старшим примерно за 450 лет до Рождества Христова. Впоследствии здесь была римская колония под названием Селинунт, но стиль шести главных храмов позволяет с уверенностью утверждать, что эти здания греческого происхождения.

Я переночевал в Кагель-Ветрано, где с некоторыми трудностями раздобыл постель, и вернулся 29 и 31 числа к руинам, но ежедневная езда показалась мне довольно утомительной. Дорога на протяжении примерно четырех миль от храмов пересекает равнину, очень плавно спускающуюся к морю, покрытую *фисташковой лентиской*, *дафниевым гнидиумом*, колючим раkitником (*Spartium spinosum*) и древовидным молочаем (*Euphorbia dendroides*), два последних из которых зимой покрываются листьями, а летом обнажают свои стебли. Ближе к Кагель Ветрано дорога проходит по очень красивой долине, и вся эта часть представляет собой чрезвычайно каменистую почву, но покрыта оливковыми деревьями и виноградниками; последним, в частности, кажется, нравится этот сорт почвы, и из них производят одни из лучших вин на Сицилии. 30-го я поехал в каменоломни Селинуса, которые находятся примерно в восьми милях от Кагель-Ветрано и в шести от храмов. Они особенно любопытны, потому что повсюду разбросаны несколько фрагментов колонн, размеры которых показывают, что они предназначались для большого храма. Другие были подготовлены путем вырубки канала вокруг них, в то время как основание все еще остается прикрепленным к местной породе. Однако я подозреваю, что все это забракованные блоки; и, следовательно, они не являются каким-либо доказательством того, что массивные конструкции здания не были достроены. Ни здесь, ни в храме мы не видим никаких средств, предусмотренных для подъема этих огромных камней на их места, и я затрудняюсь представить, как это было сделано, но на одном конце нескольких из них есть ровные квадратные углубления, которые, вероятно, были сделаны для того, чтобы разместить кубы, помогающие скреплять их вместе. Мой проводник заверил меня, что они были вырезаны для того, чтобы закрепить камень на голове великана, который его нес. В некоторых кусках поменьше есть отверстия Льюиса.

1 сентября я покинул Кагель-Ветрано и направился по голым холмам в Калатафими. Здесь мы снова пересекаем пласты селенита и белой глинистой породы, которые образуют округлые возвышенности, а затем холмы из пористого карбоната извести. Они более изломаны и разнообразны, чем первые, и многие горы на расстоянии имеют чрезвычайно крутые формы. В Салеми верхушки состоят из конгломерата, который, по-видимому, лежит на известковых пластах. На следующее утро поездка верхом примерно в четыре мили привела меня из Калатафими в Сегесту, где находится храм, примечательный тем, что все колонны внешнего перистиля все еще стоят, в то время как келия исчезла. Есть, однако, некоторые следы фундаментов, но почва полностью каменная, и они, возможно, были возведены только для устранения недостатков в уровне, без определения положения стен. Архитектура не отличается ни особой красотой, ни решительной необычностью по сравнению с другими сицилийскими

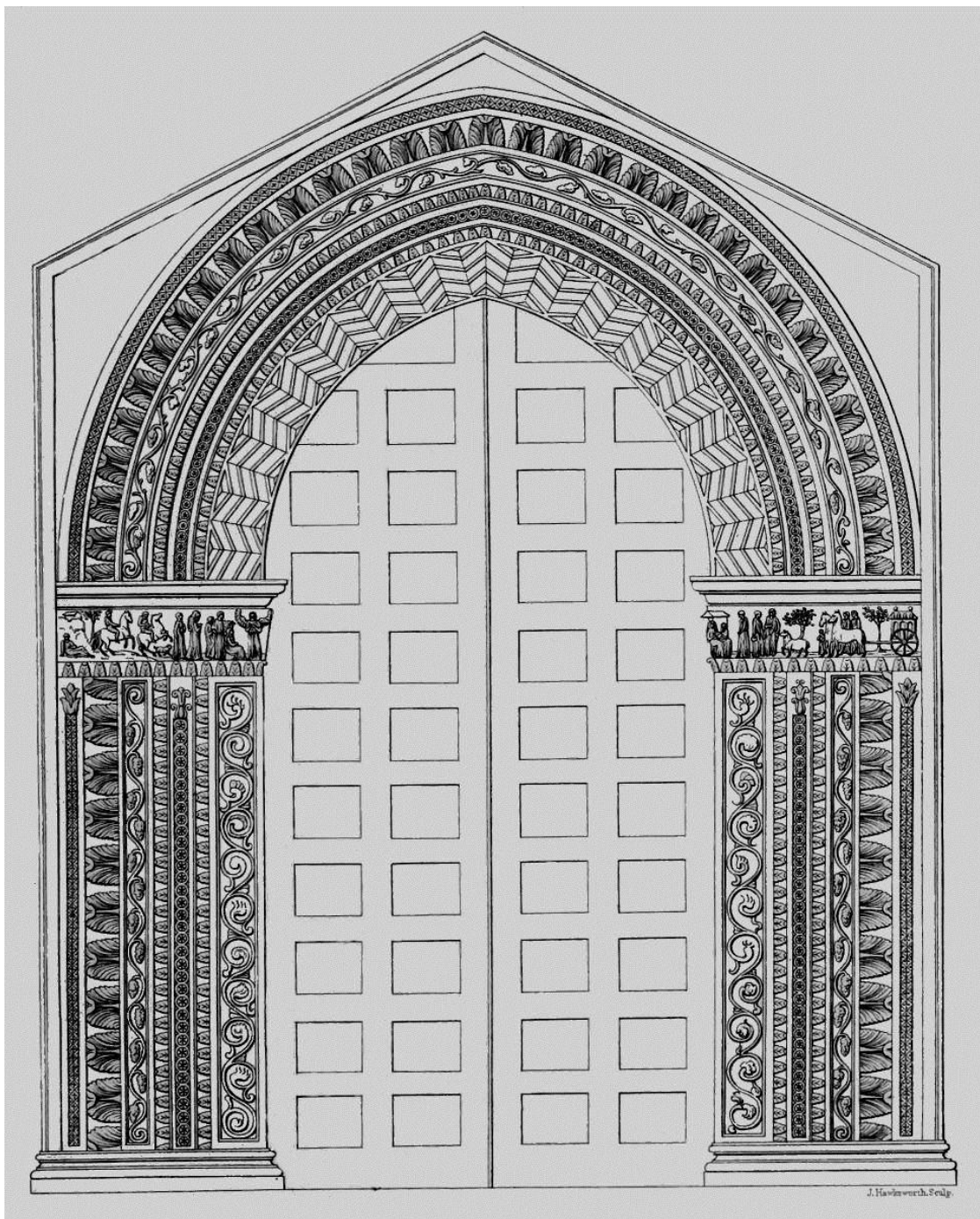
зданиями, но она незакончена, и это, хотя и является источником несовершенства, обычно свидетельствует о некоторых обстоятельствах в процессе строительства, которые делают руины более интересными. Эти колонны не рифленые, и можно усомниться в том, что художник предлагал сделать их такими, хотя, вероятно, предполагалось переделать всю поверхность. На ступенях и в некоторых блоках фриза все еще видны выступы, оставленные для того, чтобы установить их на свои места. Прогресс был любопытным, поскольку в то время как на ступенях решетки сформированы правильно в качестве направляющих для завершения работы, а общая поверхность оставлена грубой; в абаках капителей была обработана лицевая сторона и оставлены углы, чтобы они не пострадали при размещении; аналогичный метод был применен и в наличниках. Расположение этого сооружения необычно, поскольку в непосредственной близости от него нет ни морского порта, ни плодородной равнины. На холме рядом с храмом можно увидеть различные руины зданий, принадлежащих древнему городу. Главный из них - Театр. Здание построено из серого известняка, содержащего очень спрессованные конкреции кремня; сохранилась вся пещера, примыкающая к склону холма, но естественного изгиба недостаточно, и он был изображен искусно. В каждой боковой стене есть дверной проем с отверстием для нисходящего прохода под седилией. Ширина этого дверного проема всего 2 фута 2 дюйма, а изголовье полукруглое. Однако эта часть построена не из клиньев, а вырезана из цельного камня.

После шестичасового пребывания в Сегесте я возобновил свой маршрут в Алькамо, который расположен на возвышенной равнине, пересеченной извилистыми долинами и защищенной окружающими горами, но открытой для моря. Она плодородна и хорошо возделана. Партенико, деревня на краю этой равнины, является самым восхитительным местом. Горы над ним покрыты лесом, а великолепная скала, возвышающаяся над домами, красиво окаймлена деревьями. Отсюда мы господствуем над всей равниной Алькамо, покрытой виноградниками, оливковыми рощами и фруктовыми садами; а за ними раскинулся благородный залив с его крутыми и скалистыми берегами. Из Партенико мы поднимаемся в горы, которые через некоторое время вновь обретают свою привычную наготу, но дорога действительно представляет собой великолепное сооружение, петляющее по склону глубокой и узкой долины. Он поднимается на значительную высоту, возможно, 2000 футов. В самых высоких частях были виноградники, но только в теплых и защищенных местах. С вершины один долгий спуск привел нас через Монреале в Палермо, где по возвращении мне сообщили, что пакетбот не отправится в плавание в течение десяти дней и что в Неаполе только что был установлен карантин для всех судов, следующих из Палермо, из-за сообщений о чуме в Тунисе и заразной лихорадке на Мальте; известие, которое, по правде говоря, отправило меня в уныние, потому что мне не терпится закончить свои наблюдения в Неаполе и Риме и вернуться в Англию и к вам.

Я ничего не рассказывал вам о Монреале, который, тем не менее, заслуживает внимания как своим расположением, так и находящимся в нем великолепным нормандским собором с мраморными колоннами и стенами, покрытыми орнаментами и историческими композициями из мозаики, основа которой в основном золотая. Он был возведен Вильгельмом Вторым, который правил с 1166 по 1189 год. Все арки заостренные, но многие орнаменты похожи на орнаменты нашего англо-нормандского периода, только вместо резьбы они по большей части выполнены из инкрустированного мрамора. Другие орнаменты, очевидно, скопированы с римских и отнюдь не плохо выполнены. Они также в основном мозаичные или инкрустированные, но есть и часть очень хорошей резьбы. Западный дверной проем особенно богат и красив. Последовательный выступ частей очень мал, и я уже заметил, что этот характер

преобладает также в сарацинских постройках на Сицилии. В Монреале алоэ растет в большом количестве, и однажды я насчитал девяносто восемь цветущих стеблей за один вид. Его используют как изгородь, но это не очень хорошая изгородь, потому что, хотя оно прекрасно в течение одного-двух лет до цветения, все же, поскольку старое растение сразу после этого отмирает, проходит два-три года, прежде чем отводки становятся достаточно развитыми, чтобы эффективно занять его место. Иногда я также вижу, как кактус используется в качестве изгороди, но через некоторое время нижняя часть теряет свои колючки, и люди и животные могут пролезть сквозь нее.

Я пошел на спектакль на следующий день после возвращения из Сегесты и увидел (вы не поверите?^[39]) вся история Орlando Фуриозо превратилась в фарс! Были опущены все те эпизоды, в которых ни Орlando, ни Анжелика не принимали никакого участия, но все, относящееся к ним, было тщательно сохранено, не исключая флакончик с нюхательной смесью Астольфо с остроумием Орlando, хотя Астольфо появляется на сцене только по этому случаю. Добавлен персонаж по имени Лаппанио в качестве слуги Орlando, и этот персонаж, или, скорее, этот актер в своем родном образе палермитского шута, вовлекается в каждую сделку. Как шут он превосходен: у него много юмора, и он никогда не выдает ни малейшего осознания взрывов смеха, которые он вызывает; но поскольку он говорит по-сицилийски, я не всегда мог его понять.

Дж. Хоксуорт, скульптор.

Вход в кафедральный собор Монреале

Лондон, издательство J & A. Arch Cornhill, 1^{сент} марта 1828 г.

Убедившись 10-го числа, что пакетбот отправится не раньше 14-го, я решил воспользоваться этим перерывом, чтобы осмотреть собор Чефалу, построенный Рожером, первым нормандским королем Сицилии, в 1146 году во исполнение обета, когда ему грозило кораблекрушение.

Главные дороги на расстоянии от двадцати до тридцати миль от Палермо пригодны для проезда, о чем на Сицилии говорят с большим восхищением; и каждый день до Термини, который находится в двадцати трех английских милях от Палермо, ходит что-то вроде дилижанса. Путешествие без смены лошадей заняло около трех с половиной часов. Мы отправились в путь незадолго до четырех. Дорога очень приятная, проходит в основном вдоль берега, за исключением того места, где она пересекает перешеек, на котором расположена Багария. Он в отличном состоянии и, должно быть, был сделан за значительные средства, потому что в одном месте скала вырублена на глубину тридцати или сорока футов, чтобы впустить его.

Я обнаружил, что двое моих спутников на этом этапе едут в Чефалу так же, как и я, и я подчинился их руководству. Они не собирались продолжать путь ночью, потому что нам предстояло пройти по хорошо орошаемой равнине, изобилующей рисом, но печально известной своей *малой арией*. Поэтому меня проводили в маленькую гостиницу (возможно, лучшей в этом месте и не было), и мы наняли лошадей по одиннадцать *тари* каждая, которые доставили нас к месту назначения (около двадцати двух миль), назначив время отправления на половину третьего ночи. Оно было не очень пунктуальным, но мы отправились в путь в половине четвертого, что, как мне показалось, было достаточно рано, так как было еще темно, и добрались до Чефалу за пять с половиной часов. Дорога по-прежнему идет вдоль берега, но на последней части пути она проходит по восхитительной местности, среди виноградников и оливковых рощ, где море поблескивает в каждом проеме, а изредка видны прекрасные мысы, окаймляющие залив Термини. Прекрасные, поросшие лесом горы постепенно поднимаются от берега, становясь более крутыми в своих верхних частях и представляя то тут, то там великолепные утесы: за ними, но не видимые из самого Чефалу, находятся горы Мадонния, огромная масса, которая, как говорят, состоит из известняка.

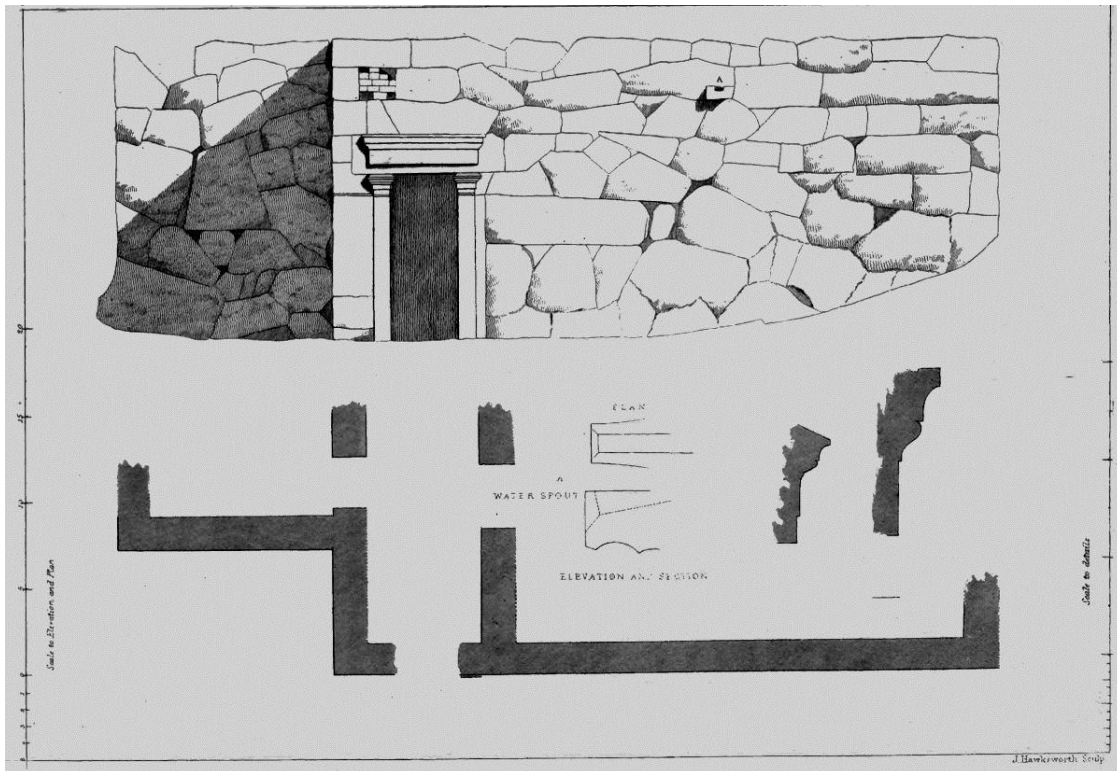
Зигзагообразная лепнина, вырезанные заготовки и отсутствие мозаики в основных частях архитектуры придают собору больше сходства с нормандским стилем, чем в Палермо. Некоторые декоративные арки заострены, в то время как, с другой стороны, главный дверной проем имеет арку в виде подковы без заострения.

Рядом с собором находится здание под названием Дом Роджера, которое, хотя и почти похоже по стилю, возможно, несколько более позднее по времени постройки. В окнах три маленькие арки соединены в одну большую, и все они заостренные и расположены на одной линии, как на верхних этажах нефов собора Парижской Богоматери.

Старый город Чефалу располагался на холме до того, как Роджер основал свой кафедральный собор недалеко от берега, но это, похоже, превратило город в самостоятельный район. Мой домовладелец вкратце рассказал мне об истории этого места. Первыми были идолопоклонники. Затем католики. Затем, задолго до сарацин, пришла Диана, чей дом до сих пор можно увидеть на вершине холма. Сначала я подумал, что это была богиня Диана, но потом узнал, что она отправилась во Францию и вышла замуж за сына короля. Я не смог узнать, кто встал между ней и сарацинами. Последние были изгнаны Роджером. Этот дом Дианы, по крайней мере, я полагаю, что фрагмент, который я посетил, соответствует замыслу владельца, хотя мой гид сказал, что это старый собор, - очень любопытное сооружение. Он циклопической кладки, с двумя комнатами и проходом между ними: в нем есть три дверных проема, и, по-видимому, это был жилой дом, а если так, то, вероятно, он совершенно уникален. У нас есть

городские стены и террасы такой конструкции, а также храм в Рамне, но других зданий, насколько я знаю, больше нигде нет.

Для второсортного сицилийского города мое жилье в Чефалу было очень хорошим. Я бы с удовольствием остался там на два-три дня, но не хотел рисковать потерей посылки. Поэтому 12-го числа я вернулся в Термини, где у меня было больше дневного света, чем в прошлый раз. Местность здесь тоже очень красивая, но горы не такие лесистые, как в Чефалу. Ванны, давшие название этому месту, кажется, возвышаются в брекчии, содержащей округлую гальку из песка и известняка. Они соленые и чуть тепловатые, так как в них можно держать руку без неудобств. Основание скалы, на которой стоит замок, состоит из серого известняка с конкрециями желтовато-коричневого цвета и белыми прожилками; сверху тонкими слоями посыпан крупный песок. За Термини я заметил белую глинистую скалу, и мне сказали, что гипс добывают примерно на полпути между Термини и Чефалу; ближе к последнему городу почва состоит из песка, но холмы в том месте состоят из зловонного известняка, изобилующего ракушками. Его нужно отполировать, и он используется как мрамор.

Скульптор Дж. Хоксуорт.

Циклопическая стена в Кефалу.

Лондон. Опубликовано J & A. Arch. Корнхилл. 1 марта 1828 года.

На следующее утро я возобновил свой пост в дилижансе, следовавшем из Термини в Палермо. Одним из компании был молодой гражданин Палермо, который часто жаловался, что по этой причине ему не оказывали достаточного уважения. “Можно было бы подумать, что все здесь кавалеры, палермитянин не стоит внимания”. Казалось, он не добился своей цели этими жалобами, но они были высказаны без злорадства, и никто не опроверг его утверждения и не

посмеялся над ними. Сицилийцы - тщеславный народ. Они часто рассказывают вам, как много сделали сицилийцы, даже если им приходится возвращаться к Архимеду, чтобы узнать это, и напоминать вам, что сиракузяне разгромили силы, посланные против них афинянами; забывая, что для города, в котором, по их собственным словам, проживало два миллиона человек, поражение одного из восьмидесяти тысяч не может быть большой похвалой. Они также часто ссылаются на сицилийскую вечерню; событие, которым, я полагаю, мы в Англии должны отнюдь не гордиться.

Проезд в пакетботе из Палермо в Неаполь стоил девять унций, при этом унция равнялась двум сицилийским долларам с половиной; и за это пассажир является *spesato*, *то есть* обеспечен таким количеством еды, какое ему заблагорассудится, и у каждого есть отдельная маленькая комната, которая пронумерована, и, заняв свое место, он может занять любой свободный номер, какой ему заблагорассудится. Нам было приказано подняться на борт в половине шестого 16-го, и поскольку я узнал об этом только около пяти, вернувшись с прогулки, мои вещи были собраны в большой спешке. Однако вскоре я обнаружил, что причин для беспокойства нет, и пошел на спектакль, чтобы еще раз увидеть Лаппанио. Вскоре после полуночи пассажиры поднялись на борт, и около трех часов утра 17-го числа мы покинули гавань. Пакетбот вошел бы в Неаполитанский залив 18-го, если бы капитан не ошибся в своем местоположении на десять миль, что отбросило нас к югу, в то время как сильный северо-западный ветер помешал нам исправить последствия ошибки, и только около полудня 20-го мы вошли в порт. Карантинные правила были отменены, несколько мелких сборов провели нас через таможенную, и я вернулся в свою старую квартиру в Locanda della Speranzella.

БУКВА LVI.

ПОМРЕІ.

Неаполь, 9 ноября 1818 года.

Я так давно привык высматривать возможности отправить письма и испытывать разочарование, упуская их, что не знаю, как примириться с необходимостью отправлять их дважды в неделю, когда у меня нет ни времени, ни возможности для такой частой переписки; но мои чувства совершенно отличаются от тех, что были, когда я был здесь год назад. Новинки моего путешествия закончились, и что мне остается сделать, так это просто вернуться в города, которые я уже видел, или в другие, очень похожие на них, населенные людьми, чьи манеры и язык стали для меня привычными. Возвращение в Неаполь было в какой-то степени похоже на возвращение домой; магазины, улицы, здания и множество лиц я вспомнил сразу и обнаружил, что многие люди помнят меня. В своей гостинице я встретил радушный прием старого знакомого.

Здесь люди, как мужчины, так и женщины, выглядят необычайно привлекательно, что, возможно, заставит вас плохо подумать о греках и сицилийцах. Залив ничуть не утратил своего впечатления от красоты пейзажей, которые я с тех пор созерцал; только горы кажутся меньше,

чем их представляла моя память. Этот город определенно красивее Палермо, хотя, находясь в нем, я был склонен оспаривать его превосходство.

Я пробыл несколько дней в Помпеях, или, скорее, в Торре-дель-Аннунциата, в начале октября и вернулся туда снова в середине месяца; но, подумав, что с таким же успехом я мог бы сэкономить время, затрачиваемое на хождение взад-вперед между этими двумя местами, я через несколько дней переехал в винный дом, который находится недалеко от раскопок. Я не мог достать там ни кофе, ни молока, а питался мясом, макаронами и любовными яблоками. Сначала не было причин для жалоб, но через несколько дней усилия домовладельца начали ослабевать, на что я пожаловался, уходя от него. Казалось, он признавал свою вину и пообещал, что, если я приду снова, он обойдется со мной от начала до конца так, как будет угодно моему сердцу. Моя комната действительно была чем-то вроде кладовки, но если квартира и не была великолепной, то у меня была, по крайней мере, пара чистых простыней. Одно большое окно открывалось до самого пола и выходило на террасную крышу нижней части дома, куда было легко добраться с помощью мусора, накопленного при раскопках позади; почти напротив этого, но высоко в комнате, было еще одно маленькое окно, которое я обычно оставлял открытым, а большое закрывал. Мой домовладелец, однажды утром заметивший это устройство, очень серьезно предостерег меня от него, порекомендовав либо закрыть оба окна, либо оставить оба открытыми; ибо, сказал он, если воздух будет поступать с одной стороны и найдет свободный проход, он выйдет, не причинив никакого вреда; но если он будет ограничен, вы, несомненно, пострадаете от этого. Я процитирую это *изречение* в Англии, когда услышу о шашках.

В начале ноября я снова вернулся в Помпеи, и теперь, когда я полагаю, что довольно хорошо знаком с тем, что там можно увидеть, я продолжу давать вам некоторый отчет об этом интереснейшем месте, который я до сих пор откладывал, с намерением объединить все, что я хотел сказать по этому вопросу, в одном общем виде.

Первый объект в Помпеях на южной стороне города - большой квадратный двор, окруженный колоннами, обычно называемый Солдатскими казармами. Части почти всех колонн стоят, и многие сохранились во всю высоту и со своими капителями, но никакой части первоначальной конструкции над капителями сейчас не существует; однако, когда их впервые выкопали, обветшалые деревянные конструкции все еще сохраняли свои формы, и один угол был восстановлен точно по древнему образцу; по крайней мере, такова информация, предоставленная нам на месте, и именно эту реставрацию я собираюсь вам описать. Архитрав состоит из куска дерева, небольшого по своему положению, и отчетливо указывающего на происхождение маленького и недостаточного архитрава, встречающегося в образцах римско-дорического ордера, который впоследствии рассматривался как составляющий часть характера этого ордера. Вокруг двора расположено несколько небольших комнат, а в некоторых местах сохранились остатки лестниц. Под портиком находится выступающая галерея, которая сообщается с комнатами верхнего этажа. Эта галерея была защищена перилами с пересекающимися скобами, верх которых несколько ниже капителей колонн, и поэтому галерея частично находится на крыше; черепица бывает двух видов: плоская, с приподнятыми краями, уложенными на стропилах, и полукруглая, уложенная поверх стыков первой. Дымоходы покрыты аналогичной плиткой, но выступы с каждой стороны, открытые снизу, обеспечивают выход дыма в направлении вниз. Из различных стилей изготовления мы видим, что стены возводились в разное время, но никогда не были очень прочными, и что колонны, которые первоначально были из стройного греко-дорического стиля, приятных пропорций и хорошо соответствовали

небольшим размерам и простому характеру помещения, впоследствии были покрыты чрезвычайно толстым слоем очень невзрачной штукатурки. На нижних частях всех колонн эта штукатурка была выкрашена в красный цвет, на верхней части четырех из них, по две в середине каждой более длинной стороны двора, - в синий, а на остальных - попеременно в красный и желтый цвета. Вся эта лепнина и роспись в целом должны рассматриваться как грубое уродство, и я надеюсь, вы не предполагаете, что то, что я ранее говорил в пользу богатых деталей и колорита, должно было включать в себя любое умножение мелких деталей или любой способ разнообразить цвет. В своем первоначальном состоянии, как двор, окруженный семьюдесятью четырьмя каменными колоннами сдержанного серого цвета, он, должно быть, имел приятный и респектабельный, если не великолепный вид. Одних колонн достаточно, чтобы произвести тот эффект, для обозначения которого мне нужно слово и который я затрудняюсь объяснить к собственному удовлетворению, но который в расположении основных частей соответствует *богатству*, создаваемому более мелкими элементами скульптуры, лепнины и резьбы. Современная итальянская церковь с ее сломанными антаблементами, многочисленными пилястрами и углами пилястр, фестоны, нишами и сломанными фронтонами над ними изобилует большим количеством деталей, чем греческий храм. И все же на небольшом расстоянии первый выглядит бедным, потому что он хочет этого *богатства* в распределении более крупных частей.

С одной стороны двора находится ниша, украшенная ионическими колоннами. Такое смешение ордеров, по-видимому, было обычным явлением в древние времена и не вызывает возражений в подобных обстоятельствах, когда более украшенная работа принадлежит меньшему по размеру и более законченному зданию внутри более крупного. Там, где второй ордер образует внутреннюю часть того же здания, как в греческих пропилах, это более сомнительно; и должно быть сразу же опровергнуто в храме Аполлона в Бассе, недалеко от Фигалеи, если верно, что одна коринфская колонна существовала во внутреннем ионическом перистиле храма, внешне дорического.

Мы переходим из этого двора в другой, где несколько неправильно расположенных кирпичных колонн обеспечивали защищенное сообщение с двумя театрами; оттуда поворачиваем направо в малый, или крытый театр. Сцена здесь представляет собой простую стену, и говорят, что она построена в современном стиле. Сиденья сделаны из лавы, отлитые по краям, за исключением нижних для сенаторов и т. Д. Предполагается, что для удобства имелись подушки и, возможно, что-то вроде табурета или стула. Часть сохранилась от богатого мраморного покрытия оркестровой площадки. Предполагается, что над боковыми входами располагались помещения, каждое из которых было чем-то вроде ложи для каких-то выдающихся персон, но расположение лестниц, кажется, говорит об интимной связи с актерами. Как и большинство других зданий Помпеи, это сооружение хранит следы землетрясения, которому предшествовали шестнадцать лет, фатального извержения и последующих реставраций.

Большой театр был облицован мрамором, а Сцена украшена нишами и выступающими пьедесталами, некоторые из которых, по-видимому, поддерживали колонны и статуи. Расположение очень похоже на то, что было в Таормине, и с их помощью, а также с помощью того, что было в Геркулануме, мы можем составить некоторое представление об архитектурном устройстве и убранстве древней сцены. Стиль был не очень чистым, но, тем не менее, возможно, обладал своей долей красоты, рассматриваемой просто как украшение. Возможно,

принятый здесь стиль, возможно, породил более легкую и фантастическую архитектуру, столь обильно расписанную в банях и покоях древних.

В этом театре мы находим углубление в нижней части сидища и следы на камне, по-видимому, указывающие на способ крепления постоянного кресла. Ниша находится напротив середины сцены, но отверстия для стула расположены не в центре ниши; это оставило бы место для другого передвижного стула рядом с ней. Перед стульями есть надпись Марку Холконию Руфу, *дуумвиру*. Некоторые места пронумерованы, из чего мы узнаем, что для каждого зрителя было разрешено занимать 15 с половиной дюймов.

Из верхней части большого театра мы переходим в другой большой двор, окруженный колоннами дорического ордера; они сделаны из камня, покрытого тонким, изящным, твердым слоем штукатурки, вероятно, ровесницы здания. Этот двор намного больше, чем в Солдатских казармах, но из-за его неправильной формы и гораздо более несовершенного состояния он менее интересен. Однако отсюда, а также из верхней части театра, открывается прекраснейший вид на часть Неаполитанского залива, горный хребет за Кастелламаре и Сорренто и остров Капри. Во дворе находятся руины храма Геркулеса, едва возвышающиеся над землей. Его называют также Великим Храмом, название, которое показалось мне достаточно нелепым, только что пришедшее с Сицилии, где одна колонна храма Юпитера в Агригенте содержит столько же твердого материала, скольковсе такое совершенное сооружение, как это. Некоторые люди сомневались, был ли это храм вообще, поскольку из сравнения различных размеров представляется вероятным, что впереди было семь колонн,^[40] и одиннадцать по бокам, включая углы, но неравное количество колонн спереди не является решающим фактором в отношении его религиозного характера, хотя, вероятно, в этом случае оно указывает на очень высокую древность; и этой идее способствуют другие обстоятельства. Большая и сильно выступающая столица сильно пострадала от непогоды, и способ, которым были найдены фрагменты, указывает на то, что она лежала в руинах еще до землетрясения. Прямо перед ним есть несколько небольших зданий, которые представляют загадку для антикваров, но я удовлетворюсь попыткой объяснить то, что, как мне кажется, я понимаю, и не потеряюсь в неудовлетворительных дискуссиях о предметах, которые мне непонятны. Рядом с храмом есть полукруглая скамейка, одинаково подходящая как для осмотра достопримечательностей, так и для беседы. Этот двор сообщается с улицей посредством изящного ионического портика, выполненного в том же стиле, что и в Солдатских казармах; но поскольку это более совершенный пример, я постараюсь дать вам некоторое представление о нем. Две пилястры, каждая с присоединенной к ней колонной в три четверти, и шесть изолированных колонн образуют переднюю часть углубления; нижний диаметр колонны, по-видимому, составлял 2 фута, верхний - 20 ¼ дюйма, канавки заканчиваются квадратными, один дюйм и одна треть под шейкой. Капители имеют четыре похожие грани, завитки образованы чем-то вроде внешней угловой капители греческого ионического креста. Однако в этом случае, если мы возьмем наш пример из храма Минервы Полиас в Афинах (см. Стюарта), нижний край спирали на каждой грани изогнут в плане таким образом, чтобы удерживать его перпендикулярно или почти перпендикулярно под верхним краем, и, следовательно, поверхность спирали вертикальна. В них изгиб спирали начинается гораздо раньше, оставляя лишь небольшую плоскую поверхность над овалом, а нижняя часть обода возвращается параллельной или почти параллельной диагонали абака, что, придавая спирали вид обращенной вниз, создает очень выраженный характер. Икринки очень маленькие, не превышающие трети всей высоты выпуклой лепнины, или оволо, которую они украшают, или,

скорее, это не икринки, а ягода, из которой раскрыта только половина, лежащая на двойном листе. Антаблемент, используемый как для этого ордера, так и для древнего Коринфского собора Италии, имеет очень узкие и близко расположенные зубцы, больше похожие на концы вертикально расположенных досок, чем на балки или стропила. В данном случае их в два раза больше, чем бусин на лепнине непосредственно над ними. Помпейцы, очевидно, любили четко очерченные линии в своей лепнине. Чтобы добиться такого эффекта, они сделали очень глубокие углубления в различных частях, как в дорическом, так и в ионическом ордерах.

За театром находится продолговатый двор, называемый Школами, окруженный аккуратной дорической колоннадой. Свое название он получил из-за двух пьедесталов, один примерно на 8 дюймов выше другого, и соединенных с ними каменных ступеней, которые возвышаются над самым высоким. Возможно, это был аукционный зал, но, насколько я знаю, ничего не было изобретено для объяснения двух установленных таким образом пьедесталов и ступеней, возвышающихся над обоими. К этому двору примыкает Храм Исида, который, возможно, никогда не был особенно красивым, но сейчас трудно проследить первоначальный дизайн под грузом более поздней лепнины. Надпись уверяет нас, что это здание было перестроено после землетрясения, и если, как кажется вероятным, мы сможем понять, что это землетрясение 63 года, это позволит установить дату этой плохой штукатурки. Колонны камеры более старые и сделаны из камня, но не на своем первоначальном месте; колонны двора - кирпичные; все они, по-видимому, были оштукатурены в одно и то же время. Вряд ли можно сказать, что этот храм отличается простотой дизайна; у него, безусловно, есть множество частей и обилие деталей; он находит много поклонников и в своем нынешнем разрушенном состоянии производит поразительный эффект, и, вероятно, достиг этого, когда был совершенен. Это был скорее живописный, чем красивый объект, и небольшой двор является его преимуществом.

Совсем рядом с храмом Исида находится небольшая квадратная келья, приписываемая Эскулапу, в которой сохранились остатки красивой пилястровой капители, напоминающей по стилю пилястры Тиволи, но превосходящего исполнения. На небольшом расстоянии от кельи проходит лестничный пролет, оставляя место для небольшого четырехстильного портика. Бог, вероятно, вышел из моды, поскольку на нем нет следов реставрации. У подножия ступеней находится гробница или алтарь, украшенный дорическими триглифами и во многом напоминающий гробницу Сципиона, гравюры на которой, я осмелюсь сказать, вы видели в изобилии. Рядом с этим храмом находится дом, принадлежащий скульптору, известному по найденным там инструментам и незаконченным работам.

От этой части Помпеи (все объекты, о которых я до сих пор упоминал, расположены близко друг к другу) отходят две расчищенные улицы, ведущие к форуму. На пути мы встречаемся только с частными домами, о которых со временем я дам вам общее представление.

Несмотря на плохую архитектуру, небольшие детали и множество громоздких пьедесталов, установленных для украшения или для установки статуй богов и благодетелей города, Форум, безусловно, был великолепен. Какими же тогда мы можем представить себе Римлян, где размеры частей и целого, материалы и архитектура были намного превосходнее. Великолепие в Италии сильно отличается от того, что есть к северу от Альп, но великолепие римлян, по-видимому, настолько же превзошло современную Италию, насколько эта последняя превосходит великолепие северных народов. Этот Форум был продолговатым, более 500 футов в длину и около 140 в ширину. На южном конце находится двойной ряд колонн. Один ряд, но, по-

видимому, поддерживающий другой над ним, тянулся по всей западной стороне. С восточной стороны, по-видимому, не было непрерывного ряда, а была последовательность отдельных портиков, принадлежащих различным общественным зданиям; или, если ряд колонн был продолжен, он, вероятно, был без крыши, поскольку пространство между ним и стенами всегда велико, хотя и очень неравномерно. Сохранились некоторые остатки карниза, завершенного с обеих сторон, и на вершине этого карниза есть заглушки, которые делают вероятным, что все здание было увенчано рядом статуй или других украшений. На севере, между двумя декоративными арками, находятся остатки храма Юпитера. Вот великолепная, хотя и несколько неровная аллея, ведущая к великолепному объекту, и хотя она загромождена слишком большим количеством пьедесталов и статуй, все же они, будучи прекрасными объектами сами по себе, вероятно, не очень вредили выражению великолепия. Само по себе их количество произвело бы поразительный эффект, скорее усиленный, чем уменьшенный неправильным способом их расположения, потому что эта кажущаяся путаница, подобная путанице со звездами, заставила бы их казаться больше. Окружающие здания были достойны того положения, которое они занимали. Ближе к южной оконечности мы очень отчетливо видим ход реставрационных работ. Старые колонны были хорошо обработанного дорического стиля из вулканического камня темного цвета, очень напоминающего пеперино, нижняя часть ствола была вырезана в виде призмы с двадцатью гранями, в то время как верхняя часть имела столько же канавок; капитель была красивой, а антаблемент отнюдь не безвкусным. Более поздние колонны сделаны из грубого известняка или травертина, неуклюжи по дизайну во всем ордере и очень нерегулярны и неумелоумно выполнены. Повсюду разбросаны останки ионического ордера, который, по-видимому, превзошел дорический. На южной стороне форума находятся три больших зала, которые, по мнению некоторых людей, были храмами, в то время как другие предполагают, что в них располагались суды. Они, должно быть, в значительной степени были построены или перестроены после землетрясения, поскольку большая часть кирпичной кладки все еще выглядит свежей, и они так и не были достроены.

Первое здание на западной стороне называется Базиликой. Оно состояло из великолепного двора, окруженного колоннадами, колонны которых были значительных размеров. В верхнем конце находятся остатки орнаментированной трибуны, или престола правосудия, украшенного колоннами меньшего размера, облицованными мрамором. Возникают некоторые сомнения относительно расположения некоторых частей, но остается достаточно, чтобы дать очень интересный комментарий к тому, что оставили нам древние относительно своих базилик. Открытая площадка имеет около 37 футов в ширину и 141 фут в длину. Колонн, окружающих его, насчитывается двадцать восемь; и из них до сих пор видны основания и нижние части шахты, причудливо сложенные из специально изготовленных кирпичей, вместе с некоторыми следами штукатурки, которой они были покрыты. Эта штукатурка, по-видимому, была в значительной степени сбита, вероятно, для того, чтобы подготовиться к восстановлению кирпичной кладки после землетрясения. Диаметр этих колонн составляет 3 фута 5½ дюйма, измеренный в кирпичной кладке по углу канавок, и не мог быть меньше 3 футов 7 дюймов в штукатурке. Соответствующим по положению этим колоннам является ряд полуколонн у стен здания, но если измерить их аналогично кирпичной кладке, то их диаметр составляет всего 2 фута 8¼ дюйма; по-видимому, они слишком малы, чтобы их можно было поднять на ту же высоту, что и все колонны, и слишком велики, чтобы над ними можно было устроить галерею в основном порядке. По периметру здания было обнаружено значительное количество капителей, но, по-видимому, ни один из них не может быть с уверенностью отнесен ни к одному из этих орденов.

Они были двух видов: один ионический, напоминающий ранее упомянутый портик, но с добавлением яркого цветка, поднимающегося вверх и внутрь от основания спирали. Диаметр капителей такого типа, ниже горловины, варьируется от 2 футов 5 дюймов до 2 футов 1 дюйма. Это можно рассматривать как совершенно новый (для нас) стиль ионического ордера. Другой - коринфский, в стиле Тиволи, который, без сомнения, был итальянским до появления греческих художников и греческого вкуса. Коринфская колонна имеет 1 фут 6½ дюймов в диаметре под горловиной и рифленую форму; в то время как стержень ионической колонны, по-видимому, был довольно простым. Не найдено антаблемента, который, вероятно, можно было бы отнести ни к одному из этих порядков, но мы можем заключить из других примеров, а также из авторитета Витрувия, что зубчатый карниз без модиллионов использовался в обоих. Зубные протезы здесь, как уже отмечалось, имели своеобразный характер. Обе эти капители были покрыты тонкой штукатуркой, толщина которой редко превышала полдюйма.

Помимо этих четырех видов колонн, у нас есть остатки другого набора, вероятно, коринфского, который украшал трибунал; они имеют нижний диаметр 1 фут 9 дюймов и, следовательно, не являются неподходящими для описанных выше коринфских капителей; но потребовалось бы только шесть таких целых капителей, а существует более двадцати такого размера и характера; и, кроме того, мы можем наблюдать камни, которые, по-видимому, образуют часть вала под этими капителями, диаметром 21½ дюйма или, скорее, больше, чем у остальных оснований. Некоторые из этих капителей прикреплены к квадратным каменным блокам, но они отличаются от других рядом низких водяных листьев, расположенных непосредственно под спиралями и стебельками.

Базилика была закрыта спереди опускными решетками, пазы для которых сохранились. Примечательно, что в этой части мы видим штукатурку двух разных работ. Каждая выполнена в два слоя. Самый ранний очень хорош и прочен, два слоя не занимают и полдюйма; но, очевидно, в большинстве мест он был срезан, чтобы освободить место для второго, от которого осталось очень мало, и это немного намного уступает более старой работе. Два слоя занимали около одного дюйма.

Рядом с базиликой находится Храм Венеры, окруженный двором с колоннадами и стоящий на высоком цоколе. Этот двор очень любопытен, поскольку мы находим в нем фрагменты колонн ионического ордера диаметром около 2 футов, напоминающих колонны базилики, но без центрального цветка в капительнице и дорического антаблемента. Капители были повреждены, чтобы получить плохо оформленную лепнину в коринфском стиле, а старые линии и украшения антаблемента были полностью скрыты гипсовым покрытием, изобилующим орнаментами, раскрашенными во все цвета радуги. Я подозреваю, что этот антаблемент в его первоначальном виде принадлежал какому-то другому зданию. Возможно, он был частью антаблемента форума до землетрясения. Перед каждой другой колонной, по-видимому, были пьедестал и статуя. Девять колонн занимают входную сторону, и дверь находилась не в центре; но помпейцы, по-видимому, ни в каком отношении не отличались точностью изготовления. Оштукатуренные стены этого двора были элегантно расписаны. В одной части эта штукатурка уложена на плитки, которые с помощью маленьких ножек отделены от стен углублениями. Акведук в задней части, вероятно, делал такую предосторожность необходимой. Храм, по-видимому, был шестистильным и периферийным, хотя не только колонны, но и внешние камни фундамента, на котором они стояли, были смещены, так что на первый взгляд кажется, что для них не нашлось

места. Ниже сохранились некоторые фрагменты, которые, вероятно, составляли части шахт. И келья, и портик были украшены мозаичными плитами.

Возвращаясь на форум, мы находим за пределами этого храма ряд опор и арок, построенных также после землетрясения и ведущих в большой зал или внутренний двор, который не имеет никаких признаков убранства.

На восточной стороне форума, снова начиная с южного конца, мы видим сначала двойной портик перед большой украшенной оградой, затем большое здание, очень богато украшенное. Ряд колонн отделял его от форума, и остатки постамента перед каждой колонной дают основание предположить, что статуй было равное количество. Позади находится стена, украшенная арками и нишами, в которых, вероятно, также стояли статуи. Вся эта работа была облицована мрамором, а на широком пространстве между стеной и колоннами видны остатки мраморной брусчатки. Внутри находился большой двор, окруженный колоннами, с продолжающейся галереей с трех сторон и тремя нишами в конце. Здесь была найдена статуя, но место, по-видимому, было ранее разграблено. Это могло быть результатом исследований самих жителей, которые, вероятно, вернулись после того, как опасность миновала, в поисках своего имущества; или это могло быть сделано в недавнее время; поскольку в Помпеях время от времени находили много мрамора, но различные требования нашедшего, землевладельца и правительства привели к сокрытию места находки. Однако было известно, что здесь были найдены многочисленные фрагменты; и признавалось, что на этом месте, вероятно, находился какой-то древний город, хотя долгое время ученые были совершенно согласны с тем, что это не Помпеи. Надпись, собранная с оставшихся частей эпистилиума колонн, обращенных к форуму, которая также повторяется у меньшего входа *сВиа де мерканти*, сообщает нам, что этот халкидикум и криптопортикус были построены и освящены некой Евмахией. Казалось бы, вот способ объяснить два довольно неясных термина архитектуры, но из них ничего не было сделано.

Продолжая наше продвижение вдоль восточной стороны форума, мы подходим к другой ограде, окруженной пилястрами и нишами, и небольшому храму или святилищу в середине противоположной от входа стороны. Он кажется недостроенным, и весьма вероятно, что это и только что упомянутое здание были разрушены землетрясением, а не восстановлены. Перед камерой есть платформа, ступени к которой находятся за платформой и по бокам камеры; перед этой платформой находится очень красивый мраморный пьедестал, или алтарь. Это здание называется Храмом Меркурия. Все углы двора наклонные: в зданиях Помпеи много подобных мелких неровностей.

За этим мы подходим к просторному углублению шириной 59 футов, которое, по-видимому, было открыто спереди. Внизу была большая ниша, посередине - пьедестал, а по бокам - дополнительное углубление с алтарем. В этом здании есть небольшие ниши, как бы для восьми других алтарей, но если все фрагменты кирпича или щебня, которые напоминают нам алтари, действительно были посвящены поклонению своим божествам, то помпеянцы, должно быть, были очень религиозным народом. Это здание было инкрустировано мрамором, и каким бы ни было его назначение, очевидно, что это было великолепное и высоко отделанное сооружение. Далее находятся несколько небольших комнат с мраморным портиком впереди, с уже замеченной особенностью карниза, который выступает и завершается с обеих сторон, так что возникает сомнение, не был ли это просто экран из отдельных колонн, а не портик.

Северный конец форума занимает Храм Юпитера, простильный и псевдопериптерический, с шестью коринфскими колоннами спереди, более 3 футов в диаметре: это велико для Помпеи: портики форума немногим больше двух, и если учесть, что храм возведен на высоком цоколе и что, будучи коринфского ордера, эти колонны, вероятно, были значительно пропорциональнее остальных, а также более украшены, мы обнаружим, что храм сохранил свое должное превосходство как ведущий объект в этом месте. Капители лежат на земле, и мы можем наблюдать на них первоначальный слой штукатурки, следующий за камнем, а поверх него другой, более толстый, не совсем в том же расположении и значительно уступающий как по рисунку, так и по исполнению. Поскольку представляется вероятным, что они были разрушены землетрясением и не восстановлены, они указывают на более раннюю дату, чем та, которая была получена ранее для этой жалкой штукатурки; и, возможно, мы можем отнести ее к колонии, завезенной Силлой. Этот храм был шестистильным, простильным и гипотральным. Внутренний проем был окружен ионическими колоннами, а в конце есть три маленькие ячейки, назначение которых неизвестно, но их каменная кладка не связана с кладкой здания, и поэтому они, возможно, были пристройками. С каждой стороны этого храма есть триумфальные арки. Обе были украшены мрамором и, вероятно, статуями, но одна более богато, чем другая. Они расположены по-разному: самая простая вынесена вперед, к передней части портика храма Юпитера, в то время как более украшенная находится сзади и даже частично за ним.

Улицы, ведущие к Амфитеатру, не расчищены, и этот памятник стоит совершенно отдельно от любого другого объекта, представляющего интерес. В основном он напоминает другие амфитеатры и, кажется, почти не имел внешних украшений. Есть некоторые особенности конструкции и доступа, но ничего существенного.

Я не буду вдаваться в подробное описание каждого частного дома, но постараюсь дать вам общее представление об их расположении и эффекте. Есть, конечно, очень многие, которые не имеют архитектуры в собственном смысле этого слова, а просто построены так, чтобы занимать немного места и за небольшие деньги; даже у каждого из них был внутренний двор. В более крупных зданиях части, выходящие на улицу, были отведены под магазины, за исключением того, что владелец сохранил одно отделение, чтобы обеспечить вход в главную квартиру. Этот вход был широким и высоким, украшенным пилястрами; через него вы попадали в атриум, который обычно был продолговатым в плане, с одним или тремя углублениями к концу, образующими вместе с входом нечто вроде латинского креста; средняя часть креста была открыта небу. Иногда выступ крыши, который закрывал все, кроме этого отверстия, поддерживался колоннами, образуя в этом случае тосканский атриум Витрувия, а углубления - экседры или, возможно, аллеи. Даже в этой части присутствует значительное разнообразие, поскольку дизайн был изменен в соответствии с удобством, вкусом или капризом владельца. Маленькие покои расположены вокруг атриума и получают из него свет не через окна, хотя здесь тоже есть несколько окон, а через двери, которые очень высоки и верхняя часть которых, вероятно, была оставлена открытой для этой цели. В большинстве домов больше ничего не было, или задняя часть атриума выходила просто в небольшой сад; но в больших особняках, за атриумом, мы находим каведиум, двор, окруженный колоннами, с экседрами, подобными тем, что в атриуме, и дающими свет в другие помещения. В доме Пансы экседра в нижней части каведиума переходила в колоннаду, ведущую в сад. Эффект, производимый видом через два двора и фактически через все основные части здания, должен был быть очень поразительным, и он остается таким до сих пор; но вам бы не понравилось жить в доме, даже в теплом климате, где все гостиные выставлены на всеобщее обозрение и невозможно уединиться, кроме как в

плохо освещенной спальне. Несмотря на это размышление, невозможно смотреть на такое устройство без страстного желания произвести что-то подобное, соответствующее нашим обычаям и нашему климату, но, боюсь, это невозможно. Экседры, или промежуточные помещения между атриумом и кавэйдием, или любым из них и садом, являются одними из наиболее богато украшенных частей дома. Такая открытость в обоих направлениях создавала бы приятную прохладу в жаркую погоду. Сбоку всегда есть небольшой проход, чтобы они не превратились в проезды для семьи, и иногда там есть следы балюстрады и временного разделения занавеской, которую иногда можно было бы задернуть либо для тепла, либо для уединения.

Как в частных домах, так и в общественных зданиях мы можем видеть примеры развращенного вкуса того времени, когда плохую штукатурку предпочитали хорошей каменной отделке, но в целом колонны в домах сделаны из кирпича, покрытого штукатуркой, а все украшения - из раскрашенной штукатурки. Все дома, кажется, были украшены росписью, и даже внешняя сторона городских ворот была оштукатурена и раскрашена. Эти расписные украшения имеют легкую, фантастическую архитектуру, но часто изящные формы. Подобный стиль встречается в банях Тита в Риме, и сюжеты часто публиковались. На панелях, образованных этими архитектурными изображениями, мы находим изображения фигур, людей и животных, зданий и пейзажей. Архитектурная часть, которой я не склонен точно подражать даже в живописи, все же я думаю, что из нее можно кое-что извлечь и применить к отделке комнат с большой пользой; и из нее можно извлечь много подсказок. Изображения зданий (как объектов), которые иногда встречаются, выполнены без вкуса и какой-либо точной перспективы; они могут дать подсказки скорее антиквару, чем художнику. Вы слышали, что картины с изображениями фигур сравнивают с композициями Рафаэля или Гвидо. Сравнение нелепое; более разумно было бы сравнить их с работами Полидора Караваджо. Композиция очень простая, но почти всегда удачная, вряд ли когда-либо состоящая более чем из двух или трех фигур. Детали рисунка несовершенны, но форма и поза изящны; действие живое и одухотворенное, колорит одновременно насыщенный и естественный. Короче говоря, эффект почти всегда приятный; и, не претендуя на то, чтобы рассматривать их как соперничающие с первоклассными произведениями современного искусства, можно с уверенностью утверждать, что если бы мы сравнили их с украшениями стен любого города современной Европы, преимущество было бы значительно, очень значительно в пользу Помпеи. Пейзажи значительно уступают рисункам.

Вы знаете, что в этих домах были найдены почти все кухонные принадлежности и другие предметы домашнего обихода и туалета древних, вплоть до маленьких сосудиков с румянами, которыми дамы подчеркивали свой румянец. Они перевезены в музей Портити, или большинство из них сейчас находится в музее Неаполя. Это было лучшее, что можно было сделать, они не вынесли бы воздействия воздуха, и было бы чересчур ожидать, что целый город превратится в крытый музей. То же самое можно сказать и о лучших картинах; но сохранилось достаточно, чтобы показать, как они были утилизированы, и на некоторых из них возведены навесы для защиты от вредного воздействия атмосферы. В разных частях сохранилось несколько узких и неудобных ступеней, которые доказывают случайное существование по крайней мере верхнего этажа, а у некоторых есть своды внизу, где этого требовала неравномерность рельефа.

Сразу за наиболее хорошо сохранившимися воротами, на северо-западе города, тянется длинная аллея гробниц. Наиболее распространенной формой является большой продолговатый

пьедестал, увенчанный завитками на каждом конце и установленный на высоком цоколе; но некоторые из них представляют собой квадратные здания, украшенные колоннами или пилястрами, листва капителей которых выполнена в стиле Тиволи, а одно круглое. Два из первого сорта сохранились почти в совершенстве и действительно очень красивы; великое множество других, лишенных мраморной облицовки, представляют глазу просто груды обломков; и все же, какими бы поврежденными и несовершенными они ни были, они производят сильное впечатление; возможно, однако, скорее потому, что осталось достаточно, чтобы направить воображение к остальному, чем из-за комбинаций, которые действительно остались. В одной из таких гробниц была мраморная дверь, поворачивающаяся на шарнирах - метод, который, по-видимому, был широко распространен в дверях древних: эта дверь была отремонтирована. В другом случае погребальная урна, лампы и т. Д. Остаются в своих нишах в том виде, в каком они были обнаружены: даже их мы находим украшенными лепниной и росписью в том же стиле, что и дома. Помимо гробниц, на той же улице есть три эксцедры, или полукруглые каменные скамьи, каждая с каменной спинкой; и скамья заканчивается с обоих концов крылатой львиной лапой - любимым украшением Помпеи. Одна из этих эксцедр закрыта, но покрытие, похоже, не было частью оригинального дизайна. Здесь мы также находим триклиний, предположительно предназначенный для лектистерния. Он состоит из небольшого корта, примерно 19 на 13 футов. Кушетка, окружающая стол с трех сторон, представляет собой груды обломков, покрытых штукатуркой, поверхность которой спускается от небольшого продолговатого столика, стоящего посередине. Непосредственно перед этим столом находится круглая подставка еще меньшего размера.

В этой части раскопок разбросано множество фрагментов мрамора, некоторые из них представляют собой капители с рядом из восьми листьев внизу, цветком или головкой над листьями и своего рода крылатым орнаментом; и спиралью под углом, образованной чем-то вроде водяного листа с длинным загнутым концом. Точно такие же капители нередки среди афинских фрагментов, и поскольку они в Помпеях сделаны из пентелийского мрамора, вполне вероятно, что они были привезены из Афин.

За гробницами по обе стороны дороги находятся остатки вилл, одна из которых приписывается Цицерону; но они очень плохо видны. В конце ряда находится дом, принадлежащий Марку Аррию Диомеду, который является очень интересным образцом домашней архитектуры того времени. Вход находится в углу двора, окруженного колоннами, выкрашенными в красный и желтый цвета. В одной части находится полукруглая комната с тремя большими отверстиями, ведущими на незанятый участок земли, который, как мы склонны думать, в соответствии с нашими собственными привычками, был нерегулярно украшен кустарниками и цветами и заслуживал названия сада. Там есть две ванны, одна для горячей, другая для холодной воды, с печами для обогрева первой, и несколько небольших комнат вокруг них. В задней части находится большой двор, окруженный открытой галереей, где квадратные колонны и плоские кирпичные арки заменяют колонны и эпистилии. Эта галерея расположена этажом ниже уровня входного этажа; с нее открывается вид на террасу на этом уровне, а под террасой расположены сводчатые комнаты, которые вы могли бы назвать подвалами, но их богатое убранство свидетельствует о вкусе владельцев к прохладе этих полуподземных апартаментов.

Мозаики в Помпеях бывают двух видов; первая имеет основу из штукатурки с узором, образованным маленькими квадратиками белого мрамора, иногда черного, или и того, и другого вместе. Пешеходная дорожка улиц обычно оформляется таким образом; белые

квадраты располагаются непрерывными линиями по диагонали на значительном расстоянии друг от друга, и это простое расположение создает больше видимости дизайна, чем вы могли бы легко себе представить; в домах, где оно выполнено с большей тщательностью, эффект очень хороший, но тот, который составлен из черных квадратов, явно уступает тому, где используются только белые. Более законченные мозаики полностью состоят из маленьких квадратиков, или *тессере*, обычно черно-белых, но иногда и разноцветных; узоры очень причудливы, некоторые из них очень хороши, но среди хороших нет ничего, что не использовалось бы в наше время для того или иного орнамента. Эти мозаики в Помпеях не кажутся очень древними, поскольку везде, где их можно встретить в античной архитектуре, они равномерно покрывают часть ее нижней части.

1826.

Со времени моих предыдущих визитов я нахожу некоторые дополнения к количеству объектов, которые были раскопаны. К форуму ведет новая улица, обычно известная под названием *Strada de 'Mercanti*. Часть этой улицы была открыта в 1818 году, но сейчас вся расчищена, а сообщение с театрами завершено. По направлению к форуму есть ступенька, и как раз у подножия этой ступеньки небольшой конус, а примерно в трех футах над ним в некоторых местах натертый гладко и несколько полый. Сэр У. Гелл предположил, что стоять на этом конусе может быть способом наказания. В другом месте на той же улице в стене есть остатки железных скоб. Один, очевидно, для того, чтобы сковать локоть, а другой - чтобы накинуть цепь на шею какого-нибудь несчастного преступника. Камень здесь был гладким и полым от натирания плечом и в некоторой степени также головой заключенного; и есть другие места на улице, которые, кажется, были натерты плечом. Если мы предположим, что древние приковывали к своим столбам рабов, которые использовались в качестве лавочников, мы вряд ли можем представить, что заключение было настолько тесным, чтобы дать повод для появления этих отметин.

В северо-восточном углу форума было обнаружено великолепное сооружение. Предполагается, что двенадцать пьедесталов, расположенных по кругу посреди большого открытого двора, поддерживали столько же статуй *Dii majores gentium*, и отсюда здание получило название Пантеона. Двор, по-видимому, был окружен колоннами, а в дальнем конце располагался зал, похожий на храм, по обе стороны которого располагались большие комнаты неправильной формы, и в одной из них вдоль трех ее сторон стояло что-то вроде комода или стойки с наклонной столешницей. По правую руку от того, кто входил с форума, находился двойной ряд небольших комнат или келий, расположенных одна над другой, которые сообщались между собой деревянной галереей и, вероятно, деревянной лестницей, хотя от последней сейчас не сохранилось никаких следов. На стенах выставлены исторические картины немалого достоинства, но ни штукатурка, ни роспись, похоже, не были завершены. В том же районе, но за пределами форума, мы находим Храм Фортуны, простое четырехстильное здание в простом стиле на приподнятом цоколе, к которому вы поднимаетесь по лестнице. Рядом с ним находятся Купальни; оставшиеся своды которых возвышаются так близко к поверхности, что мы удивляемся, как они могли так долго оставаться незамеченными. Здесь четыре комнаты; первой, в которую мы входим, была *сполиарий*, или комната для раздевания, и были обнаружены некоторые следы от колышков, вделанных в стену для размещения одежды купальщиков.

Отсюда мы можем пройти в *фригидарий*, комнату с небольшой круглой ванной с холодной водой, или в *тепидарий* или *судаторий*, в стене которого мы находим ряд небольших ниш, разделенных кариатидами; огромную бронзовую жаровню с изображением коровы, намекающую на имя изготовителя, Фламиниуса Вакки; и две скамьи из того же материала. За этой комнатой находится *калидарий*, содержащий сосуд с теплой водой, где, по-видимому, сидели купальщики, прислонившись спинами к наклонному мраморному бортику. Один конец этой комнаты полукруглый, и в этой части было пять окон, в каждом из которых, а также в одном в холодной ванне, были пластины из очень толстого стекла. *Исудаторий* и *калидарий* были облицованы плиткой, немного оторванной от стен, на которые была нанесена штукатурка. Другой комплекс бань, менее украшенных, в соседнем здании, предназначался для плебеев или женщин.

Еще одним интересным объектом среди поздних раскопок является Дом Трагического поэта, который, однако, больше примечателен картинами, которыми он был украшен, чем достоинствами своей архитектуры. У входа находится мозаичная фигура собаки с надписью *Пещера Канем*. Покои многочисленны и хорошо отделаны, но одна маленькая каморка с плитой, кажется, все, что было отведено для рабов или их занятий. Здесь был найден резервуар, в котором, если чицерону можно доверять, вещество было проанализировано и установлено, что оно состоит из двух частей свинца к одной части меди. Вещество твердое и кажется мало окисленным, если вообще окисляется, так что, возможно, ему стоит подражать. Неподалеку находится дом фабриканта со многими удобствами и утварью его ремесла; и что любопытно, на опорах нарисованы изображения различных частей процесса.

ПИСЬМО LVII.

НЕАПОЛЬ—ПЕСТУМ.

Неаполь, 20 ноября 1818 года.^[41]

Вчера я посетил частную коллекцию картин; и хотя я попросил разрешения без каких-либо предисловий, владелец встретил меня в дверях и провел по комнатам, сняв многие картины, некоторые из которых очень красивые, чтобы выставить их в лучшем свете. У того же джентльмена есть также несколько замечательных вымышленных ваз, но он боится приобрести из-за них какую-либо репутацию, поскольку правительство претендует на право приобретать все самое лучшее для себя. Упорство, с которым тосканцы до сих пор настаивают на своих правах на эти вазы и на стиле руин, найденных в Пестуме, несмотря на всевозможные свидетельства против них, является любопытным примером характера этого народа. Тосканец не может отказаться от чего-либо, что, по-видимому, делает честь его стране. Неаполитанцы, возможно, столь же тщеславны, хотя и по-другому, и без столь веских оснований. Они действительно подготовили по крайней мере одного хорошего историка, но, похоже, им удалось убедить Юстаса, что их список авторов превосходит все, что могла представить Франция, и заставить его поверить, что лаццарони были расой ангелов, спустившихся на землю, чтобы бегать по поручениям, разносить посылки и выполнять всевозможную случайную

работу для неаполитанцев. Что, я думаю, удивило бы вас больше всего в отношении этих лаццарони, так это то, что они так похожи на бедный класс в других городах. Конечно, одеты не хуже, хотя и более легко, чем было бы удобно в Лондоне; и не грязнее; и, я полагаю, их лучше кормят, чем в большинстве других мест. Мягкий климат позволяет им спать на открытом воздухе, и вы часто видите их свернувшимися калачиком в корзине, в которой они носят свою поклажу; но это не относится к большей части, что у них нет какого-либо постоянного жилья. В большинстве районов Италии торговцы не привыкли отправлять свои товары домой, но тот, кто идет на рынок, нанимает носильщика с корзиной, как Амина из "Тысячи и одной ночи", чтобы нести за него товары, и для этого лаццароне всегда под рукой.

Здесь считают, что в это время года облака собираются три дня и три или пять разряжаются; после этого обычно наступает период совершенно ясной погоды, которая поистине восхитительна; и, за исключением одного или двух дождливых вечеров, мне не хотелось разводить огонь. Два года назад в это время года в Венеции я был в эпицентре мороза и снега. 10-го я обедал и ночевал на вилле Галла, которую сейчас занимает сэр Х. Л. Это восхитительное место на холме недалеко от Неаполя. Дом стоит на вершине крутого берега, образующего начало глубокого оврага, территория в настоящее время сплошь состоит из тополиной рощи и виноградника, но при совсем незначительных жертвах можно было бы создать восхитительную площадку для развлечений. Можете ли вы представить себе Хэмпстед-хитс видом на красивый залив, окруженный прекрасными горами, и Везувий, включенный в перспективу; со всей пышной растительностью теплого климата и всем великолепием итальянского неба? Однако самая восхитительная часть была "внутри дверей", и здесь мы запланировали экспедицию в Пестум, о которой я продолжаю рассказывать.

Мы отправились в путь 12-го, проехав через Портичи, Торре дель Греко и Торре дель Аннунциата, и сменили лошадей в Скафати; за этим дорога приобретает новую красоту, проходя по извилистой долине между скалами и лесистыми обрывами, попеременно со зданиями и возделанными культурами, пока мы снова не выйдем к прекрасному заливу Салерно. Это урочище занимает горловину крутого гористого мыса, разделяющего две бухты, и изобилует самыми романтическими и красивыми пейзажами. Залив Салерно, пожалуй, даже красивее, чем залив Неаполя; недостаток Везувия компенсируется долгими видами далеких гор, которые напомнили мне берега Греции и могли бы почти соперничать с ними, если бы их названия были так же хорошо известны. Мы переночевали в Салерно, а в четыре часа следующего утра сели в карету и при прекрасном лунном свете отправились в Эболи. Большая дорога не проходит через город, и гостиница находится не в его стенах, но дорога на Пестум немного сворачивает, не доходя до нее. Немного дальше от Эболи, на берегах Села, или Силеро, можно увидеть очень приятные пейзажи. Дорога вьется вдоль берега реки, под крутым и лесистым берегом; на противоположной стороне ручья - смесь леса и лужайки, а также башни королевского дворца Персано, поросшие хохлатыми деревьями; за ними тянутся друг за другом пологие холмы и высокие горы, нижние части которых покрыты лесом, верхние - голые и скалистые.

В Пестуме я был приятно удивлен великолепием главного храма. Я предполагал, что после Греции и Сицилии в этом стиле нельзя найти ничего, вызывающего большой интерес; но на Сицилии нет здания, которое могло бы сравниться с ним, поскольку храмы там, сохранившиеся в сносом совершенстве, намного уступают ему по размерам; а те, которые могли бы сравниться или превзойти его по размерам, слишком разрушены, чтобы произвести впечатление архитектуры. Она почти целая, за исключением стен камеры, и, возможно,

преимуществом является то, что большая часть из них разрушена, так как обнажаются внутренние колоннады. По элегантности афинские храмы намного превосходят; и в деталях архитектуры в первоначальном виде или в совершенстве, в котором они сохранились до сих пор, ничто не может соперничать со зданиями Афин; но окраска грубого камня, из которого построен храм в Пестуме, варьирующаяся от насыщенно-коричневого до серого, прекрасна и восхитительно гармонирует с характером здания; пропорции, хотя и массивные, хороши; все в целом находится в совершенной гармонии; его характер был полностью прочувствован и сохранен, и по впечатлению великолепия, или, скорее, возможно, возвышенности, ни одно здание не сравнится с другими. в мире есть превосходство. Как вы знаете, это греческий дорический ордер в его самых ранних и солидных пропорциях, шестистильный, периптеральный и гипотеральный, с четырнадцатью колоннами по бокам. Целла значительно приподнята, и я не понимаю, как удалось подняться на нее. Уилкинс упоминает ступени, но я не смог найти никаких следов ни одной. Как во внутреннем, так и во внешнем перистилиях есть небольшие углубления, которые, возможно, были заполнены орнаментированной лепниной, как в Помпеях, содержащей квадратные куски мрамора, расположенные в правильном порядке; но я думаю, что более вероятно, что это были плиты мрамора или, по крайней мере, более плотного и ровного камня, чем тот, из которого построен храм. Один из молодых служителей собора в Салерно заверил меня, что византийские настилы в этой церкви привезены из Пестума; и поскольку он ничего не знал об этих затоплениях, совпадение примечательно, хотя мы не можем признать этот факт. В открытой части центрального корта нет углубления, но есть двойное углубление в дверном проеме. Здесь я должен заметить, что на опубликованных планах греческих храмов вы обычно находите центральный дверной проем в постикум, или опистодомус, но сомнительно, чтобы такой проем когда-либо существовал при первоначальном расположении здания. Стена кельи сделана в два слоя толщиной, как в храме в Немее, который я вам ранее описал. Капли от мутулей совсем отсутствуют, остались маленькие круглые отверстия, в которые они были вставлены. В то время я предполагал, что они, должно быть, были либо из мрамора, либо из металла, но с тех пор меня заверили, что один или два из них были найдены и что они сделаны из того же материала, что и остальная часть здания. Сима фронтонов также исчезла, и в конструкции есть несколько небольших особенностей, на которые я не буду обращать вашего внимания, а также различные вырезы на колоннах, которые указывают на их назначение для последующего использования. Я не смог найти следов штукатурки на наружных колоннах, но на стенах, антресолях, колоннах и капителях пронаоса осталось много штукатурки, очень прочной, но не очень тонкой. На одной колонне в интерьере я тоже смог различить это, но более толстой и менее твердой. Базилика (название, которое может служить для различения) находится совсем рядом с храмом Нептуна. Камень более серого цвета, что Уилкинс объясняет его недавним возведением. Впереди девять колонн и, следовательно, одна в центре, которым соответствует ряд вдоль середины здания. Это кажется неудобным, но мы не знаем назначения здания. Если бы там был фронтон, центральная колонна производила бы очень неприятный эффект, но в противном случае могла бы пройти незамеченной. Колонны сужаются в линию, очень сильно изогнутую и имеющую вид бочонков, следовательно, очень уродливы; горловина сицилийская. Лепнина и некоторые капители были выполнены из мягкого песка, который сильно теряется из-за погоды. Ступени, ведущие к этому зданию, не настолько высоки, чтобы быть недоступными, и напротив есть остатки ступеней, поднимающихся от здания.

Сохранился перистиль другого храма, который обычно называют Церерским; но между ним и уже описанными зданиями есть остатки двух других значительных сооружений. Один из них - амфитеатр, от которого не осталось ничего, кроме следов его общей формы и извилистого свода. Другой Васи называет Театром, но местные жители называют его Храмом Мира. Столица

колонна напоминает те, которые я уже описывал в Помпеях. Он украшен двумя рядами листьев; первый из восьми, второй из четырех; длинные кончики последних, кажется, закручивались вокруг, образуя спираль, но теперь они отломаны. Древко имело канавки и скругления, а также аттическое основание. Анты были снабжены капителями аналогичной формы. Фриз был украшен триглифами, а метопы украшены скульптурой не самой ранней древности; тем не менее, она, возможно, была выполнена до того, как римляне овладели Пестумом; (А. У. С. 481), но грубая природа пористого известняка затрудняет суждение.

Храм Цереры дорического ордера, шестистильный, периптеральный и, я полагаю, гипетральный. Пока что он напоминал великий храм, но в других отношениях больше напоминал архитектуру базилики. Я не смог обнаружить никаких следов лепнины на колоннах. Мостовая перистилия утоптана и покрыта красноватой штукатуркой и квадратными кусками белого мрамора, как многие из тех, что были в Помпеях. Для выполнения лепнины были приготовлены полосы из более мягкого камня, и мы видим остатки резного орнамента на стене, венчающей архитрав, но я не смог отчетливо разглядеть, что это было. Некоторые гробницы были построены у стены кельи с одной стороны. До сих пор сохранились части основания перибола, которые показывают, что его форма была неправильной.

Внутри нынешнего контура стен есть еще несколько древних фундаментов; один из них, возможно, можно назвать храмом, но на нем не стоит останавливаться. Сами стены гораздо интереснее. У северных ворот, через которые мы въезжаем из Эболи, они сильно разрушены, но мой друг мистер Т. Л. Дональдсон заметил там то, что ускользнуло от моего внимания, - любопытное устройство для защиты входа. У западных ворот они едва обозначены, за исключением насыпи из земли и камней, которая указывает на их местоположение. У южных - остатки круглой башни, но меньшей каменной кладки. Эти ворота, по-видимому, прорезали стены наискось, и расположение, по-видимому, было замечательным, но у меня не было

достаточно времени, чтобы попытаться разобрать их; и, возможно, цель была бы недостижима даже при раскопках. Несколько солоноватых источников берут начало почти под стенами на северо-западе города, а у южных ворот мы находим быстрый и прозрачный ручеек, вода в котором тоже солоноватая, и, как говорят, так оно и есть у его истока, расположенного в нескольких милях среди гор. В городе есть один колодец, вода в котором довольно хорошая. Самая совершенная часть маршрута - это участок между южными и восточными воротами. Стены там сложены из больших квадратных блоков, а стены башен, возможно, еще больше. Некоторые из стеновых камней проходят за башнями, в то время как, с другой стороны, некоторые камни башен входят в стену, но расположение камней в стенах обычно не совпадает с расположением камней в башнях. По-видимому, на каждой внешней грани башни было по два окна с вырезанными в камне круглыми выступами, но, возможно, они были сделаны позже, поскольку они больше, чем подобает для такой ситуации. Эти опоры расположены очень нерегулярно, и большая часть трассы полностью лишена их. В одной части мы видим следы нескольких боковых ворот, по-видимому, расположенных слишком близко друг к другу, чтобы их можно было использовать; однако они, очевидно, принадлежат оригинальной работе. Арка восточных ворот сохранилась целой. Сначала я подумал, что могу назвать это более поздней работой, но дальнейшее изучение поколебало мое мнение; и все же я не рискнул бы утверждать, что это было односторонне другим, или приводить это как доказательство того, что использование арок было известно в период основания Пестума.

В северной части города мы находим остатки древних гробниц. Они были в основном подземными и покрыты двумя плитами, наклоненными друг к другу. Есть один круглый и надземный, который, я думаю, был куполообразным.

Тем же вечером мы вернулись в Салерно, а на следующее утро поднялись к замку за городом, откуда открывались великолепные виды. Я был рад иметь спутников, которые наслаждались прекрасными пейзажами - чувством, от которого французы и итальянцы, кажется, почти избавлены. У немцев это есть, но ни в коем случае не так широко, как у англичан, и я иногда слышал, как на это указывают как на очень необычную черту национального характера.

Двор кафедрального собора в Салерно окружен колоннами из различных материалов, с капителями и основаниями различных стилей, которые не подходят к колоннам. Они поддерживают низкие квадратные опоры и полукруглые арки. Здесь также много древних саркофагов и несколько средневековых. Вся эта *античная роба*, по словам молодого служителя собора, была привезена из Пестума, но я полагаю, что все это относится к римским временам. Внутренняя часть церкви была модернизирована, но в ней есть саркофаги, византийские тротуары и древние кафедры или столы для чтения. Один из них огромных размеров и опирается на двенадцать колонн, которые, вероятно, древние, хотя капители относятся к средневековью.

При спуске в склеп можно увидеть любопытный древний барельеф с лодкой, но он очень плохо освещен. Сам склеп большой. Он инкрустирован мрамором, похожим на узорчатый гобелен, а посередине находится алтарь с двумя гранями. В церкви Сан-Доменико есть несколько готических галерей, но я видел их только с холма наверху.

На обратном пути мы останавливаемся в Ночере, чтобы осмотреть древний храм, или, скорее, баптистерий. В своем нынешнем виде мы можем сказать, что она не старше времен Константина, но она сложена из фрагментов лучших времен. Колонны, которых насчитывается тридцать, прекрасной формы и сделаны из богатейшего мрамора. Капители были хорошими, но

сильно потрачены впустую, а некоторые были плохо снабжены при возведении нынешнего здания; то же самое можно сказать и о фундаментах. Колонны не все в точности одинаковой высоты, но разница незначительна; они поддерживают купол; и хотя все, кроме колонн, самой грубой работы, архитектору удалось добиться таких хороших пропорций, что внешний вид необычайно приятен и значительно превосходит два здания в Риме и одно в Перудже, которые имеют такое же общее расположение.

ПИСЬМО LVIII.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ И ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЖИВАНИЕ ТАМ.

Рим, 28 апреля 1819 года.

Если вы верите неаполитанцу, то, торгуясь с ним, вы имеете дело с честнейшим человеком в мире, хотя он искренне признает, что его соотечественники довольно склонны к мошенничеству. Когда я обратился к веттурино с просьбой отвезти меня в Рим, он потребовал 13 пиастров (58 фунтов стерлингов 6д.) и сказал, что ему придется провести в пути четыре с половиной дня. Я предложил ему 10; (9 - обычная сумма, но я знал, что это делалось за 7½, не считая *buona mano*) он ответил, что он не такой, как другие итальянцы, но к нему всегда относились с немецкой искренностью. Затем я подал заявление в офис правительственного курьера, где узнал, что стоимость проезда до Террачины составляет девять дукатов. (33с. 9д.) Они не смогли прийти ни к какому соглашению, но заметили, что курьер сам, возможно, согласился бы на такое соглашение. Курьер заверил меня, что место в конторе занято; что ему приходится терпеть большие неудобства, уступая свое собственное место, чтобы разместить меня; что он совершенно неспособен солгать или воспользоваться каким-либо преимуществом перед путешественниками и что он ничего не может сделать для меня дешевле 22 пиастров. (4л. 19с.) Террачина находится более чем на половине пути, и поэтому я вернулся в офис и занял место в офисе, которое, несмотря на заверения моего доверенного лица, занято не было. Веттура курьера будет перевозить четырех человек, двое из которых защищены сверху и по бокам; двое других полностью открыты. Мы отправились в путь в два часа 27-го, и я думаю, ему было немного стыдно, что он встретил меня как единственного пассажира. Возможно, именно из-за этого чувства, едва мы выехали из Неаполя, он остановился в винном заведении и повторял свои визиты так часто, что совершенно напился. После того как болезнь и сон принесли ему облегчение, случилось худшее несчастье, ибо, обманутый, я полагаю, неверным светом луны, почтальон съехал с обрыва и опрокинул нас. Никто серьезно не пострадал, но я ушиб голову, а экипаж был сильно разбит, что усугубляло дискомфорт остальной части путешествия. “*О мама миа, мама миа*, - воскликнул бедный посыльный, - *Сара ла ровина в доме миа. О татта миа!*” Однако он не ограничился причитаниями, но приложил все усилия, чтобы поднять карету, и это физическое усилие, казалось, было необходимо, чтобы успокоить его душевные переживания. Мы отослали мальчика, который сопровождал нас, не знаю почему, в одном направлении, а солдата, который сопровождал нас, - в другом. Мы зажгли свет и снова поставили машину на колеса, прежде чем прибыла какая-либо помощь, но сами не смогли заменить ее на дороге: наконец приехали четверо солдат, и мы снова оказались в состоянии

двигаться дальше. Мальчик-почтальон предложил солдатам двадцать пять зерен, и это, по его словам, было все, что у него было. Им было отказано с такой любезностью и с такими выражениями доброй воли, что я был раздосадован, сочтя отказ простой ловушкой, чтобы получить больше. В конце концов, поскольку они прошли ночью две мили, вознаграждение было совсем не пропорционально трудностям или случаю.

Мы прибыли в Террачину около девяти часов утра, и мне пришлось ждать там римского курьера до четырех часов дня, что дало мне возможность посетить останки Анксур. Однажды я гулял по нынешнему городу,^[42] который стоит немного в стороне от дороги, и поэтому, оставив его слева, я поднялся на высокий скалистый холм, на котором, как считается, находился древний город. Сохранилась большая часть стены, весь *opus incertum* и ранние работы из щебня. Ворота, через которые я вошел, похоже, были закончены аркой, но все камни для свода исчезли. Стены обрамлены полукруглыми башнями, которые в нижней части кажутся сплошными массивами, по крайней мере, я не смог обнаружить никаких признаков проема. У вершины холма есть одна или две разрушенные гробницы и различные фрагменты стен, но самое крупное из сохранившихся памятников старины - прекрасная галерея из тринадцати арок и такого же количества комнат, выходящих в нее, обычно называемая дворцом Теодориха; и поскольку известно, что он иногда проживал здесь, такое назначение не является невероятным; но существующая часть так сильно напоминает фундаменты, которые так часто встречаются на римских виллах, что я испытываю искушение приписать ей более раннее происхождение. Существует также здание меньшего размера, имеющее такое же общее расположение, но его части, безусловно, относятся к более позднему времени. На лепнине этого здания сохранились следы изображения голов святых; и, вероятно, когда-то оно было частью монастыря.

С вершины этого холма открывается великолепный вид. Некоторые горы на северо-востоке были покрыты снегом. Они казались мне менее далекими, чем остров Искья, и, должно быть, были Монте-Агатоне с карты Италии Оргьяцци, лежащей недалеко от озера Челано; но снег был только в это время года, а не вечный.

Вернувшись в гостиницу, я, наконец, нашел римского курьера и узнал, что проезд до Рима стоит десять скуди; сорок пять шиллингов за шестьдесят миль казались мне очень высокой ценой, и я подозревал, что проезд из Рима в Террачину должен быть значительно дешевле, но у меня не было выбора. Мы прибыли в Рим около четырех часов утра, и в течение нескольких часов я не мог найти укрытия для своей головы, кроме как в кофейнях, некоторые из которых открыты всю ночь.

Вернувшись в Рим, я решил попытаться найти несколько писем, о которых я слышал, но которые так и не дошли до меня. Наведя справки, я обнаружил, что после трехмесячного испытательного срока в этой должности все письма, направленные не только в Рим, но и во все города римских государств, хранятся в верхней палате. Я с готовностью получил допуск, и меня оставили с одним клерком охотиться столько, сколько мне заблагорассудится. Я подсчитал, пересчитав содержимое одного ящика, который я просмотрел, и сравнив его с тем, что я видел вокруг себя, что в этой комнате могло быть не менее 200 000 писем. Поскольку они депонировались последовательно каждый месяц, наблюдалась небольшая степень упорядоченности, зависящая от даты, но это казалось простой случайностью. Мы просмотрели около 5000 экземпляров, среди которых я нашел два для себя; один датирован маем 1817 года, а другой августом 1818 года.

Мое нынешнее проживание в Риме почти так же неблагоприятно для обеспечения материалами для писем, как и проживание в Лондоне. Я вникаю в многочисленные мелкие детали конструкции или орнамента, читаю то, что могу раздобыть о римских древностях, иногда рисую, иногда просто отмечаю то, что я заметил; занятия, представляющие мало интереса или вообще не представляющие никакого интереса, за исключением архитектора или антиквара; и действительно, архитектор в Риме вряд ли может избежать чего-то последнего характера. Некоторые вещи в моем бывшем доме я видел очень несовершенно; несколько других по соседству я вообще не посещал.^[43] Мое общество состоит почти исключительно из англичан, и я их почти не вижу. Есть одно исключение: я познакомился с молодым итальянским студентом-архитектором, которым я очень доволен и который проводит со мной много времени. Мы вместе были в Тиволи, но даже там я не нахожу ничего нового, что могло бы вас заинтересовать, хотя, если бы обращение к описаниям доставляло вам такое же удовольствие, как повторное посещение этих прекрасных сцен, вы бы никогда не устали от этого. Иногда я хожу на спектакль; но то ли я стал более привередливым, то ли театры действительно не так хорошо обеспечены, как были в прошлом году, они меня не очень привлекают. Иногда я посещаю проповеди. Падре Пасифико имеет репутацию лучшего проповедника в Риме, и он, безусловно, очень красноречивый человек. Самый распространенный недостаток итальянских проповедников состоит в том, что они слишком усердно стараются быть патетичными; но, конечно, в их лучших проповедниках этого меньше, чем в тех, кто менее достоин. Последователи обычно изображают своего лидера карикатурой. Мы также можем наблюдать, как в театрах, так и за кафедрой, что лучшие исполнители меньше всего владеют тем своеобразным пением, которое присуще итальянскому языку и которым в Англии, как я слышал, восхищаются как одним из его величайших совершенств. Однажды я слушал проповедь капуцина в Колизее; предметом его проповеди было сравнение Девы Марии и реки Иордан, которая нисходит с Ливана, подобно тому как Дева сошла с небес; и он добавил еще много такого, за запоминание чего вы вряд ли поблагодарили бы меня. Я спросил одного из наиболее респектабельных священнослужителей, почему такое поведение разрешено? и он заявил, что необходимо ублажать низшие классы ерундой, как свиней кормят отбросами. Развлекать и обманывать людей слишком часто было попыткой тех, кто считает себя призванными править миром; но если они портят вкус толпы, предлагая ей нездоровую пищу, то это вина учителей, а не народа, если последние теряют вкус к простым и спасительным истинам; и этот аргумент, кажется, очень нелицеприятно воспринят римско-католическим духовенством. Бдительность прессы и отказ людям в Священных Писаниях могут быть оправданы только под предлогом отказа им не только во всем, кроме хорошей и полезной пищи, но и во всем таком, что они могут каким-либо образом неправильно переварить, если мне будет позволено подобрать слово и продолжить мою метафору. Частные истины могут быть вредными в определенное время, общие хороши всегда; и тот, кто воображает, что толпа неспособна понять принципы, которыми руководствуется его собственное поведение, либо ошибается, либо тщеславие побуждает его приписывать себе превосходство над своими собратями, которым он не обладает.

В другой раз я слышал, как священник проводил катехизацию с несколькими детьми в том же месте. Среди прочего, он расспрашивал их о том, сколько существует видов греха и сколько видов покаяния. Дети определенно не понимали ни вопроса, ни ответа. Все, чему они могли научиться, - это когда их учитель произносил один набор слогов, отвечать другим набором, предоставленным для них; и к счастью, это было так. Чему они должны научиться, как не тому, что любой грех неугоден Богу, и что глубокая и искренняя печаль, сопровождаемая искренним

желанием исправиться в будущем, является единственным истинным покаянием? Пытаться сделать из них милых казуистов - это, конечно, не способ сделать из них честных людей.

Канова оказал мне честь, проконсультировавшись по поводу церкви, которую он собирается построить в Позанио, венецианских штатах, на своей родине. Он должен состоять из купола диаметром 90 футов и портика, скопированного с Парфенона. Я сомневаюсь, что детали будут хорошо гармонировать, но поскольку это уже было решено, я ограничился предложением внести несколько незначительных изменений, которые не будут приняты. Я поинтересовался у архитектора, сколько это будет стоить. Он сказал, что не может сказать, сколько это будет стоить в Позанио, где камень был под рукой и где крестьяне, вероятно, оказали бы значительную помощь без компенсации; но что в Риме такое здание не может быть построено менее чем за 250 000 крон. Для такого человека, как Канова, благородно вкладывать свои деньги в общественные здания, и очень приятно созерцать готовность крестьян помогать в полезной работе, где их роль, скорее всего, скоро будет забыта. В Англии трудно найти людей, которые будут играть вторую скрипку за свой счет, поскольку вся честь и хвала достаются лидеру.

У нас был план переправы через Тибр, а это самая осязаемая работа; и все же я встречаю людей, рвущихся к ней, которые, по всей вероятности, не получают никакой доли прибыли. Я только что подсчитал, что если расходы составят 33 000 крон, что является предлагаемой суммой; и стоимость найденных предметов составит 72 576 крон, что кажется вполне разумным ожиданием; тогда папа римский, который ничего не вносит, будет претендовать на сумму 27 216; директор или суперинтендант получит за свои услуги 12 360; и подписчики снова получат свои деньги обратно, не потеряв ничего, кроме процентов в течение двух лет.

Здесьние праздники в честь императора очень великолепны, а освещение собора Святого Петра превосходнее всего, что я мог себе представить, несмотря на все описания, которые я слышал о нем. Все ведущие линии архитектуры были обозначены лампами, которые казались очень яркими и, судя по размерам здания, превосходили все, что я видел прежде. Внезапно в час ночи, *т. е.* примерно через час с четвертью после захода солнца, внезапное возгорание всех больших ламп, или *лампиони*, почти заставило усомниться в существовании предыдущего освещения. Операция по зажиганию этих *лампионов* по всему зданию не заняла и трех минут. Говорят, что для этой цели задействовано более шестисот человек, и эффект совершенно волшебный. После этого в замке Святого Анджело был устроен фейерверк. Полет 4500 ракет (и очень хороших) создал сплошную огненную завесу. Вы можете предположить, что круглое здание диаметром около 200 футов, возвышающееся на большом квадратном цоколе и стоящее совершенно отдельно, является прекрасным местом для такой выставки; и из этой ситуации извлекаются все преимущества.

В другой вечер у нас был фестиваль с иллюминацией и фейерверком в Капитолии, в тот же вечерний час; эффект был превосходный. Что понравилось мне больше всего, так это фонтан огня, который, казалось, поднимался с стремительной силой китайского герба из центра чаши и обильно падал по ее окружности в более мягком пламени римской свечи. Внутри комнаты были завешены белыми и цветными драпировками, украшенными золотыми звездами. Я думаю, император может быть доволен приемом, оказанным ему правительством, но я не знаю, понравится ли ему это со стороны народа, который, кажется, смотрит на него в лучшем случае с большим безразличием. Мне сказали, что они недовольны им за то, что он отказался от титула

римского императора, причудливого источника недовольства. Его манеры просто негативны; не надменны и отстраненны, но в то же время лишены чего-либо любезного или располагающего.

БУКВА LIX.

ПУТЕШЕСТВИЕ ФЛОРЕНЦИЯ—ПИЗА

Пиза, 18 мая 1819 года.

В Риме было так мало *пропусков*, что я не мог уехать до 30 апреля, а потом это было по дороге через Перуджу, которую я видел на досуге и не собирался возвращаться. У меня были приятные попутчики, а также вежливый и услужливый веттурино, что существенно повышает комфорт путешествия по Италии. Первую ночь мы провели в Чивита Кастеллана. На второй день мы задержались более чем на час в Нарни из-за одного из участников экспедиции, который, будучи каноником, а в тот день был *праздник*, не мог есть, пока не посетил мессу; и, не обнаружив выступающего священника, был вынужден совершать богослужение сам. Из Терни мы отправились на экскурсию, чтобы посетить каскад, но это было под проливным дождем, как и в течение большей части трех первых дней нашего путешествия. На четвертый день стало еще лучше, и мы попросили нашего водителя остановиться у Мадонны дельи Анджели, благородной церкви, построенной Виньолой, а сами отправились пешком в Ассизи, расположенный на холме примерно в двух милях от дороги. Это аккуратный город с очень крутыми улицами, и жители приветствовали нас с большой вежливостью и видимостью доброты, в отличие от той наполовину угрюмой угрюмости, которую мы встречаем в тех районах, которые граничат с Римской Кампаньей. Здесь находится древний коринфский храм, или, по крайней мере, портик, почти целый. Колонны стоят на высоких постаментах или простых пьедесталах, между которыми образованы ступени; листва капителей похожа на листву греческих капителей храма Весты в Риме или Кастора и Поллукса в Коре. Толстая штукатурка покрывает канавки и почти полностью заполняет шотландию. Возможно, это пристройка, но камень грубо обработан и, должно быть, предназначался для лепнины.

Фасад собора выполнен в любопытном готическом стиле. Неф представляет собой продолжающийся свод, без пахов и без окон; и эта сравнительно темная аллея, ведущая к просторному и хорошо освещенному центру, мне очень понравилась. Оттуда я отправился в монастырь Святого Франциска, очень обширную стопку, прекрасно размещенную. Есть две церкви, одна над другой: в нижней из них праздновали сорок часов (*т.е.* в это время выставляется освященная облатка). Здание, от природы мрачное, было для этой цели сильно затемнено, в то время как главный алтарь был ярко освещен, и здесь снова создавался очень прекрасный живописный эффект. Итальянцы часто затемняют свои церкви, чтобы усилить величие алтаря, а также, возможно, потому, что они считают определенную степень полумрака благоприятной для религиозных впечатлений; но в целом они требуют, чтобы здание было естественно светлым, чтобы продемонстрировать богатство архитектуры, живописи и скульптуры, которыми оно украшено, а также чтобы на их более веселых празднествах царили жизнерадостность и величие. Римские католики вкладывают все светлые эмоции сердца в

служение религии, которая у нас сохраняет более торжественный и серьезный характер. Верхняя церковь представляет собой простой готический зал с несколькими очень интересными ранними росписями. В нем нет боковых проходов, довольно правильные пропорции, хотя, возможно, он мог бы быть более высоким и сильно, и, возможно, довольно кричаще, украшен. И все же, безусловно, живопись и позолота, если их хорошо нанести, имеют тенденцию усиливать впечатление даже от самых строгих и торжественных стилей архитектуры.

Под Ассизи находится большая церковь, построенная Виньолой и посвященная Санта-Мария дельи Анджели. Значение этого названия я не могу вам сказать, но оно не редкость в Италии. Это прекрасная церковь, но без какого-либо выдающегося внешнего вида. Внутри свод нефа не нарушен окнами, и в него проникает сдержанный свет только из боковых проходов. Эффект торжественный и красивый. На хорах есть окна в своде, и, таким образом, сравниваются два метода, что, безусловно, является недостатком последнего. В центре находится небольшое готическое здание, которое является объектом большого почитания, поскольку когда-то было резиденцией святого Франциска. Снаружи церкви находится длинный резервуар, в который непрерывно стекают двадцать шесть струй воды; в Англии мы удовлетворились бы одним или двумя, но двадцать шесть делают воду настолько чище, и это одно из прелестей итальянской архитектуры, что воображение не вынуждено постоянно выслушивать оправдания болезненной экономии. Мы проехали Перуджу, не останавливаясь, и заночевали в убогой гостинице под названием "Каса дель Пьяно". В Ареццо мы вышли всего на несколько минут, чтобы осмотреть собор, и добрались до Флоренции около половины седьмого вечера пятого дня под проливным дождем.

Короткое время, которое я провел во Флоренции во время этого визита, прошло очень приятно среди художников и ботаников. Меня познакомили с Бенвенути, лучшим художником Флоренции и, возможно, Италии. По замыслу и композиции определенно превосходит римского Камуччини; действительно, я не знаю картин, в которых история рассказана более ясно и отчетливо, чем в работах этого художника. По выражению лица и колориту он равен римлянину; в рисунке, как по правдивости, так и по красоте формы, он уступает. Он просмотрел мои эскизы; и я счастлив обнаружить, что у меня их достаточно, чтобы утомить каждого; ибо, когда внимание начинает утомляться, воображение дает свободу воображать их больше и лучше, чем они есть на самом деле. Сеньоры Диньи ди Камбре и Пуччианти - архитекторы великого герцога. Последний познакомил меня с некоторыми изменениями во дворце Питти. Он перекрывал комнаты шириной 25 футов (это предположение) простым сводом из кирпичей, уложенных плашмя, но по диагонали, в штукатурке. Кирпичи имеют длину 12 дюймов, ширину 6 и толщину 2, так что последний размер равен толщине свода, за исключением случайных ребер, образованных другим рядом кирпичей, также уложенных плашмя; центровка не используется, за исключением обрезной доски в качестве ориентира; и по образованному таким образом своду можно ходить без опасности.

Во время моих предыдущих визитов я ничего не говорил вам об Академии в этом месте, и теперь я постараюсь восполнить этот недостаток. Я впервые посетил школу дизайнера; рисунки, использованные в качестве копий, намного уступают римским как по подбору, так и по исполнению. Искключительное восхищение тосканцев тем, что является тосканским, является здесь большим недостатком. Коллекция слепков очень хороша, но во многих фигурах части не были тщательно собраны вместе; она занимает три комнаты. В области архитектуры и орнамента Академия Сан-Лукки имеет преимущество, независимо от того, рассматриваете ли

вы средства обучения или успехи, фактически достигнутые учениками. Библиотека не богата большими фолиантами, а что такое библиотека художника без них? В галерее живописи есть несколько хороших картин перуджино и множество картин, которыми восхищаются тосканцы просто потому, что они тосканские. Однако, если в них мало очарования для художника, они представляют большой интерес как разъяснения истории искусства.

Еще один предмет внимания, которым я раньше пренебрегал, - это выполнение рисунков и украшений из твердых камней (*pietre dure*), таких как агаты и яшма, которые обычно инкрустированы каким-нибудь камнем темного цвета. Это государственное производство, но я поинтересовался, во что можно оценить стоимость куска порфира среднего размера с инкрустированным венком и колчаном, и мне сообщили, что это обойдется примерно в 6000 цехинов. Это красивое и долговечное изделие, но оно ни в коем случае не соответствует затратам. Исполнители с некоторым презрением отзываются о римских мозаиках, которые легко изготавливаются. Музей великого герцога содержит очень значительные сокровища естественной истории, но в основном знаменит своими анатомическими восковыми моделями, особенно теми, которые касаются родов; возможно, это не лучший предмет для столь публичной выставки, но достойный восхищения правдивостью и точностью имитации.

11 мая я поднялся на Монте-Асенарио с доктором Карло Пассерини, здешним доцентом ботаники. Расстояние от Флоренции составляет около одиннадцати миль, и почти все это время приходится на подъем. Он вполне проходим для кареты, за исключением примерно полумили от вершины, которая, я думаю, должна находиться на высоте 2000 футов над уровнем Арно. Вид представляет собой великолепную череду диких апеннинских пейзажей, состоящих из крутых берегов и угловатых хребтов, а не из скал и пропастей, много кустарника, но мало древесины. На востоке возвышалась одна точка с несколькими пятнами снега, которая, как я полагаю, была горой, откуда берет начало Тибр. На западе и северо-западе виднелось несколько заснеженных вершин. Ботаника предлагала итальянцу, пожалуй, больше редкостей, чем англичанину. Там были несколько альпийских растений и несколько других, которых я раньше не видел, а также несколько английских растений, которые мой спутник считал ценными. Мы останавливаемся на вилле великого герцога под названием Пратолино. Недавно он расширил ее границы; и ее будущая протяженность, поскольку поздние присоединения еще не объединены общим забором, превысит пять миль. То, что сейчас включено (а нынешний объем значителен), действительно выполнено в английском стиле; возможно, со слишком большим количеством извилистых дорожек, что не редкость в нашей стране, но без всех входов и выходов и извилин того, что на континенте обычно называют английским садом. Сочетание прекрасных деревьев и лужаек с видом на глубокую возделанную долину внизу, а иногда и на более широкую долину Арно, образуют восхитительную картину.

Я простился со своими флорентийскими друзьями в четверг, а в пятницу, 14 мая, отправился в Ливорно. Дорога имеет небольшой подъем, но долина Арно, иногда переходящая в богатую и обширную равнину, иногда сужающуюся между крутыми и скалистыми берегами, наполовину покрытыми каменными соснами, представляет постоянный источник интереса. К северу, на некотором расстоянии, возвышались Апеннины, в разных местах еще покрытые снегом, и, в частности, одна крутая гора, почти отделившаяся от остальных, образовывала смелый и величественный объект. После всего этого мы повернулись спиной, чтобы добраться до Ливорно, и прошли около шестнадцати миль по мертвой равнине, повсюду возделанной. Там есть довольно высокие холмы, возможно, высотой в шестьсот или семьсот футов,

начинающиеся примерно в двух-трех милях от города, которые значительно украшают пейзаж. Ливорно - оживленное, шумное место, с улицами шире, чем в большинстве итальянских городов, граничащими не с дворцами, а с респектабельно выглядящими домами; они обычно очень высокие, а самый низкий или, возможно, два самых низких этажа часто используются под склады. Мне приходится подниматься по двум парам лестниц, чтобы добраться до нижнего этажа моей гостиницы, а в журналах внизу, среди прочего, содержится большое количество соленой рыбы, аромат которой, безусловно, не подходит для апартаментов наверху.

Пиза была благородным городом, и ее история очень интересна, но вы знаете, я не беспокою вас историями городов, хотя иногда я беспокою вас историями отдельных зданий, которые, боюсь, вы сочтете гораздо менее интересными; но сапожник не должен выходить за рамки своего прошлого. От его древнего великолепия все еще сохранилось множество остатков, и четыре наиболее заметных и знаменитых объекта находятся на большой, поросшей травой площади в северной части города. Здесь мы встречаемся с архитектурным стилем, который, я считаю, характерен для этой части Италии. Длина собора составляет 297 футов, ширина нефа - 108 футов, длина трансепта - 228 футов. Высота фасада - 127 футов. Нижняя часть представляет собой ряд из семи арок, опирающихся на шесть прикрепленных колонн и две пилястры. Средняя арка больше остальных. Над ними расположены девятнадцать арок меньшего размера, занимающих всю площадь. Это подводит нас к крыше боковых нефов, и второй ряд арок, соответствующих этим по размеру и почти по высоте, обрезаются по бокам покатой крышей, так что целых девять арок и пять переходов с каждой стороны: над ними находится ряд из восьми арок, несколько выше любой из тех, что находятся непосредственно под ними, образуя конец верхнего этажа, и еще столько же, более высоких в середине и уменьшающихся в высоту к бокам, занимают фронтоны: каждая арка здесь совершенна, но опирается на более низкое основание. , в то время как под крышей проходов арки срезаны. Линии центральной части не перенесены вниз, чтобы сохранить вид самонесущей массы; это не высокий центр с двумя нижними крыльями, а единое здание, заканчивающееся усеченным фронтоном, окруженное другим, меньшего размера, из которого состоит весь фронтоны. На четырех верхних этажах все арки опираются на изолированные колонны. Поэтому я столь скрупулезен в своем описании не потому, что восхищаюсь расположением, а потому, что оно характеризует стиль архитектуры, преобладавший в этих краях в двенадцатом и тринадцатом веках. Архитектором этой церкви был Бускетус. Я пишу это с латинским окончанием, потому что наши знания о нем проистекают из латинской эпитафии. В этой композиции он предпочтительнее лидера дулихиан. Один своей мудростью разрушил стены Трои, в то время как другой воздвиг стены этой базилики. Этим лидером дуличан, должно быть, был Улисс; и название этого места не имеет ничего общего с Бускетом; и все же это, по-видимому, единственное подтверждение общепринятого мнения, что он был греческим художником. Если бы мы могли определить, откуда он скопировал особенности своей архитектуры, мы, возможно, могли бы сделать разумное предположение о его стране; но, насколько я могу судить, если они не возникли в его собственном сознании, то его типы были уничтожены. Время, в которое он жил, точно не установлено; некоторые авторы утверждают, на основании документов, которые они якобы изучили, что строительство церкви было начато в 1005 году и закончено в 1015 году; в то время как другие, подкрепленные надписью на здании, которая кажется решающей, утверждают, что строительство было начато в 1063 году, и делают вывод из некоторых ранних пизанских авторов, что оно было закончено в 1092 году. Разница не имеет большого значения. На фланге здания ряд пилястр соответствует колоннам фасада и, как и они, увенчан арками; но второй ряд

пилястр сбоку занимает высоту как колонны, так и арки спереди и поддерживает непрерывный архитрав. Верхний этаж представляет собой ряд арок на прикрепленных колоннах, значительно более широких друг от друга, чем верхние пилястры боковых нефов: отсутствие точного соответствия может и не быть недостатком, поскольку между частями нет необходимой связи, но это разочаровывает глаз. Купол не имеет большой высоты и окружен в нижней части рядом изолированных колонн, поддерживающих арки. Являются ли они частью оригинального дизайна, я не знаю; но я заключаю, что некоторые украшения, которыми они увенчаны, и, возможно, сам купол были восстановлены после пожара, произошедшего в 1596 году. Весь дизайн боковины отличается простотой и гармонией, которые очень радуют. Мы входим через великолепные бронзовые двери, изваянные по эскизам Джованни Болоньи *де Дуэ*; дополнение, с которым я не помню, чтобы встречал его раньше, и которое, кажется, прослеживает искусство Фландрии. У всех подчиненных художников есть имена, которые указывают на то, что они итальянцы.

Внутри здание образует на первом плане латинский крест, с двойными проходами к нефу и квадратной части хора, с шестьюдесятью восемью колоннами, поддерживающими арки на первом этаже, и четырьмя опорами, поддерживающими эллиптический купол. Боковые трибуны, однако, не открываются полностью в неф и, следовательно, скорее выглядят как два дополнительных сооружения, чем как образующие то, что должным образом следовало бы назвать трансептом. Над первым ярусом расположены галереи с опорой над каждой колонной внизу, поддерживающей арку такой же протяженности, но разделенную на две арки меньшего размера с помощью небольшой промежуточной колонны. Над этими арками находится высокая стена, в верхней части которой расположены небольшие окна с полукруглыми головками. Милиция насмехается над этими незначительными отверстиями; и все же они излучают приятный рассеянный свет, сами по себе никогда не становясь важными объектами. Потолок плоский, только в боковых нефх - сводчатый: таким образом, вы видите, что внутреннее расположение очень похоже на некоторые римские базилики. Галереи хора несколько выше, чем галереи нефа, и остроконечная арка находится в конце последнего. Нижние колонны могут быть разделены на два размера, причем те, которые разделяют боковые проходы, меньше, чем колонны нефа, но в каждом ряду есть разновидности. Те, что побольше, сделаны из гранита; из тех, что поменьше, некоторые сделаны из гранита, некоторые из мрамора различных сортов; две или три рифленые, остальные простые; и эти меньшие колонны различаются также по высоте, что является достаточным доказательством того, что они были сделаны из материалов более древних зданий. Некоторые из них, возможно, были привезены с Востока, поскольку пизанцы вели в ту эпоху очень обширную торговлю. Некоторые капители составные, но больше всего коринфских; и они различаются по диаметру, высоте, характеру и пропорции к колонне. Апофиз, как правило, большой, а основания имеют скудный и плохо понятый Атик, но не все они в точности одинаковы или имеют одинаковую пропорцию к колоннам. Только одно основание имеет форму, характерную для коринфского ордера. Часть гранита, по-видимому, из Сардинии или с острова Эльба, и колонны из этого материала вряд ли могли быть привезены из Леванта. Мы можем увидеть также павонаццо, чипполино и египетский гранит. Большой цоколь внизу и своего рода пьедестал над капителью позволили архитектору разместить все свои арки на одной высоте.

Баптистерий находится почти напротив западного фасада собора. Это большое круглое здание, более 160 футов в диаметре снаружи и около 176 футов в высоту. Строительство было начато в 1152 году и закончено в 1154 году, архитектором был Диоти Сальви. Все, что предстает взору,

вплоть до купола, сделано из мрамора. Внизу находится круг из двадцати колонн в три четверти, поддерживающих столько же арок, а в промежутках - четыре богато украшенных дверных проема и пятнадцать маленьких окон. Над ними находится круг, украшенный шестьюдесятью небольшими отдельно стоящими колоннами, поддерживающими арки, каждые две арки увенчаны треугольным фронтоном, а между каждыми двумя фронтонами находится вершина. Над этим находится еще один этаж с двадцатью маленькими окнами, каждое из которых также имеет свой фронтон, и контрфорсом в каждом промежутке, увенчанным открытым святилищем или дарохранительницей. Над всем этим возвышается купол, а над куполом - тупой конус. Таково его нынешнее состояние, но вы знаете, что по поводу этого здания возникли немалые разногласия, потому что, если все эти готические орнаменты действительно были частью оригинального дизайна, это доказывает использование этого стиля архитектуры еще в середине двенадцатого века. Спор может продолжаться только на расстоянии, поскольку каждый опытный глаз, который смотрит на работу с таким предметом, должен различить, что все эти остроконечные украшения, несомненно, являются добавлениями более позднего времени. Первый ряд фронтонов, разделяющих здание на тридцать частей вместо двадцати, как в случае вверху и внизу, совершенно разрушает симметрию и единство дизайна; в то же время легче произнести то, чего не было, чем определить, что было первоначальным завершением этой части. Я сильно подозреваю, что при первом возведении этот баптистерий заканчивался шпилем или конусом, возвышающимся над внутренним кругом арок, который я сейчас опишу, и что нынешний тупой конус, возвышающийся над куполом, составлял часть первоначального шпиля. Сам купол совершенно несущественен для остальной части здания, и если его убрать, все важные части были бы завершены без него; маленький купол, который в настоящее время завершает конус, я бы также назвал дополнением, поскольку он не гармонирует с остальным ни по внешнему виду, ни по конструкции.

Внутри мы находим круг из восьми колонн и четырех опор, поддерживающих двенадцать арок, с галереей наверху, разделенной таким же образом; но вместо колонн из сардинского или эльбийского гранита, как те, что внизу, есть только опоры, образованные соединенными пилястрами; и над этими двумя этажами арок возвышается конус, который виден изнутри на всю высоту.

Кафедра имеет восьмиугольную форму, опирающуюся на колонны; и большая, восьмиугольная мраморная ограда предназначена для крещения погружением; в центре этой чаши теперь находится высокий пьедестал, поддерживающий статую. Эта мебель (ибо таковой она на самом деле является) очень красива; но само здание требует отделки, и нельзя сказать, что оно имеет правильные пропорции.

На одной площади с кафедральным собором и баптистерием находится Кампо Санто, построенный для приема груза земли из Святой Земли, который мог бы освятить землю, где должны были храниться реликвии знаменитых пизанцев. Это продолговатый или, скорее, ромбовидный двор, очень узкий пропорционально своей длине, окруженный аркадами из белого мрамора. Все арки этой аркады, за исключением четырех, были заполнены своего рода готическим орнаментом, полностью отделенным от конструкции; они значительно отличались по стилю работы; и чтобы придать им вид, старая лепнина и орнаменты местами, очевидно, были срезаны; однако это, как и баптистерий, стало предметом споров. У нас есть две надписи, которые помогут нам с датами: одна из них сообщает о завершении строительства в 1283 году под руководством Джованни Пизано; другая - о завершении строительства арок, что,

несомненно, относится к этому ажурному рисунку, в 1464 году. Это здание становится еще более интересным из-за древних росписей, которыми почти покрыты стены, а также из-за нескольких саркофагов и других остатков древности, которые в нем находятся.

Сразу за собором находится знаменитая Падающая башня. Это цилиндр, окруженный на земле стеной, полуколоннами и арками; сверху шестью этажами колонн, поддерживающих арки, оставляя открытую галерею на каждом этаже, между колоннами и стеной. Три из этих историй повторяют ту же линию наклона, что и на земле; четвертая очень немного выпрямлена; пятая и шестая сами по себе находятся на одной линии, но образуют очень разумный угол с нижеприведенной работой. Над этим находится еще один этаж меньшей протяженности, который находится почти в вертикальном положении. У него было бы мало претензий на красоту, если бы оно было совершенно честным; но в настоящее время оно столь же неприятно, сколь и замечательно.

Несколько других церквей в Пизе, возможно, заслуживают внимания своей архитектурой, многочисленными колоннами и другими остатками, которые их украшают; но в их расположении и эффекте нет ничего, что показалось бы мне новым. Маленькая церковь Санта-Мария-делла-Спина, расположенная недалеко от реки, построена несколько позже.

Строительство было начато в 1230 году, но большая часть того, что мы видим сейчас, должна быть отнесена примерно к 1300 году: это очень богатый образец готической архитектуры; и хотя он довольно тяжелый по сравнению с нашими лучшими работами, тем не менее, это элегантное маленькое здание. Пиза в целом - великолепный город, особенно на знаменитой *Виа лунг'Арно*, но я мало что мог бы рассказать о его внутренней архитектуре. В Лун-Арно есть несколько любопытных старинных фасадов и богато орнаментированный готический фасад из кирпичной кладки, часть которого сейчас занимает кафе "Уссаро".

Во вторник я отправился с младшим доктором Сави, сыном профессора ботаники в университете, в Пизанские бани. Скала по соседству кажется темно-серым известняком. Вода в разных источниках при подъеме имеет температуру от 95 ° до 104 °; она прозрачная и безвкусная; по соседству берут начало несколько других источников, просто ощутимо теплая на ощупь. Гора позади, называемая Фагета, на которую мы поднялись, чтобы изучить ботанику, довольно высока, но без каких-либо выступающих скал; почва состоит из слюдяного и глинистого сланцев с большими массами кварцевой брекчии, возможно, принадлежащей к старому красному песчанику. Нижние склоны покрыты оливами, выше растут чесночные деревья и сосны: все последние небольшие, их периодически рубят на мелкую древесину или на топливо. Нам не удалось найти несколько орхидей, которых меня учили ожидать, но в других отношениях наши поиски были довольно успешными. Вода из чистого и обильного источника на этих холмах течет в Пизу. Следующее утро с пяти до десяти было потрачено на экскурсию в Пизанский лес - плоскую местность, покрытую деревьями и кустарниками, которая тянется вдоль побережья, между возделанной землей и морем. Здесь мало разнообразия и красоты, ботаника была не намного лучше пейзажа, но значительные участки были почти покрыты *Serapias cordigera*. Мы проезжали через ферму великого герцога и видели несколько его верблюдов за работой на дороге.

БУКВА LX.

ШКОЛЫ.

1826.

Прежде чем покинуть Италию, я должен дать вам небольшой отчет о том, что я увидел здесь в отношении образования. Во Флоренции и Неаполе есть районные школы, где все бедные дети, проживающие в определенных пределах, получают бесплатное обучение. Из того, что я о них слышал, я предполагаю, что они не очень хорошо проводятся ни в том, ни в другом месте, но, хотя я предпринял две или три попытки, я не видел ни одной из них в действии, за исключением одной из них в Неаполе, которая проводится по системе взаимного обучения. В других случаях дети не приходили, когда я звонил, или они просто уходили, или их не было дома, или они шли на мессу, или это был святой день. В Риме я не слышал о бесплатном обучении чтению и письму, но после того, как были сделаны эти первые шаги, там, как и, я полагаю, по всей Италии, бедному парню предоставляются значительные возможности для дальнейшего совершенствования, особенно в изучении латыни.

Во Флоренции есть три ланкастерские школы. Две из них поддерживаются обществом; другая - за счет графа Барди. Из двух, находящихся в ведении общества, главным является то, что находится в Санта-Кьяре. Учитель (синьор абате Браччолини) усерден и умен, но он боится преподавать слишком много, или, скорее, некоторые члены комитета боятся, что придется преподавать слишком много; под предлогом того, что, возбуждая в слишком высокой степени честолюбие детей или их родителей, это может стать поводом сделать первых несчастными. Родители часто очень желают, чтобы сын занимался какой-либо из образованных профессий; и юноша, таким образом продвигаемый вперед, без средств, которые позволили бы ему терпеливо ожидать медленной отдачи, получаемой от этих занятий, и без того уважения к своему собственному характеру и характеру класса, к которому он принадлежит, которое он мог бы приобрести, если бы воспитывался в более респектабельном положении в обществе, подвергается искушению вести себя так, чтобы принизить и его самого, и его профессию в глазах общества. Аргумент благовидный, но я подозреваю, что это просто пугало, поскольку во Флоренции есть школы более высокого класса, куда любой такой родитель может отправить своего ребенка бесплатно. Жалованье учителя составляет всего сто пятьдесят скуди в год. Я сожалею, что он не видел других школ, поскольку он недостаточно осведомлен о способностях мальчиков. Написание текста - это, пожалуй, самая хорошо проведенная часть. После закрытия утренней школы наставники проводят получасовой инструктаж; в понедельник он состоит из своего рода лекции по грамматике и, как сказал мне синьор абате, по морали; он пишет на черной доске ложные чувства и ложную грамматику и требует, чтобы ученики исправляли их; но в то утро, когда я присутствовал на этом упражнении, он давал только неправильную орфографию; а в других случаях дополнительное обучение носило скорее характер лекции, чем урока; детям нечего было делать, кроме как слушать; недостаток, который преобладает по всей школе. Он утверждает, что требует, чтобы ученые отвечали на основе размышлений, а не по памяти. И все же он был бы очень недоволен, если бы результатом этого размышления было что-либо иное, кроме эха его собственного урока, и даже если бы оно сильно отличалось от слов. Ни в коем случае не допускается смена места; усилия были довольно вялыми, и потребовалось много нагоняев. Учитель, никогда не видевший хорошей школы, слишком легко

успокаивается и слишком охотно подсказывает ответы; и все же в целом он хороший учитель и желает, как из расположения, так и из принципа, совершенствования своих учеников. По вторникам он учит их линейному рисованию, *то есть* лепке вручную геометрических фигур, но без попыток добиться точности; и одновременно должен заниматься только один мальчик, в то время как остальные наблюдают, чтобы они не продвинулись слишком быстро. В регистрационных списках Санта-Кьяры числится около ста пятидесяти человек. Среднее количество посетителей - около ста двадцати. Они рассматривают правонарушения с участием присяжных, назначая определенные наказания за определенные проступки; и учитель уверяет меня, что он часто восхищался их осторожностью и здравым суждением и был удивлен, увидев столько философии у кучки маленьких оборванцев. Однажды он позабавил меня выражением, которое он употребил по отношению к одному из детей, который спорил о чем-то с наставником, заверив его, что наставник был *“священной персоной сенты”* и что его указаниям следует беспрекословно подчиняться. В награду лучшим мальчикам учреждается общество заслуг; у них есть имя и медаль, которую они забирают с собой. Вторая школа находится в Страда Сангалло, и в ней есть те же достоинства и те же недостатки. Учителя и в том, и в другом слишком тесно связаны под надзором комитета или назначенного им инспектора и не могут получать от учебы в школе того удовольствия, которое они могли бы получить в противном случае. Требование строгого следования букве инструкций - это не путь к достижению совершенства; мы также никогда не должны забывать, что во многих вещах, помимо религии, верно то, что *“буква убивает, но дух дает жизнь”*. В школе в Сангалло было два очень хороших наставника, и учитель признал это. Одного из них собирались отправить в *“Пирог со скуолой”*, *“E così, - сказал я этому парню, - tu hai imparato tutto ciò che si può imparare in questa scuola.”* *“сеньор”*, - был ответ. Любопытно, что вы делаете бедного мальчика нечувствительным к высоте, которой он достиг, направляя его внимание вниз и никогда не позволяя ему посмотреть вверх и увидеть, как много есть над ним. Граф Барди внес некоторые изменения в систему обучения и напечатал две или три маленькие школьные книжки, которые, вероятно, полезны; тем не менее я всегда считаю, что у нас одним из больших преимуществ использования Библии является то, что она исключает использование детских книг. Школа показалась мне едва ли равной школе в Санта-Кьяре, за исключением подчинения общим приказам, и там у нее, безусловно, есть преимущество. Учитель сказал мне, что он был там, чтобы поддерживать порядок, и не считал обучение своей обязанностью. Это большая ошибка. Если на мастера не смотрят снизу вверх из-за его превосходных знаний, то пострадает либо он сам, либо желание совершенствоваться. Также ошибкой, хотя и проистекающей из благородных побуждений со стороны графа, является то, что наиболее продвинутых мальчиков отправляют в другие места для дальнейшего совершенствования; таким образом, и пример, и их заслуги в обучении других теряются для школы. Количество всех этих школ значительно сократилось с момента их первого основания: я не уверен, почему.

Предыдущие наблюдения были сделаны главным образом в конце лета 1825 года. После почти годичного отсутствия я снова посетил школы, и учитель в Санта-Кьяре заверил меня, что за это время не было привлечено жюри присяжных и не применялось никаких телесных наказаний. Я всегда с некоторым подозрением относился к такому отрицанию любых телесных наказаний; но я признаюсь, что никогда не видел школы, где было бы меньше похоже на применение чего-либо подобного. Подобные заведения есть в Сиене, в Поджи Бонци, в Ливорно и в Пистойе. Этот человек в Сиене приобрел некоторую репутацию преподавателя арифметики, но, по-видимому, это было связано с руководством кавалера Спанокки, а не со способностями учителя.

Кавалер жаловался, что его усилия в пользу школы возбудили зависть. Я не мог не чувствовать, насколько невозможно, чтобы Уилберфорсы или Аллены возникли при деспотическом правительстве. Дело не в том, что великий герцог или его ведущие министры воспротивились бы их планам; напротив, они, вероятно, поощряли бы и продвигали их после того, как они приобрели бы достаточное значение, чтобы привлечь их внимание; но когда какой-либо филантроп впервые начал добиваться своими усилиями на благо общества уважения и доверия своих сограждан, ревность нижестоящих властей сделала бы его объектом всевозможных искажений и мелких преследований.

Я нигде не находил, что арифметика хороша; в Санта-Кьяре не было ни одного мальчика, который мог бы легко вычислить сумму простым умножением на семь. В Сиене вряд ли прогресс будет значительным, поскольку ученики посещают школу всего один час в день. В Пистойе мастер хвастался многими своими приспособлениями для идеального преподавания счета. Я пришел довольно поздно, и большая часть мальчиков ушла до того, как он провел со мной урок, чтобы я мог испытать их мастерство в этом отношении. Я начал—9909. Никто не мог это написать. Только двое написали 900 правильно, и они не знали, куда это поместить, под первой цифрой, чтобы сложить сумму. В этой школе используют любопытный метод преподавания итальянской грамматики. Ученики самого младшего класса должны читать, различая первые четыре части речи и пренебрегая остальными; следующий класс различает еще две, а третий — еще три. Я не вижу в этом никакой пользы.

До контрреволюции 1821 года в Неаполе существовало несколько окружных школ взаимного обучения. В то время все они были закрыты на десять месяцев, и только один из них был вновь открыт по этой системе в городе; но есть еще один в Albergo de'poveri. В окружной школе детям было всего около сорока лет, и учитель казался сильно обескураженным из-за того, что все его усилия по улучшению школы терпели неудачу. Ученикам не разрешается читать даже авторизованную историю Ветхого Завета, и им запрещается выходить за рамки четырех первых, простых правил арифметики, так что сложение денежной суммы было бы нарушением правил. При таких обстоятельствах мы не можем удивляться тому, что школа должна быть вялой и неэффективной. Там, где границы обучения очень сильно сужены, то небольшое, что находится в этих пределах, всегда преподается плохо. Занятия проходят с восьми до половины одиннадцатого утра, и когда я был в Неаполе, дневных школ не было.

Я посетил также Альберго де Повери, или Реклюзорио, как его иногда называют. В нем находится школа для глухонемых, предназначенная не только для тех, кто находится в богадельне, но и для других учеников, страдающих этими недостатками. Их около сорока. Другие, возможно, могли бы, но только один парень действительно заговорил со мной. Инструкция кажется хорошей, но, возможно, немного метафизичной. Таким образом, чтобы показать, что *спонгия* и *джалла* образуют единую идею, ученику предлагается время от времени смешивать буквы, записывая их *sgpioan, lgliaa*. Ланкастерская школа здесь нехороша: учитель ругает и угрожает. Наставники били нерадивых учеников битой по рукам, и те, казалось, делали это совершенно доброжелательно, учитель не обращал на их действия никакого внимания. Та же самая летучая мышь также часто наносится на их задницы. Количество школ — 360, но фактическая посещаемость не дотягивает до 300, хотя все ученики проживают в доме. Большим недостатком является то, что как только мальчик добивается определенных успехов, его переводят в высшую школу, которых в доме четыре. Во второй школе (которая, по обычному плану итальянских школ, на самом деле состоит из одного класса) ко мне вызвали одного

мальчика, который очень хорошо прочитал часть священной истории, но он не знал, к какой нации принадлежал Самсон, и, похоже, их вообще никогда не спрашивают о значении того, что они читают. Один ученик, которому, я полагаю, было по меньшей мере восемнадцать, понимал правило трех и товарищества, но ему показали меня как нечто замечательное, и он почувствовал, каких экстраординарных успехов достиг. Другой мальчик примерно того же возраста был отправлен сюда своим отцом как неисправимый дома. Ни учитель, ни ученик, казалось, не придавали этому большого значения, пока некоторые мои наблюдения не заставили последнего устыдиться самого себя. В конце концов, он был тихим, скромно выглядящим парнем, и обвинение против него было выдвинуто в дерзости, так что я не могу не подозревать, что его отец виноват не меньше, чем он сам. В третьей школе был такой же преступник, лет двадцати, наверное, от роду, который сказал мне, что это всего лишь *преступление против джовантуи* что он нисколько этого не стыдится. Раньше существовали другие школы "*философии*", но верхние ветви сейчас обрублены. Один из них для рисования все еще сохранился, и в заведении есть театр.

От ланкастерских школ я перейду к *Братству Кристиани*, которое, как я полагаю, является орденом, подобным тому, который был назван во Франции *Frères Ignorantins*. Мне сказали, что в Орвието есть очень хорошая школа такого рода, но я не заходил к мастеру в подходящее время, чтобы увидеть ее в действии. Школа такого рода, которую я видел больше всего и которая, по-видимому, также приобрела самую высокую репутацию, находится в Сан-Сальвадоре-ин-Лауро, в Риме. Во время моего первого визита настоятель принял меня скорее любезно, чем вежливо, и, казалось, был доволен интересом, который я проявил к заведению. Есть четыре школы, или класса, каждый в отдельной комнате; в самом нижнем учатся около ста двадцати мальчиков под руководством одного учителя; все они были заняты чтением одного и того же поочередно, учитель часто прерывал обычный порядок, чтобы поддержать внимание; совсем как в классе школы хорошего Колокола. Здесь не учат ничему, кроме чтения, и дети должны, по крайней мере, знать свои буквы, прежде чем придут сюда. Во второй школе около восьмидесяти учеников, которые учатся чтению, письму и четырем первым правилам арифметики в их простых формах. Я видел только письменна, и это хорошо. Учеников третьего класса около восьмидесяти или девяноста. Предметы обучения те же, с добавлением составных форм этих правил. В четвертом классе около восьмидесяти мальчиков в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Арифметика продвинута дальше, и дается некоторое представление о геометрии. Письменность намного лучше, чем все, что я видел во Флоренции. Есть также школа архитектуры или, по крайней мере, помещение для этой цели, но оно не работает. Во всех этих школах мальчики делятся на две группы, чтобы стимулировать соперничество. Эта практика почти повсеместна в Италии, и императоры, консулы и диктаторы назначаются из числа лучших учеников, и в этой школе также есть декурионы, в обязанности которых входит исправлять ошибки других. Две партии названы здесь римлянами и карфагенянами; и учитель оказал мне услугу, назначив день, в который я мог бы присутствовать на состязании между ними. Это было просто чтение; на самом деле, практика здесь, по-видимому, не распространяется на другие области обучения. Сначала условия были легкими, но постепенно стали более строгими, когда пропуск или вставка остановки или повторение слова приводили к летальному исходу, а виновник считался покойником. В целом я был очень доволен, но несколько удивлен, увидев парней восемнадцати-девятнадцати лет в школе такого типа. Похоже, что это учебное заведение имеет высокую репутацию в области обучения письму и арифметике; и мальчики часто приезжают сюда на год именно по этой причине, после того как они получают остальное

образование в другом месте. Я подозреваю, что диктатор тоже был из тех, кто покинул школу, и что учитель пригласил его приехать, чтобы сделать выставку получше.

В другой раз учитель руководил повторением определенных произведений, которые ученики выучили наизусть. Тех, кто был готов к чему-либо подобному, попросили поднять руки, и многие были немедленно подняты. Выступления были короткими, и после каждого из них количество кандидатов, казалось, увеличивалось. Предметы были разные: история, естествознание, чудеса, мораль; никакой поэзии. В целом повторение было слишком быстрым, но в других отношениях очень справедливым.

В Риме есть три школы, *то есть* не три отдельных заведения, а три больших класса, у каждого из которых есть своя комната и свой учитель, но в целом они образуют то, что мы должны рассматривать как одну школу. Требуется, чтобы каждый ребенок умел читать и писать до того, как придет в школу. В первом классе их совершенствуют в чтении и обучают первым азам латинской грамматики. Во втором - латинская грамматика до конца урока. В третьем - синтаксис и письменное толкование писем Цицерона. Обучение в этом заведении раньше проводилось в большей степени, но французы присвоили это место и средства, и они им не были возвращены, и, я полагаю, вряд ли будут возвращены, поскольку иезуиты хватаются за все, что касается образования, и тех, кто желает дальнейшего обучения, направляют в Романо-коллегию, который находится под руководством этого общества. Учитель в каждой школе, не имея другой помощи, иногда в небольшой степени пользуется помощью старших мальчиков, но разделение на отдельные школы делает невозможным сделать это очень эффективным. Учеников также иногда заставляют задавать вопросы друг другу, но это вопросы из книг и ответы из книг. Общее количество учеников не дотягивает до двухсот.

"Скуоле Пай" во Флоренции - заведение гораздо более важное. Количество учеников составляет от восьми до девяти сотен. Существует шесть школ "lettere", то есть латинской и итальянской грамматики и композиции; одна школа письма; две школы арифметики; кроме того, есть лекции или уроки (что-то среднее между ними) по геометрии, естественной философии, высшим разделам математики и их применению к механике и астрономии; а также по риторике и художественной словесности, учебником для которых является наш Блэр. Невозможно увидеть такое учреждение с первого взгляда, и при этом нельзя очень хорошо, по крайней мере, не установив решительной близости с некоторыми профессорами, сунуть свой нос в каждый угол и изучить все хорошие и плохие детали и результаты системы. Как бы то ни было, я подумал, когда проводил перекрестный допрос падре Ретторе и четырех профессоров по различным вопросам обучения и дисциплины, что некоторые из *здонов* наших собственных великих школ ответили бы на подобные допросы. Иногда здесь бывает профессор богословия, но они потеряли его некоторое время назад и еще не нашли его место. У этих профессоров есть жилье, еда и одежда, как у монахов, но им не платят за преподавание. Напротив, падре Джорджи, профессор натурфилософии, некоторое время назад обратился за пособием на оплату своего курса, покупку инструментов и т. Д., И ему была назначена ежегодная сумма в десять фунтов, в то время как его расходы составляют сорок или пятьдесят. Ингирами, профессор математики, считается одним из первых математиков в Италии. Однако я не буду вдаваться в подробности, даже относительно небольшой части заведения, которую я лично обследовал, но расскажу вам, опираясь на авторитет падре Ретторе, о существующей здесь практике, которая, с некоторыми изменениями, кажется очень распространенной в Италии, и на которую я уже намекал. Учебный год начинается в ноябре; тогда ученики, бедняжки,

приходят в школу, как они пришли в мир, нагими, без почестей и сановитости. В течение первого месяца они получают *дилижензе* то, что хорошо повторяют свои уроки, которые отмечены в книге, и мальчик, получивший любой из них, может немедленно начать играть с ними, заключая пари с другим мальчиком на сколько ему заблагорассудится *дилижензе*, что он выполнит задание или урок лучше или за меньшее время, чем другой; и судить об этом должен учитель. 1 декабря тот, у кого больше всего *стараний*, становится императором римлян; второй - императором греков; третий - римским консулом; четвертый - греческим консулом и так далее, перечисляя названия многих других должностей. После этого индивидуальные ставки в какой-то степени все еще продолжают, но основное соперничество происходит между двумя сторонами. Однажды бедные греки потеряли все свои *дилигенции*; тогда они поставили на карту свои титулы и были низведены до положения рядовых; последним ресурсом были их места в школе; и, потеряв их, они были вынуждены выполнять все свои уроки стоя. Однако они были так взволнованы, что вскоре благодаря своим урокам приобрели новую *дилигенцию* и, возобновив соревнование, примерно за два месяца восстановили все, что потеряли. Первое, что здесь бросается в глаза, это то, что оно должно формировать группу игроков; но, привязывая результат каждого соревнования к потере или приобретению небольшого количества *дилигензе*, или, в борьбе партий, к потере или приобретению фиксированного количества *дилигензе* каждому члену каждой партии, я думаю, этого можно было бы избежать; и, возможно, если бы не постоянство, все же это можно было бы в какой-то степени время от времени имитировать с выгодой. Молодой парень из школы графа Барди, которого я нанял переписать для меня кое-что из написанного, раньше учился в школе, где эти группы назывались "Римляне" и "карфагеняне". Он был *принцем Романо*, и его воображение, очевидно, было сильно возбуждено. Он предпочитал эту школу ланкастерской и думал, что учиться быстрее. Достоинство этого плана, как мне кажется, состоит в том, что он заинтересовывает старших мальчиков в совершенствовании младших.

Поскольку моей целью были скорее школы бедных, чем богатых, я не уделял особого внимания школам более законченного характера. В Римской коллегии эти две партии называются римлянами и карфагенянами; и мой информатор (поскольку я не посещал ее) был императором последней. Экзамен проводится каждый месяц, как правило, в зависимости от перевода какого-либо латинского автора. Первого мальчика зовут *princeps principum*; второго - *princeps senatûs*; третьего - *princeps juventutis*. Затем следуют пять или шесть обозначенных *принципов*; столько же *главных принципов*; затем *второстепенные принципы*. За первыми учениками следуют *classis prima*, те же *classis secunda* и *classis tertia*; и подобным же образом те же *secundæ notæ* и *tertiæ notæ*. Наконец приходят ученики *nullius notæ*, что является большим позором, и им отводится отдельное место в школе, как недостойным смешиваться с остальными. Любой мальчик может бросить вызов любому другому ученику класса, стоящему непосредственно над ним, а *princeps designatus* может бросить вызов любому из трех вышестоящих *директоров*, и эти вызовы часты, и поддерживают сильное соперничество в школе. После того, как юноша некоторое время занимает положение одного из высших *директоров*, он становится *диктатором*, чтобы оставить место для младших учеников. Диктатору может быть брошен вызов, но он не теряет своего звания до тех пор, пока не потерпит двукратное поражение.

Общество молодых людей, которые сами берутся за различные виды обучения, недавно основало во Флоренции новое учебное заведение с целью получения образования. Возможно, цель состоит отчасти в том, чтобы обеспечить себя, но отчасти также и в искреннем желании

внедрить более совершенный метод. Директор расспрашивал восьмилетнего мальчика о метафизике грамматики, и он ответил в манере, которую я бы не считал возможной для такого ребенка. Ответы, несомненно, были даны по памяти, поскольку было невозможно, чтобы он понял столь сложный предмет; но вопросы были очень разнообразными, и его ответы были не заученными или в установленной форме слов, а темы уроков, которые он слышал, должно быть, были составлены самим мальчиком. Несмотря на эту успешную демонстрацию, я считал метод обучения слишком абстрактным и метафизическим. Сначала в курс были включены естественная история и натурфилософия, но с тех пор от них отказались, потому что флорентийские матери были встревожены мыслью о том, что их дети могут стать материалистами. Я не буду утруждать вас подробностями, но я скорее упомяну это учебное заведение как пример нынешней итальянской, или, скорее, тосканской, системы образования. Оно устанавливает высокий стандарт мастерства и частично достигает его. Ему нравится видеть, как дерево расцветает на хорошей почве, становится большим и сильным; но оно должно принимать не свою естественную форму, а ту, которую ему придает человек. Учитель итальянского языка стремится перенять и объяснить усовершенствования в каждой науке и каждом искусстве; но даже при этом он, возможно, не лишен бессознательной склонности к собственной силе и значению. Он расширил бы помещения, чтобы уменьшить желание бессвязно болтать; он удлинил бы цепочку, чтобы нетерпение его учеников никогда не могло ее разорвать; но все же должна быть цепочка или граница. Он направляет мысли во всех направлениях, к которым они проявляют явную склонность, чтобы ученик никогда не мог полагаться на свою собственную проницательность или найти путь самостоятельно. Я умножаю свои сравнения, потому что чувствую, что еще не до конца объяснил себя. Не так-то просто добиться понимания по этому вопросу. Если бы я сказал об этом итальянцу, он бы сослался на то, что молодых людей учат размышлять и думать самостоятельно; а я в свою очередь сказал бы, что это именно то, на что я жалуюсь. Их *учат* думать, чтобы их мысли никогда не сбивались с проторенной колеи. И все же я должен признаться, что в возрасте десяти или двенадцати лет все мы в такой степени являемся созданиями для подражания и обучения, что трудно определить какой-либо недостаток в этой области и еще труднее доказать это; и нельзя так свободно экзаменовать старших учеников, даже если бы профессор разрешил это, а порядок в школах был таков, что давал нам такую возможность. Вам это вообще понятно? и, кажется, это в какой-то степени объясняет недостаток оригинальности в нынешнем итальянском характере?

ПИСЬМО LXI.

ЛУККА—ЖЕНЕВА.

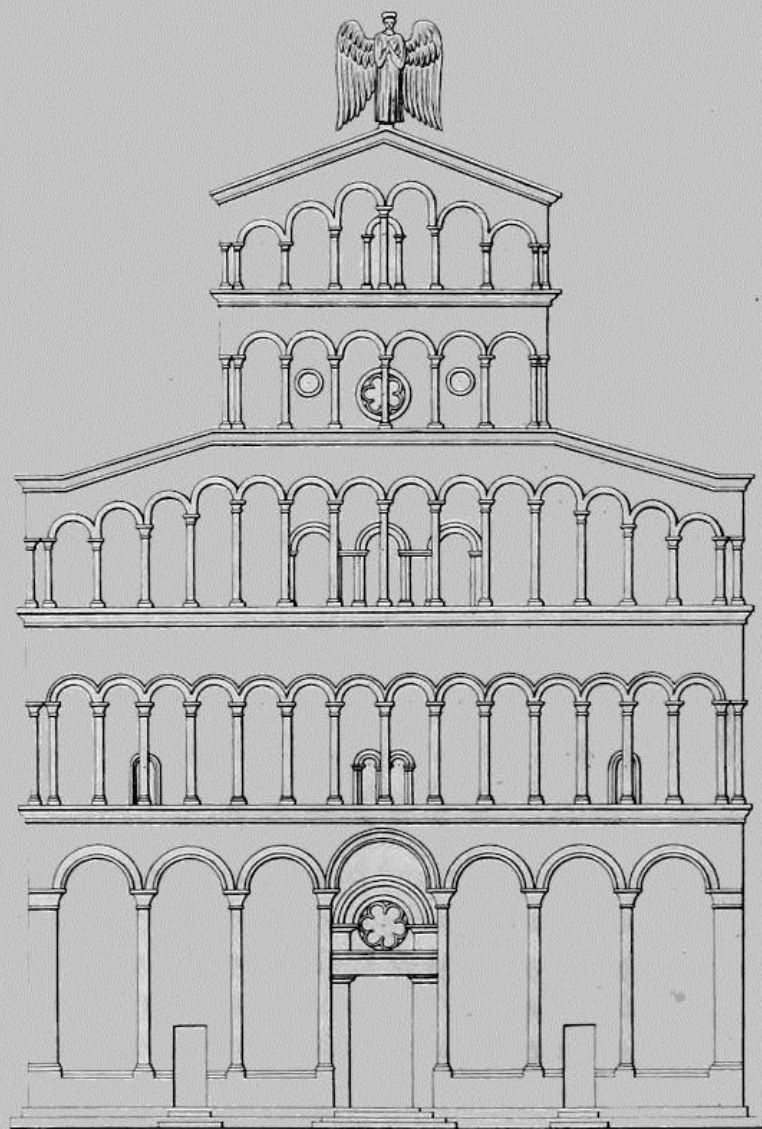
Женева, 3 июля 1818 года.

Я выехал из Пизы в Лукку 19 мая. Дорога очень хорошая, и я могу добавить, очень приятная, она выходит на равнину Лукка через перевал, через который Серкио покидает ее. Долина Лукки очень плоская и выглядит как озеро, которое было заполнено водой; и на самом деле, если Серкьо выходит из берегов, большая его часть выходит из берегов. В городе сохранились некоторые остатки римского амфитеатра, который определил направление некоторых

нынешних улиц; но главными архитектурными объектами являются церкви. Многие из них представляют собой очень любопытные здания. Все они в большей или меньшей степени имитируют Пизанский собор; действительно, меньше по размерам, но некоторые из них определенно превосходят его по пропорциям и расположению частей. Предполагается, что архитекторы были учениками Бускета, и мы должны установить их датировку одиннадцатым и двенадцатым веками. Начнем с собора, посвященного святому Мартину; говорят, что корпус был построен в одиннадцатом веке (*Трента, Путеводитель по городу Читта и контадо ди Лукка*), в то время как портик был пристроен в 1204 и 1233 годах, а хор достроен между 1308 и 1320 годами. На лицевой стороне есть две надписи: одна в портике "*Особое произведение чепита фиери об Эленато и Альдибрандо операриус*", A. D. MCCXXXIII; и одна среди украшений части над портиком: "*Условие выбора там пулькрас декстра Гидекти*", MCCIV.; из чего вы можете заключить, если вам угодно, что верхняя часть была возведена раньше нижней. Я отдаю честь дизайну Guidectus и предполагаю, что *operarii* были использованы при создании скульптуры и орнамента, некоторые из которых были выполнены Николой да Пизой. Впереди находится крыльцо из трех больших полукруглых арок, опирающихся на опоры, которые украшены небольшими валами. Внутри этого притвора, у стены церкви, находится ряд меньших арок, три из которых заняты таким же количеством дверных проемов. Каждый дверной проем имеет огромный архитрав, украшенный фигурами, и карниз. Над тремя большими арками крыльца расположены три ряда арок поменьше, опирающихся на маленькие колонны с различным орнаментом; верхний ряд простирается только до передней части верхнего этажа. Вероятно, предполагалось добавить фронтоны, украшенные таким же образом колоннами и арками; но это не было выполнено, и в настоящее время здание резко обрывается. Возможно, в целом, если бы его достроили, он стал бы лучшим образцом из всех, в которых этот стиль архитектуры был полностью отображен. По всему периметру много резьбы и инкрустаций из черного и белого мрамора. С внутренней стороны пилястры, сгруппированные вместе, образуют опору. Вводятся некоторые тупо заостренные арки, но в целом арки полукруглые. Каждая арка нефа поддерживает две арки с правильными пропорциями наверху, образуя очень высокий трифорий; теперь эти арки украшены узором, но это дополнение: в первоначальном дизайне ажюра не было. Окна в проходах очень маленькие; они узкие и заостренные. В верхнем этаже над каждой парой арок трифория есть маленькое круглое окошко. Я неоднократно обращал ваше внимание на это щадящее использование света, как в Италии, так и на Юге Франции. Трансепт находится в плохом состоянии, верхняя часть отделена от нефа, как в Пизанском соборе. Возможно, это можно рассматривать как доказательство древности, однако в других местах мы находим трансепт полностью выставленным в двенадцатом, а возможно, и в одиннадцатом веке. Надпись на задней части клироса дает нам даты 1308 и 1320 годов, но это может относиться только к некоторым изменениям и ремонтным работам, которые можно без труда отличить; поскольку вся внешняя сторона в остальном повторяет стиль фасада, но более проста.

Следующая по значимости церковь - церковь Святого Михаила; или, возможно, мне следует сказать, первая, потому что она представляет собой величайшее зрелище. Говорят, что он существовал в 778 году, и я не стану этого отрицать. Однако фасад, вероятно, ненамного раньше фасада собора. Он очень высокий и имеет семь арок в самом нижнем ряду, по четырнадцать в каждом из двух следующих; и по шесть в каждом из тех, что, по-видимому, принадлежат главному этажу; завершает все колоссальная позолоченная крылатая фигура архангела Михаила, чьи перья, как сообщается, закручиваются в своих гнездах, чтобы

оказывать меньшее сопротивление ветру. Хотя изогнутые линии, допущенные в этом фасаде, очевидно, призваны создать представление о покатых крышах центрального и боковых проходов, на самом деле верхняя часть представляет собой просто экран, возвышающийся очень высоко над крышей, а боковая часть представляет собой ряд арок, соответствующих большим аркам фасада, с одним этажом небольших арок над ними. Внутри неф образован арками, опирающимися на колонны, а над ними - высокая стена с маленькими окнами; эта ничем не украшенная простая поверхность создает особый контраст с богатством внешнего вида, где мрамор и колонны так щедро украшены.

J. Hoxworth Sculp.

Скульптор Дж. Хоксуорт.

С^Т. Майкл в Лукке.

Лондон, издательство J. & A. Arch. Корнхилл, 1^{марта} 1828 года.

Еще одной любопытной старой церковью, построенной раньше, чем любая из этих, является церковь Сан-Фреддиано. Первое упоминание о нем содержится в записи 685 года, а в другой, в 686 году, оно снова упоминается. Из них мы узнаем, что Фолоне, мажордом Куниперта, короля лангобардов, восстановил и обогатил монастырь. В последующие столетия часто встречаются упоминания как о монастыре, так и о церкви, но ничто не указывает на то, что последняя когда-либо перестраивалась или претерпевала существенные изменения. Центральная часть фасада полностью опущена к земле. Нижний отдел почти квадратный и совершенно простой, за исключением двери с очень широкими пилястрами и орнаментированным архитравом, а непосредственно над ней находится низкий арочный проем. Ряд небольших ионических полуколонн, поддерживающих архитрав, простирается над этой ровной поверхностью. В этом отделе видны два очень маленьких окна. В третьем - по одному высокому, узкому и стрельчатому окну, а по обе стороны от него - ряд фигур на золотом мозаичном фоне. Четвертый этаж, переходящий в фронтоны, также украшен мозаикой, основание которой выполнено из золота. В середине изображен Спаситель, а по бокам - поклоняющиеся ему ангелы. Этот фасад приписывается аббату Розоне, жившему в двенадцатом веке, но стиль нижней части настолько схож со стилем корпуса здания, что я склонен считать его ровесником остальных и ограничивать похвалы аббата возведением верхней части со стрельчатым окном и мозаикой. Использование этих маленьких колонн в качестве украшений датируется, по крайней мере, временами Диоклезиана. Боковые проходы, поскольку они двойные, образуют очень широкие крылья, в каждом из которых есть дверь того же стиля, что и в центре, и два круглых окна, неодинаковых по размеру и расположению, но одинаковых в двух крыльях. Внутри арки на колоннах из гранита и чиполлино поддерживают высокую простую стену с маленькими окнами. Большая высота этой плоской поверхности, возможно, всегда была недостатком этого стиля строительства, но получаемый таким образом свет очень приятен. Здесь нет трансепта, но есть полукруглая ниша или апсида, поскольку в этой и в каждой другой церквях есть древние хоры.

Другая церковь, более точно выполненная в пизанском стиле архитектуры, чем предыдущая, посвящена Санта-Мария форис портам. Фасад состоит из семи арок, опирающихся на полуколонны и пилястры, с тремя квадратными дверными проемами и низкой арочной нишей над каждым. Над ним есть два ряда арок на отдельно стоящих колоннах и круглое окно во фронтоне, которое, однако, кирпичное и незаконченное.

Я должен упомянуть еще одну церковь такого рода из-за громоздкого великолепия ее трех дверных проемов. Над каждым из них очень толстый архитрав, но только центральный проем украшен резьбой, а арка над дверью, включая полукруглое окно, опирается на двух животных. Нижняя часть, включая скат перед крышей нефов, без колонн; в верхнем этаже расположены два ряда колонн, каждая из которых поддерживает арки, причем колонны верхнего яруса переходят во фронтоны. Я подозреваю, что нижняя часть здесь более древняя, чем верхняя, как и в церкви Сан-Кристофоро.

Последняя упомянутая церковь демонстрирует, пожалуй, одни из лучших пропорций фасада. Она отделана горизонтальными полосами серого и белого мрамора. Внизу пять арок, а сверху ни одной, за исключением нескольких небольших декоративных арок под наклонными карнизами, напоминающих ломбардские, и окна-розы в верхнем этаже.

Если бы мне пришлось гадать о последовательной датировке этих зданий, я бы поставил на первое место Сан-Фреддиано и сказал, что фасад в его нынешнем виде, возможно, предшествовал возведению Пизанского собора. Нижняя часть Сан-Джусто заняла бы следующее место в хронологическом порядке. Санта-Мария-форис-портам - третье. За ним должен был последовать фасад Сан-Микеле, а затем фасад собора; но они, вместе с верхней частью Сан-Джусто и нижней частью Сан-Кристофоро, должны быть примерно того же времени. Наконец, верхняя часть Сан-Кристофоро и готические изменения в корпусе собора. Весь промежуток времени, занимаемый этой серией, возможно, начался вскоре после 1000 года и продолжался до 1250 года. Я мог бы значительно увеличить количество примеров, но вы подумаете, что я уже написал достаточно на эту тему. Несколько деревенских церквей в окрестностях Лукки носят следы того, что они были возведены в тот же период. Собор в Пистойе выполнен в том же стиле, но маленькие колонны сделаны из мрачного макиньо вместо мрамора, и в других отношениях здание уступает ему. Внутри есть несколько интересных памятников, датированных 1337 и 1338 годами, которые, похоже, относятся скорее к чинкве ченто, чем к столь раннему периоду. Дизайн выполнен в римском стиле, и некоторые части очень красивы. В Вероне также есть памятник в стиле скалигеровских построек. Возможно, самой старой церковью, которую можно отнести к этому стилю, является церковь Сант-Андреа в Пистойе, но здесь мы имеем только один ряд арок, опирающихся на полуколонны, а над ними антаблемент, который может быть римским. Баптистерий в том же городе, с другой стороны, является одним из последних; его части выполнены в готическом стиле и действительно образуют красивое здание. Аналогичный вкус преобладал в Прато. Поделочный камень тамошнего собора - темно-зеленый серпантин, часто с беловатыми пятнами, который привозят из карьеров примерно в трех милях от города.

Прогулка по крепостным валам Лукки даст вам очень хорошее представление об окружающей местности. Рядом с вами богатая возделанная долина с очень ровной поверхностью; за ней, примерно с северо-запада на запад, горы вдалеке друг за другом поднимаются к возвышенности, называемой Пико д'Ючелло, или Лапаниа, где есть пара участков снега, но скалы по большей части слишком круты, чтобы удержать его. Вход долины Серкио в бассейн реки Лукка происходит почти к северу от Лукки, но горы здесь практически не разделены. Приятные, тенистые холмы на севере и северо-востоке скрывают более отдаленные возвышенности, за исключением того, что вершина Монте Пеллегрино просто возвышается над ними. На востоке равнина кажется бескрайней. На юге возвышается цепь холмов над Пизанскими банями, и между ними и западным хребтом Серкио находит проход, где глаз из Лукки не видит никакого отверстия. Сцена очень разнообразна, и везде очень красиво.

Все родственники моего юного друга Пардини стремятся относиться ко мне с предельной добротой в обмен на то небольшое внимание, которое я проявил к нему в Риме; Со мной должны обращаться в кофейнях, в театре и везде, где, по их мнению, я могу получить какое-либо развлечение. Его отец настоял на том, чтобы отвезти меня в бани Лукки, и, уезжая из этого города, я обнаружил, что ничего не могу заплатить в гостинице: я потребовал счет, бранился и чуть ли не ссорился, но все было напрасно; и поскольку я обнаружил, что не могу отказаться от их доброты, не обидевшись, я, наконец, отказался от этой затеи.

Мы ехали в купальни насквозь промокшими, но пышные заросли камнеломки, окаймлявшие скалы, выглядели только красивее. Непосредственное расположение бань мало что может порекомендовать, они расположены среди крутых склонов и узких долин, частично заросших

виноградом и оливами, но кажется, что все это выросло из огромного орехового леса, который простирается на многие мили во всех направлениях. Все это выглядит как местный лес, однако меня заверили, что каждое дерево было привито; и действительно, при осмотре это утверждение показалось достаточным доказательством, хотя некоторые из них достигают пяти или шести футов в диаметре. Два ручья, Лима и Камальоне, встречаются у подножия небольшого, но крутого холма, который только очень узким гребнем соединен с общей массой. С этого холма, имеющего форму полуострова, берут начало четыре группы теплых источников: самый низкий, возможно, находится на высоте ста футов над местом слияния ручьев, самый высокий - не менее двухсот пятидесяти. Температура самого горячего составляет 128 или 129 градусов по Фаренгейту. Почва повсюду представляет собой слюдянистый песок, за исключением одного места, где мы видим известковую породу, сопровождаемую брекчией из округлой гальки, цемент которой, как я полагаю, тоже известковый, быстро уходящий под холм.

Следующее утро началось таким же образом, но через некоторое время прояснилось, и я отправился посетить Прато Фиорито, гору в нескольких милях от нас, о ботанических сокровищах которой мне с восторгом рассказывали как ученые, так и невежды. Когда я шел по улице, меня позабавило, что мой проводник спрашивает крестьян, цветет ли поле. На самом деле это высокий, скошенный луг с плотным дерном, поросшим мхом, украшенный в это время года большим количеством *нарцисса поэтического*, который здесь называют фиалками, и *горечавки остролистной*. Здесь также в изобилии растут коровьи лепешки, которые здесь являются редкостью. *Лилия мартагон* и *L. croceum*, *Пиония лекарственная* и многие другие эффектные растения, как говорят, очень обильны в более позднее время года. Высота вершины, вероятно, не превышает 4000 футов, так как снега на ней лежит очень мало даже зимой. На юго-востоке он обрывистый, а некоторые из соседних гор очень скалистые, но облака скрывали более высокие хребты, которые иногда казались покрытыми лесом, а вершины покрытыми снежными полосами. Вид вполне апеннинский, с крутыми склонами и острыми хребтами, без сплошных массивов, характерных для Альп. Гора, на которой мы стоим (Монте-а-Челле), разделяется на две части. Один, который, кажется, полностью сложен из известняка, несет на своей спине Прато Фиорито. Другой называется Монте Короната, вероятно, из-за толстого слоя кремня, который образует гребень у его вершины. Задняя часть и вершина этого камня покрыты чем-то похожим на красный мергель, иногда содержащим темно-красную яшму. Известняк имеет конхоидальный излом и пахнет, когда на него дышат. Я заметил одну ребристую двустворчатую раковину и часть гладкой раковины на подъеме на Монте Короната; но это были единственные следы органических остатков, которые я смог найти.

1825.

Через горы проложена новая дорога в Модену, которая, пожалуй, является самой интересной для натуралиста из всех проходимых перевалов Апеннин. Мы видим, что известняк в долинах и на более низких холмах часто повторяет форму почвы, пласты наклонены иногда в одну сторону, иногда в другую: иногда они горизонтальные, а иногда вертикальные. Верхние слои тонкие и прослоены красным, яшмовидным веществом. Более высокие части гор образованы твердым слюдянистым песком, не лишенным некоторых нарушений, но в целом наклоняющимся под сравнительно небольшим углом к северо-востоку. В одной части дорога прорезает известняк, где скала из этого песка возвышается над ней почти перпендикулярно. Возвращаясь из

Терраглио, где я ночевал во время экскурсии по этой дороге, я немного отклонился от своего пути вверх по долине Серкио к Гивиццано, где мне сказали, что был обнаружен пласт угля, но я нашел только бурый уголь, под слоем крупного гравия. Наибольшая толщина бурого угля составляет около двух футов. Большая часть, очевидно, была древесиной; остальное, кажется, состоит из листьев, но я не смог определить какой-либо вид; возможно, раскопав холм, мы могли бы найти более совершенные останки.

По этому случаю я также посетил Виареджо, единственный порт, принадлежащий правительству Лукки, или, скорее, единственное место на берегу, поскольку его нельзя назвать портом. Широкая болотистая местность и полоса песка отделяют горы от моря; песок в значительной степени покрыт лесом, и непосредственно к югу от Виареджо он состоит в основном из *сосны обыкновенной*. Там есть значительное озеро; и на его берегах, в местечке под названием Масса Чукколи, у подножия холмов, сохранились остатки бань, которые, вероятно, принадлежали какой-нибудь римской вилле. Я отправился из Виареджо водным путем и нашел достаточно интересного в древностях, хотя они вряд ли могли вызвать какой-либо интерес к описанию. В 1826 году я пересек Апеннины из Пистойи в Модену. Дорога гораздо менее интересна, чем из Лукки в Модену, но в Ла Беттоне, прямо на вершине перевала, есть сносная гостиница; жилье, которое нужно другому. Расстояние между ними небольшое, и дороги соединяются в нескольких милях за вершиной. Самой высокой точкой Апеннин в этом районе является Монте-Чимоне, которая почти никогда не бывает свободной от снега и должна превышать 7000 футов в высоту. Он немного выступает к северу от общего хребта и со стороны Модены возвышается над всеми остальными. Мой проводник во время прогулки из Ла-Беттоны, интеллигентный дровосек, заверил меня, что почти во всех низинах есть известняк. Дровосеки валили деревья (главным образом *сосну* Pinus Pinea) и делали из них весла и другие изделия; но главным продуктом питания были весла. Затем приходят производители древесного угля; и с тех пор, как в долинах было основано несколько чугунолитейных заводов, естественное воспроизводство значительно отстает от отходов, и для их восполнения не предпринимается никаких средств, хотя, по-видимому, все согласны с тем, что разрушительный характер потоков, спускающихся с Апеннин, очень сильно увеличивается из-за уничтожения лесов.

Немного дальше от вершины я обогнал мальчика, который шел в школу. Мы прошли мимо заведения, которое кажется очень большим. Мальчик сказал, что школ так много, что он ничего не может сказать о количестве мальчиков. Такова итальянская практика. Ученики разделены на несколько больших классов, и каждый класс образует школу, занимающую свою особую комнату и имеющую своего собственного учителя. Я останавливаюсь в Биригацце, чтобы посмотреть на то, что называется вулканом, то есть на языки пламени, вырывающиеся из-под земли. Они намного сильнее, чем те, что были в Пьетра Мала, когда я видел их в 1817 году, но до того, как я прибыл в Биригаццу, погода была дождливой, а пламя всегда особенно сильно разгорается в сырую погоду. Иногда они гаснут и сами по себе больше не загораются. Запах был как от чистого угольного очага, и я ничего не мог отличить от запаха серы. На некоторых камнях был небольшой налет сажи. Кажется, на северной стороне Апеннин есть несколько таких мест.

1819.

24 мая я покинул Лукку. После пересечения низкой части хребта, образующего западную границу долины Серкио, дорога лежит по широкой равнине, простирающейся от гор до моря.

Говорят, что во многих местах она заболочена, но, за исключением одного или двух мест, она скрыта от глаз буйной растительностью. В непосредственной близости от дороги растут оливы. Справа поросшие каштаном горы, скалистые вершины которых теряются в облаках. В Пьетра Санта есть готический собор с окном-розеткой. Колонны нефа сделаны из красивой красноватой брекчии. В этом городе есть еще одна церковь с готическим фасадом. Масса стоит у входа в прекрасную долину, открывающуюся среди Апеннин и орошаемую сверкающим ручьем. Каррара находится на некотором расстоянии вверх по другой долине, защищенной отвесными скалистыми горами, которые выглядят более солидными, чем это принято на Апеннинах. Дорога между двумя городами проходит по хребту, который, по-видимому, в основном состоит из темного битуминозного известняка. Мраморные карьеры занимают три или четыре спускающихся хребта, соединяющихся в высокую гору под названием Монте-Сагро, на которой виднелось несколько пятен снега; но она не казалась одной из самых высоких в округе. Покидая Каррару, мы поднимаемся по берегу небольшого ручья, протекающего через нее, и вскоре прибываем к слоям голубоватого мрамора, которые здесь называются бардильо: выше по долине находятся слои из белого мрамора. Они очень склонны, но не следуют какому-либо общему направлению. Лишь немногие из этих слоев производят мрамор такой зернистости и прозрачности, которые высоко ценятся скульпторами; и если из этих слоев они получают один блок из десяти, который сохраняет хороший цвет на всем протяжении, они довольны; еще выше мрамор приобретает тусклый, мертвый цвет, но из него можно получить блоки гораздо большего размера. Основные карьеры по добыче мрамора с прожилками находятся в параллельной долине, которую я не посещал.

В Карраре есть кафедральный собор, который, по-видимому, был построен в подражание собору в Пизе. Он состоит из пяти частей, расположенных ниже, но каждая часть, кроме центральной, имеет две арки. В верхней части есть тонкие шахты и стрельчатые арки, ведущие к наклонным полукруглым проходам боковых проходов, но богато украшенный квадрат с элегантным окном-розеткой в центре занимает большую часть средней части здания. Меньшее сооружение, которое, без сомнения, должно было венчать усеченный фронто́н, так и не было возведено. В Карраре есть школа скульптуры, в которой, по крайней мере, можно найти учебные материалы. Архитектурному украшению было уделено большое внимание, но эффект оказался неудовлетворительным, поскольку изделия получились сухими и безвкусными, хотя и демонстрировались значительные механические навыки.

Посмотрев каррарских львов, я нанял экипаж до Леричи. Широкая долина реки Магра отделяет холмы, окружающие Специйский залив, от массива Апеннин. Я отправился пешком к старому замку в Леричи, живописно расположенному на возвышенности, которая, прикрывая небольшую бухту за собой, образует гавань. В среду, несмотря на плохую погоду, я посетил остров Пальмари, недалеко от Порто-Венере в устье Спец-залива, где находятся карьеры по добыче черного и желтого мрамора; при натирании он почти не пахнет. Пласты наклоняются примерно на восемь градусов к северу или немного к востоку от севера. Некоторые скалы на острове сложены из бледно-серого или желтоватого известняка с желтоватыми прожилками, вероятно, из-за обнажения. С этого острова открывается прекрасный вид на благородный залив Специя, который прекрасен повсюду, хотя очертания гор, окаймляющих его с севера, возможно, довольно бугристые. На противоположной стороне нижние склоны покрыты оливками, выше - виноградными лозами и чесночными орехами, но многие вершины скалистые и голые. Карантин в Генуэзском порту установлен в бухте этого залива.

Вечером 27-го я поднялся на борт фелуки, чтобы отправиться в Геную. Мы пересекли залив почти в штиль, а затем встречный ветер задержал нас в Порто-Венере. Я предсказывал этот результат, но учитель так уверенно заверил меня, исходя из всего своего прошлого опыта, что такой опасности не было, что я был убежден сопровождать его, однако не без рассмотрения возможности выйти и пройти пешком. Я не часто жалуясь на блох, но в данном случае их было так много, что это ускорило мое решение идти по суше. Соответственно, после одной ночи на лодке, обнаружив другого пассажира в таком же расположении духа, мы наняли небольшую открытую лодку до Специи, а оттуда пешком дошли до Боргетто.

Я нашел своего спутника суетливым и раздражительным. Он был французом, почти не знающим итальянского языка, но, казалось, не имел особой склонности к разговорам. За милю или две до Боргетто он встретил итальянского священника, с которым завязал разговор на собачьей латыни; и его новый спутник понравился ему настолько больше, чем старый, что, прибыв на постоянный двор в Боргетто, он сказал хозяину, что я буду ночевать там, но что священник и он сам немедленно отправятся дальше верхом. На самом деле у меня было намерение остаться, но я не сказал этого и поэтому расценил это как заявление о том, что он хочет избавиться от меня. Однако вскоре он поссорился с хозяином гостиницы из-за счета, а также из-за своих лошадей и багажа; и, обругав священника за то, что тот чинил препятствия на пути, сказал, что ему следует отказаться от поездки на эту ночь и прогуляться со мной утром; но у меня было не больше желания составить ему компанию, чем он до этого наблюдал за моей, и я сказал ему, что намерен продолжить путешествие верхом; и священник очень добродушно предложил сопровождать его пешком в тот вечер в Матарано, они помирились и уехали вместе, и больше я их не видел.

На следующее утро я раздобыл лошадь и проехал два поста в Матарано, но сколько миль прошли мои информаторы, разошлись во мнениях. Скалы в основном были покрыты суглинистой почвой, но один холм был удивительно черным и раскалывался так сильно, как уголь, что я не мог убедить себя, что это не так, пока не обнаружил, что он не испачкал мои пальцы. В Матарано я раздобыл другую лошадь, чтобы отвезти меня в Бракко. Дорога постоянно поднимается и спускается с холма, хотя всегда на очень значительном возвышении. Местность чрезмерно пересеченная; казалось, природа обнищала и состарилась.

После этого я продолжил свое путешествие пешком в Чьявари. Долгий спуск из Бракко привел меня на берег моря, где я встретил англичанина, который задал мне несколько вопросов по-французски. Я ответил на том же языке; затем он сказал “Остановись” и начал нащупывать в кармане листок с указаниями. Я сказал, что, поскольку я понял, что он англичанин, я должен ответить ему по-английски. Он начал с меня: “Благослови меня Бог, я англичанин”. Его удивление, по-видимому, было вызвано не столько тем, что он нашел меня таким, сколько тем, что он впервые обнаружил, что он такой же, как и все. Он сказал, что прошел 1500 миль по Франции и никогда за все время своего путешествия не пользовался никаким видом транспорта, за исключением время от времени лодки, чтобы пересечь паром или залив. Он очень хотел, чтобы я вернулся с ним на Понте ди Сестри, который я миновал около мили назад, и выпил с ним бокал вина; но я не был расположен ни пить, ни возвращаться.

Следующее утро поначалу было дождливым, и весь день низко нависали тучи, но все же у меня была очень приятная прогулка в Ареко. Путешествие в этот день проходило в основном по старой дороге, которая очень холмистая; новая дорога должна быть более ровной, и когда она

будет завершена, это будет благородная работа. Нынешний способ использует туннель, прорезанный на значительном расстоянии, который станет частью новой дороги.

В Ареко я нашел карету, идущую в Геную, и за три лиры занял в ней место. По дороге мы проехали Рапало, который, я думаю, является самой красивой частью залива, и оттуда часто проезжают экипажи в Геную, так что до него очень легко добраться.

Генуя с первого взгляда поразила меня тем, что представляла собой длинную и несколько приподнятую горизонтальную линию, идущую от гор к морю; прекрасная композиция, но совершенно не похожая на то, чего меня учили ожидать. Более высокие горы здесь значительно отступают от берега, но промежуток заполнен высокими и крутыми холмами, и горизонтальная линия была очень обманчивой, потому что из всех городов, в которых я когда-либо был, она самая неровная; и в большинстве ситуаций она принимает вид, который ей обычно приписывают, амфитеатра, поднимающегося из моря. Дворцы Генуи более знамениты, чем ее церкви, и на самом деле мне нечего будет сказать о последних. Собор, посвященный святому Лаврентию, был построен в одиннадцатом веке, освящен в 1118 году папой Пелагием II и отреставрирован в 1300 году. Фасад относится к более позднему периоду; нижняя часть занята тремя стрельчатыми арками с маленькими колоннами и другими элементами готической архитектуры. В центре есть одно окно "мэриголд" и несколько окон поменьше. Вероятно, предполагалось возвести две башни, но из них была выполнена только одна, да и то в более поздний период, и она не сохранила характер остальной части здания. В этом здании нет ни малейшего следа того вкуса, который царил в Пизе и Лукке. Внутренне первая арка выполнена в готическом стиле и соответствует по стилю фасаду; в остальной части небольшие стрельчатые арки опираются на одиночные колонны. Последние, вероятно, являются оригинальными частями здания, и арки над ними, я полагаю, изначально были полукруглыми.

Я бы не упоминал церковь Сен-Сир, если бы она не хвасталась богатством своего мрамора. Неф имеет арки, опирающиеся на соединенные колонны, которые довольно подагрические. Это одно из многих доказательств того, что изобилие богатых и красивых материалов может быть использовано без создания богатства или красоты. "Аннунциата" - еще один пример того же рода; но в Генуе в таких нет недостатка. Церковь Санта-Мария-ди-Кариньяно - прекрасное здание современной архитектуры в форме греческого креста с высоким куполом в центре. Плечи чересчур длинные, а антаблемент бедный и скудный. Свод разделен на тринадцать панелей, что слишком много; но линии хорошо сохранились, и, учитывая его внутреннее убранство, он займет почетное место среди самых красивых церквей современности. В этой церкви находится статуя святого Себастьяна работы Пьуджета, которую саму по себе стоит посетить. Бернини никогда не делал ничего подобного, и если бы Пьуджет всегда работал в этой манере, он был бы первой скульптурой нового времени.

Кроме того, обязательно посетите церкви святого Амвросия и Святого Стефана из-за их картин, а святого Матфея - из-за могилы поистине великого человека Андреа Дориа. В остальных разбросано несколько картин, в изобилии используется прекрасный мрамор и позолота, но в целом они расположены без вкуса и эффекта.

Но если Генуя не особо выделяется красотой своих церквей, она может по праву гордиться своими дворцами; и если вы пройдетесь по трем непрерывным улицам Бальбис, Нуова и Нуовиссима, заглядывая во дворы и лестницы по обе стороны от вас, вы действительно можете подумать, что находитесь в городе королей. Обычная планировка представляет собой большой

зал, частично опирающийся на колонны, ведущий во двор, окруженный аркадами, своды которых также опираются на колонны. С одной стороны улиц эти дворы находятся на одном уровне с внешним тротуаром; с другой стороны, быстрый подъем площадки компенсируется пролетом мраморных ступеней. За этим двором с обеих сторон поднимается большая лестница, а еще дальше часто находится небольшой сад, затененный апельсинами; до сих пор композиция вызывает восхищение; он неизменно открыт для всеобщего обозрения; и длинная перспектива залов, двориков, колонн, арок и лестничных пролетов производит самый великолепный эффект, и это еще более усиливается, когда великолепие мрамора контрастирует с темной тенью апельсиновых рощ. Но главное достоинство зданий заключается в этих частях. Внутри есть прекрасные квартиры, но ни в коей мере не соответствующие великолепию входа. Другие улицы Генуэзские и темные, но даже здесь мы находим несколько благородных зданий. В Палаццо Бриньола есть большая коллекция картин; в Дураццо - очень хорошая. Я думаю, что этих двух может быть достаточно в этом отношении для любого человека, который не является признанным знатоком.

Я почему-то пропустил салун Серра палас, который, как говорят, лучший в Генуе.

Богадельня в Генуе превосходит все, что вы можете представить о великолепных богадельнях. Это величественный дворец, простирающийся более чем на 560 футов в каждую сторону и включающий в себя четыре равных двора, каждый площадью около 170 квадратных футов. Внутренние здания, разделяющие дворы, образуют крест, в середине которого находится часовня или, по крайней мере, алтарь; различные классы заключенных занимают оружие во время государственной службы: здесь есть Пьета Микеланджело, в которой поза и полузакрытые глаза Богородицы, кажется, указывают на то, что она вот-вот упадет в обморок на мертвом теле своего сына, но губы тверды. Эта богадельня рассчитана на 2200 человек и включает в себя производство кружев, льняных тканей и других предметов. Большая больница также является большим и великолепным зданием.

Я выехал из Генуи 9 июня на дилижансе в три часа утра и преодолел долгий подъем по Боккетте во время сильного шторма. Мы переночевали в Алессандрии. На следующее утро нас вызвали в час дня, и мы отправились в путь в два. Верховья Танаро и По, а также многочисленные реки, впадающие в них в начале своего течения, по-видимому, пересекают одну обширную озерную равнину, имеющую два выхода: один - узкое ущелье среди песчаных холмов, по которому протекает Танаро; другой, более широкий и менее отчетливо обозначенный, ниже Турина. Я позавтракал в Асти в восемь, но остальные ждали до одиннадцати, а потом поужинали на Вилле Нуова. От этого места до Монкальери ближний пейзаж плоский и неинтересный, с едва ли достаточной высотой, чтобы показать огромный барьер далеких Альп, более чем наполовину окружающий нас, который с возвышенностей на других участках дороги мы видели покрытым вечными снегами. Мысль о том, чтобы миновать их, казалась экстравагантной, и я не мог не задуматься о тщетности попыток сдержать врага какими-либо искусственными валами, когда подобный барьер никогда не защищал Италию. Я поселился в Турине, в пансионе Suisse, где мне было во всех отношениях очень удобно.

В Турине я почти убедил себя, что Италия уже покинута. Язык, казалось, был утрачен в Генуе, и те, кто там говорил со мной по-тоscanски, или те, кто говорит на нем здесь, делают это с явным усилием и в какой-то степени как иностранный; я думаю, они действительно менее знакомы с

ним, чем с французским. Погода пасмурная, сырая и довольно холодная, и небо кажется еще менее итальянским, чем сам язык.

Теперь, когда я увидел лучшие произведения архитектуры, то, с чем я встречусь в оставшейся части моего путешествия, будет представлять сравнительно мало интереса. Видение новых вещей больше не является новинкой, и если объект не очень бросается в глаза, он вряд ли производит какое-либо впечатление. Турин на расстоянии ничем не выделяется; он построен совершенно на равнине; купола и башни не многочисленны и не возвышенны, а при взгляде на город с соседних холмов тускло-красные черепичные крыши имеют неприятный вид. Внутри архитектура одинаково плоха и отличается только степенью. Дома построены из кирпича, предназначенного для оштукатуривания, а не оштукатурены. Такова мода этого места, и все же это прекрасный и даже великолепный город. Дома большие, детали выполнены в крупном масштабе, окна и двери всегда украшены орнаментом, а дома увенчаны карнизом. Равномерно прямые улицы не так неприятны, как можно было бы себе представить. Сами дома не все одинаковы, хотя иногда встречаются ряды значительной протяженности. Изулиц некоторые выходят на площадь, некоторые заканчиваются на другой улице, с некоторых открывается вид на равнину, некоторые из более отдаленных холмов и некоторые из заснеженных Альп, так что вряд ли найдутся две совершенно одинаковые по характеру.

Туринский кафедральный собор был построен кардиналом Доменико ди Ровере в 1491 году. Говорят, что он приказал своему архитектору построить красивое здание и не пожалел средств; но художник, испытывая некоторую неприязнь к своему работодателю, выполнил последнее указание, но не первое. Кто-то может поверить в его предательство по отношению к своему работодателю, но вряд ли это относится к нему самому: в то же время каждый признает, что он не построил красивое здание. Над алтарем арочный проем открывает вид на часовню Санта-Сударио, *то есть* на льняную ткань, которая покрывала тело нашего Спасителя, когда оно было снято с креста. Мы слышим длинную историю о том, каким образом эта реликвия попала в Турин, наиболее очевидной частью которой является то, что она была получена нечестным путем.

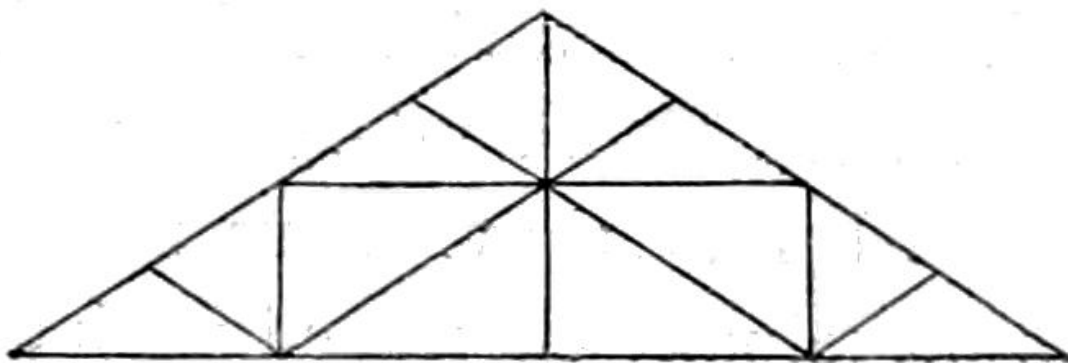
Часовня находится на более высоком уровне, чем церковь. Она круглая и построена из черного или, скорее, темно-серого мрамора. Купол образован из дугообразных ребер по периметру круга, от вершин которых последовательно отходят другие подобные ребра, образуя, таким образом, своего рода купол. Он некрасив, но Гуарини, его архитектор, более распушен, чем Борромини, без того чувства, которое иногда сквозит в экстравагантности последнего. Другой знаменитый пьемонтский архитектор, Ивара или Юварра, принадлежит к тому же типу. Ни один из них не был уроженцем Пьемонта, но, похоже, в основном они работали в этой стране.

Церковь Сан-Филиппо, пожалуй, самая красивая в Турине, но она не очень красива. Архитекторы этого города любили делить неф на большие части и заново делить каждую из них на центр и две стороны с помощью арки, опирающейся на две колонны, и небольших проемов между ними и опорами. Эффект совсем не хорош, да и не возможно, чтобы он был таким; все, что разделяет части на отдельные композиции, ослабляет эффект целого, разрушая его единство. Сан-Лоренцо интересен своим фантастическим куполом, образованным ребрами, каждое из которых представляет собой хорду в три восьмых окружности; мы легко прослеживаем в этом архитектора часовни Сударио. Церкви Санта-Мария-делла-Консолата, Корпус-Домини и Сан-Мартино богаты мрамором, многие из которых красивы, хотя и не равны

римским. Архитектура плоха во всем. Создается впечатление, что французы плохо скопировали ранний итальянский, а пьемонтцы снова очень плохо скопировали французский, со значительным добавлением экстравагантности и аффектации в каждой части процесса.

Арсенал - это здание, обладающее солидностью, соответствующей его назначению, но детали, особенно нижней части, очень плохие. Вход расположен под углом, что имеет некоторые преимущества как с точки зрения удобства, так и живописного эффекта. Дворец нельзя назвать красивым зданием, да и в остальном он не особенно хорош. Он велик, но не обладает тем великолепием, которое ожидается в королевском особняке. Внутри комнаты слишком сильно украшены позолотой и зеркалами, но главные апартаменты богаты и великолепны, если не сказать красивы; и в этом есть определенное достоинство, поскольку у нас есть множество свидетельств того, что дорогостоящие материалы могут быть использованы таким образом, чтобы придать им бедный и убогий вид. Коллекция картин очень прекрасна, и среди них великое множество превосходных произведений фламандской школы.

Главный театр, который соединен с дворцом, имеет ширину 83 фута. В крыше архитектор попытался объединить в одной системе бревен как ферменную конструкцию типа "король-стойка", так и ферму типа "королева-стойка".

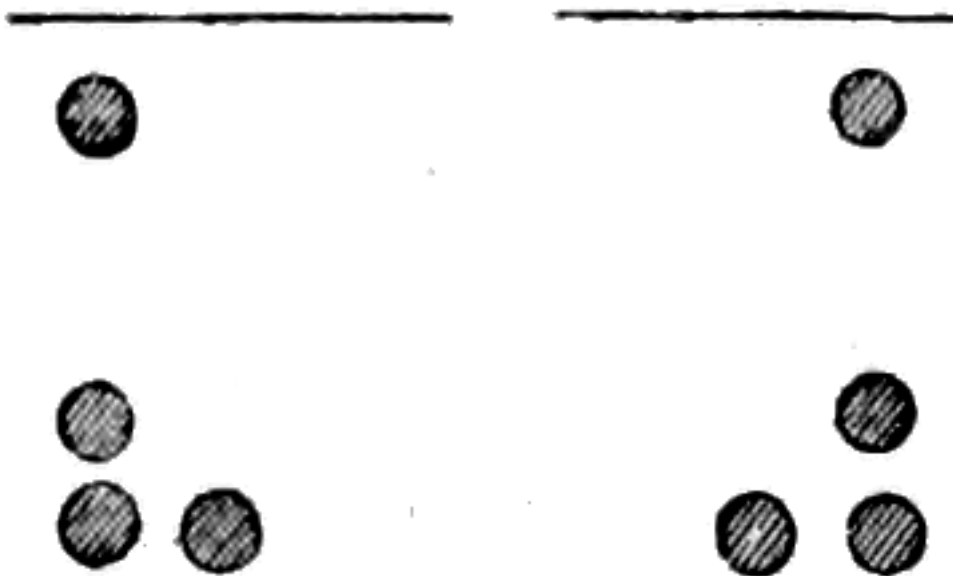
Стиль оформления не очень хорош, но в этом театре почти никогда не бывает представлений. Широко используется Кариньяно.

Частные дворцы Турина покажутся незнакомцу, только что пересекшему Альпы, великолепными, но тот, кто много бывал в Италии, наверняка встречался со слишком многими из них в столь же грандиозных масштабах и с более чистым вкусом, чтобы уделять им много внимания. Дом принца Кариньяно просторен, но архитектор Гуарини был совершенно неспособен оценить ценность простоты. Среди зданий меньшего размера я заметил две архитектурные особенности, которые мне особенно понравились: в одном из них вход расположен под углом к зданию, а перспектива по диагонали создает приятный и необычный эффект. Второй представляет собой просторный холл, а за ним - великолепную лестницу, поднимающуюся справа и слева. Кучер въезжает в холл и проходит между нижними пролетами лестницы, где он может высадить свою подопечную с любой стороны, а затем продолжить движение по верхнему объединенному пролету во двор. Жители Турина говорят, что в городе есть только два дворца, владельцы которых подвергаются воздействию непогоды, садясь в свои экипажи и выходя из них, и они были построены французскими архитекторами. Климат делает

такое обеспечение полезным, но опыт Парижа и Лондона показывает, что без него можно обойтись. Забота, с которой мужчины предохраняются от неприятных событий, несоизмерима с их частотой. Один француз, выражая мне свое удовлетворение открытыми концертами в Неаполе, добавил, что они были бы совершенно неподходящими для такого влажного климата, как в Париже. Лондонцы, похоже, придерживаются другого мнения. Ботанический сад в Турине - это ботанический сад королевского дворца, ныне по большей части разрушенный.

Суперинтендант Пиоттаз очень ревностно относится к его благоустройству, но нехватка средств и другие обстоятельства помешали ему, и в настоящее время мы не можем много говорить о нем с похвалой. Я нашел там молодую женщину, которая рисовала растения, содержащиеся в нем; и поскольку в течение длительного периода ежегодно выполнялось пятьдесят таких рисунков (всегда членами одной семьи), коллекция получилась большой, но, как и следовало ожидать от такого расположения, они едва ли поднимаются выше респектабельной посредственности.

В двух разных случаях я гулял по холмам к юго-востоку от Турина. Вторая экскурсия состоялась 15-го числа, когда профессор Балбис любезно сопровождал меня на Супергу. Как вы знаете, тамошняя церковь построена на том месте, откуда принц Евгений и герцог Савойский в 1706 году обзревали позиции французской армии, осаждавшей тогда Турин. Тамошний принц разработал свои планы по принуждению врага снять осаду, и строительство здания было начато в 1715 году. Внешне он круглый, с портиком из восьми колонн, который архитектор не смог найти лучшего способа расположить, чем следующий.

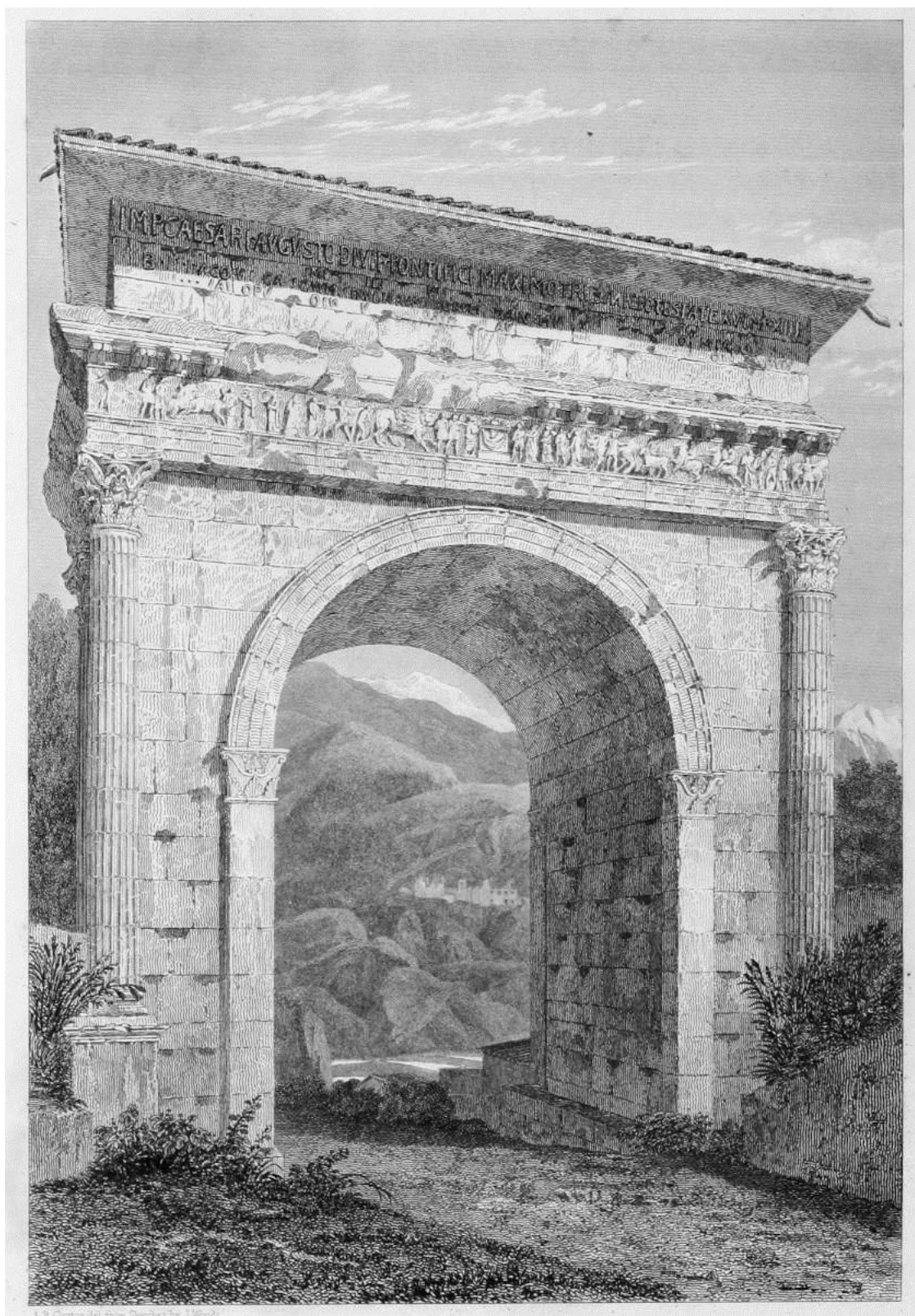

Они очень пузатые, а поскольку состоят из мелких кусочков, то в целом эффект оставляет желать лучшего. Внутренне композиция основана на конструкции из восьми колонн большего размера, расположенных по кругу (но на неравных расстояниях) и поддерживающих круглый антаблемент; но заполненных в восьмиугольном направлении прямыми стенами, пронизанными арками. Такое расположение создает неприятный эффект двух зданий, расположенных одно внутри другого, без какой-либо гармонии частей или характера. Часовня под ними образует место захоронения принцев Савойских. Последний умерший занимает место впереди и отступает в нишу позади, когда его преемник приходит, чтобы занять его место.

Обстановка этой церкви и монастыря, поскольку без последнего они были бы несовершенными, необычайно прекрасна. Они занимают самую высокую вершину гряды холмов, полностью отделенных от Альп рекой По и прилегающей к ней долиной, что дает глазу полную свободу блуждать по этим огромным массивам. К несчастью для меня, во время моего визита они были окутаны густыми облаками. Передо мной расстилались долина По и многочисленные гряды более низких холмов, но воздух нигде не был прозрачным, и, следовательно, вид открывался не самый благоприятный, но у нас была восхитительная прогулка и хорошие ботанические успехи.

18 июня я ехал под проливным дождем из Турина в Сузы, город, окруженный с трех сторон заснеженными горами. Я провел некоторое время у Арки, которая представляет собой прекрасное, но простое здание из белого мрамора. Верхняя часть разрушена, но сохранилось достаточно чердака, чтобы можно было увидеть надпись. На верхнем поле, в одну строку, расположены следующие буквы, которые остаются очень совершенными: Imp. Caesari Augusto divi f. pontifici maximo tribunic. potestat XX Imp. xiii.

Второе блюдо, по-видимому, содержало три строки надписи, но верхняя часть настолько почти разрушена, что наводит на мысль, что строку над ней, должно быть, восстановили; наиболее открытая часть вряд ли могла остаться идеальной, в то время как та, что ниже, так сильно пострадала. Многие буквы третьей строки (средняя строка второго ряда камней) различимы, но я не смог разобрать слов, сообщенных Миллином. Общие пропорции не лишены приятности, но довольно странно, что колонны установлены на пьедестале, который значительно возвышает их над пилястрами арки; это уменьшает их размер и кажущуюся важность. Детали антаблемента выполнены в дурном вкусе, а фриз украшен грубо выполненным барельефом с изображением людей и чудовищ.

А.Б. Клейтон, дел. по эскизам Дж. Вудса.

Арка Августа в Сузах.

Лондон. Опубликовано J & A Arch. Корнхилл, 1 марта 1828 года.

19-го я подошел к Мадонне дель Коа, которую сеньор Бальбис порекомендовал мне посетить для изучения ботаники, и был очень доволен в этом отношении; порода представляет собой разлагающийся сланцевый сланец, разновидность почвы, которая почти всегда очень продуктивна.

Я покинул Сузы 20-го числа и пешком поднялся на гору Сенис. Сцены грандиозны, но не отличаются большим разнообразием, и по мере подъема мы мало что выигрываем, кроме перспективы более продолжительной траты снега. Однако у меня была очень приятная прогулка, и всю дорогу меня забавляли как пейзажи, так и растения. Дорога, почти в самой высокой своей части, проходит по сравнительной равнине длиной около шести миль с озером посередине. Ближе к итальянской оконечности этой равнины есть маленькая деревушка, которая имеет лучшее название, чем Миррем, недалеко от Лаутербруннена, и считается самой высокой в Европе. На этой равнине есть три выхода: один в сторону Ланслебура, один в сторону Бриансона и один в сторону Сузы; но вся вода вытекает из последнего.

Однажды я задержался на горе Сенис, чтобы заняться ботаникой, поднявшись к снегу сначала с одной стороны долины, а затем с другой. Я считал себя очень успешным, но я пришел слишком рано для некоторых величайших редкостей, так как более ровные участки более высоких возвышенностей все еще были покрыты снегом. Остатки прошлогоднего снега лежали даже ниже уровня гостиницы. С вершины вы не увидите равнин Италии, и вам даже придется спуститься на значительное расстояние, прежде чем вы сможете увидеть холмы вокруг Турина в длинной перспективе долины Сузы. Самая высокая часть перевала над горой Сенис находится на высоте 2057 футов над Ланслебуром; 6 887 футов над уровнем моря. Рош-Мелен, который, по словам Миллина, является самой высокой точкой в округе, находится на высоте 11 240 футов над уровнем моря. 22-го я возобновил свою прогулку по длинному спуску в Ланслебург. Леса изобиловали растениями, которые привели бы в восторг английского ботаника. Нисколько не чувствуя усталости, я продолжил свой путь пешком до Верни; но эта часть прогулки малоинтересна, и это побудило меня раздобыть там что-то вроде повозки с подвесным сиденьем, в которой я и поехал в Модану. Река здесь протекает очень глубоко среди скал, и небольшой ручей, впадающий в нее, образует один за другим два великолепных каскада. Было бы лучше проехать верхом из Ланслебура в Верней, а оттуда дойти пешком до Моданы. В последнем месте я переночевал и, отправившись снова в путь в четыре часа следующего утра, направился пешком к Сен-Мишелю, который расположен на красивой маленькой круглой равнине, окруженной удивительно грубыми и скалистыми горами. Особенно поразительным объектом является голая скала, которая, кажется, закрывает долину, отрог чрезвычайно скалистой горы под названием Ла Бонн. В окрестностях начинают появляться виноградники, поскольку местность выше слишком холодная для них. Ланслебур находится на высоте 4830 футов над уровнем моря; Сен-Мишель, возможно, 1600. Из Сен-Мишеля я сел в карету до Ла-Шамбре; оттуда я пошел пешком до Ла-Шапель, намереваясь раздобыть лошадь или экипаж, чтобы доехать до Эгбеля, но, разочаровавшись, а гостиница имела очень запущенный вид, я продолжил путь пешком. В Эгбеле я нашел веттурино, который накануне вечером предложил мне место в Модане, и согласился сопровождать его на следующий день в Шамбери. Дневное путешествие проходило в основном по приятным долинам, хорошо затененным и возделанным, орошаемым стремительным Аре, ответвлением Изере, и часто ограниченным в очень узких пределах крутыми и высокими горами. По направлению к Эгбелю река образует обширные болота. Покинув Эгбелль, мы попадаем в долину Изер. По направлению к Шамбери местность становится более открытой, и дорога лежит среди покрытых гравием холмов, возделанных

кукурузой и затененных ореховыми деревьями; в то время как известняковые горы, по виду напоминающие Гиггсвикские шрамы, но более высокие и отвесные, ограничивают долину на небольшом расстоянии.

В Шамбери есть собор поздней готики: стиль богатый, но поскольку здание незакончено, оно не производит особого впечатления. Вероятно, это вторая половина пятнадцатого века. Сент-Шапель, возможно, немного раньше, и ворота тюрем предшествовали обеим. Это все, что я смог увидеть из остроконечной архитектуры, да и всего этого мало. Я прогулялся до Шарметта, который когда-то был резиденцией Ж.-Ж. Руссо. Часть моей прогулки проходила по каменистым холмам, населенным пауками со вкусом, поскольку остатки крыльев свидетельствовали о том, что они питались почти исключительно *Папилио Аполло*. Найдя *voiture* на стартовой площадке, я забронировал в нем место для Женеви. Мы выехали из Шамбери примерно без четверти пять и проехали по приятной местности с усыпанными гравием холмами, затененными дубами и чесночными деревьями, а вдалеке окаймленными известняковыми обрывами. Я ночевал в Эксе, чьи древности вскоре были отправлены; дорическая триумфальная арка в очень несовершенном состоянии - вот и вся *архитектура*, но есть значительные остатки древних бань, которые интересны, и были бы еще интереснее, если бы все было убрано.

В три часа следующего утра мы продолжили наше путешествие по такой же стране до Франжи, но отсюда и до Женеви пейзаж был менее приятным.

КОНЕЦ.

Дж. Мак'Крири, Тукс Корт,
Чансери-лейн, Лондон.

СПИСОК НОМЕРНЫХ ЗНАКОВ.

ТОМ I.

Работа со святилищем в Шартре	к лицевой стороне, стр. 53, набросок.
Столица в Дижоне,	121, схема.
Церковь в Айнае,	131, гравюра.

Арка на Оранжевом	фронтисписе.
Театр в Оранже,	147, офорт.
Памятник в Сен-Реми,	159, гравюра.
Шпиль Сан-Годардо в Милане	211, схема.
Окно собора Святого Марка в Венеции	259, схема.
Храм Юпитера Тонанского в Риме	331 год, гравюра.
Модель собора Святого Петра	363, наброски.

Том II.

Вид Палатина на Римском	фронтисписе.
Понте Саларио,	31, гравюра.
Храм Редикулуса	47, гравюра.
Гробница Теодориха в Равенне	131, гравюра.
Марафонская равнина	291, гравюра.
San Niccolò della Kalsa	341, outline.
Храмы в Селине	351, гравюра.

По ошибке художника здесь были представлены две турецкие фигуры, и гравер пренебрег желанием автора опустить их.

Дверной проем в Монреале,	354, схема.
---------------------------	-------------

Цифры на заглавных буквах не были нанесены на месте, автор просто

сделал памятку об их общем расположении. Поэтому они были скопированы с других зданий, чтобы не оставлять неприятных пробелов на чертеже.

Циклопическая стена в Чефалу

356, схема.

Церковь Сан-Микеле в Лукке

411, план.

Арка Августа в Сузах

427 г., гравюра.

Сноски

1. С тех пор Guido был продан.
2. Посмотрите "Записки Хобхауса к Чайльд Гарольду".
3. С тех пор был создан еще один, и благодаря усердию и уму синьора Эрнесто Маури, нынешнего профессора, он, несомненно, станет более ценным; но, боюсь, средств недостаточно, чтобы воздать ему должное.
4. Вернувшись в Рим в 1818 году, я обнаружил, что Помароли почистил и отреставрировал его. Операция была выполнена превосходно и выявила многие обстоятельства, которые были утрачены в его прежнем состоянии. Эти вещи становятся абсолютно необходимыми в старых картинах, и все же, если предположить, что от мастера ничего не потеряно, что вряд ли возможно, наша уверенность в том, что то, что мы видим, является его произведением, тем не менее неизбежно уменьшается.
5. Я не знаю, где я это раздобыл. В энциклопедии доктора Риса "Искусство. Говорят, что отвод из трубы диаметром 1 дюйм на глубине 4 фута составляет 8 135 кубических футов в минуту, что дает 76 кубических футов в секунду при длине трубы в $\frac{3}{4}$ дюйма.
6. Недавние раскопки показывают, что у этих ворот были ступени, и поэтому они не могли быть предназначены для проезда торжествующих колесничих.
7. С тех пор они были приобретены и помещены в Ватикан.
8. Нибби опубликовал в 1819 году работу о окрестностях Рима, включая Тиволи, Альбано и другие места: она может быть полезна в качестве руководства, но тема заслуживает чего-то лучшего.
9. Нибби в своей книге *"Антикварный дом в Риме"* соглашается с открытием Чаупи, но полон решимости найти здесь также *Фон Бандузи*.
10. Тем не менее сэр У. Гелл с тех пор наблюдал канал, который, по его мнению, мог быть древним водотоком, я полагаю, примерно на этой высоте.
11. 15-64 метра.

12. 3·18 метров.

13. 182·50 метров.

14. 72·40 метров.

15. 254·90 метров.

16. Я посетил его позже; по форме он напоминает латинский крест, каждое плечо трансепта представляет собой квадрат, с крестовидным сводом и антаблементом поперек арки, опирающимся на выпуклые полуколонны. Неф состоит из двух таких квадратов; хоры полукруглые. Эффект неплохой и недостаточно хороший, чтобы ему подражали.

17. Сорок одна ладонь.

18. Сорок девять ладоней.

19. С тех пор выяснилось, что в нем освободилось место для иезуитов.

20. Шатовье утверждает, что это связано с большим вниманием, уделяемым сельскому хозяйству, и, как следствие, с проживанием большей части жителей в стране. Но тот же автор подтверждает то, что, должно быть, подсказывали наблюдения каждого путешественника по Италии: итальянцы сейчас ничего не создают даже для сельского хозяйства; их максимальных усилий едва ли достаточно для поддержания важных объектов, созданных республиканской Италией.

21. Это слово используется среди французских художников, но вряд ли оно узаконено в языке, и я не знаю, откуда оно взялось, но это полезный термин. Оно применяется к архитектурным украшениям 17 века, принятым, как это часто бывало, без вкуса и смысла.

22. В 1827 году я обнаружил, что каркас этого здания завершен. Это большое куполообразное здание с двумя крыльями, образованное двумя колоннадами, каждая из которых имеет четверть круга. Мне не очень нравятся ни массы, ни детали. Ситуация плохая; это должно было быть *на* холме, а не *под* ним; и, предлагая второй объект в Ларго дель Палаццо, это разрушает единство сцены.

23. Она была передана в музей в 1826 году.

24. Дорога вверх по Мергеллине была проложена при правительстве Мюрата; спуск с другой стороны, я полагаю, не был завершен до 1824 года и снова разрушен из-за падения части холма в ноябре 1825 года.

25. С тех пор все это было перевезено в Неаполь.

26. Мой друг мистер Т. Л. Дональдсон сообщил мне, что он заметил какие-то остатки синего цвета на нижней стороне шариков; это ускользнуло от моего внимания.

27. Я уверен, что это так, но упоминаю об этом только по памяти, поскольку у меня нет никаких заметок по этому поводу.

28. Я отметил восемнадцать для центрального и четырнадцать для второстепенных отверстий, но мой аккуратный друг, мистер Т. Л. Дональдсон, уверяет меня, что их всего пятнадцать и одиннадцать, и это согласуется с рисунками Риветта.
29. Уилкинс называет это тонкой плитой, но ее толщина составляет десять дюймов и три четверти.
30. Уилкинс действительно советует нам смотреть с юга, но это, должно быть, от невнимательности. Он не может иметь в виду, что, глядя очень косо через арку, вы можете вообще не видеть Акрополя; такое утверждение не помогло бы его аргументации.
31. Я не знаю, почему минералоги присвоили это название сульфату извести; декоративный мрамор, обычно называемый так, представляет собой карбонат извести, и я полагаю, что это всегда сталагмит.
32. Возможно, Меспилус.
33. Каким бы ни было имя древнего героя, современного лидера, безусловно, зовут Отиссиф.
34. Возможно, после того, что произошло с тех пор, читатель не будет придерживаться такого мнения.
35. Возможно, я ошибаюсь в этом: доктор Кларк, похоже, считал это новым видом.
36. Неотредактированные древности Аттики.
37. Английская четвертинка, 8 бушелей, 17 200 кубических дюймов. Мальтийская сальма, 16 930 кубических дюймов.
38. Я подозреваю ошибку в этом названии: возможно, это Ольястро с большой карты Сицилии, примерно в шестнадцати милях от Палермо.
39. Я и не предполагал, что по возвращении обнаружу подобную моду, распространенную в Англии.
40. За этот факт я в долгу перед моим другом мистером Т. Л. Дональдсоном.
41. К этому письму было добавлено кое-что из наблюдений, сделанных в 1826 году.
42. См. Письмо XLIII.
43. Эти наблюдения были включены в предыдущие письма из Рима.

Примечание переписчика

В этой книге используется непоследовательная орфография и расстановка переносов, которые были сохранены в версии для электронной книги. Аналогичные знаки, тире и пробелы, используемые для обозначения повторяющегося текста, были заменены текстом, который они представляют. В текст внесены некоторые исправления, включая нормализацию пунктуации. Орфография в оглавлении приведена в соответствие с основным текстом. Номера страниц в указателе и оглавлении были исправлены там, где были обнаружены ошибки. Дальнейшие исправления отмечены ниже:

стр. 11: по сравнению со многими другими в at Rome -> по сравнению со многими другими в Rome

стр. 38: Эта группа руин -> Эта группа руин

стр. 45: форма усеченного конуса -> форма усеченного конуса

стр. 50: при перевозке материалов -> при перевозке материалов

стр. 59: и и некоторых спиц -> и некоторых спиц

стр. 152: Затем он переходит к -> Затем он переходит к

стр. 273: За этой грядой холмов -> За этой грядой холмов

стр. 402: При таких обстоятельствах -> При таких обстоятельствах

стр. 420: принимает обычно приписываемый вид -> принимает обычно приписываемый вид